

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Серия основана В. Т. ПАШУТО

Издается с 1977 г.

Редколлегия:

Академик РАН В. Л. ЯНИН (ответственный редактор),
Е. А. МЕЛЬНИКОВА (заместитель ответственного редактора),
Г. В. ГЛАЗЫРИНА (ответственный секретарь),
Т. Н. ДЖАКСОН, И. Г. КОНОВАЛОВА,
А. В. НАЗАРЕНКО, А. В. ПОДОСИНОВ,
член-корреспондент РАН Я. Н. ЩАПОВ

С. М. ПЕРЕВАЛОВ

ТАКТИЧЕСКИЕ
ТРАКТАТЫ
ФЛАВИЯ АРРИАНА

ТАКТИЧЕСКОЕ
ИСКУССТВО
ДИСПОЗИЦИЯ
ПРОТИВ АЛАНОВ

Текст
Перевод
Комментарий

МОСКВА
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
2010

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(10-01-16109)

П27 Первалов С.М.

Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 388 с. (Сер. Древнейшие источники по истории Восточной Европы)

ISBN 5-88451-287-0

Военные трактаты греко-римского государственного деятеля и выдающегося историка Флавия Арриана (II в.) суммируют его личный опыт контактов с народами Кавказа; это свидетельства очевидца об общественном строе и боевом искусстве народов Причерноморья. Наряду с оригинальными текстами и их источниковедческой характеристикой, а также комментированным переводом трактатов, книга содержит исследование римской политики на Кавказе в период кападокийского легатства Арриана.

ББК63.3(0)32

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю издание продолжает античную серию свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» (до 1992 г. – «Древнейшие источники по истории народов СССР»). Ранее выходили книги, посвящённые «Истории» Геродота, латинским эпиграфическим надписям Херсонеса Таврического, произведениям Публия Овидия Назона, римской картографической традиции¹. Очередной выпуск свода, который читатель держит в руках, представляет нового автора – Флавия Арриана (ок. 86 – после 161 г. н.э.), и новый жанр античной литературы – греческие военные трактаты по тактике. В книгу включены два произведения Арриана: «Тактическое искусство» и «Диспозиция против аланов». Обе работы издаются целиком во избежание потери той части информации о народах Восточной Европы, которая присутствует в неявной форме, или вытекает из контекста.

«**Тактическое искусство**» (дата 136/137 г.), в соответствии с замыслом самого Арриана, делится на две, разнящиеся содержанием, части: одна – собственно «Тактика» (Таст. 1–32.2), другая – т.н. «Кавалерийский трактат» (Таст. 32.3–44.3). Здесь необходимо пояснение. В исторической литературе сокращённым обозначением «Тактика» принято называть три упоминаемых в настоящей книге однотипных, близких по форме и содержанию произведения греческой военной теории: «Тактическое искусство» (Такτική τέχνη) Асклепиодота, «Тактическая теория» (Такτική θεωρία) Элиана², и «Тактическое искусство» (Такτική τέχνη) Арриана. Однако, употребляя название «Тактика» для всего трактата Арриана, мы допускаем неточность, ввиду наличия в нем, помимо греческой, римской части – «Кавалерийского трактата» (Arg. Таст. 32.3–44.3). Специалистам знакомы эти нюансы, но стороннему читателю подчас бывает трудно разобраться, о какой из частей трактата идёт речь, скажем, при сравнении Арриановой «Так-

тики» с тем же Элианом. Во избежание путаницы в настоящем издании делается попытка – возможно, несколько рискованная, – упорядочить номенклатуру названий: «Тактическое искусство» последовательно используется для всего произведения Арриана, «Тактика» – для первой его части (Таст. 1–32.2), «Кавалерийский трактат» – для второй (Таст. 32.3–44.3). Каждая из этих двух частей, в принципе, может рассматриваться как самостоятельное произведение со своим собственным содержанием. В издательской практике подобное отношение выразилось в отдельных публикациях «Тактики» без «Кавалерийского трактата» у Г. Кёхли–В. Рюстова (1855)³, и «Кавалерийского трактата» у Ф. Кихле (1965)⁴. Всё же с формальной точки зрения (общее название, отсутствие текстораздела в рукописях) «Тактическое искусство» является единым произведением, и это единство соблюдено в настоящем издании.

Первая часть «Тактического искусства» Арриана, или «Тактика» (Таст. 1–32.2), охватывает довольно широкий круг вопросов античного военного дела в целом, в русле и рамках тех традиций, которые формировались в греческой литературе на протяжении ряда веков и получили свое завершение ко времени римских императоров Траяна (98–117 гг.) и Адриана (117–138 гг.). Основной блок содержащейся в ней информации описывает греко-македонскую военную систему, особенно подробно – эллинистическую фалангу, ставшую к моменту написания трактата Арриана историческим воспоминанием. Предполагаемым источником и образцом для Арриана, как и других военных писателей (тактиков) римского времени могла быть утерянная «Тактика» Полибия (201–120 гг. до н.э.)⁵, что, конечно же, не исключает их знакомства с другими авторами позднеклассической и эллинистической эпохи⁶. Основной материал, позволяющий путём сравнения с предшественниками выявлять черты «традиции и оригинальности» у Арриана, составляют два уцелевших тактических трактата, принадлежащих ученику Посидония Родосского Асклепидоту (I в. до н.э.), и современнику императора Траяна Элиану (нач. II в. н.э.). В обоих разрабатывалась идеальная модель армии, с редкими вкраплениями деталей, характеризующих национальные и региональные особенности. Арриан, восприняв основные идеи своих предшественников в том, что касается характеристики родов войск, структуры фаланги, её маневров, боевых и походных порядков пехоты и конницы, военных команд, и т.д., усилил конкретно-историческую направленность трактата, иллюстрируя стандартную и абстрактную схему примерами использования реальных тактических приёмов, применявшихся не только греками, но и другими народами, в том числе восточноевропейскими и кавказскими: скифами, сарматами, аланами.

При всём том, негреческий военный опыт занимает у Арриана, что естественно для человека его культуры и его биографии, периферийное

положение. Его трактат эллиоцентричен, однако это эллиоцентризм римского образца, т.е. имперский, приспособленный если не к интеграции, то к адаптации (часто – ассимиляции) чужих народов и культур. «Тактика» Арриана – при всех ограничениях, обусловленных историческими условиями, при всех недостатках, или, так скажем, особенностях, присущих жанру античного «учебного пособия» (manual), при преимущественно дедуктивном, в чем-то абстрактном характере мышления её автора, сына своей эпохи, – излагает концепцию военного дела не какой-то одной страны или региона, а античного мира в целом, прежде всего, эллинизированной его части. Это обстоятельство следует учитывать, когда заходит речь об использовании произведений Арриана в качестве источника для изучения древней истории юга России и сопредельных стран «ближнего зарубежья», т.е. истории «варварских» народов Восточной Европы и Кавказа, греческих городов-государств Северного Причерноморья, Боспорского и Понтийского царств. Многократно проанализированная модель идеальной фаланги из «Тактики» Арриана (как и «Тактик» его предшественников) издавна служит действенным инструментом при реконструкции военного дела классической Греции, устройства армий эллинистических государств, тактики македонцев в битвах при Киноскефалах (197 г. до н.э.), Пидне (168 г. до н.э.), и др. А вот в качестве источника по истории стран Восточной Европы тактический трактат Арриана малоизвестен и малоизучен. Отчасти это объясняется отсутствием полного русского перевода и вводящими в заблуждение устаревшими комментариями немногих фрагментов, опубликованных в *Scythica et Caucasica* В.В. Латышева (Т. I. Вып. 1. СПб., 1890). Предстоит серьёзная работа по введению в научный оборот содержащихся в трактате данных, до сих пор остающихся вне поля зрения историков. Каковы будут результаты, зависит от направленности исследований. Мне представляется, что среди вопросов, на которые может бросить дополнительный свет «Тактика» Арриана, наиболее актуальны следующие: соотношение эллинского и «варварского» в античной картине мира; место тактической литературы в формировании мировоззрения греко-римской военной и политической элиты; особенности менталитета людей античной эпохи, определяющие способ принятия военно-политических решений (проблема decision-making); принципы организации армий в причерноморских полисах и государствах; стратегия и тактика Митридатова полководца Диофанта в его скифских войнах⁷, и др.

Вторая, меньшая по объёму, часть «Тактического искусства» (Таст. 32.3–44.3), известная в литературе под названием «Кавалерийский трактат» (Rittertraktat), представляет живое описание современных Арриану военно-спортивных упражнений римской конницы. Специальный интерес к этому источнику для историка древней Восточной Европы опре-

деляется ролью римлян в этом регионе, их активной внешней политикой, значительным и долговременным военным присутствием в прибрежных областях Черноморского бассейна. В «Кавалерийском трактате» также содержатся сведения о некоторых тактических приёмах и обычаях «автохтонных», если можно так выразиться, народов Восточной Европы: скифов, сарматов, «киммерийцев». Аналогичный материал приводится для европейских кельтов, испанских иберов, для армян и парфян.

Второй трактат Арриана, «Диспозиция против аланов» (Ἐκταξις κατὰ Ἀλανῶν), излагает план кампании самого Арриана против аланов, атаковавших в 136 г. н.э. кавказские владения Римской империи. В «Диспозиции» подробно расписаны походный и боевой порядки римской армии, даются инструкции по отражению атак противника в зависимости от того, как складывается ситуация. В отличие от других военных трактатов античного времени, «Диспозиция» содержит конкретные сведения о возможных действиях в бою противников римлян – аланов. Приводится уникальная информация о римской армии в Каппадокии – провинции, наместник которой (Арриан) осуществлял контроль за приграничными с империей землями от Каспийского до Черного и Азовского морей. Поимённый перечень частей регулярной римской армии, союзных римлянам племен и народов, их точные боевые характеристики, позволяют реконструировать военно-политическую ситуацию в регионе с редкой для столь отдалённого времени полнотой и детализацией.

Настоящая книга открывается Введением, в котором рассматривается биография и творчество Арриана, и даётся характеристика «Тактического искусства» и «Диспозиции» как литературных памятников и исторических источников. Далее воспроизведён греческий текст с полным научным аппаратом по последнему критическому изданию Арриана А. Рооса – Г. Вирта в Тойбнеровской серии⁸. Расположение трактатов: вначале «Тактическое искусство», затем «Диспозиция», определено последовательностью в наиболее древней (X век) рукописи Laurentianus graecus 55.4 из Медичейской (Лоренцианской) библиотеки во Флоренции. Следом за оригинальными текстами обоих трактатов помещён их русский перевод, сопровождаемый историко-филологическим комментарием. В приложениях помещена статья «Римская стратегия на Кавказе в каппадокийское легатство Флавия Арриана». Закljučают книгу указатели – именной, этногеографический и предметный, тактико-терминологический, список источников и литературы.

Я благодарен за помощь и поддержку, дельные замечания и компетентную критику сотрудникам Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН. Моя особая

признательность – руководителю Центра Е.А. Мельниковой, одобрившей начало работы над темой, и А.В. Подосинову, взявшему на себя труд первого чтения настоящей рукописи. Основная работа по сбору материала велась в Москве, и я сожалею, что не могу упомянуть всех, кто в той или иной мере ей содействовал. Более всего я обязан своим старым друзьям со студенческих лет: постоянному партнеру и оппоненту в дискуссиях на исторические темы, М.Г. Николаеву (до недавнего времени – сотруднику ГИМа), и однокашнику по кафедре истории древнего мира МГУ, П.М. Алексееву (сотруднику института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая). Их дружеская помощь распространялась на всё, имевшее отношение к этой книге, и не только. На определённом этапе мне оказывали разнообразную помощь мои коллеги по работе из Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания при Северо-Осетинском госуниверситете им. К.Л. Хетагурова (ИИА) – Р.С. Бзаров и Т.К. Салбиев, и из Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (СОИГСИ) – Ф.Х. Гутнов. Петербургский историк А.К. Нефёдкин помогал доставать нужную литературу и охотно делился результатами своих исследований в области древнего военного дела. Я также благодарю своих зарубежных коллег, присылавших необходимые для работы книги и ксерокопии: профессоров Я. Лебединского (Институт восточных языков в Париже, Франция), Э. Уилера (Дьюкский университет, Дарем, США), Х. Хайнена (Трирский университет, Германия). И, наконец – last not the least – я бесконечно признателен моей жене Езе за её повседневную заботу, терпение, выдержку, и надежду на окончание несколько подзатянувшейся работы.

Работа над тактическими трактатами Арриана проводилась параллельно с исследованием (и в рамках) научных тем, финансировавшихся Российским гуманитарным научным фондом по проектам: № 01–01–41001 а/Ю – «Аланы в греко- и латиноязычных источниках» (2001–2003 гг.), № 04–01–37002а/Ю – «Кавказ в орбите римской цивилизации (I в. до н.э. – IV в. н.э.)» (2004–2005 гг.), № 07–01–00474а – «Кавказский лимес римской державы» (2007 г.).

¹ Доватур, Каллистов, Шишова 1982; Соломоник 1983; Подосинов 1985; 2002. О всей серии зарубежных источников, насчитывавшей к 2010 году 24 тома, см.: Мельникова 2010.

² О разночтениях в названии работы Элиана: Самохина 2007а. С. 315. Прим. 51.

³ Köchly, Rüstow 1855. S. 240–470.

⁴ Kiechle 1965. S. 87–129.

⁵ Devine 1995.

⁶ См.: Самохина 2007а.

- ⁷ Как следует из Херсонесского декрета (IosPE I². 352), Диофант применил в битве с Палаком «разумную диспозицию», что предполагает его знакомство с военной теорией. Кампания против таврических скифов готовилась Митридатом Евпатором, как можно судить, со всей тщательностью, включая стратегическую разведку, оценку театра военных действий, сил противника, выбор тактики и т.д. (Сапрыкин 1996. С. 134). В этой связи стоит упомянуть, что одним из советников двух Митридатов Понтийских – V Евергета и VI Евпатора – был военный специалист Дорилай Тактик (Strabo 10.4.10. P. 477–478; 12.3.33. P. 557; Levéque 1985. P. 275). А. Дэн не исключает того, что Дорилай получил своё прозвище благодаря известности в качестве военного писателя, автора сочинений по тактике (Dain 1967. P. 322).
- ⁸ Roos, Wirth. Т. II. 1968. P. 128–176 («Тактическое искусство»), P. 177–185 («Диспозиция»).

ВВЕДЕНИЕ

а) Флавий Арриан: жизнь и творчество

Флавий Арриан – известный римский государственный деятель и греческий писатель эпохи «первого эллинского возрождения» (II в.н.э.). Интерес к его творчеству, можно сказать, не угасал никогда, но с особой интенсивностью проявился в последние три-четыре десятилетия, после выхода в свет нового полного собрания сочинений Арриана, подготовленного Г. Виртом¹, на основе предшествующего издания А. Рооса². С тех пор мировое арриановедение пережило подлинный бум, направленность которого можно проиллюстрировать следующими высказываниями. В 1970 году Э. Бови с сожалением отмечал, что «удовлетворительного исследования об Арриане нет [...] лучшей работой остается статья Э. Шварца в Pauly-Wissowa, II (1896) сс. 1230 ff. Arrianius (9)»³. В 1988 г. Э. Босворт уже писал: «поток книг и статей в последние годы смёл классическую трактовку Э. Шварца в Pauly-Wissowa»⁴. Тенденция роста числа работ, посвященных Арриану и его творчеству, сохранялась и в дальнейшем⁵. В отечественной (советской и российской) науке достижения мировой историографии учитывались далеко не в полной мере⁶, что, в частности, сказалось на обычном у нас восприятии Арриана только или преимущественно как автора «Анабасиса Александра» (с «Индией»). Между тем в трудах зарубежных специалистов обоснован и получил развитие тезис о том, что творческая индивидуальность Арриана лучше всего прослеживается в его малых произведениях, таких как «Кинегетик», «Перипл», «Тактическое искусство», «Диспозиция»⁷. Изучение этой части литературного наследия Арриана становится сейчас актуальным и для российского антиковедения⁸.

Арриан остался в памяти поколений прежде всего как писатель, а писатели в античности не часто удостаивались биографий. Арриан едва не стал одним из тех немногих, чья жизнь была запечатлена для потом-

ства. Из словаря «Суда» (Suda. s.v. Δίων ὁ Κάσσιος) мы узнаём, что Кассий Дион (ок. 160–235 гг.), автор известной «Римской истории» в 80 томах, бывший, как и Арриан, уроженцем провинции Вифиния, составил жизнеописание (βίος) «Арриана-философа»⁹. Однако до нас оно не дошло, и современный историк при реконструкции жизни и творчества Арриана должен, помимо единичных упоминаний о нем у отдельных античных авторов, опираться прежде всего на произведения самого Арриана, и на скудные сведения, поставляемые эпиграфическими памятниками. Стимулирующую роль в оживлении studia Arrianea сыграли три греческие надписи, выявленные и опубликованные почти одновременно, на рубеже 1960–70-х гг. – из Афин¹⁰, Коринфа¹¹ и испанской Кордубы (Кордовы)¹². Их изучение пролило новый свет на служебную и литературную карьеру Арриана, что позволило внести ряд изменений в ту схему, которая утвердилась после фундаментальной статьи Э. Шварца в RE¹³.

Имя и происхождение

Арриан был родом из Никомедии (Phot. Bibl. cod. 93 = Arr. Bith. fr. 1 Roos), главного города малоазиатской Вифинии, расположенного на берегу Мраморного моря. Город, основанный Никомедом I Вифинским в 274 г. до н.э. как греческий полис, в римскую эпоху продолжал оставаться крупным административным и культурным центром со смешанным эллинизированным населением. Арриан – выходец из среды вифинской интеллектуальной элиты. О его родителях мы не знаем ничего конкретного. С определённой долей уверенности можно говорить лишь о том, что они принадлежали к местной аристократии. Забегая вперед, нужно сказать, что родительские корни во многом определили писательскую судьбу Арриана. По языку, культуре, литературным пристрастиям и мироощущению он был типичный грек. При этом он обладал и римским гражданством, причем с рождения. В личности самого Арриана греческое и римское сочетались вполне гармонично: переплетение того и другого начал было настолько тесным, что заводило в тупик современных биографов, занятых поисками его предков. При этом практически все гипотезы родословной Арриана основываются на анализе его имени.

До находки афинской надписи 1970 г. личное имя (praenomen) и полная номенклатура имени Арриана были неизвестны. Литературная традиция и известные на тот момент надписи донесли до нас только родовое (nomen) и семейное (cognomen) имя: Флавий Арриан, Flavius Arrianus. Родовое имя Флавий побуждало многих исследователей прини-

мать объяснение, согласно которому отец Арриана (но не сам Арриан из-за молодости) получил имя от одного из императоров династии Флавиев: Веспасиана (69–79 гг.)¹⁴, либо его сыновей Тита (71–81 гг.) или Домициана (81–96 гг.), вместе с римским гражданством¹⁵. На этом основывалась попытка «вычислить» полное имя историка, предпринятая У. Рэмси¹⁶. Исходным пунктом его рассуждений было предположение, что Арриан унаследовал помен Флавий через своего отца, получившего это имя от первого императора династии Флавиев – Веспасиана в 69 г., а cognomen Арриан – от консула-суффекта того же года Аррия Антонина. Поскольку отличительным личным именем рода Флавиев было имя Тит¹⁷, полное имя отца писателя восстанавливалось У. Рэмси как Тит Флавий Аррий, а сына – в соответствии с практикой наследования имени того времени¹⁸ – как Тит Флавий Арриан. Мнение Рэмси не получило особого распространения, поскольку не был доказан сам исходный тезис – происхождение имени Флавий непременно от императора, а Арриан – от консула 69 г.¹⁹

Более устойчивой оказалась другая версия, которую еще до У. Рэмси, также в порядке предположения, но с опорой на реальный эпиграфический источник, выдвинул Г. Дессау²⁰. В его распоряжении был текст дельфийской надписи на двух – латинском и греческом – языках, где перечислялись участники посольства по урегулированию пограничного спора между Дельфами и Амброссом во главе с бывшим консулом-суффектом 110 г. Авидием Нигрином, что дает приблизительную датировку надписи: 110-е годы, в правление Траяна. Найдя в списке поставленные рядом имена К. Эппия и Флавия Арриана (Q. Erpius Fl. Arrianus в латинской, лучше сохранившейся версии документа), Дессау посчитал их за одно полное сложное имя Квинт Эппий Флавий Арриан, предположительно – известного историка. Это мнение было поддержано и другими исследователями²¹. Но опубликованное в 1970 г. Андрэ Плассаром исследование²² безусловно показало, что перед нами – имена двух разных людей: Квинта Эппия и Флавия Арриана (на фрагменте 4961 имя К. Эппия написано отдельно), и с тех пор встречающиеся иногда упоминания об этом сложном имени²³ являются анахронизмом.

Вышеприведенные версии ныне имеют лишь историографическое значение, поскольку в 1970 г. была опубликована найденная в Афинах надпись, высеченная на постаменте древней статуи, с ранее неизвестным граепомен²⁴ (в сокращении) Арриана, который в первой публикации²⁴ читался как Α(ῖλος), Авл. Вскоре Дж. Оливер предложил читать первую букву как Λ (L), а имя, соответственно, Λ(ούκιος), Луций²⁵, – чтение, принятое ныне большинством исследователей²⁶. Вся восстанавливаемая часть надписи имеет вид: Λ.Φλ. Ἄρριανὸ[ν] ὑπατικὸν φιλόσοφο[ν], «Л(уция) Фл(авия) Арриана, консуляра [и] философа».

Поскольку имя Луций Флавий опровергает версию о получении римского гражданства от императоров Флавиев²⁷, биографы Арриана принялись искать корни его фамилии по отцовской линии в периоде, предшествовавшем их правлению. Филип Стадтер²⁸, ранее придерживавшийся концепции происхождения имени Арриана от лиц императорской династии, и изменивший мнение после находки упомянутой афинской надписи, стал писать о том, что римское гражданство предки Арриана получили «до второй половины первого века»²⁹. Наиболее вероятной кандидатурой сейчас считается Луций Флавий, консул-суффект 33 г. до н.э., действовавший вместе с триумвиром Марком Антонием на Востоке (Dio 49.44.3)³⁰, но не исключаются и другие гипотезы.

Помимо личного и родового имени нам известен *agnomen* писателя – *Argianus*, который, как предполагается, указывает на его родственную связь по женской линии – по свойству, женитьбе или усыновлению – с представителями римского рода Арриев (*gens Arria*). Здесь, также в виде предположения, высказывалось мнение об отдаленном родстве Арриана с известной в стоических кругах Аррией Старшей, женой Кекины Пета³¹, которая подала пример самоубийства мужу после провала заговора против Клавдия (42 г. н.э.), обессмертив себя фразой, адресованной мужу вместе с протянутым окровавленным кинжалом: *Non dolet, Paete* – «Пет, не больно» (Plin. Min. Epist. 3.16.6; ср.: Mart. Epig. 1.13, и др.).

Таким образом, в современной историографии установился взгляд на полное имя писателя как Луций Флавий Арриан. Особое мнение имеет Ф. Стадтер. На том основании, что сам Арриан в «Диспозиции против аланов» (Arg. Ekt. 10; 22) дважды вывел себя под греческим именем Ксенофонт, Стадтер посчитал, что полное его имя с рождения было (Луций) Флавий Арриан Ксенофонт, но будучи римским офицером и администратором, он чаще назывался своим римским именем³². Взаимосвязь имен двух знаменитых писателей древности очевидна, споры ведутся относительно ее причины. Поскольку имясочетание «Арриан Ксенофонт» в надписях не встречается, а контекст литературных источников акцентирует внимание на вторичности имени Ксенофонт («новый, второй»), большинство специалистов считают, что Ксенофонт было почетным прозвищем, полученным Аррианом за его литературные труды³³.

Еще один вопрос, связанный с удревнением римского гражданства и чисто римским именем Арриана: а был ли Арриан вообще греком? Е. Бови считал семью Арриана, человека, сделавшего сенаторскую карьеру, скорее италийского, чем малоазийского происхождения³⁴. Сенаторское сословие в эпоху принципата, действительно, нередко пополнялось за счет осевших на Востоке италийцев³⁵, но в Никомедии следы их пребывания немногочисленны³⁶. Арриан, как можно судить, был ти-

пичным homo novus, первым из четырех вифинцев, достигшим консульского звания во II веке, первым греком, управлявшим в качестве проконсула западной провинцией (Бетика), и вторым из греков – наместником императорской провинции Каппадокия³⁷. С учетом этого, возможно, следует предпочесть мнение тех, кто видит в нем представителя местной, греческой или эллинистической, аристократии³⁸. Но если вопрос о том, был ли Арриан романизированным эллином, или эллинизированным римлянином, можно считать до некоторой степени спорным (да и не слишком актуальным), то совершенно очевидно, что всем своим творчеством он принадлежал греческой культуре, традицию которой он хорошо знал, и развивал в меру своего понимания и таланта.

Жизнь и карьера

Точкой отсчета для установления этапов биографии Арриана являются сроки его консульства. Консулат Арриана засвидетельствован Фотием (Bibl. cod. 58.4 = Roos T. 2) и подтвержден фрагментами двух надписей на строительных кирпичях из Остии, где Арриан упоминается как консул-суффект вместе с коллегой по имени Север³⁹. Надписи точно не датированы, другие кирпичи из того же здания относятся ко времени 125–130 гг. Методом исключения год консульства может быть отнесен к 129 или 130 г.⁴⁰: в 131 г. Арриан уже был в Каппадокии её наместником, спустя какое-то время он сообщает в своём «Перипле» (Агг. Рег. 17.3)⁴¹ о том, что, будучи с инспекцией в колхидском Себастополисе (Диоскуриада), узнал о смерти боспорского царя Котиса (ум. в 131 или 132 г.)⁴²; списки консулов за 127 и 128 г. полны; более ранняя дата сомнительна из общих соображений⁴³.

Ещё в республиканское время был определен минимальный возраст кандидатов на высшие государственные должности в их временной последовательности (cursus honorum). По закону Корнелия Суллы от 81 г. до н.э. консулом мог быть гражданин, достигший 42–43 лет⁴⁴ (исключения случались). Такой же порядок сохранялся при принципате, хотя выдерживался менее строго. Представители старых сенаторских родов, лица, пользующиеся покровительством императора, его родственники могли достичь этой, формально высшей в государстве, должности, раньше: например, будущий император Адриан получил должность консула-суффекта в 32 года (108 г. н.э.). Поскольку, с точки зрения римского правящего класса, Арриан был представителем недостаточно родовой семьи, тем, кого называли homo novus⁴⁵, да еще греком, а для таких людей обычным было получение консулата suo anno, в возрасте сорока двух лет и более⁴⁶. В таком случае дата его рождения может быть определена около

86 г. или несколько позже⁴⁷. То, что нам известно о последующей жизни Арриана, в общем, вполне согласуется с этой датой.

Вифинский, наиболее ранний, период жизни Арриана во многом определил мировоззрение и тематику работ будущего историка. Одной из них была «История Вифинии» в 8-ми книгах «с мифических времен», в которой он отдал дань местному патриотизму. Фотий писал по этому поводу (Phot. Bibl. cod. 93 = Roos Te. 3 = Bith. F 1): «Ведь он (Арриан – С.П.) сам был родом из Никомедии, как и указывал в этой работе, здесь он родился, вырос и получил образование, а также занимал должность жреца Деметры и ее дочери, которым, по его словам, и был посвящен город». Жреческая должность⁴⁸ (неизвестно, в каком возрасте)⁴⁹ дает основание предполагать, что Арриан был выходцем из знатной (по вифинским меркам) и богатой фамилии, и, вероятнее всего, – с глубокими местными корнями.

О том же свидетельствует его воспитание. По словам самого Арриана, он с малых лет вел жизнь, присущую аристократической молодежи, увлекался охотой, военным делом (*στρατηγίαν*), философией (*σοφίαν*) (Агг. Сунег. 1.4). Тогдашняя система образования состояла из нескольких ступеней: обычно за обучением начальной грамоте у грамматиста следовали курсы литературы у учителя-грамматика и философии у какого-нибудь известного ратора (софиста)⁵⁰. Когда подошел срок, Арриан выбрал обучение у знаменитого стоика Эпиктета, пребывавшего тогда в Никополе (Эпир) после изгнания философов из Рима в правление Домициана (92–93 гг.)⁵¹ Исходя из обычной практики, свидетельствующей, что обучение в риторской школе начиналось примерно в 18 лет, можно предположить, что Арриан прибыл к Эпиктету около 105 г. (плюс–минус один–два года) и пробыл в ученичестве у него два или три года⁵². Философия Эпиктета отклонялась от стандартной стоической доктрины: в ней почти не было места логике и физике, учению о всемирном огне, а основное внимание уделялось этике, целью которой было направить человека к новой жизни через достижение внутренней свободы, преодоление страха перед внешними силами путем отказа от тщетных надежд⁵³. Особая манера преподавания Эпиктета в форме диатрибы (свободной беседы) напоминала практику Сократа: видимо, уже в тот период Арриан примерял на себя образ Ксенофонта, а Эпиктета представлял новым Сократом⁵⁴. Арриан, подобно Ксенофону, записал лекции своего учителя (Phot. Bibl. cod. 58.5), изданные много позже, как явствует из вводного письма к Геллию – после смерти Эпиктета. Общую направленность полученного Аррианом образования можно определить как эллиоцентричную, что соответствовало духу времени. Известно, что, несмотря на двуязычие (греко-латинское) римской культуры первых двух веков н.э., греки восточной части Римской

империи «никогда – за редким исключением – не изучали никакой другой культуры, кроме греческой, с одной стороны, потому, что считали свою культуру намного выше римской, с другой, – потому что не видели никакой необходимости изучать латынь»⁵⁵.

Завершение образования совпало для Арриана с началом его писательской деятельности. Занятия с Эпиктетом послужили импульсом для составления философских, по-видимому, – наиболее ранних (по дате записи, не публикации) – произведений Арриана. Сохранились четыре (из восьми или двенадцати) книги «Диатриб», или «Бесед» (Διατριβαί – Discourses, своеобразный жанр философских проповедей в разговорной форме) Эпиктета, роль Арриана для которых дебатировалась. Об авторстве Арриана «Бесед Эпиктета» сообщает Симпликий⁵⁶. Сам Арриан в письме к своему другу Луцию Геллию, предваряющему «Беседы» Эпиктета, писал, что они представляют собой необработанный конспект лекций учителя, не предназначенный для публикации: «я не знаю, каким образом они, в таком виде, помимо моей воли и без моего ведома, вышли в свет» (Epist. Gell. 4. Пер. Г.А. Тарояна). Современные исследователи, впрочем, не склонны принимать на веру это утверждение писателя, полагая, что здесь использован особый риторический приём: Арриан намеревался использовать безыскусный стиль беседы, чтобы передать особенности преподавания своего учителя. Но литературная обработка Эпиктетовых изречений всё-таки заметна. Если и не соглашаться с мнением Т. Вирт о том, что истинным автором «Диатриб» (Бесед), отвечающим за их содержание, был не Эпиктет, а сам Арриан, всё же невозможно отрицать редакторскую руку последнего⁵⁷. Концепция и форма подачи «Бесед», в чём-то имитирующих сократовские диалоги, напоминает «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта Афинского – автора, которому сознательно подражал Арриан. И само издание «Бесед» Эпиктета говорит о профессиональном и заинтересованном подходе Арриана к теме⁵⁸. Ещё одна философская работа Арриана – «Руководство» или «Пособие» (Ἐγχειρίδιον) – представляет краткое изложение основ философии Эпиктета согласно трехчленному её делению, определенному в «Беседах» (Diss. 3.2.1): 1) о стремлениях (ὀρμή) и избеганиях (ἀφορμή), 2) о влечениях (ὄρεξις) и невлечениях (ἐκκλισις), 3) о незаблуждаемости и неопрометчивости, иначе – о «согласиях» (συγκατάθεσις). Кроме того, Стобей (Ecl. 1.50) приводит текст т.н. «Афоризмов Эпиктета», хотя вряд ли они представляли собой оригинальное произведение: скорее в них были воспроизведены отрывки из утраченных книг «Бесед»⁵⁹. Суммируя то, что нам известно, можно предположить, что самостоятельность, проявленная Аррианом в отношении наследия Эпиктета, в немалой степени способствовала формированию его репутации «философа».

Совпадение с биографией Ксенофонта имело продолжение и на последующих этапах жизненного пути Арриана. Как и «Ксенофонт Старший», Арриан («младший Ксенофонт»), набравшись мудрости у знаменитого учителя, ступил на путь военной и административной карьеры. В Риме двери государственной службы открывались только для представителей двух высших сословий, первым из которых было сословие сенаторов, второе – всадников. В зрелом возрасте мы застаем Арриана уже сенатором: к числу сенаторских относились должности проконсула, консула, императорского легата, которые он занимал в 120–130-е гг. Однако ранние этапы его службы не освещены источниками, и в литературе обсуждаются оба возможных варианта – всаднической либо сенаторской – начальной карьеры⁶⁰. Переход из всаднического сословия в сенаторское, сопровождавшийся получением права носить тогу с широкой пурпурной полосой (*latus clavus*), мог состояться при занятии кандидатом квесторской должности (норма, окончательно закреплённая Суллой). Зачисление в сенат (*adlectus in amplissimum ordinem*) в эпоху империи проводилось волей императора с предоставлением новому сенатору ранга в соответствии с бывшей должностью (квестора, эдила и т.д.): *adlectio inter quaestorios, inter aedilicos etc.* Разница между начинающими свою карьеру всадниками и сенаторами состояла в исходной позиции. «Путь почестей» (*cursus honorum*) молодого человека из сенаторской семьи был короче благодаря возможности уже в начале карьеры (в 16–17 лет) получить гражданскую должность вигинтивира (члена «двадцатки»), либо кратковременную (обычно до полугода) должность трибуна-латиклава в легионе⁶¹, открывавшую доступ к квестуре (при нормальном течении карьеры – к 25 годам). Всадники начинали военную службу в средних офицерских должностях, проходя т.н. «тройную военную службу», *tria militia*, включавшую должности префекта когорты вспомогательных сил (*auxilia*), трибуна-ангустиклава легиона и префекта кавалерийской алы⁶², каждая из которых занимала в среднем по два–три года. В случае продолжения всаднической карьеры их могли ждать должности прокураторов, префекта претория и др. Для наиболее одаренных и успешных всадников логичным был переход в сенаторы⁶³. Ко времени начала сенаторской карьеры у кандидатов из числа всадников обычно накапливался солидный военный опыт, который и учитывался при дальнейшем продвижении по службе. Именно эта прослойка всадников вместе с немногими специализировавшимися на исполнении сложных военно-административных задач сенаторами и составляла *viri militares*, военное сословие *par exellance*⁶⁴.

Карьера Арриана на поздних этапах дает основания полагать, что Арриан, через какие бы ступени он не проходил, относился именно к этой – специализировавшейся на службе в «горячих точках» – группе

лиц, отличной от сенаторской администрации внутренних («мирных») провинций в правление Траяна (98–117) и Адриана (117–138)⁶⁵. По совокупности данных всадническая карьера Арриана выглядит более вероятной⁶⁶. Материал для выводов такого рода предоставляют результаты просопографических исследований, основанные на эпиграфических памятниках.

Первым зафиксированным в источниках проявлением общественной активности Арриана считается его участие в посольстве по рассмотрению пограничного спора между Амброссом и Дельфами в провинции Ахайя, о чем говорит уже упоминавшаяся двуязычная (на латинском и греческом) дельфийская надпись⁶⁷. Посольство возглавлял известный римский политический деятель, консул 110 г. Гай Авидий Нигрин, датировка события колеблется в пределах нескольких лет вокруг 115 г.⁶⁸ Обстоятельства, вовлекшие Арриана в посольские дела, от нас скрыты, однако ясно, что его статус, как одного из членов посольства был ниже сенаторского. Помимо исполнения гражданских обязанностей Арриан в те же 110-е годы должен был служить в армии на средних командных должностях, но где и когда, точно неизвестно. А. Девин высказывает предположение о том, что Арриан (родившийся между 85 и 90 г.) мог служить в римской армии в качестве префекта когорты или трибуна-ангустиклава VII Клавдиева легиона еще в «Дакийских войнах Траяна», т.е. в 101–102 и 105–106 гг.⁶⁹ Одно из мест в «Индии» Арриана, предполагающие автопсию района рек Энн/Инн и Сава в верховьях Дуная (Agr. Ind. 4.15–16), иногда трактуют в том смысле, что он служил в провинции Норик и Реция в качестве префекта когорты либо алы, или трибуна легиона⁷⁰. Ф. Стадтер более осторожно говорит о служебной поездке (tour of duty), возможно даже – в сенаторской должности, по некоторым местам в верховьях Дуная⁷¹. Та же информация о знании Аррианом рек Энн и Сава иногда служит основанием для предположения о его службе в качестве легионного легата (legatus legionis), т.е. в уже в ранге сенатора, в одной из дунайских провинций в правление Адриана (после 117 г., может быть, в начале 120-х гг.)⁷²

Как бы то ни было, свои главные дела на службе государству Арриан совершил не на северных, а на восточных границах. Точных данных о том, когда он впервые получил назначение на Восток, у нас нет. Существует устойчивая историографическая традиция в пользу участия Арриана в парфянском походе Траяна (114–117 гг.)⁷³ Ф. Стадтер полагает, что Траян лично выбрал Арриана за его военные способности, знание грекоязычного Востока и, может быть, за пристрастие к охоте – любимому занятию самого императора. Будучи ещё молодым, на третьем десятке лет жизни, человеком, Арриан мог занимать в армии Траяна во время восточного похода пост *tribunus militum*⁷⁴. Против се-

наторской должности Арриана высказывался Р. Сайм⁷⁵, не отрицая, однако, самой возможности его участия в походе на всаднических должностях. Э. Босворт, признавая отсутствие надежных сведений, считает возможным предполагать службу Арриана не в действующей армии, а в Сирии, под началом будущего императора Адриана⁷⁶. Вопрос считается спорным, наиболее задействованы два аргумента: один – касающийся автопсии автора при написании «Парфики», другой – о пребывании Арриана в районе Каспийских ворот «при Траяне».

Первое доказательство за участие Арриана в парфянском походе выводится из следующего обстоятельства. Одна из работ писателя, дошедшая до нас во фрагментах, носит название *Παρδικά* («Парфянские дела»). Естественно полагать, что она была написана под влиянием личных впечатлений автора. Издатель Арриана А. Роос, проделавший большую работу по упорядочению сохранившихся фрагментов «Парфики»⁷⁷, пришел к выводу о том, что основная часть 17-ти книг «Парфики» – книги с 8-ю по 17-ю – повествует о походе Траяна с позиций очевидца событий; вывод этот был поддержан и другими учёными⁷⁸. С возражениями выступил Э. Босворт, который обратил внимание на явную диспропорцию гипотетичной структуры «Парфики»: из 17-ти книг первые семь излагают историю парфян с середины III в. до н.э. (происхождение народа и правление первых царей) до начала II в. н.э., т.е. охватывают события четырёх веков, последние десять книг – события четырёх лет. Такое кажется ему «невероятным», а потому он предполагает более равномерное распределение материала, при котором походу Траяна отводилось бы более скромное место⁷⁹. Отсюда Босворт заключает о неправомерности увязки создания «Парфики» с непременно личным участием автора в восточном походе императора-завоевателя. Аргументация обеих сторон основана на ряде необязательных, хотя и неизбежных в данном случае допущений; для вынесения приемлемого решения недостает конкретного материала.

Второе свидетельство – сообщение византийского автора VI в. Иоанна Лида о пребывании Арриана в районе т.н. «Каспийских ворот» (ныне Дарьяльский проход в центральном Кавказе)⁸⁰ во времена «Траяна». После рассмотрения вопроса о стратегическом значении прохода Лид пишет: «Таково описание Каспийских ворот в сочинениях римских писателей, которое особенно тщательно изложил в “Аланской истории”, но особенно в восьмой книге “Парфянских историй”, Арриан, самолично побывавший в этих местах, когда управлял этой территорией (*οἷα τῆς χώρας αὐτῆς ἠγροάμενος*) при добром Траяне. Таких вот правителей (*ἀρχοντας*) имел этот [император]: людей, которые стяжали великую славу государству как словами, так и делами» (Ioan. Lyd. De mag. 3.53.1)⁸¹.

Ряд исследователей буквально воспринимают текст Лида и датируют деятельность Арриана в районе Каспийских ворот временем Траяна⁸². Другие относят её к концу правления преемника Траяна Адриана (117–138), а именно, к 136 году, когда Арриан, будучи наместником провинции Каппадокия, отразил опасное вторжения аланов на подведомственную ему территорию⁸³. Вторая точка зрения выглядит предпочтительнее. Само имя императора может быть результатом «творчества» переписчика, сократившего номенклатуру полного имени Адриана – Элий Траян Адриан – до «Траяна»⁸⁴. Экспедиция Арриана к Дарьялу во время Парфянского похода не очень понятна: проход, далеко отстоящий от основного театра войны, контролировался союзными Риму иберами (иберийский царевич Амазасп участвовал в походе Траяна и погиб в нем: IGRR. I.192), и не требовал особого внимания. Напротив, при Адриане иберийский царь Фарасман пропустил через Дарьял аланов (Dio Cass. 69.15.1) и Арриану пришлось вести против них военные действия, сопровождавшиеся походом к тем же «Каспийским воротам» (Them. Or. 34.8). Не случайно описание Каспийских ворот фигурирует не только в «Парфике», но и в «Аланской истории», посвященной войне с аланами. Наконец, серьезным возражением против отнесения обсуждаемого фрагмента к кампании 114–115 гг. выступает тот факт, что служба в качестве офицера всаднического ранга (*militia equestris*)⁸⁵, будь то трибун легиона, или префект отряда вспомогательных войск – *auxilia* (от пятисот до тысячи человек), не давала скольконибудь значительной власти наподобие той, которую предполагает контекст сообщения Лида, использующего выражения «управляющий (ἡγήσάμενος) этой территорией» и «правитель» (ἄρχων)⁸⁶.

Таким образом, вопрос об участии Арриана в парфянской экспедиции Траяна, ввиду нехватки точных данных, остается открытым. И всё же преобладающим в историографии является мнение о том, что такое участие весьма вероятно⁸⁷.

Дальнейшие известные нам ступени *cursus honorum* Арриана приходятся уже на время правления Адриана (117–138 гг.), сыгравшего крупную роль в судьбе будущего писателя. Успешная карьера в Риме обычно предполагала наличие высоких покровителей. Вероятно, они были и у Арриана, но все попытки «вычислить» конкретных лиц остаются на уровне гипотез⁸⁸. По распространённому мнению, человеком, который, начиная с этапа сенаторской карьеры, всячески способствовал дальнейшему возвышению Арриана, был сам новый император. Эллинофил Адриан, за глаза называемый *graeculus* – «гречишка» (NA. Nadr. 1.5), мог познакомиться с Аррианом в Никополе у Эпиктета⁸⁹, во время пребывания в Афинах (112 г.)⁹⁰, восточного похода Траяна⁹¹, или во время возвращения в Рим через Малую Азию (117/118 г.), с возмож-

ным заходом в родной город Арриана Никомедию⁹². Двух людей разного положения могли сблизить и даже сдружить общий интерес к философии (известно, что Адриан особенно почитал Эпиктета, учителя Арриана: НА. Надг. 16.10), пристрастие к охоте и военному делу⁹³. В таком случае новый император мог выдвинуть своего друга на пост квестора или даже претора⁹⁴, дающие право на сенаторское звание⁹⁵. Судя по достаточно свободной форме обращения к Адриану в «Перипле» (Агг. Пер. 1.1–4; 2.4, и др.), написанном ок. 132 г.⁹⁶, Арриана связывало с императором нечто большее, чем просто официальные отношения: не без основания предполагается, что рассказ об острове Ахилла на севере Понта и дружбе Ахилла с Патроклом (Агг. Пер. 21–23) вставлен в «Перипл» как напоминание об отношениях Адриана с его недавно, в 130 г., утнувшим молодым другом Антиномом⁹⁷.

Как бы то ни было, в 120-е гг. Арриан был уже сенатором и занимал соответствующие этому званию посты. Возможность новых биографических поисков появилась после публикации найденной в испанской Кордубе (Кордова) греческой метрической эпиграммы в четыре строки, высеченной на постаменте алтаря. Надпись посвящена Артемиде и подписана «проконсулом (вероятно, Бетики, куда входила Кордуба. – С.П.) Аррианом», Ἀρριανὸς ἀντιπάτου⁹⁸. Текст поврежден, отдельные слова восстанавливаются по-разному, но общий смысл ясен: его составитель предлагает богине дар более ценный, чем золото или серебро – свой поэтический дар («дар Муз»). Исследователи склоняются к тому, что эпиграмма принадлежит нашему Арриану⁹⁹, хотя некоторые сомнения остаются: имя Арриана было достаточно распространенным, и его носили несколько лиц сенаторского ранга, известные по надписям¹⁰⁰. Время проконсульства Арриана в провинции Бетика (невоенный пост) может быть отнесено к середине 20-х гг. II в.¹⁰¹, до этого он должен был получить претуру. Вполне возможно, что с этим проконсульством как-то связано знакомство Арриана с особенностями охоты в недалеко отстоящей Африке (Агг. Суп. 24.3), которую он мог посетить, скажем, находясь в составе свиты Адриана во время посещения тем Африки в 128 г.¹⁰²

Немного спустя, в 129 или 130 г., Арриан устаивается высшего пункта карьеры римлянина – консульства, хотя не ординарного, а «добавочного», *suffectus*, сроком примерно на два месяца, в весенне-летний период¹⁰³. На основании текста недатированной надписи с именем какого-то Арриана¹⁰⁴ выдвигались предположения, что вскоре после консульства и до наместничества в Каппадокии, Арриан мог занимать престижный пост смотрителя общественных работ, *curator operum publicorum*¹⁰⁵.

В 131 году Арриан становится наместником провинции Каппадокия, включавшей тогда Полемонов и Галатийский Понт, Малую Армению

и черноморское побережье до Диоскуриады или Севастополиса (ныне Сухум)¹⁰⁶. Пограничная провинция с двумя легионами (XV Аполлонов в Сатале, и XII Фульмината в Мелитене) имела важное стратегическое значение в качестве северо-восточного форпоста Рима, обращенного к Кавказу и частично (на юге) – к Парфии (через вассальную Римскую Армению). Пребывание Арриана в ранге *legatus Hadriani Augusti pro praetore provinciae Cappadociae*¹⁰⁷ надёжно документировано упоминанием в «перипле Понта Евксинского» факта смерти боспорского царя Котиса II (Arr. Per. 17.3) и тремя надписями: 1) греческой с посвящением Адриану от властей двух малоазийских городов, Севастополиса (Понтийского, не путать с Севастополем в Колхиде) и Гераклеополя, при легате и пропреторе (πρὸς βασιλεὺς καὶ ἀντιστρατήγου) Флавия Арриана, датированной 137 г. (Roos T. 17); 2) латинской строительной с его именем и титулом из другого Севастополиса (Диоскуриады) в Восточном Причерноморье на месте современного Сухума (Roos T. 11)¹⁰⁸; 3) коринфской надписью из четырех фрагментов, где есть посвящение от имени Л. Геллия Менандра и его сына некоему легату Адриану (имя не сохранилось), правителю Каппадокии, названному также «философом»¹⁰⁹. Луций Геллий Менандр, судя по всему, адресат известного письма Арриана к Луцию Геллию, предваряющего сочинения Эпиктета; наместничество Арриана в Каппадокии при Адриане хорошо известно, как и его слава философа¹¹⁰, поэтому вывод о том, что надпись посвящена нашему Флавию Арриану, считается бесспорным. Об успешных действиях правителя Каппадокии Флавия Арриана по отражению нашествия аланов (около 136 г.) сообщает Дион Кассий (69.15.1) и ритор Фемистий (Or. 34.8)¹¹¹, относящиеся к этому событию свидетельство Иоанна Лида (De mag. 3.53.1) рассмотрено выше. Не исключено, что активность Арриана в районе Киммерийского Боспора отражена в утерянной ещё в XIX в. плохой сохранности надписи царя Реметалка от 133 г. (SIG. II. 2108 f = Roos Te 10), в строке 17 которой как будто восстанавливается имя Арриана (Φ[λ. Ἀρρ?]ίανου): против этого выдвигались серьезные возражения¹¹², но вопрос нельзя считать до конца решенным¹¹³. Как уже сказано, фальшивкой признана никомедийская надпись (Roos Te. 17, apparatus criticus) с именем «Арриана Флавия», топарха Каппадокии¹¹⁴. К периоду наместничества в Каппадокии относятся три работы Арриана: «Перипл Понта Эвксинского» в форме письма к Адриану, «Тактическое искусство», и «Диспозиция против аланов». Годы легатства определяются как 130/131–136/137 гг.¹¹⁵, причем свою 7-летнюю службу (срок, вдвое больший против обычного) Арриан закончил при жизни Адриана, умершего в июле 138 г.: надпись с именем преемника Арриана, Л. Бурбулея Оптата Лигариана датирована ещё правлением Адриана (ILS. 1066).

Государственная карьера Арриана после Каппадокии точно неизвестна. В свое время Г. Харрер¹¹⁶ предположил, что интересующийся философией правитель Сирии, о котором писал Лукиан (Pereg. 14), и есть Арриан. Г. Альфельди «с большой долей вероятности» (mit großer Wahrscheinlichkeit) датирует наместничество Арриана в Сирии 138–141 гг.¹¹⁷ Но, словами Босворта, «Арриан был не единственный любитель философии среди наместников»¹¹⁸, так что вопрос о его сирийском наместничестве остается открытым.

В дальнейшем Арриан жил в Афинах, где получил, как сам пишет в «Кинегетике» (Супег. 1.4), афинское гражданство¹¹⁹. В Афинах Арриан избирался архонтом-эпонимом (IG. III 2055 = Roos T. 21), причем дату архонтства, относимого прежде к 147/148 гг.¹²⁰, сейчас сдвигают к 145/146 гг.¹²¹ Год архонтства – последняя достоверная дата жизни Арриана. В надписи конца II в. н.э. некая афинянка Клементина упоминает среди своих предков «двух консулов по имени Арриан» (IG II² 4251–4253 = Roos T. 25), и одним из этих Аррианов вполне может быть наш историк¹²². От 166/167 и 169/170 гг. (IG. III 1773, 1776 = Roos T. 23) сохранились списки пританов филы Пандиониды от дема Пэаниев, в которых встречается имя Флавия Арриана, но вряд ли имеется в виду наш Арриан (может быть, его сын, или даже внук?): пост притана мало подходил для 80-летнего старца и знаменитого философа – его обычно занимали люди цветущего возраста (30–40 лет), в начале или середине, а не в конце карьеры¹²³. Еще один след в афинском периоде Арриана и его семьи – надпись, где среди эфеев упоминается Фл. Ἰϛϛϛῶς (IG II² 2045, стк. 9) – либо сын Арриана¹²⁴, либо (что менее вероятно) сам Арриан в молодости, т.е. конечно, до получения им афинского гражданства¹²⁵. Год смерти Луция Флавия Арриана неизвестен; как свидетельствует Фотий (Bibl. cod. 58.4), он умер в правление Марка Аврелия (161–180 гг.), вероятно – в Афинах¹²⁶.

О внешнем облике писателя стало возможным говорить сравнительно недавно. Портретных изображений Арриана с указанием его имени не сохранилось. Но в 1970 г. было опубликовано исследование Евы Минакарян-Хисген¹²⁷ с анализом двойной гермы из Национального музея в Афинах (Glypta No. 538), одна голова которой принадлежит, безусловно, Ксенофону, другая, с сильно поврежденной левой частью лица, по предположению автора – Исократу. Датировка гермы, по Е. Минакарян-Хисген, – около III века н.э. Пара Ксенофонт–Исократ сомнительна для этого времени, но связь Ксенофонта и Арриана очевидна. Патриарх Фотий (Bibl. cod. 58.4.5 = Roos T. 2) и словарь Суда (s.v. Ἰϛϛϛῶς = Roos T. 2) сохранили свидетельство о том, что Арриан имел прозвище «Новый Ксенофонт», νέος Ξενοφῶν. В рукописи Palatanus gr. 398 трактат Арриана о псовой охоте носит заглавие

Ξενοφώντος Ἀθηναίου τοῦ δευτέρου Κυνηγετικός («Кинегетик второго Ксенофонта Афинского»). В том же «Кинегетике» (Агр. Суп. 1.4) Арриан называет Ксенофонта Афинского («Старшего») своим омонимом, а в «Диспозиции против аланов» дважды (Ект. 10; 22) именуется в 3-м лице Ксенофонтом. Хотя мнение Ф. Стадтера о том, что имя (Луций) Флавий Арриан Ксенофонт было полным именем Арриана с рождения (см. выше), не разделяется другими специалистами¹²⁸, все же сопоставление Ксенофонта и Арриана существовало уже в античности и при жизни последнего¹²⁹. Поэтому Д. Оливер, откликаясь на публикацию Е. Минакарян-Хисген, предложил считать напарника Ксенофонта на герме Флавием Аррианом («новым Ксенофонтом») ¹³⁰. Если это так, то мы получили первое портретное изображение знаменитого историка древности (см. *рис. 1*).

Рис. 1. Флавий Арриан (?). С двойной гермы (Glypta 538) из Национального музея в Афинах. По: Minakaran-Hiesgen 1970. S. 142. Abb. 26.

Сочинения Арриана. Дискуссия о творческом пути

Из всего написанного Аррианом нас прежде всего интересуют его тактические трактаты. А priori можно предполагать, что личность автора – римского офицера греческого происхождения, смолоду пристрастившегося к перу, – наложила на них свой отпечаток, а потому их лучше рассматривать не изолированно, а в контексте всего литературного творчества писателя.

Арриан был плодовитым и разносторонним автором. Одни его произведения дошли до нас полностью или почти полностью, другие известны во фрагментах, третьи – только по названию. Надёжно определено авторство Арриана для следующих сочинений¹³¹: «Беседы Эпиктета» (сохранились четыре книги из восьми или двенадцати), «Руководство Эпиктета», «Перипл Понта Евксинского», «Диспозиция против аланов», «Тактическое искусство», «Кинегетик» (О псовой охоте), «Анабасис Александра» в семи книгах, «Индия», биографии Диона, Тимолеонта, Тиллора (все три утеряны), «Вифиниака» (История Вифинии) в восьми книгах, «Парфика» (История Парфии) в семнадцати, «События после Александра» в десяти (три последние работы сохранились в многочисленных фрагментах), «Аланика» или «Аланская история» (есть упоминания у Иоанна Лида, Фотия и, возможно, у Прокония Кесарийского), «О природе, составе и явлениях комет» (вероятно, то же, что «Метеорология» – *Περὶ μετεωρίων*), трактат о пехотных упражнениях (две последние работы известны только по названию). Ранее Арриану приписывались «Перипл Эритрейского моря», «Трактат о брахманах», «Жизнеописание Эпиктета» и другие произведения.

Из всех работ лишь «Тактическое искусство» (Таст. 44.3) содержит дату написания: 20-й год правления Адриана, т.е. 136/137 г., еще две датируются по упомянутым в них историческим событиям: «Перипл Понта Евксинского» – по известию (Рег. 17.3) о смерти боспорского царя Котиса II (131/132 г.), «Диспозиция против аланов» – по дате аланского набега 136 г.¹³² на Каппадокию (Dio 69.15.1). Все три работы, таким образом, относятся к каппадокийскому периоду жизни Арриана (131–137 гг.). Хронология и последовательность остальных произведений вызывает споры. Наибольшее значение для определения эволюции литературного творчества Арриана имеет датировка крупных исторических произведений: прежде всего «Анабасиса»¹³³, а также «Парфики», «Событий после Александра» и «Вифиниаки»¹³⁴.

Надёжные ориентиры при этом, надо признаться, практически отсутствуют. Кроме мелких деталей в разных произведениях писателя, существуют два-три текста, к которым постоянно обращаются специа-

листы: это пересказ Предисловия Арриана к «Вифиниаке», сохранившийся в «Библиотеке» Фотия (Phot. Bibl. cod. 93.2–3), рассматриваемый обычно в увязке с первым упоминанием о «Парфике» (Phot. Bibl. cod. 58), и т.н. «Второе предисловие» (προοίμιον) в «Анабасисе» (Arg. Anab. 1.12.5). Соответствующее место у Фотия является наиболее информативным внешним свидетельством о последовательности четырех работ писателя: историй Тимолеонта, Диона, «дел Александровых» (τὰ περὶ Ἀλέξανδρον) и самой «Вифиниаки».

«Он (Арриан. – С.П.) вспоминает в этом сочинении («Вифиниаке». – С.П.) и о других работах, одна из которых повествует о том, что сделано Тимолеонтом-коринфянином на Сицилии, а другая – о достославных подвигах Диона-сиракузянина, совершенных, когда он освобождал Сиракузы и всю Сицилию от Дионисия Второго, сына первого [Дионисия], и от варваров, которых Дионисий привел с собой, чтобы обеспечить прочность своей тирании. Очевидно, четвертым было сочинение (тетάρτην γράφω) о своем отечестве, так как это произведение было написано после “дел Александровых” (τὰ περὶ Ἀλέξανδρον), Тимолеонта и Диона, после историй о них. С самого начала, как только он приобрёл умение писать, ему хотелось заняться и написать сочинение на эту тему, но необходимость в предварительной подготовке вызвала затяжку во времени: именно этим он сам объясняет причину своей крайней медлительности» (Phot. Bibl. cod. 93.2–3 = Arg. Bith. 1.2–3 Roos). Главная проблема интерпретации фрагмента (помимо плохой его сохранности) состоит в выяснении того, что же из текста принадлежит Арриану, а что – Фотию.

К этому фрагменту Фотия примыкает другой. «Прочитана “Парфика” Арриана в 17-ти книгах. Это тот, кто составил лучшую из всех [историю] о делах Александра Македонского, а еще другую работу, о Вифинии, откуда он был родом: книга озаглавлена “Вифиниака”. Он же написал [историю] про аланов, которую назвал “Аланика”» (Phot. Bibl. cod. 58 = Arg. Parth. 1 Roos).

Кроме того, имеется свидетельство самого Арриана. Во «Втором предисловии» (προοίμιον) «Анабасиса» (Arg. Anab. 1.12.5) автор представляет себя следующим образом. «[Кроме Александра] никто из других людей не совершил столько и таких великих – как количеством, так и значимостью – подвигов, ни у эллинов, ни у варваров. Вот почему, говорю, я самолично взялся за это сочинение, не считая себя недостойным донести до людей подвиги Александра. Кем бы я ни был, я осознаю это: мне не нужно надписывать ни свое имя, поскольку оно неизвестно людям; ни каково мое отечество; ни мой род; ни то, исполнял ли я какую-нибудь должность на родине (εἰ δὴ τινα ἀρχὴν ἐν τῇ ἐμαυτοῦ [sc. πατρίδι] ἦρξα). Другое я напишу: что мои отечество

(πατρίς), род (γένος), должности (ἀρχαί) суть эти сочинения (οἱ δὲ οἱ λόγοι)¹³⁵ и так повелось еще с юности (ἀπὸ νέου). Вот потому и я не недостоен быть среди первых в эллинской речи, если Александр был из первых в бранях»¹³⁶.

Эти высказывания и являются отправными точками в выяснении этапов творческого пути Арриана. Существенный разнобой в мнениях демонстрирует сложность интерпретации некоторых темных мест как фрагментов Фотия, так и автохарактеристики Арриана.

Согласно точке зрения, отражённой в известной статье Э. Шварца, и господствовавшей до второй половины XX века, начало самостоятельной писательской деятельности Арриана относится к 30-м гг. II в.¹³⁷, времени его кападокийского наместничества, когда были написаны прикладные по назначению сочинения: «Перипл», «Диспозиция», «Тактическое искусство». Лишь в последующем, оставив службу, Арриан становится мастером историописаний. Г.И. Савицкий подчеркивал, что Арриан «начинал свое авторское поприще как чиновник, в котором сидел пока еще только потенциальный писатель», «вырастал в писателя по мере того, как все более и более овладевал пером историка»¹³⁸. В таком случае получается, что все свои крупные «многотомные» произведения Арриан написал в отставке (после 137 г.), находясь в Афинах¹³⁹. Э. Шварц выстраивал их в такой последовательности: «Анабасис», «Вифиниака», «Парфика», «События или После Александра»¹⁴⁰. Ф. Якоби (FGtH) принимал ту же расстановку, поменяв местами два последние произведения¹⁴¹.

Новый всплеск дискуссии начался с 60-х гг. XX в. Альтернативный вариант предложил Г. Вирт, расставивший произведения Арриана в таком порядке¹⁴²: 1) биографии Диона и Тимолеонта, 2) «Парфика», 3) «Анабасис» (между 146 и 161 гг.), 4) «Вифиниака». Для концепции Вирта существенны следующие моменты. На его взгляд, Фотий (Bibl. cod. 58) в своем не очень ясном описании, под «четвертой» книгой (τέταρτην γράφω) Арриана подразумевает «Анабасис»; «Парфика» является ранней работой, написанной вскоре после завершения парфянского похода Траяна 114–117 гг.; во «Втором прологе» «Анабасиса» (Anab. 1.12.5) слова «моя (ἡ ἐμαυτοῦ) родина» следует относить к Афинам, а «должность» (ἀρχή) – к афинскому архонтству 146 г. (сейчас дата уточнена – 147/8 г.

Э. Босворт читает пассаж Фотия (Bibl. cod. 93) буквально, сохраняя последовательность: 1) «Дион», 2) «Тимолеонт», 3) «Анабасис», 4) «Вифиниака»¹⁴³. «Анабасис» Босворт считает ранней работой (115–120 гг.), написанной до senatorской карьеры Арриана, его «отечеством» (ἡ ἐμαυτοῦ: Anab. 1.12.5) – Никомедию, «должностью» (ἀρχή) жречество Деметры и Коры в родном городе¹⁴⁴.

П. Брант в общем принимает выводы Босворта относительно последовательности исторических работ Арриана, но несколько сдвигает дату «Анабасиса» ко времени его сенаторской карьеры или консульства, возможно даже – каппадокийского наместничества, однако ранее «Диспозиции», т.е. до 136 г. «Отечеством» (Анаб. 1.12.5) Арриана у Бранта оказывается Рим, узаконенное местопребывание для римских сенаторов (см. Digest. 1.9.11; 22.6)¹⁴⁵.

Ф. Стадтер, скептически оценивающий возможность дать сколь-нибудь точную хронологию основных работ Арриана¹⁴⁶, предлагает для «Анабасиса» сравнительно позднюю дату: «после консульства (т.е. после 130 г. – С.П.), в Каппадокии или Афинах»¹⁴⁷, относя выражение ἡ ἐμαυτοῦ к Риму, а ἀρχή – к консульству и каппадокийскому наместничеству; упоминание Арриана о том, что он предавался литературным занятиям «с молодости» (ἀπὸ νεῶν), по мнению Стадтера, свидетельствует в пользу того, что автор «Анабасиса» был уже немолодым человеком. Ф. Стадтер ставит под сомнение ценность сообщения Фотия, считая его резюме Пролога «Вифиниаки» безнадежно испорченным¹⁴⁸. Фраза «Очевидно [...] Диона» (φαίνεται... Δίωνα), скорее всего, интерполирована самим Фотием и отсутствовала у Арриана; выражение «(история) дел Александровых» (τὰ περὶ Ἀλέξανδρον) должно относиться не только к «Анабасису», но и к «Истории после Александра», эпитома которой также содержится у Фотия (Bibl. cod. 92). Видимо, «Вифиниака» названа «четвертой» работой Арриана в том порядке, в котором патриарх ознакомился с сочинениями Арриана: после биографий Диона и Тимолеонта, «Анабасиса», «Событий после Александра» (Phot. Bibl. cod. 91; 92)¹⁴⁹. Последовательность работ Арриана, при всех оговорках о ее гипотетичности, у Ф. Стадтера такова: 1) «Вифиниака», 2) «Парфика» (в первой половине правления Адриана, «возможно, до консульства Арриана»), 3) «Анабасис» с «Индией», 4) «События после Александра».

Проведённая дискуссия позволила одному из наиболее продуктивных исследователей Арриана, Энтони Босворту, выступить с заявлением о полной дискредитации теории Э. Шварца¹⁵⁰, и выдвинуть собственную концепцию эволюции творчества Арриана¹⁵¹. По мнению Э. Босворта, ко времени вступления в сенат, тем более – к моменту назначения в Каппадокию, Арриан уже был прославленным писателем, создавшим самое известное ныне свое произведение – «Анабасис Александра». Доказательства Босворт приводит как внешние – из особенностей карьеры Арриана, так и внутренние – из анализа текста «Анабасиса». Стойкая византийская традиция объясняет политическую карьеру Арриана, включая достижение консульства, его интеллектуальными качествами (Phot. Bibl. cod. 58.4 = Roos T. 2; Suda. s.v.

Ἀρριανός)¹⁵²; сам писатель подчеркивал, что занимается науками с молодости (Arr. Anab. 1.12.5; Сунег. 1.4). Как сказано выше, Босворт, по своему трактату перечень сочинений Арриана у Фотия (Bibl. cod. 58; 91; 92; 93), считает «Анабасис», с последовавшей за ним «Индией», одной из самых ранних исторических работ писателя, которой предшествовали только биографии Диона и Тимолеонта. После «Анабасиса» Арриан написал «Вифиниаку» (8 кн.), «Парфику» (17 кн.) и «Историю после Александра» (10 кн.), а также ряд философских и научных работ¹⁵³. Учитывая объём, относить создание всех исторических работ ко времени, когда стареющий Арриан находился в отставке в Афинах, весьма затруднительно. Поэтому Босворт датирует «Анабасис» временем около 115–120 г.¹⁵⁴, а «Вифиниаку» – ненамного позже. Таким образом, к 120 г. Арриан уже был известным литератором и мог быть введён покровителем эллинской культуры Адрианом в сенат именно за свои литературные заслуги¹⁵⁵. Босворт отмечает, что Арриан в «Анабасисе» обнаруживает незнакомство с римской топографией (немыслимое для сенатора), плохое знание Кавказа и Средней Азии, мало пишет об Армении и Каппадокии¹⁵⁶. С учётом метода Арриана дополнять повествование примерами из личного опыта, метода, известного как по «Анабасису», так и по другим работам, такое вряд ли было возможно после семилетнего (131–137 гг.) пребывания на посту каппадокийского легата.

Еще одно частное наблюдение. В «Анабасисе» Арриан приводит рассказ о посещении Александра во время среднеазиатского похода царём Фарасманом Хорезмским, чьи владения простирались вплоть до Колхиды (Arr. Anab. 4.15.4). Фарасман – традиционное имя иберийских (т.е. древнегрузинских) царей, в том числе того, кто организовал нападение аланов в 136 г. на вверенную Арриану Каппадокию, а еще раньше был упомянут Аррианом в «Перипле» (Per. 11.2). Как объяснить молчание Арриана в «Анабасисе» по поводу возможного совпадения? В «Тактике» он не пропускает случая отметить: «Клеарх, но не тот, который возглавлял десять тысяч элинов», «Ификрат, не афинский стратег, а другой» (Arr. Tact. 1.1). Высказывалось мнение, что «Фарасман попал в описание Арриана случайно в результате путаницы у самого автора или его переписчиков»¹⁵⁷. Но такая путаница (если принадлежит Арриану) более вероятна до 136 г., и свидетельствует, скорее, в пользу ранней даты «Анабасиса», предложенной Босвортом¹⁵⁸.

При нынешнем состоянии источников неизбежен разнобой в вопросе о творческом пути Арриана. И все же длительную дискуссию нельзя считать бесполезной. Хотя точка зрения Э. Босворта не во всём разделяется другими исследователями, сейчас уже мало кто сомневается в раннем – еще до консульства – начале его писательской деятель-

ности¹⁵⁹. Работы последних десятилетий концентрируют внимание на разносторонности творчества Арриана. Написанные им исторические, географические, военные, охотничьи, философские трактаты отражают многообразные интересы этой богато одаренной натуры. Ныне получает распространение точка зрения о том, что именно малые произведения – «Кинегетик», «Перипл» и «Тактика» с «Диспозицией» – в наибольшей степени демонстрируют особенности творческого почерка, писательской манеры Арриана. К тому же они могут быть датированы, иногда – с точностью до года, и соотнесены с этапами жизненного пути писателя, содержат выходы в современность¹⁶⁰, и могут быть оценены с точки зрения новшеств, вносимых Аррианом в, казалось бы, прочно устоявшуюся традицию. Ф. Стадтер продемонстрировал искусство и гибкость Арриана при работе с источниками в таких традиционных жанрах, как «Перипл», «Кинегетик», «Жизнеописание» (Александра) и т.д. Та же особенность отмечается и для его военных произведений¹⁶¹.

Военная тематика отражена в двух тактических трактатах, «Тактическое искусство» и «Диспозиция против аланов», написанных Аррианом в последние годы его службы в качестве наместника Каппадокии (131–137 гг.). Это был пик не только его военно-административной карьеры, но, вполне возможно, и литературной. Две стороны его натуры – римская и греческая – достигли зрелости и гармонично уравновешивали друг друга. Об этом хорошо написал Ф. Стадтер. Три трактата 130-х годов, по его словам, «отражают двойное гражданство этого неординарного человека, помещают его между миром прошлого и настоящего, литературой и военным искусством, греческой любознательностью и римской компетенцией. Ксенофонт сопровождал Арриана в его обследовании черноморского побережья, эллинистический военный учебник сопутствовал в его маршевых упражнениях и проходил проверку в его лагере, тактика Александра сослужила службу в его кампании против аланов. Арриан не замыкался в славном греческом прошлом, и не бежал его; гордо и осознанно он использовал греческое наследие в своей наполненной делами жизни на службе римского императора. В Адриане, более того, он нашел родственную душу, человека, которому он мог служить, не поступаясь своим достоинством»¹⁶².

б) Тактические трактаты Флавия Арриана

В творчестве любого крупного писателя присутствуют традиция и оригинальность. Первая характеризует способность автора аккумулировать уже накопленный предыдущими поколениями опыт, вторая – умение выйти за его пределы.

Арриан творил во II веке нашей эры. Этот век в истории культуры считается временем «первого эллинского возрождения», повышенного интереса к греческому наследию. С внешней стороны условия для Арриана были самыми благоприятными. Формула Горация «пленённая Греция пленила сурового победителя, внося в дикий Лаций искусства» (Horat. Epist. 2.1.156–157), пожалуй, никогда не была так справедлива, как в периода принципата. Противоречия двух цивилизаций – греческой и римской, связанные с подчинённым положением Греции, к тому времени если не исчезли, то были существенно сглажены, по крайней мере, – в сфере литературы и искусства. Потребителем литературной продукции, подобной той, что выходила из-под пера Арриана, была по преимуществу космополитичная греко-римская политическая и интеллектуальная элита, и сам Арриан был типичным ее представителем. Филлэллинизм Адриана и Антонинов смягчал политическое доминирование Рима. Греческий писатель, пишущий на темы греческой истории и культуры, мог ожидать, что его творчество будет востребовано, и должным образом оценено. Однако его ожидали другие, творческого характера, опасности, преодолеть которые удавалось не каждому.

Отличительной чертой греческой литературы II века было доминирование философского (в самом широком смысле слова) течения, получившего название «второй (новой) софистики» (самоназвание, восходящее к Филострату Младшему)¹⁶³. Вторая софистика была весьма неоднородным и многообразным явлением. В сравнении с философской и литературной мыслью классического и раннеэллинистического времени (V–III вв. до н.э.) философия II века была относительно бедна оригинальными идеями. Отсутствие новых тем, новых теорий, новых философских систем вели к тому, что литературное движение сохраняло традиционные формы, жанры, и в целом выглядело достаточно эпигонским. Впрочем, наряду с «магистральной линией» существовало творчество вполне оригинальных мыслителей и писателей, хотя и уступавшим великанам прошлого, но заметно возвышавшихся над средним уровнем своего времени. В числе «крупных (great) авторов» известный исследователь литературного процесса II века Ван Гронинген, наряду с Плутархом, Лукианом, Марком Аврелием, Эпиктетом, Галеном, называет «истинного историка Арриана [...] правдивого, стоящего на твердой почве фактов, трезвомыслящего, временами критичного». Проблема

для него состояла в отсутствии достойного окружения, так как «он стоял один, обособленно, и не выражал общей тенденции»¹⁶⁴.

Вывод Гронингена относительно собственной авторской позиции Арриана основан на анализе трудов по истории. Но, как увидим, та же особенность присуща и тактическим трактатам Арриана, в которых оригинальность вполне гармонично сочеталась с длительной консервативной традицией такого рода сочинений¹⁶⁵.

Греческие военные трактаты по тактике

Военно-теоретическая литература древней Греции ко времени Арриана насчитывала несколько столетий своего существования. Как самостоятельное направление она возникает в IV в. до н.э., у её истоков стояли Ксенофонт Афинский и Эней Тактик¹⁶⁶, расцвет приходится на эпоху римского принципата (I–II вв.)¹⁶⁷. Крупнейший знаток этой литературы Альфонс Дэн (1896–1964) выделял следующие разновидности трактатов о сухопутной войне: стратегики, тактики, полиоркетики, стратегемы¹⁶⁸. Две последние стоят несколько особняком. Стратегемы или сборники военных хитростей, известные прежде всего по труду Полиэна в восьми книгах (162 г. н.э.), при всей их полезности, не рассматривались ни греками, ни римлянами, как разновидность рациональной науки о войне, поскольку связывались не с расчетом, а со случаем¹⁶⁹. Полиоркетика (осадное искусство), крепостная война, артиллерия, которым посвящены сохранившиеся труды Энея Тактика, Аполлодора (II в. н.э.), Афиня и византийского Анонима, считались слишком специальными дисциплинами, чтобы ими занимались люди из высшего круга, составлявшие военно-политическую элиту античного мира.

Наиболее востребованными, как специалистами, так и любителями военного дела, были книги по стратегии и по тактике¹⁷⁰: первые ставили целью «образовать» полководца, вторые – войско. О трактатах по стратегии в античном смысле слова, т.е. об искусстве не столько войны, сколько полководца, мы можем судить на основании единственного уцелевшего произведения такого рода, «Стратегикоса» Онасандра (I в. н.э.), где излагаются общие принципы поведения, которыми должен руководствоваться полководец, без их конкретизации и исторических примеров. Что касается тактических трактатов о полевой войне, то, как уже говорилось, помимо Арриана, нас дошли целиком или почти целиком относительно поздние «Тактики» Асклепидота (сер. I в. до н.э.) и Элиана (начало II в. н.э.). В них даётся подробное описание прежде всего эллинистической (после Александра) военной системы, с немногими деталями из предшествующей эпохи. Римский материал в грече-

ских «Тактиках» (даже римского времени) почти не используется. Этот феномен имеет свое объяснение как в исторических реалиях эпохи, так и в жанровом своеобразии самих произведений.

Хотя Асклепидот и Элиан писали свои сочинения при политическом господстве римлян, предполагающем их культурную экспансию, в гуманитарной сфере победители, как правило, признавали первенство побеждённых греков (Горациево “*Graecia capta...*”). Латинская военная литература возникла позже греческой, в первые десятилетия II в. до н.э., и развивалась параллельно с литературой на греческом языке, и под значительным влиянием последней. Принято считать, что обратное воздействие римской военной теории и практики на греческих тактиков было минимальным¹⁷¹, хотя осторожнее было бы говорить о том, что этот вопрос ещё недостаточно исследован. Во всяком случае, длительное сосуществование и взаимодействие двух литературных традиций – факт, который нельзя игнорировать при оценке греческих тактиков периода поздней римской республики и принципата.

Сохранившаяся до наших дней латиноязычная военная литература, предшествующая Арриану, более скудна, чем литература греческая. В ней выделяются несколько разновидностей. Практические вопросы набора, организации, дисциплины, обучения римской армии, регулировались официальными документами – уставами, инструкциями, распоряжениями императоров и т.д. От них сохранилось немного: выдержки из юридических трактатов «О военном деле» (*De re militari*) Аррия Мэнандера, Эмилия Макра, Таррунтена Патерна в «Дигестах» (49-я и 50-я книги), упоминание об «институциях» Траяна и Адриана у Вегеция (*Veg.* 1.8), и проч. Кроме того, существовали военно-технические трактаты прикладного назначения: «О метании дротиков с коня» Плиния Старшего (см.: *Plin. Minor. Epist.* 3.5.3, трактат утерян), «Об устройстве лагеря» псевдо-Гигина (дошел почти целиком) и др. Были и общие, претендующие на теоретическую значимость, труды о способах ведения войны, начало которым положило несохранившееся сочинение «О военном деле» (*De re militari*) первого латинского писателя II в. до н.э. Катона Старшего (*Veg.* 1.8, 15; 2.3); частичное представление о книгах такого рода дает поздний (примерно конец IV – начало V века)¹⁷² трактат Вегеция «Краткое изложение военного дела» (*Epitoma rei militaris*). Можно отметить ещё сборники военных хитростей, аналогичные труду Полиэна (сохранились «Стратегемы» Фронтинна, I в. н.э.), биографии полководцев (Корнелий Непот, I в. до н.э.), *commentarii* отдельных военных кампаний, известные по «запискам» Юлия Цезаря и его продолжателей. Наши представления об этой сфере римской культуры не позволяют целиком присоединиться к мнению Г. Дельбрюка, будто бы «римская военная литература ясно показывает трезвый склад мышле-

ния этого народа, обращенный на разрешение практических задач», тогда как греческая «целиком отразила умозрительный характер мышления греческого народа»¹⁷³, склонного к излишнему философствованию в непригодной для этого области мысли. На индивидуальном уровне такое различие прослеживается далеко не всегда. Например, весьма ценимый Г. Дельбрюком, автор «Стратегем», Секст Юлий Фронтин, занимавший высокие государственные посты в Римской империи¹⁷⁴, включает в список необходимых для полководца качеств чисто философские, заимствованные из греческих книг, добродетели¹⁷⁵. Соответствующие разделы IV книги его «Стратегем» озаглавлены: «О воздержанности» (*de continentia*), «О справедливости» (*de iustitia*), «О стойкости» (*de constantia*), «О доброжелательности и умеренности» (*de affectu et moderatione*). Разница была не столько в «характере», или «складе мысли» народа, сколько в степени приобщения к основам античной (греческой по происхождению) культуры.

В зависимости от уровня своего развития, разные римляне по-разному относились к творчеству греков. Сарказмом, например, дышат слова, вложенные Саллюстием в уста Гая Мария: «Я и сам знаю, квириты, таких, которые, став консулами, начинали читать постановления наших предков (*acta maiorum*) и воинские уставы (*militaria praescepta*) греков [...] чему они научились из книг, тому я – ведя войны» (*Bell. Jug.* 85. 12–13. Пер. В. О. Горенштейна). Заметим, что здесь противопоставляются не римляне грекам, а практики кабинетным полководцам. Цицерон передает анекдот о том, как перипатетик Формион поучал Ганнибала в отношении обязанностей полководца, заключая (уставами одного из собеседников, Катула): «что может быть нахальнее болтовни, в которой какой-то грек, никогда не видавший ни врага, ни лагеря, никогда не исполнявший даже самой ничтожной общественной должности, смеет учить военному делу самого Ганнибала» (*Cic. De orat.* 2.75–76. Пер. Ф. А. Петровского). Критический настрой в отношении непрофессионализма в военном деле вполне понятен, но он был присущ не только «трезвомыслящим» римлянам. «Кто не знает предмета, тот не полководец», – говорил ещё Сократ у Ксенофонта в рассуждениях о военном деле (*Xen. Mem.* 3.1.4).

При всей – действительной или кажущейся – непрактичности, книги по военному искусству охотно читались как греческими, так и римскими полководцами. Павсаний Перизгет (*Descr. Hell.* 8.49.2) сообщает, что знаменитый стратег Филопмен «старательно перечитывал [...] книги с описанием войн и те, где он мог найти наставления по военному искусству» (то же: *Plut. Philop.* 4; ср.: *Liv.* 35.28). Цицерон, чьи речи и письма являются непрезойденным источником по менталитету высших слоев римского общества, неоднократно отмечал хорошие результаты чтения

греческих книг (Cic. Pro Valbo 47; Imp. Cn. Pomp. 27–8; Ad fam. 9. 25.1). Ответом на выпад персонажа Цицероновского диалога «Об ораторах» Катула против военных дилетантов типа Формиона, была реплика его собеседника Антония: «иной раз их послушаешь – и услышишь что-нибудь занятное» (Cic. De orat. 2.77. Пер. Ф.А. Петровского). Тот же Ганнибал, по свидетельству Вегеция, не чурался брать уроки тактики у одного лакедемонянина (Veg. 3. Prooem.) – возможно, Сосила, о котором упоминает Корнелий Непот, и оставил собственные сочинения на греческом языке (23.13.2–3)¹⁷⁶. Элиан, «кабинетный теоретик», отмечал в предисловии к своей «Тактике», что долго колебался, стоит ли ему тратить силы на занятие греческим военным делом, пока при встрече с уже известным нам Фронтинумом (о нем дополнительно: Veg. 1.8; 2.3) не убедился, что тот «проявляет не меньший интерес к греческой военной теории» (Ael. Tact. Prooem. 3). «Никто не станет оспаривать, что в военном искусстве и теоретическом знании мы уступаем грекам», – писал в конце античности Вегеций (Veg. 1.1. Пер. С.П. Кондратьева). Именно постановка и разработка общих вопросов военного дела, основных элементов тактического и, в меньшей степени, – стратегического искусства, обеспечили греческой военно-теоретической литературе приоритетное место в античной «науке побеждать».

Что касается бесспорного консерватизма греческих тактических трактатов, препятствующего их творческой переработке под влиянием изменений в военном деле, то он в значительной степени определялся жёсткой литературной формой, не столько определяемой, сколько определяющей содержание. Эта черта вообще характерна для античной литературы. «Связь словаря, фразеологии и метра с литературным жанром в античности была сильнее, чем в новых литературах, поэтому труднее бывает выделить то, что относится к индивидуальности автора»¹⁷⁷. Как писала О.М. Фрейденберг: «Структура античных жанров – это их костяк, и даже не костяк, а органические элементы, их (выражаясь фигурально) биологическое основание. Структура античных жанров не может быть уподоблена позднейшим европейским структурам, где композиция произведения зависит от основной мысли автора [...] В античности структура литературного произведения дается автору в готовом виде, в обязательном порядке»¹⁷⁸. Разные жанры военной литературы существовали изолированно друг от друга и не смешивались: в трактате по тактике не затрагивались вопросы стратегии, и наоборот. Сводных руководств по военному делу в целом у греков, по-видимому, не было¹⁷⁹. Не было и научного осмысления феномена войны и военного искусства как определённого вида человеческой деятельности. Столь очевидный – для людей нового времени – недостаток самими древними не воспринимался как таковой, во многом – из-за присущего грекам

(а затем и римлянам) стереотипа мышления, диктующего отдельное рассмотрение отдельных составляющих военной теории, и препятствующую их синтезу. Арриану, практическому военному и проницательному историку, в большей степени, чем другим авторам, было свойственно стремление выйти за рамки устаревшей схемы. Для своих творческих поисков он выбрал наиболее разработанную к тому времени тактическую теорию¹⁸⁰.

Термин «тактика» имеет ясную этимологию от глагола (атт.) *τάττω* (корень *ταυ-*) – «ставить, строить, выстраивать». Специфически военный смысл слова с корнем *ταυ-* приобрели у Ксенофонта Афинского (IV в. до н.э.)¹⁸¹. Слово *тактика* в значении «искусство тактики», т.е. искусства строить и приводить войско в порядок, введено в литературный обиход, по-видимому, также Ксенофонтом¹⁸². Понятие «тактическое искусство» (*такτική τέχνη*) приобретало у древних различные трактовки, общим местом которых оставалась идея порядка в собственном войске. Младший современник Арриана Элиан писал: «Эней (Тактик. – С.П.) определял тактику как искусство военных передвижений (*ἐπιστήμη πολεμικῶν κινήσεων*), а Полибий определяет ее так: если кто, получив беспорядочную толпу воинов (*πλήθος ἄτακτων*), соберет её, разделит на отряды (*καταλοχίζειν*) и соединит в одно целое (*συλλοχίζειν*), преподаст воинам полезные для войны сведения (*παιδεύειν τὰ πρὸς τὸν πόλεμον*)» (Ael. Tact. 3.4. Пер. Ф. Мищенко). Для византийского Анонима VI в. тактика означала «науку, по которой масса людей вооружается, делится на подразделения и целесообразным способом приводится в движение»¹⁸³. На античном понимании основывалось существовавшее и в более поздней византийской полемологии представление о тактике как «полководческом искусстве боевых построений, вооружений и маневров войск» с целью «опрокидывания противника посредством предпринимаемых замыслов и действий», и ее предназначения, состоящего в том, чтобы «вступать в бой с противником, имея собственные войска в упорядоченном состоянии» (Leo. Tact. 1.1-6)¹⁸⁴.

По своему назначению тактические трактаты представляли собой пропедевтические учебники (*εἰσαγωγαί*) либо практические руководства (*τοπικὰ πραγματεῖαι*) по военному искусству (Ael. Tact. 1.2). Из многочисленных «Тактик» эллинистического и римского времени, среди авторов которых встречаются имена эпирского царя Пирра, историка Полибия, философа-стоика Посидония Родосского (Ael. Tact.1)¹⁸⁵, до нас, как сказано, дошли три, принадлежащие Асклепидоту (I в. до н.э.), Элиану (нач. II в. н.э., датируется по вступительному обращению к императору Траяну) и Арриану. Все три трактата (для «Тактического искусства» Арриана первая часть, Tact. 1–32.2, или «Так-

тика») очень близки между собой как в общей идее, так и в деталях. Это объясняется, во-первых, одной темой (для всех – греко-македонское военное дело) и самим жанром произведений; во-вторых – наличием общего источника. Особенно разительно сходство, вплоть до текстуальных совпадений, трактатов Элиана и Арриана, что вызвало к жизни теорию Г. Кёхли о двух вариантах работы одного автора Элиана/Арриана¹⁸⁶. После сравнительного исследования Р. Фёрстера (1877)¹⁸⁷ возоблагодало мнение о самостоятельном происхождении трактата Арриана. Сходство трудов Элиана и Арриана объясняют по-разному. Фёрстер полагал, что Элиан был прямым и главным источником Арриана¹⁸⁸. А. Дэн считал, что у Элиана и Арриана был общий, ныне утерянный, прототип, восходящий к «Тактике» (также утерянной) известного представителя средней Стои, ученого-энциклопедиста Посидония Родосского, учителя Асклепиодота¹⁸⁹. Ф. Стадтер предполагал непосредственное использование «Тактики» Посидония всеми тремя авторами (Асклепиодот, Элиан, Арриан)¹⁹⁰. А. Девин находит параллели у всех трёх тактиков (Ascl. Tact. 5.1–2; Ael. Tact. 14.1–6; Arr. Tact. 12.6–10) с описанием македонской фаланги у Полибия (Pib. 18.29.1–18; 30.4), что, как будто бы, указывает на «Тактику» Полибия (утрачена, о ней: Pib. 9.20.4), как на ещё один возможный источник авторов эллинистическо-римского времени¹⁹¹.

Как бы ни решать вопрос о предполагаемом общем прототипе, сопоставительный материал для оценки «Тактики» (в какой-то степени и «Диспозиции») Арриана мы черпаем преимущественно из «Тактик» Асклепиодота и Элиана. Оба эти автора являлись чистыми теоретиками, что подтверждается как отрывочными данными их биографий, так и содержанием самих работ. Асклепиодот был философом и учеником Посидония¹⁹². Элиан во «Введении» в «Тактику» признавал, что не имеет военного опыта (Proem. 2) и долго колебался, стоит ли ему тратить силы на написание труда сомнительной актуальности, пока при встрече с известным военным деятелем Фронтином не убедился, что тот проявляет большой интерес к греческой военной теории (Ael. Tact. Proem. 3). Пример с Элианом показывает, что необходимость сближения греческой теории с римской военной практикой была осознана ещё до Арриана, но именно Арриан лучше других подходил для решения этой проблемы, так как соединял в одном лице греческого писателя и римского полководца.

«Тактическое искусство» Арриана

«Тактическое искусство», как указывает сам Арриан (Агг. Такт. 44.3), написано в 20-й год правления Адриана, т.е., если придерживаться точной хронологии, на временном отрезке с 11 августа 136 по 11 августа 137 г. Побудительной причиной написания трактата, по мнению Э. Уилера, могло стать празднование *vicennalia*, 20-летия правления императора Адриана, начавшегося 13 декабря 136 г. по календарю императорского культа¹⁹³. Возможно, что именно в рамках празднования этого юбилея проводились те красочные представления римской кавалерии, которые донёс до нас Арриан во второй части своего трактата (Такт. 32.3–44.3).

Из-за утраты первого (181а) листа «Тактического искусства» в кодексе Laurentianus gr. 55.4, являющимся прототипом всей последующей рукописной традиции, мы не можем с точностью сказать, какие цели ставил перед собой Арриан. Его старший современник Элиан предварил собственную «Тактику» Предисловием (προόμιον), содержащем сведения об авторе, замысле и обстоятельствах создания произведения. В принципе, можно предположить, что с аналогичного Предисловия начиналось и «Тактическое искусство» Арриана. По оценке Ф. Стадтера, пропал текст примерно из 200 слов, эквивалентный 35 строкам Тойбнеровского издания, 26 из которых могло занимать Предисловие (или Введение), а остальные – начальные фразы самого трактата¹⁹⁴.

В дошедшем до нас виде «Тактическое искусство» Арриана подразделяется на две неравные по объёму и разные по содержанию части. Первая (Такт. 1–32.2), которую и принято называть собственно «Тактикой», представляет собой детальный разбор идеальной модели греко-македонской военной системы, в основном, – эллинистического периода; в этой части Арриан демонстрирует близость традиции, представленной трудами Асклепиодота и особенно Элиана. Вторая часть «Тактического искусства» (Такт. 32.3–44.3), т.н. «Кавалерийский трактат» (Reitertraktat, по утвердившемуся в науке немецкому его названию) – оригинальное произведение, не имеющее аналогов у Асклепиодота и Элиана, с описанием конно-спортивных игр и упражнений (τὰ ἵππικὰ γυμνάσια) в современной Арриану римской кавалерии. Арриан упоминает (Такт. 32.3), что такой же трактат был написан им и для пехоты, но он до нас не дошел¹⁹⁵. Обе сохранившиеся части «Тактического искусства» объединены вместе самим автором¹⁹⁶. Тем не менее очевидны их стилевые различия: основанное на вторичных источниках изложение эллинистического материала первой части резко контрастирует с живым описанием очевидца во второй¹⁹⁷. Из немногих параллелей можно отметить: зачин обеих частей с заявкой объяснить

технические термины (Tact. 1.2–3 и Tact. 33.1), ссылки на строй римской «черепахи» (Tact. 11.4–5 и Tact. 36.1), различие сарматских контофоров и парфянских с армянскими лучников (Tact. 4.3 и Tact. 44.1).

«Тактика» (Agr. Tact. 1–32.2). Первая часть трактата Арриана представляет собой модернизированный учебник (или руководство) по тактике эллинистического времени. В историографии давно утвердилась практика сопоставления этого труда с «Тактиками» Асклепиодота и Элиана. При первом приближении отличия кажутся несущественными. К внешним особенностям «Тактики» Арриана относятся: отсутствие оглавления (у Асклепиодота из 12, у Элиана – из 113 пунктов); исключение диаграмм, на которые ссылаются предшественники; наличие второй, римской части – «Кавалерийского трактата». Но принципы структурного деления остались теми же. «Тактика» Арриана включает следующие обязательные элементы, присутствующие и в двух других (Асклепиодота и Элиана) трактатах¹⁹⁸:

Предисловие: Agr. (утрачено); Ael. Prooem.; Ascl. (отсутствует).

I. Список тактиков, Введение: Agr. 1.1–3; Ael. 1.1–3; Ascl. (отсутствует).

II. Основные разновидности вооруженных сил: Agr. 2; Ael. 2.1–5D [= 2.1–6K]; Ascl. 1.1.

III. Характеристика родов оружия: Agr. 3; Ael. 2.6–11D [= 2.7–13K]; Ascl. 1.2–3.

Пехота: Agr. 3; Ael. 2.6–8D [= 2.7–9K]; Ascl. 1.2.

Конница: Agr. 4; Ael. 2.9–11D [= 2.11–13K]; Ascl. 1.3–3.4.

IV. Организация армии: Agr. 5–10; Ael. 3–10; Ascl. 1.4.

Значение организации: Agr. 5.1–3; Ael. 3; Ascl. 1.4.

Характеристика лоха: Agr. 5.4–6.6; Ael. 4–5; Ascl. 2.1–3.

Соединения лохов: Agr. 7–8; Ael. 6–7.3; Ascl. 2.4–5.

Псилы и конница: Agr. 9.1–2; Ael. 7.4–6; Ascl. (отсутствует).

Идеальное число для фаланги: Agr. 9.3–6; Ael. 8; Ascl. 2.7.

Подразделения армии: Agr. 10; Ael. 9; Ascl. 2.8–10.

V. Боевые порядки и использование войск в бою: Agr. 11–19; Ael. 11–23; Ascl. 3.5–9.

Фаланга: Agr. 11–12; Ael. 11–14; Ascl. 4.2, 5.1, 3.5–6.

а. Построения: Agr. 11; Ael. 11.1–4; Ascl. 4.2.

б. Вооружение: Agr. (отсутствует); Ael. 12; Ascl. 5.1.

в. Шеренги: Agr. 12.1–5, 12.10–11; Ael. 13–14; Ascl. 3.5–6.

г. Интервалы и использование сарисс: Agr. 12.6–10; Ael. 14.2–6; Ascl. 5.1–2.

Псилы: Agr. 13–14; Ael. 15–16; Ascl. 6.

Лучники и метатели: Agr. 15; Ael. 17; Ascl. (отсутствует).

Конница: Agr. 16–18; Ael. 18–20; Ascl. 7.

Колесницы и слоны: Tact. 19; Ael. 22–23; Ascl. 8–9.

VI. Приемы и движения: Arr. 20–27; Ael. 24–35 Ascl. 10.1–21, 12.10.
Термины: Arr. 20; Ael. 24; Ascl. 10.1.

Описание движений: Arr. 21–25; Ael. 25–29; Ascl. 10.2–20.

Построения фаланги: Tact. 26; Ael. 30–31; Ascl. 10.21.

Средства сигнализации: Arr. 27; Ael. 35; Ascl. 12.10.

VII. Марши: Arr. 28–30; Ael. 36–39; Ascl. 11.1–6, 11.8.

Порядок движения: Arr. 28; Ael. 36; Ascl. 11.1–2.

Походные порядки: Arr. 29; Ael. 37–38; Ascl. 11.3–6.

Обоз: Arr. 30; Ael. 39; Ascl. 11.8.

VIII. Способы отдачи команд: Arr. 31–32.2; Ael. 40–41; Ascl. 12.11.

Это скелет тактической теории греков, воспринятый Аррианом. Плоть составляет материал по тактической теории, непростой для усвоения современным читателем. Трудность заключена в особенностях жанра тактического трактата и в мировоззренческих установках автора, сына своей эпохи. Военная теория в эллинистическо-римское время считалась частью философии, при этом сама философия, особенно философия стоиков, к которой примыкали авторы известных нам «Тактик», зачастую рассматривалась в качестве всеобъемлющей синкретичной науки, охватывающей все сферы знания¹⁹⁹. Ведущий философ средней Стои Посидоний, автор собственной «Тактики», утверждал, что философия «изобрела все науки, потребные для повседневной жизни» (Sen. Epist. 90.7; см. также 88.21–28). Почти все тактики, насколько мы об этом знаем, относили себя к той или иной философской школе. По мнению А. Девина, Асклепидот и Элиан принадлежали к разным философским школам: первый (как и Арриан) представлял стоиков, второй – средних платоников²⁰⁰. Доктринальные расхождения, однако, почти незаметны в их военных трактатах; чуть ли не единственное отличие – в названии: «Тактическое искусство» (такτική τέχνη) у Асклепидота и Арриана, и «Тактическая теория» (такτική θεωρία) у Элиана²⁰¹. Что касается философских, или, лучше сказать, мировоззренческих оснований теории, то они были общими для всех, и доминировали не только у «кабинетных стратегов» Асклепидота и Элиана, но и у практика Арриана²⁰².

На деле это означало, что Арриан, как и его предшественники, в своем изложении исходил не столько из конкретного исторического материала о реальных армиях эллинистических государств (этот материал играет, в основном, иллюстративную роль), сколько из «идеальных» (или «абстрактных») категорий вещи или предмета (πράγμα), имени (ὄνομα), числа (ἀριθμός), подробное и утомительное перечисление которых (начиная с Arr. Tact. 2.1) занимает едва ли не большую часть трактата. Математика, как самая точная из наук, определяла и методику исследования

дисциплины, и форму подачи материала. Типичным примером использования математической логики является известное ещё Асклепиодоту рассуждение об идеальной численности армии (фаланги) в 16 384 бойца²⁰³, поскольку это число делится до конца без остатка на 2, что позволяет легко приводить различные перестроения (Агр. Такт. 9.5). Принцип вычисления аналогичен тому, который использовал Платон (зрелый, уже испытавший влияние пифагореизма) при определении числа граждан идеального полиса в 5040 человек, как числа, «которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей», что «очень удобно и на войне» (Plat. Leg. 738a. Пер. А.Н. Егунова). Все последующие количественные характеристики более мелких подразделений фаланги у тактиков исходят именно из этой идеальной цифры в 16 384 единиц.

Типичным для военной литературы античности является и способ рассмотрения предмета в статике, в чем проявилась особенность не только греческой философской традиции, но, можно сказать, самого греческого способа мышления, предпочитавшего иметь дело с событиями и вещами, внутренне завершёнными. Представление о военном искусстве как деле развивающемся, было чуждо носителям античного мировоззрения. У Арриана, как и у его предшественников, отсутствует стремление разобраться в причинах появления или отмирания того или иного тактического приема, нового вида оружия. На место исторически обусловленных форм организации вооруженных сил Арриан по традиции ставил некий вневременной идеал армии, помещённый в достаточно отдаленное прошлое, а именно – в эпоху поздней классики, но особенно эллинизма. Из этого времени берёт начало характеристика основных родов оружия (гоплиты, пельтасты, псилы и др.), структура фаланги, большинство тактических построений, маневров, военная терминология. До тех пор, пока Арриан не расстается с материалом, доставшимся ему от эллинистических тактиков, он излагает предмет близко к источникам. Сравнение с трактатом Элиана показывает почти дословное, иногда только с минимальными вариациями, совпадение многих мест: некоторые изменения стиля, почти всегда в лучшую сторону, обусловлены художественными причинами и большей начитанностью нашего автора²⁰⁴.

Говоря о соотношении традиции и оригинальности в «Тактике» Арриана²⁰⁵, следует признать, что традиция, безусловно, доминирует. В.В. Кучма преувеличивает степень новаторства Арриана, когда пишет: «Несмотря на то что первая часть арриановского “Искусства тактики” тематически близка к сочинению Элиана, характер излагаемого в ней материала принципиально иной. Описание греко-македонских тактических построений дано Аррианом не в учебно-познавательном плане, а с явным намерением создания практического руководства, рекомендации которого рассчитаны на непосредственное применение в реальной бое-

вой действительности»²⁰⁶. Трудновато «в реальной боевой действительности» II в. н.э. применить тактику канувшей в Лету фаланги сариссофоров в сочетании с пельтастами и псилами двух- и трехвековой давности²⁰⁷. Что касается практической значимости труда, то на неё претендовал ещё Элиан (Ael. Tact. Prooem. 3–4), понимая под этим нечто иное, чем «непосредственное применение» на поле боя древних боевых построений, а именно – знакомство с тактическим опытом греков. В трактате Арриана встречаются отдельные рекомендации, основанные на личном опыте, но они не столь многочисленны и не меняют «принципиально» общую трактовку военного искусства.

Изменения, внесенные Аррианом в эллинистическую «Тактику», носят частный характер и не затрагивают самой концепции. Об этом пишет сам автор, формулируя задачу: модернизировать и сделать понятным для любителей военного дела (не для практиков) стандартный учебник по тактике (Arg. Tact. 1.2–2.1)²⁰⁸. Одним из способов адаптации старого материала к запросам публики стало его сокращение. Подсчёты показывают, что по количественным показателям первая часть трактата Арриана уступает своим предшественникам. «Тактика» Асклепиодота содержала 7002 слов, «Тактика» Элиана уже 10913, «Тактическое искусство» Арриана – 9460, но из них следует вычесть около 2600 слов, приходящихся на «Кавалерийский трактат»²⁰⁹.

Можно попытаться определить критерии, которыми руководствовался Арриан при исключениях тех или иных мест (полный их перечень приводит А. Девин)²¹⁰. Арриан убирает из текста подробности в описаниях вышедших из употребления и малопонятных, подчас надуманных, построений – например, квадратных и ромбовидных строев в кавалерии, с педантичным перечислением всадников (точнее их буквенных обозначений) в каждом ряду (Arg. Tact. 17.3, ср. Ael. Tact. 1.5; 18.1; Ascl. Tact. 7.5–9), сводя объяснения к минимуму; опускает курьёзный факт из Элиана (Ael. Tact. 34.2–5; ср. Ascl. Tact. 10.13–14) о том, что Филипп и Александр предпочитали македонский контрмарш лаконскому. Такого рода сокращения необязательных для реконструкции греко-македонской военной системы деталей выглядят вполне оправданными.

Кроме того, Арриан отказывается от рассмотрения ряда действительно важных для характеристики некогда существовавших (реальных, не «идеальных») армий вопросов, таких как снаряжение македонского гоплита (ср.: Ael. Tact. 12; Ascl. Tact. 5.1), организация слоновьего и колесничного войска и др. В этих случаях Арриан, как можно понять, руководствовался другой задачей: оставить для читателя только то, что имеет, или может иметь актуальность. «В отношении колесниц и слонов, их построений и названий построений, командиров и их званий – рассматривать их, как мне кажется, будет зряшным делом, потому что

пришлось бы рассказывать о том, что давно вышло из употребления» (Агг. Такт. 19.1). По этой причине Арриан не останавливается, как это делают Асклепиодот и Элиан (Ascl. Такт. 5.1; Ael. Такт. 12), на размерах македонского щита, который также «вышел из употребления», а вот смысл фалангового строя, переживавшего второе рождение во II в. н.э.²¹¹, стремится раскрыть во всех подробностях. Но Арриан рассматривает именно эллинистическую фалангу, а не современную её разновидность.

В ещё большей степени, чем сокращения, особенности подхода Арриана проявляются в его дополнениях, основанных, во-первых, на его личном военном опыте, во-вторых – на знании истории. Им развиты и детализированы следующие положения: относительно способа использования сариссы в фаланге (Агг. Такт. 12.7–10), эффективности конного клина (Такт. 16.1), опасности маневра перед лицом неприятеля (Такт. 25.7). Арриан значительно чаще, нежели Асклепиодот и Элиан, обращается к историческим фактам. Так, вместо названий отдельных подразделений колесниц он дает краткий исторический очерк их использования (Такт. 19.2–6). В его «Тактике» встречаются примеры из боевой практики эфиопов и карфагенян (Такт. 2.2), троянцев (Такт. 2.5), персов (Такт. 2.5; 19.4), аланов, сарматов, армян, парфян (Такт. 4.3; 4.7), скифов (Такт. 11.2; 16.6), фракийцев (Такт. 16.6), бриттов (Такт. 19.2–3), индвов (Такт. 19.5–6). В случаях с аланами, сарматами, армянами, парфянами Арриан, безусловно, опирался и на собственный опыт, приобретенный при отражении набега аланов в 136 г.²¹² Ряд примеров Арриан заимствовал у своего любимого писателя Ксенофонта Афинского, в частности, при объяснении соотношения эномотии и лоха (Агг. Такт. 6.3; ср. Xen. Anab. 4.3.26). Особенно показательно обращение Арриана к военному опыту римлян, не нашедшему отражения у Асклепиодота и Элиана. Арриан отмечает, что римляне, в отличие от греков, носят поножи на одной ноге (Агг. Такт. 3.5), рассказывает о вооружении и тактике римских всадников (Такт. 4.7–9), сравнивает римскую «черепаху» с греческим «синасписмом» (Такт. 11.4–6), а алу – с гиппархией (Такт. 18.3).

Введение нового, в частности римского, материала в старую схему создавало для автора определенные трудности, в том числе лексического характера. Не все попытки Арриана объединить греческие и римские термины и понятия можно признать удачными. Так, гиппархия у него называется «илой» применительно к римской але (Такт. 18.3), несмотря на разницу в численности (64 человека в греческой иле – Такт. 18.2, и 512 в але); таксиарх, командир 128 человек, соответствует гекатонтарху («сотнику», синоним центуриона) (Такт. 10.3)²¹³, римская «черепаха» достаточно искусственно приравнивается к греческому «синасписму» (Такт. 11.4–6)²¹⁴ и т.д.

Однако все введенные Аррианом новые, не столь многочисленные и сравнительно не очень важные, факты не имеют для автора самостоятельного значения, и не служат основанием новой теории, их роль – чисто служебная: проиллюстрировать положения старой парадигмы греческой военной мысли. В целом Арриану не удалась попытка создания универсальной, для всех стран и народов, концепции военного дела. Причина – в упомянутых особенностях греческого способа мышления, направленного на постоянное воспроизведение исконной, идущей от глубокой древности, нормы²¹⁵. По словам Р. Коллингвуда, греки «были совершенно уверены в том, что объектом подлинного знания может быть только неизменное», а «то, что является преходящим, [...] не может быть объектом научного знания»²¹⁶. Для греков таким неизменным, завершённым, прошедшим весь цикл развития, объектом представлялась их прошлая военная история эпохи могущества Эллады и эллинистических государств. Римское военное искусство, как система развивающаяся и незавершённая, не поддавалось научному объяснению и тем более не могло быть амальгамировано с греко-македонским искусством войны, поскольку базировалось на иных принципах и идеях.

Ко всему прочему, сами особенности жанра тактического руководства не давали возможности сполна отобразить военный опыт негреков: туда попадали лишь те образцы военного искусства, которые укладывались в прокрустово ложе прежней схемы. Мы можем говорить о своего рода «насилии структуры» над содержанием. Тем большего внимания заслуживает реакция на неё автора. Как сказано, оригинальные достижения негреческих народов остались за пределами «Тактики» (Таст. 1–32.2) Арриана. Но не за пределами внимания Арриана – военного писателя. Арриан не стал (или не смог) «вливать новое вино в старые мехи». Он пошел по иному пути, изобретая для новых реалий новые литературные формы. Нам известно о трех, не имеющих аналогов, произведениях Арриана, в которых получил отражение хорошо ему известный римский военный строй, это: 1) трактат об упражнениях римской пехоты (см.: Таст. 32.2); 2) вторая часть «Тактического искусства», т.н. «Кавалерийский трактат» (Таст. 32.3–44.3); 3) «Диспозиция против аланов». К сожалению, трактат по пехотным упражнениям утрачен. Зато два других дошли до нашего времени и предоставляют редкую возможность судить как о результатах творческого поиска Арриана, так и о малоизвестных сторонах военного дела древности.

«Кавалерийский трактат» (Агг. Таст. 32.3–44.3). Вторая часть «Тактического искусства», «Кавалерийский трактат» – полностью оригинальное произведение, состоящее из описания спортивных «упражнений» и состязаний кавалерийских подразделений вспомогательных (набранных из неримлян) войск, *auxilia*. В нём Арриан опирался уже не

на письменную традицию, а на личное знание предмета, приобретённое многолетним пребыванием на командных должностях, знакомством не только с римской, но и с эффективной восточной кавалерией парфян, армян и аланов.

Конкретная причина, по которой Арриан продолжил «Тактику» антикварного назначения трактатом о современных ему кавалерийских упражнениях, не вполне ясна. Возможно, объяснение было дано автором в утраченном общем Предисловии к «Тактическому искусству». В переходном параграфе (Таст. 32.3), где анонсируется раздел о кавалерийских упражнениях, сказано о каком-то «сочинении» (συγγραφή), написанном для императора, т.е. для Адриана, но ввиду порчи текста остаётся неясным вопрос, какое же именно произведение было адресовано императору. Э. Уилер предполагает, что всё «Тактическое искусство» написано в честь 20-летия правления Адриана, но не для императора, а для широкой публики²¹⁷. Ф. Стадтер полагает, что императору была посвящена лишь утраченная работа о пехотных упражнениях²¹⁸. Э. Босворт также считает, что посвящение императору было в другой, отдельно изданной работе, возможно – в том самом утерянном трактате о пехотных упражнениях²¹⁹. Одним из побудительных мотивов для Арриана могла выступать краткая рекомендация в трактате Элиана (Ael. Таст. 21.2–3) готовить кавалеристов при помощи ежедневных тренировок (καθημερινοῖς γυμνασίοις)²²⁰.

«Кавалерийский трактат» представляет очевидный контраст с первой частью «Тактики»: педантичное, детальное описание древних тактических терминов с подробными их объяснениями сменяется живым описанием конно-спортивных маневров глазами очевидца. Подобная же смена стиля характерна и для другого произведения Арриана каппадокийского периода, «Перипла Понта Евксинского», где за описанием действительного путешествия автора вдоль побережья Черного моря от Трапезунта до Себастополиса (Агг. Рег. 1–11) следует компилятивная сводка, основанная на литературных источниках: описание береговой линии от Боспора Фракийского до Трапезунта (Рег. 12–16), и от Себастополиса до Византия (Рег. 17–25). Переход от сухой теории «Тактики» к живой конкретике «Кавалерийского трактата» обозначен вводной фразой: «Теперь я намерен рассмотреть конные упражнения (τὰ ἵππικὰ γυμνάσια), которые исполняют римские конники в наше время» (Агг. Таст. 32.3). Несмотря на предупреждение о терминологических трудностях (Таст. 33.1), Арриан вводит лишь четыре новых термина (в первой части «Тактического искусства» их десятки), и все – неримские: три кельских: «петринос» (Таст. 37.4), «ксюнема» (Таст. 42.4), «толутегон» (Таст. 43.2) и один иберийский (испанский) – «кантабрийская» атака (Таст. 40.1). Все описания даны с позиций заинтересованного зрителя.

Конно-спортивные состязания (ἵππικὰ γυμνάσια)²²¹ Адриановой эпохи включали в себя адаптированные к потребностям римской армии военные приёмы и обычаи многих народов, эту армию пополнявших, или с ней встречавшихся на полях сражений (самых римлян, кельтов, иберийцев, сарматов, армян, парфян)²²². «Кавалерийский трактат» Арриана является единственным письменным источником, дающим подробное их описание. Согласно нашему автору, состязания для двух противоборствующих команд проводились на специально выровненной и подготовленной для этого площадке с трибуной для почетных гостей и зрителей (Arr. Tact. 34.1). Её размеры Арриан не указывает, результаты археологических исследований подобных сооружений в Великобритании дают цифры: в длину от 87 до 160 м, в ширину от 85 до 106²²³. Небольшие размеры позволяют говорить, что число задействованных в играх всадников достигало для одной команды максимум одной турмы (32 человека)²²⁴, а преобладающим аллюром была рысь, а не галоп²²⁵. Состязания преследовали две цели: 1) утилитарную, являясь средством обучения конников, и 2) развлекательную или эстетическую, будучи разновидностью спортивных, парадных игр, *ludi militares*, проводимых в присутствии зрителей, и весьма распространенных в Риме республиканской и императорской эпохи (Polyb. 9.20; Liv. 23.35.6; 26.51.3; 40.6.5; 44.9.3–7; Plin. Minor. Paneg. 13; SHA. Max. 2.3–3.5; Veg. 2.23)²²⁶. Команды соревновались в выезде, маневрах и метании копий в мишень или в «противника». В ходе этого представления демонстрировались приёмы, заимствованные из боевой практики, а некоторые маневры повторяли конные упражнения, бывшие обязательной частью тренировок римской армии, и известные из речи императора Адриана по итогам смотра в 128 г. африканской армии, найденной в Ламбезе (см. ниже).

Основная часть состязаний выполнялась в специальном «парадном» или турнирном снаряжении, состоящем из красочных хитонов, шлемов с закрывающими лицо масками, облегченных расписных щитов – для всадников и налобников – для коней (Arr. Tact. 34.2–8)²²⁷. Отдельные составные элементы состязания, по Арриану, включали: торжественный выезд команд на площадку (Tact. 35.1–7); атаки (с переменной ролей) на конную «черепаху» с метанием тупых (без наконечников) дротиков (Tact. 36.1–39.3), включая маневр «петринос» (Tact. 37.4–5); «кантабрийскую» атаку с использованием более тяжелых тупых копий (Tact. 40.1–12). В заключительной части упражнений, где всадники соревновались в метании по мишеням и на дальность (Tact. 41.1–43.3), применялось уже боевое вооружение. В конце трактата Арриан отмечает роль императора Адриана в деле внедрения в армию новых, в том числе заимствованных у варварских народов, упражнений (Tact. 44.1–2). По ходу описания Арриан даёт свои оценки действиям всадников, обращая особое

внимание на зрелищность и практическую пригодность упражнений: последнее иногда привлекается в доказательство того, что трактат мог выполнять функции инструктажа по проведению состязаний²²⁸.

«Конные упражнения» у Арриана частично находят параллели с манёврами, описанными в надписи из Ламбези, которая содержит речь (Adlocutio) Адриана к африканской армии в июле 128 г.²²⁹ При этом, нужно учитывать разницу в условиях их проведения. Арриан живописал конно-спортивное «шоу», в котором первые роли играли специально обученные всадники: драконарии (Agr. Tact. 35.6) и особо искусные метатели (Tact. 40.8–12); число остальных, рядовых, участников не могло быть значительным²³⁰. В Adlocutio Адриана речь идет о боевых манёврах многотысячной армии в составе III Августова легиона и нескольких вспомогательных частей – когорт и ал. Если арена для конно-спортивных состязаний готовилась специально, то армейские маневры проводились в естественных условиях. Но конечные цели «упражнений» и маневров во многом совпадали: ведь «конные представления» Арриана выполняли, в том числе, и задачи боевой подготовки (Agr. Tact. 42.5). Из явных совпадений следует отметить «вылазку из засады» (Tact. 35.1 ἐκ τοῦ ἀφανοῦς; Adloc.: e tecto) и кантабрийскую атаку (Tact. 40.1: Κανταβρικὴ ἐπέλασις; Adloc.: cantabricus densus)²³¹. Э. Берли полагает, что Арриан в составе свиты Адриана вполне мог быть свидетелем манёвров в Ламбезе, что позволило ему спустя восемь лет использовать риторику речи императора в своем «Кавалерийском трактате»²³². Манёвры и тренировки были заметной частью военной политики Адриана, который стремился с их помощью сохранить боеготовность войск в условиях мира. «Любя больше мир, чем войну, он тем не менее упражнял воинов, как будто война была неминуемой, действуя на них примерами собственной выносливости» (НА. Надр. 10.2. Пер. С.Н. Кондратьева). Самому Арриану, уже в ранге legatus pro praetore, тоже приходилось в ходе инспекции причерноморских гарнизонов (в Гиссе, в Диоскуриаде) проверять (ок. 132 г.) навыки копьеметания и умение воинов запрыгивать на коней (Agr. Per. 3.1; 10.3).

Относительно практической ценности и информативности «Кавалерийского трактата» как источника по тактике римской армии высказывались разные мнения, отразившие разницу вкусов и предпочтений. А. Девин не в меру критичен: «Несмотря на обширное знакомство Арриана с римской практикой, его описание упражнений кавалерийских ауксилиариев вполне разочаровывает. Далекий от какой-либо дидактической полезности, его отчет написан с позиций высшего офицерства (“top brass”), расценивающего военное представление с точки зрения зрителя. [...] Арриан делает упор не на практическую пользу, а на красоту, элегантность, эффектность, и зрелищность этих маневров»²³³. На-

против, Э. Босворт рассматривает «Кавалерийский трактат» как «живой, из первых рук отчет о церемониальных упражнениях римской кавалерии»²³⁴, и «неоценимый» (invaluable) исторический документ²³⁵. Как бы то ни было, историку, изучающему жизнь во всем её многообразии, интересен любой след прошлого. «Кавалерийский трактат» является единственным дошедшим до нас литературным текстом не только по конно-спортивным упражнениям, но вообще по римской коннице, притом составленным очевидцем. Этого достаточно для того, чтобы мы признали за ним значимость первоклассного источника.

«Кавалерийский трактат» интересен не только описанием конных упражнений, но и тем, что содержит определённую концепцию. Арриан по-своему отвечает на один из «проклятых» вопросов о преимуществах римской цивилизации. Для него эти преимущества заключались в способности римлян усваивать чужие достижения (Arr. Tact. 33.2–5): именно эти качества Арриан стремится раскрыть на примере военного дела²³⁶. Тема восприимчивости Рима к другим культурам традиционна для римской литературы, и приобрела особую актуальность во II веке, когда Рим, в том числе усилиями Адриана, превращался из федерации разнородных союзных, зависимых, подневольных общин в единую империю. В напоминающем хвалебный энкомий описании Арриана, романо-варварский синтез в армии стал возможен благодаря инициативам Адриана, который, как известно из других источников, провел ряд реформ, космополитических по духу (о его военных регуляциях см. Dio Cass. 69.9; Veg. 1.8; 27 и др.). Император шесть раз упоминается в трактате (только один раз по имени), из них четырежды (Arr. Tact. 42.2; 42.4; 44.1; 44.2) в контексте новшеств, введенных им в кавалерии, включая овладение «варварскими приемами» римскими конниками. Оптимистична итоговая мысль Арриана, отталкивающаяся от стихов древнего поэта Терпандра: нынешние времена, соединившие воинский дух со справедливостью (правом), лучше древних, римская империя превзошла Спарту (Tact. 44.3). Вывод не вполне обычен для приверженца философии «героического пессимизма», как называли поздний стоицизм²³⁷. Эпиктет или Марк Аврелий вряд ли могли такое сказать. Но Арриан, насколько мы можем судить, меньше всего был доктринером; его можно назвать человеком слова и дела, практиком, которому исторический взгляд на вещи позволял воспринимать жизнь во всей полноте, не предаваясь бесплодному умствованиям²³⁸. В самой его романофильской позиции отразилась общая тенденция греческой литературы II в. Сдержанное (хотя и лояльное) в целом отношение к римской власти, присущее поколению Плутарха и Диона Хрисостома, сменилось горячим одобрением в «век Антонинов»: кроме Арриана, в список апологетов империи можно включить таких писателей как Аппиан, Аристид, Лукиан, Пав-

саний²³⁹. Они вполне могли бы подписаться под словами Э. Гиббона: «Если бы у кого-нибудь спросили, в течении какого периода всемирной истории положение человеческого рода было самое счастливое и самое цветущее, он должен бы был без всяких колебаний назвать тот период, который протек от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода»²⁴⁰. Арриан не только наслаждался этим временем, он делал его.

«Диспозиция против аланов» Арриана

В «Тактике» Арриан обращался к древним образцам военного искусства греков, в «Кавалерийском трактате» – к тренировкам и играм в современной ему римской коннице. В «Диспозиции против аланов» он также описывает римскую армию, но уже в условиях боевых: какой она должна быть в походе и при встрече с противником.

Правление Адриана (117–138 гг.) было относительно мирным²⁴¹. Один из немногих военных эпизодов связан с нападением аланов на северо-восточные области империи, о котором сообщает Кассий Дион (Dio Cass. 69.15.1). По окончании Иудейской войны (восстание Бар-Кохбы 132–135/6 гг.) царь Иберии (Восточная Грузия) Фарасман II²⁴² пропустил через свои владения аланов с Северного Кавказа, которые прошли опустошительным рейдом по Албании и парфянской Мидии (Атропатена), затем вторглись в союзную Риму Великую Армению и провинцию Каппадокию. Аланы прекратили поход и вернулись в свою землю, получив богатые дары от Вологеза (думаю, что имеется в виду парфянский, а не армянский царь), и столкнувшись с военными приготовлениями каппадокийского наместника Флавия Арриана²⁴³. Какими были эти приготовления, мы узнаем из «Диспозиции против аланов», условно (по самому событию) датированной 136 г.²⁴⁴

«Диспозиция», с детальным расписанием войск на марше и на поле битвы, дополненная инструкциями по ведению боя, не имеет – как и «Кавалерийский трактат» – прямых аналогов в греческой военной литературе. Её жанр и форма уникальны²⁴⁵. В отличие от обычной нарративной практики, и в подражание языку действительных военных приказов, «Диспозиция» написана от лица командующего войском с использованием императива для 3-го лица и инфинитива в повелительном значении (есть исключения). В качестве возможных прототипов произведения Э. Босворт одно время указывал на диспозиции, составлявшиеся в лагере Дария (Агг. Anab. 3.11.3–7, свидетельство Аристубула), с которыми Арриан мог познакомиться при сборе материала для «Анабасиса»²⁴⁶. Однако в более поздней работе Босворт скорректировал свое мнение, признав, что, хотя терминология и описания сражений истори-

ков Александра действительно служили источником для «Диспозиции» Арриана, императив ими не использовался²⁴⁷. Грамматические конструкции с *imperativus* для 3-го л. и *nominativus (accusativus) cum infinitivo pro imperativo* Босворт теперь находит у Ксенофонта в «Киропедии» (Хен. Сугор. 5.3.34–45), которую считает прототипом, или образцом для Арриановой «Диспозиции»; в таком случае оказывается понятен и псевдоним Ксенофонт, избранный Аррианом (Агг. Ект. 10; 22). Признавая пользу поиска возможных прототипов произведения, я бы не стал сбрасывать со счетов и творческий потенциал самого Арриана, его способность раздвигать рамки существующей традиции.

В исследовательской литературе распространена версия о том, что «Диспозиция» является фрагментом более крупного исторического (повествовательного) труда, посвященного войне с аланами, которое Иоанн Лид (*De mag.* 3.53) называет «Аланской историей» (Ἀλανικὴ ἱστορία), а патриарх Фотий (*Bibl. cod.* 58), сокращённо, – «Аланикой» (Ἀλανικὴ)²⁴⁸. Отмеченные стилевые особенности «Диспозиции» затрудняют принятие этой версии²⁴⁹. Маловероятен вариант, при котором «Диспозиция» могла бы появиться в труде исторического характера в качестве цитируемого документа или речи командующего, как у Ксенофонта (Сугор. 5.3.34–45): в таком случае «Диспозиция» занимала бы непропорционально большую часть «Аланики», которая вся состояла, по-видимому, из одной книги²⁵⁰. Кроме того, терминология «Диспозиции» намеренно архаизирована и рассчитана на читателя, знакомого с древней традицией: противник (аланы) названы «скифами», легионы – «фалангами», центурионы – «гекатонтархами», сам Арриан выведен дважды (Агг. Ект. 10; 22) под псевдонимом Ксенофонт²⁵¹. Вообще анахронизм деталей не был совершенно чужд историческим сочинениям II века: в трактате о том, «как писать историю», старший современник Арриана Лукиан (относившийся к нему с большим уважением: *Lucian. Alex.* 2) даже высмеивал греческого автора, злоупотреблявшего римской терминологией при описании современной ему римско-парфянской войны 160-х гг.: «этот самый историк пишет названия многих из видов оружия и военных приспособлений так, как их называют римляне, а также такие сооружения, как ров, мост и многое другое. Подумай, как это возвышает историю и как достойно Фукидида, чтобы среди аттических слов встречались италийские, подобно пурпурной полосе, украшающей тогу, и какой блеск это придает речи и вообще как это соответствует одно другому» (*Lucian. Quomodo.* 15. Пер. С. Толстой). Но всё-таки парфян этот высмеянный Лукианом златоуст называет парфянами, а не персами.

По этим же причинам трудно принять точку зрения тех, кто рассматривает «Диспозицию» в качестве документа прямого действия, со-

ставленного на греческом (а не на официальном латинском, как было принято) языке для нужд разноплеменной армии Арриана²⁵². Нарративная техника, использованная Аррианом, не предназначалась для профессионалов и имела целью объяснять читателю непонятные для неспециалиста детали диспозиции, например: расположение апланийцев и киренейцев (Ekt. 14), особенности такого типа оружия, как контосы (Ekt. 16, 17), и т.д.²⁵³ Для обозначения частей и подразделений армии используются не точные официальные термины, а описательные выражения: не «Третья Ульпиева петрейская тысячная конная когорта лучников», а «петрейские конные лучники» (Ekt. 1), не «Первая когорта италийцев», а «италийцы» (Ekt. 3), и т.д.

Видимо, прав Э. Босворт, считающий, что перед нами самостоятельное произведение, а не часть более крупного, и не диспозиция прямого назначения, а литературно обработанный греческий перевод латинского военного документа²⁵⁴. Первопричиной появления «Диспозиции» могло быть естественное желание Арриана ознакомить широкую публику с удачно проведённой кампанией. Некоторые общие детали (касающиеся терминов, описания боевых построений), сближающие «Диспозицию» с традиционными греческими военными трактатами, наводят на мысль о последующей её целенаправленной доработке. Следует также принять во внимание, что в рукописи Laurentianus graecus 55.4 «Диспозиция» была помещена сразу за «Тактическим искусством». Приемлемо предположение, что она была включена (возможно, самим автором) в качестве интегральной части в сборник тактических работ Арриана, куда входили: 1) утерянный трактат по римской пехоте (упомянут: Arg. Tact. 32.2), 2) «Тактическое искусство» в двух частях, 3) «Диспозиция против аланов», с дидактической целью показать пример практического использования тактических построений и упражнений, изложенных в предыдущих работах²⁵⁵. К сожалению, отсутствие в «Диспозиции» Введения и утрата последней страницы с возможным Заключением не дают возможности уточнить замысел Арриана.

«Диспозиция» не имеет конца, так как содержащий его лист вырван из Laurent. graec. 55.4; утерянными считаются примерно двадцать строк Тойбнеровского формата²⁵⁶. В уцелевшей её части последовательно излагаются походный (Arg. Ekt. 1–10), боевой (Ekt. 11–25) порядки римской армии, даются инструкции по действиям в бою против аланов (Ekt. 26–31). Походный порядок в целом напоминает тот, что известен из Иосифа Флавия (Bell. Jud. 3.115–120; 5.47–50) и Тацита (Ann. 1.51.5–6), усиленный мерами по дополнительному обеспечению охранения авангарда и флангов с помощью конных отрядов, приданных отдельным контингентам, и одной кавалерийской алы, разделённой на-двое для прикрытия флангов маршевой колонны. Монотонное перечисление ча-

стей на марше напоминает диспозицию Вейротера в «Войне и мире» (Том I. Часть 3-я) Льва Толстого: *Die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert... die dritte Kolonne marschiert...* В дальнейшем (Arr. Ekt. 11–31) описание оживает и приближается к обычному историческому нарративу²⁵⁷. Боевой порядок не совсем обычен для читателя, привыкшего к стандартному построению легионов в три линии (*triplex acies*): у Арриана это фаланга из двух легионов (XII Громононого в неполном составе, и XV Аполлонова), переживающая свое второе рождение во II в. н.э., причём фаланга, предназначенная не для атаки (как македонская), а для обороны; на флангах располагались союзники и конница, в тылу – катапульты. При всех модификациях, привнесённых литературной обработкой, несомненно то, что в основе Арриановой «Диспозиции» лежал реальный официальный документ. Почти все упомянутые у Арриана воинские части ныне надёжно идентифицированы благодаря трудам К. Гротефенда, Г. Пелхема, Э. Риттерлинга, Э. Босворта²⁵⁸, и др. Историческая ценность «Диспозиция» общепризнана: это единственный источник, дающий подробное описание провинциальной армии в эпоху ранней империи. Данные «Диспозиции» (136 г.) – самые полные по составу римской армии на восточной границе и, наряду с *Notitia Dignitatum* (ок. 400 г.), являются основой для реконструкции всей стратегической обороны восточного римского лимеса²⁵⁹.

Помимо конкретно-исторической информации о римской армии, размещённой в Каппадокии, «Диспозиция» поставляет интересный материал для реконструкции характера битвы («лица битвы», как принято сейчас говорить) в античную эпоху. В нарративных описаниях картину боя искажают литературные условности; обычные военные трактаты римской эпохи предлагают обобщенную, идеальную схему для нужд высшего командного состава. Походный и боевой порядки Арриана против аланов – наиболее детальный сохранившийся план реальной военной кампании с конкретным расписанием частей и возможным ходом сражения, в котором, в отличие от других военных трактатов, учтены особенности тактики персонифицированного противника²⁶⁰. Соответственно, в «Диспозиции» даются разнообразные советы бойцам разных подразделений и разных шеренг, как вести себя в той или иной обстановке, какое оружие и как использовать, в какой момент переходить в атаку, или готовиться к обороне, и т.д. Всё это делает трактат важнейшим историческим источником для изучения психологии и действий в бою непосредственных рядовых участников сражения, *ranks and file*.

*Судьба тактических трактатов Арриана
в европейской научной литературе*

Греческая наука о войне, несмотря на частые обвинения в «кабинетном» ее характере, достаточно высоко ценилась в древности. Поздний эпитоматор Вегеций, обобщивший в своем трактате опыт римской военной системы, отдал должное и грекам, превосходящим римлян «в военном искусстве и теоретическом знании» (Veg. 1.1). Значимость – познавательная, а также, хотя бы отчасти, и практическая – тактических трактатов, включая трактат Арриана, подтверждается широкой их известностью на протяжении почти всей римской и византийской истории. В начале VI в. «Тактику» Арриана переиздал в сокращённом виде Урбикий²⁶¹, позднее ею пользовались автор «Тактики Льва» (Leo Tact. 7.86)²⁶² и Михаил Пселл²⁶³. Иоанн Лид (De mag. 1.47) в качестве наиболее известных военных писателей называл Элиана, Арриана, Энея, Онасандра и полиоркетика Аполлодора. Среди безымянных «древних» предшественников, на которых охотно ссылались поздние военные писатели²⁶⁴, иногда удается распознать конкретные имена. «Маврикий проявляет знакомство с военно-теоретическими трудами своих предшественников – Асклепидота, Элиана, Арриана, но особенно Онасандра и Вегеция, хотя ни разу не называет их по имени»²⁶⁵. Почти наверняка «Тактику» и «Диспозицию против аланов» Арриана творчески использовал автор (Псевдо-Маврикий или Урбикий III) византийского «Стратегикона»²⁶⁶; доводы Арриана в пользу клинообразного построения конницы (Agr. Tact. 16.6–8) получили развитие в «Стратегике» (Praecepta militaria) Никифора Фоки (император 963–969)²⁶⁷.

Средневековая война «отчасти была наследницей античной войны»²⁶⁸. Эта оценка правомерна и в отношении военного искусства. Но если в Византии оставались сильны традиции греческой полемологии, то на Западе доминировала латиноязычная литература, а главным авторитетом был Вегеций²⁶⁹. Более серьёзное увлечение именно греческими военными трактатами возникает в эпоху Возрождения, и продолжается в Новое время. Отток части византийских интеллектуалов на Запад, прежде всего в Италию, после захвата турками Константинополя (1453 г.) придал дополнительный импульс более широкому освоению греческого наследия²⁷⁰; технические условия подготовило изобретение Гутенбергом печатного станка²⁷¹. Цитировать «древних», сверяться с их опытом стало модой. Макиавелли, этот «величайший из дилетантов, занимавшийся когда-либо военным делом»²⁷², в своем трактате «О военном искусстве» (1519 г.) широко использует рекомендации древних греков, например, в рассуждениях о невозможности использовать щит при десятилопестевой сариссе в македонской фаланге²⁷³. Из греческих такти-

ков наибольшую популярность приобрёл Элиан, первое печатное издание «Тактической теории» которого появилось уже в 1552 г.; в течение XVI–XIX вв. его труд переиздавался 48 раз на разных языках²⁷⁴. Спустя более чем столетие после editio princeps Элиана были опубликованы «Тактическое искусство» и «Диспозиция» Арриана (1664 г.)²⁷⁵, а первого печатного издания «Тактического искусства» Асклепиодота пришлось ждать до 1853 года²⁷⁶. Подход к древнему наследию, если не брать филологическую сторону, был, с современной точки зрения, не строго научным, а скорее антикварным, но вместе с тем, как ни странным это может показаться, – прагматическим, ориентированным на решение насущных вопросов, в частности – на обеспечение рационального ведения тогдашнего военного дела. Известный историк Ф. Ламмерт, например, привёл доказательства того, что кавалерийская пистолетная тактика рейтарских эскадронов XVI–XVII вв. подражала маневрам «Кавалерийского трактата» Арриана²⁷⁷. Весьма ощутимым было влияние «древних» (часто – через византийское посредничество) на развитие европейской военной мысли в XVII–XVIII вв.²⁷⁸, что сказывалось и на практической деятельности многих военных реформаторов, не исключая нашего Петра I²⁷⁹. Отсутствие настоящего аналитического подхода формировало достаточно простодушный, часто без какой-либо дифференциации предмета исследования и источников, взгляд, согласно которому произведения античных тактиков адекватно отражают некогда существовавшую военную систему. Отзвуком такого, уже уходящего в прошлое, подхода стали известные, особенно у нас в стране, статьи Ф. Энгельса «Армия» (1858 г.) и «Пехота» (1860 г.) в «Новой американской энциклопедии», где просто пересказывается – без ссылок на источник – идеальная организация македонской фаланги, как она изложена в «Тактиках» Элиана и Арриана, причем учреждение её совершенно безосновательно приписано Александру Македонскому²⁸⁰.

Примерно с середины XIX века в изучении военной литературы древних утверждается аналитическое направление. Важной вехой на этом пути стало критическое издание корпуса произведений греческих военных писателей Г. Кёхли и В. Рюстова²⁸¹. Одной из примет этого нового этапа стал более дифференцированный подход к творчеству отдельных авторов. Именно тогда работы Арриана попали под луч взыскательной текстологической критики, одним из ярких проявлений которой стала заочная полемика Р. Фёрстера с Г. Кёхли по проблеме соотношения «Тактик» Элиана и Арриана²⁸². Но достижения в том, что касалось филологического анализа текста, сопровождались гиперкритицизмом в отношении исторической (в смысле источниковедческой) значимости тактических трактатов²⁸³. Гиперкритиками были большинство представителей немецкого, ведущего в XIX – начале XX вв., антиковедения, в их числе

издатели Арриана Г. Кёхли и В. Рюстов. Показательна и негативная оценка, которую дал Арриановой «Тактике» в 1895 г. К. Хартманн. «Поражает, – писал он, – как Арриан, продемонстрировавший в других своих работах высокую степень аккуратности в обращении с источниками, здесь мог довольствоваться слабыми во всех отношениях сочинениями по тактике Асклепиодота и Элиана, так что первые 32 главы его труда представляют лишь несколько улучшенный вариант сочинений этих тактиков, но не самостоятельную работу»²⁸⁴. Крайне пренебрежительно о работах греческих тактиков, включая Арриана, отзывался известный военный специалист Ганс Дельбрюк. «Удивительно, как скудна эта литература, и тем более удивительно, что два крупнейших человека – Полибий и Посидоний – составили руководства по тактике. Если последние до нас не дошли, то все же сохранившиеся до нашего времени более поздние труды Асклепиодота, Оносандра, Элиана и Арриана восходят к ним. Но в этих трудах не проявлено ни капельки разума, а самым удивительным является то, что, – хотя Полибий и пережил победу римской тактики боевых линий над фалангой и даже сам ее описал, а Посидоний жил во времена Цезаря, – но все же ни в одной из этих тактик мы не сможем найти ни слова о легионе и о его своеобразных формах борьбы. Мы находим в них все ту же самую седую теорию, переходящую в течение столетий из одной книги в другую и все еще оперирующую с длиннокопийной фалангой. [...] Нет никакой необходимости дольше останавливаться на этом вопросе и перечислять все те ошибки и даже абсурды, которые были допущены в отдельных деталях»²⁸⁵.

С позиций сегодняшних гиперкритицизм XIX – начала XX века можно охарактеризовать как своего рода «болезнь роста» молодой ещё – по словам М. Блока, сказанным в 1940-е гг., «переживающей детство», – исторической науки. Сто лет назад она была молода и как «серьезное аналитическое занятие»²⁸⁶, и как особая сфера профессиональной деятельности²⁸⁷. Античная история по старинке рассматривалась как часть классической филологии; ей недоставало самостоятельности, обретаемой с появлением собственного предмета и собственного метода исследования. Методология исторического поиска не поспевала за методикой текстологического анализа. Любая наука начинается с постановки вопросов, а вопросы несли на себе печать откровенного модернизаторства. На основании выводов (т.е. ответов) учёных критического направления можно восстановить главный вопрос, которым они задавались: «Совпадает ли то, что я прочёл у греческих тактиков, с моим собственным представлением о военном деле?» Если нет, следовал неутешительный вердикт, как в случае с «объективным анализом» (Sachkritik) Г. Дельбрюка, процитированным выше. Современный исследователь У.К. Притчетт так объясняет ошибки метода знаменитого

немецкого историка: «Дельбрюку казалось, что с помощью своего знания военного дела он может реконструировать битвы древности, тактику, численность воюющих, и т.д., гораздо лучше, чем это сделали классические авторы. Владение материалом современной военной практики дает ему, как он полагал, основание для определения того, что реально, а что нереально в огромном компедиуме античных источников»²⁸⁸. Отсутствие критической саморефлексии во многом предопределяло субъективизм историков, чья установка, казалось бы, была строго позитивистской.

Более адекватная оценка исторической значимости греческих «Тактик» как особого типа исторических источников может быть получена при другой формулировке вопроса: «Какова причина того, что эти работы ценились в древнем мире?» В таком случае меняется задача, которую ставит перед собой исследователь, меняются и результаты, к которым он приходит. Если признать старый гиперкритицизм «болезнью», то лучшим лекарством от него стало конкретное изучение источника в контексте времени, когда он был создан. Лечение было прописано и не замедлило сказаться. Параллельно с гиперкритицизмом в том же XIX в. стало формироваться направление, рассматривающее греческие военные трактаты, и среди них – военные произведения Арриана в более позитивном ключе. Тут надо заметить, что критика немецких антиковедов касалась, в основном, первой, эллинистической, части «Тактического искусства» Арриана (Агг. Такт. 1–32.2), где действительно доминировали традиция и абстрактно-математический подход к предмету (что не означает совершенную непригодность текста для практического использования). Более взвешенные оценки давались другой части военно-теоретического наследия Арриана, отражающей реалии римского времени. С конкретно-исторической точки зрения изучалась «Диспозиция против аланов», содержащая перечень воинских контингентов провинции Каппадокии (единственное подробное описание провинциальной армии в эпоху ранней империи), скрупулезной идентификацией которых занималась целая плеяда ученых²⁸⁹. Данные «Диспозиции» (136 г.) вместе со сведениями *Notitia Dignitatum* (ок. 395 г.) стали основой для реконструкции всей стратегической обороны восточного участка римской границы со времени, как минимум, статьи Г. Пелхэма (1895 год)²⁹⁰.

«Кавалерийский трактат» (Агг. Такт. 32.3–44.3) стали более интенсивно изучать позже, примерно с середины XX в. Можно сказать, что делу помог случай. В октябре 1950 г. в баварском городе Штраубинге случайно был обнаружен клад, содержащий детали т.н. «парадного» вооружения III в. н.э. (семь шлемов с имитирующими человеческие лица масками, поножи, конские налобники и др.), аналогичные тем, что описал Арриан (Такт. 34.2–8). Исторический комментарий Г. Клумбаха²⁹¹

к находке положил начало целому ряду исследований по реконструкции конно-спортивных состязаний в римской армии на основе описания Арриана. Первый полный перевод «Кавалерийского трактата» на европейский язык (немецкий) Ф. Кихле²⁹² способствовал более скорому введению в научный оборот содержащихся в нем данных. На сегодняшний день накопилась значительная литература по вопросу, в которой, наряду с трудами традиционного исторического направления, видное место занимают исследования, выполненные в рамках т.н. «экспериментальной археологии», среди них – работы немецкого ученого Марка Юнкельманна²⁹³, и конного тренера из США Анны Хиланд²⁹⁴.

От вывода о полной непригодности греческих тактиков к осознанию их значительной роли в развитии римского военного искусства – такова эволюция взглядов учёных, занимающихся изучением древней «науки побеждать». Ещё раз уточним разницу между тем, что писал Г. Дельбрюк, и тем, что пишет один из крупных современных специалистов: «Первое наблюдение, которое бросается в глаза при изучении трактатов по тактике, таково, что авторы императорской эпохи часто пишут по-гречески или предпочитают обращаться к примерам, взятым из истории Спарты, Афин или эллинистических монархий, словно подразумевая, что римляне не изобрели ничего нового в этой области. Но прежде чем решать, объяснить ли эту странность своего рода модой или неверно выбранной перспективой, будет бесполезным уточнить, какими средствами располагали сражающиеся для достижения своих целей»²⁹⁵. Вопрос о значении тактических трактатов поставлен более корректно, отсюда и более приемлемый для нужд историков ответ: «Существовала настоящая римская военная наука, хотя она часто и основывалась на греческих идеях»²⁹⁶. Две черты греческих тактиков: 1) абстрактно-теоретический, оторванный от практики, подход к военному искусству, и 2) слепая (как казалось) приверженность старым образцам, сегодня предстают в ином свете. То, что ранее рассматривалось как недостаток, сейчас выглядит если не достоинством, то заслуживающей внимания особенностью. Такое изменение акцента находится в русле антимодернизаторского направления современной историографии, последовательно вырабатывающей понимание того, что нельзя переносить на древность представления нашего времени, и оценивать тактический трактат, служивший учебным пособием по военному делу, мерками обычного литературного произведения, без учёта специфики жанра.

Сказанное относится не только к проблеме отражения в тактических трактатах Арриана современной ему римской действительности. Эволюцию претерпел и взгляд на обращённую к греко-македонскому опыту первую часть «Тактического искусства», которая ныне рассматривается как вполне достоверный источник по истории классического

и эллинистического военного дела. Известный своими конкретно-историческими работами по военному делу древней Греции К. Притчетт как-то выразился: «Из поздних тактиков Арриан является нашим лучшим авторитетом. Хотя и не вполне свободный от некоторого романтизма, он пишет с позиций солдата-практика, недаром получившего прозвище “Ксенофонт Младший”. Наше небрежение к нему, возможно, проистекает от отсутствия современного его перевода»²⁹⁷. Ему вторит специалист по военной теории греков А. Девин: «“Тактическое искусство” Арриана, вслед за “Тактической теорией” Элиана и “Тактическим искусством” Асклепиодота, – наиболее полная и важная из сохранившихся эллинистических пособий по тактике, изучение которых привело к революции в нашем понимании военной техники как эллинистических государств, так и римлян, более того – даже персов и карфагенян»²⁹⁸. Греческие «Тактики» сегодня получили права гражданства в ряду полноценных исторических документов, и дело будущих исследователей – раскрыть во всей полноте их немалый потенциал не только как источников по военному делу, но и как свидетельств военной мысли греков, относительно самого существования которой неоднократно высказывались скептические суждения²⁹⁹.

Ситуация с изучением наследия греческих тактиков в нашей стране наполнена динамизмом. Недавний очерк А.К. Нефёдкина³⁰⁰ избавляет меня от необходимости подробно останавливаться на текущем состоянии дел в военно-исторической науке о периоде античности. Возможна двойкая оценка этого состояния: с точки зрения того, что сделано, и того, что предстоит сделать («стакан наполовину полон, или наполовину пуст»). Точкой отсчёта для нас, видимо, ещё долго будет уровень, достигнутый в бывшем СССР. Изучение древнегреческой военной литературы в советское время было совершенно неудовлетворительным³⁰¹. Причина не только в нехватке профессиональных, знающих древние (да и современные) языки, кадров. Были и причины общего характера, которые называет А.К. Нефёдкин. «Долгое время у нас в стране тема военной истории и военного дела хотя и не были под запретом, но все же не приветствовалась, поскольку считалась милитаристской. Теперь времена изменились, и прерванные в 1930–е гг. исследования возобновились с новой силой. Однако приходится признать, что за прошедший период западная наука (в первую очередь, английская) в области изучения античного военного дела продвинулась далеко вперед. Сейчас в российской исторической науке делаются попытки исправить положение»³⁰².

Попытки, должен сказать, небезуспешные. Еще несколько лет назад автор этих строк писал: «Греческая военная литература известна у нас плохо, прежде всего – из-за отсутствия современных русских переводов. [...] Русскоязычный читатель, интересующийся греческой военной тео-

рией, но не вооруженный знанием языка оригинала, может, пользуясь переводными источниками, составить с разной степенью полноты некоторое представление о трех из четырех ее направлений. С тем, что входило в задачи полководца (стратегикой), он познакомится по дореволюционным переводам Онасандра и Маврикия; о приемах осадной войны (полиоркетике) узнает из переводов трудов Аполлодора, Афинейя, византийского Анонима (ВДИ. 1940. № 1. № 3/4) и Энея Тактика (ВДИ. 1965. № 1–2.); за знаниями о военных хитростях (стратегемах) ему придется обратиться к старому изданию Полиена Македонца. А вот относительно самого распространенного в античности искусства полевой войны (тактики) и излюбленного жанре военных писателей – тактических руководств – любознательный читатель останется в неведении: их на русском языке нет, если не считать незначительных отрывков из той же “Тактики” Арриана в *Scythica et Caucasica* В.В. Латышева³⁰³.

За немногие истекшие годы положение стало меняться. Греческая военная мысль постепенно перестаёт быть «белым пятном» и в нашей стране. В сегодняшней издательской практике наблюдается чуть ли не «девятый вал» публикаций и републикаций переводных (старых и новых) книг с европейских языков (К. Клаузевица, Г. Дельбрюка, Б. Лиддел-Гарта, Р.Э. Дюпюи, Т.Н. Дюпюи, П. Коннолли, Дж. Вэрри и др.). Появились серийные издания, посвященные военной истории: «Библиотека военной истории» (Минск, 1998–), «Военно-историческая библиотека» (Москва; С.-Петербург, 1999–), в которых немалое место отведено античности; вопросы доогнестрельного военного дела получают освещение на страницах военных журналов *Para bellum*, «Сержант», «Цейхгауз», «Воин». Правда, брешь, вызванная искусственным ограничением исследований военной проблематики в советское время, еще далеко не заполнена, особенно в такой сфере, как литература по стратегии и тактике. А.К. Нефёдкин, сам весьма продуктивно работающий по военно-теоретической тематике, заметил, что «античная военная теория, пожалуй, наименее разработанная тема в отечественной историографии»³⁰⁴. Но и здесь мы наблюдаем существенные подвижки. Помимо переизданий уже переводившихся военных писателей (Полиэн, Фронтин, Вегеций, полиоркетики и т.д.), появились современные переводы Полиэна, Маврикия, других грекоязычных авторов³⁰⁵. Опубликовано, усилиями того же А.К. Нефёдкина, комментированный перевод первой, и самой ранней из трех уцелевших от античной эпохи, «Тактики» ученика Посидония, «кабинетного стратега» Асклепиодота³⁰⁶. Теперь читатель получает возможность познакомиться с тактическими трактатами Флавия Арриана, бывшего не только теоретиком, но и практиком военного дела.

- ¹ Roos, Wirth 1967–1968.
- ² Roos 1907, 1928.
- ³ Bowie 1970. P. 24. Not. 69.
- ⁴ Bosworth 1988. P. 16. Not.1.
- ⁵ Walbank 1997. P. 233: since 1980 interest in Arrian has been growing.
- ⁶ Оценку более чем десятилетней давности см.: Первалов 1996. С. 71–78.
- ⁷ Bosworth 1993. P. 227.
- ⁸ См. работы, в которых анализируются малые, в том числе военные, произведения Арриана: Первалов 1997. С. 123–128; 1999б. С. 283–315; 1999г. С. 145–153; 2000а. С. 123–126; 2001а. С. 236–243; Нефёдкин 1995. С. 64–67; 1999а. С. 173–188; 2002б. С. 38–48, и др.
- ⁹ Ameling 1984. S. 129–130. Ф. Миллар (Millar 1964. P. 70) с сомнением отнесся к сообщению словаря Суда о том, что Дион написал биографию Арриана, имя которого упоминается в «Римской истории» Диона лишь однажды (Dio 69.15.1). Е. Бови (Bowie 1970. P. 17. Not. 46) считает такие сомнения неосновательными (there is no good reason to doubt this).
- ¹⁰ Peppas-Delmouzon 1970. P. 377–380; AE. 1971 (1974). 437.
- ¹¹ AE. 1968 (1970). 473; Bowersock 1967. P. 279–280; Oliver 1970. P. 335–338.
- ¹² AE. 1974 (1978). 370.
- ¹³ Schwartz 1896. Sp. 1230–1247.
- ¹⁴ Вариант – от отца Веспасиана, Тита Флавия Сабина – T. Flavius Sabinus (Doulcet 1882. P. 2–3).
- ¹⁵ Pelham 1896. P. 626.
- ¹⁶ Ramsay 1941. P. 178.
- ¹⁷ Об этом см. также: Birley 1953b. P. 158–159.
- ¹⁸ The new civis took the Emperor's nomen and praenomen, retaining his original neme as cognomen (Ramsay 1941. P. 6).
- ¹⁹ Сомнения в происхождении *nomen*'а Арриана от императора династии Флавиев высказывал еще до находки афинской надписи в театре Диониса (1970 г.) Эрик Берли (Birley 1953b. P. 159).
- ²⁰ SIG. I. 827 A. Note 3c (P. 538).
- ²¹ PIR. II. P. 210, 286 (E. Groag); Крюгер 1993. С. 8; Агбунов 1987. С. 8; Трохачев 1993. С. 7. Сомнения хронологического плана в возможности соотнести Квинта Эппия Флавия Арриана с Аррианом из Никомерии высказывал А. Stein (PIR. III. 1943. F 219. P. 137), но еще в 1970 г. Э. Бови (Bowie 1970. P. 25) называл это сложносо-ставное имя. Окончательно эта версия, объединявшая имена двух разных людей, была развеяна А. Плассаром (см. ниже).
- ²² Plassart 1970. No. 290 (esp. P. 46–57).
- ²³ Агбунов 1987. С. 8; Трохачев 1993. С. 7.
- ²⁴ Peppas-Delmouzon 1970. P. 377–380. Статья с фотографией надписи мне недоступна. См. также AE. 1971 (1974). 437.
- ²⁵ Oliver 1970. P. 338. Чтение A(ulus) в принципе также возможно, но это имя крайне редко сочетается с *nomen*'ом Flavius (согласно индексу CIL на 93 случая употребле-ния имени L. Flavius приходится лишь два A. Flavius). Афинская надпись с *praenomen*'ом Арриана побудила исследователей вернуться к интерпретации известной и ранее, но не атрибутированной и не датированной надписи из Никомерии (SEG I. 446 = Roos Te. 3. apparatus criticus), где читалось имя $\Lambda(\omicron)\upsilon\beta\iota(\kappa\iota\omicron\nu)$: ныне она всё более уверенно связывается с нашим Луцием Флавием Аррианом (См.: Stader 1980. P. 189. Not. 5). Вообще *praenomen* в первые века нашей эры утрачивает свое прежнее значе-

- ние, определителем личности, как правило, становится *cognomen*, значение же родового имени низводится почти до минимума (Salway 1994. 84. P. 130 ff.).
- ²⁶ Syme 1982. P. 182; Bosworth 1988. P. 17; Ameling 1984. S. 119; Alföldy 1977. S. 238 ff., и др.
- ²⁷ Скорее всего, по инерции П. Брант (Brunt 1976. P. IX) ещё в 70-е годы, уже после публикации афинской надписи, писал о том, что «его (Арриана) отец или дед получил достоинство римского гражданина от одного из императоров Флавиев» (69–96 гг.).
- ²⁸ Немного филологии. Русское правописание данного *supname* спорно. Фамилия Stadter не относится к числу природных английских и отсутствует в соответствующих словарях (см. Рыбакин 1986). Будучи производной от *нем.* Stadt, она могла бы произноситься по-русски как *Штедтер*, что и делалось мной в предыдущих публикациях (Первалов 1996 и др.). В англоязычном произношении (см. таблицу: Рыбакин 1986. С. 13–20), фамилия Stadter будет звучать как *Стадтер*. Поскольку в данном случае единообразие важнее фонетической точности (тем более – этимологии), я буду придерживаться получившего уже некоторое распространение чтения *Стадтер* (так: Нефёдкин 1999а. С. 174; Ксенофонов 2002. С. 7; ср. *Смедтер*: Маринович 1993. С. 217. Прим. 24; lapsus calami у Г.С. Самохиной – *Смедлеп*/Stadler: Самохина 2007а. С. 316, и др.), памятуя о том, что «о терминах не спорят, о них договариваются». Схожая проблема – с фамилией Speidel, которая встретится на страницах этой книги: её у нас транскрибируют и как Спейдель, и как Шпайдель (см.: Качарава, Квирквелия 1991. С. 31 и др.).
- ²⁹ Stadter 1980. P. 2. Не обратила внимание на эту поправку американского исследователя А. Хиланд, которая, со ссылкой на более раннюю статью Ф. Стадтера (Stadter 1967) продолжает утверждать, что отец Арриана «обязан своим римским гражданством одному из императоров Флавиев» (Hyland 1993. P. 3).
- ³⁰ PIR² F 188; Stadter 1980. P. 190. Not. 9; Syme 1982. P. 184. Менее вероятны кандидатуры нескольких Луциев Флавиев более позднего времени I–II вв. н.э.
- ³¹ Pelham 1896. P. 626; Stadter 1980. P. 2, 190. Not. 9, 10.
- ³² Stadter 1967. P. 155–161; 1980. P. 2–3. Мнение поддержано: Hyland 1993. P. XIII. Возражения: Ameling 1984. S. 119. Anm. 2; Bosworth 1988. P. 26. Not. 52.
- ³³ Brunt 1976. P. XIII; Ameling 1984; Bosworth 1988. P. 26; 1993. P. 272–275; Devine 1993. P. 314–315.
- ³⁴ Bowie 1970. P. 25: his family may have been of predominantly if not entirely Italian origin. Ср.: Swain 1998. P. 242.
- ³⁵ Syme 1988а. P. 8–9.
- ³⁶ Syme 1982. P. 183: Nicomedia, despite its rank and strategic advantages, shows few traces of Italian settlement.
- ³⁷ Wheeler 1978. P. 351.
- ³⁸ Stadter 1980. P. 8: (Арриан) Neither from old Italic stock which had settled in the East nor from one the dynastic families to which Rome had found it politic to grant citizenship and advancement to high position.
- ³⁹ Degrassi 1952. P. 37 (129 g): Severo et Arrian[o] cos.
- ⁴⁰ Syme 1982. P. 199; Bosworth 1988. P. 23. Дата 121–124 гг., встречающаяся в работах отечественных историков (Крюгер 1993 [1962]. С. 11; Агбунов 1987. С. 8; Трохачев 1993. С. 8), безнадежно устарела. Очевидны труднообъяснимые ошибки во вводной статье к Арриановой «Индии», опубликованной в ВДИ (1940. № 2), где говорится, что Арриан «был консулом при Антонине Пии» (т.е. не ранее 138 г.), а «родился в начале II в. н.э.» (Античные писатели 1940. С. 226).
- ⁴¹ Здесь и далее приводится разделение Аррианова «Перипла Понта Евксинского» по главам и параграфам, принятое в изданиях Roos, Wirth 1968. II. P. 103–128, Silberman

- 1995, отличное от той, что использовано К. Мюллером (GGM. I. P. 370–401), и затем воспроизведено в издании: SC. I. С. 217–228.
- ⁴² Последние монеты Котиса II датируются 429 г. боспорской эры = 132/133 г.н.э. Его преемник Реметалк чеканил монету со своим именем уже в 428 г. б.э. = 131/132 г. Факт одновременного выпуска монет Котисом и Реметалком порождает различные объяснения: либо Реметалк был соправителем Котиса в последний год (или два) его правления (Фролова 1972. С. 187 сл.; Анохин 1986. С. 108 сл.; Абрамзон, Фролова, Горлов 2000. С. 61), либо эмиссия монет Котиса 429 г. происходила уже после его смерти в конце 428 г. (Silberman 1995. P. 49). По смерти Котиса датируется и плавание Арриана вдоль черноморского побережья – 131 или 132 г. (Silberman 1995. P. VII, IX–X). Датировка «Перипла» у И.Ю. Булкина 136 годом (Булкин 2005. С. 97) труднообъяснима (*lapsus calami?*).
- ⁴³ Ф. Стадтер, придерживающийся даты 129 г., не исключает и 125 или 126 г. (Stadter 1980. P. 11: 125 and 126 are both possible, though 129 is more likely). Но в таком случае придётся скорректировать время проконсульства Арриана в Бетике, датируемого ныне серединой или второй половиной 120-х гг. (см. ниже), а, возможно, и сдвигать на несколько лет (примерно до 83 г.) дату рождения Арриана, что, в свою очередь, повлечёт перенос сроков учебы у Эпиктета (до 103 г.), и вызовет ряд дополнительных проблем из-за необходимости согласовать биографические вехи молодого Арриана с датой Дакийских войн Траяна (101–107 гг.), упомянутых в «Беседах Эпиктета» (Diss. 2.22.22 и др.).
- ⁴⁴ О законе: Бартошек 1989. С. 186. *Cornelia lex de magistratibus*.
- ⁴⁵ О социальной группе *homo novus* в республиканском Риме см.: Трухина 1986. С. 40–45.
- ⁴⁶ Stadter 1980. P. 3; Syme 1982. P. 183: the *novus homo* normally attains the *fascēs* when forty-two; Devine 1993. P. 312: around forty-two.
- ⁴⁷ Brunt 1976. P. X; Syme 1982. P. 183: about 86; Stadter 1980. P. 3: Arrian would have been born about A.D. 89, although perhaps as early as 85, or as late as 92; Devine 1993. P. 312: between A.D. 85 and 90.
- ⁴⁸ О жречестве Арриана также упоминает сомнительного происхождения надпись из Никомедии в честь Арриана Флавия (необычный порядок имен), «топарха» (sic!) Каппадокии и жреца Деметры и Персефоны (Roos Те. 17, apparatus criticus). Некоторые исследователи (Schwartz 1896. Sp. 1230; Савицкий 1941. С. 8) с излишним доверием отнесли к этой надписи. Критику достоверности см.: Stadter 1980. P. 192. Not. 29.
- ⁴⁹ Встречающееся порою в литературе утверждение о том, что Арриан исполнял жреческую должность «в конце жизни» (Трохачев 1993. С. 8–9; ср.: Кучма 2001. С. 26) не безусловно. Разные точки зрения см. в разделе «Сочинения Арриана. Дискуссия о творческом пути» (С. 26–31).
- ⁴⁰ См.: Марру 1998. С. 200, 211, 225, 246, 260, 272, 288. Очерк истории античного воспитания А.-И. Марру до сих пор пользуется заслуженной популярностью. Однако его теория сложения цикла из «семи свободных искусств» уже в раннеэллинистическое время, до эпохи Новой Академии (II в. до н.э.), нашла своего критика в лице Илзетраут Адо (Адо 2002. С. 58–64).
- ⁵¹ Millar 1965. P. 142.
- ⁵² О date: Millar 1965. P. 142; Syme 1982. P. 184; Bosworth 1988. P. 17; Stadter 1980. P. 20: about A.D. 107–109. Мнение О.О. Крюгера о том, что Арриан учился у Эпиктета «по-видимому [...] в Никомедии между 112 и 116 г.» (Крюгер 1993. С. 8), ни на чем не основано. Датировочным элементом для лекций Эпиктета, записанных Аррианом, является указание (Diss. 2.22.22) на войны римлян с гетами (т.е. Первая и Вторая Дакийские войны), длившиеся с 101 по 107 г. Эпиктет тогда находился в Никополе (Эпир), куда был выслан ещё императором Домицианом. Также непонятно, на чем

- основано предположение Е.М. Штаерман о том, что, «видимо, при Траяне ему было разрешено вернуться в Рим», где его слушал «автор истории походов Александра Македонского сенатор (впоследствии консул) Флавий Арриана» (Штаерман 1975. С. 197). Это предположение стало утверждением у В.В. Сапова в комментариях к Эпиктету, где говорится, что философ будто бы читал лекции «сенатору» (sic!) Арриану в Риме, куда Эпиктет вернулся «при императоре Траяне» (Римские стоики. С. 446; то же: Маринович, Кошеленко 1997. С. 26). Местом обучения Арриана и его записей с лекциями Эпиктета может быть только упоминаемый в них Никополь (Diss 2.6.20); к тому же Эпиктет ясно говорит, что его сократические беседы в Риме, чреватые побоями от знатных лиц, остались в прошлом (Diss. 2.12.17–25). О том же свидетельствуют эпизод с просьбой Эпиктету написать письмо в Рим «отсюда», т.е. из Никополя (Diss. 1.9.27; ср.: 1.25.19), встреча философа с приехавшим из Рима префектом анноны (Diss. 1.10.2–6), и упоминание, что когда-то, в его бытность в Риме, врачи приглашались к больному (Diss. 3.23.27). Знакомство Арриана с окрестностями Никополя в Эпире подтверждается некоторыми местами «Анабасиса» (Agt. Anab. 2.16.5–6) и «Индики» (Agt. Ind. 41.2–3).
- ⁵³ См. Столяров 1995. С. 309–317; Маринович, Кошеленко 1997 и др. Есть мнение, что именно эта черта моральной философии Эпиктета, противостоявшая полиматии (всезнайству) многих философов средней Стои (в частности, Посидония), способствовала в дальнейшем попыткам творческого переосмысления Аррианом стоической – восходящей к Полибию и Посидонию (Devine 1995. P. 41, ср. Самохина 2007а) – традиции составления тактических трактатов. Доказать эту точку зрения довольно сложно (см. следующее примечание).
- ⁵⁴ Отдельный вопрос – о степени влияния не только стиля преподавания, но всей философии Эпиктета на творчество Арриана в целом, не только его «Тактики». Одни считают это влияние безусловным, и прежде всего – в сфере этике (Савицкий 1941. С. 12–13; Stadter 1980. P. 5; Nyland 1993. P. 4), другие выражают на этот счет сомнения (Syme 1988с. P. 554). Проблема эта достаточно сложная и, пожалуй, более тонкая, чем иногда кажется, во всяком случае – не решаемая однозначно. Жанр диатриб, в которых излагались мысли Эпиктета, был мало приспособлен для пропаганды догматических философских систем. По оценке П. Фора, «за ними не стояло никакого цельного и строго выдерживаемого учения, скорее то было множество чисто эмоциональных откликов» (Фор 2001. С. 233). Интересен вопрос о том, в какой мере учение Эпиктета отразилось в образе любимого героя Арриана – Александра. Здесь высказывались разные точки зрения. По мнению Д.И. Цибукидиса, «несмотря на восторженное отношение к Александру, Арриан показал его в духе стоической концепции» (Цибукидис 1981. С. 51). Однако, дифирамбы деяниям Александра (Agt. Anab. 7.30) плохо согласуются с Эпиктетовым презрением к славе. Похоже, что стоицизм Арриана в большей мере проявлялся в его отношении к самому себе, чем в оценке его героев. Восхищаясь Александром, и сознавая собственную значимость в качестве достойного биографа великого Македонца, Арриан демонстративно отказывается называть свое имя (Agt. Anab. 1.12.5): поступок, радикально отличающий его от того сонма велиречивых самовлюбленных историков, которых позднее высмеял Лукиан (Quod scrib. hist. 15–16).
- ⁵⁵ Адо 2002. С. 303. Греческий язык в первые века н.э. использовался не только в образовании, но и для нужд римской администрации (Kaimio 1979); в особенности это характерно для восточной части империи (Ле Бозк 2001. С. 115). Дополнительно о греко-латинском двуязычии в Римской империи см.: Джоунз 1997.
- ⁵⁶ Comm. in Epict. Encheir. Praef. Основанное на этом сообщении предположение Арнима (RE. VI. Sp. 126) о том, что Арриану принадлежало и «жизнеописание Эпиктета» (βίος Ἐπικτήτου), не может быть проверено (Hartmann 1910. S. 604).

- ⁵⁷ Т. Вирт считает письмо к Геллию своего рода литературной игрой, а сами «Беседы» произведением не Эпиктета, а именно Арриана. Ф. Стадтер, предлагает иное объяснение: Арриан, имея на руках записи учения Эпиктета, время от времени правил их, давал для чтения своим друзьям и знакомым, один из которых, возможно, без ведома Арриана, издал их. Не исключено, что издателем известного нам текста стал сам Геллий. Из письма Арриана Геллию можно заключить, что Эпиктет к тому времени уже умер, может быть – между 125 и 130 г. (Stadter 1980. P. 27–29), или ок. 135 г. (Wirth 1964. S. 225).
- ⁵⁸ Stadter 1980. P. 27.
- ⁵⁹ Столяров 1995. С. 310.
- ⁶⁰ См.: Stadter 1980. P. 5–10; Syme 1982.
- ⁶¹ Ф. Стадтер (Stadter 1980. P. 7) неверно определил параллельные варианты как последовательные этапы карьеры: After the grant of the *latus clavus*, Arrian could have gone on as *vigintivir* [...] then as *tribunus militum laticlavius* with a legion. P. Сайм заметил по этому поводу: That process lacks parallel (Syme 1982. P. 188. Not. 37).
- ⁶² Parker 1958. P. 188.
- ⁶³ О структуре сенаторской и всаднической карьеры см.: Ле Бозк 2001. С. 56–59.
- ⁶⁴ Birley 1953a, ср. Campbell 1975. P. 17–18; Колобов 1998. С. 69.
- ⁶⁵ Stadter 1980. P. 60.
- ⁶⁶ Syme 1982. P. 188.
- ⁶⁷ Plassart 1970. No. 290.
- ⁶⁸ Осенью 114 г. (Plassart 1970. P. 41); 114–116 г. (Follet 1976. P. 35); not long after 110 (Stadter 1980. P. 7); 112 или 113 г. (Syme 1982. P. 185; Swain 1998. P. 242–243); ок. 112 г. (Bosworth 1995. P. 1).
- ⁶⁹ Devine 1993. P. 313.
- ⁷⁰ Bosworth 1988. P. 18–19; 1993. P. 229; 1995 (при этом он датирует *militia equestris* в Норике и Паннонии ок. 110 г., т.е. до участия в посольстве Авидия Нигрина).
- ⁷¹ Stadter 1980. P. 15–16.
- ⁷² Wheeler 1978. P. 351; Junkelmann 1996. S. 107. Anm. 194.
- ⁷³ Doucet 1882. P. 9; Wirth 1964. S. 228, и др. Отрицал такую возможность Э. Шварц (Schwartz 1896. Sp. 1236).
- ⁷⁴ Stadter 1980. P. 9.
- ⁷⁵ P. Сайм так оценивает возрастные показатели Арриана: «Для трибуна сенаторского ранга (латиклава) – слишком стар, для легионного легата – слишком молод» – Too old (it would appear) to serve as a *laticlavius* at that time, too young to command a legion (Syme 1971. P. 237; то же: Syme 1982. P. 187). Иначе смотрит на дело Ф. Стадтер (Stadter 1980. P. 235. Not. 38): Caution is in order, but there is no chronological difficulty, despite Syme's hesitancy.
- ⁷⁶ Bosworth 1988. P. 20.
- ⁷⁷ Roos; Wirth 1968. II. P. 225–252, с комментариями.
- ⁷⁸ Wirth 1974. S. 194; Stadter 1980. P. 9; Syme 1982. P. 182; Новиков 1982. С. 143; Chautmont 1986b. P. 524.
- ⁷⁹ Bosworth 1983. P. 266; 1988. P. 20.
- ⁸⁰ См.: Stadter 1980. P. 9.
- ⁸¹ Последняя фраза («Таких вот правителей...») обычно не включается в качестве фрагмента «Парфики» (Agr. Parth. 6 Roos = Te. 14 Roos).
- ⁸² Lepper 1948. P. 128; Бокшанин 1966. С. 237; Wirth 1974. S. 189. Anm. 79; Hyland 1993. P. 4, и др.
- ⁸³ Подробнее: Перевалов 2001б; 2006б.

- ⁸⁴ О причинах возможной ошибки: Markwart 1931. S. 102. Anm. 2; Bosworth 1983. P. 270.
- ⁸⁵ Предположение Ф. Стадтера (Stadter 1980. P. 9). Возражая Р. Сайму (выше, Прим. 75) Стадтер не придает значения возрастной проблеме (there is no problem of age or rank), и считает, что Арриан в возрасте «под тридцать» (in his late twenties) вполне мог служить военным трибуном в районе Дарьяла именно во время похода Траяна (Stadter 1980. P. 143).
- ⁸⁶ В литературных (неофициальных) греческих текстах термином ἀρχων обозначался именно наместник провинции: Mason 1974. P. 111 ff.
- ⁸⁷ Stadter 1980. P. 144: The weight of the evidence inclines towards Arrian's participation in the expedition. Дополнительно см.: Wirth 1974. S. 169–209; Syme 1982. P. 187–188; Bosworth 1983. P. 265–276; Swain 1998. P. 243; Перевалов 2001б. С. 282–289.
- ⁸⁸ Помимо версии о протекции со стороны Траяна (см. Прим. 74), Ф. Стадтер выдвинул предположение, что на ранних стадиях карьеры, в 110-е гг., покровителем Арриана был Авидий Нигрин (Stadter 1980. P. 7). Однако Нигрин оказался в числе четырех консуляров, казненных без суда в 118 г. по обвинению в подготовке покушения на Адриана (НА. Hadr. 7.1–2), и это обстоятельство могло бы помешать продвижению Арриана по службе, чего на самом деле не произошло.
- ⁸⁹ Bosworth 1993. P. 229.
- ⁹⁰ Bosworth 1988. P. 19; Birley 1999. P. 61–62.
- ⁹¹ Во время парфянского похода Траяна (114–117 гг.) Адриан был прикомандирован к штабу Траяна (вероятно как *legatus Augusti pro praetore* и *comes* императора), а в 117 г. был назначен легатом Сирии и обеспечивал тыл римских войск (Birley 1999. P. 68, 75). Арриан в дошедших до нас фрагментах «Парфики» только один раз упоминает Адриана и его эпиграмму в связи с посвящением Траяна Зевсу Касионскому (Parth. 36 Roos, ср. Anth. Pal. 6.332) – божеству горы близ Евфрата.
- ⁹² Syme 1982. P. 189.
- ⁹³ О дружбе Адриана с Аррианом, способствующей карьере последнего: Pelham 1895. P. 628; Bosworth 1988. P. 20 ff.; Stadter 1980. P. 9–10. Ср. Wheeler 1978. P. 364.
- ⁹⁴ О введении Арриана Адрианом в сенат до 120 г. *inter praetorios*: Syme 1982. P. 189; ср. Bosworth 1988. P. 21; 1995. P. 1 (ок. 120 г.).
- ⁹⁵ Ср. с мнением П. Бранта о том, что Арриан был включён в состав сената ещё до смерти Траяна, т.е. до 117 г. (Brunt 1976. P. IX).
- ⁹⁶ Датировка по смерти Котиса II (см. прим. 42). Ошибочна дата 134 г., иногда используемая исследователями (Русяева 2004. С. 179).
- ⁹⁷ Stadter 1980. P. 38–39; Bosworth 1993. P. 244, 249; Silberman 1995. P. 62. Not. 240.
- ⁹⁸ АЕ. 1974 (1978). 370.
- ⁹⁹ Eck 1974a. Sp. 120; Eck 1974b. S. 165, 202; Koenen 1977. P. 35–40; Bosworth 1976a. P. 55–64; Stadter 1980. P. 10; Bosworth 1988. P. 22. Возможным подтверждением пребывания Арриана в Бетике является описание Тартесса в «Анабасисе» (Агг. Анаб. 2.16.4) (Stadter 1980. P. 10). Э. Босворт, однако, отрицает автопсию Арриана, исходя из своей теории о ранней (до 120 г., и, следовательно, до проконсульства в Бетике) дате создания «Анабасиса» (Bosworth 1976a. P. 62–63).
- ¹⁰⁰ Syme 1982. P. 190.
- ¹⁰¹ Syme 1982. P. 190; Bosworth 1976a. P. 163; Bosworth 1988. P. 22; 1995. P. 1.
- ¹⁰² Bosworth 1988. P. 22–23. Э. Берли также считает возможным присутствие Арриана вместе с Адрианом на маневрах III Августова легиона и вспомогательных сил в Северной Африке (Ламбезис) летом 128 г. (Birley 1999. P. 212).
- ¹⁰³ Stadter 1980. P. 11: between March and August.

- ¹⁰⁴ CIL. VI. 31132: [locus datus a ...]o Arriano [curatore operum publicorum et aedium sa]craurum.
- ¹⁰⁵ Syme 1982. P. 200; Silberman. 1995. P. IX.
- ¹⁰⁶ Remy 1986. P. 73 sqq.
- ¹⁰⁷ Об одном историографическом казусе. В своё время Л.А. Ельницкий (Ельницкий 1964. С. 140) попытался «поправить» М.И. Ростовцева при трактовке Сухумской надписи с именем Арриана, утверждая, что его титул должен быть не *leg(atus)* [pro pr(aetore)], а... *leg(atus)* [p(ro) c(onsule)]. В.А. Леквинадзе воспроизводит версию Л.А. Ельницкого без каких-либо поправок (Леквинадзе 1969. С. 82), а Н.Ю. Ломоури поддерживает Л.А. Ельницкого, повторяя его утверждение, будто «Каппадокия в то время была проконсульской провинцией» (Ломоури 1981. С. 26). Здесь чистой воды недоразумение, основанное на смешении разновременной номенклатуры. Римские провинции делились на преторские и консульские в эпоху республики. В принципе основным стало деление на сенатские и императорские провинции. Сенатские провинции без легионов распределялись по жребию среди бывших преторов и консулов сроком, обычно, на один год, их наместники по-прежнему назывались проконсулами (*proconsules*) и обладали только гражданской властью. Императорские провинции в некоторых случаях могли управляться прокураторами из всаднического сословия, но чаще их возглавляли сенаторы-претории, либо, если в провинции стояли легионы, – легаты-консуляры с полномочиями претора, *legati Augusti pro praetore*. Что касается малоазийских провинций, то ещё в 69 г. н. э. все они возглавлялись легатами без легионных войск (*inermes legati*: Tac. Hist. 2.81), и лишь после преобразований Веспасиана в 70-е гг. Каппадокия из прокураторской стала «вооружённой» провинцией с двумя легионами во главе с консуляром (Suet. Vesp. 8.2), имевшим титул императорского легата преторского ранга – *legati Augusti pro praetore* (см.: Bosworth 1976c. P. 63–78; Remy 1986. P. 51–61). Этим последним титулом и обладал Флавий Арриан.
- ¹⁰⁸ [H]AD[RIAN · AVG.] PER · FL · A[RRIANVM?] LEG · [AVG. PR · PR ·] Первый издатель надписи – И.А. Стемповский (ОБ. 1830. № 93), см. также: AE. 1905. No. 175; Ростовцев 1907. С. 4–6; Ельницкий 1938. С. 319; 1964. С. 138–140; Stadter 1980. P. 197. Not. 76. Сомнения в надёжности восстановления имени Арриана на утерянной ныне надписи высказывает Д. Браунд (Braund 1994. P. 195).
- ¹⁰⁹ Трактровку надписи (Corinth VIII. No. 124), как имеющую отношение к Арриану впервые дал: Bowersock 1967. P. 279–280. Уточненное восстановление надписи предложено Ж. и Л. Робером: AE 1968. 253. См. также: AE. 1968 (1970). 473; Oliver 1970. P. 335–338.
- ¹¹⁰ Сведения о репутации Арриана как философа собраны у Г. Вирта: Wirth 1963a. S. 221–233.
- ¹¹¹ См. подробнее: Bosworth 1977. P. 229–230; Перевалов 2006б. С. 334–335.
- ¹¹² Чтение Φ[λ. Ἀρρ?]ῆανου предложено: Doulet 1882. P. 25. Принято: Савицкий 1941. С. 17. Против такого восстановления имени эпилета: Надэль 1948. № 3. С. 212–213; Stadter 1980. P. 197. Not. 76, 201. Not. 32. Издатели КБН (С. 55–56. № 47) принимают чтение: Ῥουλίου Φλαβιανού, Юлий Флавиан, персона по другим источникам неизвестная.
- ¹¹³ См.: Nadel 1982. P. 207–208.
- ¹¹⁴ См. Прим. 48.
- ¹¹⁵ Eck 1970. S. 204. Anm. 373, 213, 239. Ср. Halfmann 1979. S. 146: 131/32 – 137/38 гг.
- ¹¹⁶ Harrer 1916. P. 338–339.
- ¹¹⁷ Alföldy 1977. S. 70, 238–239. Ср. Syme 1982. P. 202–203, 205. По наблюдению У. Рэмси, Cappadocia was usually governed by a consular legatus shortly after his first con-

- sulate and before Syria (Ramsay 1941. P. 15). Случай Арриана, в принципе, подпадает под это правило, но не исключает и других вариантов.
- ¹¹⁸ Bosworth 1988. P. 24.
- ¹¹⁹ В том же трактате о псовой охоте есть намёки на то, что Арриан бывал (неизвестно, когда) в Галлии (Арг. Сун. 3, 19, 20, 21, 34), и возможно – в Нумидии (Сун. 24).
- ¹²⁰ Schwartz 1896. Sp. 1231; Wirth 1964. S. 231, и др., в т.ч. сравнительно недавние работы: Brunt 1976. P. XI; Агбунов 1987. С. 8; Трохачев 1993. С. 8.
- ¹²¹ Oliver 1970. P. 337–338; Follet 1976. P. 35; Stadter 1980. P. 17; Bosworth 1993. P. 232.
- ¹²² Halfmann 1979. S. 171; Stadter 1980. P. 17; Bosworth 1993. P. 232. Not. 36.
- ¹²³ Bosworth 1972. P. 181–182; Stadter 1980. P. 17. Ср. Follet 1976. P. 35. В.В. Кучма (по недоразумению?) повторяет версию о том, будто Арриан был пританом в *Афинах* (Кучма 2001. С. 26), тогда как речь может идти только о притании в филе или деме. Stadter 1980. P. 17.
- ¹²⁵ Обсуждение вопроса: Каретанopoulos 1970. P. 561–564; Follet 1976. P. 36.
- ¹²⁶ Утверждение В.В. Кучмы о том, что Арриан «в конце жизни» вернулся в родную Вифинию (Кучма 2001. С. 26), не имеет опоры в источниках.
- ¹²⁷ Minakaran-Hiesgen 1970. S. 112–157.
- ¹²⁸ Brunt 1976. P. XIII; Ameling 1984; Bosworth 1988. P. 26.
- ¹²⁹ Stadter 1980. P. 3.
- ¹³⁰ Oliver 1972. P. 327–328. Автор предлагает датировать герму временем Антонина Пия (138–161 г.) или чуть более поздним.
- ¹³¹ Список работ Арриана: Stadter 1980. P. 171–172.
- ¹³² Согласно Кассию Диону (69.15.1) аланский набег начался сразу после окончания второй Иудейской войны (восстание Бар-Кохбы), датируемой обыкновенно 132–135 г. С другой стороны, «Тактика» Арриана, написанная в 20-м году правления Адриана (Таст. 44.3), т.е. в 136/137 г., уже содержит намеки на кампанию против аланов (Арг. Таст. 4.3; 4.7). Выбор даты невелик: 135 или 136 г. В пользу 136 г. говорит недавнее исследование В. Эка, показавшего, что Адриан получил второй императорский титул за победу в войне с иудеями не во второй половине 135 г., как считалось ранее, а в 136 г. (Еск 1999. P. 87–88). Хотя Э. Уилер не считает этот факт достаточным основанием для переноса даты аланского набега с традиционного 135 г. на 136 г. (Wheeler 2004. P. 309. Not. 1), по совокупности данных более поздняя дата выглядит предпочтительнее. См.: Перевалов 2006б. С. 321–322.
- ¹³³ Название «Анабасис» принадлежит не Арриану: впервые такое название книга об Александре получила у автора VI в. (?) Стефана Византийского (Devine 1993. P. 314).
- ¹³⁴ О разночтениях в названии (Βιθυνικά – Βιθυνικά: Roose; Wirth 1968. P. 197, apparatus criticus) см. Stadter 1980.
- ¹³⁵ Ср. с обращением Андромахи к Гектору (Hom. II. 6.429–430): ἦκτορ, ἀτὰρ σύ μοι ἔσσι πατὴρ καὶ πότνια μήτηρ / ἦδὲ κασίγητος – «Гектор, ведь ты для меня и отец родной и почтенная мать» (о переключке Арриана с Гомером: Bosworth 1988. P. 33; Swain 1998. P. 243–244)
- ¹³⁶ С. Суэйн (Swain 1998. P. 243–244) подчеркивает, что пафос «Второго предисловия» Арриана (Anab. 1.12.5) – в культурной (не политической) эллиоцентристской самоидентификации его автора.
- ¹³⁷ Schwartz 1896. Sp. 1232 ff.
- ¹³⁸ Савицкий 1941. С. 26. Ту же мысль высказывали: Соболевский 1960. С. 191 сл.; Bowie 1970. P. 25, и др.
- ¹³⁹ «Многие свои сочинения, в том числе и “Поход Александра”, Арриан написал [...] уже после устранения от большинства служебных дел, находясь в Афинах или Ни-

- комедии, во 2-ой половине II в. н.э.» (Пьянков 1972. С. 7).
- ¹⁴⁰ Schwartz 1896. Ср. с той последовательностью, которую установил в первой половине XIX в. издатель Арриана во *Fragmenta Historicorum Graecorum* К. Мюллер: 1) «После Александра», 2) «Тимoleon», 3) «Дион», 4) «Вифиниака», 5) «Парфика», 6) «Аланика», 7) «Жизнь Тиллибора», 8) «Поход Александра» и «Индия» (FHG III. P. 586 sq.).
- ¹⁴¹ См.: Stadter 1980. P. 186. Not. 10.
- ¹⁴² Wirth 1964. P. 223–231.
- ¹⁴³ Bosworth 1988. P. 28–29.
- ¹⁴⁴ Bosworth 1980. P. 106; Bosworth 1988. P. 35–37. То же: Ameling 1984. S. 130: Arrian hingegen soll in Nikomedeia Archon gewesen sein. Ferner bekleidete Arrian das Priestertum der Demeter und der Kore.
- ¹⁴⁵ Brunt II. 1983. P. 535–539.
- ¹⁴⁶ Stadter 1980. P. 179–187.
- ¹⁴⁷ Stadter 1980. P. 184.
- ¹⁴⁸ Stadter 1980. P. 181. Несколько позже он добавляет: A caveat is in order: the very number of interpretations warns the reader that this passage in Photius is an unreliable foundation for elaborate hypotheses (P. 183).
- ¹⁴⁹ Stadter 1980. P. 182.
- ¹⁵⁰ Bosworth 1988. P. 16. Not.1.
- ¹⁵¹ Bosworth 1972, и др.
- ¹⁵² Stadter 1980. P. 13. Сомнения в надежности поздней традиции, по которой Арриан сделал карьеру благодаря своей высокой образованности, *paideias* *ενεκα*, высказывают: Bowie 1970. P. 25, Wirth 1974. S. 190 f. Однако «золотой век» Антонинов действительно отличался доминированием интеллектуалов-софистов во всех сферах, включая политику, примером чему были судьбы Антония Полемона, Элия Аристида, Герода Аттика: карьера Арриана, из писателя сделавшегося крупным администратором и полководцем, не была исключением для той эпохи.
- ¹⁵³ Bosworth 1976. P. 118–119; 1988. P. 28–29; 1995. P. 2. Критику точки зрения А. Босворта на последовательность создания основных работ см.: Stadter 1980. P. 179–185.
- ¹⁵⁴ Bosworth 1972. P. 185. Ср.: Bosworth. 1980. P. 6: in his thirties. Приведу для сравнения датировки Босвортом некоторых других произведений Арриана: «Диатрибы Эпиктета» – до 140 г., «Перипла» – после 131 г., «Тактика» – 136/137 г., «Диспозиция» – после 135 г., «Кинегетика» – после 140 г. (Bosworth 1995. P. 2). До работ Босворта в литературе была распространена более поздняя дата написания «Анабасиса». Бови (Bowie 1970. P. 27) «почти несомненно» датировал его началом правления Марка Аврелия (первая половина 160-х гг.), Вирт (Wirth 1964. S. 224, 231) – временем «не раньше 148 (147) г. В последние десятилетия наблюдается тенденция к более ранней датировке «Анабасиса». Э. Уилер считает начало 120-х гг. слишком ранней датой, но допускает, что «Анабасис» написан до «Бесед Эпиктета» (Wheeler 1978. P. 355. Not. 19). Дату в пределах 115 и 125 гг. для «Анабасиса» принимает А. Девин (Devine 1993. P. 313).
- ¹⁵⁵ Bosworth 1972. P. 185; 1988. P. 25–37.
- ¹⁵⁶ Bosworth 1972. P. 172 ff.; 1988. P. 30 ff.
- ¹⁵⁷ Вайнберг, Ставиский 1994. С. 81.
- ¹⁵⁸ Возможно, при рассмотрении вопроса следует учитывать особенности жанра. А. Девин (Devine 1993. P. 323) приводит примеры противоречий в описании Аррианом клинообразных построений (*εμβολος*, *εμβολων*) в «Тактике» (Tact. 11.1–3) с одной стороны, и «Анабасисе» – с другой (пехотный клин: Anab. 1.6.3; кавалерийский клин персов: 1.16.7; клинообразное построение всей македонской армии: 3.14.2). Но в при-

- водимых Девином случаях разночтения чисто терминологические, тогда как разъяснения одинаковых имен относятся к характерным особенностям писательского стиля.
- ¹⁵⁹ Одно из немногих исключений – Д. Де-Вото, который по-прежнему считает, что Арриан начал свою карьеру писателя только после достижения консульства (De Voto 1993. P. II).
- ¹⁶⁰ Bosworth 1993. P. 227.
- ¹⁶¹ Stadter 1978. P. 117; 1980. P. 41–49.
- ¹⁶² Stadter 1980. P. 49. Схожую характеристику Арриана как человека «на грани двух миров» (Греции и Рима, прошлого и настоящего) даёт Э. Босворт (Bosworth 1993. P. 227).
- ¹⁶³ Bowie 1970. P. 4. Воздействие литературной атмосферы времён «второй софистики» на авторов тактических трактатов плохо изучено. Применительно к другому жанру военной литературы, античным «стратегемам» (военным хитростям), проблема затронута А.Б. Ксенофонтовым (Ксенофонов 2002. С. 16–21).
- ¹⁶⁴ Groningen 1965. P. 44, 46. Ср. с оценкой Т. Моммзена, который в оригинальности Арриана находит влияние местной вифинской среды: «В области литературы эпохи империи Вифиния дала целый ряд превосходных писателей, наименее затронутых чрезмерной риторикой той эпохи, каковы философ Дион из Прусы, историки Мемнон из Гераклеи, Арриан из Никомедии, Дион Кассий из Никеи» (Моммзен 1949. С. 281).
- ¹⁶⁵ Об этом: Stadter 1978.
- ¹⁶⁶ А.К. Нефёдкин (2002г. С. 41) называет первым известным по имени военным писателем афинского гиппарха Симона (V в. до н.э.), составившего трактат «О конном деле» (Περὶ ἵπτικῆς), упоминаемый Ксенофонтом. Но его трактат до нас не дошел, в отличие от специальных работ о коннице Ксенофонта, и разделов об осадном искусстве из труда Энея.
- ¹⁶⁷ Краткий очерк развития античной военной теории см. в работах: Кучма 2001; Нефёдкин 2002г.
- ¹⁶⁸ Dain 1967. P. 318. См. также: Самохина 2007а. С. 313–314. Предысторию жанра греческих военных трактатов, начиная с Гомера и поэтов архаики см.: Tejada 2004.
- ¹⁶⁹ Как писал латинский автор I в. н.э. Фронтин, «все, что полководец совершает по заранее обдуманному плану, надлежащим образом, со всей официальностью и постоянством, это будет считаться *στρατηγικά* (стратегия), а если это лишь по видимости так, то это – *στρατηγύματα*» (Front. 1. Praef. Пер. А. Рановича: Фронтин 1996. С. 28). Поэтому трудно согласиться с мнением В.В. Кучмы, будто бы в трактате о военных хитростях Фронтина «основополагающие принципы деятельности военачальников не раскрывались и не обосновывались в теоретическом плане» из-за того, что «эти принципы предоставлялось вывести читателю самостоятельно из совокупности специально подобранных, тематически строго разграниченных примеров» (Кучма 2001. С. 23). По представлениям как греков, так и римлян, из военных хитростей или стратегем никоим образом не вытекали стратегические принципы. В том и состояло одно из отличий античной мысли от китайской, где основой военного искусства признавался именно обходной путь к цели, или путь стратегем (см.: Жюльен 2001).
- ¹⁷⁰ См.: Dain 1946. P. 26.
- ¹⁷¹ Об этом: Дельбрюк 1994. II. С. 147–151.
- ¹⁷² О проблемах в датировке сочинения Вегеция см: Кучма 2001. С. 118–119.
- ¹⁷³ Дельбрюк 1994. II. С. 147–151.
- ¹⁷⁴ О Фронтине как военном деятеле см.: Кучма 2001. С. 103 сл.; Нефёдкин 2002 г. С. 46–47.
- ¹⁷⁵ См.: Bekker-Nielsen 2001. P. 120.

- ¹⁷⁶ Корнелий Непот 1992. С. 95: «Этот великий муж (Ганнибал), обремененный великими военными предприятиями, не жалел времени на ученые занятия, ибо после него осталось несколько сочинений на греческом языке, в том числе книга к родосцам о деяниях Гн. Манлия Вольсона в Азии. [...] Силен и Сосил Лакедемонянин [...] сопровождали его в походах и жили вместе с ним, пока это угодно было судьбе. Тот же Сосил служил Ганнибалу и как учитель греческой словесности» (пер. Н.Н. Трухиной).
- ¹⁷⁷ Егунов 1997. С. 115.
- ¹⁷⁸ Фрейденберг 1998. С. 14.
- ¹⁷⁹ Лишь в Византии «господствующим становится жанр военных энциклопедий», что имело, наряду с положительными, и определенные негативные последствия, заключавшиеся в том, что «творческая индивидуальность отдельных авторов размывается» (Кучма 2001. С. 142).
- ¹⁸⁰ По оценке Ф. Жюльена, все греческие «рассуждения о войне ограничены тактическими аспектами» (Жюльен 2001. С. 37). В этом мнении, при некоторой его крайности (впрочем, оправданной замыслом книги), хорошо передана специфика греческой военной доктрины.
- ¹⁸¹ Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» даёт понять, что в классическую эпоху тактика считалась частью «стратегии» в первоначальном смысле слова, т.е. обязанностей полководца. «Расскажи, с чего начал он (таксиарх или лохаг) учить тебя стратегии», – спрашивает Сократ Дионисодора, и получает ответ: «Он научил меня тактике, и ничему больше». – «Но тактика, – сказал Сократ, – лишь ничтожная часть стратегии. Полководец должен обладать способностью готовить все, что нужно для войны [...] Хорошо быть и тактиком: большая разница между войском построенным и не построенным» и т.д. (Хен. Мем. 3.1.5–7. Пер. С.И. Соболевского). О тактике как части стратегии см. также: Хен. Сур. 1.6.12–14. В дальнейшем эти два понятия дали начало терминам для обозначения разных жанров военной литературы.
- ¹⁸² Журенко 1991. С. 110.
- ¹⁸³ Кучма 2001. С. 229.
- ¹⁸⁴ Кучма 2001. С. 292. Прим. 21.
- ¹⁸⁵ В.В. Кучма неточен в своем утверждении, будто бы после Энея Тактика (IV в. до н.э.) наступил «длительный, почти трехвековой перерыв» в развитии военно-теоретической литературы (Кучма 2001. С. 21). Правильнее говорить «о существенных пробелах в нашем знании античной военной теории» (Нефёдкин 2002г. С. 44).
- ¹⁸⁶ Köchly; Rüstow 1855. S. 74 ff., 204 f.
- ¹⁸⁷ Förster 1877. S. 426–449.
- ¹⁸⁸ Förster 1877; То же: Kromayer, Veith 1928. S. 14.
- ¹⁸⁹ Dain 1946. P. 26–40. Э. Уилер возражает против теории независимого использования Элианом и Аррианом общего источника – восстанавливаемой Дэном утраченной «Тактики», восходящей к трактату Посидония. Если эта гипотетическая «Тактика» и существовала, по времени она не могла быть создана до «Тактики» Элиана (Wheeler 1978. P. 353).
- ¹⁹⁰ Stadter. 1978. P. 117–118.
- ¹⁹¹ Devine 1995. P. 40–44. Критика теории о Полибии как главном источнике для трёх известных тактиков: Самохина 2007а.
- ¹⁹² О нем см. вступительную статью Л. Познанского. Автор считает, что работа Асклепиодота носит не чисто теоретический, но практический характер (Poznanski 1992. P. XII).
- ¹⁹³ Wheeler 1978. P. 354; Devine 1993. P. 315. Э. Босворт считает важность этого (vi-cennalia) события «несколько преувеличенной» (Bosworth 1993. P. 253. Not. 143).
- ¹⁹⁴ Stadter 1978. P. 121. Not. 15; Devine 1993. P. 315.

- ¹⁹⁵ О проблемах, связанных с прочтением испорченного текста в переходном – от «Тактике» к «Кавалерийскому трактату» – пассаже см. в комментарии к Агг. Такт. 32.3.
- ¹⁹⁶ Förster 1877. S. 442; Stadter 1978. P. 127.
- ¹⁹⁷ Подобный же приём использован Аррианом в его более ранней работе – «Перипле», первая часть которого (Агг. Пер. 1–11 Roos) представляет описание путешествия самого Арриана на основе автопсии, а вторая (12–25) построена на использовании вторичных источников.
- ¹⁹⁸ Приводимая ниже сравнительная таблица основана на тех схемах, что приводят Ф. Стадтер и А. Девин (Stadter 1978. P. 120; Devine 1993. P. 319–320), внесены лишь небольшие изменения. Впервые список из 12 элементов (по числу глав у Асклепиодота) для сравнения содержания трех «Тактик» использовал Г. Фёрстер (Förster 1877. S. 431–432).
- Рубрикация «Тактики» Элиана («короткой» и «длинной», т.е. интерполированной версии) приведена по изданиям: Devine 1989; 1993. Сиглой *K* обозначено издание Köchly; Rüstow 1855, с несколько иной разбивкой глав и параграфов трактата Элиана, которой я пользовался в своих предыдущих работах (Перевалов 1999б; 1999 г).
- ¹⁹⁹ Политическим условием философского синкретизма стало объединение Средиземноморья под властью Рима. В новых условиях перед мыслителями, ранее разрабатывавшими только собственный предмет, встала новая задача. «Желание узнать свой мир еще лучше и во всех его проявлениях, энциклопедизм – вставляли как первоочередная задача и как идеал познания. Глубинной подосновой была тяга к синтезу, открытость для всего, что могло быть обращено на пользу познанию. Эта тенденция в эпоху Панэтия и Посидония целиком определила направление эволюции учения Стои» (Столяров 1995. С. 248–249).
- ²⁰⁰ Devine 1995. P. 40–41.
- ²⁰¹ Об этом см. уже упоминавшуюся работу Г.С. Самохиной, которая, в частности, пишет: «названия для трактатов по тактическому искусству у трех авторов-стоиков были, на наш взгляд, типичными, традиционными, никак не связанными со стоицизмом» (Самохина 2007а. С. 316).
- ²⁰² Здесь я говорю о философии и философском подходе в том значении, в каком эти понятия использовались в эллинистическо-римскую эпоху, в частности, Посидонием и его последователями, у которых философское знание было синонимом общенаучного. К «философским» наукам или знаниям относились, например, военное дело, метеорология, география и др. Ср. с мнением, высказанным Ф. Жюльеном в рассуждении о противоположных стратегиях смысла в Греции и Китае. У греков, по его словам, в отличие от китайцев, существовала военная литература, отражающая «определенного рода обычаи, но обычаи не мыслить о войне, а вести войну [...] мы просто-напросто не располагаем греческими текстами по стратегии, которые можно было бы сравнить с китайскими трактатами. И не то, чтобы в Греции не было литературы о военном искусстве (τέχνη) – просто в эту литературу никогда не попадали философские понятия, и сама она, похоже, никак не повлияла на развитие мысли в других областях. Да и сами эллинисты, как мне представляется, отнюдь не стремились ее как следует использовать (чему доказательством труды Элиана и Арриана, до сих пор почти не привлекавшие внимания исследователей)» (Жюльен 2001. С. 37). Проблема различий в типах мышления поставлена правильно, но в её формулировке допущены две неточности. Во-первых, философия понимается Жюльеном в её прямом, или, если хотите, новоевропейском значении, как особая форма рефлексивного мышления («мысли о...»), без поправки на тогдашнее состояние умов. Во-вторых, Жюльен не разделяет (в данном случае) греческую литературу о стратегии и о тактике, тогда у них имелись собственные предмет и жанр. Стратегия – и

- в Древней Греции, и в новое время – начиналась сверху, с полководца (стратега), составляющего план кампании, тактика – снизу, от одиночного бойца по восходящей. «Чтобы изучить тактику, надо сначала пройти взводное учение, затем батальонное, наконец, линейное», – писал А. Жомини (Жомини 1939. С. 85). У греков появлялись книги о полководческом искусстве («Стратегикос» Онасандра и др.); они, хотя и не вполне подпадают под современное понимание стратегии (с точки зрения Ф. Жюльена, даже «рассуждения Клаузевица» трудно назвать стратегией), всё же содержат необходимый материал для обсуждения специфики стратегического мышления греков. Проблема сравнительной ценности китайского (восточного) и античного (западного) военного мышления, рассмотренная Жюльеном с китайской стороны, заслуживает дальнейшего рассмотрения с учётом греческого опыта.
- ²⁰³ Ненароком упомянутая Ф. Энгельсом (Энгельс 1957. С. 145) идеальная цифра в 16 384 человек, ошибочно отнесенная к фаланге Александра Македонского, была некритически перенесена Е.А. Разиным в популярные труды по военному искусству (Разин 1994. С. 213, переиздание книги выпуска 1955 г.) и энциклопедии (БСЭ. 2-е изд. Т. 5. 1950. С. 371), как действительная численность фаланги в македонской армии.
- ²⁰⁴ Один из примеров – использование Аррианом (Такт. 2.1) в антитезе морской и сухопутной войны более точного и более выразительного оборота Фукидида (Thuc. 1.2.2) *κατὰ γῆν – διὰ θαλάττης*, взамен употреблявшихся у предшественников: Ascl. Tact. 1.1 – *χερσαίας τε καὶ ναυτικῆς*, Ael. Tact. 2.1 – *ἡ μὲν πεζικῆ, ἡ δὲ ναυτικῆ* (см.: Bosworth 1993. P. 262. Not. 186).
- ²⁰⁵ Проблема, рассмотренная Ф. Стадтером: Stadter 1978.
- ²⁰⁶ Кучма 2001. С. 27.
- ²⁰⁷ Мнение о принципиальной возможности использования некоторых маневров из Арриановой «Тактики» римскими полководцами, но не столь прямолинейно, как это делает В.В. Кучма, высказывает Э. Босворт (Bosworth 1993. P. 259). Против: Devine 1993. P. 332–333
- ²⁰⁸ См.: Brunt 1983. P. 483.
- ²⁰⁹ Devine 1993. P. 316–317.
- ²¹⁰ Devine 1993. P. 320–323.
- ²¹¹ Lammert 1931. S. 20 (о возрождении модифицированной греко-македонской тактики в императорское время).
- ²¹² Wheeler 1978. P. 365.
- ²¹³ Смешение трех терминов (*ταξίαρχης, ἑκατοντάρχης, centurio*) имело место уже у Асклепиодота (Wheeler 1978. P. 362).
- ²¹⁴ «Черепаша» (*χελώνη*, лат. *testudo*), в отличие от фаланги использовалась, главным образом, при штурме крепостей, и римский цилиндрический щит (*scutum*) прикрывал воина иначе, чем выпуклый македонский, допускающий взаимное перекрытие щитов по краям.
- ²¹⁵ См.: Шичалин 1999. Ἐπιστροφή, или феномен возвращения в первой европейской культуре. С. 6–64.
- ²¹⁶ Коллингвуд 1980. С. 22, 23.
- ²¹⁷ Wheeler 1978. P. 356: Thus the *Tactica* can easily have been composed in honor of Hadrian's *vicennialia* without a direct address to the emperor. Э. Уилер отмечает, что Арриан в своём трактате не обращается напрямую к Адриану, и всегда говорит о нём (называя титул, или имя) в 3-м лице. Уилер также оспорил мнение К. Хартманна об обязательности посвящения военных трактатов правящему императору, назвав как минимум четыре трактата I–IV вв. – Фронтина, Псевдо-Гигина, Онасандра, Герона – не содержащих прямого обращения к императору (Wheeler 1978. P. 355). Всё же эти

- примеры я бы расценил скорее как отклонение от нормы. По словам Вегеция, «в древние времена был обычай записывать результат своих работ над полезными науками и в виде книги преподносить их императорам» (Veg. 1. Prooem.; Пер. С.П. Кондратьева). Автор, претендующий на известность, обращался к императору. В случае с Аррианом немаловажное значение имела его близость к Адриану. Напомню также, что Аррианов «Перипл Понта Евксинского» (после 131 г.) начинается с обращения к «императору Цезарю Траяну Адриану Августу».
- ²¹⁸ Stadter 1980. P. 44.
- ²¹⁹ Bosworth 1993. P. 254–255. Not. 147.
- ²²⁰ Bosworth 1993. P. 258–259. Возражения см.: Devine 1993. P. 332–333.
- ²²¹ А.Е. Негин называет конные состязания римлян «кавалерийским турниром» (Негин 2010. С. 27). Я не использую такую терминологию, чтобы избежать ненужных ассоциаций с рыцарскими турнирами средневековья, в сравнении с которыми в римских упражнениях было больше игрового момента, связи с практическим военным обучением, тактической подготовкой, меньше индивидуализма, и т.д. (об этом: Junkelmann 1996. S. 66).
- ²²² См.: Junkelmann 1996. S. 57.
- ²²³ См.: Hyland 1993. P. 19–23; Junkelmann 1996. S. 57 ff. Ср.: Bosworth 1993. P. 260.
- ²²⁴ Hyland 1993. P. 17.
- ²²⁵ Hyland 1993. P. 21.
- ²²⁶ Kiechle 1965. S. 88; Wheeler 1978. P. 357–358, 360–361.
- ²²⁷ Археологические данные дополняют описание Арриана: участники представления носили также декорированные поножи, наколенники, нагрудники, различные медальоны, браслеты. Парадное снаряжение римских всадников хорошо изучено по вещественным находкам, наиболее богатое скопление их найдено случайно в г. Штраубинге (Бавария) в 1950 г. См.: Klumbach 1952; Junkelmann 1996; Негин 2010.
- ²²⁸ Bosworth 1993. P. 259; ср.: Devine 1993. P. 332–333. Ср. Wheeler 1978. P. 357, который отрицает наличие в трактате дидактических задач.
- ²²⁹ ILS. I. 2487: Hadriani adlocutiones ad exercitum Africanum.
- ²³⁰ Bosworth 1993. P. 260.
- ²³¹ Сопоставление «упражнений» у Арриана и маневров Африканской армии в Ламбезе см. у Э. Босворта (Bosworth 1993. P. 259, 261–262).
- ²³² Birley 1999. P. 212.
- ²³³ Devine 1993. P. 332.
- ²³⁴ Bosworth 1993. P. 254. О том же: Junkelmann 1996. S. 107. Ann. 194.
- ²³⁵ Bosworth 1993. P. 261.
- ²³⁶ Ср. Plb. 6. 25.11.
- ²³⁷ «Идеальный пессимизм воплощали поздние стоики. Они отказались от мысли о том, что в мире есть хоть что-то путнее, и смотрели внутрь, в себя. Они не надеялись найти добро ни в природе, ни в людях; внешний мир слишком мало их занимал, чтобы уничтожить его или переделать» (Честертон 1991. С. 413).
- ²³⁸ Средствами, находящимися в распоряжении историка, трудно восстановить целостный облик Арриана. В таких случаях отчасти помогают писатели, использующие другие средства «возрождения» прошлого. Внимательный читатель прекрасного романа Маргарет Юрсенар «Воспоминания Адриана» вряд ли забудет образ Арриана, наверно, самого симпатичного персонажа книги. Романистке порядком досталось от историков за модернизацию прошлого (об этом.: Birley 1999. P. 9, 314). Но мне, по большому счету, нечего возразить против той художественной характеристики Арриана, которую даёт главный герой книги, император Адриан. Позволю себе процитировать наиболее запоминающиеся места романа (Юрсенар 1988). «Арриан Ни-

комедийский, один из самых светлых умов нашего времени» (С. 130). «Всего дороже была для меня встреча с Аррианом Никомедийским, ставшим моим лучшим другом. Моложе меня лет на двенадцать, он уже тогда начал свою прекрасную политическую и военную карьеру, в которой он преуспевает и ныне, честно служа отечеству. Его опытность в государственных делах, его знание лошадей, собак и гимнастических упражнений ставили его неизмеримо выше всех краснобаев. [...] после долголетнего приобщения к стоическому режиму жизни он не закоснел в тенетах ложной мудрости: Арриан был слишком умен, чтобы не видеть, что в добродетели, как и в любви, существуют свои крайности, ценность которых именно в том, что они редки и каждая из них является единственным в своем роде примером совершенства – прекрасного излишества. [...] Этому усердному читателю сократовских диалогов были ведомы все сокровища героизма, преданности и даже мудрости...» (С. 149–150). «Я включил в число почитаемых лиц имя Арриана. Он нанес аланским ордам ряд поражений, которые надолго отбросили их в неведомые глубины Азии, откуда, по их собственному утверждению, они вышли; Армения была спасена; усердный читатель Ксенофонта проявил себя достойным его соперником; еще не перевелся род ученых мужей, которые в случае надобности умеют командовать и сражаться» (С. 223). «Лишь один Арриан проник в тайну этого бесславного поединка с пустотой, бесплодностью и усталостью (С. 245). Конечно, это не исторический (документально подтверждённый) портрет. Невозможно – при характере наших источников – доказать, что Арриан был именно таким. Но он *мог* быть таким.

²³⁹ Swain 1998. P. 415.

²⁴⁰ Гиббон 1997. I. С. 122.

²⁴¹ Как пишет Павсаний, «ни одной войны он не начинал по своему собственному желанию, евреев же засирийских он усмирил, так как они отделились сами» (Paus. Descr. Hell. 1.5.5. Пер. С.П. Кондратьева). Кроме того, при Адриане велись военные кампании в Британии, на дунайской границе против сарматов, в других местах, но они носили локальный характер.

²⁴² Фарасман античных источников – возможно, тот же персонаж, что Парсман II грузинских исторических сочинений, и grsmn mlk – «Парсман-царь» Армазской билингов (Гиоргадзе, Шифман 1988. С. 168–181).

²⁴³ Подробнее см.: Перевалов 2006б.

²⁴⁴ О дате набега: Перевалов 2006б. С. 321–322. 137 или 138 годом датировал «Диспозицию» К. Абихт (Abicht 1871. S. 7). В принципе же она могла быть составлена в любое время после аланского набега, но скорее всего, по горячим следам только что завершившейся кампании.

²⁴⁵ Dain 1967. P. 331. Е. Бови относил «Диспозицию» к жанру военных комментариев, *commentarii* (Bowie 1970. P. 15; ср. Bosworth 1977. P. 218), но их стилистика отличается достаточно радикально.

²⁴⁶ Bosworth 1977. P. 248.

²⁴⁷ Bosworth 1993. P. 265, 267. Not. 197. Ср.: Stadter 1980. P. 45–46, 48.

²⁴⁸ Кулаковский 1899. С. 12; Савицкий 1941. С. 24; Галлойти 1966. С. 84; Крюгер 1993 [1962]. С. 13; Цибукидис 1981. С. 50; Täubler 1909. S. 27. Anm. 1; Dain 1967. P. 331; Bachrach 1973. P. 126. Доказательства за то, что «Диспозиция» – интегральная часть «Аланики», приводит в своей диссертации Э. Уилер (Wheeler 1977), которая мне недоступна. Краткое упоминание об этом: Wheeler 1978. P. 352. Подробнее: Перевалов 2000а. С. 123–126. Компромиссную позицию занимает А.К. Нефёдкин: «“Диспозиция” – это первоначально отдельное произведение Арриана, которое, затем, в переработанном виде, могло входить как в “Аланику”, так и составлять отдельное не-

- большое сочинение» (Нефёдкин 1999а. С. 176, ср. с его же точкой зрения на «Диспозицию» как на реальный документ: Нефёдкин 2004в. С. 45).
- ²⁴⁹ Об этом: Bosworth 1977. 81. P. 247; Bosworth. 1993. P. 266; Stadter 1980. P. 45–46.
- ²⁵⁰ Перевалов 2000а. С. 124.
- ²⁵¹ Как уже говорилось, Ф. Стадтер (см. Прим. 32) придерживается точки зрения на то, что Ксенофонт – не псевдоним, а подлинное греческое имя Арриана, которым он редко пользовался, будучи римским гражданином на службе империи. Но и при таком объяснении не совсем понятно, почему Арриан, создавая исторический труд о современных ему событиях алано-римской войны, не вывел себя под римским именем, как, по-видимому, сделал в «Вифиниаке» (Phot. Bibl. cod. 93 = Roos Te. 3 = Vith. F 1).
- ²⁵² Dent 1974. P. 573; Нефёдкин 2004в. С. 45: «Само сочинение было написано до предполагаемого столкновения армии легата Каппадокии Арриана с врагами и представляло собой план будущей битвы римской армии с вражеской конницей».
- ²⁵³ Особенности жанра не учитываются Н.Н. Лысенко, абсолютно незнакомого с литературой вопроса, но, тем не менее, давшего «Диспозиции» прямо-таки уничижительную характеристику, как «вычурной, многословной и оттого совершенно бесполезной с военно-тактической точки зрения» (Лысенко 2005. С. 56).
- ²⁵⁴ Bosworth 1977. P. 247–248; 1993. P. 266. Аналогичным образом Арриан поступил при издании на греческом языке «Перипла», в основе которого лежал официальный отчет императору на латинском языке (Arg. Per. 6.2; 10.1).
- ²⁵⁵ Stadter 1980. P. 46.
- ²⁵⁶ В кодексе нет страницы 199^{recto}. Следующая работа – «Стратегикос» Онасандра начинается на 199^{verso} (на обороте вырванной). Поскольку листы выдирались для их дальнейшего использования, предполагается, что страница 199^{recto} содержало чистое пространство. Текст folio содержит сорок тойбнеровских строк: если считать, что страница была написана наполовину, утрата составляет около двадцати строк (Stadter 1980. P. 207–208. Not. 38).
- ²⁵⁷ «Если первая часть фрагмента представляет собой довольно нудное, в стиле делового документа, перечисление отрядов, идущих в походной колонне, то третья и четвертая части являются достаточно живым, иногда риторизированным, описанием будущих действий» (Нефёдкин 1999а. С. 175).
- ²⁵⁸ Grotfend 1867; Pelham 1895; Ritterling 1902; Bosworth 1977.
- ²⁵⁹ Wheeler 1999а. P. 215.
- ²⁶⁰ Э. Макгир отмечает следующую особенность «Диспозиции» с сравнении с другими образцами батальных сцен: In nearly every military text, battle is portrayed as a featureless, undifferentiated occurrence; the enemy too remains an indistinct presence, a faceless entity without particular weapons, tactics, or habits to distinguish him. – Note 34: A noteworthy exception to this pattern is Arrian's *Ectaxis contra Alanos* (McGeer 1995. P. 189). Ср. у Ф. Сабина: Our most detailed first-hand account of the deployment of a Roman army – Arrian's battle order against the Alans – describes a special circumstance in which the Roman infantry formed a continuous "phalanx" to counter enemies who were mounted rather than on foot (Sabin 2000. P. 3).
- ²⁶¹ Греческий текст см.: Förster 1877. S. 449–471.
- ²⁶² Современные исследователи (см.: Кучма 2001. С. 259–260; Нефёдкин 2002г. С. 49) считают её автором византийского императора Льва VI (886–912).
- ²⁶³ Roos, Wirth 1968. P. XXIV–XXVI.
- ²⁶⁴ Например, Византийский Аноним VI в., который «не называет своих предшественников по именам (единственным исключением является упоминание Аполлодора), используя обобщенное наименование "древние"» (Кучма 2001. С. 221).
- ²⁶⁵ Кучма 2001. С. 160.

- ²⁶⁶ Нефёдкин 2002б. О проблеме авторства «Стратегикона» см.: Кучма 2001. С. 39–41, 152; Шувалов 2002
- ²⁶⁷ McGeer 1995. P. 288.
- ²⁶⁸ Контамин 2001. С. 327.
- ²⁶⁹ Контамин 2001. С. 227; Кучма 2001. С. 137.
- ²⁷⁰ О значении греческой колонии XV в. в Италии для дела возрождения интереса к изучению греческой античности: Буркхардт 1996. С. 177.
- ²⁷¹ Neil 1998. P. 489.
- ²⁷² Буркхардт 1996. С. 97.
- ²⁷³ Макиавелли 1996. С. 430.
- ²⁷⁴ Hahlweg 1987. S. 302–305.
- ²⁷⁵ Schefferus 1664. Об этом: Devine 1993. P. 336.
- ²⁷⁶ Köchly; Rüstow 1855. II.1. S. 130–197. См.: Перевалов 2001г.
- ²⁷⁷ Lammert 1931. S. 20, 51; Lammert 1932. S. 95–96.
- ²⁷⁸ Neil 1998.
- ²⁷⁹ См.: Кучма 2001. С. 66–67, 338.
- ²⁸⁰ Энгельс 1959. С. 145, 183. Ф. Энгельс («блестящий дилетант», но не исследователь), скорее всего, пользовался незадолго до того вышедшим изданием греческих военных писателей Кёхли–Рюстова (Köchly; Rüstow 1853–1855). Материалы Ф. Энгельса по якобы исторически существовавшей фаланге Филиппа и Александра Македонских, некритично (влияние времени!) использованы известным советским военным писателем Е.А. Разиным (БСЭ. 2-е изд. Т. 5. 1950. С. 371; Разин 1994. С. 213).
- ²⁸¹ Köchly; Rüstow 1853; 1855.
- ²⁸² Förster 1877. S. 426–449.
- ²⁸³ О гиперкритицизме тогдашней науки в отношении греческой военной теории в целом и отдельных произведений см.: Кучма 2001. С. 137, 141–142, 145, 149.
- ²⁸⁴ Цит. по: Kiechle 1965. S. 108.
- ²⁸⁵ Дельбрюк 1994. С. 147–148.
- ²⁸⁶ Блок 1986. С. 11.
- ²⁸⁷ В европейских странах, при всём ясно выраженном интересе к своему прошлому, светская (гражданская) история в течение долгого времени рассматривалась не как самостоятельная дисциплина, а как составная часть философии, либо филологии. Во Франции, например, профессия историка конституировалась только «на рубеже 1880-х гг.». «До этого времени были лишь любители, часто весьма талантливые, иногда даже гениальные, но не было такой профессии» (Про 2000. С. 36).
- ²⁸⁸ Pritchett III. 1979. P. 1.
- ²⁸⁹ См. прим. 258.
- ²⁹⁰ Pelham 1895; Wheeler 1999a. P. 215.
- ²⁹¹ Klumbach 1952.
- ²⁹² Kiechle 1965.
- ²⁹³ Особенно см.: Junkelmann 1996.
- ²⁹⁴ Nyland 1993. Надо сказать, что работы А. Хиланд и других экспериментаторов вызывают неоднозначное отношение специалистов, скептически настроенных в отношении возможностей экспериментального метода в изучении прошлого. См.: Sidebottom 1994. P. 238–239; Перевалов 1999a.
- ²⁹⁵ Ле Бож 2001. С. 175.
- ²⁹⁶ Ле Бож 2001. С. 218.
- ²⁹⁷ Pritchett 1985. P. 52. Сейчас появился английский перевод «Тактического искусства» Д. Де-Вото (De Voto 1993), довольно поверхностный.
- ²⁹⁸ Devine 1993. P. 316.

²⁹⁹ См.: Жюльен 2001. С. 37.

³⁰⁰ Нефёдкин 2003в.

³⁰¹ Лучшим было положение с изучением византийской военной литературы, предметом неустанных многолетних исследований В.В. Кучмы, которому, кстати, принадлежит и ряд квалифицированных работ по античной полемологии. См.: Золотовский 2008.

³⁰² Нефёдкин 2001а. С. 83.

³⁰³ Перевалов 2001а. С. 236.

³⁰⁴ Нефёдкин 2003в. С. 146.

³⁰⁵ Полиэн 2002; Кучма 2004; Нефёдкин 1998а, в; 1999а. С. 173–188; 2000б.

³⁰⁶ Нефёдкин 2004а.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕЛИМИНАРИИ

Рукописный текст. Издания

Текст обоих произведений Арриана – «Тактического искусства» и «Диспозиции против аланов» – содержится в прославленной военной рукописи средневековья, *Laurentianus graecus 55.4*, обозначаемой сиглой F по месту ее нахождения (Флоренция). Это единственная рукопись, имеющая самостоятельное значение, и являющаяся прототипом¹ нескольких поздних рукописях XVI–XVII вв., указанных в издании Рооса–Вирта²:

Cod. Bernensis gr. 97, XVI в. («Тактическое искусство» и «Диспозиция»).

Cod. Parisinus gr. 2446, XVII в. («Тактическое искусство» и «Диспозиция»).

Cod. Parisinus gr. 2522, XV в. («Диспозиция»).

Cod. Parisinus gr. 2539, XVII в. («Тактическое искусство»).

Cod. Parisinus Suppl. gr. 270, XVII в. («Тактическое искусство»).

А. Девин добавляет еще три рукописи для «Тактического искусства»³: *Barberinianus gr. 59*, *Barberinianus gr. 200*, *Barberinianus gr. 245*.

Laurentianus graecus 55.4 неоднократно изучалась специалистами; наиболее тщательным до сих пор считается исследование Альфонса Дэна (1896–1964)⁴. Рукопись датируется серединой X века, создана, предположительно, в скриптории императора Константина VII Порфирогенита (912–959 гг.). Была похищена после разгрома Константинополя крестоносцами в 1204 г., с 21 ноября 1410 г. до 16 января 1450 г. принадлежала Деметрию Ласкарису Леонтарию (*Demetrius Lascaris Leontarios*)⁵, который использовал чистые, а иногда частично заполненные, листы для семейных записей. В 1491 г. рукопись была приобретена для библиотеки Лоренцо Медичи Великолепного, после смерти которого (8 апреля 1492 г.) перешла в руки его старшего сына Пьетро Медичи, а после свержения власти Медичей во Флоренции (1494 г.) попала

в монастырь Св. Марка, где находилась с 1498 по 1508 г. Кардинал Джованни Медичи, второй сын Лоренцо Великолепного, будущий папа Лев X, вернул ее в семейство и увез в Рим, на виллу Медичи. После смерти Льва X (1521 г.) рукопись была возвращена во Флоренцию и передана в монастырь св. Лаврентия (1525 г.); в 1571 г. помещена в только что открытую Медичейскую (или Лоренцианскую) библиотеку, где хранится и поныне⁶.

Laurentianus graecus 55.4 представляет собой пергаменный кодекс в 405 листов форматом 32.5 см x 26 см., по 32 строки на каждом листе, и состоит из трех частей с одной вставкой между второй и третьей. Сочинения расположены в следующем порядке⁷:

Первый корпус: Византийские авторы: 1. Константин Порфирогенит. Praecepta imperatori; 2. (Псевдо-)Маврикий или Урбикий III. Strategicon; 3. De militari scientia; 4. Hypotheseis (из Полиэна); 5. De Re strategica; 6. Praecepta e Mauricio.

Второй корпус: Эллинистические и классические авторы. 7. Асклепидот. Technē tactica; 8. Элиан. Tactica theoria; 9. Эней Тактик. Commentarius poliorceticus; 10. Арриан. Technē tactica; 11. Арриан. Ektaxis contra Alanos; 12. Онасандр. Strategicos.

Вставка: 13. Rhetorica militaris; 14. Секст Юлий Африкан. Cestorum fragmenta.

Третий корпус: Византийские авторы. 15. Лев VI. Problemata; 16. Лев VI. XVIII Tacticae Constitutiones; 17. Лев VI. De Incursionibus necopinatus; 18. Лев VI. De Obsidionibus; 19. Лев VI. De navali pugna; 20. Quomodo Saracenis debelletur (парафраза Льва VI); 21. Константин Порфирогенит. De moribus diversarum gentium.

Аррианово «Тактическое искусство» занимает листы 182r–195v. Текст начинается с середины Введения из-за вырванного предыдущего листа; начало разорванной фразы частично восстанавливается на основании известной из этого же манускрипта «Тактики» Элиана. Заканчивается «Тактическое искусство» Арриана на середине листа 195v, под текстом находится подпись: Ἀρριανῶ τῆς τέχνης τακτικῆς. Текст «Диспозиция против аланов», переписанный той же рукой, помещен сразу за «Тактическим искусством», имеет заголовок Ἀρριανῶ ἑκτάξις κατὰ ἄλλων, занимает два листа (196r–197v) и обрывается на середине фразы из-за вырванного следующего листа. Текст обоих трактатов местами попорчен и испещрѐн лакунами. Эти особенности текста воспроизведены в поздних рукописях XVI–XVII вв., восходящих к Laurentianus gr. 55.4.

Первое печатное издание (editio princeps) «Тактического искусства» и «Диспозиции» Арриана, вместе со «Стратегиконом Маврикия», выпустил Иоганн Шеффер в 1664 г.⁸, по ныне утерянной миланской руко-

писи, открытой и скопированной руанцем Э. Биготом (Emericus Bigot, 1626–1689)⁹. В дальнейшем текст издавался и переводился неоднократно. Наиболее значимы несколько изданий. Как вариант «Тактики» Элиана с единой рубрикацией и пагинацией, издал первую часть «Тактического искусства» (1–32.2) Арриана немецкий филолог Г. Кёхли, работавший совместно с известным военным писателем, офицером В. Рюстовым; при этом издатели основывались не на Laurentianus LV–4 gr., а на двух дочерних рукописях – Bernensis 97 (B), XVI в., и Parisinus 2446 (M), XVII в.¹⁰ Целиком «Тактическое искусство» и «Диспозиция» изданы Р. Герхером в тойбнеровской серии по Бернской рукописи, Bernensis gr. 97¹¹; их второе пересмотренное издание подготовил А. Эберхард, уже с использованием Laurentianus gr. 55.4¹² В 1928 г. «Тактическое искусство» и «Диспозиция» с критическим аппаратом были вновь изданы в той же серии А. Роосом¹³; пересмотрены и переизданы Г. Виртом на основе текста 1928 г. сорок лет спустя¹⁴; это последнее критическое издание и воспроизводится в настоящей публикации. В начале 1990-х прошло сообщение о том, что Люсьен Познански (Израиль) готовит новое критическое издание всех трех тактиков (Асклепиодота, Элиана, Арриана) в Association Guillaume Budé¹⁵, но пока свет увидел только трактат Асклепиодота¹⁶.

Основные издания тактических трактатов Флавия Арриана

Schefferus 1664 (editio princeps) – Arriani *Tactica et Mauricii Artis Militaris libri XII* / Ed. Joh. Schefferus. Upsaliae, 1664. Репринт: Arriani *Tactica et Mauricii Artis Militaris* Hrsg. von Joh. Scheffer. Faksimiledruck der Ausgabe 1664 mit einer Einleitung von W. Hahlweg. Osnabrück, 1967. – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Blancard 1683 – Arrianus. Arrianou *Taktika, Periploi etc.* Ex recensione & museo N. Blancardi. Amstelodami, 1683. 2-е изд. Arrianus. Arriani *Ars tactica. Acies contra Alanos etc.* Cum interpretibus latinis & notis. Ex recensione & museo N. Blancardi. Amsterdam, 1750. – «Тактическое искусство», «Диспозиция». Издание основано на тексте Й. Шеффера (Schefferus 1664) с его же примечаниями¹⁷.

Ἄρριανοῦ τὰ σωζόμενα. Ἐκδοθέντα παρὰ Νεοφύτου Δούκα. Βιέννη, 1810 (non vidi)¹⁸.

Arriani opera graece. Studio A.C. Borhek. Lemgoviae [Paris]. Vol. I–III. 1792–1811 (non vidi)¹⁹.

Müller 1846 – Müller C. (ed.) *Reliqua Arriani et scriptorum de rerum Alexandri M. Fragmenta collegit pseudo-Callisthenis historiam fabulosam.* Parisii, 1846. – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Hercher 1854 – Arriani Nicomediensis scripta minora. Rec. R. Hercher. Lipsiae, 1854. – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Köchly; Rüstow 1855 – Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, griechisch und deutsch mit Kritischen und erklärenden Anmerkungen. II. Theil. I. Abteilung. Leipzig, 1855. – «Тактика».

Hercher, Eberhard 1885 – Arriani Nicomediensis scripta minora. Rec. R. Hercher iterum recognovit, edenda curavit A. Eberhard. Lipsiae, 1885. – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Roos 1928 – Flavii Arriani quae extant omnia / Ed. A.G. Roos. Vol. II. Scripta minora et fragmenta. Lipsiae, 1928. – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Kiechle 1965 – Kiechle F. Die «Taktik» des Flavius Arrianus // 45. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1964. Berlin, 1965. – «Кавалерийский трактат» (греч. текст по: Roos 1928).

Roos, Wirth 1968 – Flavii Arriani quae extant omnia / Ed. A.G. Roos. Vol. II. Scripta minora et fragmenta. Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecit G. Wirth. Lipsiae, 1968. – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

De Voto 1993 – De Voto J.G. (ed., tr.) Flavius Arrianus. TEXNH ΤΑΚΤΙΚΑ (Tactical Handbook) and ΕΚΤΑΞΙΣ ΚΑΤΑ ΑΛΑΝΩΝ (The Expedition against the Alans). Chicago, 1993. – «Тактическое искусство», «Диспозиция» (репринт: Roos, Wirth 1968).

Основные переводы

На латинский язык:

Schefferus 1664 – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Blancard 1683, 1750 – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Müller 1846 – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

На немецкий язык:

Dörner 1832. S. 33–80 – «Тактика».

Dörner 1834 S. 753–784 – «Диспозиция».

Köchly; Rüstow 1855. S. 199–554 – «Тактика» Элиана/Арриана с пассажами из Арриана, не имеющими параллелей с текстом Элиана.

Klumbach 1952 S. 72–73 – фрагменты «Кавалерийского трактата» (von F. Bömer).

Kiechle 1965. S. 87–129 – «Кавалерийский трактат».

Junkelmann 1996. S. 88–92 – «Кавалерийский трактат» (F. Kiechle, M. Junkelmann).

На французский язык: Guischart 1760 (non vidi) – С.Т. Guischart: *Mémoires militaires sur les Grecs et les Romains*. 2. Lyon, 1760 – «Тактика»²⁰.

Feugère 1993. P. 189–191 – фрагменты «Кавалерийского трактата» (М.Р. Villard).

На английский язык:

Bachrach 1973. P. 126–132 – «Диспозиция».

Dent 1974. P. 571–572 – «Диспозиция».

De Voto 1993. P. 49–95 – «Тактическое искусство», «Диспозиция».

Hylland 1993. P. 69–77 – кавалерийские фрагменты «Тактического искусства» (F. Brudenall, F. Walbank).

Gilliver 1999. P. 178–180 – «Диспозиция».

На русский язык:

SC. I. С. 521 = ВДИ. 1948. № 1. С. 406 – фрагменты «Тактического искусства», «Диспозиции» (В.В. Латышев).

Бахрах 1993. С. 147–153 – «Диспозиция» (И.Б. Санакоев, двойной перевод с английского); Бахрах 1994. С. 179–184 – «Диспозиция» (М. Черчесова, двойной перевод с английского).

Нефёдкин 1998а. С. 4–11 – «Диспозиция»; Нефёдкин 1999а. С. 173–188 – «Диспозиция».

Первалов 2001а. С. 236–243 – «Диспозиция».

Что касается принципов настоящего перевода, то при выборе между «смысловым» (некоторые предпочитают говорить – «идеоматическим»)²¹ и «буквальным» переводами я, при всех колебаниях, всё же предпочитал ориентироваться на первый, расходясь в приоритетах с переводчиком «Диспозиции» Арриана и «Тактики» Асклепиодота А.К. Нефёдкиным²², но некоторым образом сближаясь с В.В. Кучмой, переводившим византийские трактаты²³. Особая проблема с тактической терминологией. Ф. Кихле в своём немецком переводе «Кавалерийского трактата»²⁴, и Д. Де-Вото²⁵ в английском переводе «Тактического искусства» и «Диспозиции» Арриана широко пользовались описательным способом передачи греческих терминов, от чего я, как правило, отказывался. Описательный перевод нехорош тем, что отдаляет от исходного текста, в котором краткость является важной особенностью военно-теоретического дискурса. Из других способов передачи терминов заслуживают внимание транслитерация и калькирование. «Гиппотоксоты» или конные стрелки? «Плагдиофилаки» или флигельманы? Поскольку традиция передачи многих греческих военных терминов на русский язык только складывается, и не ясно, какие из них приживутся, а какие нет, я пошел на определенный компромисс (и определённый риск), дублируя русское слово, передающее технический термин, транслитерированным греческим, например: «обоеконные» (*амфиπты*). По-

добная практика неоднократно применялась издателями и переводчиками греческих военных трактатов: на английский язык – Энея Тактика, Асклепидота, Онасандра²⁶, Арриана²⁷, Никифора Фоки и Никифора Урана²⁸, на французский – Асклепидота²⁹. Речь не идёт о греческих терминах, давно вошедших в обиход историков, и не требующих пояснений, таких как гоплиты, феты, и т.п.

В публикации приняты следующие условные обозначения:

- [] в квадратных скобках – слова, добавленные переводчиком для лучшего понимания текста.
- < > в угловых скобках – слова, добавленные в греческий текст издателями.
- ... отточие – лакуна в греческом тексте.
- † крест – текст испорчен и восстанавливается предположительно.
- () в круглых скобках *курсивом* – транслитерированные греческие термины.

Все выделенные курсивом греческие термины включены в Указатель терминов.

* * *

Сокращения, использованные в критическом аппарате издания А. Рооса–Г. Вирта:

Conspectus librorum

Dehner S. Hadriani reliquae. I. Diss. Bonn, 1883 (cit. Dehn.)

Dessau H. Inscriptiones Latini selectae. Berlin, 1892–1916 (cit. Dessau)

Dörner C.H. Arrian's von Nicomedien Werke übersetzt. Stuttgart, 1829–1863 (cit. Dörn.)

v. Domaszewski A. Die Rangordnung des röm. Heeres // Bonner Jarb. 117. 1908. S. 1–278 (cit. Dom. Rangordn.)

Grotefend C.L. Die Truppen in Arrians Marschordnung gegen die Alanen // Philologus. 1867. 26. S. 18–28 (cit. Grot.)

Grundmann H.R. Quid in elocutione Arriani Herodoto debeat. Diss. Leipzig, 1884 (cit. Grundm.)

Haase F. Über die griechischen und lateinischen Kriegsschriftsteller // Neue Jahrb. f. Philologie u. Pädagogik. 14. 1835. S. 88–118 (cit. Haase)

Kühner R. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. I (3. Aufl.). Berlin, 1890. Hrsg. V. Blass (cit. Kühner-Blass)

Ritterling E. Zur Erklärung von Arrians Ἑκταξις κατ' Ἀλανῶν // Wiener Stud. 34. 1902. S. 359–372 (cit. Ritt. Erkl.)

Conspectus notarum

Ac.	= Arrianus. Acies contra Alanos
Ael.	= Aelianus. Ars Tactical
Ascl.	= Asclepiodotus. Ars Tactical
Big.	= E. Bigot
Blanc.	= Nic. Blancardus
Cyn.	= Arrianus. Cyneticus
Eberh.	= A. Eberhard
gl. mil.	= Glossarium militare
Herch.	= R. Hercher
Köchly	= H. Köchly
Leo	= Leo VI Imperator. Tactical
Momms.	= Th. Mommseni adnotationes in Acie contra Alanos (in Herch. ed. 2 a XLVI sq.)
Müll.	= C. Mueller
Psellus	= Mich. Psellus, περὶ πολεμικῆς τάξεως.
Scheff.	= J. Scheffer
Urb.	= Urbicius. Τακτικόν

Codex

F = Laurentianus gr. LV 4

¹ В издании Roos, Wirth 1968 (P. XXII) обозначена как «архетип». Правильнее «прототип» (Poznanski 1992. P. XV; Devine 1993. P. 334. Not. 33). См. также замечания Ж.-А. Фуко (J.-A. de Foucault) к анализу А. Дэна (Dain 1967. P. 378).

² Roos, Wirth 1968. P. XXII.

³ Devine 1993. P. 334

⁴ Dain 1946; 1967 (О «Тактическом искусстве» Арриана: P. 331 suiv.). Мне осталась недоступной работа: Dain 1934.

⁵ Семейство Ласкарисов переселилось в Италию после захвата Константинополя турками (1453 г.), некоторые его представители сыграли значительную роль в распространении греческой культуры. Константин Ласкарис (1434–1501 гг.) основал греческую школу в Мессине; Иоанн Ласкарис (1445–1534 гг.), занимавшийся литера-

- турной и издательской деятельностью, был главным собирателем библиотеки Лоренцо Великолепного. См. Буркхардт 1996. С. 174, 177–178.
- ⁶ Poznanski 1992. P. XVI–XVII.
- ⁷ Dain 1967. P. 382–385; Devine 1993. P. 335; Шувалов 2002. С. 77.
- ⁸ Schefferus 1664.
- ⁹ См. Dörner 1834. S. 753; Köchly; Rüstow 1855. S. 2002. Этот codex Bigotianus после смерти Й. Шеффера был передан в Упсальскую библиотеку, после чего его следы затерялись (Roos, Wirth 1968 II. P. XXVI).
- ¹⁰ Köchly; Rüstow 1855. S. 206. Рукопись Parisinus 2446 обозначена у А. Дэна литерой W (См.: Devine 1993. P. 334).
- ¹¹ Hercher 1854.
- ¹² Hercher, Eberhard 1885.
- ¹³ Roos 1928. На этом издании основывался Ф. Кихле, выпустивший вторую часть «Тактического искусства» (32.3–44.3), т.н. «Кавалерийский трактат», с параллельным немецким переводом: Kiechle 1965. S. 87–129.
- ¹⁴ Roos, Wirth 1968. Перепечатан в издании: De Voto 1993.
- ¹⁵ Sekunda 1994. P. 36–37.
- ¹⁶ Poznanski 1992.
- ¹⁷ Roos, Wirth I. 1967. P. XXVI: Schefferi textus et adnotatione repetita sunt. Ср.: A second edition, based on *Manuscripta ex Bibliotheca Claudii Salmasii* (Cl. Salmasius, 1588–1653), was published by Nicolaus Blancardus (Devine 1993. P. 336). Влияние иных, кроме использованной Шеффером, рукописей, прослеживается плохо (Köchly; Rüstow 1855. S. 203).
- ¹⁸ См: Roos, Wirth 1967. I. P. VIII, XXVI.
- ¹⁹ См.: Köchly; Rüstow 1855. S. 203; Roos, Wirth 1967. I. P. VIII, XXVI; Devine 1993. P. 336.
- ²⁰ Devine 1993. P. 337.
- ²¹ См. Бикман, Келлоу 1994. С. 1–19.
- ²² Нефёдкин 1999а. С. 179; Нефёдкин 2004а. С. 9.
- ²³ Кучма 2004. С. 58.
- ²⁴ Kiechle 1965.
- ²⁵ De Voto 1993.
- ²⁶ Oldfather 1923.
- ²⁷ Nyland 1993. P. 69–77.
- ²⁸ McGeer 1995.
- ²⁹ Poznanski 1992.

ТЕКСТ

ΑΡΡΙΑΝΟΥ ΤΕΧΝΗ ΤΑΚΤΙΚΗ

. . . (Πόρρος τε ὁ Ἑσπερίου τακτικῶς συνέταξε καὶ
 Ἀλέξανδρος) ὁ Πόρρος παῖς καὶ Κλέαρχος, οὗτος δ'
 τῶν μνησίων Ἑλλήνων ἀπὸ βασιλεῖς ἀγροτέρους, ἀλλὰ
 2 ἄλλος οὗτος Κλέαρχος, καὶ μὴν καὶ Πανθανίου δευ-
 3 συγγράμματα ὑπὲρ ταύτων, εἴροις δ' ἔν τε καὶ Εὐαγγελί-
 4 λου ἄλλα καὶ Παλυβίου τοῦ Ἀρκάδος, ὃς καὶ Σικελίαν
 5 τῆς Ῥωμαίων ἐνεργήσασκε, πολλοὺς καὶ μεγάλους πολέμους
 6 διαπολεμοῦντι ἄλλοις τε καὶ ἐν τῷ καὶ Καρχηδόνα τῆν
 7 ἐν Λιβύῃ εἰλεῖν τε καὶ ἠεθραπόδισεν, συγγράμματα
 8 ἕτερα ὑπὲρ ταύτων καὶ Εὐπολέμου καὶ Ἰσικράτης, οὗ
 9 καὶ Ἀθηναίων στρατηγῶν, ἀλλὰ ἄλλω ταύτῃ. Ποσειδών-
 10 νιος δὲ ὁ Ῥόδιος καὶ εἰργασίαι τινὰ τακτικῆς συγγράμματα
 11 κατέλιπεν, ὅτι δὲ ἕξασαντα ταῦτα τὰ συγγράμματα
 12 ἐκείνη μέγιστα οὐκ ὠφέλιμα, ὅτι ὡς πρὸς εἰδότης συγ-
 13 γράμματα, καὶ ταῖσι τὰ δόγματα τῆς τε τακτικῆς ἐκεί-
 14 νης καὶ τῆς τάξεως οἱ μὲν ὡς γνώριμα ἀσέβησαν, τὰ

Act. 1 et Act. 2, 1-3

Titulus additus ex subscriptione, cf. id. p. 176, 24
 † Tactics (sic) multa est, exarata a multis ¶ folio ex quo
 Acta praecorrupte folio. 182 in quo sunt corruptum fuerit
 Praecorrupte praecorruptum et corrupte praecorruptum, in quo sunt
 dolum nec quia Arrianus exarata a multis ¶ (liberis et—
 † ἡλικιωσέως) ἐκείνη τε Ἀρριανῶν. † ἔστι ἢ ἐστὶν ἄλλω.
 † ἄλλω οὐκ ἐστὶν ἀλλὰ ἢ ἄλλω ἄλλω ἄλλω, ἄλλω ἄλλω.
 † ἡλικιωσέως ἢ, ἄλλω ἄλλω. † ἔστι ἢ ἐστὶν ἄλλω.
 10 (καὶ) ἀσέβησαν ἐκείνη, συγγ. (δὲ) ἄλλω.

2 δὲ ἴσται εἰ μὴ ἀγγεῖται ἰσχυρὰ ἄνευ ἄλλοις, τοῦτο δὲ αὐτὸ
 ἴδοξέ μοι πρῶτον ἰσχυρῆσαι πρὶ τῶν τῆν ἀσάφεια.
 [2h] 2 ὡς οὖν ἐγγυωσθέντα ἴσται τῆς ἐπιτορῆσιν αὐτῶν τὰ
 πράγματα καὶ τὰ ὄρηματα, ἐπιτόντα τοῦ λόγου ἐκδομαι,
 οἱ δὲ τῶν παρεσκευῶν τῶν εἰς τὸν πόλεμον ἢ μὲν εἰς 4
 κατὰ γῆν τεγγάνει οὖσα, ἢ δὲ διὰ θαλάσσης· καὶ γὰρ
 □ οἱ πολέμοι πολεμοῦνται οἱ μὲν ἐν γῆ, οἱ δ' ἐν θαλάσσει.
 τῶν δὲ ἄνω οὖν πολεμοῦντων τὴ μὲν τί ἔστι μάχηρον,
 κῶσι εἰ σιτυωσθαι, τὴ δὲ τοῦ μάχηρον εἰσκα ἡθρο-
 σμένον, ἔσοι θρητικόν ἢ ἰαερικόν ἢ ἐμπορικόν ἢ κρη 10
 2 ἰακόν. τοῦ δὲ κῶ ἐν γῆ μάχηρον (τὸ μὲν ἐστὶ πελιδνόν),
 τὸ δ' ἐπὶ ὄρηματι ἔλλω καὶ ἔλλω. καὶ τῆς δευτέρας
 ἰδίως τὸ μὲν ἰακικόν, ὑπερ ἰακίως χρησται, τὸ δ' ἐπὶ
 ἰεραφάντων, καθότι τὰ Ἰουδῶν στρατόκιδα καὶ τὰ ἰλ-
 θιστικὰ, χρόνῳ δ' ὑστερον καὶ Μακεδόνας καὶ Κερχη 10
 3 ἰθόντοι καὶ πον καὶ Ῥωμαῖοι. τοῦ δὲ ἐπ' ἰακῶν μάχη-
 κῶ τὸ μὲν ἰδίως λεχθεῖται ἐν ἰακικόν, τὸ δὲ ἐπ' ἰακίως,
 καὶ τοῦ ἰακικῶ οἱ μὲν ἰακίως, οἱ δὲ ὑμαρῆσται ἰακίως
 μὲν οἱ ἐπ' ἰακῶν ὄρηματι, ἐρμακῶν δὲ οἱ ἐπὶ
 ἰακῶν ἀσάφεια ἐπιδοκῶσθαι, ἐς μεταπηδῶν ἀπ' ἄλλων 11
 4 ἐπ' ἄλλων. ἢ μὲν δὲ ἀπὸ τῶν ἐλεφάντων μάχη ἀπὸ

Att. 2, 2. 2 of. gl. 101. 26 initial

Att. 2, 1 in. cf. Act. 1, 4-7 Att. 2, 1 of. Act. 2, 1, 2;
 Auct. 1, 14 Att. 2, 2 of. Act. 2, 2; Auct. 1, 12 (1), 3 n.]
 Att. 2, 3 of. Act. 2, 4 Att. 2, 4, 5 of. Act. 2, 5

1 ἀπὸ Mill. πρὶ τῶν 2 2 δὲ Mill. δὲ 2 3 ἢ ἢ in marg.
 εἰ πρὶ τῶν ἐπιτορῆσιν 4 4 ἰακῶν Herch. 11 ἀπὸ Blom. ἐν
 (11a) 2 (τὸ μὲν ἐστὶ πελιδνόν) add. Herch. in Act., lacunosa
 iam indicaverat Dörn. 12 ἢ ἢ in marg. οὐκ ἔστι 2 ἐπ'
 ὄρηματι ἔλλω καὶ ἔλλω Herch. coll. Act. 2, 2 ἐπ' ὄρηματι;
 ἀσάφεια non notanda, cf. ad p. 101. 17 13 ἰδίως 2, corr.
 Mill. 14 ἰακῶν Schell. Auct. 2 15 16 κατὰ γῆν 2,
 corr. Kuhn. 17 ἐπ' ἢ ἐπ' Herch., add. ἐπ' ὄρημα Act. 2, 4
 πρὶ τῶν ἀσάφειαν ἰσχυρῆσαι οὐκ ἔστι πρὶ τῶν Herch., in marg.
 20 ὄρημα
 gl. 101. 26 initial 2 21 ἐπ' 2 of. gl. 101. 17 Herch.

έστιν, κλέψι γε δὴ ἔτι καὶ πύργους ἰσχυροὺς ἔσταιν ὄντα [δὴ]
οἱ ἰσχυρότεροι τῶν δὲ καὶ οἱ ἰσχυρότεροι σιδηρῶν ἔξει ἀπαι-
σμένους ἦσαν, τῶν τε τρυφώτεροι εἶναι καὶ τοῦ μὴ ἀκου-
σθαι τὸν ἐπιτελεῖν. ἢ δὲ ἀπὸ τῆς ἀρμάτων μάχης πο-
1 ἀκινδυνότερα τούτης· ἢ γὰρ φιλοῖ ἦν τε ἄρματα, καθάπερ
καὶ Τρωαίῳ ἢ Δρακονοργόρῳ, ὡς ἕστερον τῶ Περσικῷ,
καὶ ἢ παροργίζουσι τῶν ἰσχυρῶν ἢ ἀπορώσων, καὶ ἢ ἀπλοῦ
τοῦ φημιῦ ἢ διπλοῦ, τὰ δὲ καὶ κολύμβημα.

οἱ δὲ πεζοὶ καὶ τε καὶ ἰσχυροὶ εὐξοίαι καὶ ὑπὸ τῶν δ
10 κολυμβήσας τε καὶ κολύμβησι εἶναι. κόνια τῶν πεζῶν
ἢ ὑπὸ τῶν, ὡς γε δὴ τὰ ἀνωτάτω τούτων, τριχῆ ἀνέ-
μῃται, ἴσ τε τὸ ὀπλιτικὸν καὶ ἐς τὸ πᾶλλον καὶ ἐς τὸ
κελευστικόν. τὸ μὲν δὲ βαρύτερον (τὸ) ὀπλιτικόν 2
θώρακος ἔχει καὶ ἄσπίδος ἢ θυρεοῦς παραμύχαις καὶ
11 μαχαίρῃς καὶ δόρατι, ὡς Ἕλληνες, ἢ σαρίσσῃς, ὡς οἱ
Μακεδόνας· τὸ δὲ πᾶλλον ἐκονομικώτατον ἔχει τῶ ὀπλιτικῷ 3
πᾶντα, ἕταυτερ ἕνεκα θώρακος καὶ ἀσπίδος καὶ παραμύχου
καὶ κόνιας ἐκαστοῦ καὶ τοῖς ὀπλοῖς διαγχομένον, τοῦτέ-
12 μασιν ἢ ἀκινετοῖς ἢ σφραγισμένῃς ἢ ἀπὸ τῶν ἐκ χειρὸς. τὸ 4
13 πεζοποτικὸν δὲ κορυφώτερον μὲν τυχράτα ἔν τῶ ὀπλι-
τικῷ — ἢ γὰρ πᾶσι σμικρότερον τῆς ἀσπίδος καὶ ἐλα-
φρότερον, καὶ τὰ ἀκινετὰ τῶν θυρεῶν καὶ σφραγισ-
λασιμένων — βαρύτερον δὲ τοῦ πᾶλλον, τῶ δὲ ἀκριβέ 5

Act. 5, 1-4 cf. pl. mil. 24

Act. 7, 1-4 cf. Act. 2, 7-8; Act. 1, 2

1 καὶ δὲ, Herod. [δὲ] Act. 11, 10 p. 104 a τοῦ μὴ Müll.
τῶ μὴ F a κολύμβησι F, cote Müll. 10 ἐς τε Müll. ἐστὶν F
τοῦ φιλοῦ καὶ ἐστὶν κολυμβήσας F, cote Schell. 11 <τῶ>
add Herod. 12 ἢ Kschly καὶ F a] del. Herod. 13 ἐκονο-
μικώτατον a] 14 ἀκινετῶν Kschly ἐκονομικώτατον a] 15 ἐκονομικώ-
τατον a] 16 τῶν κόνιας Dig. 17 ἐταυτερ] ἐταυτερ Kschly 18 κόνια]
ἐστὶν Herod., καὶ τοῖς κόνιας Act. 2, 8; an τοῖς ὀπλοῖς (cote) F
19 ἐκαστοῦ a] 20 ἐκαστοῦ Herod.; cf. ad p. 26, 28
21 καὶ τῶν] κόνιας Herod.; cf. Theol. 10, 1 κόνιας F,
cote Kschly

χονται, αὐτὸ δὲ καὶ <ιδίως> δορυφοροὶ ἢ κροτοφόροι
 διαμαρτυροῦνται, ἔστιν δὲ ὅρα' ὅτι ἐπισημασθέντες ἀκροβολισ- α
 τὰ καὶ δὲ λαχθῆσαν ἐν αὐτῷ ἐς χεῖρας ἴσταντες ἀλλὰ κέρρω-
 θεν ἐξαικονίζονται. καὶ τούτων οἱ μὲν δορυφοροὶ δια-
 2 χροῦνται ἐς τὴν ἀκροβολισμῶν, οἱ δὲ τῆρας. οἱ μὲν δὲ
 δορυφοροὶ ἀκροβολισθῆναι Ταραντινοὶ διαμαρτυροῦνται,
 οἱ δ' ἄλλοι ἐκπυροῦνται καὶ αὐτῶν δὲ τῶν Ταραν- ε
 τιστῶν οἱ μὲν πρὸ μόνων κέρρωθαι ἀριστάμενοι ἢ ἐς
 10 κήληας παρασκευάσαντες διαχροῦνται τῷ ἀκροβολισμῷ, οἱ
 δὲ καὶ ἀλλοτριῶς Ταραντινοὶ εἰσίν· οἱ δὲ τὰ πρῶτα
 ἐξαικονίζονται ἵππια συμπλέκονται τοῖς πολεμίοις, ἢ
 15 δάριον ἢ ἄν ἴσταν ὑπολακόμενοι ἢ καὶ σπάθη διαχρό-
 μαντοί, καὶ αὐτοὶ κελύονται ἐλαφροί. — Πυρραίοις δὲ 7
 οἱ ἵππια οἱ μὲν κορυφαῖς φέρουσι, καὶ ἐπιλακόμενοι
 20 ἐς τὴν τρέσαν τῶν Ἰλλυριῶν καὶ τῶν Σαυραματῶν, οἱ
 δὲ λόγχας ἔχουσι. σπάθη δὲ μακρὰ καὶ πλατεῖα ἀπὸ 11
 τῆρας ἀπὸ τῶν Ἰλλυριῶν, καὶ θυρεοὺς πλατεῖς παρα-
 μύχει φέρουσι καὶ κράνος σιδηρῶν καὶ θώρακα τῶν
 25 πεπλεγμένων καὶ κυνηθῶν μακρὰς. λόγχας δὲ ἐς ἀμφὸ 11
 30 τῆρας φέρουσι, καὶ ἀκοντίζουσι μακροῦσιν, ὅσπερ τούτων
 δόχοι, καὶ ἔγγυθεν ἐκ χειρὸς ἀπομάχεσθαι. συμπλέκονται
 35 τὸ δὲ δεξιῶν ἐς χεῖρας ἐλθόντας, πρὸς σπάθαις μα-
 χονται. οἱ δὲ καὶ κελύονται μακροῖς φέρουσι πάντοθεν
 ἐν κύκλῳ ἀσπίδας ἔχοντες

Art. 4, § 1. c. cf. Luc VI 22 (23), 1012-1013

1 <ιδίως> addidi ex cod 2, 19 <ιδίως> add. Heberk. of 11
 ἀπὸ δὲ δορυφοροὶ qz mil. ἢ κροτοφόροι del. Köchly 2 καὶ
 del. Heberk. cf. ad p. 10, 4 3 ἀριστάμενοι F. corr. Köchly
 4 περικρατούμενοι Köchly, and cf. Anab. V 10, 1 50 δι-
 κρινῶς Heberk. (Idios Art. 2, 13 et gl. mil. ex <μὲν> Heberk.
 11 ἐξαικονίζονται Köchly ἀκροβολισθῆναι Heberk. 12 ἐν
 Schief. ἐν F. <εἶ> σπάθη Heberk. 13 ἀπὸ μ. Müll., cf. ad
 p. 15, 9 14 θυρεοὺς F. corr. Schief. 15 τῶν del. Heberk.
 16 τῶν δὲ Müll. ἀπὸ δὲ F. corr. Heberk. 17 ἀσπίδας ἔχον-
 τες] ἔχοντες ἀσπίδας ἔχοντες ἢς ἀσπίδας ἑτοιμασμένους Luc. cf.
 Cumanus, Mon. et tradit. Piot XXVI (1888), p. 36

(B K) ὁ ἑκάστης δὲ τάξις κείνη τε καὶ ἐπιπέδου συσση-
 ματά τ' ἔσσι καὶ ἡγεμόνας καὶ ἀριθμοὺς καὶ οὐ-
 ματά, ὡς δέχεσθαι δεῖται τὰ παραγγελόμενα· ἕπιρ δὲ
 α ἦδη λεκτέον πρῶτου μὲν δὴ καὶ μέγιστον [τῶν] ἐν στρα-
 τηγῇ ἔργων παραλαμβόντα πλήθος ἀνθρώπων ἰσθμῶν
 καὶ πελάγων ἐς τὰς αἰκίας καὶ κόσμου καταστήσει· τὸ δ' ἔστιν
 κατακυλίσειν τε καὶ ἐυλλοχίσειν, ἀριθμὸν τε ἔπι-
 θέσειν τῷ πλήθει παντὶ ἑξόμετρον καὶ ἐπιπέδου ἐς
 α κῆς μέγας, τὸ γὰρ στραταγμῶν σφραγισμα ἐν τε τῇ
 παλαιῇ κωλύστερον καὶ ἐν στραταγμῶν ἀσφαλδέστερον
 καὶ ἐς τὰς μάχης ὠφελιμώτερον, ὥστε ἦδη καὶ μερῶν
 στρατηγεῖα καὶ ἐπιπέδου δὲ ἀταξίαν διακταρῆντα
 ἴσμεν ἕπι ἡλλάκτου τὸ στρατηγῆς καὶ οὐκ ἀκριβῶς ἀπλη-
 ροῦς, τὰ δὲ ἀπὸθεώστερα καὶ οὐκ ἐυκαλοῦντα κρητή-
 (45) α πάντα τοῦ πλήθους ἐν εὐταξίᾳ, τὸ μὲν δὴ κασιπλο
 χίσειν ἔστιν ἐς λόγους συντάξαι· ὁ δὲ λόγος ὁμομά-
 ζεται ἀριθμὸς ἀνθρώπων ἐπὶ τοῦ ἡγεμόνου καὶ τῶν μετὰ
 τοῦτον κατόπιον ταταγμένων ἔστι ἕπι τῶν τελευταίων
 α κατὰ τὸ βάθος, ὡς δὴ οὐραγῶς κείλειται ἀριθμὸν δὲ
 τοῦ λόγου αὐτῶν δὲ κατὰ τὸ πλάτος, αὐτῶν δὲ δέκα, αὐτῶν
 δὲ δὲ αὐτῶν ἐπὶ τῶν δέκα, αὐτῶν δὲ καὶ ἐκκαλίσειν ὑποκεισθαι ἢ
 ἡμῶν τὸ βάθυστατον αὐτοῦ ἐς ἐκκαλίσειν, ἑξόμετρον γὰρ
 τοῦτο πρὸς τὸ τὴν ἐπὶ μέγας τῆν καὶ πρὸς τὴν ἐς βί-
 θος τῆς πλάγης καὶ πρὸς τὸ ἐπιπέδου ἐπιπέδου τε καὶ

Att. 6, 4-5 cf. gl. mil. 1-3

Att. 6, 1-3 cf. Ael. 2, 1-3; Ael. 2, 4 Att. 6, 4-5: cf.
 Ael. 2, 1-3; Ael. 2, 1

α ἑκ - παραγγελόμενα del. Harsh., sed cf. Ael. 2, 1 γάρου
 τὰ παραγγελόμενα α [τῶν] del. Harsh. p. 101 τῶν παρὰ
 Big. τὰς ἐν στρατηγῇ ἔργων κῆσις 16 (τῶν) στραταγμῶν
 Harsh. 34 τοῦ παρὰ Harsh. 35 τῶν Schaff. τῶν V
 18 κατόπιον del. Harsh., sed cf. Ael. 2, 1 καὶ τῶν μετὰ
 αὐτοῦ ταταγμένων fere Schuff. fere V καὶ ἐκκαλοῦντα
 mil. p. 126, 17 et Ael. 2, 7 i. f. ἐκκαλοῦντα V κείλειται Harsh.

ἵκταρμονικίζεσθαι πρὸς τῶν φίλων τῶν ἑρασισηκίων.
καὶ οἷα δικλασιώσαι δεήσειεν τὸ βέθος ἐπὶ τριάκοντα ἢ
δύο ἄνδρας, ἢ πῶς πύματρος ἴεται· οἷα αὖ μὴ πῦμαι
τὸ μέτακον ἐξ ὀκτώ, ἔσται αὖ πῦματῃ ἀβαθῆς ἢ φάλαγξ.
ἢ τὴν δὲ εἰς ὀκτὼ ἢ ἑκτεῖςαι ἐβαλεῖσθαι ἐπὶ τέσσαρας,
ἀβαθῆς γίνεσθαι. χρὴ οἶν τὸν λοχαγόν, ἔτι πρῶτον (B K)
τοῦ λόγου ταυτόμενον, τὸν κράτιστον ἀειλάγασθαι· ὃ δὲ
κατόπιν καὶ πρωτοστάτης καὶ ἡγεμὸν καλεῖται.

τὴν δὲ λόγον καὶ στίχον ἤδη τὴνδε δομαίξουσεν, οἱ ὅ
τε δὲ δευτεῖαν, τυχόν οἷς ἐκ δέκα ὁ λόγος ἦν. ὑπὲρ δὲ ἢ
τῆς ἐνωμοτίας ἀμφιρροσόμενόν ἔστιν· οἱ μὲν γὰρ ἕλλο
διναὶ τῇ λέξει πῦμα τούτου, οἱ δὲ τὴν τάκτρον τοῦ λόγου
ἐνωμοτικῶν καλοῦσιν, καὶ ἐνωμοτάρχην τὸν ταύτου
ἡγουμένον, τὰς δὲ δύο ἐνωμοτίας διμοιρίαν καὶ τὸν
II ἡγουμένον τούτου διμοιρίστην. Στεροφῶν δὲ πῦματῃ
μὲν μέρος τοῦ λόγου ἢ ἐνωμοτικῶν ἑστίαι αὖ διμοιρίαι ὅτι
θε μοίον καὶ πάντως γὰρ τῶ ἡμίσει, ἀπλάτῃ ἢ πὶ λέγει
ὅτι οἱ λοχαγοὶ κατ' ἐνωμοτίας ἕκαστος ἐποιήσατο τὸν
κατόπιν λόγον. ὁ μὲν δὲ τοῦ λοχαγοῦ κατόπιν ἰσχύος ἢ
III ἐπιστάτης καλεῖται, ὁ δὲ αὖ κατόπιν ταύτου πρωτο-
στάτης, ὁ δ' ἡμὶ ταύτου ἐπιστάτης, ὡς τὸν πάντα

Arr. 5, 1 3 cf. xl coll. 4 5 Arr. 6, 4 cf. gl. coll. 5

Arr. 6, 1°—6, 2° cf. Ael. 5, 1 2; Ael. 2, 5 Arr. 4, 3 cf.
Ael. Anab. IV 3, 20 Arr. 6, 4 cf. Ael. 5, 1; Ael. 2, 2

1 post ἀειλάγασθαι (ἀειλάγασθαι quaedam, s. p. (ὡς αὖ ἐνωμο-
τικῶν τὸ βέθος) ἐξ ὀκτώ, καὶ τὸν ἐξ ὀκτῶ ἐνωμοτικῶν ἢ τὸν
ἐνωμοτικῶν ἀπλάτῃ ἀπλάτῃ ἀπλάτῃ ἀπλάτῃ, coll. Ael. 4, 3
ἐξ ὀκτῶ . . . δικλασιώσαι τὸ βέθος . . . ἢ στεροφῶν καὶ ἐπὶ
ὀκτῶ ἀπλάτῃ ἀπλάτῃ. Lectio tradita apud Arr. si vera est,
notabili incoherence non caret. Posse etiam (sui generis
τὸ βέθος) ἐξ ὀκτῶ 16 τὸν ἐξ ὀκτῶ, cf. coll. p. 128, 29. 17 coll.
del. Hirsch. γὰρ Moll. τὴν F 18 αὖτε δὲ F. 19 Moll.
20 τὸν ἐξ ὀκτῶ τὸν ἐξ ὀκτῶ F 21 post ἐπιστάτης Hirsch. αὖτε (sui
generis ἀπλάτῃ) coll. p. 128, 32, 33, sed cf. Ael. 5, 4, αὖτε (sui
generis verba Arrianus hic describit)

τοῦ λόγου στίχον ἐν πρώτοις αὐτῶν καὶ ἐκείνου κε-
 α τάχθαι παραλλάξ ἰσοαρίωσι· ἡ δὲ μὴ λόγος τοῦ λο-
 χαγῶν τῶν κρείττους τοῦ λόγου εἶναι, ἀλλὰ καὶ τοῦ σφ-
 ραγῶν οὐ καὶ τὰ ἀποδείκναι ἐπιλέγεσθαι· πολλὰ γὰρ
 καὶ ταῦτα καὶ οὐ τὰ φαυλότατα ἐν τοῖς πολεμικοῖς ἐπι-
 η εἴρωσται, εἴη ἂν οὖν ὁ λόγος στίχος ἐξ ἐκείνων καὶ
 πρώτοις αὐτῶν ἐν μίση λοχαγοῦ τε καὶ σφραγῶν συντετα-
 γμένως.

(6 K) 7 συλλοχισμὸς δ' ἐστὶν παράθεσις λόγων ἐτέρω λόγῳ.
 γίνονται δὲ εἴ τῷ τοῦ πρώτου στίχου λοχαγῶ ὁ τοῦ δευ-
 τέρου λοχαγῶς ἐπιστάτης, τῷ δὲ ταύτου ἐπιστάτῃ ὁ τοῦ
 ε δευτέρου λοχαγοῦ ἐπιστάτης, καὶ ἐφεξῆς οὕτως, πέρα-
 σι δὲ καὶ ὁ συζυγῶν ὀνομάζεται, λοχαγῶς μὲν ὁ
 πρώτος τῷ δευτέρῳ λοχαγῶ, ἐπιστάτης δὲ ὁ πρώτος τῷ
 δευτέρῳ ἐπιστάτῃ, καὶ ταῦτα ἐφεξῆς ὅσοι καὶ τοῦσδε σφ-
 ραγῶν τῶν λόγων· ἐπειδὴ οὖν πολλὰ ἐφεξῆς λόγοι
 ταχθῶσι, συλλοχισμὸς τὸ τοιοῦτον καλεῖται.

(7 K) 8 τῆ δὲ σύμκειν σύνταγμα τοῦ πλείους φάλαγγ' ὀνο-
 μάζεται· ἢ μῆκος μὲν τὸ πρώτον ἂν εἴη ἐκ τῶν λοχαγῶν
 σύνταγμα, ὅσοι καὶ μέγιστον εἶδη οὐδὲ ὀνομάζουσιν, ἢ
 εἶναι δὲ οὐ πρόσθεν καὶ ἑξῆς, καὶ στόμα δὲ [οἱ]
 ε ἄλλοι κατὰ τοῦτο, καὶ πρώτου λόγου ἄλλοι, τὸ δὲ μετ-
 ῶν τοῦ μετῶν ὅσοι ἔσται ἐπὶ τοῦσδε σφραγῶν, βῆ-
 θος ὀνομάζεται, καὶ τὸ μὲν κατὰ μῆκος ἐπ' εὐθείας εἶναι
 τοῖς πρώτοις αὐτῶν ἢ τοῖς ἐπιστάταις συζυγεῖν καλεῖται, ἢ

Διτ. 7, 1, 2 cf. gl. τῶν. 7, 8 Διτ. 8, 1—4 cf. gl. τῶν. 20—28

Διτ. 8, 5 cf. Δελ. 6, 6, 8 Διτ. 7, 1, 2 cf. Δελ. 2, 1, 2;
 Δελ. 2, 4 Διτ. 2, 1—4 cf. Δελ. 7, 1—3; Δελ. 2, 6, 8

ε κατὰ μῆκος F, υπερ. Μπλ, 20 cf. Schuff. 4* F 1x λοχα-
 γῶν Kōchly λόγῳ F οὕτως] ὀνομάζουσιν Hercul. 18 ἑξῆς
 Kōchly ex Anf. 18 ἔσται F, υπερ. Schuff. 17 κατὰ μῆκος
 F, corr. Schuff. 21 [οἱ] Δελ. Kōchly 22 κατὰ μῆκος κατ-
 ῶν F 23 ἔσται Hercul., ὁ ἔσται F, cf. Δελ. 7, 1 ε. f. μέγιστον
 σφραγῶν 24 τῶν πρώτοις αὐτῶν καὶ τοῖς ἐπιστάταις Hercul.

στοιχεῖν δὲ τὸ κατὰ βέβητος [εἶν] ἐπ' εὐθείαις ἢ πρὸς τοῖς
 ὑπὸ τοῖς καὶ λοχαγοῖς, πέμνεται δὲ ἡ φάλαγγς εἰς μέρη 3
 τὰ μέγιστα θίος, δίχρα διαιρουμένου τοῦ παντός μετώπου
 ὅσα ἐπὶ τοῦ πᾶν βέβητος, καὶ τοῦτον τὸ μὲν ἡμισυ τὸ ἐν
 δεξιᾷ δεξιῶν καλεῖται πέρας καὶ κωμολή· τὸ δ' ἐν
 ἀριστερῷ εὐθύναιον πέρας καὶ ὑβρῆ. ἵνα δὲ [ἴσπου] 4
 διχονομία γίνεσθαι τοῦ πέρας, ὁμοειδὲς ἀνομοίωται καὶ
 ἀτόμα καὶ ἀραρός.

Ἐὰν δὲ τοῖς ὑπελείπαις τὸ πάλιν οἱ ψιλοὶ κέντηται, ὡς 8
 αὐτοῖς μὲν τὴν σκέπη ἐκ πᾶν ὀκλίω εἶναι, τοῖς δὲ ὑπελί-
 ταις αὖ τὴν ἀφίλειαν ἐκ τῶν κατόπιον ἀκοντισμάτων
 οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐν ἄλλῃ γῶνς ἦδη οἰλοὶ ἐπάχθησαν, 8
 ὁπότε οὕτω δεῖα, ἐπὶ κέρως ἑκατέρωθεν ἢ, εἰ πρόβλημα
 εἴη τοῦ ἐτέρου κέρως ποταμῆς ἢ τόφρου ἢ θάλασσης, ἐπὶ
 12 τοῦ ἑτέρου μόνου, (ἐν) ὑπερθεῖον τοῦ χωρίου, τοῦ ἀπο-
 κρινέσθαι τῶν ποταμῶν τὴν ἐσπέρη ἔρπον ἢ ἐξ κώλι-
 σεν κωμολάσεως καὶ γὰρ αἱ τῶν ἰππέων τάξεις ἄλλοτε
 ἄλλῃ καθίστανται, ὅπως ἂν μέλλοσι ταχθέντες ἀφίλειται 8
 εἶναι, τὸ μὲν οὖν ἄπαν πλῆθος τῆς στρατιᾶς ὁπόσους 8
 20 γῶν εἶναι, οὐκ ἐπὶ τῷ στρατηγῷ εἰδέσθαι· τὸ δὲ ἂν ὅσους
 φωνητέον καὶ καὶ ἰσχυροὶ καὶ ἐκ τάξεως ἐς τάξιν ἄλλῃ

Act. 3, 1. 3 cf. Act. 7, 4. E. Act. 3, 2—3 cf. Act. 8, 1—2; Act. 9, 7

(τοῖς κωμολάταις) τοῖς κωμολάταις καὶ (τοῖς ὑπελείπαις) τοῖς ὑπελείπαις Ezech., uacantiam corrigentem, uam eadem habet Act. 7, 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

1 [εἶν] Act. Ezechly, negna id habet Act. 1. 2 τὸν ἡγε-
 γον καὶ λοχαγόν Herck., 308 cf. Act. 4 Iovian F, corr.
 Schell. 5 κέρως Ezechly, μέγος F, 268 κέρως τα. 6 ὑπερ ὑπερ-
 του ὅσους habent Act. 7, 3 77 pl. Mill. 25 [ἴσπου] Act. Hnaas
 p. 104 78 (οἱ) φάλοι Ezechly 78 οὕτω Ezechly
 δεῖα Hnaas p. 104 87 16 F <7> 78 Mill 78 μέγος Hnaas
 p. 104 μὲν F <7> add. Ezechly τοῦ χωρίου χωρίω Herck.
 τοῦ χωρίου Ezechly 78 ὅσους F, corr. Schell. 78 887 Ezechly
 ὅσους Herck.; cf. Act. 7, 8 268 78 p. 128, 3 στρατιᾶς F, corr.
 Mill. 78 ὅσους habent 78 887 Ezechly 887 F 887
 Herck.,

* εὐνοίας μετακινήσει, ταῦτα ἐπεσκυλεύειν, τασάνθῃ μάλιστα
 συμβουλεύουσα μ' ἐν τῷ στρατηγῷ, ἐκ τοῦ παντός κτήθους
 τῆς στρατιᾶς τοσοῦτους ἐς τὴν μάχην ἐξήγειν, ὁπόσοι
 ἐπιτήδαιο ἴστανται πρὸς τὰς μεσεριὰς τοῦ τῶν τάξεων
 καὶ τῆς μετακινήσεως, ὅσον τοὺς διπλασιασμούς καὶ πε- 3
 λυπλασιασμούς καὶ ὅσοι πεύξαις ἢ ἐξελιγμοὶ ἢ εἰ δὴ τινες
 δ ἄλλαι μεταβολαὶ τάξεων. ἔνθεν δὲ τούτους μάλιστα τοὺς
 ἀριθμούς ἐπέλεξαντο οἱ θενοὶ ἀμφὶ ταῦτα, ὅσας ἀριθ-
 μοὶ μέχρι κοινῆς αἰῆς τοῦ δόξα διακρισθῆναι, ὅσα δὲ ἴσταν
 ἢ τῶν μηρίων καὶ ἐξασχιλίων καὶ τριακοσίων καὶ ἐπὶ 10
 τούτοις τεσσαρῶν καὶ ὀρθοήκοντα τάξιν εἰ τυχόν οὐδὲ
 ὀκταετηρῆς ταύτης δὲ ἡμίσιον τῆν τῶν φυλάδων, καὶ ταύτης
 ἕτε ἡμίσειον τῆν τῶν ἱππέων. αὐτῶν γὰρ τοὶ ὁ ἀριθμὸς
 μέχρι κοινῆς δόξα τέμνεται, ὅσας διπλασιασθῆναι αὐτῶν
 ἐς τὸ βάθος ἑξήκοντα καὶ ἐπὶ ἑκατὸν ἀναπνεύσονται 15
 ὁ εὐμαρῶς καθίστασθαι, ὁπόσῃ τούτου διαφέρειν. οὐδεὶς
 ἐπὶ τῷ λόγῳ ἑκατὸν ἀνδρῶν εὐ βάθος ὀκταετηρῆς,
 τεσσαρῶν καὶ εἴκοσι ἐπὶ ταῖς χιλλοῖς ἔσονται οἱ λόγοι ἕτε
 τῆδε ἐπὶ ἀριθμῷ, καὶ οὕτως μεμερισμένοι ἐς τὰ γένη, ἅν
 ἑκάστη καὶ ἑνὸς αἰῆτος κρῖσκειται. 20

(9E)10 οἱ μὲν γὰρ δύο λόγοι διπλαζέει καλεῖται, ἐξ ἀνδρῶν δύο
 καὶ τριάκοντα, καὶ ὀκταετηρῆς ὁ τούτων ἡρισόμενος 20

Art. 9, 5 of Uth. proem. p. 467, 1 seq. Art. 10, 1—9 of
 Uth. proem. p. 467, 8—28; cf. Uth. 9—19

Art. 10, 1—9 of Ael. 9, 1—9*; Ael. 2, 9

ἡ μετακίνησις F, corr. Köchly ἑξαπλασιασθῆναι Köchly ἑκα-
 πταπλασιασθῆναι Hensch. ἢ ἐξαπλασιασθῆναι Mül. ἢ εὐνοίας del. Hensch.
 * ἕτε ἡμίσειον ἢ ἐξελιγμοὶ Hensch. ὁπόσῃ del. Hensch.
 ἢ ἕτε ἡμίσειον F ὁπόσῃ Hensch. ἢ ἐξασχιλίους Köchly (ἕτε) ὁπόσῃ
 καὶ ἐξασχιλίους Hensch. εἰ δὴ Schaff. εἰδὲ F 10 seq. ὁπόσῃ
 αὐτῶν ἡμίσειον ὁπόσῃ ἡμίσειον ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ
 8, 8, quibus Arrianus describit 15 ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ
 20 ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ
 25 ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ
 30 ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ ὁπόσῃ
 Köchly 21 ἐξ del. Hensch., cum habet Ael. 22 ὁπόσῃ

δὲ πένταρος λόγους τετραρχία, καὶ ὁ τοῦτου ἡγομένου-
 νος) τετραρχίης τεσσάρων καὶ ἐξήκοντα ἀνδρῶν ἑξαρχος.
 οἱ δὲ δύο τετραρχίαι τῆς τε, λόγων μὲν ἅπασιν, ἀνδρῶν δὲ
 δὲ ἁπασίν καὶ εἰκοσι καὶ ἑκατόν, καὶ ὁ τοῦτων ἡγομένου-
 ς ταξίαρχος. ἅπασιν δὲ ἐξ ἑκατῶν γίνονται τὸ τάγμα, ἕκαστος δὲ
 τετραρχίης ὁ τοῦτος καὶ ἡγομῶν δυομάχεται. (καὶ δὲ δύο
 πῆλιξ σύνταγμα καλεῖται.) ἄλλων μὲν ἑκατάδεκα, ἀν-
 δρῶν δὲ ἑξ καὶ πενήκοντα καὶ διακοσίων, καὶ ὁ τοῦ-
 τω καὶ ἡγομένου σύνταγμα τετραρχίης. οἱ δὲ ξεναγίων
 τοῦτου δυομάχεται, καὶ ἑκατὴν τῶν τοῦτων ἡγομῶν.
 καὶ ἑκάστη δὲ σύνταξις τῶν ἑξ καὶ πενήκοντα καὶ
 διακοσίων ἐπιλεκτοὶ ἢ οἱ σημεσιφόρος, οὐραγός,
 σαλπικρατής, ἐπιφύτης, στρατοπέφυξ· καὶ τὸ πᾶν
 σύνταγμα ἐς τετραρχίον οὗμα περὶ τὸν ἐξ ἑκατάδεκα
 ἢ ἕξι τὰ μέγιστος καὶ τὰ βέλτερος. τὰ δὲ δύο σύνταγματα γὰρ
 οὗτοι ἀνδρῶν ἑκατάδεκα καὶ πεντακοσίων, λόγων δὲ καὶ
 τριῶντα, καὶ τοῦτων ὁ ἡγομῶν πεντακοσιάρχης.
 τοῦτου δὲ δὴ δεκαδικασθέν γίνονται χιλιερχία, (ἀν-
 δρῶν μὲν) τεσσάρων καὶ εἰκοσι καὶ χιλίων, λόγων δὲ

Arr. 10, 3° cf. Ael. 9, 4° Arr. 10, 4 cf. Ael. 5, 4°; Ael.
 2, 4 Arr. 10, 2—9 cf. Ael. 9, 5—10; Ael. 2, 10

Ηαὐτῶν, τοῦτων τῶν τάγματος Ael. 9, 1; Arrianus hoc capite
 in talibus locutionibus neutrum sing. (p. 139, 8, 9 10 18; p. 140,
 1, 8, 7, 8, 17) et masculinum plur. (p. 139, 4, 17) variavit
 22 et 9 (p. 135) καὶ δὲ — ἡγομῶντος) add. Schell partim. et Ael.
 9, 9 (τοῦτων Ηαὐτῶν.)

3 τετραρχίης F cum Ael., Urb., gl. mil. 10 εἰρηφόρος Herold,
 qui sine causa idonea pro eodictis F nomine in ἀρχῆς προσημι-
 τibus oblique formas in -αρχος posuit 3 τῆς τε, corr. Blann
 4 τὸ τάγμα Köchly in σύνταγμα F 4, 8; p. 140, 2 7 τῶν-
 τω τῶντος Herold, cf. ad p. 138, 22 4, 7 (καὶ δὲ — καλεῖται)
 add. Schell ex Ael. 2, 4, nisi quod Herold ex Arrianum σύν-
 ταγμα καλεῖται substituit pro Ael. Ael. καλεῖται σύνταγμα
 5 cf. δὲ (καὶ) Herold; cf. gl. mil. 10 τῶντος δὲ τῶντος καὶ ἑκα-
 τῶντος καλεῖται in δὲ cum valde 75, 19 (ἀνδρῶν μὲν) add.
 Herold ex Ael. 9, 6

τισσάρων καὶ ἐξήκοντα, καὶ ὁ ἐπὶ ταύτῃ χιλιάρχη· αἱ
 δὲ δύο χιλιαρχίαι μεταρχία, Ἀσχιλίαν ἀνδρῶν καὶ
 ἀκτιῶ καὶ τισσαράκοντα, καὶ ὁ τοῦτου ἕξαρχος μεταρ-
 χη, λόγων ὀκτώ καὶ εἴκοσι καὶ ἑκατόν· οἱ δὲ καὶ τέλει ο
 ταῦτα ἀναρᾶσονται. αἱ δὲ δύο μεταρχίαι φαλαγγαρχίαι, ^α
 τετρακισχιλίων διδράχων καὶ ἤξ καὶ ἑνενηκόντα, λόγων ἕξ
 καὶ πενήκοντα καὶ διακοσίαι, καὶ ὁ τοῦτον αὐτῆς ἡγούμε-
 νος φαλαγγαρχη. οἱ δὲ στρατηγία· τοῦτο ἑνομή-
 λουσα, καὶ τὸν ἡγεμόνων στρατηγόν. αἱ δὲ δύο φα-
 λαγγαρχίαι διφάλαγγιαι, δύο ἀνδρῶν καὶ ἑνενηκόντα ^α
 καὶ ἑκατὸν καὶ ἑκακισχιλίαι, λόγων δέδεκα καὶ πεντα-
 κοσίαι. ἔστι δὲ τὸ πᾶν τοῦτο καὶ μέρος καὶ μέρος.
 ἢ εἰ γὰρ τοὶ δύο διφάλαγγιαι τετραφάλαγγιαι τε καλεῖ-
 ται καὶ λόγων γίνονται χίλιαι καὶ εἴκοσι καὶ ἑκατάριαι,
 ἀνδρῶν μισίαι ἑκακισχιλίαι τετρακοσίαι ἠριθήκοντα ^α
 ἢ ἑκόντων τισσάρων, ὅστις τὸν πάντα ἀριθμὸν τῆ πε-
 ρικῆ εἴξει ὑπεθίμεθα, καὶ εἶεν (ἄν) ἐν τοῦτω κέραι
 μὲν δύο, φαλαγγαρχίαι δὲ τίσσαι, καὶ μεταρχίαι δὲ
 ὀκτώ, χιλιαρχίαι δὲ ἑκαδέκα, πεντακοσιαρχίαι δὲ δύο
 καὶ τρισκόνται, συναρματαρχίαι δὲ τίσσαι καὶ ἐξή-^α
 κόνται, ταξιαρχίαι δὲ (ὄκτω) καὶ εἴκοσι καὶ ἑκατόν, τε-
 τταρχίαι δὲ ἤξ καὶ πενήκοντα καὶ διακοσίαι, βελονίαι
 δὲ κεντακόσαι καὶ δεκαδύο, λόγοι δὲ εἴκοσι καὶ χίλιαι
 τισσάρων ἑκόντων.

¹ καὶ τὸν τισσάρων, cf. ad p. 128, 22. ² αὐτὸν λόγον— ἑκατόν
 ποσὶ γινώσκον τισσαράκοντα (ca. 8) posuit Herck., and cf. Act. 9, 7
 B of 3) (καὶ) Herck.; cf. pl. mil. 17 καὶ τὸν δὲ καὶ στρατηγὸν
 ἀκτιῶν. ³ 10 = 10 διφάλαγγιαι αἱ διφάλαγγιαι Schuff
 ex Act. 9, 9 10, and διφάλαγγιαι αἱ διφάλαγγιαι ὅστις pl. mil.
 18, 18. ⁴ τετραφάλαγγιαι Schuff. ante Act. 5, 19 et pl.
 mil. 19. ⁵ λόγων T. corr. Schuff. ⁶ ἑκόντων Mil. Acc.
 κόντων S. ⁷ ὑπεθίμεθα] p. 128, 10. 11. ⁸ εἶεν Herck., cf.
 Praef. adde. E. ⁹ (ἄν) add. Herck. ¹⁰ καὶ δὲ Herck.
¹¹ (ὄκτω) add. Schuff. et Act. 3, 10.

τάντατα δὲ ἢ πάλιν ἐπὶ μῆκος μὲν ἴσων ἄριστότατον | (111 K)
 γρη̄ κατάχθαι, εἴ ἢ τὸ χωρὶς παρέχει καὶ ἀφελιμώτατον
 εἶη, (κατὰ βέβαιον) δὲ ἴσων μικρότερον, εἴ αὐτῇ τῇ συν-
 κτήσει καὶ τῇ ὁμῇ τοῦς πολεμίους ἐξῶσαι θέοι — κα- 2
 3 ἴσων Ἐκαρτωμένων ἐν τα ἀπόκρυσιν αὐτοῦς τούς Θη-
 βαιῶνυ ἴσως καὶ πρὸς Μακρυσιῶν τούς πάντας Βαιω-
 τούς, ὡς περ ἐμβολον κωήσας καὶ ἐκάρων τῇ εἴξει τῶν
 Λακεδαιμονίων, ἢ αὐ εἰ θέοι τοῦς ἐπιλαθόντας
 ἀποκρυσάσθαι, καθέκαστ πρὸς τοῦς Συτρομῆτας τε καὶ
 10 τούς Λυόδας γρη̄ τάντατα. καὶ ἴσων πύκνωσιν μὲν ἢ ἐν
 τοῦ ἀριστοτέρου ἐν τὸ μικρότερον συναγωγῇ κατὰ παρε-
 στήσιν τε καὶ ἐπιστάσιν, ὅσως ἴσων κατὰ μῆκος τε καὶ
 βέβαιον συμμοσιτισμὸς δὲ ἴσων εἰς τούσδε πικνωδῶν 1
 τῇν πάλιν ὡς διὰ τῇν συνήθειαν μὲν κλίσιν τῇν ἐπὶ
 11 ἐκάρων ἐπὶ ἄρχωνται τῇν ταξιν. καὶ ἀπο τοῦδε τοῦ συν-
 κτισμοῦ τῇν χαλῶντη Ρωμαῖοι ποιοῦνται, τὸ πολὺ
 μὲν τετράγωνον, ἴσων δὲ ἴσων καὶ οὐρογγύλην ἢ ἡτε-
 ρομήνη ἢ ὅπως ἀν προχωρη. εἰ μὲν ἐν σίκλιν τοῦ πλιν- 2
 12 θῆοι ἢ τοῦ κελίου ἰσωνότες τούς θυρακῆς προβέβλη-
 ται πρὸ πῶν, εἰ δὲ ἐφρασηκότες αὐτοῖς ἴσων τῶν κα-
 ραίων ἑλῖος ἴσων τοῦ κελίου ὑπερνωρησῆς προβάλλεται

Arr. 11, 1 cf. Urb. 1, p. 467, 24—26; Psellus 6a Arr. 11,
 1. 4 cf. gl. mil. 38. 31 Arr. 11, 4—8 cf. Urb. 2, p. 467, 57—
 62, 2

Arr. 11, 1. 5. 4^a cf. Ael. 11, 1—4; Ael. 4, 1—3

1090. μὲν ἴσων πύκνωσιν μὲν ἴσων ἀριστότατον . . ἴσων δὲ ἴσων
 κρῶν (hoc enim F) Müll., qui voces γρη̄ κατάχθαι uelut uerbum
 addidit (κατὰ βέβαιον) 2 (κατὰ βέβαιον) add. Harsh. (κα-
 τὰ βέβαιον) iam Köchly ad ἴσων Köchly ἴσων δὲ 3 μικρότερον
 (sc. τούς κατάχθαι) scribit μικρότερον 4 (δὲ) πικνωδῶν (αὐ-
 τῶν) Köchly; cf. Psell. 6 τούτων δὲ ἀπὸ τῇν πάλιν πύκ-
 νωσιν ἀριστοτέρων, τῶν δὲ πικνωδῶν, ὡς ἢ τῇν θυρακῆς
 cf. Müll. τῇν 5 Ἐκαρτωμένων H, uer. Köchly 10 τῶν
 μακρο Big, τῶν τῇν F 14 ὡς ὡς Harsh.; cf. ad p. 28, 28
 20 καὶ μακρο Big, πρὸς F 21 τοῦ δὲ Harsh. ὑπερνωρησῆς
 F, corr. Lohbeck ad Physiack. p. 717

α καὶ τὸ πᾶν οὐτις ἀκροβόλων κρηστέται, ἵσταν καὶ ἀκοντιστάς
 ἔνωσθαι καθέκαστον ἐπὶ στέργῃ διαθλόντας δέχεσθαι, καὶ
 λίθους ἀμαθιάνους μὲν διαλύειν τὴν σύγκλεισιν, ἀλλὰ κα-
 τακλινομένους τῇ φύσῃ ὑπερβάλλειν εἰς τὸ δάκνηον.
 [18] 12 ἀγαθὸν δὲ εἶπερ τι ἄλλο καὶ τὸ τοῦ λοχαγοῦ τοῦ
 μάλιστα τε καὶ κρατίστου εἶναι καὶ τῶν κατὰ πόλεμον
 α δαρμοειστάτους τοῦτον γὰρ καὶ τὸ ζυγὸν ἐνέχει τὴν
 πᾶσιν φύλαγγα, καὶ τὸ ἴσον παρήχεται. ἢ τὰς μάχαις
 β τι παρ τὴν στόμασιν τῷ πιδήρῳ ὅμοιον γὰρ αὖ τοῦτου
 [ἢ κομὴ τοῦ πιδήρου], οὕτω καὶ ἡ κομὴ σίδηρος τὸ αὐτὸ τι
 ἐκτρέφεται. ἢ μὲν γὰρ κομὴ ὑπὲρ κατὰ τὸ στόμασμα μένε-
 ται, τὸ δὲ ἐπὶ τοῦτον, καὶ εἰ μαλθακὸν τυχαι δὲ, τὸ
 βλάται ὅπως ἐνοπερεῖται τῷ τεμέντι· οὕτω καὶ τῆς φύ-
 λαγγος στόμασμα μὲν φείη τις ἢν τι ἐκ τῶν λοχαγῶν
 σὺνταγμαί, θύκων δὲ καὶ βέβαιος τὸ κενόσιν ταῦτον πλῆ- 11
 η θου, θαντέρους δ' ἐπὶ ἰσῆους κατ' ἐρετήν χρη εἶναι
 τοῦς τῶν λοχαγῶν ἐπιστάτας καὶ γὰρ τὸ τοῦτον ὄφρι
 εἰδικαίεται ἔστι ἐπὶ τοῦς πολέμου, καὶ τοῦς ἀθληταίους
 α τοῦς προτεταγμένους σφῶν ἐγγυθὲν σπερεῖσθαι. ἢ δὲ
 δὲ τις καὶ μαχίρα κοῦ ζωνταῖον ἐκασίσθαι ἡδυστήθη, 10
 ὑπερμενεκῶν ὅπερ τὸν ἐμπροσθεν καταγμένον τὴν πλῆ-
 γητι, καὶ προσόντος ἡγερῶντος ἢ καὶ τρωθέντος ὡς ἀπῆμα-
 χον γινέσθαι, ἀρητηθήσας δ' ἐφῶτος ἐπιστάτης ἢ λοχα-
 γοῦ τῶν τε καὶ ἀξίωσιν κατέστη, καὶ ἀρραγῆ τὴν πᾶσιν
 β φύλαγγα παρήχεται. τὸ δὲ τρίτον καὶ τέταρτον ζυγὸν 11

Act. 12, 1. 7 cf. Urb. 4, p. 465, 8-9

Act. 12, 1-5 cf. Act. 18, 1-5; Act. 2 5. 9

α ἀμαθιάνους F, κατὰ μαχρὸν Bign. ἀροβόλων Urb. 2.4 κατα-
 κλινομένους Urb. (αὐτὸ μαχρὸν Bign.) κατακλινομένους F 4 κατὰ
 πόλεμον Urb. (αὐτὸ μαχρὸν Bign.) κατακλινομένους F 7.10 αὖ τοῦτου
 Act. Hensch., ego deleri [ἢ κομὴ τοῦ σιδήρου] 12 οὕτω κατέ-
 νησιν Hensch., qui post aliter delat το αὐτὸ 15 τρίτον Act. Schaff.
 16 τρίτον καὶ τέταρτον γ καὶ α' W γ' καὶ δ' Schaff., for-
 tuasen ζυγὸν (καὶ τὰ ἄλλα), cf. Act. 18. 5 τὸ δὲ τρίτον ζυγὸν
 καὶ τὸ ἄλλο

κατὰ λόγον ἤδη τῆς ἀπὸ τοῦ πρώτου ἀποστάσεως ἐπιτε-
 γομένης τακτέου. ταύτην καὶ καὶ ἡ Μικαδαονικὴ (φράση) δ(114k)
 φοβερὰ τοῖς πολέμοις οὐκ ἐν τῷ ἔργῳ μόνον ἀλλὰ καὶ
 ἐν τῇ βίῃ ἐφαίνετο. ἀνὰ γὰρ ὁπλίτης εἰσθῆκει πάντοις
 5 κατὰ πένεωσιν ἐν δύο πύλαις μάλιστα, τὲ δὲ μέγιστος 7
 τῶν σωρίσθων πόδας ἐποίησεν ἰσκαίθηκα. καὶ τοῦτων οἱ
 μὲν πένεωρες (ἐς) τὴν χεῖρὰ τῆ τοῦ κατέχοντος καὶ τὸ
 ἄλλο σῆμα ἀπειταινόντα, οἱ δὲ ὅδεκα δὲ κραίονον πρὸ τῶν
 σωμάτων ἐκδοτοὶ τῶν πρωτοστατῶν. οἱ δ' ἐν τῷ θεῷ 8
 10 πῶμα ζυγῶ ὑποβεβημάδες ἐκείνων ποιεῖ ἄσπλ τὴν σάρισσον
 οὐκ ἔχον προβαλλόμεσιν ἰαίῃ τοὺς πρωτοστάτας ἐς ὄμω
 πόδας, οἱ δ' ἐν τῷ τρίτῳ ἔει καὶ οὗτοι ὑπεραιούσαν 11
 ἔκτε τοὺς πρωτοστάτας πόδας ὀκτώ. καὶ εἶτι οἱ ἐν τῷ
 τετάρτῳ ἐς ἑξ, καὶ εἶτι οἱ ἐν τῷ πέμπτῳ τέσσαρας, οἱ δ'
 15 ἐν τῷ ἕκτῳ ἐς δύο. καὶ ἔκαστον οἶον τῶν πρωτοστατῶν 10
 ἔξ σάρισσον κρυβεβλημένοι ἦσαν, ἐν κούκω ἐφαῖξξ ὀκτώ-
 βαίνουσαι, ὡστε ἕκαστον ἐκείνων ἔξ σωρίσθων κρυφάσθαι
 καὶ ἔξ θυράσθων ὑπεραιούσαι ἴσται ἐπιβρίσθαι, καὶ οἱ τῷ
 ἕκτῳ δ' ἐπρωτοστάτας εἰ μὴ καὶ αὐτοὶ ταῖς σωρίσθων τῷ
 20 γα βάρει τῶν σωμάτων ἔννεκρημάδων τοῖς πρῶ σῶσθ
 κρυφάσθαι, ὡς τὴν τε ἐμβολὴν τῆν εἰ τοὺς πολέμοις
 τῆς ἀλλοτρίων οὐ φορητῆν γίνεσθαι καὶ τοῖς πρῶ-

Art. 12, 6^r cf. Polyb. XXX 12, 1, Arrian. Syr. 19 in
 Art. 12, 8—10 cf. Sol. 14, 1—2; Sol. 5

1 (φράση) add. Soloff. 4 ἐν Sol. 11-12: cf. Art. Anab.
 III 14, 5 6 πόδας Arrianus in describenda castrorum longi-
 tudine de suo posuit, cum Delianus 11, 2 secutus Polybium
 XVII 29 (15), 2 sq. πόδες recte habent, cf. Krieger, Herm.
 16 (1910), p. 228 7 (ἐς) add. Koenig (212) Herod., 101
 vs. 2 ἀπορίωντο πρὸ ἀπερίωντο ἀρίων; cf. Xen. Anab. I
 8, 10 10 καὶ Arrianus hoc loco male pro πύλαις, cf. vs. 7
 et vide ad vs. 4 11 (ἐς) πόδες Herod. 11 (ἐς) τέσσαρας
 MGU. 12 ἔξ θυράσθων ἀρίων ταῖς θυράσθων F, cf. Sol.
 14. 5 τοῦ ἀνδρός τάσθων σωρίσθων κρυφάσθαι καὶ τῶν
 θυράσθων ἀπερίωντων 13 μὴ καὶ καὶ μὴ Herod. 20 γα
 Herod. 20 F ζυγοειδέσθων F, corr. Herod. ἀπὸ Hianc. πρὸς F

11 στήθεσι καὶ ἄπορον τῆν φωνήν. τοὺς δὲ σύμφορος οὐ κατ' ἐπιπέθε ἦν κατὰ φύσιν καὶ ἐμπειρίαν τῶν πολεμικῶν ἐπιπέθετος γὰρ εἶναι, ὡς ἐπιμελεσθῆναι τοῦ στοιχείου τῆς θύρας καὶ τοῖς ἐθελουσι μὴ ἰσχυρῶς ἀποδιδράσκουσιν ἔξω τῆς πόλεως. ἔπειτα ἐκ συνωστισμοῦ θείσασιν, οὐδὲν ἴσταν ὁ κάλλιστα ἐς πυκνότητα τοῦ πρὸ ἑαυτοῦ τεταγμένους ξυμάχων, ὃ τὴν πᾶσαν ἰσχύον τῆ συντάγματι τούτῳ παρέχεται.

(158) 13 τοὺς γὰρ μὴ φίλους ἄλλοτε ἄλλῃ τακτικῶν ἄλλοτε γὰρ ἄλλῃ καὶ ἀφίλιμοι γίνονται τεταγμένοι, ὅπως ἂν ἢ τὰ μὲν τῆν γέφυρας ἔχῃ, ἕνα ἢ παράταξις γίνουται, ἢ τῶν πολεμικῶν ἢ παρασκευῆς, πρὸς ἰσχυρῶς ἐντυπαστομέθε. ποιεῖται γὰρ προεικάζθαι δεήσει τῆς φάλαγγος, ἄλλοτε δὲ ἂν ταῖς δεξιαῖς εἶναι δὲ ἐν ταῖς εὐωνύμοις τετάχθαι τὸ πάλιν δὲ καὶ κατόπιν τῶν ὀφθαλμῶν ἰσχυρῶς ἀφίλιμοι αὐτῶν ἦσθαι δὲ καὶ ἐκ λόγων καταχωρισθέντων τῶν κατὰ τὸν λόγον ἀπεβλήθησαν ἐκαστῶν τῶν φίλων.

14 τῶν δὲ ἀριθμῶν τάξεως καὶ διαστήσεως καὶ τῶν ἀνομιῶν ἐπίσης ἐκ καὶ τῶν ἡγεμονικῶν ἦδη δεκτέων. πρῶτη μὲν δὲ καὶ τῶν κατὰ τὴν ἡγεμονικῶν τοὺς φίλους φάρακον χρῆναι ἔχειν, ἐκ συμμετρίας ἔσονται πρὸς τὸ ἔργον, καὶ τοὺς λόγους αὐτῶν οὐχὲν ἐκαστῶν ἀνδρῶν γὰρ εἶναι ἀλλὰ ὅμοιως, ὅμοια τοὺς γέφυρας καὶ τάσπερας καὶ εἰκοσι λόγους τῶν

Art. 12, 11 cf. Urm. 3, p. 468, 8—11 Art. 14, 1, 2 cf. Urm. 4, p. 468, 12—31

Art. 12, 11 cf. Art. 14, 1, 2; Art. 3, 8 Art. 10, 1, 2 cf. Art. 10, 1, Art. 6, 1 Art. 14, 1—6 cf. Art. 10, 3; 10, 2—4; Art. 9, 2 ff.

1 καὶ ἑβερῶν. ὁμοίως F, om. Art. 14, 1 ὁμοίως ὁμοίως τῶν ἑβερῶν καὶ τῶν ἑβερῶν 33, 2; Anon. 1 8, 3; V 21, 2 ἐμπειρίαν F, corr. Schaef. 7 ὁμοίως ὁμοίως F, cf. Art. 14, 1 τοῦτο γὰρ ὅτι τὸ τῆν ἰσχύον τῆ συντάγματι παρεχόμενος 4 τῶν γὰρ Mā. ὁμοίως F φίλους ἄλλοτε ὁμοίως φίλους ἄλλοτε F ὁμοίως καὶ καὶ καὶ. Harsh. 17 ἀπεβλήθησαν Harsh. ὁμοίως F, corr. Nöbelk.; ὁμοίως τῶν φίλων πρὸς τοὺς λόγους ποσὴν Harsh.

ἤμισον ἀριθμὸν ἐπιμειλάνει πῆς πεζικῆς πύλαγγος, καὶ
 εἶνεα ἀνδρῶν ὀκτακισχιλίων καὶ ἑκατὸν καὶ δύοιν ἐπι
 τοῖς ἐπιτηκόνται, ἀνδράσι δὲ αὐτῶν καὶ τάξεις αἰθε εἰσόν, α (16E)
 οἱ τέσσαρες λόχοι τῶν ψιλῶν καλεῖσθαι σύνταξις, καὶ
 εἰσὶν δὲ ἀνδρῶν δύο καὶ τριάντα· αἱ δὲ δύο συντάξεις
 πεντηκονταρχία, τεσσαρῶν καὶ ἑξήκοντα ἀνδρῶν· αἱ
 δὲ δύο πεντηκονταρχίαι ἑκατονταρχία ὀκτώ καὶ εἰκοσι
 ἀνδρῶν καὶ ἑκατὸν. καθ' ἑκάστην δὲ ἑκατονταρχίαν ἐκ
 τασταὶ ἄνδρες τέσσαρες ἴστων, σημειοφόρος καὶ σκλ-
 10 πικχτής καὶ ὑπηρέτης καὶ πτεροκομήφυξ· αἱ δὲ δύο
 ἑκατονταρχίαι εἰσὶ μὲν ἀνδρῶν 24 καὶ πενήκοντα
 καὶ διακοσίων, καλεῖται δὲ τὸ σύνταγμα ψιλαρχία· αἱ
 δὲ δύο ψιλαρχίαι εἰσαρχία, ἑκάστη ἀνδρῶν καὶ πεντακο-
 σίων. αἱ δὲ δύο ξιλαρχίαι, ἀνδρῶν τεσσαρῶν καὶ εἰκοσι α
 15 καὶ χιλίων, σύνταγμα καλεῖται. τὰ δὲ δύο σύνταγμα-
 τα ἐπιξεναρχία ἀνομάζεται, ὀκτώ καὶ τεσσαρῶν καὶ
 ἀνδρῶν καὶ ἑκχιλίων· αἱ δὲ δύο ἐπιξεναρχίαι στίφος,
 17 17 καὶ ἑκατήκοντα ἀνδρῶν καὶ τετρακισχιλίων. τὰ δὲ δύο
 δύο στίφοι ἐκίταγμα ἀνομάζουσι, λόχων μὲν τεσσαρῶν
 20 καὶ εἰκοσι καὶ χιλίων, ἀνδρῶν δὲ ὀκτακισχιλίων ἑκατὸν
 ἐπιτηκόνται δύοιν ἑκάστοιν. θεοὶ δὲ καὶ τούτοις συντε- α
 τάζθαι ἀνδρῶν ὀκτώ ἐκίταξιν, ἃν τέσσαρες μὲν ἴσων-
 ται ἐπιξεναρχοί, τέσσαρες δὲ συστραυματάρχαι.

Ἐπιξεναρχία δ' ἐν μάχῃ ποθέσθαι τε καὶ ἀκοντισσάσθαι 16 (17E)
 20 καὶ σφενδαυθήσθαι καὶ πάντας ὅσους ἐκρηβόλοις ἡπλοῖς
 διατρέπονται, κυλίανθ' καὶ γὰρ ὅπλα συντρέφαι τῶν πολε- α
 μίων ἰκανοὶ, μέγιστα δὲ οἱ τοῖς λίθοις ἀνορθωζόμενοι,

Att. 11, 2-5 cf. Heb. 4, p. 409, 10-15; cf. Mil. 29

Att. 25 cf. Ael. 17; Ael. 7, 1

1 ἤμισον F, corr. Mill. 2 αἱ δύο F, corr. Heron. 3 συντά-
 ξεις F, corr. Bekkff. ex Ael. 16, 1 4 εἰς δύο Heron., cf. p. 159, 14
 5 α ἑκατὸν Bekkff. ἑκατόν F (etiam Ael. 9, 4 dicitur) Ael.
 16, 21 corr. gl. mil. notae Colathianos et notiones Varronian

καὶ τραύματα ἐκ μικροῦ ἐμβολίου, αἱ δὲ μαιότερα πλήρη
 γίνονται, καὶ κατακτανεῖν χρήσιμοι δ' ἐκαλείσασθαι ἐκ
 χάριτος ὀχλοῦ πολέμοις τῷ θεῷ μικροῦ τὰ βέλη ἁμα-
 ντες ἐλάττω παρέχουσιν ὅτι ἁπλούτως οὐκ ἂν δεξιοῦντο.
 ἰ χρήσιμοι δὲ καὶ μάλα γὰρ τεταρμένον διελεύσαι καὶ ἵππον
 ἐπιφορομένην ἀποστελεῖν καὶ χάρις ὑπερθέξια κιστῶν
 βέσθαι τῷ τε ταχίς εἶναι διὰ κωνοσύνην καὶ τῶ, εἰ κα-
 τακλιβίσαν, τῆ σιτηρείᾳ τοῦ ἐκρόβολισμοῦ μῆδενά πελά-
 σαι αὐτοῖς ἴμεν κολλῶν κρημμάτων. χρήσιμοι δὲ καὶ
 ἀποκρούσασθαι ἐκὸς χάριτος τοὺς κωνοκλήρους, οὗχ ἄπο-
 μόνοντας τὰ τραύματα, ἐπιπέθεται δὲ καὶ τὰ ἵπποτα
 χάρις διαρρηγνύσασθαι, ἠφέλιμοι δὲ καὶ ἐς ἐπίθραν ἐγ-
 καθέξασθαι, ἐπὶ τε λόφῳ καὶ προαγωνίζεσθαι τῶν περὶ
 ἐγασθῶ [δ] καὶ συναγωνίζεσθαι ἠφέλιμοι καὶ ἐκμαχό-
 κεναι ἱκανοὶ τελείαν τὴν ἦσαν τοῖς βαρβάρους τοῖς πρὸς τὰ
 τῶν παλῶν τραπέζῳ κατασείησαι.

(18K) 16 τῶν δὲ δὴ ἰκπύων ποικίλει καὶ πολυειδεῖς αἱ τάξεις,
 αἱ μὲν περὶ ἄγωνοι. αἱ δὲ ἐτερομοχηρεῖς, αἱ δὲ ὁμο-
 βουθεῖες, αἱ δὲ ἐκ ἐμβολίων ζωνηγημέναι ἀγαθὰ δὲ
 εὐμακροὶ αὐτοὶ αἱ τάξεις ἐν κωμῶν ἐπιτόμηναι, καὶ μίση
 οὐκ ἂν τις ἐπιλεξέσμενος ἀντιπρὸς ἀντιπρὸς τῶν ἑλλων, ὅτι
 ἐν ἑλλῶ χάρις καὶ πρὸς ἑλλοὺς πολέμοις καὶ ἐν κωμῶν
 ἑλλῶ ἑθροὶ ἂν τῆς ἀποκρίσεως ἄλλῃ ἀφελαιμωτέρων.
 ἢ τῆ μὲν δὴ ὁμομοχηρεῖς τάξει τὸ κοινὸν θεσσαλοὶ ἐχρή-
 παντο, καὶ Ἰάσων, ἀγ λόφῳ, ὁ θεσσαλὸς τὸ σχῆμα τοῦτο κ

Att. 18, 1—5 cf. Att. 13, 1—3; Act. 1, 2

* κατακτανεῖν Herch; cf. Tacit. 43, 3; κατακτανεῖν Cyneg. 10, 2. f. 1. 1 ἁπλῶς F, κατ. Elert. * ἐκαλείσασθαι F, κατ. παρὰ Big. 18. 1) προαγωνίζεσθαι cf. συναγωνίζεσθαι Herch; cf. Act. 17, 1 προαγωνίζεσθαι καὶ συναγωνίζεσθαι. 11 [ε] del. Mill., κατ. συναγωνίζεσθαι κατὰ Köchly 18 τῶν βαρβάρων — 19 τῶν ἑλλῶν Köchly τῆς πρὸς τοὺς βαρβάρους τῶν ταξί-ων κωμῶν F κατ. πρὸ τῆς κατ. παρὰ Big. 19 ἐπιπέθῃ F κατ. Köchly ἐπιπέθεται Act. 12, 1 22 εἰλήν Mill. εἰλήμων F 24 Ἰάσων Köchly κατ. Act. 18, 2 εἰλήν F, κατ. mensium, cf.

πρώτος ἔειπεν, ἦτοι δὲ δοκεῖν, προεβουλημένῳ πολλῷ
 χρησάμενος ἀπ' αὐτοῦ μάθειμην. καὶ ἔστιν ἐς πάντων ἃ
 το μεταβολὴν ἁρμολιτικῶν καὶ πρὸς τὴν ἡμῶν κατὰ
 πάντων ἢ πλεονεξία ἀλλασσέσθαι ἀσφαλέστατον. κατὰ μὲν ἃ
 3 γὰρ τὰς γωνίας τοῦ ὄμοβου τοὺς ἠγεμόνας τεταγμένους
 ἔχει, ἐπὶ μὲν τῆς ἔμπροσθεν τὸν εἰλάσχην, ἐπὶ δὲ τῆς
 δεξιᾶς καὶ ἐκπύρου τοὺς κλινομένους πλεονεξίᾳ, καὶ
 ἐπὶ δὲ τῆς ὑπολοιπῆς τὸν οὐρανόν, κατὰ δὲ τὰς πλευρὰς
 τοῦ ὄμοβου τοὺς ἀρίστους τῶν ἰσκέων, ὡς καὶ τοῖτους
 10 ἐν ταῖς μάχαις μεγάλα ἐσωφελεῖν. ταῖς δὲ δὴ ἐρβη-
 λασιδοῖσι τάξις Σκυθῶν κεχρησθῆαι μέλιτι ἀκούομεν,
 καὶ Θυάκων, ἀπὸ Σκυθῶν μαθόντας. Φιλίππος δὲ ὁ Μα-
 κεδών καὶ Μακεδόνας πάντη τῇ τάξει χρῆσθαι ἐπησκη-
 σαν. ἀφ' αὐτῶν δὲ καὶ αὐτῶν δοκεῖ ἡ τάξις, ὅτι ἐν πόλει 7
 15 οἱ ἠγεμόνες τεταγμένοι εἰσὶ, καὶ τῇ μέσῃ ἐς δεξιὰ ὑπο-
 λήρου ἐκείνης πῶσιν τάξιν πολέμιον διακόπτειν παρέ-
 χει, καὶ τὰς ἀνιστροφὰς τε καὶ ἀνοστροφὰς ἕξιας ποι-
 εῖσθαι δίδωσιν. αἱ γὰρ τετραγώναι τάξεις δυσπρόσβυτοι ἃ
 εἰσιν· ἢ δ' εἰς δεξιὰ προηγμένη, ἢ καὶ προεῖσθε ἢ βέθους
 20 προχωρεῖ, ἀλλ' αὐτῇ γὰρ τῇ ἀρχῇ δὲ ἄλλοις ἐπιστρέφουσι
 τὴν πῶσιν τάξιν ἐκμαρπῆς ἐξελισσομένῃ παρέχεται. ταῖς δ'
 δὲ δὴ τετραγώνοις τάξεσι Πέρσαι μέλιτα ἔχρησαντο,
 καὶ οἱ ἐν Σικελίᾳ βάρβαροι καὶ τῶν Ἑλλήνων οἱ πλεί-
 25 στοι καὶ ἰσχυρότατοι· ἀσπίδακτος το γὰρ ἦδε ἢ τάξις 10
 25 ἄλλης μῦλλον, ὅτε καὶ κατὰ στήθεα καὶ κατὰ ζυγόν το

Act. 10, 6—8 of Act. 18, 4, Act. 7, 8 Act. 10, 9—13 of
 Act. 15, 6—8, Act. 7, 8

additamenta Hyacinthi ad Asinum 28, 1; 29, 1 (Strick, Krieger-
 sohr II 1, p. 557, 559)

1 δοκεῖ F corr. MBl. 4 ἀσπίδακτος E, corr. Schtff. ἀσπί-
 δακτος Köchly 6 ὅρ—10 ἀσπίδακτος δὲ B, corr. unc habet
 Act. 15, 3 l. E. 20 γὰρ MBl. τὴν F 24 αὐτῶν Köchly 28
 Act. 18, 5 προσβύς F; cf. αὐτῶν Tacit. 2, l. 4. 6; 7, 1; 17, 2;
 24, 2; αὐτῶν in Tacitiae parte altera (cf. Praef. § 11 (n.) 56,
 2; 40, 5; 42, 2

παρμέτων, καὶ τὰς ἐπελάσεις τε καὶ ἀπελάσεις εὐμαρτερό-
 τας παρέχεται, καὶ μόνον τούτων πάντες οἱ ἡγεμόνες
 11 ἄλλοι ἐπιπίπτουσι τοῖς πολεμίοις. ἄριστοι δὲ εἶσιν οἱ
 διπλοσίονα τῶν ἀριθμῶν ἐν τῷ μήκει ἤκερ ἐν τῷ βύθει
 ἔχουσαι· οὐκ εἴ ἐπὶ δέκα κατὰ μέτρον τεταγμένον εἶεν
 καὶ ἐπὶ πάντε πρὸς τὸ βάθος, ἢ ἐπὶ εἴκοσι μὲν κατὰ μέ-
 14 τρον, ἐπὶ δέκα δ' ἐν βύθει, οἱ γὰρ ταῦτατοι τῆς τῶν
 μὲν ἀριθμῶν ἑξασημίκαι εἶσι, τῷ δὲ σχήματι ἐς τε-
 τράγωνον καθίσταται. τὸ γὰρ ἐπὶ ἑκατο μῆκος ἀπὸ
 κεφαλῆς ἐπὶ οὐρανὸν ἐκπέλασαι τοῦ τετραγώνου ἢ τι πρὸς 16
 ἐς βάθος τῷ ἀριθμῷ ἰσθῆσαι· ὥστε ἦδη τελεῖται καὶ τριπλο-
 σίονα τῶν ἀριθμῶν καὶ ἐν τῷ μήκει τετραγώνων ἐσοῦσθαι
 πρὸς τὸ βάθος, οὕτως οἰόμενοι ἐς ἑξασημίκαι τετραγώνων
 καταστήσασθαι τὸ σχῆμα, ὡς τριπλοσίου τὸ μῆκος τοῦ
 ἑκατο ἰσθῆαι τὸ πλάτος τοῦ ἐνθροῦσθαι τὸ κατὰ τοῦ ἔμματος 18
 ἐπέχει, ὥστε ἑκατὰ κατὰ μῆκος ἐν τῷ μετώπῳ τέταρτοις
 19 τρεῖς ἐν τῷ βύθει ἐπέχεται. ἔπειθ' οὐδ' ἔστιν ἄγνω-
 στω, ὅτι οἱ ἐς μέτρον τετακταμένοι ἑκατὸς αὐτῶν ἰσθῆ
 ἀφ' ἑαυτοῦ παρήχουσι, ἤκερ τὸ ἐπὶ τῶν περὶ τὸ βάθος·
 οὕτε γὰρ ἑκατοσθε τοῦς πρὸ σφῶν, οὐκ ἐν μὴ δύνασθαι 22
 ἐπερθεῖν ἑκατο ἑκατο, καθάπερ ἐκεῖ κατὰ τοῦς ἔμματος
 24 καὶ τὰς πλυνῶς αἱ ἐκπερθεῖς γίνονται τῶν περὶ τὸν, οὐκ
 συνεχῆς γίνονται τοῖς πρὸ σφῶν τεταγμένοις ἢ τι
 βάρος τοῦ παντὸς κλήθους ἀποτελοῦσθαι, ἀλλ' εἰ ἐντε-
 ρεῖσθαι καὶ πυκνοῦσθαι, ἐκταρθεῖσθαι, μᾶλλον τοῦς ἑκατο. 26
 (101) 17 ἢ δὲ ὁ δὲ μὲν εἶδος ἔχει. ὁ μὲν εἰλάργητος πρῶτος τῶν

Act. 17, 1. cf. Act. 19, 1; Act. 7, 6

ὁ μέτρον τούτων πάντες ἑκατὸς μέτρον οὕτως οὕτως F μέ-
 νον ἐν τούτῳ πάντες ἑκατὸς μέτρον οὕτως οὕτως E. cf.
 Act. 18, 2 τὴν τε γὰρ ἀνταρθεῖν ἀναρθεῖσθαι ἔχον τὸν
 εἶδος καὶ τὸν ἑκατὸς μέτρον (κατὰ μέτρον) οὕτως οὕτως
 οὕτως ἑκατὸς μέτρον ἑκατὸς μέτρον κατὰ μέτρον, καὶ (κατὰ μέ-
 τρον) ἑκατὸς μέτρον. ὁ τετακταμένοι F, corr. Blank
 10 ἐκπερθεῖσθαι Müller; cf. ad p. 19, 2

εἰσὶν, οἱ δ' ἄρ' ἐκείναι κινήσιν ἰσχυρῆς οὐκ εἰς ἴσους ἀντὶ
 στοιχοῦσαι, ἀλλὰ εἰς τοσούτω ὑποβιβησόμεναι ὡς τὰς πορε-
 λὰς (τοῦ ἰσχυροῦ) κατὰ τοὺς ὅμους, μάλιστα τοῦ ἰσχυροῦ
 πρῶτον, ὅτι ὁ εὐλαχρῆς ἀποχρῆται, καὶ οὕτω τοὺς ἐφε- *
 2 ἕξ ἀντὶ τοῦ πλεονεκτηίου ἔσται ἅπασιν τοῦ πορῆτος,
 ἰσχυρῶς καὶ κατὰ τὸν δὲ σθένος ἑκείνους τοῦ ὁμοῦ
 ἐκπληροῦσαι. τὸ δὲ ἅπασιν τοῦ ὁμοῦ ἐμβολὸν ἔστιν, *
 ὡς ἐν ταύτῃ δεδῆλωται μοι καὶ τοῦ ἐμβολοῦ τὸ
 σχῆμα. ἑταρομῆχης δ' ἔστιν τάξις ἢ τὴ βίβλου τοῦ με-
 10 τώπου, μὴ τὸν ἔχοντα ἢ τοῦ βίβλου τὸ μέτρον, ἢ τὸ
 ἀμείνων τῆς προτέρης εἰς τοὺς ἀγῶνας, εἰ μὴ παν ἑπι-
 σκεῖν διὰ πολεμίας τάξεως ἐθέλωμεν — τῆς γὰρ ἢ βα- =
 15 θυτικῆς τε καὶ κατὰ μέτρον στενωπῆς τάξις αὕτη ἀν-
 τὶν ἀπορριπτικῆς —, ἢ εἰ κατὰ ἀποκρῆσαι θίσι τῶν ἰσ-
 20 χύρων τὸ πλεονεκτηίου, ὡς προκατασκευασθῆαι τοῖς πολεμίοις ἐς
 θάρσους ἀξιοφόρους. ἢ δ' ἄρ' ἔστι καὶ μετὰ τὴν ἀβασίαν *
 τῆς εἰς ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι, ἢ (εἰ) πον
 κατεπατησθῆαι ἢ ἢ ἀποκρῆσαι ἐθέλωμεν* εἰ δὲ τοὺς ἀγῶ-
 25 ναί τοις ἀξιοφόροις.
 εἰ τοίνυν (δ) ἀριθμὸς εἴη τῶν ἰσχυρῶν ἐς ἴσους ἴσους 12 (20E)
 ἑτάρομα ἐκδοῦν τῶν τε ὁμοῦ καὶ τοῦ τῶν ἰσχυρῶν
 πλεονεκτηίου, εἴη ἂν ἐς τετρακισχίλλους καὶ 12 καὶ ἑκατόντη

Att. 17, 2^a cf. gl. mil. 31 Att. 18 cf. Ueb. 8, p. 409, 1—15

Att. 17, 2^a cf. Ael. 19, 1; Ael. 7, 1 Att. 18 cf. Ael. 20;
Ael. 7, 10, 11

* στοιχοῦσαι | στοιχοῦσαι Schaff ex Ael. 19, 1 ἐπ' ἀντὶ τῆς ἰσχυρῆς
 ἀποκρῆσαι. ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι F, corr. Köchly,
 cf. Ael. 19, 1 ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι Hentch, cf. ad p. 409, 20
 * τῶν ἰσχυρῶν | ad. Hentch. 11. 12 ἀποκρῆσαι Hentch.
 22 ἀπὸς ad. Hentch. 23 προκατασκευασθῆαι F, corr. Müll.
 18 ἐπ' ἐπὸς Hentch.; cf. Ael. 2; Hentch. p. 67 11 (cf.) ad
 Köchly 20 (δ) ad. Hentch. 21 ex ἀποκρῆσαι | Tract. II, 6
 22 ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι ἀποκρῆσαι F ἀποκρῆσαι (τῶν)
 Müll. τῶν τῶν Köchly τῶν τῶν F

1 ἰαπέας· εἰλήην δ' ἑκάστην ἑαυτοῦν ἐκ τοσοῦθε ἀριθμοῦ
 ἔβηκοντα καὶ τεσσαρῶν ἰαπέων, καὶ εἰλέρχας τοὺς ἐφ'
 ἑκάστη εἰλή τεταγμένους· αἱ δὲ δύο πλείω ἐπιλαρχίαι
 πύλοισι ἀνομάζετο, καὶ ἦν ἑκτὴ καὶ ἑβασὶ καὶ ἑαυτὸν ἑ-
 2 πείων· αἱ δὲ δύο ἐπιλαρχίαι ταφραντιναρχία, ἔξ καὶ ὁ
 πατηκόντα ἰαπέων ἐκ τοῖς διακοσίοις· αἱ δὲ δύο τα-
 φραντιναρχίαι κρηναρχία, δώδεκα καὶ πεντακοσίων ἰαπέων,
 3 ἦντονα Ῥωμαῖοι εἰλήην καλοῦσιν· αἱ δὲ δύο ἰακπαρχίαι
 ἰφικπαρχία, τεσσαρῶν καὶ εἰκοσι ἀνδρῶν καὶ χιλίων·
 τέλειος δὲ αἱ δύο ἰφικπαρχίαι, ἑκατὲ καὶ τεσσαράκοντα καὶ 14
 διαχιλίων· τὰ δὲ δύο εἰλή ἐπίταγμα ἦδη ἀνδραξίων, 15
 καὶ ἑκατονηκόντα καὶ τετρακοσχιλίων.

(22E) 19 τὸ δὲ τῶν ἀρμάτων καὶ ἐλεφάντων τὰς τε εὐ-
 2 ξεῖς καὶ τὰ θύματα τῶν ταξέων καὶ τὰς ἡγερο-
 νίας καὶ τὰ τούτων κὸ θύματα ἐπέξιμαι ματαίου 11
 πύλων εἶναι μοι ἰδοῦναι, δεῖ δὲ ἀλλοιωμένους ἐκ πολιορκίᾳ ἦδη
 3 ἰβῆεν ἄρμιλλας. Ῥωμαῖοι μὲν γὰρ οὐδὲ ἰσθησῶν ποτε
 τῆν ἀπὸ τῶν ἀρμάτων μέγην, αἱ βάρβαροι δὲ οἱ μὲν
 ἑθρωπιαῖοι οὐδὲ αὐτοὶ διακρήσαντο ἑρμασιν, πλεῖν γε
 δὴ αἱ ἐκ τῆς κρήσος τῆς Ἑρμιτινασῆς κελουμένους 12
 3 (εἰς) ἔβη τῆς μεγάλης θαλάσσης· ἠδῆσαι γὰρ σπασσάσαν
 τὸ πολὺ ἐχρόντο ἰππων καὶ ἄρκων καὶ ποιηρῶν, αἱ
 δὲ ἄρροι δι' αἰτίοις ἐπιπέδισι εἰσιεν ἐξ τῆ ἰλιανθεσθαι κατὰ
 χυμίων περυσίον καὶ τὸ ἰακάρια ἐξ τὸ τελεικαπηρσίσθαι.
 4 τῶν δὲ ἰσσαντῶν πόλις μὲν Ἠέρσων ἐπέσθησεν τῆν τῶν 13

Att. 18, 2—4 cf. G¹. mil. 32

Att. 19 cf. A. 1. 22, 53; A. 4. 8, 9

1 ἐκ τοσοῦθε ἀριθμοῦ] 11 αὐτοῦ ἀπὸ numer. profecti, secundum
 hunc numerum 4095 ἀρμάτων; ἑκατὴ 1 ἐπιλαρχία, 2 τα-
 φραντιναρχία, 3 ἰακπαρχία 2, singularum ubique restituit Schaeff.
 et Acl. 29, 2 3 εἰλή] ἰφικ κῆσιν 12 καὶ (-ων) Herck.
 cf. p. 181, 22 13 ἐκλεισμένους P, corr. Herck. 17 ἠρσῶν
 (sic, ἢ ἰσθησῶν) P 18 (εἰς) addidi, cf. A. 4. 11, 1;
 Ind. 2, 2; et τῶν ἑρμιλλῶν p. 41 19 χροῦσται Herck.

ὄρεται φέρων τὰ ἀρμάτωσ καὶ καταφράσσων ἑπικουρὰν δι-
φρεῖαν, ἀπὸ Κύρου ἀρξάμενος, ἔτι δὲ πρὸ τούτων οἱ οὖν
οὖν ἄγαστρον Ἕλληνας καὶ οἱ οὖν Πρωῖας Ἰνδοὺς τῆσ
τῶν ἀφρῆαιων καὶ Κυρηναίων δ' ἐπὶ πολὺ ἀπὸ ἀρμά-
των ἐμάχοντο. ἀλλὰ ζυμῶνται ταῦτα, τὸ ἀσκήματα ἐκλή-
παιται, καὶ ἡ τῶν ἑλαφάντων δὲ χρεῖν ὅσ τῶσ πολ-
λέμωνσ δει μὴ παρ' Ἰνδοὺσ ταχῶν ἢ τοῖσ ἄνω ἀθλοῖσιν
καὶ αὐτῇ ἐκλέσσεται.

τινὸς δὲ τὰ ἀνώματα ἐπέξιμαν τῶν κενήσεων καὶ 20(24K)
οὖν ἄνω ἄλλου καὶ ἄλλου στρατοπέδου, καὶ τὸν νοῦν ἐκ-
στου τοῦ ἀνώματος καίεται δὲ τὸ μὲν τι πλῆσις, καὶ ἡ
αὐτῆσ ἰδέα δειταί, ἡ μὲν ἐπὶ ὄρου, ἡ δ' ἐπ' ἀσπίδου
τὸ δὲ μεταβάλλῃ, τὸ δὲ τι ἀπιστροφῇ, καὶ ἐνο-
στροφῇ ἄλλο, καὶ περισσασμός δὲ τι ἀνωμάτωσ, καὶ
15 ἐπερισσασμός ἄλλο, καὶ στοιχεῖν καὶ ζυγεῖν, καὶ
ὅσ ἀρῶν ἀποδοῦναι (καὶ ἐξολίσσειν) καὶ διεκλε-
σιάζειν, λέγεται δὲ τις καὶ ἐπαγωγῇ, καὶ δεξιᾷ (καὶ ἡ
20 παρῶσ καὶ ἄλλῃ εὐώνυμοσ παρῶσ καὶ πλε-
γῆ δὲ φάλαγγῇ ἄσπῃ τῶσ, καὶ ὀρθῶσ φάλαγγῇ ἄλλῃ, καὶ
30 ἰσθῆ φάλαγγῇ, καὶ παρεμβυλίῃ, καὶ μὲν πρὸσσταθῆσ
(καὶ ἰσπεθῆσ) καὶ ὀπὸσθῆσ.

κλίσι μὲν δὲ ἕσται ἡ κατ' ἄνωσ κλίσισ, καὶ 21(25K)
κλίσισ ἐπὶ ὄρου μὲν καίεται ἡ ἐπὶ (τῶ) δεξιᾷ, ἑνω-

Arr 21 of Ueb. 4, p. 169, 16—20 Arr 21, 1 of gl. mil. 20

Arr 20 of Ael. 24, Ael. 30, 1 Arr 21, 1 of Ael. 25, 1;
Ael. 10, 4

ε <τ> in Herod. 16 εἰδῶν P, corr. Schaeff. 18 εἰδῶν
P, corr. Mül. 19 τὸ δὲ (αὖ) μεταβάλλῃ Herod. coll. Ael. 24, 2
λέγεται δὲ τις καὶ μεταβάλλῃ 24 ἀνωμάτων Eberh. 16 (καὶ
ἐξολίσσειν) add. Eberh. ex Ael. 24, 2, coll. Arr. Tact. 23, 24
17 (καὶ) del. Blaz., non habet Ael. 24, 2 20 ἰσθῆ (αὖ) Herod.
προσσταθῆσ P, corr. Schaeff. ex Ael. 24, 2; cf. Arr. Tact. 23, 2
21 (καὶ ἰσπεθῆσ) add. Eberh. ex Ael. 24, 2, coll. Arr. Tact.
24, 6 ἀνωμάτων P, corr. Schaeff. ex Ael. 20 ἐπὶ (τῶ) 42

παρ τὸ θόρον ἐστὶ τῷ θαλίῳ, ἐπ' ἰσπίδα δὲ ἡ ἐπὶ τῷ
 2 λαίῳ, ἔτι φέρει τὴν ἰσπίδα. καὶ εἰ μὴ ἀπὸ (ἡ) κλίμα,
 ἐς τὰ κλίμα μόνον παρῶν τὴν πᾶξιν· εἰ δὲ δικτὴ γί-
 νοιτα, ἀποστρέφει τὴν ὄψιν ἐπὶ τὸ κατικὸν τοῦ ἰσπίτου·
 3 οὐκ ἐστὶ δὲ ἡδὴ [ἡ] μεταβολὴ καλεῖται, ἐπιστροφὴ δὲ
 ἐστίν, ἐπιθέτω τὸ πᾶν σύνταγμα ἀπκνώσαντος κατὰ συ-
 ραστάτην καὶ ἐπιστάτην καθάπερ ἐνδεῖ ἀνδρὸς σάμα
 εἰς θόρον ἢ ἐπ' ἰσπίδα ἐγκλίνομεν, καθάπερ ἐπὶ κέντημα
 τῷ (κρίματι) λογαγῶ πικρῆς τοῦ τάρματος περιελιχθέν-
 4 τος, καὶ μεταλαβόντος τόπον μὲν τὸν ἑμπροσθεν, ἐπι-
 φάνομαι δὲ τὴν ἐκ δεξιῶν (ἢ εὐαγγέλιον), δικαιωμάτων
 4 ἐκείνων τῶν τε ἐπιστάτων καὶ παραστατῶν, ἀναστραφῆ
 δὲ ἐστίν ἢ ἀποκατάστασις τῆς ἐπιστροφῆς ἐς τὴν προ-
 κείμεν χώρον. περισπασμός δὲ καλεῖται ἡ ἐκ ὄψεως ἐπι-
 στρεφῶν τοῦ τάρματος κίνησις, ὡς μεταλαβεῖν τὸν ὀπίσω
 5 τόπον· ἐπιπερισπασμός δὲ ἡ ἐκ τριῶν ἐπιστροφῶν συν-
 εχθῶν τοῦ πικρῆς κίνησις, ὅσα μεταλαμβάνειν, εἰ μὲν

Arr. 21, 4 cf. gl. mil. 24* Arr. 21, 5 cf. gl. mil. 26 Arr.
 21, 5, 6 cf. gl. mil. 26, 27

Arr. 21, 3 cf. Acl. 25, 2; Acl. 10, 8 Arr. 21, 3 cf. Acl.
 25, 5; Acl. 10, 8 Arr. 21, 4 cf. Acl. 25, 7, 8; Acl. 10, 6, 7
 Arr. 21, 6 cf. Acl. 20, 9; Acl. 10, 8

ἐπὶ κατικῶ (coll. Ucl. ἡ ἐπὶ τῷ θαλίῳ πᾶξιν, gl. mil. 24 ἡ ἐπὶ τῷ
 θαλίῳ κλίμα, ἐκ δεξιῶν ἢ ἐκ δεξιῶν Πλατ. ἐκ δεξιῶν Πλάτων
 ἐπὶ δεξιῶν ἐκείνη)

1. ἐ κατικῶ F, corr. Schneff 2 (ἡ) add. Schneff. 3 τᾶξιν]
 ἴσπιν Schneff. 4. ἢ γέννησις MELL. 4 τοῦ ὀπίσμου col. Herchl.,
 add. cf. Acl. 25, 2 5 [ἡ] del. Köchly, non habet Acl. 6 περισ-
 πασμός Köchly ex Acl. 25, 6 7 (κρίματι) additio ex Acl. 25, 5
 ὡς ἢ ἐπὶ κέντημα τῶν πικρῶν λογαγῶν εἴλω τοῦ τάρματος
 περιελιχθέντος (cf. Acl. 10, 1), om. F et gl. mil. 26, 2, veritas legi-
 tur ineditum. 11 (ἡ εὐαγγέλιον) add. Köchly, om. F (etiam Acl.
 26, 2) et gl. mil. 12 ἀναστραφῆ καὶ ἀποκατάστασις F et Acl. τᾶρα
 ὀπίσμου καὶ ἐπιστάτων gl. mil. 14 φανῶ gl. mil. 27 ἀναστρ F
 ὅσα Urb. 15 ἐκ τριῶν ἐπιστροφῶν F cum Acl. 25, 2, Urb., gl. mil. 27
 ἀναστραφῆ Schneff.

ἐπὶ δόρυ γίνονται, τὴν δὲ ἀριστοτέρων λαμπάνειν, οἱ δὲ
ἐκ' ἀσπίδος, τὴν ἐκ θεξίων.

στοιχεῖν δὲ λέγεται τοῦ ἐπὶ εὐθείας εἶναι τῷ λοχαγῷ 22 (26 K)
καὶ τῷ πόρου, σφίζοντες τὰ ἴδια διαστήματα ζυγεῖν δὲ
τὸ ἐκ' εὐθείας εἶναι κατὰ μέτρον ἕκαστον τῶν ἐν τῷ λόχῳ
τῷ ζυγοῦντι. σφίζοντες δὲ τῷ μὲν λοχαγῷ οἱ λοχαγοὶ 2
πάντας, τῷ δὲ τοῦτου ἐπιστάτῃ οἱ τῶν ἄλλων λοχαγῶν
ἐπιστάται, καὶ ἑραξῆς ἀσπίδος, καὶ μήτ' ἐς ἄρπυιᾶν 2
ἐπαδοῦναι ἰσχύει τὴν εἰς τὴν κενεωτέραν εἰς ἄρπυ
ἐπιπέμπειν ἀποκαταστήσαι τοὺς βαλίτας τῆν θύην, ἵσον
εἰ τις ἐπὶ ταῖς πυλῆσιν καταρμένους κελουσθεῖν, ἐπὶ
δόρυ κίβηαι, ἔπειτα τὸ παρεργαλθεῖν κατὰ εἰς ἄρπυ
ἀποκαταστήσαι, θεῆσαι πάλιν αὐτὸν ἐπὶ τοῖς πολεμίοις
τυροῦσθαι.

10 ἐξελιγμένων δὲ διταῖ ἰσῆαι, ἢ μὲν κατὰ λόχους, ἢ 23 (27 K)
δὲ κατὰ ζυγῶν, τοῦτων δὲ αἰ' ἑκατέρω τριχῇ πυλῆσιν
δὲ μὲν γὰρ τις ἐξελιγμὸς Μακεδῶν, δὲ δὲ Λάκων, δ
δὲ Κρητικὸς ὀνομάζεται τὸν αὐτὸν δὲ τοῦτον κελου
μένον εὐρίσκω καὶ Περσικὸν καὶ χόριον. Μακεδῶν 2

Att. 22, 2 cf. Urb. 6, p. 470, 26—27 Att. 22, 2 cf. gl. mil. 26
Att. 22, 3—4 cf. Urb. 7, p. 472, 31—p. 470, 6 Att. 22, 1—
cf. gl. mil. 29

Att. 22, 1, 2 cf. Acl. 22, 1, 2; Acl. 2, 3 Att. 22, 2 cf.
Acl. 26, 5; Acl. 19, 12 Att. 22, 1, 5 cf. Acl. 57, 1, 2; Acl.
10, 12

2, 6 εἶναι scripti ex Acl. 26, 2 et Urb. (et ita Att. Thet.
2, 2) ἴσῆαι F 4 καζόντες Schaeff., non cf. Acl. 26, 1 i. l. πυλῶν
sarcis ἴσῆαι Isa Schaeff. ex Acl. 3 ζυγοῦντι] σφίζοντες
Elberh., non ζυγοῦντι etiam Acl. in ἀνοικτοῦσθαι scripti ex
Acl. 22, 2, Urb., gl. mil. 29 ἀνοικτοῦσθαι: Γ, c. v. 28 ubi cap.
22, 1 i. l. τῶν βαλίτας dat. Παντι, non ut Acl. 22, 2 in ubi τῶν
προκαταστήσαν ἐκ' ἄρπυ τῶν βαλίτων ἐκπεμπόμεν ἀποκαταστή
σαι τῆν θύην: gl. mil. 29 τὸ ἐπὶ τῆν εἰς ἄρπυ θύην ἀποκατα
στήσαι ζυγοῦσθαι κατὰ 17, 19 Μακεδῶν ἴσῆαι cum Acl. 27, 1
et gl. mil. 29 μακεδῶν W et Urb., verum ἴσῆαι: monitis; τοῖς
μακεδῶν F habet p. 162, 20, μακεδῶν p. 152, 19

ἰδὼν οὖν ἴσταν ἢ μεταλαμβάνων τῆς φάλαγγος τὸν ἐπι-
 προῦτον τάκων, ἐπὶ δὲ τῆς κατὰ πρόσωπον ἐπιφανείας
 3 τῆν κατόπιον· ἴστων δὲ ἢ μεταλαμβάνων τῆς φάλαγγος
 τὸν ὀπίσω τάκων, καὶ ὡσαύτως ἀντὶ τῆς ἐμπροσθεν ἐπι-
 4 φανείας τῆν κατόπιον. ὁ δὲ Κρητικὸς τε καὶ Περσικὸς
 ἀνομαζήματος τὴν αὐτὴν μὲν ἐπέχειν καὶ τὴν τῆς
 φάλαγγος τὴν αὐτὴν σύνταγμα, τῶν δ' ἐν τῇ μέρῃ ἑκα-
 5 τῶν ἑκαστον ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ ἐπέχειν τὴν αὐτὴν δε-
 κτον μεταλαμβάνοντι, τὸν μὲν λοχαγὸν τὸν τοῦ ἀριστεροῦ,
 τὸν δὲ ἀριστερὸν τὸν τοῦ λοχαγοῦ, καὶ ἀντὶ τῆς κατὰ
 6 πρόσωπον ἐπιφανείας τῆν κατόπιον οἱ δὲ δὴ κατὰ ἐξῆρα
 ἐξελίγμῳ γίνονται ἐκείδων ἀπὸ τῶν ἐπιφανῶν συν-
 7 ληθῆναι τὰ κέραια καθ' ἑαυτοὺς, τῆς δὲ ἐπιφανείας ἀπὸ
 8 τῶν κεραιῶν, καὶ τὸ μέσον τῆς πάσης φάλαγγος ἐπιτε-
 λῶσαι κεραιῶν ὡσαντίαι· ἢ καὶ τὰ δεξιὰ ἐν τῆς ἐπι-
 9 φανείας καθ' ἑαυτοὺς, καὶ τὰ ἐξῆρα ἐν τῆς δεξιῶν. οἱ δὲ
 μὴ πικροὶ κατὰ μίσην μίση τῆς φάλαγγος ἐξελίγμῳ
 ποιήσασθαι, κινεῖσθαι τῆς πολυμίας, δεοὶ δὲ
 10 ἐξελίξαι τῆν τάξιν, τότε δὴ κατὰ σύνταγμα ἐξελίττανται.
 (288) καὶ ὁ μὲν κατὰ πείρους ἐξελίγμῳ Μακεδῶν αὐτῶν
 11 καλεῖται, ἐκείδων ὁ λοχαγὸς μὲν μεταβάλλεται, οἱ δὲ
 ὀπίσω ἐν δόγματι παραπυρρῶμενοι ἀριστερῶν ἀλλήλων
 12 ἴστωνται. ἴστων δ' ἐξελίγμῳ ἀνομαζήται, ἐκείδων ὁ
 λοχαγὸς μεταβάλλομενος ἐν δόγματι ὅλον τὸν λόχον μετ-

Art. 23, 4 cf. Acl. 27, 11; Acl. 10, 11 Art. 23, 4 cf. Acl.
 27, 1; Acl. 10, 15 Art. 23, 5, 6 cf. Acl. 27, 6, 8; Acl. 10, 10
 Art. 24, 1 cf. Acl. 28, 1; Acl. 10, 13 Art. 24, 2 cf. Acl. 28, 2;
 Acl. 10, 14

1 φάλαγγος D, cum. Schell. 2 ἴστων F in initio inuen-
 4 ἐπιφανῶν κεραιῶν ex Acl. 27, 3 et gl. mil. 39 ὡσαύτως F κατὰ
 πρόσωπον Herzb. 5 ὀπίσω F cum gl. mil. codice Comitiarum
 et editione Varesonii vel Schell. ex Acl. 27, 5 10 κατὰ Κόσβην
 ex Acl. 27, 8 vel γὰρ F 11 μεταβάλλεται Schell., sed μετα-
 βάλλεται sic ut Acl. 28, 1; p. 100, 3 μεταβάλλεται F = Acl.
 23, 2 12 μεταβάλλομενος D μεταβάλλομενος Harth., sed μετα-
 βάλλομενος ut Acl. 28, 2 2

μὲν τὰ μῆκος, ὡς ἀντι σταθίον πέντε ἑς ὅσα ἐκτείναι
 τῆς κρήνης, τοὺς δὲ τοῦ βάθους παραβληθέντας ἑς τὸ
 κατὰ μῆκος μέτρον τῶν ὀπιτιῶν διαστήματι (τοῦ μὲν ἡμί-
 στας) ἐπὶ τὰ δεξιὰ καλυπτομένην ἐξελίσσονται, τοὺς δὲ
 λακκοῦς [καὶ] ἡμισυὶ πάντων ἐπὶ τὸ εὐώνυμον, ἀπὸ τῶν
 κρήνης τοὺς κρήνην δευτέρου λόχου ἀρχόμενοι, καὶ οὕτω
 6 διπλασίωσιν ὑψηλοῦ χωρίου ἢ πῶσι τάξις. ἀποκαταστήσομαι δὲ
 ἐπιπέδου βυθιζόμενον, (καλυπτομένην) ἀπὸ ἐξελίσσονται τοὺς
 κατὰ (τὰ) πλάτος τετραγώνους (ἑς οὐδ') οὐκ ἔστιν ἄλλο
 7 εἶδος οὐκ ἔστιν. οὐ πάντων δὲ ὑψηλοῦσι αἱ διπλασιασμοὶ ἐν
 γὰρ οὐκ ἔστιν ἀποδείξω, ὅτι ταυτοῦς τε τοῦ ἡμιτέρου σφαι-
 ραίου δόξαν παρέξουσιν ἐκείνοις, καὶ αὐτὸ τὸ σφαι-
 ραίου ἐν τῇ μετακινήσει ἀσθενέστερον ἄμα καὶ ἀσθενέ-
 8 τερον καθιστάσιν. ἀλλὰ τοὺς βυθίους ἐκτείνουσιν ὅμοιον
 καὶ τοὺς ἐπιπέδους, ὡς τὴν ἐκ τοῦ διπλασιασμοῦ ἐκπέδησιν
 9 ἐν τῇ κινήσει τῆς περικύβητος πύλαγγος τοῖς πολεμίοις ἐπι-
 κρούσθαι. γίνεται δὲ τὸ διπλασιασθῆναι ἀναγκαῖον, ἢ ἵππε-
 ραυτοῦσιν ἡμῶν ἀελοδοκίμων ἢ καὶ τῶν πολεμίων
 10 κρήνης, ἢ καυλῶσιν ἐπιπεραυτοῦσιν ἐκείνουσ. τὴν δὲ βάθος
 δὲ διπλασιασθῆναι. αἱ δὲ δεύτερος λόγος τῶν πρώτων ἐπὶ
 ταυτοῦ, ὅσπερ τὸν τοῦ δευτέρου λόχου ἀρχόμενον ἐπιστά-
 τιν τοῦ πρώτου λοχαγοῦ γενέσθαι, τὸν δ' ἐπιστάτην
 τὸν πρώτου τοῦ μὲν ἐκείνου ἐπιστάτου ἐπιστάτην γενέ-
 11 σθαι. οὕτως γὰρ ὁ μὲν πρώτου πρώτος ἦν τοῦ δευτέ-

§ 1 (τοῦ μὲν ἡμίστας) add. Köchly § 1 (ἡμ. δα. Κηρῶν.
 col. p. 160, 16. 18, 184, 19. 20 καὶ ἡμίστας del. Köchly § 1 (ἐπιπέ-
 δον) addidit ὁ vs. 4 (παραγγελοῦσιν) add. Böckh. § 1 (εἶ-
 δος) add. Müll. κρήνην] ἄρτια Schell. <ἐκ οὐδ') οὐκ ἔστιν Müll.
 κρήνη P (εἶς) εἶς πτω κρήνη Schell. <οὐδ') οὐκ ἔστιν κρήνη
 πὶ διπλασιασθῆναι (κατὰ μῆκος) Köchly col. fol. 29, v. 11
 ἐκτείναι δὲ τὸ κρήνη τῆς πύλαγγος 18 ὅσπερ del. Heron.
 τὴν κρήνην] ἐπιστάτην π. δεύτερον καὶ καυλῶσιν; cf. Act. 29, 8 τῆς
 δ] τὸ τῶν δευτέρου λόχου ἀρχόμενον τῶν κρήνην λόχου
 κρήνην π. μὲν del. Heron. καὶ vs. 51 πρὸς τῶν κρήνην τὸν
 ἐπιστάτην π. δεύτερον καυλῶσιν καὶ, qui factus est optulata
 δεύτερον καὶ πρῶτον

ρου λόγου δευτέρως ἔστι τοῦ πρώτου λόγου, ἡ δὲ δεύτερος ἐν τῷ δευτέρῳ ἑτέρως τοῦ πρώτου, καὶ ἡσυχίας ἡρεσῆς, ἔστ' ἂν ἕκως ὁ δεύτερος λόγος κατὰ τὸν πρώτον ἐκ' εὐθείας ἐκκελλῆ ἐννοχῆ ἢ βέθος. οὕτω γάρ τοι καὶ ὁ ἑτάριος λόγος τὸν τρίτον βλάπτει, στυγαχῆτις μὲν γὰρ καὶ ἀπλῆς οἱ ἔστιαι εἰς τῆς παρεπιούσας ἐνταχῆθῃσονται, οὐ χαλεπὸν δὲ γυνῆσαι, ὅπως καὶ αὐτοῦ τοῦ κατὰ βέθ. 19
 20 καὶ μὲν πικρὰ μὲν φάλαγγς ἔστιν ἢ τὸ μήκος τοῦ 26(30E)
 βέθους πολλοκλιῶσιον ἔχουσα, ἡρεσῆ δὲ, ὅταν ἐπὶ κέρως πορεύηται· οὕτω δὲ πρὸ τὸ βέθος τοῦ μήκους πολλοκλιῶσιον περιέχεται. ὅπως τε παραμύθηκος μὲν τέρμα ὀνομα- 2
 ζεταί ἢ τε κερ ἢν τὸ μήκος ἔχη ἐπὶ κλίσειν τοῦ βέθους.
 3 ὀρθίου δὲ ἢ τε κερ ἢν τὸ βέθος τοῦ μήκους. λοξῆ δὲ ὀνομαζέται φάλαγγς ἢ τὸ μὲν ἔτερον κέρως, ὀκ- 4
 τερων ἢν ὁ στρατηγὸς βούληται, τοῖς πολέμοις κλιέξου ἔχουσα καὶ αὐτῶ μόνῃ ἐργουζομένη, τὸ ἔτερον δὲ δι' 5
 ὑποστολῆς σφύσσουσα. παρεμβολῆν δὲ ὀνομαζομένην, ἐπι- 6(31E)
 20 δὲν προτεταγμένων ταύτων κατὰ διαστήματα ἐκ τῶν ἐπι-
 τεταγμένων ἡκαθεστῶνται αὐτοῖς ἕλλοι ἐκ' εὐθείας, ὡς
 κωπληρώσαι τὸ πρόσθεν ἀπολειπόμενον κενὸν τῆς φά-
 λαγγος· πρόστιμῆν δὲ, ὅταν ἢ εἰς ἑκτέρων τῶν μερῶν 7
 τῆς πύξεως ἢ ἐκ ἑκτέρων κατὰ τὸ κέρως αὐτῶ προστεθῆ 8
 25 τι στήριος τῆ πύξῃ φάλαγγι κατ' εὐθεῖαν τοῦ μετώπου τῆς
 τάξεως. ὑπεταξίαν δὲ ὀνομαζομένην, ἐπιπέδον ποδῶ φιλῶν 9
 30 ἐκ τῶ διαστήματα τῶν πύξῶν ἡκαθεστῶν, ἀσφρα παρ'

Act. 26, 1, 9 cf. gl. mil. 41, 42 Act. 26, 8—5 cf. gl. mil.
 43—45 Act. 26, 4—7 cf. Ueb. 7, p. 170, 7—14

Act. 26, 1—8 cf. Act. 30: Act. 10 21 Act. 26, 4—7 cf.
 Act. 21: Act. 9, 1

21 ἐπὶ κέρως ἡρεσῆς ἡσυχίας ἢ ἐπὶ κέρως ἡρεσῆς, ut Act.
 20, 1 22 ἀσφραμῆς ἢ, corr. ἡρεσῆς.

πρὸς δὲ τὸ ἐκ τοῦ πέδου ἐμπέδου ἢ ἀλλοτρίῃ ἀγασθῆναι
[ἀφ' ἑλπίδος].

Ὅμοιο δὲ τῶν ποταμῶν, ὅσας ποιεῖται τὰ στρατόπεδα, 28(36) B
ἐκείνο χρὴ ἐνθυμεῖσθαι, ὅτι ἢ μὲν τις ἐπαγωγὴ ἐν ταῖς
ε πορείαις ἢ δὲ παραγωγὴ καλεῖται, καὶ ἐπαγωγὴ μὲν ε
ἔστιν, ἐκείδον εἴγμω τάγματι ἐκ' εὐθὺς ἔχεται, οἷον
ἡγεμονίας τετραρχίας αἱ λοιπαὶ τετραρχίαι κατὰ ἑπι-
ταγμέναι πορεύονται, ἢ αὖ ἑκαγίας ἡγουμένης αἱ λοιπαὶ
ἑκαγίαι ὁδεύονται, ἐπὶ τε λόγῳ, ἐκείδον τοῦ προηγουμέ-
10 νου τάγματος τοῖς οὐδαμοῖς αἱ τοῦ ἐπιπέδου τάγματος
ἡγεμονίας συνάπτουσι. παραγωγὴ δ' ἔστιν, ἐκείδον ἢ ε
ἡγεμονία εἴσα πορεύεται τοῖς ἡγεμόνις ἦτοι ἐκ τῶν
εὐθυσμῶν ἢ ἐκ τῶν δεξιῶν κείτομένων, κἄν μὲν ἐκ τῶν
οὐθυσμῶν κείτονηται, εὐθυσμῶς παραγωγὴ καλεῖται,
15 ἂν δὲ ἐκ τῶν δεξιῶν, δεξιᾶ ὁδῶς δ' ἐν ἢ πορεία γί- ε
νηται, εἴτε κατ' ἐπαγωγῆν εἴτε ἐν παραγωγῇ, ἦτοι ἐν
μομφιλύρῳ τῶν τάγματι ἢ στρατιᾷ βελιχίται, ἢ ἐν
διπλήρῳ ἢ ἐν τριπλήρῳ ἢ ἐν τετραπλήρῳ
μομφιλύρῳ μὲν, ἐκείδον ἐπὶ τόπον ἵστασθαι ἔχῃ δ ε
στρατηγός· διπλήρῳ δὲ, ἐκείδον διὰ τριπλήρῳ δὲ,
20 ἐκείδον πρὸς τετραπλήρῳ δὲ, ἐκείδον πάντα τῶνται οἱ
πολέμοι ἐπιστάσθαι πλοῦσι δοῦσι. καὶ μὲν κατὰ μὲν 11
μομφιλύρῳ ἢ πορεία γίνονται, κατὰ δὲ διπλήρῳ ἢ

Art. 28, 2 cf. gl. mil. 47 Art. 25, 2—3 cf. gl. mil. 45

Art. 28 cf. Aul. 36; Aul. 11, 1, 9

ε [ἀφ' ἑλπίδος] del. Hense p. 204; ἀγασθῆναι del., ἀφ' ἑλπίδος το-
πιουὶ Müll. nullus (non ἀγασθῆναι) ἀφ' ἑλπίδος Köchly; cf. ad
p. 26, 28 ε πορείαις F, corr. Schell. ε ἐκείδον F, corr.
Köchly; cf. Aul. 36, 1 προσέτι προηγουμένη ε κείτονηται F,
corr. Köchly. ε κείτονηται F, corr. Müll. 16 ἐν παραγωγῇ
gl. mil. 45 cf. iam Schell. et Aul. 36, 4 ἐν ἐπαγωγῇ F. 11 π
στρατιᾷ F, corr. Schell. 11 μομφιλύρῳ, διπλήρῳ,
p. 160; ε τετραπλήρῳ, ετετραπλήρῳ F, delitiosae restituit Köchly
et Aul. 25, 9, ἀνεπιπέδου; ε ε ἐκείδον Hirsch.

μέγ, καὶ οὕτως τριφασαγγρία τὰ καὶ τετραφασαγγρία
καὶ ταῦτα οὐ χυλαίων ἐπιβολήσιν ἀπὸ τῶν τριδόντων
ἐκείνων.

(87E)29 ἔτι δὲ ἀμφίστομος μὲν φάλαγγξ καλεῖται ἢ τοὺς
ἡμίσεις τῶν ἐν τοῖς λόγοις ἀνδρῶν ἀπεστραμμένους ἐπὶ
3 ὁ σφῶν ἔχουσα, ὡς ἀντιρροῖαι εἶναι· διφασαγγρία δὲ
ἀμφίστομος, ἥτις ἐν τῇ πορείᾳ τοὺς ἡγεμόνας (ἔχει)
ἢ ἐκτετρασίων τῶν μερῶν ἐν παραγωγῇ τεταγμένους,
τοὺς μὲν ἐν δεξιᾷ τοὺς δὲ ἐν εὐωνύμῳ, (τοὺς δὲ εὐωνύ-
μοὺς ἴσα τεταγμένους· ἀνίστομος δὲ διφασαγγρία, 11
ἢ τοὺς μὲν ἡγεμόνας ἔχει μέσους τεταγμένους, 12
οὗς δὲ εὐωνύμοις ἔξω ἀπεστραμμένους ἢ ἐκτετρασίων τῶν μερῶν
13 ἐν παραγωγῇ. εὐφίστομος δὲ φάλαγγξ ἐστὶν ἢ τὸ
μὲν ἡγεμόνιστον ἦμισον ἐν τῇ πορείᾳ ἔχουσα ἐν εὐωνύμῳ
παραγωγῇ, τοῦτ' ἔστι τοὺς ἡγεμόνας ἢ εὐωνύμους, τοῦ 14
δὲ λοιποῦ ἡμίσιος τῆς φάλαγγος τοὺς ἡγεμόνας ἐν δεξιᾷ
15 παραγωγῇ. ἀμφίστομος δ' ἐν ἀμφοῖς διφασαγγρία
ἐστίν, ἥτις τοὺς ἡγεμόνας ἐκτετρασίων τῆς φάλαγγος ἐκ τῶν
ἐκείνων μερῶν ἔχει τεταγμένους, ἢ ἐκ δεξιῶν ἢ ἐκ τῶν
16 εὐωνύμων ἐκτετρασίων τῆς φάλαγγος. οὕτως δὲ τ' ἀμφίστο- 20
μος διφασαγγρία τὰ μὲν ἡγεμόνα κέραια ἀλλήλοισ συν-
έψη, τὰ δὲ ἑσόμενα διασπῆσι, τὸ τοιοῦτον ἔρβολον κα-
21 λέσθαι. ἐκείν δὲ ἀνίστομος διφασαγγρία τὸ μὲν εὐφίστο-

Act. 29, 1-7 cf. gl. mil. 40-62

Act. 28, 1-8^a cf. Act. 21; Act. 11, 9-6

1 ὁστροῖ] ὁστροῖσι Herch. 7 (ἔχει) καὶ Herch. ex Act.
27, 2 (καὶ δὲ βασιλῆ gl. mil. 59) om. F 8 δεξιῶν (παραγωγῇ)
Herch. ex Act. 9-11 (οὗς δὲ - μέσους τεταγμένους) add.
Schaff. ex Act., om. F 12 ἔχει] ἔχει Herch. Act. 37, 3 ut gl.
mil. 59 τεταγμένους; Act. ut gl. mil. ἀπεστραμμένους, Herch.
13 ἡμίσιος F, corr. MEl. 17 ἐν (τῇ) Herch. ex Act. 27, 5,
sed ex om. ceteris gl. mil. 52 19 ἐκ (τῶν) δεξιῶν Herch.,
sed τῶν om. eddum Act. 27, 7 ut gl. mil. 52 20 ἐν ἐν
εὐωνύμῳ] ἢ εὐωνύμῳ Act. ut gl. mil. 21, p. 101, I κέραια F
ut Act. 27, 8 κέραια gl. mil. 22, 24 22 (ῆ) εὐφίστομον
Herch. ut gl. mil. 24 ἢ om. F ut Act. 37, 7

πέριαι σκευή, τὰ δὲ ἡγεύματα διαστήσῃ, τὸ κοινόν
 κοιλέρβυλον καλεῖται κλεισίον ἢ δυναμίζεται ἡπὶ τ
 ταν προς πάσης τῆς πλευρῆς κατατάσσεται ἐν ἑταίρηται
 σχήματι· κλειθίων δὲ, ὅταν ἐν τετραγώνῳ σχήματι ἂ
 α καὶ τούτο πρόξῃ, ὅπερ Ξενοφῶν ὁ τοῦ Γρούλου
 κλεισίον ἰσοκλίονον καλεῖ. [1] καὶ ὑπερφαλέγγησιν (38 E)
 μὲν δυναμίζουσι τὴν καθ' ἑκάτερον τὸ μέρος τῆς φάλαγγ
 γος ὑπερυγῆν ἄλλο τούτῳ πολέμοις, ὑπερχέουσι δὲ ἔ
 ετην καθ' ἓν ὑπότερον οὖν μέρος, καὶ τῇ μὲν ὑπερφα
 α λαιγγῆσι ἢ ὑπερπύλαισι ἰσοκλίον ὄσται, ἀνέσταν δὲ ἔ
 εῦ, οὕτω τοὶ μέρος μὲν ἀποκέρου οὖν ὑπερέχει καὶ ἔ
 ελλέκτονας κατὰ πλῆθος δυνατοῦ, καὶ ἐν ἴσῳ μέθεσι φυ
 λίστονας τῆν πάσαν τάξιν ὑπερφαλέγγησιν ἢ ἐν ἴσῳ
 εῦ κλειθῆι ἢ καὶ μέλοι, μὴ ἐπὶ λατῶν ἑτακτοῦσται,
 α πῶς πῆν τε.

αὶ δὲ τῶν σκευοφόρων ἀργαλὶ ζῶν ἡγευμάτων γι-30 (38 h)
 γνέσθωσιν. πρόποι δὲ αὐτῶν πῆντα ἢ γὰρ ἡγεύσθαι
 πῶτά γῆ τῆς στρατιᾶς οὖν οὐκίνα φυλακῆ, ἢ ἐπιστάται,
 ἢ ἢ πλερίου ἴσται — καὶ αὐτοὶ διατάξῃ ἢ γὰρ ἐν δι
 αο ἔσται ἢ ἐξ ἀριστερῶν —, ἢ ἑταῖρος τῶν ἑταῖρων ἡγεύσθαι
 πρὸ μὲν δὴ τῆς φάλαγγος γῆ ἡγευτὰ σκευοφόροι, ἢ
 ἐπιστάται ἐκ πολέμου ἀπέγῃ· ἐπίρῳνα δὲ τῇ φάλαγγι,

Ver. 20, 8* cf. gl. mill. 26 Arr. 29, 8* cf. gl. mil. 61 Arr.
 29, 8* cf. gl. mil. 65 Arr. 30 cf. Urb. 13, p. 471, 17—22; Leo
 X 19

Arr. 29, 8* cf. Xen. Anab. III 4, 19 Arr. 29, 8*—10 cf. Sol.
 26, 2nd. 30, 18 Arr. 30 cf. Anab. 3v, Anab. 21, 8

α καὶ τὸ γλ. mill. 26 (cf. Schaff; τασὸς Ξ Γρούλου γλ. mill
 (cf. Schaff) γρούλο Ξ α κλεισίον ἑταῖρος ἀνέσταν Ξ δὲ
 κλειθῆσι γλ. mil. 65 οὐκίνα Caisilla καὶ αὐτῶν Ξαουσανί (καὶ)
 κλειθῆσι Schaff [1] cf. Herod. ἢ καὶ cf. Köchly 10 κλει
 θῆσι Herod., cf. ad p. 29, 28 14 (cf. ἑταῖρος Schaff ἀνέσταν Ξ
 15, 29 πῶς αὐτὸν γλ. αὐτῶν δὲ δὲ Köchly πῶς αὐτῶν δὲ Ξ πῶς αὐτῶ
 α iam margin. 213

ἐπειδὴν εἰς κολομίαν ἐμβόλιον· παρῶνται δὲ ἰσοπέτρως
οὖν, ἐπειδὴν τὰ πλάγια φοβώμεθα· ἐντός δὲ τῆς ἠε-
λαγωγίας, ἵνα τὰ πενταγώνων ὑποπτεῖ ἤ.

(40κ) 31 τὰ δὲ παραγγέλματα χρή συντομοποιεῖται τε ὡς οἶόν
τε καὶ ἀσπρότατα ποιησῶνται. ἔσονται δὲ εὐθέως, αἱ δὲ αὖτε ἀμ-
φιβόλιος δέξασθαι δοκίμασι εἴεν οἱ στρατιώται, καθὼς ἠε-
λατωίμεθα, ἀντίθετα δὲ κλίσεων λέγουσι [ἐν] εἰ προστιθείης
τὸ ἐπὶ ὄρου ἢ ἐπ' ἀσπίδα, αἱ ἀξίως κατακοίτηται αἴθρα
μῆναι τῶν παραγγελλμάτων ἄλλοι ἄλλο δέξασθαι ἔσμεθα.
οὐκ οὖν εἴθε χρή λέγουσι κλίσεων ἐπὶ ὄρου ἢ κλίσεων
ἐπ' ἀσπίδα, ἀλλ' ἠελατωίμεθα ἐπὶ ὄρου κλίσεων ἢ
ἐπ' ἀσπίδα κλίται· οὕτω γὰρ ἔξμεθα τὸ κινεῖ
ἀκούσονται τε καὶ θάλασσα. οὐκ οὖν ἀλλ' μεταβαλοῦ
ἢ ἐξέλιξον χρή παραγγέλλειν· ταῦτα γὰρ τοῦ γένους
τῆν πρόξεν δηλοῦνται ἐπὶ διάφορα ἔργα ἄξια τοῖς ἀκούσι-
ται, ἀλλὰ τὰ εἶδη γὰρ κρατακτεῖον πρὸ τῶν γενῶν, οἶον
ἐπὶ ὄρου μεταβαλοῦ ἢ ἐπ' ἀσπίδα, καὶ αὖτε εἴθε
ἐπιπέτῃ τῶν ἀκίμων ἐξέλιξον, ἢ τῶν χόρτων, ἢ
(τῶν) ἀκίμων αἱ δὲ μὴ προσθεῖς ἔσμεθα, ἀντί-
μῆναι ἐξέλιξον φαίης, ἄλλοι ἐπ' ἄλλοι ἐξέλιξον ἔξμεθα
εἰσιν, οὕτω δὲ εἰσαύτως ἀγαθὸν ἐν τε πορείαις καὶ ἐν
μάχαις ὡς σιγή τοῦ πάντος στρατιώματος· καὶ τοῦτο γέ
καὶ Ὀμηροῦ ἐν τῇ ποιήσει εἰδηλώσαν· παρὶ μὲν γὰρ τῶν
ἀκίμων καὶ ἠελατωίμεθα ἔξμεθα·

ἔξμεθα δὲ οἷσι εἰσαύτως 32

ἠελατωίμεθα,

Act. 31, 1-4 of Urb. 9, p. 470, 26-471, 4 Act. 31, 5, 6
of Urb. 10, p. 471, 13-16

Act. 31, 1-4 of Act. 40: Act. 10, 11* Act. 31, 5 of Act. 31
Act. 31, 5 of Act. 14, IV 429-451

1 ἐμβόλιον Leo [et Bezae], ἐμβόλιον F παραγγελλόμεθα Dig.
κατακοίτηται F ἢ (ἐν) ἠελατωί. 2 εἰ προστιθείης
ἐν εἰ προστιθείης F ἐν ἢ προστιθείης Κοχλίας [ἐν εἰ] προστιθείης
Hersch. 12 οὐκ οὖν F, corr. Blanc. 13 (τῶν) Ald Mā] et
Act. 40, 4 of Urb. προσθεῖς F, corr. Mā].

παρὶ δὲ τῆς στρατιᾶς ὅτι
 οἱ δ' ἄλλοι ἀπὸ Ἰσάν (οὐδέ κε φωνῆς
 τόσσον λαὸν ἔπεισθαι ἔχοντ' ἐν στήθεσιν κούρη)
 οὐ γὰρ διδόντες σημεῖα ταραχῆς.
 α τῶν δὲ τῶν βασιλέων τὴν ἀταξίαν ἀγλαῶσαι θελήσας,
 κλαγγῇ καὶ ἐνοπῇ φησὶν ἵναί τινες Τρωῆας ἴσα καὶ θυ-
 ριθῶσαι, καὶ αὐτὸ ἐν ἑλλοίαις ἔπεισι.
 β τῶν δ' ὄψε' ἑρμίδιον πεπερημένον φησὶν ἔθνεα πολλὰ,
 γηρῶν ἢ γερῶν ἢ πύκνων δουλιχοδάρτων,
 α καὶ ἐπιβληθῶν τῶν ἑρμίδιον τὸν θόρυβον
 ὅς Τρωῶν ἀλαληθεὶς φησὶν ἀνά στρατὸν τῶν ἑρμίδιον
 οὐ γὰρ πάντων ἦεν ὁμοῦ θρόνος οὐδ' ἐκ γῆρας.
 γ ἄλλοι δὲ τῶν ἑλλοίω
 δ τῶν δ' ἄρ' ἴσων οὐ γὰρ φησὶν μέντοι πρῶτοντες ἄχαιοι,
 α ἐν θυμῷ μεμαῶτες ἀλαλόμενοι ἀλλήλοισιν.
 αὐτῶ γὰρ οἱ μὲν ἠγρόντες ἄξιας παραγγελοῦσιν αὐτῶ,
 ἢ δὲ στρατιᾶ ἄξιας δέχεται τὰ ἐπιβληθῶν.
 τὰ παραγγέλλετα δὲ ὅστω κοινῶς, ὅγε εἰς τὰ ἤλια. 32(42κ)
 (δ) ἀπλοφύρος (μῆ) ἐρίτω ἀπὸ τῆς φάλαγγος,
 α σίγα καὶ πρόσθε τοῦ παραγγελλομένου. αὐτὰ τὰ
 ὄφρατα, καθὼς τὰ ὄφρατα ἢ ὄφρατος τῶν λόχων
 ἀκουθούσιν. τῆσθε τὰ διαστήματα. ἐπὶ ὄφρα κλι-
 νοῖν, ἐπὶ ἀσπίδα κλίνοῖν, πρόσθε, ἄχτω οὕτως
 ἐς ὄφρον ἀπόδος, τὸ βάθος διπλασιάσασθε, ἀποκα-
 α τίσθησιν τὸν δόκονα ἐξέλιντε, ἀποκατάσθησιν,
 ἐπὶ ὄφρα ἐκπερίσπτε, ἀποκατάσθησιν.

Act. 32, 1 cf. Urb. 19, p. 471, s. — 121 Leo VII 81 (86)

Act. 31, 6 cf. Marc. II 409 sq. 1 IV 438 sq. 1 — 409. Act. 32,
 1, 2 cf. Act. 42: Act. 12, 11³

α περιβόλαιος F, corr. Schell. + δεινός F, corr. Schell.

19 οὐδέ κε φωνῆς Urb., cf. Jac. de Thibault Urb. 19 (δ) αὐτῶ
 Marc. om. Urb., om. Y et Leo. (μῆ) addidi ex Urb. et
 Iosani, om. F. 23 ἔχοντα ἔχον Act. 42 1 87e Leo 87³ Var.
 ad locum.

11 καὶ μέν, ὅσπερ ἐν τέλει, δι' ὀλίγον ἀπὸ τῆς ἐπι-
 ραφῆς γε τῶν πάλαι Ἑλληνικῶν καὶ τῶν Μακεδονικῶν
 12 πύξεν, ὅστις μὲν τοιούτων ἀπειρώς ἐδόξαι ἔχειν ἑγὼ
 δὲ τὰ ἱστοικὰ γυμνάσια, ἵσα Ῥωμαίων ἐπέως γυμνάζον-
 ται, ἐν τῷ παρόντι ἀπελάθειν, ὅτι τὰ πολεμικὰ ἐρῆθη δε-
 13 λῶσαι ἐν τῇ συγγραφῇ ἡμετέρῃ ὑπὲρ αὐτοῦ τοῦ βασιλέως
 συνέγραψας, τόδ᾽ μοι ἔσται τέλος τοῦ λόγου τοῦ τακ-
 τικοῦ.

88 καὶ τοὶ οὖν ἀγνοῶντες ἡλικίᾳ ἐσομένου τῆς δηλοσίου τῶν
 ἀνομιῶν ἐκείτων, οὐκ οὐδὲ νόμοις Ῥωμαίοις τὰ κοινὰ 10
 τῆς πατρῴου φωνῆς ἔχουσι, ἀλλὰ ἔστιν αὐτῆς Ἰβήρων ἢ
 Κελτῶν, ἐπεὶ τὰ πρόφραγμα πρὸς Κελτικὰ ὄντα προσέλι-
 11 θον, εὐδοκίμησαντες αὐτοῖς ἐν ταῖς μάχαις τοῦ Κελτικῶν
 12 καὶ Ἰταλικῶν. εἰ γὰρ τοὶ ἐπ' ἑλλερ τῶν, καὶ ἐπὶ τῶνδε ἔχουσιν
 ἐπαίρεισθαι Ῥωμαῖοι, οὐκ οὐδὲ τὰ οὐκ αἰεὶ καὶ πάντως οὕτως 14
 τι ἠγάθησαν, ὡς τὰ περὶ τὸν πόλεμον κατὰ ἐπιλεξιμότητα οὐκ αἰεὶ
 15 ἐσθλῶν ἐποιήσαντο, οὐτα τοὶ εὐροῖς ἐν καὶ θαλάσσις
 τῶν κατ' ἑλλερ λαβόντας — καὶ ἦσαν Ῥωμαῖοι ἀνο-
 16 μίζοντες, οὐκ ἀρετῆς Ῥωμαῖοι αὐτοῖς ἐχρησάμενοι —
 καὶ γυμνάσιον στρατιωτικῶν κατ' ἑλλερ, καὶ θρόνους (τοῦ) 10
 17 τῶν ἀγρόνων καὶ ἐσθλῶν τῶν περὶ τὸν πόλεμον, αἳ δὲ καὶ
 θεοῖς οὐκ αἰεὶ ἑλλερ κατ' ἑλλερ λαβόντας εἰς οὐκ αἰεὶ
 18 ἐσθλῶν, τὰ γὰρ ἐπ' αὐτοῖς θρόνους αἰεὶ τοῦτο οὐκ αἰεὶ

11 seq. cf. Posidon. fr. 89 Jac. (FGH II p. 260, 3—19) apud
 Athenaeum VI p. 273 E. F. Iudicium Volcanum ad Aruim 4
 (Hermon. Wt. 1862, p. 116); Diad. V 40, 3. 2, XXIII *

11 καὶ τῶν] τοὺς καὶ ἑλλερ. 8 εἰ ἑγὼ δὲ] hinc novum librum.
 Arriani sc., indicium capere, quam reverentiam delatam esse, ut
 petens ἐσθλῶν, ἡλικίᾳ, vide Praef. § 11 Δ et cf. quae iam
 Schaeff. adnotaverat: Necesse hinc locum esse scriptoris vixisse totum
 hoc praesulatum et imperium videri se, malisne fecisse qui cogita-
 vit 1000 ἡλικίᾳ (cf. ad p. 105, 10) ut huc cognoscantur 12 καὶ τῶν
 ἑλλερ p. 102 πᾶσι καὶ (εὐροῖς τῶν) 13 ἡλικίᾳ (inter eas
 vixisse vixisse καὶ τῶν) 14 καὶ τῶν ἑλλερ Moll. 15 vixisse μοι ἑλλερ
 ἑλλερ] αὐτοῖς καὶ τῶν ἑλλερ, Arriani sc. corrigens 19 (τοῦ)
 scd. Harsh. 20 οὐκ αἰεὶ καὶ] εἰ καὶ τῶν τῶν καὶ ἑλλερ.

ὀφθαλμοῖς, ὅσον μὴ ἐπίπροσθεῖ τοῦ ὄρου γινόμενα
 ἠσπίδα ὅμως παρέχειν τῇ θυγατρὶ καίτοι δὲ ἀπρόσητοι
 αὐτῶν ἐκινῶνται, οἷα δὲ χροία μᾶλλον τι ἢ δε μᾶλλον τοῦ
 ἔργου· καὶ αὐτὰ ἐν τοῖς ἐκτελέσεισι τῶν ἰσπων, εἰ καὶ
 ἄλλῃ πινὴ τύχει, καὶ ἴστω τῆς ἰσθμῆς ἕθελος φανέντων
 ἢ ἀπαιτούμεναι· καὶ θυρεοῖς δὲ φέρουσαι, οὐχ ὀπίσσω εἰς
 τὰς μάχας, ἀλλὰ τῷ βάθει κορυφώτεροις, ὅτε ἐκ' ὀπίσσω
 καὶ κάλλει τὰς μελέτας ποιοῦμενοι, καὶ ἐξ ἡδονῆν καποι-
 τειμένους· ἀπὸ δὲ τῶν θυρεῶν Κεκερικῶν γιγάντια,
 ἴσα καὶ ὅμοια τοῖς Θάραιν, τῆν δὲ χροίαν οἱ μὲν κίλυ-
 κου, οἱ δὲ ἐκκίνου, οἱ δὲ ἄλλη καὶ ἄλλη κατακλιμένα·
 Ἰσχυροῦσθε δὲ περὶ τοῖν σκελετοῖν, οὐ καθάπερ Περσῶν
 καὶ Ἰσραηλίων κατακλιμένα, ἀλλὰ περισφιγγόμενοι τοῖν
 σκελετοῖν. Ἰσχυροὶ δὲ αὐτοῖς προμηθευομένοι μὲν ἐξ ἀπρό-
 σῃτων πεφορημένοι εἰσὶ, κατακλιμένοι δὲ οὐδὲν ἄλου-
 ται· ἀσπίδα γὰρ ὄντα τὰ ἐπὶ τῇ μελέτῃ ἀκύνια τοῖς μὲν
 ὀφθαλμοῖς τῶν ἰσπων καὶ κακόν τι ἐν ἀπεργάσειντο,
 τοῖς πλευραῖς δὲ κῆρυξ ἄλλοις τι καὶ τοῖς ἰσχυροῖς τῇ
 κατὰ μέρος ἀκρομένους ἰβλαβῶς προσκίβεται.

35 κροῦσται μὲν δὲ ἐκείλαις κίβησις ἐξ τοῦ ἀκροσθενεργήσων
 πεδίον γίνεται ὡς διακρηστώτα ἐξ κάλλος καὶ λαμπαρ-
 οῦτα ἰσχυρήν, ὑπόθεν ἐν μάλιστα ἐν τῷ ὄρεινους ἐκ
 λαύρην δόξασαι καὶ μὴ ἄλλη· ἀλλ' ὡς ἐν ποικίλην τῆν

30 ad cap. 26sq. cf. Hadriani adlocutiones ad exercitum
 Africam, C. L. L. VIII 2432. Suppl. 12049 (Desau 2487), cum
 pueris fragmentis, Festschrift f. Hirschfeld p. 322 (Desau 2133sq.);
 S. Nolte, Hadriani reliquiae (Diss. Bonn 1884); J. Flew, Quellen-
 untersuchungen zur Gesch. des Kaisers Hadrian (Argentorat
 1890) p. 71sq. 32 in cap. 26sq. cf. p. 129, 10; Hadriani
 adloc. D b E: c. 26to transmittit cyas

1 τοῦ Ἡερῆ τὸ 2 3 ὅμως Moll ἀποῖος V, dal. Harsh 1
 cf. cap. 26, 7 4 ἕθελος ἴσθμῶς Harsh ἡθῆος Harsh
 5 ἀπαιτούμεναι V, 2022 margo Big. 6 ὄπισσω Harsh. 7 ἰσχυρὸν #
 8 κατακλιμένα Harsh. 9 καὶ (27) Moll καὶ (30) Harsh
 10 ἰσχυροῖς Harsh, ἐκκίνου V 11 ἄλλη Harsh
 12 ἀκρομένους Harsh coll. p. 176, 22

καθάρτη οὐ ἄλλοι ἐν ἀριστέρῳ, καὶ οἱ δύο ἰσπῆς διέχω-
 ντες ἀπὸ τοῦ κέντρου τῆς προβολῆς τὸ ἴσον ἴστανται, καὶ
 αὐτοὶ αἱ μεταξὺ πῆκται τε τῶν τεταυμένων καὶ τῆς ἐπίσης τοῦ
 ἐκείνουτος ἐς τὴν αὐτὴν τρόπον ἐκκονίζουσαι ἐς τοὺς
 παρακείμενους. ἐνθα δὲ ὁ αἱ περ ἀκείνουτος τῶν ἰσπῆων
 2 ἐς τὴνδε τῶν ἀκροβολισμῶν ἐπιλέγονται. οἱ μὲν γὰρ ἀπὸ
 τοῦ δεξιῶν τοῦ θήματος ἀρχόμενοι αὐτῶν ἄλλο ἢ (αὐτῶν)
 συντελής τῆς ἀκροβολίσου καὶ (αὐτῶν) ἐπιπέδιλον τοῦ κέν-
 τρου προσδέχονται· οὐδὲ γὰρ ἄλλου τίνος θέλει παρ-
 ἔχουσι ταῖς ἐπὶ τοῦ θήματος ἡρώσιν, ἵνα ἀποστρέψωσι
 ἐπ' αὐτῶν τῆς δεξιῶν τῶν ἰσπῆων ἐν τῇ τοιαύτῃ ἐπιπέδῳ
 3 γιγνομένης. ὁμοίως δὲ ἐκ τῶν ἀριστέρων ἐκκαίνουσι,
 τότε δὲ πᾶς ὁ ἀκροβολισμὸς κρείττολος γίνεται, καὶ τῶν
 θημάτων ἢ προβολῆς, καὶ ἢ ἐν τῆς ἀριστέρας χειρὸς ἐς τὴν
 δεξιῶν ἡρώσιν τῶν ἀκοντίων ἕλθαι, καὶ ἢ δεξιῶν ἄκρος
 αὐτῶν ὑπολαμβάνει καὶ ἐπὶ τῆς κεφαλῆς κεραιεργασίᾳ
 ὁμοῦ μὲν ἵσπῆτα ἐν προχοῇ περιποιησάμεν τὸ ἰσπῆτον ἐξ-
 κόντισται, ὁμοῦ δὲ ὑπελάθει [τὸ ἰσπῆτον] καὶ ταῦτα αὐτῶν
 ὑπερνεγκνῶσις ἐξηκόντισται. ἢ τε καθ' ἑαυτὴν ἢ ἐπὶ τοῦ
 ἰσπῆτου αὐτοῦ τοῦ ἰσπῆτος (ἴσπῆτος) δεῖ ἐκστρέφωσι καὶ ἡρώσιν
 ἐν τῷ ἀκροβολισμῷ ἀφίεται, ταύτην μάλλινον, ὅτι ἐκκαίνου-
 σίαισι ὁρᾶται καὶ τῶν ἰσπῆων ἢ λιμνοπέδῳ καὶ τῶν
 ἰσπῆων ἢ ἰσπῆτος· τε καὶ τὸ ἐν ταῖς ἐκστρέφωσις εἰσπῆ-
 πῆς, καὶ ἵσπῆς ἐν ἴσπῆσι τοῖς διαστήμασιν αἱ ἰσπῆσις
 4 γίνονται τῶν ἰσπῆων. αἱ μὲν γὰρ ἐπὶ μίσην δεξιῶν ὁρᾶται
 αὐτῶν τούτων τὸ ἰσπῆτον τοῦ ἀκροβολισμοῦ ἀφαιρῶσιν.

1 προβολῆς F, corr. Schell. 2 οὐκ αἱ Hertz. 3 τῶν
 F, corr. Schell. 4 τῶν θήματος dat. Eberh. 2. * (αὐτῶν) συν-
 τελής Hertz. συντελής F. 3 (αὐτῶν) ἐπιπέδιλον Hertz. ἐπιπέδιλον
 F; cf. p. 156, l. 170, 26. * περιεργασίᾳ constructivum videtur
 περιεργασίαι Müll. et Hertz. 17 vocem ἄκρος μὲν post περι-
 ἰσπῆτον collocavit Müll. τὸ ἰσπῆτον (ἰσπῆτον) aut Hertz. 18 [ἐπὶ
 ἰσπῆτον] (αὐτῶν) delecti τὸ ἰσπῆτον constructivum Hertz. an ἰσπῆ-
 τος τε ἰσπῆτον? 19 post ἐκστρέφωσις et an. 20 post εἰσπῆσις
 ἰσπῆσις videtur vocem Hertz., ἰσπῆσις 21 (ἴσπῆτος) addidi
 22 καθ' ἑαυτὴν F, corr. Müll. (αὐτῶν) τούτων Hertz.

αὶ δὲ ἔργον ἐκείνην τῇ ἀκριβείᾳ τῆς θεωρίας διαπισθῆναι
 ἴστανται τὸ δίκαιον κότες ἐφαρισσόμεναι τὸν τε γὰρ
 ἀγαθὸν ἰσπῆς ἕγγυς αὐτῷ ἐπιλανθάνουσι ἢ κακὸς ἦδη ἤσπῃ
 κείνῃ, καὶ τοῦ κακοῦ ἕλλοις ἀπὸ ἀγχιθίς ἐδοχημένως ἐπι-
 παρορῶμενο, τὴν ἀκρίβειαν συνεισπίσειεν. ἀλλὰ καὶ τοῦ δ
 ἐνοεχοῦς σοφόμενου τὸν τε ἔλαινον τῷ ὄγκῳ σφῶον
 εἶναι καὶ πρόκεινται, καὶ τῷ κακῷ τὸ ἀφαιλούμενον θυρεῖδος
 ἀπεθόδωσθαι.

Ὡς δὲ ἀρκεύμεντες τὰς τάξεις τε καὶ τὰς προβαλάς καὶ 30
 10 τοὺς ἀκροβολισμοὺς τε καὶ τὰς ἐπιστροφάς, ἐπειδὴν τὴν
 δευτέραν τε καὶ ἀριστερὰν ἐπέλασιν ποιεῖνται, πρὸς
 ἀπλῶς ἑκατέρωθεν ἐπὶ ὄρου καὶ παρὰ τὸ βῆμα παρλι-
 σάντες τοὺς ἔκτους ἀπαιλλέττονται, ἀλλὰ αἱ ἔκτους
 αὐτῶν ἐξ τῶ ἔργου (πολλὰ αὐτὰ σφῶον ἐν ἑκαστῷ
 15 ἀκρότητι, αἱ δὲ ἄκραι καὶ διὰ καὶ ἐπειδὴν κλιθεῖσιν τῷ ε
 βῆματι περιπερῶντες, ἐξ πόκλιον μὲν ἐπιστρωσαν τὴν
 ἴστανται, ἐπὶ δὲ ἐν τῇ ἐπιστροφῇ αὐτοῦ ἔχοντες ἐπὶ τὸ πέ-
 ρος τοῦ πηδίου λαβὴν ἔχοντες, καὶ ταῦτα ὡς ἐπὶ πη-
 κιστοῦ τε καὶ ὡς μάλιστα κραδαιτούμενοι καὶ ἔκκεσθαι
 20 οἱ δὲ καὶ δεῦ ἀπαικτόμενοι ἐπειδὴν ἐπελευθύνουσι, ἦδη α
 τὸ ἐπολεμθῆν ἐπὶ τὸν θυρεὸν ἑκατέρωθεν ὄλλου τὴν
 καρδίην καὶ τὴν δεξιάν κλειράν, ὡς ἀντιπῶν, περιελέ-
 ζαντες ἐξ ταύτης σφῶον ἐκκένουσαι.

ἐν ταύτῃ δὲ Κανταβρική τις καλουμένη ἐπέλασις 31
 25 γίνεσθαι, ὡς δοκεῖ ἔργον ἐπὶ Κανταβρῶν Ἰθρημῶν γέ-
 νους ταύτῃ ἀνημασθῆσθαι, ὅτι ἐπειδὴν αὐτῆν προσκοίτη-
 σαν σφῶσι Ῥωμαῖοι. ἔχει δὲ ὅδε ἡ προβολὴ ὡς ἡ τῶν α
 ἰσπῆων, καθάπερ εἰ ἔργον, ἐκ ἀριστερᾶ τοῦ βῆματι

de Cantabrigia] et Indriat ad loc. A u 7. Cantabrigia dicitur

1 ὄρος F, τῶν Euerh. 11 ἀκρότητι Moll. ταύτης F
 12 ἐκένουσαι F, tot. Müll. 13 ἀκρότητι F, tot. Euerh. 24 ὄρος F
 25 ἐκένουσαι Euerh. 26 ἐπολεμθῆν F, tot. Euerh. 27 ἐπὶ
 (ἐπὶ Müll. 28 αὐτῆν) ταύτῃ Euerh. 29 ἀντιπῶν Euerh. 30 ὡς περι-
 κεισθῆναι Euerh.

ἔργα ἐργαστα, ὡς πρὸς ἀσπίδιαν οὐκ πολυμικροῦ ἔργου
ἤσκημένον.

Ἐπὶ ταύτῃ μέντοι ἤδη πολυτμητοὶ ἔχοντες οὐ γὰρ
γινώσκουσι ἢ κοῦφον κακίωον ἢ καὶ βελίον, οὐκ ἀπὸ τοῦτον
τοῦτον γε ἀλλ' ἀπὸ μηχανῆς ἀσπίδιων, ἢ λίθων ἐν
γαιῶν ἢ ἐκ σφαιροδύνης ἐπὶ τὴν σκοπίην, ἢ μίσην τοῦ
δουλοῦ. οὐ γὰρ ἤδη μηχανῶν ἐκπονησάμενοι, ἴστανται καὶ ἰσχυρῶς
οὐ κακίωον, εἰ συντρέψωσαν τοῖς ἰσίοις τὸν σκοπόν, ἢ δὲ
τὸν οὐκ ἐπιμερῆς ἐντροβήτου. οὐ μὴν οὐδὲ ἐπὶ ταῖσιν
ἀλλοις αὐτοῖς τὰ γυμνάσια, ἀλλὰ κοινῶν γὰρ οὐ μὲν
πρῶτον ὁρῶντες ὡς εἰς προβάλην φέροντες ἐκτελούνουσιν,
ἔπειτα ὡς πολέμιον φεύγοντες, ἐξελκύνονται· οὐ δὲ ὡς ἐπ'
ἄλλον πολέμιον ἐν τῇ ἐπιστροφῇ τοῦ ἴσπου τοῦς τε θι-
ραῖος ὑπὲρ τὴν κεφαλὴν αἰσθησάντες ἐν τῷ κοῦφῳ
πρῶτον μετακίνηται, καὶ τοῦ κοινῶν ἀναρπάζοντες ὡς
ἐπιλαύοντες ἄλλον πολέμιον ἐξέλκονται. καὶ τὸ ἔργον
τοῦτο ἑλλισσι τοιοῦτον καλεῖται. καὶ ἐπὶ ταῖσιν αὐ-
τοῖς σπῆδας σπασομένην ἔλλισσι ἐν ἑλλει πλῆρη παρα-
φέρουσαι, ὅπως μέλλουσι εἶναι τε, ἢ φεύγοντος πολέμιου
ἐξελκόμεναι ἢ κοινῶν κατακρηταῖε ἢ καὶ πρῶτον τε ἐν
πλευρῶν ἀναρπάζοντες. ἐπὶ ταῖσιν μέντοι πηδῆρας ἐπὶ
ταῖς ἴσπινος ὡς ἔτι κοκκιωτάτας ποιῶνται, ὅσαις ἰσίοις
καὶ ἰσίοις οὐκ ἀναρπάζονται ἴσπος ὑπὲρ ἰσπίδος· καὶ
τελευτάου δὲ τὴν ἰσπίδιον ἀφ' ἧς ἐπιδοκίμασαντες ἐξ-
εἶς οὐκ ἴσπου, ἦν ταῖς ἀδύπορικῶν ἀναρπάζουσαι.

§ 299, 300 sq. cf. Hadriani atheni, A 4 10 (ad equites cohortis
VI Compositarum): addidit et et lapides foveis mittentis
et succubus munitis; salutaris munitis expeditis; fragra. no-
vum, Dossau 2144 (ad atheni I Panopolitana); salutaris et sic
apud et et et et et

1. ἰσίοις F, corr. Harsh. 2. δουλοῦ F, corr. Harsh. δι-
οῦ Harsh. 3. πολέμιον φεύγοντος F, corr. Müll., cf. 29
18, 19. 4. ἰσίοις F, corr. Harsh. 5. ἢ εἰς del. Harsh.
6. κατακρηταῖε Harsh., cf. ad p. 146, 2. 7. οὐκ ἴσπου Harsh.
8. ἢ εἰς del. Harsh.

- 2 ἀρχηγῶν· ἐπὶ ταύταις δὲ οἱ Καίτοι ἱππεῖς, καὶ αὐτοὶ
 □ ἐπὶ δύο, καὶ ταύτων ἡγεσθῶν ἑκατόνταρχος, ὅσων ἐπὶ
 περὶ αὐτῶν τεταχθῶν, τὰ σημεῖα ἀντικα-
 μίνα πρὸ οὐρανῶν ἔχοντες, οἳ τε Ἴταλοὶ καὶ Κερραιβοὶ οἱ
 πρῶτοι, κίπτιον δὲ ἡγεσθῶν Παύλαρον, ὅσων ἕρχει
 □ τοῖς Ἴταλοῖς· Βυσσορανοὶ δὲ ἐπὶ ταύτοις περὶ ἰόντων,
 ἡγεμόνα παρεχόμενοι Ἀμπρόκλιον, καὶ οἱ Νομάδες ἐπὶ
 4 ταύτοις· ἐπιτεταγμένοι Πήρην τῶ σφετέρῳ ἔχοντες· ἡ
 τῆς δὲ ἕσται εἰς ἑλλείψιν τίσουρας, αὐτῶν δὲ ταύτων
 ἄνω τῶν ἑλλείψιν ἡγεσθῶν, τὰς δὲ πλείους τῆς τάξεως προ-
 λακτικῶν ἐκατέρωθεν οἱ ἱππεῖς οἱ οὐκ εἶναι· ἐπὶ δὲ ταύ-
 6 ταις οἱ ἐκείνοισι ἑκατοῖς Ἴτασοι, καὶ ἐπὶ ταύτοις οἱ ἀπὸ
 τῆς φάλαγγος ἱππεῖς, ἕσται οὐ καταπέδεται, ἕσται τὸ
 σημεῖον τῆς περικλυθευμένης φάλαγγος, καὶ ἀπ' αὐτῶν
 δὲ (ὁ) ἡγεμόν τῆς φάλαγγος Θράκης, καὶ ὁ ὄπισθος, καὶ

1 equites cōbortis I Germanicorum militum equitatus: Ritt. Echl. p. 364. cf. Deussen 3482. 2 cōbortem I Italica voluntaria-
 (orum) cōvium Romanorum: Ritt. Echl. p. 365. exallatio com-
 portis III Syro-Asiae, vide ad p. 177, 19 et cf. p. 131, 14: p. 189, 12
 3 cohortem I Bosphoriorum (sive Bosphoriana) militem equitatus:
 Ritt. Echl. p. 365. 4 cohortem I Numidarum equitatus: Ritt.
 Echl. p. 365. 5 et al. locis et al. locis] equites quatuor cohorti-
 um supra dicitur] 6 equites singulare praesidia, cf.
 Mommsen, Ephem. Epigraph. 4 p. 402; Ritt. Echl. p. 370;
 Don. Hangerdōn. p. 30 sq. 7a. 14 equites legionarii] 15 legio
 XV Apollinariae, cf. Ritt. H. R. 12, p. 1764 sqq. 16 3 ἡγεμόν
 τῆς φάλαγγος] legatus legionis Θράκης] M. Vellius M. I. Anicius-

1111111111, and per-ο ἑλίαν p. 192, 12 et in titulis munitio, ο. p.
 Isaac. Ur. ad res Rom. part. I 1229, 1483; (Lyrae) Deussen 2513,
 2721, 2802; cf. Buisson ad Caesarem Dion. 15, 38. 6

1 αὐτοῖς] οὐρανῶν Herod.] cf. ad p. 45, 9. 2 ἐπὶ δύο] Mull.;
 cf. ad p. 149, 19. 3 ἡγεμόν] Herod. Deuss. P: κα ὄπισθον (ἡγεμόν)
 καὶ (ἡγεμόν) cf. ad p. 2; p. 189, 1; p. 189, 12, 14. 4 ὄπισθον] Schell.
 Deuss. P; cf. ad p. 2. 5 τῆς φάλαγγος] Herod. 6 (ὄπισθον
 Herod. 7a. 14 αὐτοῖς] Deuss. Deuss. P; cf. ad p. 189, 1; Deuss. P; cf.
 p. 189, 23; p. 189, 10, 13; p. 189, 1. 5. 9; p. 189, 2; Ino. 2, 1; Cyn.
 1, 2, 17, 5, 2. 16 ἀπὸ] Schell. Deuss. P, cf. p. 172, 6. 17 ὁ δὲ δὲ]

οι χιλιάρχοι οὗς τέτασται καὶ (πάντα) ἐπιανθρακχος οἱ τῆς
 πρώτης σφαιρῆς ἐπιστάται, πρὸ δὲ τοῦ σημείου καὶ τῶν
 πρῶτον αἱ ἀνακτισταὶ τεταρτάων, αὐτοὺς δὲ τοὺς πρῶτους
 ἐπὶ τεσσάρων τεταρτέτους ἔσται. ἐπὶ δὲ τῆ πεντακταίδε- 6
 κῆτη ἡμίλογα τεταρτάων τὸ σημείον τῆς δευτερετης ἡμί-
 λογῆς, καὶ χιλιάρχοι ἑκὰς αὐτῶ καὶ ἐκκομιστάρχοι. ἐπὶ
 τεσσάρων δευτέτους καὶ ἕξτε ἡ ἡμίλογε ἑκὰς τεταρτέτη.
 ἐπὶ δὲ τῶ ὀκλιτικῶν τεταρτάων τὸ συμμαχικῶν, οἱ καὶ ἐπὶ 7
 τῆς μετῶν ἄρματων καὶ Τριπύλων οἱ δὲ οὐκ οὐκ καὶ
 10 Κόλχοι καὶ Ἐξιστοὶ οἱ λογχοφόροι. ἐπιτεταρτάων δὲ αὐ-
 τοῖς οἱ ἑξήκοντα πρῶτοι, πάντες δὲ τοῦ συμμαχικοῦ ἡγε-

— in) Valens: Bött. Bekl. p. 561 coll. C. L. XI 283. ἡ ἑκακταὶ] praefectus (castrorum), legatus: Momms.; cf. Num. Raug-
 odu. p. 118 sq.

ἡ χιλιάρχοι] tribuni sive ἑκακταὶ] cf. Dom. Hb. Mus. 67,
 1902. p. 517 add. B. 1 sq. <πέντε> τεταρτέτους — τεταρτέται]
 centuriones in prima cohorte legionis sive primi ordinis: Momms.
 (apud Herod., ubi et Epheem. Epigraph. 4 p. 259 = Ges. Schr. 3
 p. 377); cf. Num. Raugorda. p. 24. ἡ ἡμίλογα] symmachiarū,
 cf. Hitt. B. H. IX, p. 1707 sqq. ἡ τὸ συμμαχικῶν] symmachiarū,
 cf. Momms. Herod. III, p. 224 (= Ges. Schr. 3 p. 107), Herod. II,
 p. 145 (= Ges. Schr. 3 p. 148) — 10 ἑξήκοντα] dicti a nomine sive
 parte Bisiis Dom. Momms. coll. Arr. Par. 7, 3; Proleg. V 6, 4
 11 ἑξήκοντα] cohors I Lepidiana (equitata sive non Romanorum):
 Geol. p. 20 coll. Notit. Dignit. Or. XXXVIII 56 (probatum
 Bött. Bekl. p. 268, qui agi de cohorte quadam Alpinorum minus
 probabile putat); cohors Aquilina sive non Romanorum: Herod.

Herod., cf. ad p. 23, 4 <δ> add. Müll. Οὐκ οὐκ: Schoff. καὶ
 αὐτῶν V. cf. p. 153, 18. ἑκακταὶ: Dom., fortasse recte, cf. Corp.
 gloss. Lat. III p. 228, 44; p. 517, 40

ἡ ἑκακταὶ] (ἡ ἑκ.) <δ> add. Herod.; cf. Momms.,
 Epheem. Epigraph. 4 p. 258 (= Ges. Schr. 3 p. 361). ἡ ἡμίλογα
 καὶ τῶν ἡμίλογα] ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν ἡμίλογα] ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν
 ἡμίλογα] ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν ἡμίλογα] ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν ἡμίλογα]
 p. 180, 14. ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν ἡμίλογα] ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν ἡμίλογα]
 11 sq. ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν ἡμίλογα] ἡ ἡμίλογα καὶ τῶν ἡμίλογα]
 ἡμίλογα] Herod. II ἡμίλογα] (sive non Romanorum) p. 101, 14; p. 153, 1
 ἡμίλογα] ἡμίλογα], ἡμίλογα] Corp. ἡμίλογα] Geol. p. 20
 ἡμίλογα] ἡμίλογα] (apud Herod.)

- μῆν ἄπειν Σικανούδων, ὅπου τῶν Ἰσχυρῶν ἤρηνται.
 κ ἐπὶ ταῦτοις δὲ τὰ συνουφῶρα ἐπέσθαι, εὐραγαταὶ δὲ ἡ
 εἰλη τῶν Γετῶν καὶ ὁ αὐτῆς εἰλόρχης.
 π τὰς πλευρὰς δὲ τοῦ περικου κιστρούτων μὲν καὶ ἰκα-
 τουτόρχαι [καὶ] ἐπὶ τῆδε καταγμέναι, φυλικῆς δὲ ἔνεκα
 (ἡ) εἰλη ἢ Γαλατικῆ) περιπευνέτω ἐπὶ ἕνα στοίχων ἐκα-
 τέρωθεν τεταγμένη, καὶ οἱ τῶν Ἰσχυρῶν ἰσχυρῶν. ἡ δὲ
 εἰλόρχης αὐτῶν ἐπιφοιτῶται ταῖς πλευραῖς.
 10 ὁ δὲ ἡγεμὼν τῆς πάσης στρατιᾶς Σαυροφῶν τὸ πολλὸν
 μὲν πρὸ τῶν σημείων τῶν περικῶν ἤγειρόσθαι, ἐπιφοιτῶται
 δὲ πρὸς τὴν τάξιν, καὶ ἐπισκοπεῖται ἕκαστῶν τεταγμένω ἰσχυρῶν,
 καὶ τοὺς μὲν ἀποκαυθῶτας εἰς τάξιν ἐκατογέτω, τοὺς δὲ
 ἐν κόσμῳ ἰόντας ἐκατογέτω.
 11 οὕτω μὲν τεταγμένους ἴσκει. ἐλθόντες δὲ εἰς τὸ ἰσο-
 δειταγμένον χωρίον, τὴν μὲν ἰσχυρὴν πᾶσαν περιστήσαι
 ἐν ἀόκῳ εἰς τετραγώνου τάξιν, τοὺς ποτασκάτους δὲ
 πύρραι εἰς τὸ ὑπερόθεν χωρίον ἀποσκυπῆς ἕνεκα τῶν
 πολεμῶν. ἰταῦθα δὲ ἀπὸ σημείου ὁρίξεσθαι σὺν
 12 ἀπικασμένους δὲ εἰς τάξιν καθίστασθαι. ἡ τάξις δὲ ἔτσι

apud Herck coll. Notit. Dignit. Gr. XXXVIII 36 (Apolonia cod.,
 Apolonia cod. Senck), probante Mommsen ad Herck 22 p. 567
 (= Ges. Schr. 6, 148) adn 2. 11 sq. τὰς συνουφῶρα ἔνεκα,
 praefectis synagmaticis, cf. inscriptiones adn 2 Deissl., filio
 16 p. 327

* εἰς I Ulpia Damiana: Ritt. Virg. p. 363. * εἰς II Gal-
 lorum: Ritt. Eckh. p. 362. † equites cohortis I Italicae, cf.
 ad p. 176. 6. * ὁ δὲ ἡγεμὼν τῆς πάσης στρατιᾶς Σαυροφῶν
 Flavius Arrianus, legatus Augusti pro praetore provinciae Cy-
 praeciae 18 καυθῶτας] γ, ad p. 177, 2. 2

1 συνουφῶρα F, corr. Grot., p. 26. Senck F, corr. Schell., cf.
 ad p. 176. 2. * εὐραγίται F, corr. Müll. † ποτασκῶν F,
 corr. margin Big. μὲν καὶ καὶ δὲ. Herck. * [καὶ] deleui
 vel <καὶ> Müll. ἐπὶ τῆδε margin Big. ἕνα μὲν δὲ [sic F]. * ἡ δὲ
 εἰλη. Dign. Fulvencij Ritt. p. 363 ἀπικασμένω F. 18 ἐκατογέτω F,
 corr. margin Big. 18 καυθῶτας Herck. 11 ἰσχυρῶν vel
 καυθῶτας Herck. τὴν ἀπὸσκυπῆς suscipit alibi consuetudo
 videtur

ἦδε, τὸ μὲν κέρως ἑκύτερον κῆν τριῶν τὰ ὑπερθέξω
 ἔχενω τῶν χωρίων, ὅτι ἐν τοιαύτῃ ἡ ἑκταξίς ἴσται. ἑκτεσι-
 χθων δὲ τὴν κέρως τὸ μὲν δεξιῶν οἱ ἀμφὶ Οὐασάκη καὶ Ἰσ-
 βηλου Ἀρμένιος, τὸ ὑπερθεξιώτατον τοῦ κέρως ἔχοντες, δε-
 1 τὰξάται ἴσται οἱ σύμπαντες. προτετάχθων δὲ αὐτῶν οἱ 12
 τῆς αἰείρας τῆς Ἰταλικῆς περὶ πύργων δὲ ἠγρίσθων
 Πούληρον, ὅστις καὶ τῆς αἰείρας τῆς Ἰταλικῆς ἄρχη
 καὶ τοῦτω ἐπιτετάχθω αὐτῶν τε [καὶ] ὁ Οὐασάκης καὶ
 Ἄρθηλος καὶ τῶ ἑκείνων ἱππικῶν τε καὶ πεζῶν.
 19 ἐπὶ δὲ τοῦ ἀριστεροῦ τετάχθων καὶ αὐτοὶ τὸ ὑπερθε- 14
 ξιώτατον τοῦ κέρως ἔχοντες οἱ τε ἀπὸ τῆς μικρῆς Ἰσμε-
 νίας σύμπαντες καὶ οἱ Τραπεζουνοῦνας γηγνηστές καὶ οἱ
 Ἰβηνοὶ λογχοφῶραι. προτετάχθων δὲ καὶ τοῦτω οἱ
 † Ἰβηνοὶ οἱ διακόσιαι καὶ Κυρηναῖοι οἱ ἑκατὸν, ὅς
 16 προβολῆς μὲν εἰσὺν πρὸ τῶν ἑκτεσιχθῶν τοὺς ἑλλείρας
 τοὺς δὲ ὑπερκαυτοῦνας ἐκ τοῦ ὑπερθέξω. τὸ δὲ ἐν 15
 μέσῳ σῆματι τὸ μὲν δεξιῶν ἔχενω ἡ περὶ τὴν φάλαγγξ ἡ
 περικαυτοῦνας ἑκτὴ τὸ μέσον τοῦ κέρως χωρίον, ὅτι
 πάλιν πλείους κέρως εἶναι ἴσται τὸ δὲ Ἰταλικῶν τοῦ
 20 ἀριστεροῦ ἐκτεσιχθῶν οἱ τῆς ἀσθεκῆς φάλαγγος
 περὶ ὅσων ἐπὶ τὸ κέρως τοῦ κέρως τοῦ ἀριστεροῦ. τετα-
 χθων δὲ ἐπὶ αὐτῶν, καὶ πικρὴ αὐτοῖς ὄστω ἡ ἔθνη (ταῖς),
 καὶ οἱ μὲν πρῶτοι κέρως τάξαις ἴσται κόντοφῶραι, 10
 οἷς δὲ (τοῖς) κόντοφῶραι μακρὰ καὶ ἐπὶ λατῶν τὰ σιδήρια

4 cf. ad p. 176, h 11 sq. cf. ad p. 179, A sq. 10 † Ἰβηνοὶ] cf. ad p. 179, 11 Κρηναῖοι οἱ ἑκατὸν] cf. ad p. 178, 0
 17. 19 < ad p. 178, 15 20 cf. ad p. 179, a 21 κόντοφῶραι] p. 18

1 Ἰσμενίας V, corr. Schell. 2 περικαυτοῦνας sig. V, corr. Schell.
 3 [καὶ] del. Mamma 11 αὐ τὴ MALL. corr. F 12. 13 οἱ
 ἀμφὶ οὐασάκη V, corr. Wark 14 καὶ del. Herckh; cf. vs. 9
 14 οἱ πρὸς Κρηναῖοις κόντοφῶραι F^c 16 κόντοφῶραι
 ἔχοντες ἐκ τοῦ his κόντοφῶραι in F 17 Ἰβηνοὶ F, corr. MALL.
 21 Ἰβηνοὶ F, corr. margin Big. 22 20 τετάχθων F, corr. Herckh.
 23 ἔθνη (ταῖς) D. Brn. ἔθνη F ἔθνη (αἰείρας). MALL. 24 οἱ
 κόντοφῶραι Herckh. δίκων κόντοφῶραι B vel 2 litterarum infer. 25

προηκται, καὶ τοῦτους οἱ μὲν πρωτοτάται εἰς προβολὴν
 ἔχουσιν, ὡς εἰ περιέβαιεν αὐτοῖς οἱ κοίλευται, κατὰ τὸ
 στήθη μάλιστα τῶν ἰσχυρὸν τάξασθαι εὖν κατὰ τὸν
 17 σιδήρῳ· οἱ δευτεροτάται δὲ καὶ οἱ τῆς τρίτης καὶ τε-
 τάρτης τάξεως εἰς ἀκροασιμὸν προβαλλόμενοι τῶν κοι-
 τούς ἑαυτὸν τόχμικα, καὶ ἰσχυροὺς τρώσσοντας καὶ ἰσχύου
 πατα(κα)νοήτες καὶ θυραῖο (ψ) καταφράκτα θύρακι
 ἐκαστοῦ τοῦ κιντοῦ καὶ διὰ μαλακίαια τοῦ σιδή-
 ρου· ἐκαστοῦ τῶν ἀχρῶν τῶν ἀνεβάτην κοιήσονται.
 18 αἱ δὲ ἐφεξῆς τάξεις τῶν λαγχοφόρων ἐπιπῶσαι ἐνδὴ δὲ 20
 ἐπὶ ταῦταις ἕστω τάξις οἱ καθὼς τοῦτοι, οἱ τῶν Νομά-
 θων καὶ Κυρηναίων καὶ Βοσποριανῶν τε καὶ Ἰουδαίων.
 19 μνηστικὰ δὲ ἐπισημαίνουσαι τῇ κέραι ἐκαστοῦ, ὡς παρ-
 ρωστικῶν προσιόντων τῶν πολυμύων ἑξακοσίαι, καὶ
 κατὰ τὴν τῆς πέσης φάλαγγος. 21
 20 τὸ δὲ ἰσχυρὸν ξύματιν κατὰ εἶδος καὶ λόγους ἀπὸ
 ἐπισημαίνουσαι ἐφαστάσαι τοῖς πελοῖς, τὸ μὲν τοῖς κέραι-
 σιν ἰσχυροῖς, προβολῆς ἔχου τῶν βαλίτων ἀπὸ σφῶν
 καὶ τοῖς τοῦτοις, λόγος δὲ, τὸ δὲ τῇ πέσῃ φάλαγγος.
 21 λόγος δὲ * * * μνηστικῶν τῶντων δὲ ἕστω μὲν ἰσχυροῦται 22

17-20 of Casanov. *Bull. Gall.* 186, 2-4; Arrian, *Del.* 1, 1; Eusebius, *Optim. philol.* 2, p. 308. 19 λόγους = ἰσχυροῦς 21, 22 Νημέ-
 ρου cf. ad p. 178, 8. 22 Ἰουδαίων] cf. ad p. 178, 6.
 Βοσποριανῶν cf. ad p. 178, 7. Ἰουδαίων] cf. ad p. 177, 10.

voceis vagois relicto) F δὲ ἀποσῆς Schell. καὶ ἰσχυροῦς ἰσχυροῦ
 ἀποσῆς F ἀποσῆς Schell. cf. *Arg. Tacit.* 29, 10 L. C.

* οἱ δευτεροτάται δὲ Müll. αἱ δὲ, post quae vultis reliquis
 parte lineas (arguuntur arcibus 20 litterarum) vacua; sequens
 lineas incipit δευτεροτάται δὲ F * ἀποσῆς F, corr. Müll.
 † ἀποσῆς F, corr. Müll. καὶ θυραῖο F καὶ θυραῖο (ψ)
 ἰσχυροῦς F θυραῖο (καὶ) Dörn. Herck. καὶ θυραῖο (καὶ) Müll.
 ἀποσῆς καὶ del. Herck. * ἀνεβάτην F, corr. Schell.
 ἀποσῆς F, corr. Dörn. 20 τῶν δὲ, Herck. 21 καὶ
 (ἐνδὴ) Herck. καὶ del. Eberh. 22 ἐ μνηστικῶν (post τὴν οὐ-
 τῶντων duntaxat litterarum) F δὲ Schell., λέγουσαι signa posuit
 Herck.

πλησίον τῆς φάλαγγος ἐφεισηκέτωσιν, ὡς ὑπερωξίστησαν
 ἰατρὸ αὐτῆς· ὅσοι δὲ λογχοφόροι ἢ κοινοφόροι ἢ μηχανο-
 φοδοῦναι ἢ πελεκυφόροι εἰς τὸ πλεῖστον τε ἐκτελέσθησαν
 ὁρώμενοι [ἦ] καὶ τὸ ξύμπασμα κροσημεύοντων. οἱ δὲ ἐπί- 20
 λενται ἰσχυροὶ ἀμφ' αὐτῶν Σπουδαῖοι βοσκασίαι, καὶ τῶν
 ἀπὸ τῆς φάλαγγος [τῶν] μεθῶν ὄσον εἰς διακοσίδου, αἱ
 σωματοφυλάκες, καὶ ἑκκοινοτόχοι ὅσοι τοῖς ἐκτελέτοις
 ἐπιτεταγμένοι ἢ τῶν σωματοφυλάκων ἠγεμόνες, καὶ ἠπο-
 ὄχοι οἱ τῶν ἐκτελέτων, ἔτασαν δὲ ἀμφ' αὐτῶν * - - 23
 ας ἐκαστὸν κοῦρον λογχοφόρον, ὡς πόσσην ἐπι-
 κριτοῦν τὴν φάλαγγα ὅπου τε ἰσχυροὶ καταρκοιτόχοι,
 ἐκαστὸν ἴσως καὶ θεραπείας ἠγεῖσθω δὲ τοῦ μὲν δεξιοῦ 24
 τέρους πάντος εἶναι τῷ ἰσχυρῷ Οὐσίλῃ, ὅσασι καὶ τῆς
 πρυτανικῆς φάλαγγος ἠγεμῶν ἔστω· τοῦ δὲ ἀριστε-
 ροῦ οἱ χιλιάρχαι τῆς δευτέρας.

οὕτω δὲ ἐρχθέντων σιγῇ ὄντων εἶσι δὲ καλέσασθαι ἐν 25
 τῷ βέλῳ οἱ κολλῆμοι· πελαζόντων δὲ ἦδη ὡς μέγιστον
 καὶ φουβερῶτατον ἀπολαζῶν ἐνμακρῶτα ἐπὶ Ἐπιτολίῳ, καὶ

4—20 cf. Joseph. Bell. Jud. III 211 (Vormarsch; ἀξιωμα-
 τοὺς τε ἐκτελέτοις τῶν πλῆθων καὶ ἀσπίων καὶ τοὺς λογχοφόρους
 ἔτασε; V 47 (Titus) τοὺς τε ἄλλοις ἐκτελέτοις καὶ τοὺς λογχο-
 φόρους ἔτασε; Ritzl., Bonn. Jahrb. 126, 1917, p. 25 sq. 4. 5 ἐπι-
 κριτοῦν ἰσχυροὶ) cf. ad p. 178, 18 4. 7 αἱ σωματοφυλάκαι) bene-
 finarii obsequique principes qui in officio pueris adstant; Ritzl.
 l. l.; cf. Dom. Baragorda, p. 29 sqq. 18 κοῦρον λογχοφόρον]
 cf. Joseph. Bell. Jud. III 20 ἠγεμῶνα δ' οἱ αὐτοὶ καὶ τὸν στρατηγὸν
 ἠδὲ πάντας ἀπὸ τῆς φάλαγγος καὶ δεξιῶν (ἀριστερῶν), ἢ δὲ
 ἰσχυροὺς ἰσχυροὺς αὐτοῦ καὶ θεράποντας (ἀξιωματοῦς)
 principes singulares pueris adstant, cf. Dom. Baragorda, p. 29 sq.

* αὐτῶν Herch. * κολοκροῦροι Herch. * [ἦ] ad. Dom.
 * αὐτῶν Schell. αὐτῶν F. * [αὐτῶν] ad. Herch. * ποῦ
 αὐτῶν lacuna * γὰρ 10 ἰσχυροῦν in F. 19 ας F. ὅς γὰρ καὶ
 Schell. (καὶ) ὅς Müll. ας (καὶ ἀριστερῶν) ὅς α. numerus? *
 11 = Müll. εἶναι F. 18 ἰσχυροὺς καὶ τῶν Vll 25; 2 αὐτῶν
 F. Dom. Müll. 18 αὐτῶν F. corr. Schell., cf. p. 178, 18 αὐτῶν F.
 καὶ Schell., cf. p. 178, 3 18. 17 κολοκροῦροι F. αὐτῶν
 Herch. 18 ἀπολαζῶν F. corr. Schell.

βέλη τε ἀπὸ μηχανῶν καὶ ἄλλοις ἀφίσταται καὶ βέλη
ἀπὸ τόξου, καὶ λόγχης αἱ λαγχοφόροι ἀποτιθέμεται αἶ-
τα εἰλητὴ καὶ αἱ ῥητοίαι, φηρέσθωσαν δὲ καὶ ἄλλοι εἰς
τοὺς παλαίους ἀπὸ τοῦ ἑυμαχητοῦ ἐκ τῶν ὑπερδεξίων,
καὶ τὰ πᾶν ἀκροβολιστῶς ἴστω κενταχόμεν ὡς ἐνι πικ- 5
26 ραμίαν [Ἰππικῶν], καὶ ἄλλοις πᾶν τοῦ ἀδιεργήτου κλη-
θῶντος τῶν βαλῶν μὴδὲ κλεῖου κείσθω ἐν ἑξικῇ φύλαγγι
ἐκλαύουτος τοῦς ἀκίδας· εἰ δὲ ἐν πείλοισιν, ἑυχαί-
φαντας τοῖς ἀκίαι καὶ κοῖν ἴστωις ἀνεκείσθωτας δὲ 10
χρόσθαι τὴν προβαλὴν ὡς κενταχόμενα καὶ τῇ συγκλι-
σει πυκνοπακῇ τῶς πρόνταις τρεῖς κῆξαι ἑνωρεῖσθωσας
σείουσι ὡς βυμβότατον ὅλον τε τὴν τετάρτην δὲ ὑπερ-
κακείσθωι τῶς λόγχης καὶ τὴν πρόντην κείσθω ἢ ἀκοντί- 15
27 ῖαν τοῖς κονταῖς ἀφιδῶς ἐν τῇ ἰσπικῶν καὶ πόνοτι, ἀκω-
σθῶνται δὲ αἱ κέν φουγὴ λαμφοῦ φένηται, διαχωρεῖν δὲ
τῶς κηξικῶς κῆξαι καὶ ἀταλάσθωι τοῖς ἰσπικῶς, μὴ πάν-
τας τοῖς λόγχης ἀλλὰ τοῖς ἡμίαις· τετάχθαι δὲ προ- 20
28 τῶς οἰκίαις καὶ πρόνταις ἐκλαύουσι. τοῖς δὲ κίλαις
ἡμίαις ἔπεισαι μὲν τοῖς ἐπελαύνουσι, ἐν τῆξαι δὲ καὶ 30
μὴ παρεκλίει τῇ διώξῃ χωρμένους, ὡς αἱ μὲν φουγὴ κη-
τερὰ κηξικῶς, ἐκδύσθωι τὴν πρόντην διώξῃ ἀκίαις

1 <τῶς> λόγχης Herch. 2 θελασθαι corruptum Duxtaeque
Müll. πικρανοῖς Herch. ἀφιδῶς Müll. qui imperativali forma
in -esthōne assuetas ubique mutat, cf. Ac. 29, Tacit. 30, 1
3 ἢ κηξικῶς Herch. 4 ἴστωις Herch. κηξικῶς Herch. Silliff.
[κατάλοιπος] ἰσπικῶς Herch. 5 μὴδὲ Dahn. μὴ δὲ F. μὴ καὶ
Müll. κηξικῶς Dahn. κηξικῶς (am. Marg. Sig.) Herch. F.
6 δὲ Dahn. δὲ F. 7 ἐκλαύουσας F., corr. Marg. Sig.
8, 12 συγκλίσει F., corr. Dahn. 10 ἀκίαις F., corr. Schae.
ὅλον τε Müll. ὅλον F. 11 (καὶ τῶς ἰσπικῶς) Momms. 12 κῆξαι
λόγχης] τῶς ἀκίαις Herch. coll. p. 181, 23, p. 182, 4, 6 πρόντη
Momms. σείουσι F. 13 ὅλον τε (μοῦς) Herch. 14 γένωσι Herch. coll.
Schoer-Quetz F. p. 474 nota. 1 47 συγκίαι δὲ F. ἡξαι Herch.
16, 20 ἡμίαις F., corr. Müll. 17 οἰκίαις Müll. αἰκίαις F.
21, 22 φουγὴ κηξικῶς F. nominativum eorum restituit Müll.
23 κηξικῶς Herch. ἀκίαις F., corr. Müll.

ПЕРЕВОД

Арриана «Тактическое искусство»

1. (1) <Пирр Эпирот составил «Тактику», и Александр,>¹ сын Пирра, и Клеарх, не тот, что возглавлял десять тысяч эллинов против [персидского] царя², но другой Клеарх³. Есть и сочинения Павсания⁴ об этом, а также ты найдёшь и другие того же жанра [сочинения] Евангела⁵ и Полибия Аркадца⁶, который содействовал Сципиону-римлянину, воевавшему во многих крупных войнах, в том числе в той, в которой он взял и поработил Карфаген, что в Ливии⁷. Написано об этом также у Евполема⁸, и Ификрата – не афинского стратега⁹, а другого¹⁰. И Посидоний Родосец оставил написанную им [книгу] «Тактическое искусство»¹¹. (2) Все эти сочинения в совокупности не слишком полезны по той причине, что написаны для людей сведущих [в военном деле]. Поэтому названия каждого рода оружия и [всякого] построения они привели так, словно [те] общеизвестны, тогда как, если ты сам все это не выяснишь, они совершенно непонятны. (3) Поэтому-то, я полагаю, [нужно] прежде всего исправить эту их неясность¹².

2. (1) Чтобы читатели наилучшим образом усвоили [исследуемые] предметы и их названия¹³, начну с того, что касается приготовления к войне¹⁴, либо к сухопутной, либо – к морской: ведь воюющие воюют либо на суше, либо на море¹⁵. Из воюющих таким способом одна часть – те, что сражаются, то есть сами воины, другая – те, кто собрались ради сражающихся: все эти феты¹⁶, врачи, купцы, маркитанты¹⁷. (2) Из сражающихся на суше <одни представляют собой пехоту>, другие – верховых той или иной [разновидности]. Из этого второго рода [войск]¹⁸ одна часть – конница, которая пользуется конями, другая – элфантирия на слонах, как армии индов¹⁹ и эфиопские²⁰, позднее – македонцы²¹, карфагеняне²², а иногда и римляне²³. (3) Из сражающихся с коней одна [часть] могла бы именоваться собственно конницей, другая – [сражающейся] с колесниц. А из конницы одни – это [собственно] конники, дру-

гие – «обоеконные» (*амфинны*)²⁴: конники – те, кто ездят на одном коне, «обоеконные» – на двух неоседланных, сопряжённых [конях], чтобы можно было пересаживаться с одного на другого²⁵. (4) Слоновый бой [бывает] прост²⁶, за исключением случаев, когда слоны несут башни²⁷, а их клыки снабжаются железными наконечниками для того, чтобы становились острее и не так легко ломались²⁸. (5) Колесничный бой более разнообразен, чем предыдущий: колесницы бывают либо без оснастки, как троянские²⁹, либо серпоносные, как позднее персидские³⁰, и с конями, либо покрытыми броней, либо без брони, и либо с простым, либо с двойным дышлом, а то и с многими дышлами³¹.

3. (1) Как пешие, так и конные построения и вооружения разнообразны и разнотипны. Так, вооружение³² пехоты, если членить на самые крупные [разновидности], делится на-трое: на гоплитское, *псилов* и пельтастов. (2) Гоплиты³³, самая тяжело вооружённая [разновидность], имеют панцири³⁴, щиты – круглые (*асписы*)³⁵, либо продолговатые (*тиреи*)³⁶, короткие мечи (*махайры*)³⁷ и копья (*дораты*)³⁸ – как эллины, либо сарисы³⁹ – как македоняне. (3) *Псилы*⁴⁰ имеют всё [вооружение] прямо противоположное гоплитскому, поскольку они без панциря, щита, поножей и шлема, и пользуются дальнобойным оружием: стрелами из лука, дротиками, пращами, камнями [бросаемыми] вручную. (4) Пельтасты⁴¹ оказываются вооружены легче, чем гоплиты – ведь пельта меньше и легче круглого щита⁴², а дротики (*аконтии*) короче копий и сарис⁴³, – но тяжелее, чем псилы. (5) Правильно и тяжело вооружённым гоплитам придаётся шлем⁴⁴, либо войлочные шапки – лаконские, или аркадские⁴⁵, [две] кнемиды – как у древних эллинов⁴⁶, или, – как у римлян, одна кнемида для той ноги, что выставляется в битвах вперед⁴⁷, и панцири – чешуйчатые или сплетенные из тонких железных колец.

4. (1) Вооружение конницы⁴⁸ бывает либо панцирное (*катафрактное*)⁴⁹, либо – беспанцирное (*афрактное*). Катафрактное [вооружение] – то, что обеспечивает панцирной защитой как коней⁵⁰, так и конников, причем самих [конников] – чешуйчатыми, льняными или роговыми панцирями, а также набедренниками, а коней – наребренниками и налобниками⁵¹; афрактное [вооружение] прямо противоположно. (2) Среди них⁵² есть с одной стороны копьеносцы (*доратофоры*) – либо пиконосцы (*контофоры*)⁵³, либо *лонхофоры*⁵⁴, с другой – дальнобойщики (*акроболисты*), [коих] только один вид. (3) Копьеносцы – это те, кто, сближаясь с боевыми порядками неприятелей, сражаются или копьями (*дораты*), или же – пиками (*контосы*)⁵⁵, бросаясь в атаку⁵⁶, как аланы и савроматы⁵⁷; акроболисты действуют метательными средствами издали, как армении и парфяне⁵⁸ из тех, что не контофоры⁵⁹. (4) Из [конников] первого вида⁶⁰ одни носят [продолговатые] щиты

(*тиреи*)⁶¹ и называются щитоносцами (*тиреофоры*), другие [обходятся] без них и сражаются этим же способом, но одними копьями (*дораты*) и контосами, они-то и называются собственно копыеносцами (*доратофоры*) или контофорами⁶², среди них еще есть и *ксистофоры*⁶³. (5) Акроболитами могли бы называться те, кто не сходятся врукопашную, но ведут стрельбу и метание на расстоянии. Из них одни в обстреле пользуются небольшими копьями (*доратионы*), другие – луками. [Акроболиты], ведущие обстрел небольшими копьями, называются *тарантинцами*⁶⁴, другие – конными лучниками (*гиппотоксомы*)⁶⁵. (6) Среди самих тарантинцев одни ведут такой обстрел, непременно держась [от противника] на расстоянии, или образуя при скачке круг, – они-то и есть настоящие тарантинцы; другие вначале производят метание, а затем вступают в бой с противниками, либо имея при себе одно оставшееся копьё, либо используя длинный меч (*спатав*), и называются они – «легкие» (*элафры*)⁶⁶. (7) У римлян одни конники носят контосы и атакуют по способу аланскому и савроматов⁶⁷, другие имеют копьё-ланцей (*лонхи*). (8) Большой и широкий меч (*спата*) свисает у них с плеч⁶⁸, они носят широкие и продолговатые щиты (*тиреи*), железный шлем, кованый панцирь и маленькие поножи. (9) Копья (*лонхи*) носят для обеих целей: как для того, чтобы метать их издали, когда это нужно, так и для того, чтобы сражаться вблизи, [держа их] в руке⁶⁹, а если потребуется сойтись [с противником] вплотную врукопашную, то сражаются мечами (*спаты*). Некоторые носят и маленькие секиры, имеющие закругленные со всех сторон лезвия⁷⁰.

5. (1) У каждого конного или пешего построения есть свой состав, предводители, численность⁷¹ и названия, чтобы [можно было] быстро принимать приказания: об этом теперь следует говорить. (2) Первое и самое важное в искусстве полководца дело – взяв [только что] набранную и неорганизованную массу людей, разместить в надлежащий строй и порядок: [то есть] распределить по лохам и сгруппировать лохи, установить для всего воинства пропорциональную и пригодную для битвы численность⁷². (3) Ведь хорошо устроенное войско и на марше более мобильно, и в лагере [находится] в большей безопасности, и в битве [действует] более эффективно: ведь мы знаем, что большие армии, пусть хорошо вооруженные, из-за отсутствия порядка терпят поражение от меньшего, даже не лучшим образом вооруженного войска, а более слабое и плохо вооруженное [войско] побеждает множество благодаря хорошему порядку⁷³. (4) «Распределить по лохам» (*каталохисай*) означает составлять [людей] в *лохи*⁷⁴. Лохом называется [определенное] число людей, от предводительствующего и построенных за ним в глубину вплоть до последнего, который зовется «замыкающим» (*ураг*)⁷⁵. (5) Численность лоха некоторые установили в восемь человек,

некоторые в десять, некоторые [добавляют ещё] двух к десяти, а некоторые – в шестнадцать⁷⁶. Мы примем наибольшую глубину в шестнадцать [человек]. Это [число] будет соразмерным по отношению как к длине⁷⁷ построения, так и к глубине фаланги⁷⁸, а также [подходящим] для того, чтобы вести стрельбу из луков или метание поперек [фаланги] со стороны пристроенных к ней сзади псиров. (6) И если понадобится удвоить глубину до тридцати двух мужей, такое построение остается соразмерным; и даже если фронт (*метопон*) растягивается, [уменьшая глубину] до восьми [мужей], фаланга не лишится полностью глубины [построения]. А вот если ты захочешь растянуть [фалангу] с восьми до четырех, то лишится глубины. Итак, лохагом, поскольку с него, как с первого, начинает строиться лох, нужно выбирать сильнейшего: он же зовется «впередистоящим» (*протостат*) и предводителем (*гегемон*)⁷⁹.

6. (1) Некоторые также называют лох рядом (*стихос*), а некоторые *деканием*, в тех случаях, когда у них лох состоит из десяти [человек]⁸⁰. (2) Относительно *эномотии*⁸¹ мнение двойное: одни [считают], что это другое название для лоха, другие зовут *эномотией* четвертую часть лоха, а *эномотархом* ее предводителя, две *эномотии* [зовут] *димойрием*, а ее предводителя *димойритом*. (3) Ксенофонт не разъясняет, какую часть лоха составляет *эномотия*; но что она, во всяком случае, меньше половины, явствует из того, что он говорит: «лохаги, каждый [из которых] строит свой лох по *эномотиям*»⁸². (4) Стоящий за лохагом зовется «позадистоящий» (*эпистат*), тот, кто следом за ним – «впередистоящий» (*протостат*), тот, что за ним – [опять] *эпистат*, так что весь ряд лоха составлен из *протостатов* и *эпистатов*, стоящих поочередно. (5) Нужно, чтобы не только лохаг был сильнейшим из лоха, но и ураг выбирался не намного слабее⁸³: ведь многие и не менее важные боевые задачи вверены и ему. (6) Итак, пусть лохом будет ряд из *эпистатов* и *протостатов*, выстроенный между лохагом и урагом⁸⁴.

7. (1) «Объединение лохов» (*силлохисм*) есть расположение [каждого] лоха параллельно другому лоху. Это происходит, когда к лохагу первого ряда сбоку приставляется лохаг второго [ряда]; к его *эпистату* – *эпистат* второго лохага, и так далее. (2) «Стоящим подле» (*нарастат*) называется всякий стоящий рядом в одной шеренге [воин]: первый лохаг относительно второго лохага, первый *эпистат* относительно второго *эпистата*, и так далее вплоть до урагов лохов. Когда много лохов выстраиваются таким порядком, это [расположение] называется *силлохисмом*.

8. (1) Все совокупное построение воинства⁸⁵ называется *фалангой*⁸⁶; её длиной изначально мог бы считаться строй из лохагов, который некоторые называют *фронтом* (*метопон*)⁸⁷, а есть такие, что [называют] *лицом* (*просопон*) и *шеренгой* (*дзюгон*)⁸⁸, а также есть те, кто [назы-

вает] то же самое [построение] челюстями (*стома*), а другие «передовой линией лохов» (*протолохия*). (2) Всё, что позади длины, вплоть до урагов, называется глубиной⁸⁹. А расположение по прямой [линии] в длину протостатов или эпистатов зовется «сведением в шеренгу» (*сюд-зюгейн*), тогда как «построение в ряд» (*стойхейн*) означает [расположение] в глубину по прямой линии между урагами и лохагами. (3) Фаланга членится на две большие части делением всего фронта надвое по всей глубине⁹⁰. Та её половина, что [располагается] справа, зовется правым «флангом» (*керас*)⁹¹ и «головой» (*кефалэ*); та, что слева – левым флангом и «хвостом» (*ураc*)⁹². (4) [Место], где происходит раздвоение по ширине, называется «пупом» (*омфал*), челюстями (*стома*)⁹³ и смычкой (*арарос*).

9. (1) За гоплитами обыкновенно строятся псилы, так, чтобы для них самих была защита из гоплитского вооружения, а для гоплитов, в свою очередь, – польза от производимого сзади метания. (2) Впрочем, когда это нужно, псилы располагаются и в другом месте: на обоих флангах, или, – если есть [естественная] преграда на каком-нибудь одном фланге: река, ров или море, – только на одном [противоположном фланге], и на господствующей высоте с тем, чтобы отразить нападение в этом месте неприятелей, или предотвратить окружение. Также и боевые порядки конных размещаются то тут, то там, чтобы их расположение диктовалось полезностью. (3) Определять, какой по численности состав необходим для войска в целом – не [дело] полководца⁹⁴: однако, каким бы он ни был, его следует обучить строю, упражнениям и [искусству] быстрого перехода от одного построения к другому. (4) [Относительно] числа: я бы все же посоветовал полководцу из всего [возможного] состава выводить в бой такое количество, какое будет удобным для изменений⁹⁵ боевых порядков и их перегруппировок, таких как удвоение и умножение, либо такого же порядка уменьшение [рядов], или [для] контрмаршей (*экселигмы*)⁹⁶, либо же для каких-либо других изменений боевых порядков. (5) Поэтому те, кто сведущ в таких вещах, предпочли из всех чисел, главным образом, такие числа, которые делятся надвое до одного⁹⁷: например, строй из шестнадцати тысяч трехсот восьмидесяти четырех, если это касается гоплитов⁹⁸; половина от этого количества – для псиров, и половину от предыдущего – для конных⁹⁹. Это число действительно делится надвое до одного, так что его легко расположить так, чтобы при свертывании [построения] быстро удвоить, а при развертывании, напротив – растянуть, когда это потребует¹⁰⁰. (6) Например, когда мы устанавливаем для лоха глубину в шестнадцать мужей, лохов при этом числе будет тысяча двадцать четыре¹⁰¹, и они подразделяются на отряды, каждому из которых придано собственное название.

10 (1). Два лоха зовутся *дилохийей*, из тридцати двух человек, и дилохит её командир; <четыре лоха – *тетрархия*, и его командир> – тетрарх, начальник шестидесяти четырех мужей. (2) Две тетрархии – *таксис*, лохов же восемь, а мужей сто двадцать восемь, и их командир – таксиарх. (3) Когда подразделение состоит из сотни, ее командир называется соответственно – сотник (*гекатонтарх*). <Два таксиса зовутся *синтагмой*,> лохов же шестнадцать, мужей двести пятьдесят шесть, и ее командир соответственно – синтагматарх. Некоторые называют ее *ксенагией* и ксенагом ее командира¹⁰². (4) При каждом подразделении¹⁰³ из двухсот пятидесяти шести [человек] есть отобранные знаменосец, ураг, трубач, ординарец (*гиперет*), войсковой глашатай; вся синтагма, построенная квадратом, имеет шестнадцать [человек] как в длину, так и в глубину. (5) Две синтагмы составляют [число в] пятьсот двенадцать мужей и тридцать два лоха, а их командир – *пентакосиарх*. При его удвоении образуется *хилиархия*, <мужей> тысяча двадцать четыре, лохов же шестьдесят четыре, и над ней хилиарх. Две хилиархии – *мерархия*, из двух тысяч сорока восьми человек, и ее начальник мерарх, лохов сто двадцать восемь; некоторые называют ее *телосом*. (6) Две мерархии – *фалангархия*, из четырех тысяч девяноста шести человек, лохов двести пятьдесят шесть, и ее командир соответственно – фалангарх. (7) Некоторые называют ее *стратегией*, и командира стратегом. Две фалангархии – *дифалангия*, из восьми тысяч ста девяноста двух мужей, лохов пятьсот двенадцать. Это подразделение – то же, что и «часть» (*мерос*) и «фланг» (*керас*). (8) Две дифалангии зовутся *тетрафалангией*, которая состоит из тысячи двадцати четырех лохов, [и] шестнадцати тысяч трехсот восьмидесяти четырех мужей, (9) то самое полное число, что мы установили для пехотного строя, и в нем было бы флангов два, фалангархий четыре, мерархий восемь, хилиархий шестнадцать, пентакосиархий тридцать две, синтагматархий шестьдесят четыре, таксиархий сто двадцать восемь, тетрархий двести пятьдесят шесть, дилохий пятьсот двенадцать, лохов тысяча двадцать четыре – последовательно.

11. (1) Фаланга строится в длину¹⁰⁴, там, где нужно строить ее более разреженной, если это целесообразно по условиям местности, <в глубину> – там где [нужно строить] ее более плотной, если необходимо сплоченностью и напором отбросить¹⁰⁵ неприятелей – (2) как Эпаминонд выстроил своих фиванцев под Левктрами¹⁰⁶, а при Мантинее – всех беотян¹⁰⁷, образовав подобие клина¹⁰⁸ и повел их на строй лакедемонян, – или же, если предстоит отбить атакующих, как и нужно строить против савроматов и скифов¹⁰⁹. (3) «Уплотнение» (*пикносис*)¹¹⁰ есть стягивание из более редкого в более плотное [построение] по парастатам и эпистатам, как в длину, так и в глубину¹¹¹; (4) «смыкание щитов» (*си-*

насписм)¹¹² – когда ты уплотняешь фалангу до такой степени, что теснота не позволяет повернуть строй ни в какую из сторон. И по образцу этого спинасписма римляне делают «черепаху»¹¹³, большей частью квадратную, иногда же – округлую или разностороннюю, смотря по обстоятельствам. (5) Поставленные по внешнему кольцу¹¹⁴ каре¹¹⁵ или круга, выставляют щиты перед собой, стоящие сзади них – поднимают над головами, перекрывая один [щит] другим. (6) И весь [строй] так надежно прикрыт, что падающие сверху метательные снаряды скатываются как по крыше¹¹⁶, и даже тележные камни не разрушают перекрытие, но, прокатившись, падают под [собственной] тяжестью на землю.

12. (1) Хорошо, помимо всего прочего, чтобы лохаги были самыми рослыми, сильными и наиболее опытными в военном деле; (2) ведь их шеренга удерживает [в строю] всю фалангу и в битвах имеет то же значение, что лезвие у меча: последнее действует так же¹¹⁷, как все железное орудие. Ведь удар у него производится именно [закаленным] лезвием, вся же остальная часть, даже если будет незакаленной и мягкой, все-таки своей тяжестью усиливает удар; также и строй из лохагов кто-то может считать лезвием фаланги, а стоящее за ними войско – массой и тяжестью¹¹⁸. (3) Нужно, чтобы вторыми по доблести после самих лохагов были их эпистаты: ведь копье у них достает до неприятелей и они подкрепляют натиск¹¹⁹ тех, кто выдвинут вперед как раз перед ними¹²⁰. (4) А кое-кто может и махайрой достать противника, нанося удар поверх стоящего впереди [лохага]. Если же передовой [воин] падет или, будучи ранен, станет небоеспособен, тогда первый эпистат, прыгнув вперед, занимает место и положение лохага, тем самым сохраняя целостность [боевого порядка] всей фаланги. (5) Третью и четвертую шеренги следует строить, выбирая расстояние от первой [шеренги] согласно расчету. (6) От этого и македонская фаланга казалась страшной неприятелям не только в деле, но и с виду¹²¹. (7) Ведь воин-гоплит отстоит от других [в шеренге] при плотном построении (*пикносис*) самое большее на два локтя¹²², длина же сарисы¹²³ составляла в футах шестнадцать¹²⁴. А из них четыре [фута] простирались [за спиной] до руки держащего и остального его тела, а двенадцать выдвигались перед туловищем каждого из протостатов. (8) [Гоплиты] второй шеренги, отстоящие от предыдущих на два фута, имели сарисы, выставленные за протостатов на десять футов, (9) что касается [гоплитов] в третьей шеренге, то и они приподнимают [сарисы] над протостатами вперед уже на восемь футов. А [гоплиты] четвертой [шеренги] – уже на шесть, пятой – на четыре, шестой – на два. (10) Таким образом, перед каждым из протостатов выставляются шесть сарис¹²⁵, дугой уходящих назад¹²⁶, так что каждый гоплит прикрыт шестью сарисами и, когда устремляется [вперед], давит с шестикратной силой¹²⁷. Поставленные же за

шестой [шеренгой] напирают – если не самими сарисами, то тяжестью тел – вместе с теми, кто стоит впереди них, с тем, чтобы натиск фаланги на неприятелей стал непреодолимым, а также воспрепятствовать бегству протостатам¹²⁸. (11) Ураги должны выбираться не столько по силе, сколько по сообразительности и опытности в военном деле, с тем, чтобы заботились о равнении шеренг и не давали бы дезертирам покидать боевые порядки¹²⁹. А когда требуется [образовать] синасписм, именно он [ураг], главным образом, сводит стоящих впереди него в плотное построение, и обеспечивает полную силу этому строю.

13. (1) Псилов следует ставить то одним, то в другом месте: ведь именно поставленные то в одном, то в другом месте, они и приносят пользу, в зависимости от условий местности, где происходит расстановка сил, или от готовности неприятелей¹³⁰, против которых мы выстраиваемся. (2) Иной раз их нужно ставить перед фалангой, иной раз – направо или налево; более же всего они полезны, будучи поставлены в тылу гоплитов: тогда [в случае надобности] лохи псилов тут же могут вклиниваться в распределенную по лохам [гоплитскую] пехоту, чередуясь с их лохами¹³¹.

14. (1) Теперь следует сказать о численности каждого подразделения, их названиях и командирах. (2) Во-первых, как мы сказали¹³², псилов нужно иметь половину от пеших [гоплитов], если придерживаться принципа пропорциональности, [и тогда] их лохи должны состоять не из шестнадцати, а из восьми человек, так что тысяча двадцать четыре лоха составляют половинное число от пешей фаланги, то-есть восемь тысяч сто девяносто два мужа. (3) Их названия и построения следующие. Четыре лоха псилов называются «состав» (*си-стасис*), в котором тридцать два человека; две систасы – «полусотня» (*пентеконтархия*), из шестидесяти четырех человек; две пентеконтархии – «сотня» (*гекатонтархия*) из ста двадцати восьми человек; (4) в каждой гекатонтархии пусть будут четверо сверхштатных: знаменосец, трубач, ординарец (*гиперет*)¹³³, войсковой глашатай. Две гекатонтархии [состоят] из двухсот пятидесяти шести человек, называется же это подразделение¹³⁴ «объединение псилов» (*псилагия*); две псилагии – *ксенагия*, из пятисот двенадцати человек. (5) Две ксенагии, из тысячи двадцати четырех человек, называют зовутся «соединением» (*систремма*). Две систреммы называются *эпиксенагией*, из двух тысяч сорока восьми человек; а две эпиксенагии «толпой» (*стифос*), из четырех тысяч девяноста шести человек. Два стифоса называют *эпитагмой*, состоящей из тысячи двадцати четырех лохов и восьми тысяч ста девяносто двух человек. (6) К ним следует причислить и восемь избранных мужей, из которых четверо будут эпиксенаги, а четверо – систремматархи.

15. (1) Полезны бывают в битве лучники, а также метатели (*аконтисты*) и пращники, и вообще все те, кто пользуется дальнобойным оружием¹³⁵. (2) Ведь они способны крушить вооружение неприятелей, в особенности те, кто, метая камни, наносят раны с далекого расстояния, а если удар получается более сильным, то и убивают. (3) Они же полезны для того, чтобы выманивать неприятелей с сильной позиции тем, что обстреливая их издали метательными снарядами, внушают им надежду, будто, пойдя в атаку, они уйдут из-под обстрела. (4) Полезны они и для того, чтобы привести в беспорядок находящуюся в строю фалангу; или отогнать напавшую конницу; или завладеть высотами, потому что [во-первых] они мобильны в силу своего легкого вооружения, и [во-вторых] потому, что если они их захватят, то из-за густого обстрела никто не сможет к ним приблизиться без больших потерь. (5) Они также пригодны для того, чтобы прогнать с позиции ранее занявших это место [неприятелей], не выдерживающих наносимых им ран, [а еще] они удобны в разведывании подозрительных мест, и полезны при устройстве засады¹³⁶. Одним словом, они хороши, чтобы начинать бой впереди пехоты, и чтобы сражаться вместе с нею в самом бою, и в конце битвы они способны завершить [преследованием] окончательное поражение варваров, обращенных в бегство пехотой¹³⁷.

16. (1) Построения конницы различны и многообразны: и квадратные, и прямоугольные, и ромбовидные, и образующие клин. (2) Хороши все эти построения, применённые каждое вовремя, и никто в своем выборе не должен предпочесть какое-то одно из них всем другим, потому что в другом месте, против других неприятелей и в других обстоятельствах он может найти другое [построение], более пригодное, нежели то, которому заранее отдано предпочтение. (3) Ромбовидное построение часто использовали фессалийцы¹³⁸ и, согласно традиции, Ясон Фессалиец¹³⁹ первым изобрел эту фигуру, хотя мне кажется, что он только использовал то, что было открыто гораздо раньше, чем и прославился¹⁴⁰. (4) [Это построение] наиболее приспособлено для всякого рода передвижения и более надежно, по крайней мере – при угрозе с тыла или флангов. (5) Ведь на каждом углу ромба поставлены командиры: в переднем [углу] – «эскадронный» (*иларх*), на правом и левом так называемые «флигельманы» (*плагифилаки*), на оставшемся углу – ураг, по бокам же ромба – лучшие конники, которые очень полезны в бою. (6) Клинообразными построениями, как мы слышим, преимущественно пользовались скифы¹⁴¹, и фракийцы, научившиеся от скифов¹⁴². А Филипп Македонский и македонян обучил пользоваться этим построением¹⁴³. (7) Это построение, как кажется, полезно тем, что командиры расставлены по кругу, а фронт, заканчивающийся острием, позволяет легко разрывать всякий неприятельский строй¹⁴⁴ и дает возможность делать кру-

тые повороты в сторону (*эпистрофэ*) и назад (*анастрофэ*)¹⁴⁵. (8) Квадратные построения неразворотливы, тогда как заостренное спереди [построение], даже при том, что оно постепенно расширяется в глубину, если его понемногу поворачивать, начиная с острия¹⁴⁶, позволяет без труда развернуть весь строй. (9) Квадратными построениями преимущественно пользовались персы¹⁴⁷, варвары на Сицилии¹⁴⁸, и большая часть эллинов, искусных в конном деле: (10) ведь такое построение имеет лучшее, в сравнении с любым другим, расположение, поскольку [конники] построены по рядам и шеренгам, что облегчает как атаки, так и отступления, и в нем одном из этих [построений] все предводители совместно нападают на неприятелей¹⁴⁹. (11) Наилучшими являются [построения], имеющие в длину число вдвое большее, чем в глубину: например, если на десять выстроенных в длину будет пять в глубину, или двадцать в длину, а десять в глубину. (12) Ибо, хотя по числу [конников] эти построения разносторонни, по форме они образуют квадрат. Ведь длина [корпуса] коня от головы до хвоста заполняет до [формы] квадрата ту его часть в глубину, которая незанята [при расчете] по числу. Некоторые по этой причине устанавливали число поставленных в длину втрое большее, нежели в глубину, намереваясь таким образом получить фигуру точного квадрата, поскольку длина коня втрое больше ширины человека в плечах, так что на девять поставленных в длину [конников] ставят троих в ширину.¹⁵⁰ (13) При этом нужно иметь в виду, что поставленные в глубине конные не приносят той пользы, что глубина у пеших: они не напирают на стоящих впереди себя, поскольку конь не может давить на коня в той манере, в какой производится давление плечами и боками у пеших, (14) и они не могут совместно со стоящими впереди себя образовать некую единую тяжесть всей солдатской массы, а напротив, пытаясь толкать и сдавливать [строй], тем самым скорее приводят коней в расстройство и замешательство.

17. (1) Ромб же таков. Иларх становится первым, а те, что [находятся] по обе стороны его коня, стоят не на одной с ним линии, но отступая настолько, чтобы головы их коней находились примерно на уровне плеч коня, на котором едет иларх. (2) И расширяющиеся в такой последовательности один за другим ряды до половины целого, а оттуда в таком же порядке сужающиеся, и образуют ромб. (3) Половина ромба есть клин, подобный тому клину, фигуру которого я только что разъяснил. Разностороннее построение то, в котором глубина больше фронта, или фронт больше глубины; последнее лучше первого в сражениях, если только мы не намереваемся протаранить неприятельский строй – (4) в таком случае самое глубокое и самое узкое по фронту построение будет и самым полезным¹⁵¹, – или когда нужно укрыть конную массу, чтобы возбудить в неприятелях неоправданную смелость. (5) По-

строение в одну линию без глубины годится для внезапных набегов за добычей, или если мы хотим вытоптать либо уничтожить [посевы]; для [настоящих] боев оно по большей части непригодно.

18. (1) Итак, если принять численность конных уступающей численности гоплитов и псиллов в той пропорции, которую мы установили¹⁵², она будет равняться четырем тысячам девяноста шести конным. (2) Каждую илу, [исходя] из этой цифры, делают численностью в шестьдесят четыре конных, и при каждой иле поставлен иларх¹⁵³. Две илы у них называются «двойная ила» (*эпилархия*), и в ней сто двадцать восемь конных; (3) две эпилархии – *тарантинархия*, из двухсот пятидесяти шести конных¹⁵⁴; две тарантинархии – *гиппархия*, из пятисот двенадцати конных, которую римляне зовут илой¹⁵⁵; (4) две гиппархии – *эфиппархия*, из тысячи двадцати четырех человек; телос – две эфиппархии, из двух тысяч сорока восьми; два телоса, наконец, называют эпитагмой, из четырех тысяч девяноста шести.

19. (1) В отношении колесниц и слонов, их построений и названий построений, командиров и их званий – рассматривать их, как мне кажется, будет зряшным делом, потому что пришлось бы рассказывать о том, что давно вышло из употребления¹⁵⁶. (2) Ведь римляне никогда не культивировали способ сражения с колесниц, а из варваров европейские никогда не применяли повозки¹⁵⁷, за исключением тех, кто [проживает] на так называемых Британских островах по ту сторону великого моря¹⁵⁸. (3) Вот они-то используют большей частью парные упряжки с маленькими и невзрачными лошадами, их парные колесницы (*дифрой*) пригодны для передвижения по любой [пересеченной] местности, а лошаденки способны переносить немалые нагрузки. (4). Из азиатских [варваров] некогда персы культивировали езду на серпоносных колесницах с панцирными конями, начиная с Кира¹⁵⁹, (5) а еще до них – эллины с Агамемноном и троянцы с Приамом – [колесничную езду] с беспанцирными [конями]¹⁶⁰. И киренейцы, в основном, сражались с колесниц¹⁶¹. (6) Но в целом эта практика вышла из употребления, так же как использование в войнах слонов¹⁶² – за исключением индов и верхних эфиопов¹⁶³ – также вышло из употребления.

20. (1) А теперь мы рассмотрим названия движений по разновидности для той ли, другой ли части армии, и значение каждого названия¹⁶⁴. (2) Одно [движение] зовется «поворот» (*клисис*)¹⁶⁵, с двумя его разновидностями: одно – «к копыю», другое – «к щиту». Еще [есть] «поворот кругом» (*метаболэ*)¹⁶⁶, а также «четверть оборота» (*эпистрофэ*)¹⁶⁷, и другой – «четверть оборота назад» (*анастрофэ*). И есть то [движение], что называется «пол-оборота» (*периспασм*)¹⁶⁸, а другой – «три четверти оборота» (*экпериспασм*)¹⁶⁹, а также «строить ряды» (*стойхейн*), «строить шеренги» (*дзюгейн*), «в начальное положение вернуться» (*эс*

ортон аподунай)¹⁷⁰, <«контр-марш» (*экселиссейн*)> и «удвоение» (*дипласиадзейн*). (3) Называют также «(последовательный) марш в колоннах» (*эпагогэ*), а еще [есть] «фланговый марш (*парагогэ*) направо»¹⁷¹, и другой «фланговый марш налево», есть еще «поперечная (*плагиа*) фаланга», а другая «перпендикулярная (*ортиа*) фаланга», также «косая (*локсэ*) фаланга», «вставка» (*паремболэ*), а еще «боковая позиция» (*простакус*), <«включение» (*энтакус*)>, и «тыловая позиция» (*гипотакус*).

21. (1) Поворот (*клисис*) есть движение [одного] человека, причем поворотом «к копью» зовется поворот направо, где у гоплита копье, «к щиту» – налево, где [он] носит щит. (2) И если поворот простой, он поворачивает построение только к флангам; если делается двойной [поворот], он оборачивает гоплита лицом к тылу: такой [поворот] уже зовется «поворот кругом» (*метаболэ*). (3) «Четверть-оборота» (*эпистрофэ*) – это когда всю синтагму¹⁷², в плотном построении по парастатам и эпистатам, мы поворачиваем, как корпус одного мужа, «к копью» или «к щиту», так что весь строй (*тагма*) разворачивается как вокруг центральной оси, вокруг первого лохага, заняв позицию впереди, лицевой стороной направо <или налево>, сохраняя прежнюю [расстановку] эпистатов и парастатов. (4) «Четверть оборота назад» (*анастрофэ*) есть восстановление через [поворот] эпистрофэ прежнего положения. «Пол-оборотом» (*периспасм*) зовется движение [целого] строя, [состоящее] из двух [последовательных поворотов] в «четверть-оборота» (*эпистрофэ*), чтобы занять место [лицом] к тылу. (5) «Три четверти оборота» (*экпериспасм*) есть движение всего [строя], из трех последовательных эпистрофэ, чтобы занять положение: если [поворот] совершается «к копью» – лицом налево, а если «к щиту» – то направо.

22. (1) «Строить ряд» (*стойхейн*) означает находиться на прямой [линии] между лохагом и урагом, сохраняя свои интервалы; «образовать шеренгу» (*дзюгейн*) – когда каждый из стоящих в ряду находится на прямой [линии] по фронту со своим сошереножником. (2) В одной шеренге находятся: с лохагом – все лохаги, с его эпистатом – эпистаты других лохагов, и так далее по порядку. (3) А «в начальное положение вернуться» (*эс ортон аподунай*) означает повернуть гоплитов лицом к занимаемой первоначально лицевой линии, как в том случае, когда кто-нибудь, [первоначально] обращенный лицом к неприятелям, получил бы приказ вернуться «к копью», а затем – команду «в начальное положение вернуться», то он должен был вновь повернуться лицом к неприятелям.

23. (1) Контрмарш (*экселигм*)¹⁷³ [бывает] двух видов, один – по лохам, другой – по шеренгам. Каждый из них делится на трое. Один контрмарш называется македонским, другой лаконским, третий критским: как я выяснил, этот последний называется также персидским и

«плясовым» (*хорион*)¹⁷⁴. (2) Македонский [контрмарш] – это такой, при котором фаланга занимает новое место впереди [позиции], лицевой линией вместо фронта – к тылу. (3) Лаконский – при котором фаланга занимает новое место позади [позиции], прежней лицевой линией точно так же – к тылу¹⁷⁵. (4) Критский или так называемый персидский состоит в том, что вся синтагма¹⁷⁶ удерживает то же, занимаемое фалангой место¹⁷⁷, но каждый из гоплитов в свою очередь меняет свое место на прямо противоположное тому, что он занимал прежде: лохаг – место урага, ураг – место лохага, при лицевой стороне [обращенной] вместо фронта к тылу. (5) Контрмарши по шеренгам производятся, когда кто-нибудь захочет переставить крайние фланги (*кераты*) на полуфланги (*апотомай*), а полуфланги – на крайние фланги, чтобы усилить середину всей фаланги; тем же самым способом те [части], что [расположены] справа, ставятся на место левых, а те, что слева – на место правых¹⁷⁸. (6) Если же, ввиду приближения неприятелей, не получается сделать контрмарш по крупным подразделениям фаланги, нужно развернуть контрмаршем один таксис, и затем уже делать контрмарш по синтагмам¹⁷⁹.

24. (1) Контрмарш по рядам¹⁸⁰, опять же, называется македонским, когда лохаг делает поворот кругом, а те, кто [стоял] за ним, промаршировав мимо него со стороны его копья и поочередно становятся друг за другом. (2) Лаконским именуется контрмарш, когда лохаг, сделав поворот кругом, проходит вдоль всего лоха со стороны копья на другое место, на равном [расстоянии] от прежнего¹⁸¹, а остальные, следуя по порядку, выстраиваются за ним; <или> же когда ураг делает поворот кругом, а стоящий за ним, промаршировав мимо со стороны копья урага, становится впереди него, [пока] остальные тем же самым способом, выстраиваясь один перед другим, [не] сделают лохага снова простатом. (3) Хоровой же контрмарш получается, когда лохаг, сделав поворот «кругом», со стороны копья проходит мимо лоха...¹⁸², пока не займет место урага, а ураг – лохага. (4) Так вот и совершаются эти [контрмарши] по лохам; не составляет труда понять, что тем же способом исполняются и [контрмарши] по шеренгам.

25. (1) Удвоение бывает двух видов, один по шеренгам, другой по глубине. Каждый из них дает удвоение либо числом, либо пространством. (2) [Удвоение] числом [происходит], если вместо длины в тысячу двадцать четыре [человека], мы сделаем длину [фронта] две тысячи сорок восемь, при том, что вся фаланга занимает то же пространство. (3) Происходит это, когда в [интервалы] между гоплитами ставятся [стоящие] в глубине [фаланги] эпистаты. Таким образом нами уплотняется фронт фаланги. (4) Когда мы захотим восстановить [позицию], мы командуем так: «кто вставлен в линию, вернуться в строй». (5) Если

же мы захотим удвоить длину по пространству, например – чтобы растянуть строй с пяти стадий до десяти, то мы приказываем, чтобы [эпистаты] включенные из глубины [фаланги] вдоль фронта в середину интервалов гоплитов, сделали контрмарш, [причем] <половина из них> – вправо, оставшаяся половина – влево¹⁸³, начиная со второго от каждого края лоха, и таким образом весь строй займет удвоенное пространство¹⁸⁴. (6) Когда мы захотим восстановить [позицию], мы опять же <приказываем>, чтобы поставленные на края снова совершили [обратный] контрмарш, [чтобы занять] свои прежние места. (7) Не вполне полезны удвоения, когда неприятели близко, поскольку будут внушать им представление о беспорядке в нашей войске, да и само войско при таком передвижении становится более уязвимым, поскольку утрачивает должный боевой порядок¹⁸⁵. (8) Вместо этого лучше растянуть псиллов и конных, чтобы произвести на неприятелей впечатление как бы удвоения, но без передвижения пехотной фаланги¹⁸⁶. (9) [Маневр] удвоения становится необходимым в том случае, когда мы или сами хотим охватить своей фалангой неприятельский фланг, или для того, чтобы помешать им охватить фалангой [наш фланг]¹⁸⁷. (10) Глубина же удваивается, если второй лох встраивается в первый, так что лохаг второго лоха становится эпистатом первого лохага, а эпистат [лохага второго лоха] – первым эпистатом его эпистата; (11) таким образом тот, кто прежде был первым во втором лохе, оказывается вторым в первом лохе, второй во втором [лохе] – четвертым в первом, и так далее по порядку, пока весь второй лох не будет встроен по прямой поочередно и в глубину в первый [лох]. Тем же способом и четвертый лох углубляет третий, строясь совместно с ним, и вообще все четные [лохи] встраиваются в нечетные. (12) Нетрудно понять, как будет происходить удвоение самого пространства¹⁸⁸ по глубине, а также восстановление [прежней позиции] из него.

26. (1) «Поперечная» (*плагиа*) фаланга есть та, которая имеет длину многократно превышающую глубину, а «перпендикулярная» (*ортиа*) – когда [фаланга] марширует в сторону фланга, при этом глубина в свою очередь многократно превышает длину. (2) Вообще же продолговатым именуется строй, который имеет длину большую, чем глубину, а перпендикулярным (*ортион*) – тот, в котором глубина [больше] длины. (3) «Косой» (*локсэ*) именуется фаланга, в которой один из флангов (*керас*) – тот, кто выберет полководец – придвинут к неприятелям и только он один ведет сражение, тогда как второй, оттянутый, удерживается сзади. (4) «Вставкой» (*паремболэ*) именуется [построение], когда одни выстраиваются впереди с интервалами, в которых расставляются другие, из тех, что располагались сзади, по прямой [линии с первыми], с тем, чтобы заполнить ранее оставленные пустоты

в фаланге. (5) «Боковой позицией» (*протаксис*) же [именуют построение], когда к обеим или к одной из половин (*мерос*)¹⁸⁹ частей боевого порядка со стороны фланга присоединяется подразделение (*стифос*) [легковооруженных]¹⁹⁰ на прямой линии с фронтом построения всей фаланги. (6) «Включением» (*энтаксис*) именуют [построение], когда псиллов вставляют в интервалы [тяжеловооруженной] пехоты, ставя мужа возле мужа. (7) «Тыловой позицией» (*гипотаксис*) [именуют построение], когда кто-либо ставит псиллов за краями фаланги, как в [построении] изогнутым углом (*эпикампсион*)¹⁹¹.

27. (1) Нужно приучать войско быстро принимать команды, [поданные] голосом, видимыми значками¹⁹², или трубами¹⁹³. (2) Более понятными оказываются [команды], отданные словом, потому что такое сообщение доносит всю полноту мысли, не то что сигнал, который только видят или слышат. (3) Но так как в битвах есть много препятствий передаче сообщения голосом: шум – в том числе от оружия, взаимные подбадривания, вопли раненых, топот от проходящей конной силы, лязг оружия, ржание коней, [гам] проходящего обоза, то следует приучить войско и к видимым значкам. (4) Впрочем, возникают помехи и в отношении [использования] этих [сигналов], такие как туман, поднимающаяся вверх густая пыль, слепящее солнце, плотный снег, сильный ливень с неба, лесистые места, возвышающиеся холмы, так что значки становятся видны далеко не всей фаланге. (5) Когда холмы перекрывают видимость, значки надо делать более доступными взору¹⁹⁴; при помехах, [вызываемых] воздухом, полезна труба.

28. (1) Относительно маршей, которые совершают армии, нужно иметь в виду, что один из [видов] маршей называется «марш в колоннах» (*эпагогэ*), другой – «фланговый марш» (*парагогэ*)¹⁹⁵. (2) «Марш в колоннах» – это когда одно подразделение следует по прямой за [другим таким же] подразделением, например, когда за головной тетрархией маршируют остальные, выстроенные за ней, тетрархии, или же за головной ксенагией другие следуют ксенагии, одним словом, когда к урагам идущего впереди подразделения пристраиваются поочередно все предводители идущих следом подразделений. (3) Фланговый марш (*парагогэ*) – это когда вся фаланга марширует, сделав передовыми тех, кто [находится] на левом или на правом [флангах]. И если [передовыми] становятся [те, что] на левом [фланге], это называется левым «фланговым маршем», а если [те, что] на правом – правым [фланговым маршем]. (4) Какой бы ни совершался марш – в колоннах (*эпагогэ*) или фланговый (*парагогэ*), войско двигается в построении либо с одним фронтом, либо с двумя, с тремя или с четырьмя. (5) С одним фронтом – когда у полководца одна сторона под угрозой [нападения], с двумя – когда две, с тремя – когда три, с четырьмя – когда есть вероятность, что

неприятели готовы атаковать со всех сторон. (6) Марши совершаются иногда – одинарной фалангой, иногда – двойной фалангой, а также тройной фалангой и четверной фалангой¹⁹⁶. Это [заклучение] не трудно вывести из [знания] предыдущих построений.

29. (1) Так вот, «челюстями наружу» (*амфистомос*) называется фаланга, в которой по половине людей [в каждом] из лохов развернуты в противоположные стороны, спиной друг к другу¹⁹⁷. (2) «Двойная фаланга челюстями наружу» (*амфистомос дифалангия*)¹⁹⁸ – та, что на марше <имеет> предводителей из обеих частей (*мерос*) в построении «фланговый марш» (*парагогэ*) – одних справа, других слева, <а урагов, поставленных внутри. «Двойная фаланга челюстями внутрь» (*антистомос*) – та, что имеет предводителей поставленных в середину,>¹⁹⁹ а урагов развернутых наружу от каждой части (*мерос*) при «фланговом марше». (3) Фаланга с «разносторонними челюстями» (*гетеростомос*) есть та, что имеет на марше первую половину в левом «фланговом марше», то есть предводителей с левой стороны, а предводителей оставшейся половины фаланги – в правом «фланговом марше»²⁰⁰. (4) Двойная фаланга с «односторонними челюстями» (*гомойостомос*) есть та, которая на марше имеет предводителей из частей (*мерос*) каждой из фаланг, построенных или на правой, или на левой стороне каждой из двух фаланг²⁰¹. (5) Когда двойная фаланга «челюстями наружу» (*амфистомос*) смыкает передние края друг с другом, а задние разводит, такое [построение] называется клином (*эмболон*)²⁰². (6) Когда же двойная фаланга «челюстями внутрь» (*антистомос*) смыкает задние края, а передние разводит, такое [построение] называется «полый клин». (7) «Прямоугольником» (*плайсион*) называют [построение], когда кто-нибудь расставляет [пехоту] по всем сторонам в форме разностороннего прямоугольника. (8) «Кирпичиком» (*плинтсион*) – когда он делает такое же [построение] в форме квадрата, который Ксенофонт, сын Грилла, называет равносторонним прямоугольником²⁰³. «Охватом фаланги» (*гиперфалангэсис*) именуют охват неприятелей с обоих краев фаланги, (9) «фланговым охватом» (*гиперкерасис*) – [охват] на каком-нибудь одном фланге. «Охвату фаланги» всегда сопутствует «фланговый охват», но не наоборот. (10) Так что охватить один из флангов можно и меньшим по численности войском, сохраняя при этом одинаковую глубину для всего строя; но охватить фалангу с равным или меньшим по численности войском, не растягиваясь при этом в [более] тонкую линию, нельзя²⁰⁴.

30. (1) Передвижения обоза производятся под присмотром [особого] начальника. Их пять способов: нужно, чтобы он двигался или впереди войска с собственной охраной, или следовал в тылу [войска], или шел на фланге – причем этот [способ] в двух вариантах: либо на правом,

либо на левом [фланге], или двигался внутри [фаланги] гоплитов. (2) Обозу нужно двигаться впереди фаланги, когда покидаешь вражескую [страну]; позади фаланги – когда вторгаешься во вражескую [страну]; двигаться на одном из флангов – когда опасаемся за другой фланг; внутри фаланги, если опасность со всех сторон²⁰⁵.

31. (1) Команды нужно отдавать как можно более кратко и так, чтобы они были совершенно ясными. Это будет достигнуто, если мы остережемся давать такие [команды], которые солдаты могут понять двояко. (2) Например, если ты говоришь «повернись», и потом к этому добавляешь – «к копыю», или «к щиту», то те, кто привык быстро повиноваться приказам, воспримут и выполнят [команду] каждый по своему. Поэтому нужно говорить не «повернись к копыю», или «повернись к щиту», но в обратном порядке – «к копыю повернись» или «к щиту повернись»: тогда все, сколько есть, услышат и выполнят одно и то же. (3) Так же не нужно командовать «поворот кругом» или «контрмарш»: ведь эти [команды], указывающие [только] на род действий, побудят, кто слушает, к исполнению разных приемов. Вид должен предшествовать роду, то есть: «к копыю поворот кругом!» или «к щиту!». (4) Тем же способом мы скажем «лаконский контрмарш», или «плясовой», или «македонский». Если же не добавишь, какой именно, а только скажешь «контрмарш», каждый выполнит контрмарш по своему. (5) Нет ничего лучшего на маршах и в битвах, чем молчание всего воинства. Это показал в [своих] поэмах и Гомер. Относительно вождей эллинов он говорит, что:

«приказывает им каждый вождь»,

и о войске, что:

«остальные шли молча (и ты спросишь, такая масса идущего войска имеет ли голос в груди?) опасаясь в молчании командиров».²⁰⁶

А желая показать беспорядок варваров, он говорит, что с шумом и криком шли троянцы подобно птицам. (6) И также в других строках:

«как пернатых птиц», – говорит, «многие стаи гусей, или журавлей, или лебедей долгошеих».²⁰⁷

И что [подобно] шуму поднимающихся птиц, «так крик троянцев», – говорит, «по широкому войску поднялся:

не был шум всех одинаков, и не один был говор».²⁰⁸

Но об эллинах:

«они ведь шли молча», – говорит, «пылая гневом ахейцы, в душе желая защищать друг друга».²⁰⁹

Так и вожжи быстро отдают команды, и войско быстро принимает отданные [команды].

32. (1) Команды пусть будут такие. «К оружию». «Вооруженному <не> покидать фаланги». «Тихо» и «Слушай команду». «Вверх копьа». «Опустить копьа». «Урагу равнять лох». «Держать интервалы». «К копьа повернись». «К щиту повернись». «Вперед, марш». «Стой». «В прямое положение вернись». «Глубину удвоить». «Отставить». «Лаконский контрмарш». «Отставить». «К копьа три четверти оборота». «Отставить».

(2) Вот то, что, как в [трактате] по [военному] искусству, я изложил – в немногих [словах], но вполне достаточно – о древнеэллинских и македонских построениях, ибо никто, пожалуй, не захочет остаться в неведении относительно этого. (3) Теперь я намерен рассмотреть конные упражнения (*гиппика гимнасиа*), которые исполняют римские конники в наше время²¹⁰, при том, что пехотные [упражнения]...²¹¹ я уже разобрал в сочинении, написанном для самого императора²¹², а на этом закончим мою работу по тактике.

33. (1) Однако я не заблуждаюсь относительно того, что объяснение наименований каждого [маневра] будет нетрудным делом²¹³, потому что у самих римлян многие [названия] не из их родного языка, но часть заимствованы из [языка] иберов или кельтов²¹⁴, вместе с соответствующими кельтскими [военными] приемами, поскольку кельтская конница хорошо проявила себя в боях с ними.²¹⁵ (2) В самом деле, если римляне и заслуживают похвалы за что-то еще, помимо указанного, так это за то, что они предпочитают свое и родное не до такой степени, чтобы не сделать своим то хорошее, что они отбирают повсюду²¹⁶. (3) Так, ты мог бы обнаружить, что стоит им перенять какое бы то ни было оружие у других – и оно уже именуется римским, потому что римляне пользуются им лучше всех: и военные упражнения [они переняли] у других²¹⁷, и [курульные] кресла для магистратов,²¹⁸ и одежду с пурпурной каймой²¹⁹. (4) Они и самих чужих богов, заимствованных у других, почитают как собственных²²⁰. Ведь рассказывают, что у них до сих пор еще исполняются [религиозные] церемонии: частью – согласно ахейским обычаям, частью – общеэллинским. Исполняются [обряды] и по фригийски: ведь у них почитается Рея Фригийская, пришедшая из Пессинунта; и плач по Атту – хоть и фригийский – плачется в Риме; и Рея, после того как заканчивается плач, получает омовение по фригийскому обычаю²²¹. (5) Ты обнаружил бы также, что среди законов, впервые записанных на двенадцати таблицах, большинство заимствовано у афинян²²². (6) Было бы большим делом выяснить, как и от кого они получили каждое имеющееся у них [заимствование]; но мне уже пора вести речь о конных упражнениях²²³.

34. (1) Место, где у них проходят состязания, не только выбирается ровное, но сверх того специально готовится следующим образом: отрезав предварительно от всей поляны [участок] перед трибуной в форме равностороннего прямоугольника, они прокапывают середину поля на соответствующую глубину и разбивают земельные комья, размельчая и утаптывая их²²⁴. (2) Они выезжают, вооруженные позолоченными железными или бронзовыми шлемами, [в зависимости от того] насколько они выделяются по достоинству²²⁵ или мастерству в верховой езде²²⁶, чтобы таким способом привлечь к себе взоры зрителей. (3) Эти шлемы, в отличие от тех, что изготавливаются для битвы, прикрывают не только голову и щеки, но делаются полностью по размеру лица конников, с прорезями для глаз, чтобы, не препятствуя [коннику] смотреть вперед, все же предоставлять защиту для взора²²⁷. (4) К ним прикреплены свисающие желтые гривы, не столько для практической пользы, сколько для красоты: в ходе конных атак, особенно если случается небольшой ветерок, они, даже слегка приподнятые при небольшом [ветре], представляют особенно приятное [зрелище]. (5) И щиты они носят не те, что для битвы, но легче весом (что придает упражнениям быстроту и красочность) и расцветочные для большей зрелищности²²⁸. (6) Вместо панцирей [у них] киммерийские хитоны²²⁹, размерами одинаковые с панцирями, цвета: одни червленые, другие фиолетовые, и прочие, раскрашенные в самые разные [цвета]. (7) Шаровары (*анаксириды*) на ногах у них не широкие, как у парфян и армениев²³⁰, а плотно обтягивающие ноги²³¹. (8) Кони у них тщательно защищены налобниками, тогда как в наребренниках они не нуждаются: ведь дротики без железных наконечников, употребляющиеся в упражнении²³², хотя и могут повредить глаза коней²³³, но падают, не причиняя вреда их бокам, большая часть которых к тому же защищена попонами.

35. (1) Сначала у них производится выезд на обозначенное поле, отрепетированный так, чтобы [произвести] наибольший эффект красочностью и великолепием, особенно, когда они [внезапно] выскакивают из [укрытия] незаметного [для публики]²³⁴, и производят не простую вылазку, но как можно более разнообразную. (2) [Конники] выезжают, разделенные значками, и не только римскими²³⁵, но и скифскими²³⁶, чтобы сделать процессию более красочной и вместе с тем устрашающей.²³⁷ (3) Скифские значки являют собой драконов²³⁸ соответствующего размера, прикрепленных к шестам²³⁹. Они делаются из сшитых окрашенных лоскутьев, [причем] головы и все тело вплоть до хвостов уподобляются змеиным с тем, чтобы воспроизвести их как можно более страшными. (4) Затя [состоит] в том, что пока кони стоят смирно, ты можешь видеть только свисающие книзу разноцветные лоскутья, но при скачке они от ветра надуваются так, что становятся очень похо-

жими на [этих] животных, а при быстром движении даже издают свист от сильной воздушной струи, проходящей сквозь [них]. (5) Эти значки не только доставляют удовольствие либо ужас своим видом, но становятся полезными для разделения [стадий] движения и для того, чтобы разные подразделения не натыкались друг на друга. (6) Поскольку те, кто их носят, наиболее искусны в разворотах (*экселигмы*)²⁴⁰ и поворотах (*эпистрофэ*)²⁴¹, они выбирают [для исполнения] круг за кругом и одну за другой пробежку по прямой, а остальная масса не заботится ни о чем другом, кроме как следовать каждому за своим значком. (7) Поэтому-то при всех этих разнообразных поворотах, многообразных обратных разворотах, многих разного рода маневрах (*эпеласеи*)²⁴² то в одном, то в другом направлении, все-таки [конные] строи удерживаются в порядке. А вот если бы смешались значок со значком, или столкнулись конь с конем, это привело бы в замешательство весь строй, и погубленной оказалась бы не только красота, но и практическая польза представления²⁴³.

36. (1) Как только их выезд завершается, <одни> конники²⁴⁴ останавливаются друг близ друга налево от трибуны, повернув головы коней назад²⁴⁵, прикрывая щитами свои спины и, тем самым, спины своих коней. Этот строй, как и пехотный синасписм, именуется «черепахой». (2) Двое всадников, находясь от [основного] строя на таком [расстоянии], чтобы давать [простор] для вылазок дружественным конникам²⁴⁶, выдвигаются перед правым флангом «черепахи», чтобы принимать [на себя] дротики, которые метают атакующие по прямой [конники «противника»]²⁴⁷. (3) Сомкнувшись таким образом, половина из конников стоит, перекрывшись щитами, в положении обороняющихся. Как только будет подан сигнал трубой, [другая] половина атакует, метая дротики в таком количестве и так часто, как только возможно, первым [метает] – первый по доблести, за ним второй, и так далее. (4) Красота действия состоит в том, чтобы всякий [конник], пока гонит коня по прямой, успел бы метнуть как можно больше, с наибольшей частотой, дротиков в двух выдвинутых перед [левым] флангом «черепахи» [конников], сделав как можно больше попаданий в их щиты. (5) Закончив атаку по прямой, они отклоняются в сторону, как бы сворачиваясь в круг. Поворот они делают в правую от себя сторону, т.е. «к копыту»: (6) таким образом, и [метателям] ничто не препятствует метать дротики в цель, и щиты используются для прикрытия атакующих метателей.

37. (1) Дротики нужно носить столько, чтобы не прекращать метание, пока [конник] проезжает вдоль всей [линии] заслона²⁴⁸. Частота метания, непрерывный грохот, и другое тому подобное производит потрясающее впечатление. (2) [В промежуток] между правым флангом [этого] построения и выдвинутой позицией двух конников врываются

из скрытого [места] конные, проскакивают вдоль [фронта] своего построения, метая дротики в проезжающих мимо²⁴⁹. Поскольку поворот у них делается «к щиту», они, по этой причине, при скачке защищены хуже [чем соперники]. (3) Тут действительно особенно нужен хороший наездник, который мог бы одновременно и метать дротики в атакующих, и защищать свой правый бок, прикрываясь щитом. (4) Проезжая мимо [противника], [конник] вынужден метать дротик, с поворотом [корпуса] вправо²⁵⁰, а при исполнении полного поворота, который именуется на кельтском языке «*петринос*»,²⁵¹ это сделать труднее всего. (5) Ведь [ему] нужно, повернувшись, сколько есть силы в некрепких боках²⁵², [лицом] в сторону конского хвоста, метнуть дротик назад по прямой как можно более точно; исполняя это, вновь быстро повернуться, перенося щит за спину²⁵³, потому что открытые части [тела] становятся мишенью для неприятелей, если он выполняет поворот не прикрывшись [щитом].

38. (1) Как только их атака завершается, те, кто первыми атаковали, в свою очередь становятся в строй направо от трибуны, тогда как другие – налево²⁵⁴. Два конника, находясь на [некотором] расстоянии от фланга [линии] заслона, занимают такую же [выдвинутую] позицию²⁵⁵, а те, кто врываются [в промежуток] между этими двумя и всем строем, метают тем же способом дротики в проезжающих мимо. И здесь для такого метания выбираются сильнейшие из конников. (2) Те, кто начинают с правой от трибуны стороны, не предлагают [зрителям] ничего, кроме сплошного града дротиков и постоянного грохота: ведь они и не могут предоставить никакого другого зрелища наблюдающим с трибуны, поскольку в такого рода атаке правая сторона конников оказывается скрытой от них. (3) Когда же атака ведется с левой стороны, тогда весь процесс метания становится ясно видимым: и как прикрываются щитами; и как быстро передают дротики из левой руки в правую; и как затем, схватив дротик правой рукой и взмахнув над головой подобно вертящемуся колесу, метают схваченный дротик; тут же хватают [еще один] и, также подняв его над головой, метают и этот дротик²⁵⁶. Посадка самого конника на коне всегда остаётся красивой и прямой в ходе всего метания, более того – при атаках видны и блеск оружия, и быстрота коней, и красивые виражи при поворотах, и то, как проходят конные атаки с соблюдением равных интервалов²⁵⁷. (4) [В случае, когда атаки] отделены большими промежутками, пропадает впечатление непрерывности метания, [а если] они следуют на чересчур [близком расстоянии] одна от другой, то мешают точно видеть, что происходит, и не дают возможности оценить по справедливости [мастерство]. Ведь плохой [конник], когда сближается в атаке с хорошим, перекрывает его, и, в свою очередь, другой, уже хороший [конник], с

изяществом выполнивший упражнение, проигрывает из-за неловкости плохого [конника]. (5) Поэтому, заботясь о непрерывности [атак], нужно, чтобы хороший [конник] непременно получил заслуженную похвалу, а плохой не избежал должного порицания.

39. (1) Когда, дважды обменявшись построениями, [позициями] заслона, [ролями] в дротикометании и [направлением] поворотов²⁵⁸, они производят вторую атаку слева, то не просто заворачивают коней «к копью» и удаляются, проскакав мимо трибуны, но самые быстрые из них еще и оставляют у себя каждый по дротику для особой цели, а самые искусные и по два. (2) И когда они, проезжая, приближаются к трибуне, то поворачивают коня в круг, и пока он еще делает поворот, бросают дротик по косой к краю поляны, причем нужно, чтобы он полетел как можно дальше, и сотрясался как можно сильнее. (3) А когда атакуют те, кто оставил у себя по два [дротика], они, слегка наклонив голову под щит и, развернув, насколько это возможно, правый бок, бросают свой последний [дротик] назад от себя.

40. (1) Следующей исполняется так называемая «кантабрийская» атака, которая, как мне кажется, получила свое имя от иберийского племени кантабров, так как римляне оттуда и позаимствовали ее у них²⁵⁹. (2) Она ведется следующим образом. Заслон из конников²⁶⁰, прикрытых [щитами], выстраивается, как и в начале [состязания], налево от трибуны, кроме тех двух конников, которые принимают на себя прямые удары дротиков. (3) [Другие] атакуют справа, как и в предыдущем случае, заворачивая «к копью», и, пока они атакуют, слева от трибуны начинается другая атака, с заворотом в круг. (4) Эти конники уже пользуются не легкими дротиками, а обструганными копьями, без железных наконечников, но все же из-за веса не слишком удобными для тех, кто их метает, и небезопасными для тех, в кого их посылают²⁶¹. (5) Из-за этого их инструктируют не целить в щелмы проезжающих мимо, не запускать копьё в коня, но прежде чем конник повернет и подставит частично свой бок или при повороте откроет спину, целить в его щит, бросая копьё со всей силой. (6) Совершенство в этом деле достигается в том случае, если сойдясь как можно ближе с проезжающими мимо, [конник], назначенный [исполнять] этот «кантабрийский» круг, метает копьё в самую середину щита, так чтобы оно, угодив в щит, вызвало стук или даже пробило его насквозь²⁶², второй [конник] в то же время нападает на второго [соперника], третий точно так же на третьего, и остальные по порядку [нападают] на следующих в том же порядке [соперников] по линии. (7) Грохот, конечно же, стоит страшный, разворот в таком [упражнении] выглядит эффектным, и если у одних получается упражнение на меткость и мощь метания, у других – на безопасность и защиту от нападающих. (8) После этого производится упражнение на

демонстрацию частоты метания, которое выполняют не все конники – ведь не все пригодны к такой быстроте, – а те из них, кто выделяется своим конным искусством. (9) Они ставят своих коней, имея справа край трибуны, и оттуда, пока их конь спокойно проходит вперед до бровки прокопанного поля, им нужно пускать – как можно больше, как можно чаще и как можно дальше – [дротики], доставая до невыровненного [места] сотрясающимися при этом [дротиками]. (10) Хорошим [считается] тот, кто [успевает] выпустить пятнадцать дротиков, сделав это, как того и требуют [правила], прежде, чем конь выйдет за пределы поля. (11) С еще большим правом заслуживает похвалы тот, кто доведет [результат] до двадцати²⁶³. Любой результат сверх этого никоим образом не может получиться у того, кто придерживается честных правил, но только у того, кто жульничает – большей частью за счет задержки больше нужного коня, так что еще не начав двигаться, он успевает бросить два или три раза, или же – когда он уже пересек бровку прокопанного [места]. (12) Но я лично гораздо больше ценю сделанное по правилам, чем придуманное с целью потрясти зрителей²⁶⁴.

41. (1) Затем они вооружаются как для битвы металлическими панцирями, шлемами и щитами, причем [щитами] уже не легкими. (2) Вначале подразделения гонят своих коней в быстром темпе: [конники] несут одно копьё (*лонха*)²⁶⁵, которое, прежде чем они приблизятся к трибуне, нужно, потрясая поднятым²⁶⁶ над головой [копьем], метнуть, прицелившись, в мишень, вбитую [в землю] именно для этого задания налево от трибуны. (3) Те из них, кто [особенно] хороши, атакуют и во второй и в третий раз, уже не по необходимости, но самого дела ради и для того, чтобы заслужить через это похвалу. (4) Вторая атака производится с двумя копьями, и метать [их] нужно как можно более точно в цель, пока конь мчит по прямой.

42. (1) После того как завершится и эта, добровольная [часть] метания, тогда хорошие командиры²⁶⁷ – все, сколько их есть в войске, – приказывают выкликать поименно всех конников по порядку, начиная с декуриона (*декадарх*), затем дупликария (*димойрит*)²⁶⁸, за ним того, кто получает полуторную плату²⁶⁹, и далее по порядку [всех конников] турмы (*декадархия*)²⁷⁰. Такая переключка проводится по всем турмам. (2) Тот, кого выкликнули, должен ответить вызывающему громким криком «Я здесь», и сразу выехать на коне, неся три копья (*лонхи*). Первое [копье] он бросает от края прокопанного поля в мишень, второе – от самой трибуны, пока конь еще [скачет] по прямой; а третье – если он выполняет все по правилам, установленным императором²⁷¹, – заворачивая коня вправо, и в другую мишень, которая, согласно предписанию императора, поставлена именно для того, чтобы принимать [удары] третьего копья. (3) Этот бросок наиболее труден из всех, если произво-

дится прежде, чем конь завершит полный поворот, именно в тот момент, когда он поворачивается²⁷². (4) Бросок [сделанный] таким способом называется на кельтском языке «ксюнема»²⁷³, и его нелегко выполнить даже при дротике без наконечника. Кое-кто, [отличающийся] быстротой и [побуждаемый] честолюбием, успеваает метнуть четыре копья (*лонхи*) в первую мишень пока конь [скачет] по прямой, или три – пока конь [скачет] по прямой, а четвертое – в момент, когда он делает поворот, как постановил император. (5) Именно здесь лучше, чем в любом другом [упражнении], выясняется, кто хороший метатель, а кто плохой, поскольку дело происходит не в скрадывающей различия линии, и не в сутолоке. Ту турму (*декадархия*), которая выставляет наибольшее количество отличившихся в метании копий (*лонхи*), я особенно выделил бы перед любой другой, поскольку она воистину использовала упражнения для задач военной подготовки²⁷⁴.

43. (1) Вслед за этим демонстрируются многообразные способы метания либо легких копий, либо метательных снарядов, причем последние пускают не из лука, а машиной, либо же камней – с руки или из пращи в цель, которая установлена посередине между теми двумя, о которых уже упоминалось. Здесь опять-таки, [было бы] хорошо, если бы смогли разбить мишень камнями, которая обычно разбивается нелегко. (2) Однако на этом состязания у них не завершаются, но они атакуют²⁷⁵, вначале держа контосы²⁷⁶ наперевес в боевой позиции, а затем – как будто преследуя обращенных в бегство неприятелей²⁷⁷. Некоторые же доходят [в своем мастерстве] до того, что, в момент, когда конь делает поворот (*эпистрофэ*), они, как бы защищаясь от одного противника, переносят, поднимая над головой, щиты себе за спину, и разворачивают контосы²⁷⁸, как будто их атакует новый неприятель²⁷⁹. Это упражнение называется по-кельтски «толутегон»²⁸⁰. (3) И вслед за тем они, уже выгавив мечи (*спаты*), наносят один удар за другим, как только могут, когда либо нагоняют бегущего неприятеля, либо добивают упавшего, либо наносят [удары] в стороны, мчась бок о бок [с противником]. В дополнение к этим [упражнениям] исполняются самые разнообразные прыжки на коней, всех видов и способов, с помощью которых конник садится верхом на коня. (4) И под конец они демонстрируют вскакивание в [полном] вооружении на бегущего коня, которое некоторые именуют «дорожным».

44. (1) Таковы обычные для римских конников упражнения, проводимые еще с древних времен²⁸¹. Император²⁸² же дополнительно постановил, чтобы они обучались и варварским приемам, таким, какие выполняют парфянские и армянские конные лучники²⁸³; а также таким поворотам под прямым углом (*эпистрофэ*) и поворотам назад (*апострофэ*), какие применяют поочередно в конных атаках савроматские

и кельтские контофоры²⁸⁴; в дополнении к этому – многим и разнообразным способам метания, полезным в битвах; и для каждого народа – свой отеческий боевой крик: кельтский – для кельтских конников, гетский – для гетских, ретийский – для тех, кто из Ретии²⁸⁵. (2) Кони у них также обучаются перескакивать рвы и перепрыгивать небольшие стенки. Словом, у римлян нет ничего из их древних обычаев, что, даже выйдя из употребления, не культивировалось бы сызнова, а еще [есть] то, что добавлено императором ради красоты, быстроты, для того, чтобы произвести впечатление, и для пользы дела. (3) Поэтому мне кажется, что следующие стихи гораздо больше подходят для сегодняшней империи, в которой Адриан правит двадцатый год²⁸⁶, чем для древнего Лакедемона:

«Здесь копьё молодых цветет, и звонкоголосая Муза,
и широкоулочная правда, помощница добрых дел»²⁸⁷.

Ариана «Диспозиция против аланов»

(1) Во главе всего войска идти конным разведчикам, построенным по-двое со своим начальником¹. За ними петрейские конные лучники², также по-двое; ведут их декурионы. За ними следуют [всадники] илы, имя которой – аврианы³. Вместе с ними двигаются [всадники] четвертой когорты ретийцев⁴, их командир – Дафн Коринфянин. За ними [всадники] илы по имени колонны⁵. Вместе с ними двигаются итурейцы⁶, киренейцы⁷ и [всадники] первой ретийской⁸ [когорты]. Всеми ими командует Деметрий. (2) За ними кельтские всадники⁹, также по-двое, и их возглавляет тот же центурион, что и в лагере¹⁰.

(3) Пехота двигается за ними¹¹, выставив перед собой значки, итальянцы¹² и киринейцы¹³, сколько есть налицо. Всех возглавляет Пульхр, командующий итальянцами. Боспоранские пехотинцы¹⁴ идут за ними, имея начальником Лампрокла, а нумидийцы (*номады*)¹⁵ за ними, подчиненные своему начальнику Веру¹⁶. (4) Колонна будет по четыре гоплита [в ряд]. Впереди них шествовать всем наличным лучникам. Фланги колонны с обеих сторон прикрывают их собственные конники¹⁷. За ними следуют отборные конники¹⁸, а за ними конники легиона¹⁹, (5) потом катапульты, потом знамя пятнадцатого легиона²⁰ и при нем начальник легиона Валент²¹, ипарх²², хилиархи²³, к которым он причислен, и <пять> центурионов, командиров первой когорты²⁴. Перед знаменем пехотинцев двигаются дротикометатели. Самим же пехотинцам идти [сзади знамени], построившись по четыре [в ряд]. (6) За пятнадцатым легионом размещается знамя двенадцатого легиона²⁵, и при нем хилиархи и центурионы. И этот легион шествует тем же порядком, построившись по четыре.

(7) За пехотой гоплитов двигаются союзные войска²⁶: те, что из Малой Армении²⁷ и от Трапезунтцев²⁸ – гоплиты, а колхи и ризианы²⁹ – копьеносцы (*лонхофоры*). За ними двигаются апланийские³⁰ пехо-

тинцы. Начальником всего союзного войска будет Секундин³¹, командующий апланийцами. (8) За ними движется обоз. В аррьергарде находится ила гетов³² и её иларх.

(9) Фланги пехоты приводят в порядок центурионы, к ней приставленные, а в качестве охранения галатийская ила³³, построенная цепью по одному, объезжает обе стороны [колонны], как и конники италийцев³⁴. Их иларх³⁵ надзирает за флангами.

(10) Командующий всем войском Ксенофонт³⁶ командует, [находясь] большей частью перед значками [легионной] пехоты, надзирает за всей колонной и следит, как идут воины в строю, возвращает бросивших строй обратно³⁷, ободряет идущих в порядке³⁸.

(11) В таком [походном] построении идти³⁹. Придя же в назначенное [для битвы] место⁴⁰, всей коннице расположиться по кругу в каре, а разведчиков выслать на возвышенные места для наблюдения за неприятелями. По сигналу тотчас же вооружиться в молчании, вооружившись – занять место в строю. (12) Боевой порядок пусть будет таким. Каждый из флангов пехоты занимает крайние высоты на местности⁴¹, поскольку диспозиция предназначена для такой [местности]⁴². За правым флангом строятся армении Васака и Арбела⁴³, занимая самую вершину холма, поскольку все они лучники. (13) Перед ними выстраиваются пехотинцы италийской когорты. Всех возглавляет Пульхр, который командует италийской когортой. Ему подчинены сам Васак, Арбел, их конница и их пехота.

(14) Налево строятся, также занимая вершину холма, союзники из Малой Армении, гимнеты⁴⁴ трапезунтцев и копьеносцы ризианы. А перед ними выстраиваются апланийцев – двести и киренейцев – сотня, чтобы гоплиты были прикрытием перед метателями, которые производят метание через [них] с вершины [холма]⁴⁵. (15) Все пространство в середине с правой стороны занимает пехота пятнадцатого легиона, выдвигаясь за центр всей позиции, как гораздо более многочисленная⁴⁶; оставшийся участок [фронта] с левой стороны заполняют пехотинцы двенадцатого легиона до самого края (подножия)⁴⁷ левого холма. [Они] строятся в восемь [шеренг] и их построение пусть будет плотным⁴⁸. (16) Первые четыре шеренги будут состоять из контофоров, у пик (*контосы*)⁴⁹ которых далеко выступают длинные, суживающиеся наконечники⁵⁰. Стоящие в первой шеренге держат их наготове таким образом, чтобы, если неприятели приближаются, направлять острия пик главным образом в груди коней⁵¹. (17) Те же...⁵² и стоящие дальше, а именно, в третьей и четвертой шеренгах⁵³, выставляют пики, где это возможно, для метания⁵⁴, рванят коней и поражают конников, а когда пика застревает в щите⁵⁵ или панцире-катафракте⁵⁶, и наконечник, из-за мягкости, погибает, делают невозможным [для врага] езду верхом⁵⁷.

(18) Далее будут стоять шеренги копьеносцев (*лонхофоров*)⁵⁸. Девятую, следом за ними, шеренгу составят пешие лучники из нумидийцев (номадов), киренейцев, боспорианов и итурейцев. (19) [Военные] машины располагаются за каждым из флангов, чтобы с большого расстояния обстреливать приближающихся неприятелей, и позади всей фаланги⁵⁹.

(20) Вся конница, построенная по илам и лохам числом восемь⁶⁰, становится за пехотинцами, причем за каждым из флангов, имея впереди себя защиту из гоплитов и лучников, [становятся] два лоха, а за центром фаланги – шесть .. (остальных?)⁶¹. (21) Из них все конные лучники размещаются непосредственно за фалангой, чтобы стрелять по верх неё; а все, сколько есть, копьеносцев, пикейщиков, меченосцев и секироносцев будут развернуты лицом к флангам⁶² и ждут условного сигнала. (22) Отборные конники будут находиться при самом Ксенофонте, как и порядка двухсот человек из легионной пехоты, [его] телохранителей⁶³, центурионы, приставленные к отборным [легионерам], иначе – начальники телохранителей, и декурионы отборных [конников]. (23) Пусть будут при нем ...⁶⁴ сотня легковооруженных копьеносцев, чтобы он, обходя строй фаланги, мог выяснять, где [возникла] слабость, идти туда и оказывать помощь. (24) Всем правым флангом с конницей командует Валент, он же легат пятнадцатого легиона, левым – хилиархи двенадцатого [легиона]⁶⁵.

(25) Так построившись, хранить молчание, пока неприятели не приблизятся на расстояние выстрела; когда же [они] приблизятся, всем поднять самый громкий и устрашающий воинский крик⁶⁶ и пускать снаряды из машин и камни, а также стрелы из луков, а копьеносцы – как легковооружённые, так и щитносцы (?)⁶⁷ – станут метать копья⁶⁸. Понесутся на неприятелей и камни с высот⁶⁹ от союзников, а обстрел в целом должен вестись отовсюду и быть столь густым, чтобы вызвать смятение среди коней и гибель неприятелей. (26) И следует ожидать, что под неописуемым градом метательных снарядов атакующим скифам⁷⁰ не [удастся] подойти близко к пехотной фаланге⁷¹. Если же они приблизятся, то, сдвинув щиты и прижавшись плечами, встретит натиск накрепчайшим отпором, сблизив три первые шеренги вплотную как можно более плотно и с какой только возможно силой. Четвертая [шеренга] .?.⁷² метает копья (*лонхи*) поверх голов, а третья⁷³ бьет или колет⁷⁴ нещадно пиками коней и людей. (27) Когда [атака] будет отражена⁷⁵, если [среди врагов] начнется сильное бегство⁷⁶, пехотные ряды разомкнутся и выпустят на них конников, но не лохи целиком⁷⁷, а их половины: те, кто выстроены первыми, первые и атакуют⁷⁸. (28) Другие половины следуют за атакующими, находясь в боевом построении и не увлекаясь всецело погоней, чтобы, если бегство застопорится, подкре-

пить ранее ушедшую погоню на свежих конях, а если же [преследуемые] попытаются сделать какой-либо разворот [чтобы оказать сопротивление] – напасть на разворачивающихся. (29) В этот момент армянские лучники, участвующие в преследовании, должны стрелять, чтобы не позволить бегущим повернуться, а копьеносцы, не имеющие доспехов⁷⁹, нагоняют их бегом. Строевая пехота не остается более на месте, но продвигает быстрым шагом, чтобы, случись более сильное сопротивление со стороны неприятелей, тотчас стать заслоном впереди конных.

(30) Так [следует] действовать, если после первого нападения враги охвачены бегством; если же, развернувшись по дуге, они попытаются атаковать фланги⁸⁰, то фланги из легковооруженных лучников [приходится] растягивать дальше на ещё более высокие места. Так я не одобряю [делать], чтобы [неприятели], видя фланги ослабленными из-за растянутости [линии], не бросались рубить пехоту⁸¹. (31) [Поэтому], когда они обходят оба или один из флангов, кони у них со всей неизбежностью станут [к нам] боком, и также сбоку [окажутся] пики⁸². Тогда и нападут на них конники, [сражаясь] не только метательным оружием, но и имеющимися у них мечами (*спаты*), а другие – секирами. Поскольку и сами скифы, и их кони не защищены панцирями ...⁸³

КОММЕНТАРИЙ

«ТАКТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО»

- ¹ Сохранившийся текст «Тактического искусства» Арриана начинается с середины фразы, со слов «сын Пирра» (ὁ Πύρρου παῖς). Начало «Тактики» Арриана утрачено вместе с вырванным первым листом прототипа всей рукописной традиции, Laurentianus gr. 55.4. Пропал, по приблизительным подсчетам, текст примерно в 200 слов (Stadter 1978. P. 121. Not. 15; Devine 1993. P. 315), большую часть которого, возможно, занимало «Предисловие», которым военные писатели того времени (Фронтон, Элиан, Полиэн, и др.) часто предваряли основной текст своего сочинения. Предисловие к «Тактике» старшего современника Арриана, Элиана, включало посвящение правящему императору Траяну, краткую автохарактеристику, обоснование значимости и актуальности труда (см.: Перевалов 2003. С. 185–186): что-то подобное можно предполагать и для «Тактики» Арриана (Devine 1993. P. 315). Кроме того, Предисловию Элиана предшествовало подробное, из 113 пунктов, оглавление, которое, по-видимому, в трактате Арриана отсутствовало, если принять во внимание недостаток места в утерянном тексте. Текст в угловых скобках – «<Пирр Эпирот составил “Тактику”, и Александр>» – добавлен из «Тактики» Элиана (Ael. Tact. 1.2), и относится уже не к предполагаемому Предисловию, а к первой главе трактата. Арриан, как и Элиан, начинает с того, что мы назвали бы библиографией вопроса в хронологическом порядке. Первым автором в ряду тех, кто писал о тактической военной теории, считался Гомер (см.: Ael. Prooem. 1). С него начинает своё перечисление тактиков Элиан. «Похоже, что Гомер был первым, из нам известных, кто открыл тактическую теорию, и восхищался теми, кто был искусен в этом деле, как Менесфей, “который, как никто из живущих на земле, умел строить в боевом порядке коней и щитоносных мужей”» (Hom. II. 2.553–554; Ael. Tact. 1.1). Согласно Элиану, к гомеровской тактике обращались в своих сочинениях Стратокл, Гермей, и консуляр Фронтин (т.е. Фронтон); в дальнейшем военную теорию разрабатывал Эней (Тактик) в многочисленных трудах «по стратегике», их эпитому составил Киней Фессалиец (друг эпирского царя Пирра). Далее Элиан называет имена самого Пирра, его сына Александра, и прочих тактиков, перечисленных у Арриана

(см. ниже), вплоть до Посидония Родосского, а также пропущенного Аррианом Бриона (о них: Dain 1967. P. 321–322).

Пирр, сын Эакида, царь Эпира, крупный полководец, участвовал в многочисленных войнах диадохов, а также вёл первую крупную войну греков с римлянами на территории Италии в 280–275 гг. О его сочинениях по военному делу, кроме Элиана, упоминает Цицерон (Ad fam. 9.25.1) и Плутарх, который писал: «о его познаниях и способностях в военном деле можно судить по сочинениям на эту тему, которые он оставил [...] Судя по всему, Пирр занимался одним военным делом и только в него углублялся» (Plut. Rurr. 8. Пер. С.А. Ошерова). Схожую характеристику дает Павсаний: «По необыкновенному счастью и по славе его подвигов карфагенянин Прокл ставит Александра, сына Филиппа, выше всех других, но по искусству расположить гоплитов и конницу, по умению прибегать к военным хитростям в момент самого боя <как тактика и стратега> он считает Пирра много выше его» (Paus. Descr. Hell. 4.35.3. Пер. С.П. Кондратьева). Занятия военной теорией и составление Пирром «Тактики» практически не получили отражения в книге Р.В. Светлова, ограничившегося упоминанием «его (Пирра) сочинения по тактике, которое стало учебником военного дела для многих полководцев» (Светлов 2006. С. 338)

Александр, сын Пирра от Ланассы (дочери Агафокла Сиракузского), с детских лет воспитывался отцом в милитаристском духе (Plut. Rurr. 9.2–3). После смерти отца стал царем молоссов в Эпире, Александром II (272–255 гг. до н.э.).

- ² В отличие от Элиана, который только называет имя Клеарха, Арриан вносит уточнение: «не тот, что возглавлял десять тысяч эллинов против [персидского] царя». Аналогичным образом Арриан поступает, представляя Ификрата (ниже). Такого рода добавления можно отнести на счет присущего Арриану интереса к истории и историческим личностям.

Спартанец Клеарх, выдвинувшийся в конце Пелопоннесской войны, был командиром греческих наемников в армии Кира Младшего, соперника в борьбе за трон со своим братом Артаксерксом II. Поход «десяти тысяч» греков вглубь Азии до Вавилона и от него к Черному морю (401 г. до н.э.) подробно описан в «Анабасисе» Ксенофонта Афинского, любимого писателя Арриана. Полиэн в «Стратегемах» отводит примерам боевой деятельности Клеарха особую главу (Polyaen. Strat. 2.2.1–10; см.: Полиэн 2002. С. 355. Комм. 56). Клеарх был предательски убит персами во время переговоров после битвы при Кунаксе.

- ³ Неясно, о каком «другом» Клеархе идет речь. Идентифицируемые авторы «Тактик» перечисляются в хронологической последовательности, следовательно Клеарх и остальные тактики должны были писать уже после Пирра. Поэтому исключено, что здесь подразумевается полководец и политический деятель IV в., тиран Гераклеи Понтийской в 364–351 гг., в молодости ученик Платона и Исократ (О нем см. хронику Мемнона «О Гераклее», с комментариями В.П. Дзагуровой: Мемнон 1951. С. 289–29; также: Полиэн 2002. С. 376. Комм. 191). По той же причине отпадает известный философ-перипатетик, ученик Аристотеля, Клеарх из Сол.

- ⁴ Ближе неизвестен.
- ⁵ Евангел (предположительно III в. до н.э.), любимый военный писатель аркадского полководца Филопомена из Мегалополя (253–183 гг. до н.э.). По словам Плутарха, «его постоянным чтением была прежде всего “Тактика” Эвангела и исторические сочинения об Александре; он был убежден, что если сочинение – не бесплодная болтовня, предназначенная для пустого времяпровождения, то слова переходят в дела. Схемы и чертежи, сделанные на табличках, Филопомен оставлял без внимания, а тактические теории рассматривал на местности» (Plut. Philop. 4.4–5. Пер. С.И. Соболевского; ср.: Liv. 35.28; Paus. Descr. Hell. 8. 49.2–3).
- ⁶ Полибий из Мегалополя (201–120 гг. до н.э.), знаменитый греческий историк. В своей «Истории» упоминает о том, что написал «Тактику» (Pib. 9.20.4), которая до нас не дошла. В литературе высказывались мнения, что именно Полибиева «Тактика» – либо непосредственно (Devine 1993. P. 318; 1995), либо через Посидония (Stadter 1978. P. 117–118), – легла в основу той традиции, которая вызвала появление тактических трактатов Асклепиодота, Элиана и Арриана. Известно, что Посидоний продолжал Полибия в не дошедшей до нас «Истории после Полибия в 52 книгах» (Столяров 1995. С. 268), так что аналогичная преемственность в жанре тактических трактатов весьма вероятна. Описание Полибием фаланги в битве при Киноскефалах (Polyb. 18.29.1–18, 30.4) находит некоторые параллели в произведениях тактиков (Ascl. 5.1–2; Ael. 14.1–6; Agr. 12.6–10). Против крайностей теории непосредственного заимствования тактиками римского времени труда Полибия выступает Г.С. Самохина (Самохина 2007а).
- ⁷ Имеется в виду III Пуническая война (149–146 гг. до н.э.), доведённая до победного конца Публием Корнелием Сципионом Эмилианом Африканским Младшим (185–129 гг. до н.э.). Полибий, один из деятелей Ахейского союза (гиппарх), попал в 167 г. до н.э. в Рим в числе тысячи других заложников, где сблизился со Сципионом Эмилианом (см.: Трухина 1986. С. 115–167). Сципион, являясь поклонником греческой культуры, организовал своего рода кружок интеллектуалов, куда входил и Полибий, которого Г.С. Самохина характеризует как «военного и политического эксперта при кружке Сципиона» (Самохина 1995. С. 42; см. также: Беликов 2003. С. 151). Полибий вернулся в Грецию в 150 г. до н.э., но в связи с начавшейся III Пунической войной был вызван письмом консула Мания Манилия в Африку (Pib. 37.3.1–4), где оказал ряд услуг экспедиционной римской армии и лично Сципиону. Высказывалось мнение, что приглашение Полибия могло быть обусловлено популярностью его «Тактики», составленной, возможно, еще до 169 г. до н.э., и составившей автору репутацию знатока военного дела во время пребывания в Риме. «В условиях военных действий в Северной Африке римляне нуждались в теоретических знаниях и практическом опыте Полибия и пригласили его как компетентного военного эксперта» (Тыжов 1994. С. 15). По словам Павсания (Descr. Hell. 8.30.4), «всякий раз, когда Сципион следовал увещаниям Полибия, он добивался успеха. А в чем он не внял его увещаниям, терпел, как рассказывают, неудачи» (см.: Тыжов 1994. С. 15). Плутарх, впрочем, рассказывает анекдот о том, как Сципион

при штурме Карфагена отказался следовать совету Полибия оградить себя колючками и крючьями от вылазок карфагенян (Plut. Mor. 200 B): типичный для античных авторов сюжет, противопоставляющий кабинетных стратегов полководцам-практикам. Квалификация Полибия как военного эксперта не раз подвергалась сомнениям (Тарн 1949. С. 257, и др.). Впрочем, точка зрения о том, что «Полибий прекрасно разбирался в военном деле» (Шауб 2010. С. 6) тоже имеет своих сторонников.

⁸ Ближе неизвестен.

⁹ Ификрат, сын Тимофея, афинский стратег, командир наёмников в первой половине IV в. до н.э., известный своими нововведениями в военном деле, одержал ряд побед над спартацами. О нём см.: Трухина 1992. С. 159–163; Полиэн 2002. С. 389–390. Комм. 53.

¹⁰ Дж. Де-Вото предполагает (De Voto 1993. P. 96), что здесь подразумевается тот Ификрат, который, согласно Плутарху (Plut. Pelop. 2), уподоблял части армии человеческому телу. По другим источникам неизвестен. Ср.: Polyae., 3.9.22, где аналогичное рассуждение приписано Ификрату, афинскому стратегу. «Ификрат сравнивал состав армии с неким телом. Грудью он называл фалангу, руками – легковооруженных, ногами – конницу, головой – стратега. Когда прочее будет отсутствовать, хромяя и увечная будет армия, а когда стратег погибнет, вся армия бесполезно погибает» (Polyae., 3.9.22).

¹¹ Посидоний (ок. 135–51 гг. до н.э.) Апамейский – по месту рождения, или Родосский – по месту жительства и нового гражданства (Ps.-Lucian. Macrobi. 20), крупнейший представитель Средней Стои. Учение Посидония, «самого многознающего из философов» (Strabo 16.2.10. P. 753), энциклопедическое по охвату материала и эклектическое по содержанию, рассматривало философию как мать всех наук, «потребных для повседневной жизни», включая ремесла, строительное дело и т.д. (Sen. Epist. 90.7; см. также Epist. 88.21–28). Посидонию принадлежали множество трудов как философских, так и узкоспециальных (перечень см.: Столяров 1995. С. 268), к числу последних можно отнести и «Тактику». До нас она не дошла, но исследователи издавна рассматривают ее в преемственной связи с сохранившимся в Laurentianus 55.4 gr. «Тактическим искусством» некоего «Асклепиодота-философа». Из «Естественных вопросов» Сенеки известен слушатель (auditor) Посидония по имени Асклепиодот (Quaest. Nat. 2.26.6; 30.1; 5.15.1; 6.17.3; 6.22.2), который и принимается большинством ученых за составителя этого тактического трактата – первого из дошедших до нас сочинений подобного рода. Положение о том, что трактат Асклепиодота был не чем иным, как подражанием (imitatio) или конспектом работы мэтра, принято Л. Познанским в последнем критическом издании Асклепиодота (Asclépiodote 1992. P. XII). На основании трактата Асклепиодота обычно судят о концепции его учителя Посидония, и его вкладе в теорию тактического искусства. Так, именно Посидонию приписывают приоритет в создании «ученого», формализованного (и тем отличающегося от традиции Полибия) описания, свойственного тактикам стоической школы, включая Арриана.

Роль и значение «Тактики» Посидония для более поздних «Тактик» дискутируется. По мнению А. Дэна, которого принято критиковать за увлечение

реконструкциями «недостающих звеньев» (об этом: Кучма 2001. С. 141), традиция трактата Посидония распадается на два варианта: один представлен Асклепидотом, другой – автором ныне утраченной «Тактики» (*Techne pediae*), материалы которой использовали Элиан, Арриан и анонимный автор т.н. «Военных терминов» – *Definitiones* (Dain 1946. P. 26–40; Idem. 1967. P. 329, 331). Допуская такое объяснение, Ф. Стадтер не исключает и другую возможность, когда все три автора – Асклепидот, Элиан, Арриан – напрямую пользовались трактатом Посидония (Stadter 1978. P. 117–118; 1980. P. 41). Дэну и Стадтеру возражает Э. Уилер, склоняющийся к тому, что основным источником Арриана всё-таки был Элиан (Wheeler 1978. P. 353).

- ¹² Тезис о необходимости популяризировать сложную военную терминологию ранних тактиков для широкой публики присутствует ещё в труде Элиана (*Ael. Tact.* 1.3–6). Утверждение Арриана, будто он первым из тактиков поставил такую задачу, возможно, свидетельствует в пользу того, что ему не был известен трактат Элиана (чьё имя не встречается в его перечне тактиков: *Art. Tact.* 1.1), если не предполагать механическое заимствование тезиса у предшественника, к чему Арриан, в общем, не был склонен. С другой стороны, разъяснение специальной терминологии является весьма распространённым требованием, своего рода «общим местом» в греческой литературе, сформулированным задолго до II века н.э. А. Девин предполагает здесь влияние на обоих авторов (Элиана и Арриана) «Тактики» Посидония или, быть может, Полибия (Devine 1993. P. 318). Полибий в своей «Истории», действительно, обнаруживает стремление сделать понятным неизвестные широкому читателю термины и понятия. «Дабы изложение наше не осталось совершенно непонятным для читателей, не сведущих в этих странах, нам необходимо рассказать, откуда вышел Ганнибал, сколько и какие страны были пройдены им, и в какие местности Италии он прибыл. Мы должны сообщить, впрочем, не одни только имена стран, рек и городов, как поступают некоторые историки, воображая, что этих сведений достаточно для ясного понимания каждого предмета. По моему мнению, наименованием местностей известных очень много облегчается запоминание описания; относительно же совершенно неизвестных местностей перечисление имеет так же мало значения, как и употребление непонятных слов и нечленораздельных звуков. Так как мысль не имеет никакой опоры и не может приурочить известие к чему-либо знакомому, то рассказ получается беспорядочный и совершенно непонятный. Вот почему необходимо изыскать средство, при помощи которого можно будет в повествовании о предметах неизвестных давать читателю в руководство представления по мере возможности верные и близкие ему» (*Pib.* 3.36.1–5. Пер. Ф. Мищенко). В какой мере эта установка была реализована в утраченном трактате Полибия по тактике, сказать невозможно. Существенно, что Арриан, в отличие от Элиана (также как Асклепидота), не говорит об использовании диаграмм (*καταγραφή*: *Ael. Tact.* 1.5) для наглядного воспроизведения разных видов боевых построений, что в очередной раз возвращает нас к трудному вопросу о том, были ли ему известны трактаты своих ближайших предшественников, или он ориентировался на более ранние образцы, вышедшие из-под пера Посидония, или Полибия (Devine 1993. P. 318).

- ¹³ Арриан, как кажется, опирается на распространенное у стоиков учение о тесной связи предмета (вещи) с названием. Согласно Хрисиппу (фр. 14б. Пер. И.М. Тронского), «стоики полагают, что имена от природы, так как первые звуки подражали вещам, а им соответствуют имена; в согласии с этим они и вводят некие элементы этимологии» (Античные теории. С. 77). В дальнейшем Арриан неоднократно использует приём обозначения предмета через его название.
- ¹⁴ Арриан переходит к изложению предмета сочинения по отдельным его пунктам, начиная с того, что он считает подготовительной стадией к войне. При этом он не раскрывает базового понятия – искусства тактики. Обычно греки понимали предмет военного искусства (ἡ πολεμικὴ τέχνη, τὰ πολεμικά) иначе, чем в наши дни, включая в него, помимо военной науки, также вопросы, связанные с организационной и управленческой деятельностью, «стратегией» в античном смысле слова. В статье из RE столетней давности выделялись следующие отрасли греческой теории ведения войны (Lammert, Lammert 1912. Sp. 1828): I. Подготовка войны, состоящая из забот о 1) фортификации и обеспечения обороны своей земли, 2) снабжении, 3) наборе и пополнении войск, 4) их финансировании. II. Тактика сухопутных войск (τακτικὴ τέχνη) подразделявшаяся на: 1) организацию и вооружение армии, 2) элементарную тактику или эволюции (κινήσεις), 3) высшую тактику, или стратегию (στρατηγία). III. Военно-морская тактика. IV. Осадное и крепостное искусство. Подготовка к войне, набор войска, организация его снабжения считались важной задачей полководца в эпоху полисного строя, когда греческий стратег в идеале должен был соединять в одном лице полководца и военного министра. Ксенофонт отмечал: «тактика лишь ничтожная часть стратегии. Полководец должен обладать способностью приготавливать (παρασκευαστικὸν) все, что нужно для войны, добывать продовольствие войску» и т.д. (Mem. 3.1.6. Пер. С.И. Соболевского). По этим вопросам существовала специальная литература: например, младший современник Ксенофонта Эней Тактик в сохранившейся части своего труда неоднократно ссылаясь (Aen. Tact. 7.4; 8.5; 21.1; 40.8) на свою книгу о военных приготовлениях (ἡ παρασκευαστικὴ βίβλος), которая до нас не дошла.
- В эллинистическо-римскую эпоху, когда на смену небольшим полисным организациям пришли крупные державы, в представлениях о роли полководца наблюдается некоторое смещение акцентов. Вопросы управленческие, как слишком сложные для отдельного человека, перешли в ведение центральной, надполисной – монархической или имперской – власти, и командующему больше приходилось заниматься делами, непосредственно связанными с боевыми задачами. В этих условиях на первый план вышла именно тактика. Видимо, поэтому Арриан, как и его предшественники Асклепиодот и Элиан, в отличие от авторов IV века до н.э., не останавливается специально на подготовительной фазе войны, и быстро переходит к тому, что составляет основу тактической теории.
- ¹⁵ Единственное у Арриана упоминание о морской войне. Деление войн на сухопутную и морскую встречается также у Асклепиодота (Tact. 1.1) и Элиана (Tact. 1.2, ср. 40.8). Трактаты, посвященные этой разновидности во-

- енного дела, до нас не дошли. Некоторое представление о сочинениях на военно-морскую тему, типах боевых кораблей, их боевых порядках, даёт «Эпитама военного дела» позднеримского автора Вегеция (Veg. 4.31–46).
- ¹⁶ Феты, или слуги, выполняли в армиях обязанности обозников, оруженосцев, а в отдельных случаях и боевые функции (Дельбрюк 1936. С. 67). В классическую эпоху нормальным было соотношение гоплитов и фетов как 1:1 (Thuc. 3.17.3). В македонской армии IV в. до н.э. одной из проблем было сокращение числа нестроевых. По сообщению Фронтин (Front. Strat. 4.1.6) Филипп II оставил по одному обознику на каждого всадника, и по одному – на десять пехотинцев, заставив их самих носить на спине 30-дневный запас муки. Видимо, в связи с этой мерой Филипп тренировал своих тяжеловооруженных пехотинцев совершать длительные (до 300 стадий, т.е. ок. 55 км) переходы с полной выкладкой (Polyaen. Strat. 4.2.10). Впрочем, норма 10:1 для пехоты не закрепились.
- Арриан говорит о греческой практике. В римской армии также были военные рабы и слуги (servi, servitia, rueri, mansipia), иногда объединяемых общим техническим термином calones. Более практичные, нежели греки, римляне определяли в теории соотношение комбаттантов и некомбаттантов как 4:1. Как правило, на легион в 4 800 человек пехоты приходилось 1 200 calones (Roth 1999. P. 114).
- ¹⁷ Помимо слуг, в обозе любой эллинистической армии находилось множество других людей «вне строя» (ἐκτὸς τῆς τάξεως: Diod. 34.17). Кроме названных у Арриана врачей, купцов, маркитантов, в число «нестроевых» могли входить люди самых разных статусов и профессий: члены солдатских семей, любовницы, работницы и пр. Например, во время парфянского похода Антиоха VII Сидета в 130 г. до н.э. в его войске «был не меньший запас всяких предметов роскоши, чем военного снаряжения, ибо восемьдесят тысяч вооруженных сопровождали двести тысяч всякого рода обозных служителей, среди которых было очень много поваров, хлебопек, актеров» (Just. 38.10.2. Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского). Эта сторона жизни эллинистических армий мало интересовала древних писателей. «Возможно, что наиболее удручающей лакуной в наших свидетельствах об армии Селевкидов и об эллинских армиях вообще является почти полное отсутствие сведений о службе тыла» (Бикерман 1985. С. 86). Если говорить о тактических трактатах, то они по определению не подходили для того, чтобы освещать эти, далёкие от основного предмета, вопросы. Ещё одной причиной игнорирования роли некомбаттантов могло быть морализаторство кабинетных ученых типа Посидония по поводу излишеств, связанных с наличием в армии огромного числа людей, не занятых непосредственно военным делом (Posidon. 87 fr. 9 Jac.=Athen. 540b). Однако с практической точки зрения их присутствие было необходимым: по словам Э. Бикермана, «только превосходная интендантская служба может воспрепятствовать превращению войск в шайки мародеров» (Бикерман 1985. С. 86).
- ¹⁸ Второй, после пехоты, род войск, охватывает тех, кто пользуется каким-либо транспортным средством (τὸ δ' ἐπὶ ὀχήματι), или «верховых», в том смысле, который принимает для этого слова В.И. Даль: «*Верховой*... доверху относящийся, в разн. знач.» (Даль 1989. I. С. 185). Кроме конницы и

элефантерии, о которых Арриан говорит ниже, в древности существовала еще одна экзотическая разновидность верховых – верблюжья кавалерия, которую Арриан не включает в свой обзор, как и другие тактики. Круг народов, использующих верблюдов, охватывал в основном районы, прилегающие к местам их обитания в зонах пустынь и сухих степей Азии и Африки. По словам Ксенофонта, персы при Кире Великом (сер. VI в. до н.э.) имели по два лучника на верблюде (Хен. Сугор. 6.2.8), и использовали их против конницы, поскольку кони боялись самого вида верблюдов (Хен. Сугор. 7.1.22, первоисточник информации: Hdt. 1.80; ср. 7.87). Из двух видов верблюдов – одногорбых (*camelus dromedarius*) и двугорбых (*camelus bactrianus*) – предпочтение в военном деле отдавалось более легким одногорбым арабским. Один из эллинистических правителей, Селевкид Антиох III Великий, в битве с римлянами при Магнесии (190 г. до н.э.) применил верховых, в распоряжении которых имелись «верблюды, называемые дромадами. На них сидели арабские лучники, вооруженные длинными узкими мечами в четыре локтя длиной, с тем, чтобы они могли поразить врага с такой высоты» (Liv. 37.40.12; см. также: Arr. Syg. 32). В поздней античности парфянские всадники на верблюдах из войска Артабана V в 217 г. н.э. носили броню (Herod. 4.14.3). Верблюжья кавалерия уступала конной в скорости и маневренности, а потому не получила широкого распространения.

- ¹⁹ Первые сведения об использовании индийцами слонов теряются в глубине тысячелетий. Печатки с изображением прирученных слонов находят уже в памятниках Индской (Хараппской) культуры II тыс. до н.э. (Маккей 1951. С. 71. Табл. XVII, 7). В период становления достоверной античной традиции об Индии, во время и после похода Александра Македонского, правители отдельных индийских княжеств владели сотнями и тысячами животных. У Пора насчитывалось 200 слонов (Агг. Анаб. 5.15.4; ср. Diod. Sicul. 17.87.2 – 130 слонов), у правителей гангаридов и прасиев (т.е. Нандов) – до 6000 (Plut. Alex. 62; Diod. Sicul. 17.93.2 – 4000), Чандрагупта-Сандракотт несколько позже передал Селевку Никатору 500 боевых слонов (Plut. Alex. 62). О ловле и дрессировке слонов индами Арриан подробно пишет в своей «Индике» (Агг. Ind. 13–14). Этнокон «инды» (Ἰνδοί) со временем стал обозначением определенной профессии дрессировщика и погонщика слонов (Берзина 1982. С. 22).
- ²⁰ Эфиопия была известна как страна, где водятся большого размера слоны, как минимум, со времени Геродота (Hdt. 3.115). Однако указание Арриана на то, что эфиопы-мероиты имели дрессированных слонов еще до македонцев (т.е. до последней трети IV в. до н.э.), рассматривается специалистами лишь как «анекдот, свидетельствующий о значительном месте, которое занимали эфиопские слоны в Средиземноморье, и о широкой постановке дела в Мероэ» (Берзина 1982. С. 20). Более вероятно, что эфиопская элфантирия возникла под влиянием египетских Птолемеев, поскольку первые сведения об использовании слонов в Мероэ появляются не ранее второй половины III в. до н.э. (Берзина 1982. С. 21). Об эфиопской элфантирии Арриан пишет и ниже: Агг. Такт. 19.6.
- ²¹ Слоны не водятся в Европе, и европейские армии впервые заимствовали их у азиатских народов – персов и индийцев. Македонцы впервые познакомились

- с индийскими слонами в ходе восточного похода Александра Македонского, в битве 331 г. до н.э. с Дарием при Гавгамелах, где на стороне персов сражались 15 боевых животных (Агг. Анаб. 3.8.6; 11.6), затем – в самой Индии. «Первым из жителей Европы стал пользоваться слонами Александр, победив Пора и войско индийцев. После смерти Александра ими стали пользоваться и другие цари, [...] самих же животных, прежде чем македоняне не пришли в Азию, вначале никто не видал, кроме самих индийцев, ливийцев или их соседей» (Paus. Descr. 1.12.4. Пер. С.П. Кондратьева). Дорогостоящие, труднодоступные, считающиеся «царскими» животными (Агг. Ind. 17.2), индийские слоны были распространены, главным образом, в восточных, включая эллинистические, армиях, которые Арриан суммарно относит к «македонцам». Настоящими «владыками слонов» считались Селевкиды, имевшие доступ к индийским слонам (Тарн 1949. С. 73; Бикерман 1985. С. 59–60). Селевк I Никатор получил от Чандрагупты 500 боевых животных (Plut. Alex. 62; Strabo 15.2.9. P. 724; 16.2.10. P. 752), 480 из них участвовали в битве при Ипсе (Diod. 19.113; Plut. Dem. 28). Антиох I Великий благодаря своим 16 слонам добился победы над галатами (Lucian. Zeuxis. 11). В Египте первое время использовали индийских слонов, но со времени Птолемея II Филадельфа (285–247 гг.) и Птолемея III Эвергета (247–221 гг.) для военных целей стали дрессировать африканских слонов (Болдырев, Боровский 1948. С. 275).
- ²² Карфагеняне впервые встретились на поле битвы с индийскими боевыми слонами в войне с Пирром Эпиротом на территории Сицилии в 278 г. (App. Sam. 11.2). Первый зафиксированный случай использования слонов самими карфагенянами относится ко времени I Пунической войны, когда полководец Ганнон перевез морем в Сицилию 60 слонов (Diod. Sicul. 20.8). В стенах Карфагена, защищавших город с суши, размещались стойла для 300 боевых слонов (Strabo 17.3.13). Карфагеняне, в отличие от государств эллинистического мира, чаще использовали не индийских, а «длинноухих» африканских (ливийских) слонов, водившихся на северо-западе Африки (Plin. NH. 5.5.18), для ловли которых проводились специальные экспедиции (App. Punic. 95). В древности считалось, что африканские слоны были меньшего роста и уступали по боевым качествам индийским, впадая при встрече с последними в страх (Plb. 5.84.5–6; Liv. 37.39.13; App. Syr. 31). По словам Флавия Филострата, «насколько ливийский слон больше нисейского жеребца, настолько же индийские слоны больше ливийских» (Vita Apoll. 2.12). Современные кустарниковые африканские слоны (*Loxodonta africana*), наоборот, имея рост в холке 3–4 м, превосходят индийских (*elephas maximus indicus*), достигающих 2–3,5 м; вероятным объяснением такого несоответствия может быть то, что древние использовали породы сравнительно низкорослых «лесных» африканских слонов (*Loxodonta africana cyclotis*), ныне обитающих в Центральной, но некогда распространенных и в Северной Африке (Walbank 1957. P. 164; Банников 2006. С. 56–57; ср.: Коннолли 2000. С. 74–75).
- ²³ Римляне познакомились со слонами во время войны с Пирром на территории Италии 280–275 гг. до н.э. (существует недоказуемое мнение о том, что Пирр в своих «трудах по военному делу», т.е. в «Тактике», обращался к опыту использования боевых слонов: Казаров 2002а. С. 45). После первых неудач рим-

ские армии научились применять эффективные методы борьбы со слонами, которые перечисляет Вегеций: перерубание хобота; использование специальных колесниц и снабженных защитным вооружением коней и всадников, а также специально обученных легковооруженных конных дротикометателей против животных, и пеших пращников – против погонщиков; расступление боевых порядков; стрельба из карробалист (Veg. 3.24). Сами римляне впервые применили слонов в войне с Филиппом V Македонским (200 г. до н.э.). Ливий упоминает об этом при описании действий Публия Сульпиция Гальбы на равнине Пелагонии в Македонии: «На другой день консул спустился на равнину, где выстроил все свое войско к бою, а перед первой линией поставил несколько слонов, из тех, что захвачены были в Пуническую войну; теперь впервые римляне использовали в бою этих животных» (Liv. 31.36.4. Пер. Г.С. Кнабе). Существенной роли в этом бою, однако, они не сыграли. В дальнейшем римляне эпизодически использовали слонов в войнах с Македонией и Сирией, но преобладающее мнение сводится к тому, что в целом они «особенно не проявляли к ним интереса» (Glover 1944. P. 269; ср.: Банников 2006, который возражает против недооценки роли слонов в римской армии). Одно из редких исключений – битва при Тапсе в 46 г. до н.э., где помпеянцы неудачно пытались применить 64 из 120 слонов, предоставленных нумидийским царем Юбой, против войск Цезаря (Ps.-Caes. Bell. Afr. 1; 83–86; Дельбрюк 1936. Т. I. С. 436). По мнению А.В. Банникова, причина отказа в дальнейшем от использования слонов состояла не столько в неэффективности на полях сражений, сколько в недостатке у римлян опыта их дрессировки (Банников 2006. С. 62–64). Имело значение и трудности поимки, дороговизна содержания, длительность (не менее 2–3 лет) обучения слонов.

²⁴ Слово ἄμφιπποι, обозначающий всадника с запасным конем, встречается из тактиков только у Арриана. Ошибочно указание на Элиана (Ael. Tact. 2.4) в словаре Лиддела-Скотта (LSJ. s.v. ἄμφιπποι), где использовано старое издание (Köchly, Rüstow 1855), в котором тексты Арриана и Элиана даны в параллельных колонках, как два варианта одного трактата. Спорным считается место у Диодора Сицилийского (Diod. Sic. 19.29.2), где «амфиппы» являются одним из возможным чтений (рукописи содержат разночтения ἄφ-, ἔφ-, конъектура Wesseling'a: ἀσθιππους). Среди амфиппов, судя по тому же автору, могли быть и лучники: ἀμφιπποτοξόται (Diod. Sicul. 28.2). Согласно Титу Ливию (Liv. 35.28.8) по два коня имели тарантинцы (см. также комментарий Ф. Мищенко к Plb. 4.77.7: Полибий I. 1994. С. 413), хотя сам Арриан в характеристике тарантинцев (Tact. 4.5–6) об этом не говорит. Возможно, причина в том, что слово «амфиппы» у Арриана использовано не в значении технического термина, и могли обозначать любую разновидность конницы с использованием пары сопряженных коней: гиппотоксотов, тарантинцев, и др. Тактику амфиппов применяли нумидийцы эпохи Пунических войн, у которых «был обычай, подобно прыгунам-наездникам (desultorum in modum), вести двух коней с тем, чтобы в разгар битвы вооруженными раз за разом перепрыгивать с усталой лошади на свежую: такова ловкость самих всадников, и настолько вышколена эта порода лошадей» (Liv. 23.29.5).

- ²⁵ Помимо отмеченного Аррианом, существовал и другой способ использования двуконной упряжки («биги»), уже двумя воинами, гамиппами, ἄμιπτοι. Например, у Суды (s.v. ἄμιπτοι): «Гамиппы – [так], говорят, в древности называлась бига: два коня, запряженные вместе за шею. На одном был возница, а на другом – гоплит» (цит. по: Нефёдкин 2002а. С. 92). В классическую эпоху (см.: Thuc. 5.57.2; Xen. Hell. 3.5.24) гамиппами назывались сражающиеся вперемешку с всадниками легковооруженные пехотинцы (Дельбрюк 1936. С. 138; см. также Нефёдкин 2002а. С. 92–93).
- ²⁶ Как можно понять, «простым» (ἀπλή) Арриан называет слоновий бой, в котором воин (воины) сидел верхом на спине животного, подобно тому, как Пор в сражении с Александром. «Большинство историков в полном согласии друг с другом сообщает, что благодаря своему росту в четыре локтя и пядь, а также могучему телосложению Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне, хотя слон под ним был самый большой» (Plut. Alex. 60. Пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера). Однако со временем наибольшее распространение получил другой тип вооружения и боя – с башнями.
- ²⁷ В эллинистических армиях, начиная с III в. до н.э., слон, наряду с погонщиком, как правило, нес на спине деревянную башенку, в которой помещались стрелки из лука, числом до четырех (Athen. 606f Jac.; I Macch. 6.37: в последнем случае в оригинале значится цифра 30 или 32, что считается ошибкой переводчика или переписчика). Преувеличение содержит «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата (кн. 2.12), где говорится о 10–15 индусов – лучников и копьеметателей. Иногда воины на башне вооружались копьями (Plb. 5.84.2). В Европе первым башни на слонах стал использовать Пирр при своем вторжении в Италию в 280 г. до н.э. (Коннолли 2000. С. 75). Слонов некоторые исследователи не вполне корректно рассматривают в качестве таранного средства, «танков древности» (Шофман 1977; тот же термин, и также не очень удачно, применяют в отношении колесниц: Скобелев 2002). На практике они редко успешно действовали против пехотного строя, чаще – против конницы (Нефёдкин 2001в. С. 139–140). Упомянутый в начале трактата (Agr. Tact. 1.1) Пирр Эпирот использовал прием введения слонов не в начале, а в завершающей стадии боя, что способствовало его успеху в первых боях против римской армии при Гераклее в 280 до н.э. и Аускуле в 279 г. до н.э. (Казаров 2002а; 2002б). Расхожее представление о том, как следует употреблять слонов, передает Лукиан в диалоге «Зевксис, или Антиох» (Zeuxis. 9): «...когда неприятельская конница помчится вперед, когда галаты разомкнут фалангу и пустят на врага колесницы, – вот тогда по четыре слона на каждом крыле должно двинуть навстречу всадникам, а восемь выпустить против тяжелых и легких колесниц» (пер. Н.П. Баранова). Лукиан в данном случае обыгрывает тактику Антиоха I Сотера, принесшую ему победу над галатами в 273 г. до н.э. Слоны могли также использоваться при штурме укреплений, как случилось при успешной атаке карфагенским полководцем Ганноном лагеря наемников в 241 г. до н.э. (Plb. 1.74.4–5).
- ²⁸ Боевых слонов специально обучали не только перевозить на спине воинов, но и самим вступать в бой – клыками и хоботом – с людьми или слонами противника. Подробное описание боя между слонами в битве при Рафии

- (217 г. до н.э.) дает Полибий. «Когда Птолемей с сестрою достиг левого фланга всей линии, а Антиох с царским отрядом правого, они дали сигнал к битве и открыли ее слонами. Некоторые слоны Птолемея бросились на врагов; помещавшиеся на слонах воины доблестно сражались с башен; действуя сарисами на близком расстоянии, они наносили удары друг другу, но еще лучше дрались животные. Борьба слонов происходит приблизительно таким образом: вонзив друг в друга клыки и сцепившись, они напирают со всею силою, причем каждый желает удержать за собою занимаемое место, пока не одолеет сильнейший и не отведет в сторону хобот противника. Лишь только победителю удастся захватить побежденного сбоку, он ранит его клыками, подобно тому, как быки рогами» (Plb. 5.84.1–3. Пер. Ф. Мищенко). Для придания большей прочности бивни, а часто и лоб слона, снабжались специальными наконечниками, как о том и пишет Арриан. Кроме того, слоны могли нести и защитное вооружение – броню (I Macch. 6.43), прикрывавшую уязвимые части тела: грудь, хобот и т.д.
- ²⁹ Арриан здесь (как и в другом месте: Tact. 19.4–5) классифицирует колесницы, во-первых, по хронологии: древние «троянские», т.е. колесницы ахейцев и троянцев у Гомера, и более поздние «персидские», во-вторых, по типу снаряжения (с серпами или без), далее – по наличию или отсутствию брони, и наконец, по количеству дышел. В делении колесниц на «неснаряженных» (т.е. без серпов) и «серпоносных» (то же: Ascl. Tact. 8; Ael. Tact. 22.3) А.К. Нефёдкин, автор фундаментальной монографии о колесницах, видит влияние Ксенофонта (Суг. 6.4.16, и др.). При этом Арриан опускает такие, выделенные Ксенофонтом признаки, как количество членов экипажа, и способ ведения боя, зато «добавляет еще два признака разделения упряжек: защищенность коней и количество дышел» (Нефёдкин 2001ж. С. 259).
- ³⁰ Античные авторы приписывали изобретение серпоносных колесниц персидскому царю Киру II Великому (553–529 гг.), или его отцу с тем же именем (подробнее см. комментарий к Arg. Tact. 19.4). Помимо наиболее достоверной персидской гипотезы происхождения серпоносных колесниц выдвигались ханаанская, ассирийская и индийская гипотезы, разобранные и отвергнутые А.К. Нефёдкиным (Нефёдкин 2001ж. С.272–281).
- ³¹ Информацию о колесницах со многими дышлами Арриан мог заимствовать из описания Ксенофонтом колесницы Абрадата с четырьмя дышлами, запряженной восьмеркой лошадей (Xen. Суг. 6.1.51), и колесницы Кира с семью дышлами (ib. 6.1.52) (Stadter 1978. P. 124). По свидетельству Диодора, на колеснице с четырьмя дышлами перевозили тело Александра Македонского из Вавилона в Египет (Diod. Sicul. 18.27.5).
Раздел о колесницах у Арриана, в сравнении с Асклепиодотом и Элианом, подвергся сокращению за счёт исключения номенклатуры названий колесничных подразделений (ср.: Ascl. Tact. 8; Ael. Tact. 22.1–3), как полностью «вышедшей из употребления» (см. ниже: Arg. Tact. 19.1). Зато в дальнейшем Арриан дополняет свое изложение историческими примерами использования колесниц (Arg. Tact. 19.2–6).
- ³² Арриан, следом за Асклепиодотом (Tact. 1.2), и Элианом (Tact. 2.6), делит пехоту по типу вооружения (ὄπλισις) на тяжёлую (гоплиты), лёгкую

(псилы) и среднюю (пельтасты). Тот же принцип деления родов войск по тяжести вооружения будет перенесён на конницу (Агг. Такт. 4.1). Попытка В.А. Шабана классифицировать, вопреки свидетельствам древних тактиков, античную пехоту на стрелков, легко-, и тяжеловооружённых, вполне справедливо раскритикована в комментариях редакции журнала *Para Bellum* к статье (Шабан 2003). Однако следует сказать, что реальная действительность была гораздо богаче той схемы, которую предлагают тактики, так что, в принципе, возможны разные варианты классификации вооружённых сил.. Например, в армии Селевкидов Э. Бикерман (Бикерман 1985. С. 50–94) выделяет такие категории: гвардия, гарнизоны, походные части (пехота: линейная, с многочисленными подразделениями, и легкая; конница; специальные войска: колесницы, слоны, артиллерия), причем их тактическая организация не была постоянной, в отличие от римских легионов или современных армий, и варьировалась в зависимости от обстоятельств.

- ³³ Гоплиты – основная сила греческих армий начиная с архаического периода (VIII–VI вв. до н.э.), тяжёлая строевая пехота. Название ὅπλι τής происходит от слова ὄπλον, обозначавшим первоначально орудие или инструмент (Ном. II. 18.409, 412; Od. 3.433), а в более узком смысле (мн. ч., ὄπλα) – военные доспехи (Ном. II. 18.614), и вообще оружие. Фукидид обозначал словом ὄπλον большой гоплитский щит (Thuc. 7.75.5), однако в этом значении слово не привилось. Как отмечал П. Картледж, «в аттической прозе только Фукидид использовал слово “hoplon” специально для “щита” (как пехотного, так и кавалерийского). Фиванцы, по словам некоторых, использовали слово “hoplon” для панциря» (Cartledge 1977. P. 13. Not. 12). В современной историографии превалирует мнение, что термин «гоплиты» ведёт свое происхождение от названия не щита, а соответствующего военного снаряжения (Lazenby, Whitehead 1996. P. 27–33). В Такт. 3.2, перечислены неперенные атрибуты гоплита: большой двуручный щит *аспис* (либо облегчённый тип – *тирей*) и копье (у македонцев – сарисса), остальные детали панοπлии (πάνοπλον ὄπλον), то есть шлемы, поножи (кнемиды), панцири, о которых Арриан говорит в Такт. 3.5, были менее обязательны (ср.: Нефёдкин 1998в. С. 6. Прим. 1).

Появление гоплитов как особого рода войск приблизительно совпадает по времени с началом т.н. «полисной революции», утверждением и упрочением в Греции специфической формы организации гражданского общества и города-государства в виде полиса (Tejada 2004. P. 131, и др.), начальная стадия формирования которого должна быть отнесена к гомеровской эпохе (об этом см.: Андреев 2003; 2004). Многими исследователями эпоха введения гоплитского строя характеризуется как период «гоплитской революции», датируемый приблизительно 750–650 гг. до н.э., другие предпочитают говорить об «эволюции» (Нефёдкин 2002а). Взаимосвязь двух «революций» несомненна, хотя о степени и характере их взаимовлияния ведутся жаркие споры, разбор деталей которых увёл бы нас далеко в сторону. Большинство историков признают, что социально-политический аспект «гоплитской революции» состоял в ослаблении позиций гомеровской аристократии (как бы её не характеризовать: родовой, военной, землевладельческой) и усиле-

нии среднего земледельческого класса, военный – в смене прежнего, индивидуализированного (т.н. «гомеровского») типа войны новым, более массовым, с использованием фаланговой тактики (см.: Snodgrass 1965. P. 110–115; Андреев 1993; Нефёдкин 2002а; Сторч 2004, и др.). Типичный гоплит – гражданин полиса и мелкий земельный собственник, способный вооружиться за свой счёт. Ополчение гоплитов, собираемое на короткое время, являлось основой полисной армии, её тактическим построением была фаланга в несколько шеренг. Расцвет гоплитской тактики и присущего ей этоса приходится, по господствующему мнению, на период архаики и ранней классики, примерно до конца Пелопоннесской войны 431–404 гг. до н.э. (Detienne 1968; Vernant 1980; Garlan 1972; Видаль-Накэ 2001. С. 39, 121–124; Hanson 1999. P. 203; возражения: Ober 1994).

Арриан берёт в качестве образца не раннюю, а позднюю эллинистическую, или македонскую, фалангу профессионалов, вооружение которой – как защитное, так и наступательное, – претерпело существенные изменения, самым значительным из которых было замена короткого (до 2,5 м) копьёй длиной, доходившей до 7 м, сариссой. Сами фалангиты в современных им источниках назывались по-разному: по аналогии с конными гетайрами – петзетайры (πετζεταῖροι) или «пешие товарищи» (Plut. Flam. 17), сариссофоры (Liv. 36.18.12), тиреофоры-«щитоносцы» (θηρεοφόροι) (Plb. 5.53.8), и т.д. Арриан использует в значении обобщающего термина слово «гоплит», хотя фалангиты эллинистической поры отличались от гоплитов как способом построения, так и вооружением. Реформы, произведённые в 192 г. до н.э. стратегом Ахейского союза Филопеменом, привели к созданию фаланги пельтастов, с облегчённым вооружением и удлинёнными копьями (Williams 2004). Гоплиты в узком (традиционном, классическом) смысле слова, продолжали использоваться и в эпоху эллинизма, в плотном боевом построении, но вне фаланги (Бикерман 1985. С. 70). Описание гоплита и фаланги у Арриана традиционно для тактиков, статично и носит суммарный характер, без конкретизации во времени и пространстве, различие между эллинистическими гоплитами и эллинистическими фалангитами проводится недостаточно последовательно. Отдельные отмеченные им особенности в вооружении гоплитов у «древних эллинов», «македонцев», «римлян», даны вне исторической перспективы.

³⁴ Словом θώραξ обозначались панцири разных типов. Наиболее ранним, тяжёлым и дорогим был металлический «мускульный» или «анатомический» панцирь из двух – передней и задней – бронзовых пластин, доходившие до пояса и скрепляющихся на боках и плечах (см. Коннолли 2000. С. 54–59, с илл.). В Арголиде найдены два древнейших мускульных панциря из бронзы, доходивших до пояса, один из них – из Дендры (ок. 720 г. до н.э.) (Snodgrass 1980. P. 100). Появление нового защитного вооружения совпадает по времени с началом т.н. «гоплитской революции», и появлением фаланговой тактики.

Около 530 г. до н.э., по-видимому, под влиянием персидской опасности и необходимости модернизировать тактику боя, был введен новый облегчённый тип льняного панциря, укреплённого металлическими пластинами (Snodg-

rass 1980. P. 152; Сторч 2004. С. 9–10), позволявший гоплитам переходить на бег при атаке снабженного дальнобойным оружием противника, как это было в 490 г. до н.э. при Марафоне (Hdt. 6.112). Позже применялись также кожаные и чешуйчатые панцири. Арриан не выделяет эти разновидности гоплитского доспеха.

³⁵ Наиболее употребительный термин для гоплитского щита, *аспис*, встречается уже у Гомера, который обозначал им большой круглый щит, ἀσπίς ἐϋκύκλος (Hom. II. 14.428 и др.; ср. κικλοτερής: Hdt. 1.194; ἀσπίδος κύκλος: Aesch. Theb. 489). Однако гомеровский щит-аспис отличался от гоплитского щита способом ношения с помощью плечевого ремня-теламона и одной центральной ручки.

Собственно гоплитский щит, круглый, выпуклый, на деревянной основе с кожаным покрытием, ἀσπίς, называемый еще в литературе *аргивским* (от города Аргос в Пелопоннесе), был изобретен к 700 г. до н.э. (Cartledge 1977. P. 13), первые упоминания о нем мы находим у Тиртея ([Diehl] fr. 11.1, 4, 24, 28, 31, 35; 12.25). Отличительными его чертами был плоский металлический обод по краю (ἵτις) и две рукояти, одна из них (πόρταξ) – центральная, располагалась с внутренней стороны щита в виде съемного металлического кольца (скобы), либо металлической полосы или кожаного ремня, другая (ἀντιλαβή) закреплялась на краю щита (Snodgrass 1964a. P. 61; Коннолли 2000. С. 52–54). Двойной хват позволял переносить тяжесть с кисти руки на плечевой сустав. Гоплит продевал левую руку через πόρταξ и захватывал ладонью ἀντιλαβή таким образом, что щит в боевом положении прикрывал только левую сторону воина, обращенную к неприятелю. Способ ношения определял размеры щита: вдвое больше предплечья, 80–100 см в диаметре, в среднем – ок. 90 см. Аргивский щит сменяет старый, с одной центральной рукоятью, использовавшийся в единоборствах раннеархаической эпохи; его изобретение считается одной из технических предпосылок формирования плотного строя фаланги, при которой каждый воин в шеренге (кроме правофлангового) защищен справа и тыла своими сотоварищами. Согласно Геродоту, греки заимствовали этот тип щита у карийцев (Hdt. 1.171), но современные археологи считают его оригинальным изобретением греков (Snodgrass 1964a. P. 201). Ошибка Геродота, вероятно, была основано на том, что современные ему островные карийцы V в. до н.э. продолжали хоронить своих покойников вместе с оружием (Thuc. 1.8.1) – так, как это делали греки конца «Темных веков» (геометрический период). Значение щита для формирования гоплитского строя отмечено Плутархом: «когда Демарата спросили, почему спартанцы подвергают бесчестию бросающих свой щит, а тех, кто теряет шлем или панцирь, не наказывают, он ответил: “Шлемы и панцири носят ради собственной безопасности, а щиты прикрывают боевые порядки”» (Plut. Mor. 220A. Пер. М.Н. Ботвинника). О связи тактики фаланги с особенностями аргивского щита говорит Фукидид в описании битвы при Мантинее в 418 г. до н.э.: «Обычно все армии при наступлении удлиняют свое правое крыло, причем каждая стремится охватить своим правым крылом левое крыло противника. Ведь каждый воин, опасаясь за свою незащищенную сторону, старается сколь возможно прикрыться щитом своего товарища справа и думает,

что чем плотнее сомкнуты ряды, тем безопаснее его положение. Первый повод к этому дает правофланговый воин первого ряда. Он всегда напирает вправо, чтобы отвернуть свою незащищенную сторону от врага, и затем тот же страх заставляет и остальных воинов следовать его примеру» (Thuc. 5.71.1. Пер. Г.А. Стратановского).

Гоплитский *аспис* противопоставлялся более легким разновидностям щита: фракийской пельте (πέλτη), персидскому «кожаному» (γέρρον) щиту (Xen. Anab. 2.16; Xen. Mem. 3.9.2), кельтскому *тирею*. Однако, нужно иметь в виду изменчивость терминологии. По Асклепидоту, медные щиты-асписы македонских фалангитов были «восьмипястевыми» (ὀκτωπάλοιος: Ascl. Tact. 5.1), т.е. диаметром ок. 60 см. (Нефёдкин 2004а. С. 33. Комм. 22). Это явно иной тип щита, не классический гоплитский, ближе к пельте. Арриан не указывает размеры щитов, и тот факт, что после асписов он называет и тиреи (см. ниже), видимо, говорит о том, что в данном случае он ориентируется на классическое употребление термина «аспис», тем более, что далее он противопоставляет пельту именно аспису (Arg. Tact. 1.4).

Асписы, о которых писал Асклепидот (Tact. 5.1), бронзовые (т.е. обшитые бронзой) и «не слишком выкупные», получили распространение не в классической греческой, а в македонской фаланге сарисофоров. Уменьшение размера до 60–70 см. произошло в основном, за счёт отсутствия широкой внутренней кромки щита, к которой ранее крепилась рукоять. Изменился и способ держания щита – при помощи одной центральной ручки-скобы, через которую воин просовывал локоть, и ремня через плечо, что позволяло фалангиту использовать обе руки для управления сарисой (современная реконструкция: Коннолли 2000. С. 78–79; Connolly 2000). Замена прежнего круглого гоплитского щита на новый уменьшенный произошла, судя по вещественным находкам, уже в III в. до н.э. (Markle 1999. P. 219; см. также Pritchett I. 1974. P. 149–151).

³⁶ Тиреи (ед. ч. – θυρέος, от θύρα, «дверь») – продолговатые, овальные или, по указанию Дионисия Галикарнасского, ромбовидные (Dionys. Hal. 2.70.3) щиты кельтского происхождения (Pais. Descr. Hell. 8.50.1), более легкие и меньшие размером, чем применявшиеся гоплитами архаического и классического времени аргивские асписы. Дионисий Галикарнасский называет такие щиты фракийскими, но по Плутарху, фракийцы поменяли свои пельты на тиреи только ко II в. до н.э. (Plut. Aemil. 18.5), тогда как у кельтов он был известен уже в первые десятилетия III в. до н.э. (Габелко 2001. С. 56–58). Использование тиреев, размером 0.40–0.60 м, гоплитами засвидетельствовано у греков и македонцев (вероятно, под влиянием кельтов-галатов), начиная с III в. до н.э. Афиней (6.273f) пишет, что римляне «длинный щит (θυρέος) заимствовали у самнитов». Имеется в виду щит, по-латыни называемый *scutum* (Афиней 2004. С. 578. Прим. 268), продолговатый и имевший ряд особенностей, отличавших его от тирея, например – цилиндрическую форму.

³⁷ Махайра – сравнительно короткий и тяжёлый, с широким, расширяющимся к острию, изогнутым лезвием, меч, в противоположность ксифосу (ξίφος),

- мечу с прямым клинком (Xen. Hell. 3.3.7; De re equestr. 12.11; Суг. 1.2.13; Cartledge 1977. P. 15).
- ³⁸ δόρυ, δόρατος – первоначально «ствол (дерева), брус, балка», и со времени Гомера (II. 13. 247) самое общее обозначение для копья. Обычное копьё греков состояло из ясеневоего древка длиной до 2–2.7 м, с листовым коротким наконечником.
- ³⁹ Сариса, национальное оружие македонцев, принятое на вооружение македонской армии при Филиппе II (359–336 гг. до н.э.). Арриан использует форму с одной -σ-, так и в лучших рукописях Полибия, главного авторитета по этому виду оружия (Plb. 2.69 etc.). Встречается и написание сарисса (Ovid. Metam. 12.466; Lucan. 298). Наиболее длинное – до 7 м – и тяжелое копьё из известных в древности. Первоначально обозначало, по-видимому, древко копья. Её длина и способ использования являются предметом оживленных дискуссий в литературе. Подробнее см. ниже комментарий (прим. 123) к Arg. Tact. 12.7.
- ⁴⁰ Легкая, не имеющая защитного вооружения пехота у греческих авторов обозначалась синонимичными словами «псилы», от «псилос» (ψιλός), зд. «обнажённый, бездоспешный», и «гимнеты (гимны)», от γυμνός, т.е. «голый, обнаженный, незащищенный». В военном контексте слово *гимнеты* впервые употреблено Тиртеем (Turt. 11.35), *псилы* – Геродотом (Hdt. 7.158). Разница между ними не всегда может быть прослежена, возможно, имеет значение то, что в своей «Тактике» Арриан (как и Асклепидот с Элианом) использует только термин «псилы», а в «Диспозиции» – «гимнеты» (Ekt. 14, 19). Слово *псилы* оказывается более тесно связанным с военной терминологией тактических трактатов, где легковооружённые (т.е. без защитного вооружения) псилы противопоставляются гоплитам, воинам, имеющим наиболее тяжёлое снаряжение.
- ⁴¹ Пельтасты, средняя пехота, получившая название от небольшого щита («пельты»), зародившаяся у фракийцев. См. описание фракийских воинов у Геродота (Hdt. 7.75). Отсутствие панциря облегчало их перемещения на поле битвы, основным оружием были дротики – от 2-х и более. Первые изображения пельтастов на греческих вазах появляются с конца VI в. до н.э. Широкое распространение в Греции получили со времени Пелопоннесской войны 431–404 г. до н.э. Как правило, они использовали своё метательное оружие под защитой гоплитов, но при случае могли действовать самостоятельно: так, в ходе Коринфской войны они, под водительством афинского стратега Ификрата, разгромили спартанскую мору в битве при Лехее в 390 г. до н.э. (см. Коннолли 2000. С. 48–49). В эллинистическую эпоху слово «пельтаст» стало синонимом наёмника. Подробнее о пельтастах см.: Best 1969.
- ⁴² Пельта – легкий плетеный, покрытый кожей, щит фракийского происхождения (πέλτη Θράκιον ὄπλον: Suida. s.v.). Привнесён в Грецию при афинском тиране Писистрате в VI в. до н.э. (Snodgrass 1967. P. 78 ff.; Откупщиков 1988. С. 72). По свидетельству Аристотеля («Полития фессалийцев»: Arstl. fr. 498 Rose), щит, в отличие от аргивского (асписа), не имел металлической кромки, а потому был меньше и легче обычного, по форме круглый, обши-

вался овечьей или козьей шкурой. Однако в изобразительном искусстве пельте обычно придавалась лунарная форма. Управление щитом производилось при помощи центральной ручки и ремня-теламона, перебрасывавшегося через плечо; двуручный, наподобие гоплитского, хват, показанный на некоторых памятниках, считается маловероятным из-за размеров щита и особенностей его использования одиночными, вне строя фаланги, бойцами (Коннолли 2000. С. 48). В эллинистическую эпоху пельта стала использоваться и гоплитами

⁴³ Арриан, как и большинство древних авторов, считает типичным оружием пельтастов дротики. Диссонансом звучит мнение Корнелия Непота (XI.1; ср. Diod. 15.44.2–4), согласно которому, афинский стратег Ификрат около 390 г. до н.э. перевооружил большинство воинов по образцу пельтастов, дав им более длинное копьё. «Он [...] ввел малые щиты вместо больших (по ним впоследствии пехотинцев стали называть пельтастами), облегчив воинов в походах и сражениях, увеличил вдвое размер копьёя и удлиннил мечи» (Пер. Н.Н. Трухиной: Корнелий Непот 1992. С. 47). Вопреки мнению ряда историков (Маринович 1975. С. С. 44, 47; Шабан 2003. С. 42), эта реформа Ификрата должна относиться не к пельтастам, а к гоплитам (Шабан 2003. С. 42. Комментарий редакции VII).

⁴⁴ Из шлемов гоплитов классической поры наиболее распространенным был «коринфский», с двумя нащечниками и пластиной для носа, почти полностью закрывавший лицо. Шлемы гоплитов обычно снабжались крестом с султаном из конских волос: изобретение, которое в древности по ошибке приписывали карийцам (Hdt. 1.171). Разновидности гоплитских шлемов см.: Коннолли 2000. С. 60–63.

⁴⁵ Спартанцы ввели более легкие войлочные шапки (πίλοι) взамен металлических шлемов в V в. до н.э. (Маркиш 1999. С. 77). Этот переход спартанцев к аркадским шапкам, головному убору селян, обыгран в анекдоте о том, как Полисперхонт, вдохновляя своих воинов на битву (ок. 318 г. до н.э.), сравнивает таким образом одеях врагов с воинами в полном вооружении (паноплией) (Polyen. 4.14).

Замена шлема шапкой знаменовала важные изменения в эволюции защитного вооружения греков, и в частности, спартанцев. С конца VI в. гоплиты все чаще отказываются от мускульного типа бронзового панциря в пользу льняного: логичным объяснением этого сдвига явились тактические соображения, привнесенные практикой боёв с персами (захватившими в 546 г. до н.э. эгейское побережье Малой Азии) и их союзниками, широко использовавшими метательное оружие, в их числе лук и стрелы. В новой ситуации греки стали практиковать атаку бегом (δρομω) при непосредственном сближении с противником, что, в частности, принесло им успех в битве при Марафоне в 490 г. до н.э. (Hdt.6.112). Во второй половине V в. до н.э., в период Пелопоннесской войны, воины, судя по изображениям, все чаще сражаются без панциря. Спартанцы на Сфактерии (425 г. до н.э.), имели войлочные панцири и шапки, слабо защищавшие от дротиков и стрел (Thuc. 4.34.4; Schol. ad Thuc. 4.34.4). Лакедемонянина в подобном снаряжении мы видим на одной аттической вазе, датируемой примерно 460 г. до н. э. (Нефёдкин 2003а).

⁴⁶ Бронзовые кнемиды (поножи) греков найдены еще от Бронзового века, Позднелладский период III, в Энкоми, изображены на ряде памятников II тыс. до н.э. (Snodgrass 1964a. P. 86). Как часть гоплитского вооружения, металлические поножи, от лодыжки и до колен (иногда и выше), стали широко употребляться в Архаический период, VII–VI вв. до н.э., и постепенно выходили из употребления (хотя и не полностью) в классический и эллинистический периоды в связи с общей тенденцией на облегчение вооружения гоплитов (Коннолли 2000. С. 59–60). Кнемидами Арриан заканчивает перечисление деталей вооружения гоплитов. В принципе из всех видов снаряжения наибольшее значение у элиты греческого воинства – спартанцев – придавалось щиту, поскольку последний защищал не только его обладателя, но придавал прочность всему строю – фаланге (Plut. Araph. Lacon. 28, 2 = Moral. 220a; Araph. mul. Lacon. 5, 17 = Moral. 241f). Именно за потерю щита спартанец подвергался позору, отсюда знаменитое напутствие спартанки, провожающей мужа (вар. – сына) в бою: «Со щитом или на щите».

⁴⁷ Это единственная во всей «Тактике» ссылка на вооружение римской пехоты, что диссонирует с более подробным описанием экипировки римских всадников (Agr. Tact. 4.7–9). По мнению Э. Босворта (Bosworth 1993. P. 257), это могло быть связано с тем, что вооружение пехоты получило освещение в утерянном трактате о римских пехотных упражнениях, предназначенном для Адриана (Agr. Tact. 32.2).

Римские пехотинцы носили одну поножу – на левой или на правой ноге – в зависимости от типа вооружения, рассчитанного на рукопашный или дистанционный бой. Вегетий (начало V в. н.э.) усматривает причину деградацию римского войска в его время в том, что воины пренебрегают опытом древних, стремившихся решить дело лобовым столкновением, при котором большую роль играет защитное вооружение, включая поножи. У «древних», пишет он, – «пехотинцы-щитоносцы кроме панцирей и шлемов принуждены были носить железные поножи на голени правой ноги». Затем положение изменилось, преимущество стали отдавать метательному оружию, и соответственно – защите левой ноги, что ослабляло атакующий потенциал пехоты, ведь «когда действуют метательным оружием, то воины должны выставить вперед левую ногу, так как при таком положении получается более сильный удар при размахе. Но когда дело, как говорится, доходит до копий (ad pila) и сражаются грудь с грудью, с мечами в руках (ad manum gladiis), тогда воины должны выставить вперед правую ногу отчасти для того, чтобы их бок был прикрыт от неприятеля и они не могли бы получить сюда ранения, отчасти же для того, чтобы правая рука, которой можно нанести рану, была ближе (к врагу)» (Veg. 1.20. Пер. С.П. Кондратьева).

⁴⁸ Далее у Арриана приводится классификация конницы, несколько отличная от той трёхчленной (тяжелая, средняя, легкая) классификации, которая была принята в новое время. В сводной схеме, предложенной А.К. Нефёдиным (Нефёдкин 2005б. С. 109), связь Арриана с его предшественниками – Асклепидотом и Элианом прослежена таким образом .

В трудах тактиков классификация конницы не оставалась неизменной, но претерпела определенную эволюцию. Асклепидот (Tact. 1.3) делит конницу

специфичной сфере, как кавалерийская классификация, весьма затруднительно: может быть, Арриан учитывал особенности как греческого, так и латинского терминовтворчества (об этом.: Перевалов 2006в. С. 49–50), но утверждать это я не возьмусь.

За пределами тактиков, в классическом греческом языке слово *κατάφρακτος* употреблялось большей частью как атрибутивное причастие при существительном. В военной сфере слово «покрытые» (vel. «защищенные») первоначально применялось для боевых (палубных) кораблей: *πλοῖα κατάφρακτοι* (Thuc. 1.10.4; cf. Plb. 1.20.13); *ἐν τε ταῖς ἀφρακτοῖς καὶ καταφρακτοῖς ναυσὶ* (родосская надпись I в. до н.э.: JLS. P. 920). В египетском папирусе III в. до н.э. (Papyrus de Magdola 1.3.6: LJS. P. 920) впервые встречается обозначение всаднического панциря или «катафракты» – та катаφράкта (ед. ч. катаφράκτης); начиная с Полибия выражение «покрытые броней» стали относить к всадникам: *ἡ κατάφρακτος ἵππος* (Plb. 30.25.9; cf. Plut. Crass. 21; Lucull. 26; Arr. Tact. 4.1; 19.4). Как правило, *κατάφρακτος* выступало в роли определения существительного *ἵππος*; редкие случаи употребления его с артиклем (признак субстантивации) без определяемого слова были обусловлены ясностью контекста, например: «(парфяне) построив катафрактов (*τοὺς κατάφρακτους*) против римлян, остальную конницу (*τῆν δ' ἄλλην ἵππον*) пустили в атаку без строя и порядка» (Plut. Crass. 25.4). Отмеченные особенности слова «катафракт» в древности затрудняли его использование в качестве термина, т.е. слова в специальном, понятном вне контекста, значении.

От греков обозначение *κατάφρακτοι/cataphracti* перешло к римлянам, вытеснив его латинский эквивалент *loricati*. Первый известный случай использования греческого слова для обозначения римской военной части, I «катафрактной» галло-паннонской алы, относится к концу правления Адриана (134 г.): *ala I Gallor[um] et Pannonior[um] catafractata* (CIL. XI 5632 = ILS. 2735). «Катафрактные всадники» грекоязычной литературы стали «катафрактариями» (с лат. суффиксом *-arii*) в литературе латинской; некоторые особенности в употреблении того и другого термина, отмеченные В.П. Никоноровым (Nikonorov 1998; Нефёдкин 2001а. С. 87), не столь существенны. Латинское слово более точно (и более кратко) передаёт искомое значение, к тому же в русскоязычной литературе сложилась стойкая традиция, менять которую, без особой на то причины, нет никакой нужды (см.: Перевалов 2006в. С.49). Поэтому я остаюсь сторонником сохранения термина *катафрактарий*.

По поводу критики в мой адрес, высказанной недавно В.П. Никоноровым (Никоноров 2007. С. 68–71; Никоноров 2008. С. 9–12). В.П. Никоноров полагает неверным то, что мои возражения против расширительного, для всех панцирников древности, употребления слова «катафракт» адресованы не ему, а А.К. Нефёдкину. Я действительно полемизировал, в основном, с А.К. Нефёдкиным, поскольку в статье самого В.П. Никонорова не нашёл ясного тезиса о необходимости распространить термин «катафракт» на все народы древности. Более того, в статье В.Н. Никонорова не содержится того, о чём говорит А.К. Нефёдкин: «Для древнего тяжеловооруженного всадника, вооруженного пикой в качестве главного оружия, следует упо-

треблять название *cataphractus*, а не *catafractarius*, поскольку, как недавно показал В.П. Никоноров, последний термин применялся античными авторами к собственно римским всадникам, тогда как первым именовали и конников других народов. В западной историографии это различие в названиях соблюдается, однако в отечественной науке после работ А.М. Хазанова «катафрактарием» называют любого тяжеловооруженного всадника древности» (Нефёдкин 2001а. С. 87; Перевалов 2006в. С. 46). В.П. Никоноров в своей статье пишет прямо противоположное, а именно, о том, что в западной историографии существует разноречие (по unanimity) в употреблении терминов *катафракта* и *катафрактарий* (Nikonov 1998. P. 134–135) и я с этим не только не спорю, но всецело согласен. Несогласным (сам с собой!) оказывается В.П. Никоноров, опровергающий в моём лице свои прежние выводы об отсутствии *consensus omnium* у западных учёных (Никоноров 2008. С. 10). Упоминание мной В.П. Никонорова в связке с А.К. Нефёдкиным вызвано их соседством в процитированном выше пассаже А.К. Нефёдкина, который В.П. Никоноров не стал опровергать до появления моей статьи. «Молчание – знак согласия». По-моему, я читаю своих оппонентов внимательнее, чем они меня (возвращаю высказанный мне упрек: Никоноров 2008. С. 9). Что касается сути дела, то с моей точки зрения, В.П. Никоноров подменяет предмет спора. В своей статье 1998-го года он проанализировал (и вполне убедительно) терминологию источников по римским (и других народов) всадникам III–V вв. н.э. Это конкретно-историческое исследование и выводы касаются ограниченного во времени и пространстве феномена – кавалерии позднеримского времени. А.К. Нефёдкин ставит вопрос шире – о том, что «любого тяжеловооруженного всадника древности» следует называть не *катафрактарием*, а *катафрактом*. В этом случае мы выходим на проблему создания общеисторического термина, и здесь надо не доказывать (В.П. Никоноров доказывает, что по источникам термин *катафрактарий* использовался ограниченное время для обозначения особого типа тяжелой кавалерии у римлян), а договариваться (следуя совету Р. Декарта). Как мы будем называть не конкретного воина из вексилляции *клибанариев-катафрактариев*, расквартированной в позднеримском Клавдиополисе, а любого всадника с таким же вооружением, будь то сармат, армянин, мидянин, парфянин, алан, гот, или какой-нибудь «катафрактарий с Иртыша» (см.: Матющенко 1996), – вот в чём вопрос. В источниках прямого ответа мы не найдём, там часто встречаются описательные характеристики, и надо подбирать термин из наиболее подходящих. Возможны разные варианты, свои аргументы в пользу «катафрактария» я изложил (Перевалов 2006в). Аргументы против – тоже, среди них то, что «катафрактом» в древности может оказаться и корабль (см. выше), чего не скажешь про «катафрактария». Следует договариваться, соблюдая некоторые правила: от термина (терминов) источника – к понятию, и только от него – к научному термину с более широким значением.

Пример подобного рода из соседней области. Для обозначения тяжеловооружённого всадника средних веков мы используем слово «рыцарь», от польск. *rycerz*, (Фасмер III. 1987. С. 532). Не шевалье (*chevalier*), не кнехт

(knight), не риттер (ritter), ни даже наиболее ранний термин лат. miles (В.П. Никоноров предлагает ориентироваться на хронологию: Никоноров 2008. С. 11). Логика «идти от источника» здесь не действует. Это не предмет спора, это вопрос договорённостей.

В нашем источнике, «Тактике» Арриана, сам термин «катафракта» не встречается (в моих комментариях это слово является производным и обусловлено контекстом), речь у Арриана идёт о «катафрактной» (броневой) защите коней и всадников.

⁵⁰ Обычай защищать коней пришёл к грекам с востока. Геродот (Hdt. 1.215.2) писал о том, что массагеты снабжали своих боевых коней «медными панцирями» (*χαλκούς θώρακας*). Слово «катафракта» (*τα καταφράκτα*) для конской брони впервые появляется в египетском папирусе III в. до н.э., Papyrus de Magdola 1.3.6 (LSJ. P. 920), см. выше, прим. 49. Панцирная защита коней хорошо известна для эпохи эллинизма как по описаниям, так и по изображениям (в том числе, на колонне Траяна). Из позднеантичных находок наиболее известна панцирная попона, найденная в Дура-Европосе, на границе Римской и Парфянской (Сасанидской с 224 г. н.э.) империй, датированная началом III в. н.э. (см.: Feugère 1993. P. 186). Подобные покрытия были и у коней сарматов. Утверждение В.А. Горончаровского и В.П. Никонорова будто бы «в письменной традиции нет вполне определенных указаний на использование сарматами доспехов для боевых коней» (Горончаровский, Никоноров 1987. С. 9. Прим. 41), объясняется тем, что им был неизвестен текст Валерия Флакка (Argon. 6.233–234), в котором действуют сарматские всадники на бронированных конях: «крепки у них панцири, составленные из гибких деталей, и такое же покрытие у коней» – *riget his molli lorica catena / id quoque tegmen equis*.

⁵¹ Арриан относит к катафрактной кавалерии тот её вид, в котором панцирями («катафрактами») обеспечены как всадники, так и кони, обращая внимание на их экипировку. Современные историки, наряду с защитным вооружением, добавляют технико-тактические свойства этой разновидности кавалерии, и корректируют содержание слова «катафракта», придавая ему расширительное значение. Для А.М. Хазанова (Хазанов 1971. С. 74), чьи работы конца 1960-х-начала 1970-х гг. долгое время были основополагающими, катафрактарии характеризовались наличием особого комплекса вооружения: 1) тяжелого оборонительного доспеха у всадника, 2) длинной (до 4–4,5 м) пики в качестве главного оружия («без пики не было бы катафрактария»), 3) конского доспеха (не всегда). Кроме того, А.М. Хазанов выделяет тактический момент, а именно – использование катафрактариями плотного боевого построения, позволяющего им применять тактику прорыва. По его мнению, «собственно катафрактарии по письменным источникам отмечаются у парфян, армян и сарматов, может быть, также у албанов и иберов» (Хазанов 1971. С. 71), а происхождение тяжелой катафрактарной конницы может быть отнесено к II–I вв. до н.э. Последующие исследования способствовали удревнению даты. По мнению В.П. Никонорова, конница катафрактариев появилась «из массива родственных друг другу кочевых и полукочевых ираноязычных народов, занимавших обширные

степные пространства в северной зоне Средней Азии», не позднее конца IV в. до н.э. (Никонов 1995. С. 58, то же: Никонов 2008. С. 7). Ассирийские и персидские эпохи Кира Младшего панцирники, со схожим вооружением, но иным конским снаряжением и отличной тактикой, обычно не рассматриваются в качестве непосредственных предшественников катафрактариев поздней древности.

Всадники, носящие катафракту, и использующие особую, свойственную только им, тактику, стали известны греческим, а затем и римским, писателям начиная с эллинистического периода (Rattenbury 1942; Rubin 1955; Eadie 1967). Как сказано, первое упоминание «катафракты» в качестве доспеха конника встречается в египетском папирусе III в. до н.э. Римляне неоднократно сталкивались с катафрактами в своих восточных войнах: в 189 г. до н.э. в битве против Антиоха III при Магнезии (Liv.35.3), в сражениях Лукулла против Тиграна Великого при Тигранокерте 6 октября 69 г. до н.э. (Plut. Luc. 26–28), и Красса против Сулены под Каррами в 53 г. до н.э. (Plut. Crass. 18–19; 21; 24–25). На рубеже нашей эры катафрактарии с защитным вооружением для коней считались национальным родом войск у армян, албанов и мидян (Strabo 9.4.4–5. P. 502; 11.14.9. P. 530).

Античные авторы преимущественно обращали внимание на недостатки катафрактариев, заключавшихся в низкой маневренности, неповоротливости, и вообще тактической слабости, что позволяло успешно действовать против них не только сплоченным легионам, но и легкой коннице (Plut. Luc. 28). Успехи парфянской тяжелой кавалерии в борьбе против римлян в I в. до н.э. определялись действиями не столько пикейщиков (собственно катафрактариев), сколько лучников. Серьезные улучшения в тактике и вооружении катафрактариев в I в. н.э. были произведены сарматами, возросшую эффективность кавалерии которых отмечает Тацит (Ann. 6.35; Hist. 1.79). Суть этих изменений заключалась в освоении главного наступательного оружия – двуручного контоса, и приспособленной к этому тактике лобовых атак в правильном «эскадронном» боевом порядке (Первалов 1999в. С. 67). Ариан говорит об этих новшествах далее, в связи с характеристикой аланосарматских контофоров (см. ниже), роду конницы, выделяемой по основному наступательному оружию – контосу. Отнесение всадников к контофорам не противоречит тому, что они могли быть и «катафрактами»: ни то, ни другое обозначение не предполагает специального, терминологического смысла слова – но лишь обозначение тех, кто носит доспехи.

⁵² Слово «этих» – τοῦτων обычно относят к афрактам (см.: DeVoto 1993. P. 52: Of the latter some are spear-carriers, some javelin carriers, some pike-carriers and others only [mounted] slingers). То же самое у А.К. Нефёдкина в его таблице, в которой категории копыеносцев (конто- и лонхоносцев) и метателей отнесены к «беспанцирным» (см. выше, прим. 48: Нефёдкин 2005б. С. 109). Такое отнесение правомерно в отношении Элиана, у которого в соответствующем месте стоит: «среди тех, что не катафракты» и т.д. – τῶν δὲ μὴ καταφράκτων etc. (Ael. Tact. 2.12. Köchly; Rüstow). Однако у Ариана отсутствует указание на афрактов (тех, что не катафракты): «среди этих одни, те...» – τοῦτων δὲ οἱ μὲν etc. Слово τοῦτων не обязательно «по-

следний из двух», рассматривать его как указание преимущественно на нечто более близкое можно лишь при наличии противоположного ἐκείνος: *this*, to designate *the nearer*, opp. ἐκείνος, *that, the more remote* (LSJ. P. 1276, s.v. οὗτος; см. также: Дворецкий 1958. II. С. 1210). Я остановился на нейтральном переводе: «среди них...», позволяющем трактовать фразу двояко, как допускает сам текст: в одном случае, относить (как и у Элиана) копьеносцев (конто- и лонхофоров) и акроболистов только к афрактам, в другом – ко всей кавалерии в целом.

Несколько соображений в пользу второго (гипотетического) варианта, при котором в τοῦτων включаются и катафракты. Арриан, как хочется думать, осознанно подходил к выбору лексики, наиболее подходящей для истолкования довольно путаной информации, имеющейся в его источниках. Элиан (Tact. 2.10) пишет: «из тех, кто не катафракты (τῶν δὲ μὴ катаφράκτων), одни являются копьеносцами, другие – акроболистами» и т.д. Таким образом, к афрактам, «незащищенным», у Элиана относятся все категории конницы, включая щитоносцев, и копьеносцев, «которые ведут с неприятелями ближний бой в [плотном] построении квадратом, и сражаются с коней копьями» (οἱ ἀπὸ τῶν ἴππων τοῖς πολεμίοις συμπλεκόμενοι καὶ πλησίον δόρασι μαχόμενοι), т.е. в той манере, которая, по Асклепиодоту (Ascl. Tact. 1.3), присуща тяжелой панцирной кавалерии. Именно к первой («самой тяжелой») разновидности кавалерии Асклепиодот причисляет копьеносцев (δόρατοφόρον), пиконосцев (ξυστοφόρον), щитоносцев (θυρεοφόρον), которые у Элиана оказываются среди «не катафрактов». Можно полагать, что «кабинетный теоретик» Элиан не до конца понял смысл того, что содержалось в его источнике (общем для них с Аррианом, кем бы ни был его автор, скорее всего – из круга Посидония) и механически перенёс в раздел о легкой кавалерии информацию, касающуюся кавалерии тяжелой. Арриан, хотя и работал с той же, – отличающейся от современной ему, а потому не всегда понятной, – терминологией, будучи человеком дела, избежал ошибки Элиана и поставил на место μὴ катаφράκτων слово τοῦτων, в принципе позволяющее отнести его ко всей кавалерии – как «катафрактам», так и «афрактам». Последующее перечисление (Arr. Tact. 4.2–6) кавалерийских «специальностей», в моём представлении, уже не связано жёстко с первичным делением на ката- и афрактов: копьеносцы, контоносцы, метатели и др. могут быть и теми, и другими, носить панцири, и обходиться без них.

⁵³ Термин κοντοφόρος, «конто-носец» для морского шестовика употребляет Полибий (Plb. fr. 225; LSJ P. 978). «Контофоры» в военном значении впервые встречаются у Арриана, другие тактики его не знают. В «Диспозиции против аланов» наряду с конными контофорами (Arr. Ekt. 21) упоминаются пешие солдаты римской армии, вооруженные контосами (Ekt. 16). Подробности использования контосов – в комментариях к соответствующим местам.

⁵⁴ По мнению А.К. Нефёдкина, наименование «лонхофоры» (λουχοφοροι) Арриан почерпнул, «работая с источниками, описывавшими эпоху раннего эллинизма», в которых могли встречаться, скажем, мидийские лонхофоры Антигона Одноглазого (Diod. 19.29.2; 39.2). Копьё λογχή А.К. Нефёдкин рас-

смачивает как «ударно-метательное копьё типа персидского пальтона» (Нефёдкин 2007в. С. 30–31). Однако до Арриана этот термин не использовался ни одним из тактиков. Я склонен полагать (при всех оговорках об отсутствии точных данных), что Арриан ориентировался на римский опыт (ср. *Агг. Такт.* 4.7, 9, где говорится о лонхофорах у римлян, а также *Агг. Ект.* 7, 14, 18, 21, 26, 29). Основное оружие лонхофоров, *λογχή* (лат. *lansea*), представляло облегчённое копьё до 2.5 м длиной с небольшим листовидным наконечником, используемое как для метания, так и в рукопашном бою. Использовалось не только в коннице, но с I в. н.э. и в римской пехоте, взамен тяжелого пилума (Lammert 1931. S. 22). Фантастический вывод, на основании сближения ланцеи-лонхи со словом *longa* (и со ссылкой на работу Л. Нолана) был сделан В.В. Тараториным, сравнивающим «данный вид оружия [...] с македонской сарисой, размеры которой достигали 6–8 м» (Тараторин 1999. С. 88–89). Работа В.В. Тараторина даёт сильно искажённую «историю конницы с древнейших времен», так что пользоваться ею попросту невозможно (см.: Нефёдкин 2002в. С. 107–116).

- ⁵⁵ Слово *κοιτός* переводят как «дротик» ряд исследователей, причём не только отечественных (об этом ниже, прим. 67), но и зарубежных (De Voto 1993. P. 52: *javalin*). Я оставляю *κοιτός* без перевода, поскольку оно обозначает очень специфичный вид оружия. По-русски это греческое слово (как и лат. *contus*) правильнее передавать как «конт», исходя из основы, определяемой по косвенным падежам, но традиция и весомость звучания побуждает выбрать первый вариант, по форме именительного падежа, аналогично тому, как город-государство у нас принято называть «полисом», а не «полидой». К слову сказать, достижение единообразия в передаче греческих слов на русский язык – задача «архисложная», практически невыполнимая, несмотря на неоднократные попытки ввести нормативные правила транслитерации имен – собственных и нарицательных (Ярхо 1986). Первоначально «контосом» назывался шест у моряков (Hom. Od. 9.487), к началу нашей эры им стали обозначать большую кавалерийскую пику (LSJ. P. 978; Sophocles 1957. II. P. 680; Cagnat 1887. P. 1495). По функциональному назначению контос, как это ясно из Аррианова сопоставления с акроболитами и копьеносцами (*Агг. Такт.* 4.3; 4.8), является именно пикой, предназначенной, в основном, для удара, но, как и любое древковое оружие, мог использоваться и для метания. «Назначение копий (*δοράτων*) двойное – для рукопашного боя и для метания; также двойное назначение, для ближнего и дальнего боя, имеет контос (*κοιτός*), равно как сарисса и дротик» (Strabo 10.1.12. P. 448; Г.А. Стратановский ошибочно перевел *κοιτός* как «древко копьё»: Страбон 1994. С. 425). Арриан приписывает распространение тактики с использованием контосов аланам и сарматам, что согласуется и с другими источниками I–II вв. Контос у сарматов (*contus sarmaticus*: Sil. Pun. 15.684–685) стал как бы их национальным оружием (Bosworth 1977. P. 240). По литературным источникам, он был достаточно длинным (*κοιτός ἐπιμήκης*: Jos. Bell. Jud. 3.5.5; *ingentis... conti*: Valer. Flacc. Argon 6.162, ср.: 6.234–236; *conti [...] quos praelongos*: Tac. Hist. 1.79), чем и обусловлено его использование преимущественно в качестве колющего оружия. Судя по

изображениям, контос доходил до 4–4,5 м (Петерс 1984. С. 189; Junkelmann 1992. S. 146); хотя методика определения величины пики, исходя из пропорций, не дает полных гарантий (см.: Скобелев 2004), все же ясно, что контос был много больше обычного копья в 2.5 м и меньше 6-метровой сариссы. Арриан четко отличает атаку с контосами, как форму *Lanzenattacke* (Eck 1972), от атаки с использованием копий, тем более – дротиков, но подробных пояснений не дает. Ссылка на то, что контосами действовали «как аланы и савроматы (т.е. сарматы)», и по «алано-савроматскому (сарматскому) способу» (Арг. Такт. 4.7), была, видимо, понятна читателям Арриана, но представляет проблему для современных исследователей. В отечественной литературе особенности владения контосом рассматриваются в рамках дискуссии о «сарматской посадке», при которой всадник «скачет на лошади, бросив повод; торс всадника повернут в три четверти левым плечом вперед, что позволяет ему держать пику обеими руками» (Блататский 1968. С. 44). Сарматская посадка показана с «этнографическим реализмом» (Ростовцев 1914. С. 340) на пантикапейских фресках и рельефе Трифона из Танаиса (Перевалов 1999в. С. 69. Рис. 1); на сосудах из Косики и кургана пос. Вербовский (Симоненко 2002. С. 116. Рис. 4); на серебрянном блюде из Изола Риццы (Перевалов 1999в. С. 75. Рис. 5), металлической обкладке раннесредневекового щита (Salin 1959. P. 101), и т.д. Имеющиеся письменные свидетельства античных авторов (разобраны: Перевалов 1999в) о двуручном хвате пики дополняют иконографический материал.

Сомнения, высказанные по поводу реальности сарматской посадки В.А. Горончаровским и В.П. Никоновым (Горончаровский, Никонов 1987. С. 210; Горончаровский 1993. С. 80), и поддержанные А.В. Симоненко (2001; 2002; 2008а), основаны на недоверии в физической возможности удержаться в седле без стремян (об отсутствии стремян в древности: White 1962. P. 14; Вайнштейн 1991. С. 214–227) в момент столкновения с противником. А.В. Симоненко особенно настаивает на «физических и динамических несообразностях» сарматской посадки (Симоненко 2002. С. 119), привлекая в качестве доводов: 1) собственный опыт кмс по конному спорту, убедивший его в том, что управлять конем в бою без поводьев невозможно, и 2) результаты экспериментов М. Макла и М. Юнкельманна. По первому пункту можно порекомендовать выйти за пределы личного опыта и обратиться к мнению других, не менее известных кавалеристов. Например, М. Монтень писал о себе так: «Я неохотно слезаю с лошади, раз уж на нее сел, так как, здоров я или болен, лучше всего чувствую себя верхом» (Монтень 1991. С. 444). Тем не менее Монтень, известный как скептик, не видит ничего сверхъестественного в многочисленных эпизодах (в том числе опровергаемых А.В. Симоненко мест из Вергилия и Ливия) вольтижировки без поводьев и без стремян, которыми полна XLVIII глава его «Опытов», повествующая «О боевых конях» (Монтень 1991. С. 442–454). Что касается второго пункта, то ни М. Макл, ни М. Юнкельманн, которые признаны А.В. Симоненко в качестве авторитетов, вопреки его мнению (Симоненко 2002. С. 114; Перевалов 2007г. С. 153–154), не говорят о невозможности двуручного хвата контоса по-сарматски, напротив, принимают это без всяких оговорок. М. Макл пишет: *Employing the sa-*

valry lance with two hands was a native practice of the Sarmatians (Markle 1977. P. 337). М. Юнкельман же в известном А.В. Симоненко эксперименте с двуручной пикой по диагонали через хребет коня (Junkelmann 1992. S. 145) моделировал не «сарматскую посадку» I–II в., а т.н. «бактрийскую», с пикой по диагонали, (Markle 1982. P. 106), известную по сасанидским рельефам и воспринятую римскими кавалеристами IV в., экипировка которых и использована Юнкельманном в эксперименте (см.: Симоненко 2002. С. 111. Рис. 1). Положительное мнение Юнкельманна о реальности атаки с двуручной пикой вдоль корпуса коня иллюстрирует его интерпретация рельефа с всадником I алы канинефатов из Алжира, полностью соответствующая сарматской посадке (Junkelmann 1992. S. 144). А вот прямая цитата: Den *contus* hatte man von den Sarmaten und Parthern übernommen. Der Stoß wurde gewöhnlich mit beiden Händen von der Hüfte aus geführt und sollte die ganze Wucht des anrennenden Pferdes ausnützen (Junkelmann 1992. S. 145). А.В. Симоненко всё же вынужден был изменить свой взгляд на М. Макла и М. Юнкельманна как на своих союзников (Симоненко 2008а. С. 338–339; Перевалов 2010. С. 282), но никаких выводов в отношении пересмотра своих априорных (не опирающихся на источники) установок не сделал.

Рис. 2. Контарий I алы канинефатов (прорисовка)
По: Junkelmann 1992. S. 145).

Конечно, в реконструкции деталей сарматской посадки остаётся немало вопросов. Но если мы хотим работать как историки, мы должны придерживаться основного принципа: идти (критикуя, анализируя) от источника. Тот, кто не соглашается с чьей-нибудь (в данном случае – моей) интерпретацией источников (письменных и изобразительных), очевидно, должен дать своё, более убедительное объяснение, не ограничиваясь стадией критики. «Экс-

периментальный метод» в истории может иметь лишь второстепенное значение в уточнении (но не опровержении) данных, полученных при изучении источника (см. Перевалов 2007г. С. 153–156).

- ⁵⁶ Выражение ἐν τῇ ἐπέλασει ἐξωθοῦντες – «устремляясь в атаку», в сопоставлении со «сражающимися» (ἀπομαχόμενοι) копьеносцами, и действующими на расстояния (πόρρωθεν) акроболистами, говорит о том, что отличительной чертой аланов и сарматов (савроматов) была именно лобовая атака с контосами, крепко взятыми наперевес (ср.: Valer. Flacc. Argon. 6.231–238; Tac. Ann. 6.35; Hist. 1.79). Данные об алано-сарматских контофорах Арриан приводит и в других местах: Tac. 4.7, 44.3; Ekt. 16–17, 30–31 (см. комментарии к соответствующим местам). Подробнее: Перевалов 1999в.

Слово ἐπέλασις в обычном значении могло обозначать просто «выезд» (Angeiten), или даже действия в конном метании (Arg. Tact. 40.1; 43.2), но в данном случае должно означать прямую «атаку» (Lammert 1931. S. 47, 53): редкий способ действия античной кавалерии, для которой было свойственно чередовать нападения и отступления, «как это принято в конном бою (uti equestri proelio solet)» (Sall. Jug. 59.3). Из близких Арриану по времени теоретиков Онасандр (Onas. 10.6) знал три вида действий конницы, которым надо обучать: преследованию (διώγματα), рукопашной схватке (συμπλοκαί), и метанию (ἀκροβολισμός). Прямая атака лишь изредка применялась римской кавалерией (Sall. Jug. 59.3; Tac. Ann. 14.37); а как особый вид действий, ставший основой Аррианова деления конных копьеносцев на конто- и лонхофоров (Arg. Tact. 4.7), был введен в римскую армию под влиянием сармато-аланской конницы в I в. н.э. (Lammert 1931. S. 47).

- ⁵⁷ Текст ἢ κοιτοῖς ἐν τῇ ἐπέλασει ἐξωθοῦντες ὡς Ἄλανοὶ καὶ Σαυρομάται – «(сражаются) контосами, устремляясь в атаку, как аланы и савроматы», был исключен из издания Кёхли-Рюстова (Köchly; Rüstow 1855) на основании отсутствия в соответствующей главе Элиана (Tact. 2.10 = 2.12 K): по мнению издателей, это место было ошибочно перенесено из Arg. Tact. 4.7. Соответственно, это место выпало из собрания В.В. Латышева Scythica et Caucasica, где присутствует единственный пассаж о сармато-аланской тактике из Арриана, а именно, Arg. Tact. 4.7 (см. ниже), переведённый таким образом: «У римлян одни из всадников носят дротики и атакуют на аланский и савроматский манер, другие же имеют копья» (SC. I. С. 521 = ВДИ. 1948. № 1. С. 281). Поскольку большинство отечественных специалистов пользуются именно этим изданием В.В. Латышева (SC), важнейшая для реконструкции алано-сарматской тактики боя информация в Arg. Tact. 4.3 оставалась долгое время неиспользованной. Как мне не раз приходилось отмечать (Перевалов 1998. С. 99–100; Перевалов 2006а. С. 27), алано-сарматская тактика у Арриана отечественными историками ошибочно преподносится как тактика дротикометателей (см. комментарий к Arg. Tact. 4.7). Из текста Arg. Tact. 4.3 совершенно ясно, что Арриан противопоставляет алано-сарматских контофоров-пикейщиков акроболистам-дротикометателям. Очередной пример того, как опасно доверять посредникам в работе с источником, ведь ошибочная историографическая традиция способна исказить самое представление о предмете. И как много зависит от

случая: ведь если бы составители SC воспользовались изданием Герхера (Hersher 1885), не было бы и этого «белого пятна» (Agr. Tact. 4).

Лобовая атака противника с копьями наперевес была редкостью в древнем мире (один из примеров приводит Саллюстий: Sall. Jug. 59.3). Согласно Арриану, атака с контосами наготове, характеризует именно эти два народа – аланов и сарматов (то же: Tact. 4.7), в «Кавалерийском трактате» тактика контофоров приписана сарматам и кельтам (Tact. 44.1). Тацит также считает такую тактику характерной для сарматов, в частности, для роксоланов (Tac. Hist. 1.79; Ann. 6.35); по мнению многих исследователей, она получает распространение в античном мире под влиянием североиранских конных народов с I в. н.э. (Darkó 1935. P. 443–469; Kiechle 1965. S. 125; Перевалов 1999в; ср.: Симоненко 2002. С. 110). Из тактиков ни Аклепидот, ни Элиан не знают об особом способе конной атаки алано-сарматских контофоров, только Арриан говорит о ней уверенно, и, как явствует из «Кавалерийского трактата» (Agr. Tact. 44.1), с позиций очевидца. Дата «Тактики» Арриана становится *post qua* поп для появления алано-сарматской тактики. Естественно вопрос, когда и у каких сарматских племен она появилась впервые.

Различные сарматские племена стали известны античным авторам в последние века до н.э., но какие-либо отличительные особенности в их вооружении и тактике не отмечаются. Страбон, описывая роксоланов в борьбе с Диофантом (конец II в. до н.э.), не находит в их военном строе никаких отличительных черт в сравнении с другими варварами, и характеризует их как легковооружённое войско, не способное противостоять организованной тяжеловооружённой пехоте (Strabo 7.3.17. P. 306). Ошибку допускает В.Ф. Гайдукевич, в трактовке которого Страбон и Тацит описывают один и тот же тип вооружения и тактики сарматов (Гайдукевич 1949. С. 410, 549. Прим. 70; то же ошибочное сближение у Т. Сулимирского: Sulimirski 1970. P. 23–24; Сулимирский 2008. С. 19–20). Копье (*λόγχη*) роксоланов Страбона (7.3.17) никак не может быть уподобляться длинным сарматским пикам (*contii*) Тацита (Ann. 6.35; Hist. 1.79) и Аммиана Марцеллина (17.12.2). Первые сведения об особой тактике сарматских кавалеристов, вооружённых контосами и применяющих лобовую атаку в боевом порядке, относятся к I в. н.э. (Valer.Flaccus. Argon. 6.162; 231–238; Stat. Achill. 2.132–133; Sil. Pun. 15.684; Tac. Ann. 6.35; Hist. 1.79). Р. Сайм (Syme 1929. P. 136) полагает, что новая сарматская тактика стала известна римлянам в ходе дунайских войн Домициана с сарматами (89–92 гг. н.э.), я склоняюсь к более ранней дате, а именно к 35 г. н.э. как минимум (Перевалов 1999в. С. 67).

Новую сарматскую кавалерию первых веков нашей эры обычно называют катафрактариями, по чешуйчатому или кольчатому панцирю всадников (Блаватский 1954. С. 114; Хазанов 1968; 1970; 1971; Горончаровский, Никоноров 1987; Горончаровский 1993 и др.). Главным наступательным оружием признается пика (контос): «без пика не было бы катафрактария» (Хазанов 1968. С. 182.). Тем не менее, даже в этой, казалось бы, высокой оценке роли пика-контоса, содержится признание примата тяжелого защитного вооружения (катафракты) над наступательным оружием. Арриан же, как видим, на первый план выносит использование сарматами и аланами не ка-

тафракты, а контоса, с чем согласуются и сведения других источников (Валерия Флакка, Стация, Силия, Тацита). Поэтому конницу сарматов I–II вв., если выбирать термин, лучше называть не катафрактариями, которые были известны у разных народов задолго до появления алано-сарматской тактики (Rattenbury 1942; Rubin 1955; Eadie 1967; Хазанов 1968. С. 181 сл.), а контофорами, вслед за Аррианом (Перевалов 1999в. С. 72). Во ряде случаев контофоры могут оказаться и катафрактариями (см. Нефёдкин 2007в. С. 30), но общего правила здесь нет.

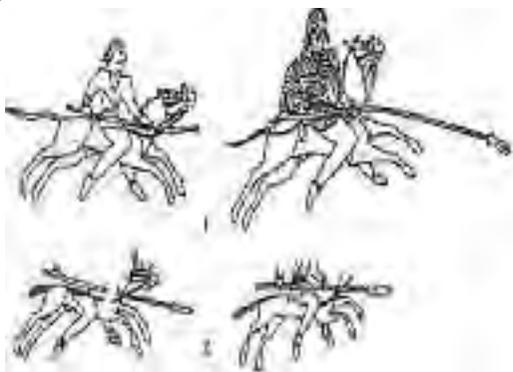

Рис. 3. Изображения сарматских контофоров с сосудов из раскопок в с. Косика и Вербовский. По: Симоненко 2002. С. 116.

Я увязываю алано-сарматский способ атаки с контосами по Арриану с той посадкой, которая представлена на многочисленных изображениях сарматских всадников Восточной Европы. Один из лучших образцов «сарматской посадки» – на фризе кубка из сарматского погребения I в. н.э. у с. Косика (Астраханская обл.) (Трейстер 1994. С. 180–181. Рис. 7, 8; ср. с более поздней – II–III вв. – датировкой: Фон Галль 1997. С. 179.). Всадник несется во весь опор, корпус развернут левым плечом вперед, руки с оружием перенесены на одну (правую) сторону.левой рукой, хватом снизу, воин крепко удерживает контос в задней части древка, а правой, под прямым углом и хватом сверху, фиксирует его у самого конца. Пика при таком положении далеко выдвинута вперед (ср. Val. Flac. Argon. 6.234–236: equi porrecta per amos et caput ingentam campis hostilibus umbram fert abies – «простертая за плечи и голову коня еловая пика отбрасывает длинную тень на вражеское поле»), и клонится под тяжестью передней части оружия (ср. Sil. Pun. 15.684: pondera conti Sarmatici grona – «тяжесть наклоненного сарматского контоса»). Удар наносится всем весом коня и всадника. Материалы, касающиеся дискуссии по сарматской посадке, pro и contra, см: Перевалов 1999в, 2006в, 2010; Симоненко 2001, 2002, 2008а; Скобелев 2004; Gaibov, Košelenko 2008, и др.).

⁵⁸ Имя армян (армениев) встречается в «Тактическом искусстве» Арриана трижды и всякий раз вместе с парфянами (Agr. Tact. 4.3, 34.7, 44.1). О влиянии Парфии на Аршакидскую Армению в военной области см.: Chaumont

1986. P. 436 ff. В культурном отношении Армения «многочисленными брачными союзами между знатными фамилиями той и другой страны, одинаковой одеждой и одинаковым вооружением», была тесно связана с Парфией (Моммзен 1949. Т. С. 325–326), хотя политически подчинялась Риму. Ко II в. н.э. Армения была разделена по реке Евфрат на две части: правобережная Малая Армения входила в состав провинции Каппадокия, а Великая Армения, после временного (в 115–117 гг.) пребывания в статусе римской провинции, была восстановлена Адрианом (НА. Нadr. 21) в качестве полунезависимого царства с правителями из армянской ветви Аршакидов. В 136 г. армянские войска входили в состав экспедиционной армии Арриана, выступившего против аланов (Агр. Ект. 7, 12, 14, 29).

В Tact. 44.1 Арриан называет тех же армян и парфян «конными лучниками» (ἵπποτοξῶται) – более узким термином, но укладывающимся в понятие акроболистов. Как уже сказано, в делении конницы на основные разновидности Арриан отклоняется от других тактиков – своих предшественников. Асклепидот (Ascl. Tact. 1.3) в своем тройном делении выделял «лучников или скифов» наряду с «тяжелой» и «средней» (акроболисты) конницей; Элиан, деля конницу надвое, помещал «гиппотоксотов, называемых также скифами» среди акроболистов наряду с тарантинцами (Ael. Tact. 2.11). Арриан делит конницу по типу наступательного оружия на две части (Tact. 4.2): на копьеносцев и акроболистов, в число которых включает и лучников (Агр. Tact. 4.5), не называя, однако, их «скифами» (пропуск, не отмеченный у Девина: Devine 1993. P. 320).

Тактика армянских и парфянских лучников лучше реконструируется на примере парфян, чьи действия в бою были весьма разнообразны, и получили должное освещение в источниках. В знаменитой битве при Каррах 53 г. до н.э. парфяне применили эффективное взаимодействие лучников и копьеносцев-катафрактариев (см.: Никоноров 1995). Наиболее примечательной для внешних наблюдателей была тактика попеременных атак и ложных отступлений (Justin. 9.2.7–9). Стрельба при этом велась вперед, вбок, но особенно славился маневр со стрельбой из луков назад (Verg. Geor. 3.34; Lucan. Phars. 8.298; 368 sqq.; 380–384; Plut. Crass. 24), известный в искусстве под названием «парфянского выстрела» (Rostovtseff 1943. P. 174–187; Рус. пер.: Ростовцев 1993. С. 98–105). Приём этот был заимствован у скифов (Plut. Crass. 24), боковой ветвью которых считались парфяне (Justin. 9.1.1–2 и др.). Дополнительно см. комментарий к Агр. Tact. 44.1.

⁵⁹ Выделяя армян и парфян в качестве типичных представителей акроболистов, Арриан вскользь уточняет, что у них есть и контофоры. Армянские контофоры, как правило – снабжённые тяжелым вооружением, достаточно хорошо известны в античной традиции. На рубеже нашей эры Страбон в качестве отличительной черты армянского войска (также как кавказских албанов и мидян) называл наличие защитного вооружения как для всадников, так и для коней (Strabo 9.4.4–5. P. 502; 11.14.9. P. 530). Еще Тигран II в битве при Тигранокерте 6 октября 69 г. до н.э. против Лукулла ввел в бой 17 тысяч бронированных всадников, вооруженных контосами (Plut. Luc. 26; 28). Правда, ход боя, в котором катафрактарии не выдержали первой же атаки

малочисленного противника (Plut. Luc. 28.1–7; ср. Frontin. Strateg. 2.1.14; 2.2.4), говорит о том, что им было чуждо то искусство маневра и таранной атаки сплоченными эскадронами, которое показывали сарматы I в. н.э. С учетом контекста и в сравнении с информацией об алано-сарматских контофорах, краткая реплика Арриана – очевидца участия армян в кампании 136 г. против аланов – об армянских контофорах может быть объяснена их недостаточной эффективностью в бою.

Парфянские контофоры (они же катафрактари, позднее клибанари) показали свою эффективность в битве при Каррах в 53 г. до н.э. (Plut. Crass. 18; 21; 24; 27). В первые века н.э., и в эпоху Сасанидов (с 226 г. н.э.) контофоры, несомненно, применяли двуручный хват пики (Wilcox 1994. P. 10, P. 17, Pl. C1). Из указания Плутарха (Crass. 27) о страшной силе удара контосом, способного проткнуть сразу двоих человек, можно предположить, что двуручный хват был известен уже в I в. до н.э. (если здесь нет модернизации). В «Эфиопике» Гелиодора (Aeth. 9.15), относящей ко времени Сасанидов (III в.?), представлен другой способ действия большим контосом, который крепился привязками к шее и корпусу коня, и направлялся одной правой рукой, в то время как левая была занята уздой (Rattenbury 1942. P. 113–115). Несмотря на всё неправдоподобие этого описания, сделанного в историко-приключенческом романе, не подтвержденного ни одним нарративным либо изобразительным источником, оно вызывает доверие у некоторых историков (Молев 2003. С.263; ср.: Перевалов 2007г. С. 152. Прим. 71).

⁶⁰ Т. е., копыеносцев: конто- и лонхофоров.

⁶¹ Обычно под тиреями понимаются длинные продолговатые щиты (см. Прим. 36), не слишком удобные для конного боя. Здесь ими обозначаются щиты кавалерии, которые на изображениях выглядят круглыми и небольшими. Щитоносная кавалерия появляется в эллинистический период приблизительно в 280–270-е гг. до н.э. «от галатов или от италийцев через Пирра» (Нефёдкин 2007в. С. 31), скорее всего – в ходе вторжения галатов в Малую Азию и на Балканы. Щиты типа *thurós* были различной формы (от квадратной до овальной, а возможно, и круглой; наиболее распространена теория галатского (кельтского) их происхождения, хотя встречаются и альтернативные версии (Габелко 2001. С. 55–58). Ср. с латинским *scutum* (греч. *thurós*), который мог иметь как продолговатую, так и круглую форму: Albert 1887. P. 1254.

⁶² Тот факт, что «собственно» (*ιδίως*) контофоры не носят щитов, может отчасти свидетельствовать о том, что обе руки всадника были заняты двуручным контосом, как о том свидетельствует Тацит (Hist. 1.79) и изображения сарматских пикейщиков на памятниках Северного Причерноморья. Как уже говорилось, типичными контофорами Арриан (Tact. 4.7; 44.1) называет аланов и савроматов (т.е. сарматов). С другой стороны, это со всей очевидностью указывает на то, что контофоры-пиконосцы (как и копыеносцы) могли пользоваться щитами. Ср. Агг. Ект. 17, где упоминаются щиты (и панцири) аланских всадников, среди которых были и контофоры (Ект. 31), а также маневр «толутегон» (Агг. Tact. 43.2), исполняемый носящими щит контофорами.

- ⁶³ Ксистофоры, ξυστοφόροι – копьеносцы, вооружённые ксистоном. Слово ксистон, ξυστόν для большого копья или его древка встречается уже у Гомера (Ном. II. 11.260; 15.388). В пред- и эллинистическую эпоху ксистоны назывались длинными кавалерийские копья с тяжёлыми древком из кизилового дерева, с втоками (подтоками, то есть вторым наконечником), размером ок. 3 м (Секунда 2003. С. 29–31; Нефёдкин 2007в. С. 39, см. также Eadie 1967. P. 163; Sekunda, Warry 1999. P. 20; Нечитайлов 2000. С. 45–46). Арриан неоднократно упоминал ксистоны, как оружие гетайров Александра Македонского, в своём «Анабасисе» (Арг. Анаб. 1.15.2, 5–6; 16.1; 7.6.5), отмечая их преимущество перед персидскими дротиками-пальтонами.
- ⁶⁴ Тарантинцы – лёгкая кавалерия, чьё происхождение достаточно тёмное. Предполагается связь с греческим городом в Южной Италии Тарантом (лат. Тарентом), чеканившим с V в. до н.э. монеты с изображениями всадников такого типа. Три илы тарантинцев из войска Деметрия в битве при Газе 312 г. до н.э. составляли 100 всадников (Diod. 19.82.2), следовательно одна ила состояла из 30 с небольшим всадников: поскольку это численность римской турмы (Полибий именуёт турму илой: Plb. 6.25.1), этот факт приводится в доказательство италийского происхождения тарантинцев (Коннолли 2000. С. 72; Нефёдкин 2006. С. 113–114). По некоторым данным, тарантинцы были двоеконными всадниками: в частности Ливий упоминает в войске Филопемена «конные отряды так называемых тарантинцев, имевших при себе по два коня» (Liv. 35.8.8. Пер. С.А. Иванова). Ф. Мищенко в комментарии к Полибию (Полибий. Всеобщая история. I. СПб. 1994. С. 413) также характеризует их как «обоеконных» (ἄμφιπτοι). Но Арриан различает амфиппов (Арг. Такт. 2.3) и тарантинцев. Неясно, какова связь тарантинцев с тарантинархией – отрядом в 256 человек (см. Арг. Такт. 18.2). Более подробно о тарантинцах: Launey 1949. P. 601–604; Нефёдкин 2006.
- ⁶⁵ Типичными гиппотоксотами, конными лучниками, греки издавна считали скифов (ἰππотоξῶται, Hdt. 4.46). Кроме способа стрельбы вперед, через голову коня, скифы использовали тактику ложного отступления, сражаясь с помощью пускаемых назад стрел, мчась от противника (Plat. Lach. 191a–b) (Блаватский 1954. С. 22). Последний способ известен из искусства как «парфянский выстрел» (Ростовцев 1993в): о парфянах, перенявших скифскую тактику «сражаться, убегая», писал Юстин (Just. 11.2.4–9). Такая практика существовала и до скифов: «нет оснований приписывать изобретение “парфянского выстрела” скифам или киммерийцам – можно говорить лишь о том, что они впервые стали применять его в массовом порядке» (Иванчик 2001. С. 102). Как конные стрелки из лука скифы названы у Асклепидота (Такт. 1.3) и Элиана (Такт. 2.13). Арриан, тем не менее, отмечая в качестве особого рода войск гиппотоксотов (Арг. Такт. 4.5), не называет их скифами. Конечно, в трудах тактиков слово «скифы» уже потеряло значение этнического термина и обозначало особый род войск (Asclépiodote 1992. P. 40), так же как тарантинцы. Но отказ Арриана от обычного словоупотребления, видимо, не случаен и объясняется его методом работы с материалом. Арриан специально оговаривает, что не касается в своем трактате построений и родов войск, вышедших из употребления (Такт. 19.1, применительно к ко-

лесницам и слонам). Кроме того, Арриан убирает всё, на его взгляд, лишнее: к примеру, из 44 военных команд, приводимых Элианом (Таст. 42), Арриан (Таст. 32) оставляет только 18 за счет исключения команд, упомянутых в другом контексте (Stadter 1978. P. 126). Типичными ἵπποτοξόται, конными стрелками, у Арриана названы более известные ему армяне и парфяне (Таст. 44.1; см. также 4.3), и усложнять повествование ссылкой на древних скифов он, видимо, не считал нужным.

⁶⁶ «Легких» всадников, сочетающих метание и рукопашный бой, отличает от собственно тарантинцев уже Асклепиодот (Ascl. Tact. 1.3), придав слову «лёгкие» значение термина.

⁶⁷ Данное место может служить хорошей иллюстрацией к тому, как создаются мифы в нашей исторической науке. Практически все отечественные специалисты до недавнего времени использовали следующий перевод в *Scythica et Caucasia* (SC. T. I. C. 521; ВДИ. 1948. № 1. С. 281): «У римлян одни из всадников носят дротики (κοντοῦς) и атакуют на аланский и савроматский манер, другие же носят копья» (Агг. Таст. 4.7, перевод, видимо, принадлежит не П.И. Прозорову, как я писал раньше, а самому В.В. Латышеву: Скобелев 2004. № 4. С. 102. Прим. 32). Отсюда алаано-сарматская тактика, а с нею и тактика римских контофоров, воспринималась как тактика дротикометателей (Блаватский 1954. С. 118; Гаглойти 1966. С. 84; Гаглойти, Абаев 1987. С. 59; Каминский 1993. С. 98, 104; Габуев 1997. С. 126, и др.): грубая ошибка, поскольку, как сказано выше (прим. 57) у Арриана речь идет не о метательных дротиках, а о тяжелых пиках-контосах, используемых аланами и сарматами в лобовой атаке. Исправить ошибку переводчика можно было бы, изучив контекст, из которого со всей очевидностью вытекает, что дротикометателями были акроболиты, а аланы с сарматами относились к копьеносцам (Агг. Таст. 4.3). для тех, кто работает по переводам отдельных фрагментов, такого рода проверка недоступна. Приходится вновь повторять то, что кажется банальностью: «Перевод источником не является. Это протез, как вставная челюсть или очки [...] Антология – не источник [...] Пересказы, сделанные другими авторами, даже оснащенные длиннейшими цитатами, не являются источниками» (Эко 2001. С. 65). Конкретная неудача с интерпретацией алаано-сарматской тактики подтверждает еще одно известное методологическое наблюдение: «знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведет к познанию целого – оно даже не позволит познать самые эти фрагменты» (Блок 1986. С. 88).

Пример того, к каким далеко идущим выводам приводят неверно поняты фразы источника. В.Н. Каминский в своё время попытался реконструировать военное дела аланов Северного Кавказа (Каминский 1993. С. 90–114). Первый этап его развития он относит к I–IV вв. н.э. В битве основной удар по противнику наносила их тяжеловооруженная конница, выстроенная клином – построении «скифов», упомянутого в Агг. Таст. 16.6. Но клин скифов Таст. 16.6. относится ко времени до правления Филиппа II Македонского (359–336 гг. до н.э.), когда аланов не существовало и в помине (Перевалов 1998. С. 98; 2006а. С. 28). Дальнейший комментарий В.Н. Каминского вновь отсылает нас к Арриану: «Начинала атаку обычно легкая кавалерия, осыпая

врага градом стрел и дротиков. Этот способ ведения боя Флавий Арриан называл аланским». Как сказано, то, что В.Н. Каминский понимает под «дротиками», оказывается длинным контосом – пикой. Далее отмечается, что «в первые века н.э. у алан определенная военная организация, на что указывают сообщения Флавия Арриана. Войско делилось на отряды, имеющие отличительные значки». Следует ссылка на место из «Кавалерийского трактата» (Агр. Такт. 35.3–5), не имеющего никакого отношения к аланам, поскольку там даётся описание парадного выезда двух команд *римских* (не аланских) кавалеристов на поле для военных игр (см. соответствующий комментарий к Агр. Такт. 35). Из таких ложно понятых свидетельств и создаётся эклектическая картина военного дела аланов, не имеющая никакого отношения к исторической действительности.

При замене «дротиков» Латышевского перевода на «контосы (пики)», мы по-новому подходим и к проблеме заимствований в римской армии. Арриан в Такт. 4.7 не просто повторяет характеристику алано-сарматской тактики контофоров (Агр. Такт. 4.3), но отмечает, что её переняли и римляне. Встаёт вопрос: к какому времени отнести появление у римлян конницы контофоров? В.А. Кузнецов (со ссылкой на SC, где аланы и сарматы выведены дротикометателями) полагает, что римляне заимствовали алано-сарматскую практику у аланов, встречавшихся с римскими войсками под командой самого Арриана в 136 г. (Кузнецов 1992. С. 49). Это не так, контарии в римской армии появились гораздо раньше, причём на это есть указание самого Арриана. В «Кавалерийском трактате» (Агр. Такт. 44.1) он пишет о том, что император Адриан (117–138 гг.) предписал включить манёвры сарматских контофоров в конные упражнения римских ауксилиев, что предполагает наличие достаточно длительного практического их применения. В самой армии Арриана, выступившей против аланов в 136 г., уже были конные контофоры (Агр. Ект. 21). Поэтому информация о римских контариях сармато-аланского типа должна восходить к более раннему времени.

Как отмечено выше (прим. 57), информация об особой сарматской тактике с применением контоса впервые появляется (в мифологическом или псевдоисторическом контексте) у поэтов флавианской (69–96 гг.) эпохи: Валерия Флакка, Стация, Силия. Исторические свидетельства об использовании сарматами контоса приводит Тацит в описаниях набега роксоланов на Мезию в 69 г. н.э. (Hist. 1.79) и битвы сарматского войска с парфянами на армянской территории в 35 г. н.э. (Ann. 6.35). Тех же сарматов 35 г. Иосиф Флавий (Ant. Jud. 18.97) называет аланами. Именно эта – сложившаяся под впечатлением от знакомства со своеобразным военным искусством сарматов и аланов в 35 г. на Кавказе (без непосредственного участия Рима), и в 68–69 гг. на Дунае – традиция могла стать основанием для выделения Аррианом особого алано-сарматского способа конного боя. Дополнительным толчком к его осмыслению послужили события 136 г. и личная встреча Арриана с аланами как противниками на поле боя, получившая отражение в его «Диспозиции против аланов».

Все сведения о контофорах в римской армии за пределами «Тактики» Арриана относятся ко времени после 35 г. н.э. Римляне, вообще внимательно

следающие за военными новшествами у врагов или союзников (об этом: Kiechle 1965. S. 108 ff.; Eadie 1967. P. 161), стали осваивать тактику контофоров почти одновременно с появлением аланов в восточноевропейских степях. Всадники, вооружённые длинным контосом (κοντός ἐπιμήκης), появились у римлян уже в ходе подавления иудейского восстания 66–71 гг. (Jos. BJ. 3.5.5). Предположение о том, что римские контофоры в «Иудейской войне» Иосифа Флавия появились под влиянием парфян (Lammert 1931. S. 46–47), не находит поддержки в источниках: Арриан ясно говорит о заимствовании римлянами тактики контофоров у сарматов, к которым он причисляет и аланов. Первая регулярная часть контариев (т.е. тех же контофоров), по-видимому, еще не имеющие доспехов, *ala I Ulpia contariorum miliaria civium Romanorum* (CIL. III. 4183), появилась при Траяне около 108 г. (Cichorius 1894. Sp. 1239 ff.; Kiechle 1965. S. 105). Первая кавалерийская часть катафрактов, снабженных панцирями всадников, появляется при Адриане ок. 134 г. – это *ala I Gallorum et Pannoniorum catafracta* (CIL XVI.110; Kiechle 1965. S. 105; Г. Чилвер ошибочно датирует известие о галло-паннонской але правлением Антонина Пия: Chilver 1979. P. 145). По аналогии с вооружением сарматских катафрактариев можно предположить, что всадники *ala I Gallorum et Pannoniorum catafracta* были также контариями, хотя прямых данных об этом нет.

⁶⁸ Согласно Иосифу Флавию, наступательное оружие римской кавалерии состояло из меча, копья, трех или более дротиков (Jos. BJ 3.96). Арриан называет меч и одно копьё (контос или лонха, см. выше: Arr. Tact 4.7–9, ср. Arr. Ekt. 21). Вероятно, в данном случае Арриан ведёт речь о легионной кавалерии, тогда как вооружение всадников вспомогательных (*auxilia*) ал и когорт было гораздо более разнообразным (см. Arr. Tact. 32.2–44).

⁶⁹ Римская ланца (лат. *lansea*, по-гречески *λόγχη*) – копьё, обычно до 2,5 м длиной, используемое и для метания и для рукопашного боя, использовалась преимущественно в пехоте. Иногда снабжалась специальным металлическим ремнем и именовалось в таком случае *hasta amentata*. *Lancea est hasta amentum habens in medio: dicta autem lancea quod aequa lance, id est aequali amento, ponderata vibratur* (Isidorus Or. 18.7.5–6). Подробнее см.: Grosse 1924. Sp. 618–619.

Первоначально лонха, *λογχή*, лат. *lansea*, называемая также *hasta*, находилась на вооружении только ауксилиариев. Тацит отличал легионариев, вооруженных «гладиусами и пилумами» от ауксилиариев со «спатами и гастами»: *et si auxiliariibus resisterent, gladiis ac pilis legionariorum, si huc vertent spathis et hastis auxiliarium sternebantur* (Tac. Ann. 12.35). Сочетание бросков пилума с последующей атакой мечами считалось римским национальным способом боя: так сражались войска Светония с британцами Бодуики (Tac. Ann. 14.36: *conferti tantum et pilis emissis, post umbonibus et gladiis stragem caedemque continuarent*). Но уже ко времени Аммиана Марцелина и Вегеция (IV–V вв.) эта практика боя с пилумом и гладиусом ушла в прошлое, а старое обозначение *pilum* и *gladius* осталось для обозначения любого копья и любого меча (Lammert 1931. S. 28–29).

Постепенно более универсальная ланца стала распространяться и в легионах, а также в коннице, способствуя унификации действий разных родов

- войск (Lammert 1931. S. 24–26). По «Диспозиции против аланов» Арриана половина легионной пехоты (четыре задних шеренги в легионной фаланге) была вооружена именно ланцеями (Arr. Ekt. 18). Вегетий описывает стандартный боевой порядок, при котором «во второй линии располагаются снабженные панцирями лучники и отборные воины с дротиками либо ланцеями (*cum spiculis vel lanceis*), прежде называвшиеся гастатами» (Veg. 3.14). Перевооружение легионариев с пилумов на ланцеи способствовало увеличению дальности метания: если тяжелый пилум бросали на 30 м, то ланцея, снабженная *amentum*, – на 80 м (Lammert 1931. S. 25).
- ⁷⁰ πέλεκος – у греков двулезвийная секира (Hom. II. 13.391; Od. 5.234), в том числе боевая (Hom. II. 15.711; Hdt. 7.135). Арриан первый из военных писателей упоминает этот тип оружия, всаднические секиры (*der Axt*) у римлян (Kolias 1988. S. 162),. Упоминаются также в «Диспозиции против аланов» (Arr. Ekt. 21, 30). Впрочем, имеется трудно проверяемый вариант, отстаиваемый А.К. Нефёдкиным: «булава» (Нефёдкин 1999а. С. 183–184. Комм. 63), замштованная, может быть, у восточных народов (Гиббон 1997. I. С. 63).
- ⁷¹ В дальнейшем у Арриана будет часто встречаться своего рода игры (чтобы не сказать – манипуляции) с числами. Следует учесть, что «греки не мыслили в категориях "абстрактного" количества (*number*), но в категориях онтологических чисел *arithmoi*, являющихся, по определению, совокупностью единиц (*collections of units*) (Harte 1998. P. 227). Временами цифры употребляются Аррианом в значении собственного имени сущности (трактовка идет от позднего Платона).
- ⁷² Система вербовки войска была различной в разных греческих и эллинистических государствах и Арриан специально на ней не останавливается. Например, обучением в государстве Селевкидов ведала особая служба (см. Бикерман 1985. С. 87). По словам Страбона (16.2.10. P. 752), в Апамее «помещалось также военное управление (*Δορυτοῦριον τὸ στρατιωτικόν*) и конный завод, где было более 30 000 царских кобылиц и 300 жеребцов. Здесь жили и объездчики лошадей, и люди, обучавшие обращению с тяжелым оружием, и различные учителя военного дела на жалованье». Набор войска не входит в обязанности полководца.
- ⁷³ По мнению Я. Ле Бозка, рассуждением римского полководца Арриана относительно преимуществ обученного войска перед необученным подчеркивалась важность постоянных тренировок в римской армии (Ле Бозк 2001. С. 155). Стоит, однако, сказать, что такое сопоставление, хотя и отсутствует у Асклепиодота, присутствует уже у Элиана (Tact. 3.3), и в принципе, может относиться к любой армии античности.
- ⁷⁴ Построение воинов начинается с формирования ряда (*λοχα*). Это как будто противоречит теориям происхождения фаланги, согласно которым древнейшие фаланги использовали преимущественно одну шеренгу, составленную из аристократических бойцов (Жмодиков 1998. С. 89–92; Нефёдкин 2002а), и только затем их число возрастало за счёт становившихся более состоятельными сограждан. Но Арриан, как и другие тактики, применяет не исторический (в развитии), а систематический принцип изложения материала, исходящий из идеальной модели армии. Поэтому у него элементарной еди-

ницей фаланги является не шеренга, а ряд, – практика, утвердившаяся, по-видимому, ближе к классическому периоду. Судя по первому детальному описанию греческой (спартанской) фаланги в «Лакедемонской политике» Ксенофонта, их фаланга развилась «из системы, где основной единицей был ряд из восьми человек» (Коннолли 2000. С. 37). В дальнейшем принцип организации по рядам перешёл в тактические пособия. Ряд, или построение воинов по-одному в затылок, первоначально назывался *στίχος*, затем стал называться *λόχος* ко времени диадохов, т.е. к III в до н.э. (Lammert, Lammert 1912. Sp. 1834). Все три тактика, начиная с Асклепиодота, используют термин «лох».

⁷⁵ Как сказано, слово *λοχ* не сразу получил своё значения «ряд в фаланге». «Лох» (*λόχος*) у Гомера обозначало засаду (II. IV.393). В классический период (т.е. с началом греко-персидских войн V в. до н.э.) лохом стали называть отряд воинов различной численности. У спартанцев в битве при Мантинее 418 г. до н.э. было семь лохов по 512 человек в каждом (Thuc. 5.68.3). В походе «десяти тысяч» в лохах было по 100 человек (Xen. Anab. 4.8.15); при Левктрах в 371 г. до н.э. лох включал в себя 144 гоплита (Xen. Hell. 6.4.12), священный лох фиванцев насчитывал 300 человек (Diod. 12.70.1; Plut. Pelop. 19), и т.д. (Нефёдкин 2001д). Арриан использует слово «лох» в ином, более позднем значении – как структурное подразделение эллинистической фаланги, ряд, термин тактической теории. Назначение лоха с чётным числом людей состояло в том, чтобы облегчить перестроения пехоты на марше и в боевой обстановки, а также обеспечить порядок в задних рядах путём выделения следящего за вперёдстоящими бойцами замыкающего – «урага». Свообразную и чисто умозрительную теорию происхождения и назначения ряда (= лоха) в греческой фаланге выдвинул В.В. Лаптенков в статье, опубликованном в журнале «Вопросы истории». «Соблюдение рядности», по его мнению, «позволяло организовать смену воинов в первой шеренге». Быстро устающий в рукопашной схватке «воин первой шеренги через некоторое время после начала боя отступал назад и занимал последнее место в ряду, а на его месте оказывался солдат из второй шеренги. [...] Воин сам определял, сколько времени ему сражаться [...]. Контролем служило моральное воздействие товарищей – трусость осуждалась, а отвага повышала авторитет бойца» и т.д. (Лаптенков 1995. С. 159). Та же ротация предполагается В.В. Лаптенковым для македонской фаланги и римского легиона. Ни в одном из тактических трактатов подобная «ротация бойцов» не предусматривалась (кроме контр-марша, но там с переменной фронта), напротив, как будет ясно из нижеследующего, все перестроения предполагали сохранение четкой структуры прото- и эпистатов, первая шеренга лохагов («лезвие») не предполагала замен из задних шеренг («массы») иначе как в случае смерти или ранения бойца, а за порядком в ряде следил не «каждый воин», а специально назначенный для этого ураг (см. ниже, Агг. Такт. 12.1–11). Традиция тактиков, включая Арриана, в этом пункте достаточно глубокая: ещё Ксенофонт считал, что лучшие бойцы должны стоять в передних и в задних шеренгах, а в середине худших, «чтобы одни их вели, а другие подталкивали» (Xen. Mem. 3.1.8). (Нефёдкин 2004б. С. 462)

Растановки воинов таким образом, чтобы передовые (лохаги) и замыкающие (ураги) удерживали в порядке воинов в ряду – чисто греческая (эллинистическая) практика. В римской армии такого деления и подобных средств сдерживания дезертиров не было. Тому способствовала более профессиональная подготовка воинов. Аппиан в описании сражений гражданских войн говорит о том, что в ходе битвы происходила замена только убитых и раненых передних бойцов, «увещеваний или приказаний не понадобилось, каждый руководился своим большим опытом» (App. BC 3.68. Пер. О.О. Крюгера; см. также 4.128).

- ⁷⁶ Определить численность лоха (ряда) означает установить глубину в шеренгах фаланги – плотного линейного построения тяжёлой пехоты. В раннюю, доэллинистическую эпоху фаланга, как общее правило, формировалась из более или менее самостоятельных контингентов, и глубина каждого отряда устанавливалась по усмотрению его командира. Наиболее часто в источниках встречается цифра в 8 шеренг, что считается нормой для V–IV вв. до н.э., но У.К. Пritchett в своей таблице сражений с 471(?) по 190 г. до н.э. приводит примеры разной глубины фаланг – от одной шеренги (единственный случай) до 32, 50 и даже 120 (Pritchett 1974. I. P. 135–137. Tab. 4–9). Под Марафоном в 490 г. до н.э. середина фаланги была разреженной, фланги усилены (Hdt. 6.111). При Делии в 424 г. фиванцы выстроились в 25 шеренг, а их союзники «каждый по-своему» (ὡς ἕκαστοι ἕτηχοι: Thuc. 4.93.4). Тот же Фукидид (Thuc. 5.68.3), в описании битвы при Мантинее 418 г. до н.э., указывает, что в среднем боевая линия спартанцев имела в глубину восемь шеренг гоплитов, но в каждом отдельном отряде число шеренг устанавливалось по усмотрению командира лоха, лохага (ὡς λοχαγὸς ἕκαστος ἐβούλετο). Для сравнения с материалом «Тактики» Арриана приведу структуру и терминологию подразделений спартанской фаланги в той битве, одной из крупнейших в классический период: 8 шеренг по 4 воина составляли эномотию в 32 человека, 4 эномотии составляли пентекостию из 128 человек, 4 пентекостии – 1 лох из 512 человек, в битве участвовало 7 лохов, так что фаланга насчитывала 3 584 человека, и отдельный отряд скиритов в 600 человек. Иные цифры для спартанской армии несколько более позднего времени приводит Ксенофонт в «Лакедемонской политике» (11.4), лох у него состоит из 144 человек, пентекостия (буквально «полусотня», 50) из 72, а эномотия из 36, причём эномотии строились «либо по три, либо по шесть (человек по фронту)» (τὸτὲ δὲ εἰς τρεῖς, τὸτὲ δὲ εἰς ἕξ), то есть глубина составляла в одном случае 12, в другом 6 человек. В описании битвы при Левктре Ксенофонт (Hell. 6.4.12) говорит о построении эномотии в три ряда и 12 шеренг. Основываясь на этих данных, П. Коннолли гипотетически реконструирует спартанский «архаический лох», состоящий из четырех эномотий, выстроенных в три ряда по восемь человек (всего 24) с 25-м в тылу эномотии (Коннолли 2000. С. 37).

Этот принцип выстраивания фаланги по рядам перешёл от греков к македонцам. Длиннокопийная фаланга того типа, который описывает Арриан, появилась при Филиппе Македонском и Александре, и получила развития у их продолжателей. При Филиппе II число воинов в лохе (ряде) было десять, из-за

чего ряд назывался «декадой», независимо от действительного числа воинов в ней (Нефёдкин 2001д. С. 68). В структуре фаланги Александра утвердилась двоичная система кратных восьмёрок, сменившая троичную греческую (Коннолли 2000: 69). Ряд в восемь человек считался нормой и при Александре, но постепенно таковой был признан ряд в 16 человек (Pritchett 1974. I. P. 137) В конце жизни Александра была образована смешанная фаланга, в каждой «декаде» которой было 16 человек, из них 4 македонца и 12 персов (Агг. Анаб. 7.23.1–4; Diod. 17.110.2), причем передовой и замыкающий был обязательно македонцем. В эллинистическую эпоху глубина фаланги колебалась в зависимости от численности войск и условий местности, но ряд (лох) в 16 человек оставался в качестве «идеальной» нормы, отвечающий не только и не столько практическим потребностям, сколько математическому складу ума греческих теоретиков военного дела. Подробнее об истории греческого и македонского лоха см.: Нефёдкин 1998б= Нефёдкин 2001д.

⁷⁷ Слово $\mu\eta\kappa\omicron\varsigma$ применительно к пехотному строю можно было бы передать как «ширина» (фронта фаланги). Но Арриан, как и другие тактики, использует математические (геометрические) термины, названия которых лучше сохранить и в переводе.

⁷⁸ Первое упоминание у Арриана слова «фаланга», $\phi\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\gamma\chi\eta$. Арриан не дает понятию определения, полагая его общеизвестным. В дальнейшем Арриан дает в основном трактовку фаланги сравнительно позднего, эллинистического времени (с конца IV в. до н.э.). Есть разные версии этимологии слова, среди них та, что выводит его позднейшее значение от наименования деревянного бруска (Нефёдкин 2002а. С. 88–89). Яркую метафору предлагает П. Фор: «буквально “каток”, “всесокрушающее бревно”» (Фор 2001. С. 329). В военном значении встречается уже у Гомера в «Илиаде», преимущественно во мн. числе, как воинские ряды (Ном. II. 11.90; 19.158), однажды – в ед.ч. (Ном. II. 6.6). Современное определение фаланги, основанное на античных описаниях – плотный строй тяжеловооруженной (гоплитской) пехоты. Время появления фаланги оценивается разными учеными по разному – от сер. VIII в. до середины VII в. до н.э. (см.: Туманс 1997. С. 6). Техническим новшеством, повлекшим за собой формирование плотного построения считается изобретение двуручного гоплитского щита, потребовавшего особого прикрытия для правого плеча стоящего в боевом ряду воина (см. комм. 35 к Агг. Такт. 3.2). Подробнее: Нефёдкин 2002а.

⁷⁹ Термин $\eta\gamma\upsilon\epsilon\mu\acute{\omicron}\nu$ в военной сфере применялся для обозначения низших командиров, подчинённых вышестоящим (Mason 1974. P. 150). Арриан, однако, в данном случае использует его в другом значении: «предводитель, возглавляющий ряд».

⁸⁰ Стихос – «ряд», старое название для лоха (см. Xen. Lac. 11.5.8). Декания, «десятка» – название ряда (лоха) в македонской фаланге Филиппа II (Коннолли 2000. С. 68–69). См. прим. 76.

⁸¹ По преданию энмотию в спартанском войске ввел Ликург. $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \delta\epsilon\ \tau\acute{\alpha}\ \epsilon\varsigma\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\mu\omicron\nu\ \epsilon\chi\omicron\nu\tau\alpha,\ \acute{\epsilon}\nu\omega\mu\omicron\tau\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\eta\kappa\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \varsigma\upsilon\sigma\acute{\iota}\tau\iota\alpha... \epsilon\varsigma\tau\eta\varsigma\ \Lambda\upsilon\kappa\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$ (Hdt.1.65). «Ликург установил, чтобы войско состояло из энмотий, триакад и сисситий». Энмотия в классической Спарте состояла из

- 32–36 человек (Thuc. 5.68; Xen. Hell. 6.4.12) и была наименьшим подразделением моры или мойры (μόρα=μοῖρα) – отряда приблизительно из 512–576 человек. Во времена Арриана эномотия = 1/4 лоха (лох, обычно, – ряд из 16 человек), то есть, если ряд (лох) меньше восьми человек, эномотия не может существовать. Таким образом, глубина фаланги в восемь человек у тактиков действительно является минимальной. См. также прим. 76.
- ⁸² См. Xen. Anab. 4.3.26. Не совсем понятно, почему Арриан считает, что Ксенофонт не объясняет, какую часть лоха составляет эномотия. Несколько ранее Ксенофонт (Anab. 3.4.21) говорит о том, что эномотия составляет подразделение (по смыслу – половину) пентекстии и, следовательно – 25 человек: четверть лоха в сто человек («стратеги [...] образовали 6 лохов по 100 человек в каждом и поставили над ними лохагов, а других назначили начальниками над подразделениями в 50 солдат и над эномотиями». Пер. М.И. Максимовой). Арриан, несомненно, читал это место у Ксенофонта, потому что несколько ниже (Arr. Tact. 29.8) он ссылается на соответствующее место при объяснении построения каре (Xen. Anab. 3.4.19).
- ⁸³ Требование выбирать передовых и замыкающих из лучших воинов встречается уже у Ксенофонта (Xen. Mem. 3.1.8).
- ⁸⁴ Таким образом, по Арриану, лох состоит из чередующихся протостатов и эпистатов. В случае удвоения рядов лохаг становится направо, ураг – налево. В большом фаланговом построении στίχοι соответствуют нашим рядам, ζυγά – шеренгам. Первая шеренга – лицевая, обращенная к неприятелю. Под «шириной» (μῆκος) понимается длинная сторона фаланги, «лицо» (τὸ μέτωπον=ὁ πρῶτος στίχος) – сторона, обращенная к неприятелю. «Глубина» (τὸ βάθος) – узкая сторона построения.
- ⁸⁵ πλήθους – многозначимое слово, в данном случае означает вооруженное множество, всю армию, воинскую массу.
- ⁸⁶ Далее следует описание именно эллинистической (македонской) фаланги, чьи лучшие времена падали на время между Александром Македонским и битвой при Селассии (222 г. до н.э.), в которой македонские войска Антигона III Досона разбили Клеомена III Спартанского. Ко времени Арриана легендарное построение ушло в прошлое. Полибий (Plb. 18.28–32) по итогам битвы при Киноскефалах (197 г. до н.э.) доказывает преимущества римского легиона над фалангой за счет большей мобильности и гибкости. Еще ранее, в своей шестой книге Полибий объяснял успех римской военной системы преимуществами политического строя, куда входила и военная организация. Тем не менее Арриан, следуя традиции эллинистических тактиков, берёт в качестве образца армии именно фалангу.
- ⁸⁷ Первое значение слова μέτ-ωπον – «чело», «лоб» («пространство между глазами»), затем – передняя часть чего либо, у тактиков слово приобретает значение технического термина – фронт боевой линии.
- ⁸⁸ ζυγός или ζυγόν – ярмо, упряжка из двух и более волов, «звено». Для настоящего перевода выбран термин «шеренга», более подходящий для военной сферы.
- ⁸⁹ О глубине греческой фаланги в различных сражениях классического и эллинистического периодов см.: Pritchett 1974. I. P. 134–143, а также прим. 76. Ар-

- риан в своем трактате опирается не на исторические примеры, а на идеальную модель фаланги, глубина которой регулируется общим командованием.
- ⁹⁰ Г. Дельбрюк (1936. С. 184) дает такое примечание к переводу этого места: «В «Тактике» Арриана [...] объясняется, что в войске, в котором каждую из частей всегда легко можно разбить на две части, все передвижения выполняются очень легко». Этот принцип – последовательное деление армии надвое – исключает деление фаланги на три части, как это получается у Притчетта, который пишет: Whenever the complete Greek order of battle (διάταξις) was given, the phalanx might be divided into three parts, the center and the two wings (κέρατα). The three divisions were normally called τὸ δεξιόν, τὸ μέσον and τὸ ἐώνυμον, with or without the word κέρας (Pritchett 1974b. II. P. 190). В трудах тактиков слово «середина, центр» (τὸ μέσον) не имеет специального значения и не обозначает особую часть фаланги. Войско административно делилось посередине только на правое и левое крыло (= «рог», фланг), центра, как такового, не существовало.
- ⁹¹ Правый фланг в греческих армиях состоял из самых надежных и опытных бойцов и считался сильнейшим, первым «по доблести» (см.: Ascl. Tact. 3.1; ср. Arg. Tact. 23.5). Тому были как социально-политические, так и психологические причины; о военно-технических пишет Фукидид (Thuc. 5.57.1) в связи с тяготением фаланги гоплитов вправо. Об этом: Pritchett 1974b. P. 190–207. На правом, наиболее почетном, крыле обычно находились лучшие части и главнокомандующий.
- ⁹² На марше войска правого фланга шагают в голове, левого – в хвосте колонны. Переход из маршевой колонны в боевое построение производится поворотом в пол-оборота влево. Отсюда названия: для правого фланга – «голова» (авангард), для левого – «хвост» (арьергард).
- ⁹³ Слово «стома» Арриан несколько ранее использовал как эквивалент «фронт» (Arg. Tact. 8.1). В данном случае им обозначается место стыка двух половин фаланги.
- ⁹⁴ Ср. выше, Arg. Tact. 5.2: «Первое и самое важное в искусстве полководца дело – взяв [только что] набранную и неорганизованную массу людей, разместить в надлежащий строй и порядок». Т.е., по Арриану, набор войска проводится не полководцем, что соответствует греческой практике, где функции военачальника и главы военного ведомства не совпадали. У римлян эпохи республики войско набирали консулы, имеющие для этого особую высшую и неделимую распорядительную власть, imperium. Будучи наместником провинции Каппадокия в 131–137 гг., Арриан уже имел в своём распоряжении два легиона с соответствующим числом ауксилиев – всего до 22–23 тыс чел. Это был постоянный состав провинциальной армии, exercitus Cappadociae.
- ⁹⁵ Самое общее значение слова μεταβολή – изменение, перемена, зд. близко к значению «манёвр» в словаре В. Даля: «**МАНЕВР** м. или **маневры** мн. франц. построения и движения войск, в пример войны. Маневрский, к **маневрам** относящ. Маневрировать, делать **маневры**, строить и передвигать войска».
- ⁹⁶ Разворот или контрмарш, т.е. поворот фронта к тылу. Исправляю свою ошибку (lapsus calami), допущенную в статье об Асклепиодоте, где контрмарш назван «возвращением в начальную позицию» (Перевалов 2001 г. С. 151).

- ⁹⁷ Принцип вычисления идеальной численности фаланги аналогичен подсчётам Платона при определении числа граждан идеального полиса в 5040 человек. «Что касается чисел, то всякий законодатель должен отдавать себе отчет в том, какое число и какие свойства числа всего удобнее для любых государств. Мы признаем наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делений. Конечно, всякое число имеет свои разнообразные делители; число же пять тысяч сорок имеет целых пябдесят девять делителей, последовательных же – от единицы до десяти. Это очень удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений» (Plat. Leg. 738a. Пер. А.Н. Егунова). См. схожее рассуждение Плутарха о «совершенном» числе применительно к 28-ми геронтам Ликурговой конституции (Plut. Luc. 5).
- ⁹⁸ Впервые число 16 384 для гоплитской фаланги называет Асклепиодот (Ascl. Tact. 2.7), потом оно повторялось у многих греческих военных писателей римского и византийского времени. Я рассматриваю его как результат математических, не связанных с практикой, вычислений тактиков, и не разделяю мнения А.К. Нефёдкина, писавшего о том, что «данная численность фалангитов являлась не только теоретической разработкой тактиков, она базировалась и на реальном количестве гоплитов в фаланге и, вероятно, считалась оптимальной, ведь именно такое число имела фаланга македонских Антигонидов при Киноскефалах в 197 г. до н.э. (Liv., XXXIII,4,4), и сирийских Селевкидов при Магнезии в 190 г. до н.э. (Liv., XXXVII,40,1; App. Syr., 32).» (Нефёдкин 2004а. С. 33. Комм. 10). Во всех трёх случаях речь идёт о фаланге в 16 тыс. человек (но сколько других примеров!), чья структура, как показывает описание Аппиана (10 частей, по 1600 человек в каждой), значительно отличалась от той «идеальной» схемы, что присутствует у тактиков (чего не отрицает и А.К. Нефёдкин: Нефёдкин 2005а. С. 166). Примерами случайных совпадений нельзя доказать закономерность. *Exempla sunt odiosa*.
- ⁹⁹ Дж. Де-Вото понял это место таким образом: Arrian apparently means that the ideal army will have 8,192 hoplites, 4,096 *ψιλοί* and two wings of 2,048 cavalry to make a total of 16,384 (= 2 to the 14th power) (De Voto 1993. P. 97. Edn. 9). Однако, суммируя указания из других мест «Тактики», можно заключить, что тяжелая пехота состоит из 16 234 человек, а остальные рода войск – псилы, конница – имеют половинную численность от пехоты и псилы соответственно. Схожее место у Асклепиодота (Tact. 2.7), впервые (из дошедших до нас трактатов) производившего подобные исчисления, представлено так: ταύτης δὲ ἡμίσειας τὴν τῶν ψιλῶν. Перевод Л. Познанского (Asclépiodote 1992. P. 6): «la moitié étant composée de fantassins légers». По мнению Н. Секунды (CR. 1994. 44. № 1. P. 36) ближе к оригиналу перевод Олдфазера: «and half that number (i.e. 8192) for the phalanx of the light infantry». Ещё в XIX веке Наполеон считал, что «в армии кавалерия должна составлять четвертую часть пехоты» (Наполеон 1994. С. 594).
- ¹⁰⁰ Как видим, здесь Арриан начинает рассуждать как математик, уже не о военной массе, а о числе, причем числе «вещественном». См. соответствующее рассуждение у Секста Эмпирика (Sext. Emp. Adv. math. VII. 101–102): «из

- тел одни состоят из предметов связанных (как судно, цепи, фаланги), другие – из объединенных в одно целое... Однако, будет ли состоять оно из связанных, будет ли из объединенных, будет ли из разъединенных предметов, оно все равно содержит числа, раз составило из многого» (Секст Эмпирик 1975. I. С. 80). Стоит привести одну мимоходом брошенную мысль известного экономиста и статистика XX в.: «есть что-то неотразимо величественное в самом характере математического знания. Уходя в него, начинаешь действительно не только понимать, но и чувствовать мировоззрение стоиков и особенно пифагорейцев с их руководящей идеей, что *numera regnunt mundum*» (Кондратьев 1991. С. 540). О значении математики для формирования «теоретического» знания см.: Кассирер 2002. С. 232.
- ¹⁰¹ Следовательно, численный состав в 1024 лоха = 16 384 человек, относится только к гоплитской фаланге. То же – в *Art. Tact.* 10.9. Ср. выше, *Art. Tact.* 9.5, прим. 98.
- ¹⁰² Ксенагия (ξεναγία) – от ξένος, «чужеземец», «наемник», – отряд наёмников. Возможно, ксенагия была греческим эквивалентом лат. *cohors auxiliarum* – союзнической когорты в римской армии (так: *De Voto* 1993. P. 97. Endn. 13).
- ¹⁰³ Здесь синтагма названа нейтрально σύνταξιν («составом»).
- ¹⁰⁴ Глава 11 начинается т.н. «элементарную тактику» (κινήσεις, тактические передвижения). Проблема расстановки воинов и интервалов между ними существовала еще для писателей времени диадохов и у Полибия.
- ¹⁰⁵ Перевод В.В. Латышева этого места в *SC* иной: «Фаланга строится в длину иногда реже, если позволяет местность и будет признано полезнее, а в глубину иногда гуще, если нужно будет самой густотой и натиском отразить (ἐξῶσαι) врагов». Русский глагол «отразить» означает «Отбить, защититься от кого-чего-н. *О(тбить) атаку*» (Ожегов 1953. С. 430). Тем самым густое построение Эпаминонда под Левктрами (371 г. до н.э.) и Мантинеей (362 г. до н.э.) признается оборонительным, что противоречит известному ходу обеих битв, где Эпаминонд использовал тактику таранного удара глубокой колонной (см. Xen. *Hell.* 7.5.24). В действительности глагол ἐξωθέω (inf. fut. ἐξῶσαι) имеет значение «отбрасывать, оттеснять» (Дворецкий 1958). Конструкция предложения совершенно ясна и складывается из противопоставления наступательной роли фаланги Эпаминонда и оборонительной – при отражении атак сарматов и скифов. Так понимают Арриана (*Tact.* 11.1–2) Притчетт (*Pritchett IV.* 1985. P. 73) и Э.Босворт (*Bosworth* 1993. P. 257). О значении задних шеренг в деле поддержки натиска (ὠπισμός) первых см.: *Sabin* 2000.
- ¹⁰⁶ Знаменитая битва при Левктрах 371 г. до н.э. в Беотии, в которой фиванский полководец Эпаминонд победил спартанскую армию царя Клеомброта, погибшего в бою. Имеющаяся информация говорит о солидном преимуществе побеждённых: 11 000 спартанцев (Плутарх) против 6 400 беотийцев (Диодор), впрочем, числовые выкладки для этого сражения не считаются достаточно точными (Дельбрюк I. 1936. С. 148–151). Битва при Левктрах, по представлениям древних, относилась к числу бесхитростных сражений, в которых дело решалось простым массированным натиском (*Pritchett IV.* 1985 P. 54. Not. 159). Полибий называл ее (в отличие от Мантинейской) «простой (κίνδυνος ἀπλοῦς) и требующей от полководца

напряжения способностей в одном только направлении» (Plb. 12.25. F.4. Пер. Ф.Мищенко).

Арриан не отмечает наиболее примечательную черту построения фиванцев: усиление именно левого фланга в противовес традиционному правому, на что обращал особое внимание Плутарх (Plut. Pel. 23), говоря что Эпаминонд «вытянул фалангу наискось и налево (τὴν φάλαγγαλοξὴν ἐπὶ τὸ ἐὺώνυμον)». П. Видаль-Накэ и П. Левек подчёркивают, что явившаяся результатом увлечения Эпаминондом пифагорейской философией, «концентрация лучших войск на левом фланге была настоящей революцией в тактике боя и полным разрывом с традицией» (Видаль-Накэ 2001. С. 92). Вывод о том, что «Эпаминонд показал себя выдающимся полководцем не вопреки своим философским взглядам, а благодаря им» (Видаль-Накэ 2001. С. 106), имеет значение и для нашей темы, в которой Арриан предстаёт и как философ и как полководец, а также военный писатель.

¹⁰⁷ Битва при Мантинее 362 г. до н.э., в которой Эпаминонд одержал еще одну победу над спартанцами, но при этом погиб (Xen. Hell. 7.5.18–27).

¹⁰⁸ Словом «клин» (ἔμβολον), первоначально означавшим нос корабля, здесь, по-видимому, обозначается боевой порядок, в котором фронт уже глубины. Терминологию Арриан мог заимствовать у Ксенофонта, у которого Эпаминонд «продвигал войско вперед узкой частью, как триеру» (Xen. Hell. 7.5.23). Фалангу, построенную клином (ἔμβολον, Arr. Tact. 11.2), Ливий называет cuneus (Liv. 32.17.11; то же: Veg. 3.19). Вопросы, связанные с использованием пехотного клина Эпаминонда рассматривает А.Девин (Devine 1983. P. 201–217), который предлагает различать конфигурацию пехотного клина (ἔμβολος) Эпаминонда (Arr. Tact. 11.1–3) и конного клина «скифов», составлявшего половину ромба, о котором пойдет речь выше (Arr. Tact. 16.6). Пехотный «клин» Эпаминонда представлял не геометрическую фигуру, а разновидность уплотненного построения (πίκνωσις) (Devine 1993. P. 323 ff.). Плутарх, поздний источник по битве при Левктрах 371 г. до н.э., при описании тактического построения Эпаминонда использует словосочетание λοξὴ φάλαγξ (Plut. Pelop. 23), т.е. «косая фаланга», но в ином, нежели у тактиков, значении (Tuplin 1987. P. 84–85). Ср. графическую схему Λ-видного македонского пехотного клина у Н.Хэммонда (Hammond 1981. P. 55. Fig. 4). Дж. Баклер, однако, возражает против трактовки боевого порядка Эпаминонда как «клиновидного», считая, что Элиан (Tact. 18.4) и Арриан (Arr. 11.2, ср. 16.6–8 о введении клина Филиппом Македонским) неправильно поняли «корабельную» метафору Ксенофонта, передающую эффект от мощной атаки глубокой колонны беотийцев (Buckler 1985. P. 136).

¹⁰⁹ По мнению исследователей, «савроматами» (т.е. сарматами) здесь названы аланы, с которыми Арриан имел дело при отражении их нападения на Каппадокию в 136 г. (Stadter 1978. P. 118; Wheeler 1978. P. 361). Первое появление аланов на исторической сцене относится к 35 г. н.э., когда они выступили союзниками иберов в войне с парфянами (Jos. Ant. Jud. 18.97), при этом Тацит называет тех же аланов Иосифа Флавия «сарматами» (Ann. 6.33–35). Военные приемы аланов и сарматов, по Арриану, идентичны (Arr. Tact. 4.3; 4.7). Отличительная особенность алано-сарматской так-

тики – лобовая атака с применением тяжелых пик-контосов. Эффективность построения плотной фалангой против атакующих аланов подтверждена в Арриановой «Диспозиции». Под «скифами» скорее всего подразумеваются скифы классического времени (IV в. до н.э.), использовавшие еще до Филиппа II Македонского построение «клином», как строем, который «позволяет легко прорывать неприятельский строй» (Arr. Tact. 16.6–7), т.е. ту же густую фалангу, о которой говорит Арриан (Markle 1977. P. 339). Таким образом, и скифы, и (алано-)сарматы предстают конниками, использующими тактику прямой таранной атаки.

Обращение к скифо-сарматской боевой практике для Арриана имело не только историческую направленность. Войны с сарматами и аланами существенно повлияли на оказали эволюцию тактики римской пехоты I–II вв. н.э. В поисках наиболее эффективных средств борьбы с тяжелой кавалерией пикейщиков североиранских народов, римляне все чаще прибегали к опыту – как греческому, так и римскому – старой фаланги (Wheeler 1979. P. 303–318). Этим объясняется широкая популярность тактических трактатов о греко-македонском военном деле в период принципата. Реальными потребностями той эпохи Ф.Кихле объясняет и само появление «Тактики» Арриана (Kiechle 1965. S. 108 f.). Римляне не слепо копировали опыт эллинистического времени, но подходили, можно сказать, творчески. Так, Арриан сам применял (или готовился применять) фалангу против аланской кавалерии катафрактариев (Arr. Ekt. 15–17; 26), но его фаланга имела меньшую, против идеальной, глубину (восемь шеренг вместо шестнадцати), разное оружие для воинов в фаланге (первые четыре шеренги – с пиками, остальные четыре с метательными копьями) и выполняла чисто оборонительные функции, в отличие от македонской фаланги, предназначенной для атаки (Bosworth 1977. P. 240 f.). В упоминании Аррианом «савроматов» можно видеть прямой намек на успешно проведенную кампанию 136 года, когда Арриан действительно применил плотную фалангу против аланской конницы (Arr. Ekt. 15–17; 26; Stadter 1978. P.124; Wheeler 1978. P. 361.)

¹¹⁰ Древние тактики различали три основных интервала: 1) шесть футов (= четыре локтя) считалось обычным интервалом между воинами на марше (πορεύτικὸν διάστημα, Plb. 12.19.7), 2) в три фута (= 2 локтя, ок. 0.90 м) – для «плотного» построения при атаке или обороне: (πύχρσι δύο Plb. 18.29.2), 3) и в полтора фута (= 1 локоть) – для «синасписма». Согласно Асклепидоту (Ascl. Tact. 4.3) интервалы в четыре локтя считались «естественными» (κατὰ φύσιν). По Элиану (Tact. 11.2) интервал в четыре локтя (шесть футов) используется для обычного построения, в два локтя (три фута) – для плотного, в один локоть (полтора фута) – для синасписма. Практически это означало, что фаланга гоплитов классического времени, вооруженных коротким (до 2.5 м) копьем, представляла собой построение, предназначенное для индивидуальных поединков воинов (Krentz 1985. P. 60). Лишь вооруженная длинными сариссами македонская фаланга могла действовать как единое целое.

¹¹¹ Элиан добавляет в характеристику πύκνωσις (интервал в два локтя) следующую деталь: отдельные фалангиты при таком тесном построении не могут

- сделать поворот кругом (Ael. Tact. 11.3). Уплотнение и разрежение производится маневром удвоения: см. ниже Arg. Tact. 25.1–12.
- ¹¹² Щиты при таком построении перекрывают друг друга подобно рыбьей чешуе. Плотность построения, таким образом, зависела от размеров щита, самый крупный из которых, гоплитский щит *аспис*, доходил до 80–100 см. в диаметре. Щиты времени Филиппа II были диаметром 60 см (Нефёдкин 2001в. С. 138; Фор 2001. С. 329; Corvisier 2002. P. 103). Согласно Асклепидоту, в построении «синасписмом» выдерживался интервал в один локоть (Ascl. Tact. 4.1; Ael. Tact. 11.2) Подробнее о разнице между «пикносписмом» и «синасписмом»: Pritchett I. 1974. P. 144–154.
- ¹¹³ Греческие военные писатели с развитием военного дела в римский период не вводили новые понятия, но пытались приспособить для них старые эллинистические термины. Этой цели служило и отождествление – римской «черепахи» (*testudo*) с «синасписмом» (*συνασπισμός*) (Bosworth 1977. P. 243). Описываемое далее построение «черепахой» использовалось римлянами при штурмах городов по меньшей мере со времени Полибия (Plb. 28.11.1–2; Liv. 34.39.6; 44.9.8). У Ливия мы наблюдаем перенос лат. термина *testudo* на македонскую фалангу (Liv. 32.17.13). Плутарх (Crass. 24.3) и Кассий Дион (40.22.2) в аналогичной ситуации обозначают термином *συνασπισμός* построение римлян против парфян (ср.: Plut. Ant. 45.2–3; Dio 49.29.2–3). У Арриана, впрочем, термином «черепаха» обозначается не фаланга в сверхплотном построении, а основанный на перекрытии щитов боевой порядок каре или кругом (Bosworth 1993. P. 257).
- Любопытная критика встречается у писателя III в. н.э. Юлия Африкана (Cest. 1.1.53–56), согласно которому римский щит, поскольку он, в отличие от греческого, не закрывает целиком (левое) плечо воина, мало пригоден для образования *συνασπισμός*. Тот же Африкан отмечает, что римские копья, будучи короче греческих *дóрата*, неэффективны при плотном построении против парфянской и персидской кавалерии. См.: Wheeler 1997b. P. 576.
- ¹¹⁴ Т.е., в первой шеренге.
- ¹¹⁵ «Кирпичик» (*πλινθιον*) или карэ – защитное построение для гоплитов, предназначенное для отражения атак со всех сторон.
- ¹¹⁶ Ср. схожее описание у Плутарха (Anton. 45).
- ¹¹⁷ Я исключаю, вслед за издателем (Roos–Wirth), стоящие дальше слова: ἢ τοῦ τῆ τοῦ σιδήρου.
- ¹¹⁸ Сравнение первой шеренги с режущим краем меча встречается у Асклепидота, но в краткой форме: «шеренга скрепляет фалангу подобно острию меча, отчего боевые строи, имеющие лохагов с обеих сторон, называют двухлезвийными» (Ascl. Tact. 3.5). Элиан (Tact. 13.2), а за ним и Арриан разъясняют смысл сравнения, следуя своей популяризаторской установке.
- ¹¹⁹ ὠθισμός – «натиск», давление массой на противника с целью прорыва вражеской линии или обращения его в бегство. Рассматривается как основное назначение построения фалангой (см., напр.: Holladay 1982. P. 94–97; Luginbill 1994). Довольно жуткую картину мясорубки двух фаланг, рисует Ф. Жюльен: «Два отряда гоплитов (тяжеловооруженных воинов в нагрудных панцирях), построенных в несколько шеренг и сомкнутым строем шагавших

в ногу под звуки флейты, сходились друг с другом, причем отступать при таком порядке воинам было некуда. Такой любовой бой мог встать лишь к страшной кровавой сече, ибо задачей массы людей и с той и с другой стороны должен быть “натиск” (ὄβριμος). Первые ряды, непосредственно сталкивающиеся с неприятелем, подпираются нарастающим давлением следующих за ними рядов. И чем больше в строю шеренг, чем теснее сомкнуты ряды, тем сильнее фаланга напирает на врага, тем мощнее ее удар и натиск» (Жюльен 2001. С. 35). Описание несколько утрировано, на деле процент потерь в гоплитских битвах был не столь велик: у победителей – 5%, побежденных – 14% (Krentz 1985a). В современной историографии «теория натиска» подвергается критике, см.: Sabin 2000. P. 1 ff; Сабин 2007.

¹²⁰ Данное место, по-видимому, заимствовано из описания древней, классического времени, фаланги с короткими копьями, в которой лишь воины первых двух шеренг могли достать копьями до неприятелей. В дальнейшем Арриан переходит к македонской фаланге, в которой не две, а шесть шеренг достают сариссами до врага (Tact. 12.10). Указанное противоречие, вряд ли возможно снять с помощью версии, согласно которой копия (сариссы) в македонской фаланге последовательно удлинялись у воинов разных шеренг. Так можно понять фразу Асклепиодота: «Некоторые, из желания сделать ровной линию наконечников [копий], выдвинутых перед фронтом, удлиняют копия задних шеренг» (Ascl. Tact. 5.2). См. комментарий В.М. Смирин к биографии Суллы у Плутарха (Sull. 18): «Сариссы – длинные копия (2 м у первой шеренги, до 6 м у следующих шеренг), которыми была вооружена фаланга македонского образца» (Плутарх. Т. I. 1994. С. 691. Прим. 37). Наличие в фаланге пик разного размера сомнительно, см.: Нефёдкин 2004а. С. 34. Комм. 26.

¹²¹ В соответствующем месте у Асклепиодота (Tact. 5.2) использовано настоящее время («македоняне [...] устрашают (ἐκπλήττουσιν) неприятелей своим видом»), что послужило поводом (не принятым специалистами) для датировки трактата Асклепиодота более ранним временем, а именно – до битвы при Пидне 168 г. до н.э. (см. Asclépiodote 1992. P. XIII). Арриан использует прошедшее время (φοβερὰ ... ἐφαίνετο). Босворт (Bosworth 1993. P. 258) рассматривает это как сознательный прием при работе Арриана с разновременными источниками, отличающий его от предшественников – Асклепиодота и Элиана. Об ужасе, испытанном римским полководцем при Пидне Эмилием Павлом при виде наступающей македонской фаланги, сообщает Полибий (Plb. 29.17, Suida), и Плутарх (Plut. Aem. Paul. 19).

¹²² В рукописи πῆχεςι, т.е. локтей. Аттический локоть (πῆχυς) – около 49 см, аттический «фут» (ποῦς), мера, используемая ниже для измерения сариссы и расстояния между шеренгами, составлял 2/3 от πῆχυς, т.е. 32–33 см. Тот же интервал в два локтя принимает для «пикносиса» Асклепиодот (Tact. 4.3), что соответствует трем футам у Полибия (Plb. 18.29.1; 30.6). Предположение Д.Де-Вото (DeVoto 1993. P. 98) о замене «локтей» на «футы» (πόδας) маловероятно.

¹²³ Арриан предпочитает написание σάρισα, «сариса» (с одной второй -σ-), так же, как у Полибия (18.29–30 etc.), Фотия (Phot. s.v. σάρισα). В других источниках встречается и удвоенная -σσ-: σάρισσα (Agath. 3.17; Etym. Mag.;

Suid. s.v.). Значение слова менялось, в эпоху эллинизма оно прилагалось к длинной пехотной пики с втоком в качестве противовеса; отличие пехотной сарисы от кавалерийской дебатруется (Нефёдкин 2000б. С. 21–22. Прим. 23).

¹²⁴ Предположения, будто бы *πόδας* у Арриана могло быть ошибкой вместо *πίχεις*, признаны неосновательными: он твердо пишет о длине в шестнадцать футов (Devine 1993. P. 328–329). В определении длины македонской сарисы Арриан расходится со своими предшественниками. Согласно Полибию (P1b. 18.29.2) и Элиану (Tact. 14.2) длина сариссы изначально равнялась 16 локтей (т.е. 24 фута), но в действительности составляла только 14 локтей (21 фут). Ту же 16-локтевую (24-футовую) сариссу, согласно Полиэну (Strat. 2.29.2), применяли жители Эдессы при осаде их города спартанцем Клеонимом ок. 274 г. до н.э. (Полиэн 2002. С. 276. Прим. 190). Объяснение, согласно которому «во время осад использовали пики максимальной длины в 16 локтей (7,1 м), тогда как для полевых боев применялась более короткая сарисса в 14 локтей (5,8 м)» (Полиэн 2002. С. 375. Прим. 187), неудовлетворительно: и Полибий, и тактики говорят о сариссах фалангитов в построении для полевого боя. По Асклепиду (Tact. 5.1) сарисса должна быть «не короче» 10 локтей (15 футов), и «не длиннее» 12 локтей (18 футов). Ученик Аристотеля Феофраст (Hist. Plant. 3.12.2) указывает, что «самая длинная» сарисса в фаланге Александра была 12 локтей. А.К. Нефёдкин считает, что речь у Феофраста должна идти «вероятно [...] об осадной сариссе» (Нефёдкин 2002д. С. 90), но это суждение достаточно априорно. Отрицать наличие 5–7-метровых сарисс в пехоте нет никаких оснований.

Большое значение имела находка греческого археолога М. Андроникаса в Вергине, месте предположительного захоронения Филиппа II, где были обнаружены *in situ* наконечник и сток македонской сариссы (копье А) последней трети IV в. до н.э. (Andronicos 1970). Измерения показали ее длину в 6.2 м (Andronicos 1970. P. 103). Это соответствует приблизительно 14 локтям, т.е. размер, указываемый древними авторами. Полезную информацию относительно способа действий сариссой дает Полибий (P1b. 18.29.2. Пер. Ф.Г. Мищенко с некоторыми поправками). «Из этой [длины] четыре [локтя] отходят на ту часть копья, которая заключена между двумя руками, и на увеличение тяжести заднего конца. Таким образом, несомненно, что сарисса каждого гоплита, когда он на ходу против неприятеля протягивает ее обеими руками вперед, выступает перед его телом не меньше, как на десять локтей (*δέκα πίχεις*)». Таким образом, точка баланса приходится на заднюю часть древка, что и подтверждают вергинские находки. Наконечник копья А (сариссы) из Вергины очень легкий – 0.097 кг, что уравнивается тяжелым подтоком (втоком в виде шестопера) на конце в 1.07 кг. Сомнения в возможности оперировать таким громоздким оружием не раз приводили современным исследователей к попыткам доказать, что в греческом оригинале у Полибия произошла подмена слова «фут» (*πόδας*) словом «локоть» (*πίχους*). Но поздняя практика не позволяет считать такую цифру столь уж нелепой. Швейцарские пики позднего средневековья достигали в длину 5.5–5.75 м (Коннолли 2000. С. 77). В эллинистические времена древко изготовлялось из ясеня – дерева с низким удельным весом и копьё при длине 6 м

могло весить 6 кг. Очевидно, что такая длинная пика (6–7 метров) могла эффективно использоваться не в индивидуальных схватках, а в столкновениях крупных воинских масс (Sabin 2000. P. 9).

Таким образом, мы можем сказать, что длина пики-сариссы претерпела эволюцию – от 10–12 локтей при Александре до 14–16 локтей (24 фута) в эпоху эллинизма (Sabin 2000. P. 9). Сариссы играли ключевую роль в фаланговом построении македонцев. В меньшей степени успех или неудача зависели от давления задних рядов (Plb. 18.29–32; Plut. Aem. 20).

¹²⁵ По Полибию, принимающего для сариссы длину в 14 футов, перед каждым воином первой шеренги находилось пять сарис (Plb. 18.29.7).

¹²⁶ Выражение *ἐν κύκλῳ ἐφέξειν ὑποβαίνουσαι* ставит серьезную проблему правильного понимания текста. Если понимать его буквально, это означает, что первая шеренга держит сариссы параллельно земле, тогда как каждая последующая поднимает ее под все увеличивающимся углом, так что у бойцов шестой шеренги (и всех последующих шеренг) сариссы торчат вертикально. В профиль наконечники сарисс будут образовывать подобие четверти круга. Но такое небоевое использование пик задними шеренгами в бою, видимо, не имеет смысла (ср. у Полибия, где перед схваткой сариссоносцы переводят свои сариссы из вертикального в горизонтальное положение: Plb. 18.24; комментарий: Дельбрюк 1936. С. 324; Жмодиков 2001. С. 56). С. 56. Возможно, выражение «по дуге» (*ἐν κύκλῳ*) следует понимать в том смысле, в каком оно употребляется в Arr. Tact. 16.7 и 11.5, т.е. «по периметру» (Devine 1993. P. 329–330).

¹²⁷ Судя по описанию Арриана, первая шеренга несет свои сариссы горизонтально наперевес параллельно земле, тогда как каждая последующая поднимает ее под все увеличивающимся углом, так что у бойцов шестой шеренги сариссы торчат вертикально. Согласно Полибию, перед первой шеренгой выдвигались сариссы первых пяти шеренг (Plb. 18.30.2). Такая оцетинившаяся масса воинства действительно выглядела устрашающе для неприятеля (см. Ascl. Tact. 5.2). Подобное впечатление от идущей в атаку фаланги передает и Плутарх (Titus. 8). Благодаря длине сариссы удерживали неприятелей на безопасном для фалангитов расстоянии. В битве при Пидне (168 г. до н.э.) македоняне в первых шеренгах «успели вонзить острия своих сарисс в щиты римлян (*ἄκρας τὰς σαρίσας προσέτηναικότας τοῖς θυρεοῖς τῶν Ῥωμαίων*) и, таким образом, сделались недосягаемы для их мечей» (Plut. Aemil. 19.1. Пер. С.П. Маркиша). Примечательно, что Арриан не упоминает о щитах у фалангитов. Асклепидот рекомендует иметь восьмиястные щиты (это примерно тот размер, которому соответствуют экземпляры щитов, известные по археологическим находкам – ок. 60 см). Но поскольку из-за большой величины сариссу держали в обеих руках наперевес, наличие у фалангитов одновременно щитов и двуручных сарисс вызывало подчас сомнение. «Некоторые писатели упоминают еще о щитах у македонян, но... я не могу понять, как они могли пользоваться сариссами и в то же время пользоваться щитом» (Макиавелли 1996. С. 431; о том же: Дельбрюк 1936. Т. I. С. 320). Современные исследователи предполагают, что небольшой по размерам щит крепился ремнем к шее и/или к предплечью левой руки (Connolly 1981. P. 77–79). И латинский

поэт Стаций (Фиваида. VII.269–270) упоминает о небольших щитах-пельтах у фалангитов: «По-македонски они сариссы из ясеня держат / и от убийственных ран загражденные надежное – пелты» (пер. Ю.А. Шичалина).

Способ действия сариссофоров в тесном построении испытывался на практике П. Коннолли с помощью группы из 14-ти пикинеров-реконструкторов (Connolly 2000). Большинство маневров оказалось вполне доступным для современных людей. Правда, Коннолли руководствовался указаниями не столько тактиков, сколько Полибия, используя сариссу в 5.844 м.

¹²⁸ Функцию задних шеренг, заключающуюся в давлении на передних с целью усилить натиск, и воспрепятствовать бегству впереди стоящих, называет Полибий (Plb. 18.30.4), позднее эту же мысль повторяет Асклепиодот (Tact. 5.2).

Ввиду того, что воины задних шеренг практически не принимали участие в боевом столкновении, исследователи задаются вопросом, имели ли они полное гоплитское вооружение. П. Коннолли (Connolly 1981. P. 80) считает, что воины задних шеренг не носили панцирей. Согласно Плутарху, под Пидной не только первые шеренги, но «и все прочие македоняне по условленному сигналу разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян» (Plut. Aemil. 19. Пер. С.П. Маркиша). Интересную информацию можно почерпнуть из описания Аррианом (Arr. Anab. 7.23.3–4) смешанной македоно-персидской фаланги, в которой декада из шестнадцати воинов выполняла роль ряда (ряд = лох) в фаланге. За первыми тремя гоплитами стояли двенадцать персов с метательным оружием (луком, стрелами, дротиками) и, предполагается, без доспехов, а замыкающим («урагом») был опять македонец. О задачах по организации натиска в таком построении говорить не приходится.

¹²⁹ Многократно описанное тактическое построение фаланги, при котором в центре ставились слабые бойцы, а сильные – во фронт и тыл, сжимая фалангу как обручами, не давая дезертирам бежать, имеет свою «ахиллесову пятю». Проблема удержания воинов в строю путем слежки за ними вела к появлению «заградительных отрядов» в тылу. Полиэн приводит ряд ухищрений, с помощью которых полководцы препятствовали дезертирству. «Тавры, скифский народ, всегда, намереваясь приготовиться к бою, вскапывают позади себя дороги и, сделав их непроходимыми, таким образом сражаются, чтобы, не имея возможности бежать, победить или погибнуть» (Polyaen. Strat. 7.46. Пер. под ред. А.К. Нефёдкина). Левкон I Боспорский (389–349 гг.) при угрозе высадки гераклеотов поступал так: «видя, что его собственные воины действуют как изменники и не отражают их (гераклеотов), первыми построил гоплитов для отражения врагов, за ними же позади – скифов и открыто объявил скифам, что, если гоплиты будут медлить и допустят высаживающихся врагов, тотчас же метать стрелы и убивать их. Узнав об этом, гоплиты мужественно помешали врагам высадиться» (Polyaen. Strat. 6.9.4. Пер. под ред. А.К. Нефёдкина).

Вновь отмечаем различие греческой и римской дисциплины. А. Ферилл, говоря об эшелонном построении римских легионов, особо подчёркивает, что передние линии не принуждались биться до конца, а заменялись свежими

отрядами. По этой причине «не было места для слабых в римском легионе» (Ferrill 1991. P. 77).

¹³⁰ Дж. Де-Вото (De Voto 1993. P. 62) переводит *παρασκευή*, – «подготовка (неприятелей)», как «неприятельский обоз» (the foe's baggage train), что в данном случае неверно, и запутывает понимание текста.

¹³¹ На практике как греки, так и римляне использовали легковооруженных (псилов, велиты) преимущественно в качестве застрельщиков впереди боевой линии, но не в тылу у неё (Pritchett IV. 1985. P. 52–53).

¹³² Выше, Tact. 9.5.

¹³³ Первоначально гиперетами называли частных слуг или рабов, сопровождавших своих хозяев (гоплитов или всадников) в походах, выполнявших роль носильщиков или оруженосцев – по ситуации. Позднее это название закрепилось за офицерами для поручений – своего рода адъютантов при командующем (Хен. Суг. 2.4.4; 6.2.13). Похожую роль могли играть гипереты, приданные таксисам, синтагмам или гекатонтархиям (Ascl. Tact. 2.9; 6.3; Ael. Tact. 9.4; 16.2).

Гиперет и архиперет упомянуты в амфипольском уставе Филиппа V Македонского. П. Коннолли (Коннолли 2000. С. 77) характеризует гиперета как «тылового офицера синтагмы/спейры».

¹³⁴ В оригинале – «синтагма», т.е. двойной таксис гоплитов (Agr. Tact. 10.3); в данном случае слово используется не в качестве технического термина, а как общее название для подразделения псилов той же численности.

¹³⁵ Нижеследующие – более пространные, чем у Элиана (Tact. 17.1), и тем более Асклепиодота (Tact. 7.1) – рассуждения, по мнению Ф. Ламмерта, демонстрируют возрастающее значение дальнобойного оружия в эпоху принципата (Lammert 1931. S. 2).

¹³⁶ Пример использования легких войск и конницы приводит Саллюстий (Jug. 50.1–2): «увидев, что нумидийцы сохраняют спокойствие и не спускаются с холма, Метелл, опасаясь, что его войско, из-за жаркого времени и недостатка воды, может пострадать от жажды, послал вперед к реке легата Рутилия с когортой вооруженных и частью конницы, чтобы заранее занять место для лагеря» и т.д. (пер. В.О. Горенштейна).

¹³⁷ Говорится о поражении именно варваров (чего нет ни у Асклепиодота, ни у Элиана), что можно трактовать как отзвук старого военного правила «с эллинами сражаться до победы, с варварами – до их разгрома». Похожий план с преследованием «варваров» Арриан устанавливает в «Диспозиции против аланов» (Ekt. 14; 18–19; 29) (Bosworth 1993. P. 263).

¹³⁸ Фессалия в северо-восточной Греции с её обширными по греческим меркам плодородными долинами и лугами обладала природными условиями, благоприятными для коневодства, и конница была отличительной чертой военной организации фессалийцев. В области существовал Фессалийский союз, «самое большое и наиболее древнее из объединений греческих племён» (Strabo 9.5.18. P. 429), во главе с тагом, один из которых, Алев Рыжий (примерно VII в. до н.э.), установил норму поставки воинов с каждого участка (клера) в 40 всадников и 80 гоплитов (Arist. Frg. 497–498). 1:2 – необычайно высокое соотношение конницы и тяжёлой пехоты для Древней Греции,

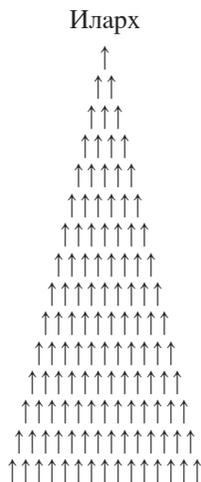
- обычно составлявшее 1:10. Один из первых известных военных эпизодов с участием фессалийской конницы – их успешная атака на стороне халкидян против эритрейцев в Лалентийской войне (VIII–VII в. до н.э.) (Plut. Amatorius. 17.4–9. 760e–f). Согласно античной традиции фессалийская конница отличалась высокой организованностью. «Конные воины фессалийцев несокрушимы в эскадроне (иле. – С.П.) и фаланге; напротив, когда по обстоятельствам времени и места приходится сражаться вне строя, один на один, они становятся неловкими и негодными» (Plb. 5.8.10. Пер. Ф. Мищенко). Основная особенность фессалийцев – построение ромбом, отличавшее их от остальных греков. По характеристике А.К. Нефёдкина, «фессалийская конница на всем протяжении ее сохранившейся в источниках истории была тяжеловооруженной, сражавшейся с копьями, сначала метательными или метательно-ударными, а затем колющими» (Нефёдкин 2007а. С. 57).
- ¹³⁹ Скорее всего, Ясон Ферский, таг Фессалии, тиран, создавший сильное милитаристское государство в Фессалии в 378–370 гг. до н.э. В рукописной традиции (Ael. 18.2, F, см. критический аппарат) – Илеон (Ἰλέων), имя, у фессалийцев неизвестное. Г.А. Кёхли посчитал слово искажением имени Ясона (Ἰάσων), которое и перенёс в свой текст Арриана (Köchly; Rüstow 1855. S. 336) из соответствующего места Элиана (Нефёдкин 2007а. С. 54).
- ¹⁴⁰ Арриан предполагает, что ромб как боевое построение был изобретен еще до Ясона. Некоторым наводящим моментом может быть указание на то, что клиновидные построения использовались скифами и фракийцами (Arr. Tact. 16.6) до правления Филиппа II Македонского (359–336 гг. до н.э.). По объяснению Асклепидота (Ascl. Tact. 7.3) клин строился по подобию половины ромба: возможно, это предполагает хронологическую последовательность от ромба к клину. Возводить ромбовидные построения к архаическому времени (VII–VI вв. до н.э.), как это иногда делают, нет никаких оснований (см.: Нефёдкин 2007а. С. 54).
- ¹⁴¹ Элиан (Ael. Tact. 2.11 = 2.13 K) упоминает скифов как типичных представителей конных лучников – гиппотоксотов. Арриан в соответствующем месте (Arr. Tact. 4.2–6) скифов не называет, гиппотоксотами у него являются парфяне и армяне (Tact. 44.1). Таким образом, скифы Арриана в данном случае являются представителями не традиционной «скифской» тактики легкой конницы со стрельбой назад, а эскадронной, атакующей и позволяющей разрывать неприятельский строй (Arr. Tact. 16.7).
- ¹⁴² В отечественной литературе сюжет о скифо-фракийских клинообразных построениях долгое время трактовался искажённо, причиной чему является порочный в основе метод выборочного использования фрагментов источника в переводе и вне контекста. До последнего времени единственный доступный для наших специалистов перевод этого места принадлежал В.В. Латышеву (SC. I. С. 521 = ВДИ. 1948. №1. С. 281), который перевёл только первую часть единого по смыслу текстового пассажа: «Клинообразный строй больше всего, как слышно, употребляют скифы и фракийцы, перенявшие от скифов». Абсолютно ясный текст, взятый вне контекста, стал причиной устойчивого заблуждения. Видимо, по той причине, что Арриан воевал с аланами и называл их в «Диспозиции против аланов» (произведение иного

жанра, чем «Тактика», стилизованное под древность) «скифами» (Агг. Ект. 31), В.Д. Блаватский посчитал, что и в «Тактике» под именем скифов скрываются те же аланы или сарматы (Блаватский 1949. С. 98; 1954. С. 120). Завороженные авторитетом (частый грех всех, кто не обращается к первоисточнику), историки без всякой проверки стали повторять, что скифы, сражающиеся клином – это сармато-аланы (Хазанов 1970. С.61; 1971. С. 74; Гаглойти, Абаев 1987. С. 59; Горончаровский 1993. С. 79; Каминский 1993. С. 91, 97, 98, и др.). Но уже следующая – не переведенная у В.В. Латышева, фраза с упоминанием Филиппа II Македонского (правил в 359–336 гг. до н.э.), ясно показывает, что речь идет о классических скифах IV в. до н.э. Таким образом, попытка видеть в «скифах» (Агг. Такт. 16.6) аланов или сарматов – плод ошибки, основанной на незнании контекста переведенного фрагмента, к которому добавляется и незнание источников информации Арриана. Последняя восходит как минимум к Асклепидоту, писавшему в соответствующем месте (Ascl. Такт. 7.3): «Говорят, что клиновидные построения изобрели скифы и фракийцы, а позднее ими пользовались (χρήσασθαι) и македонцы, как более полезными нежели прямоугольные». Элиан добавляет имя Филиппа: «Считается, что клиновидными построениями [вначале] пользовались (κἔχρησθαι) скифы и фракийцы, а македоняне стали пользоваться (ἐχρήσαυτο) этим построением, когда его ввел Филипп» (Ael. Такт. 18.4). То, что словом «скифы» обозначены скифы IV века н.э., кажется совершенно очевидным. Тем не менее А.К. Нефёдкин, со ссылкой на мнение А.И. Зайцева, попытался все-таки найти аргумент в пользу признания «скифов» (Агг. Такт. 16.6) сарматами. «У Элиана и Арриана, – пишет он, – глагол χράσθαι стоит в перфекте. Это может свидетельствовать и о том, что, по мнению данных авторов, скифы как использовали, так и продолжают использовать клин. Скифами же тут названы сарматы» (Нефёдкин 1999а. С. 185. Прим. 76). Думаю, не стоит прибегать к такого рода гаданиям. Достаточно от филологии перейти к историческим фактам. Рядом со «скифами» (т.е. предполагаемыми «сарматами») мы видим фракийцев, которые никак не могли «продолжать использовать» клинообразные построения во II в. н.э., поскольку еще в I в. н.э. окончательно потеряли независимость, стали римской провинцией Фракия (46 г. н.э.), и лишились тем самым возможности иметь собственные вооруженные силы.

Появление «скифского» клина Арриан помещает в контекст военной истории IV в. до н.э. Клин – половина ромба, чье изобретение приписывают тирану того же времени Ясону Ферскому (378–370 гг. до н.э.), хотя Арриан и считает, что Ясон лишь умело пользовался тем, что существовало и до него. Но как долго? Фукидид (ум. вскоре после 400 г. до н.э.), хотя и отмечает влияние скифов на вооружение и тактику фракийцев, ещё не знает о заимствовании последними клинообразного построения. Придунайские геты (фракийское племя, ближайшее к скифам) были в его время конными лучниками по типу скифских (Thuc. 2.96.2). Видимо, введение клинообразного построения у скифов приходится на первую половину IV в. до н.э., и могло быть связано с поисками их конницы средств борьбы с теми же македонянами. Стоит предостеречь от того, чтобы смешивать кавалерийский («скиф-

ский») и пехотный клин (об этом: Devine 1983. P. 201–217), как это делает В.Д. Блаватский (Блаватский 1954. С. 122), который не видит между ними особой разницы и считает возможным говорить о заимствовании у сарматов (неверная интерпретация «скифов» *Agg. Tact.* 16.6) клинообразного построения римской пехотой (*Ann. Marc.* 17.13.9). Нужно добавить, что Арриан был неплохо осведомлён об использовании клинообразного построения кавалерии в историческом прошлом. Ф. Стадтер отмечает, что Арриан единственный из историков Александра, кто говорит об атаке «клина» гетайров под Гавгамелами (*Agg. Anab.* 3.14.2), аналогичном описанному в «Тактике» (16.6–14, 17.3) (Stadter 1980. P. 222).

Принцип построения клином кратко излагается Аррианом при описании «удвоенного клина» – ромба (*Agg. Tact.* 17.1–2); лучше понять строй помогают построение графические источники. Рукопись *Laurentianus graec.* 55.4 и зависящие от нее рукописи содержат диаграммы конных ромбовидных и клинообразных построений к их описанию у Асклепиодота (*Tact.* 7.5–9) и Элиана (*Tact.* 19. 6–10, ср. 1.5; 18.1). Шесть диаграмм воспроизведены в издании: Köchly, Rüstow 1855. Tab. VI. Fig. 1–6 (о них см: Dain 1946. P. 48–52). С их помощью мы можем восстановить конструируемый Аррианом клин следующим образом. Расположение всадников соответствует построению, обозначенному в весьма спутанной классификации Асклепиодота и Элиана как построение эскадрона «без рядов и без шеренг», *μητέ στοιχεῖν μητέ ζυγεῖν* (*Ascl. Tact.* 7.9; *Ael. Tact.* 19.6): впереди головной всадник (иларх), за ним, отступая на пол-корпуса коня, справа и слева становятся два других всадника, следом за ними, в таком же порядке – уже три следующих и т.д. (*Agg. Tact.* 17.1–2). Смысл построения разъясняет М. Макл, проводивший специальные эксперименты с македонским оружием, длинной кавалерийской сариссой (Markle 1977. P. 339). Макл конструирует «клин» македонян для эскадрона в 120 всадников, который можно представить следующим образом.

При прочих равных условиях головной конный сариссофор пронзает своего противника в первой шеренге фаланги и устремляется на противника во второй шеренге; два всадника второго ряда, отстоящие «на шесть футов» справа и слева, вступая в бой, не дают соседям павшего пехотинца атаковать передового всадника сбоку. Если передний всадник, оставшись с мечом после утраты засеженного в теле копья, проигрывает схватку воину второй шеренги, его сменяет едущий следом всадник и т.д. Таким образом, эскадрон, имеющий в глубину восемь всадников, прорывает пехотную фалангу из восьми шеренг, благодаря преимуществу, которое получает вооруженный длинной сариссой всадник над пехотинцем. Филипп II позаимствовал у скифов клин для борьбы с фалангой противостоящих Македонии греческих полисов. При здравом и законном сомнении в практической применимости такого рода математических выкладок, они помогают реконструировать если не реальную тактику, то ход мысли древних теоретиков.

Возвращаясь к скифам – предшественникам македонцев в использовании конного клина – правомерно остановиться на двух вопросах: на их вооружении и тактике.

Расчеты М. Макла для македонской кавалерии как будто говорят, что использование таранной тактики «скифского» клина возможно только при наличии длинного «штурмового» копья (у македонцев – сариссы). С этой точки зрения весьма знаменательно, что археологи отмечают распространение скифских копий с длинным древком в IV в. до н.э. «Сейчас есть все основания утверждать факт бесспорного увеличения длины скифских копий к IV в. до н.э., говорить о появлении у скифов длинных “штурмовых” копий-пик, подобных тем, которые обычно связывают с сарматским временем» (Черненко 1984. С. 234). В сводке, приводимой Е.В. Черненко, 12 копий из 28-ми имеют длину от 2,2 до 3,2 м и почти все они датируются IV в. до н.э. С.Ю. Янгулов добавляет такие данные: из 20 копий Елизаветовского могильника, длина которых может быть установлена, 16 (80%) имели длину 2,2 м и выше, причём датируются они уже второй половиной V в. до н.э. (Янгулов 2003. С. 23). Е.В. Черненко делает вывод о том, что «копьем, имевшим в длину 3 м и более, нельзя сражаться, держа его в одной руке. Его надо держать обеими руками» (Черненко 1984. С. 234). Вывод преждевременный. Македонские всадники, перенявшие у скифов их боевое построение, никогда не применяли двуручный хват сариссы, а опыты М. Макла показали, что одной рукой можно управлять не только с 3-метровой, но и с 5-метровой пикой (Markle 1977. P. 337). Хотя при изменении положения пики (из верхнего в нижнее) требовалась помощь второй руки, Макл не делает вывода о том, что одноручный хват сариссы невозможен, как полагают его критики (Нефёдкин 2000в. С. 178). Надежных данных о двуручных копьях у скифов нет. М.В. Горелик, анализируя изображение вооруженного всадника на золотой пластинке из Гермесова кургана (IV в. до н.э.), приходит к заключению о том, что «характер защитного вооружения [...] а также использование копья в качестве колющего оружия в рукопашной схватке (причем копьё держится обеими руками) позволяют видеть во всаднике гермесовской пластинки непосредственного предшественника катафрактариев» (Горелик

1971. С. 245. О скифах как предшественниках сарматских катафрактариев см. также: Черненко 1971. С. 35–38.) На мой взгляд, реконструкция М.В. Гореликом двуручного держания копья (Горелик 1971. С. 237. Рис. 2, б.) сомнительна: копьё у всадника на пластинке находится на уровне плеч и иконография имеет мало общего с изображениями сарматских катафрактариев I–II вв. н.э. Вывод же о скифской кавалерии как предтече катафрактариев правомерен и основывается на использовании скифами пики (одноручной) в качестве основного наступательного оружия, и тяжелого защитного вооружения, о котором не говорится, но предполагается в Агг. Такт. 16.6. В схожем направлении реформы по созданию тяжелой конницы в IV в. до н.э. проводились и в других странах иранской культуры (Хазанов 1968. С. 185–187). Ксенофонт, видимо, воспроизводит в «Киропедии» ситуацию своего времени, когда пишет о том, что «уничтожив метательный способ сражения, Кир одел всадников и их лошадей в броню, дал каждому в руки копьё и этим заставил их сражаться вблизи» (Хен. Суг. 8.8.22).

Другим основанием для того, чтобы видеть в скифских всадниках Арриана предшественников катафрактариев, является их плотный боевой порядок клином. К сожалению, у нас почти нет исторических примеров применения скифами IV в. до н.э. этого построения в бою. Исследователи, рассматривавшие факты компактного построения скифской конницы для действий в рукопашном бою, обычно привлекают сообщение Диодора (Diod. 20.22–23) о битве в 309 г. до н.э. претендентов на боспорский престол Сатира и Евмела, где Сатир с отборными всадниками встал в центре «по скифскому обычаю» и решил исход битвы ударом по центру (Блаватский 1946. С. 101–106; 1950. С. 25; 1954. С. 85–88; Мелюкова 1950. С. 40; Струве 1968. С. 154–158; Черненко 1971. С.37.). Отличие скифской тактики («конного кулака») Сатира от поздней сарматской В.Д. Блаватский видел в том, что «натиск тяжелой сарматской конницы, полностью рассчитанной на рукопашный бой, был, конечно, гораздо более сокрушительным для неприятельских всадников, чем конный кулак скифов, сочетавший в известной мере дальний бой со схваткой на ближней дистанции» (Блаватский 1946. С. 29; 1954. С. 120–121.). К сожалению, заблуждение с отнесением скифского клина (Агг. Такт. 16.6) к сарматской эпохе помешало В.Д. Блаватскому правильно уяснить место скифов в эволюции тактики тяжелой кавалерии. На деле их клинообразный боевой порядок рассчитан на прямой таранный удар по противнику совершенно в той же манере, в какой позднее действовали сарматские катафрактарии.

В параллель с использованием клина в Агг. Такт. 16.6 следует поставить сообщение в Агг. Такт. 11.1 о необходимости строить плотную фалангу против «савроматов и скифов» (см. прим. 109 к этому месту). Совмещение скифов и сарматов позволяет предполагать определенную преемственность военных приемов этих племен.

¹⁴³ М. Макл в реконструкции строя македонского клина (выше) исходил из численности илы (эскадрона) в 120 чел. Ила Филиппа и Александра состояла из 200 человек, и «клином» строились тетрархии из 49 человек в построении «по рядам и шеренгам» (Sekunda, Warry 1999. P. 17; Нечитайлов 2000. С. 42–

43). Не следует искать точных совпадений в абстрактных тактических построениях греческих писателей и реальных боевых единицах эллинистических армии, важен сам принцип расположения бойцов в боевых порядках.

- ¹⁴⁴ По утверждению Асклепиодота, преимущество клина заключалось в лучшей, чем в четырёхугольных построениях, манёвренности (Ascl. Tact. 7.3). Ту же мысль повторяет Элиан (Ael. Tact. 18.4). Арриан добавляет такую черту, как способность остриём клина прорывать неприятельский строй. Этот тезис имеет как защитников, так и последовательных противников. К первым относится В.Д. Блаватский (Блаватский 1954. С. 120–122), а также известный сарматовед А.М. Хазанов, увязывающий появление катафрактариев вообще и, в частности, у сарматов с необходимостью «противостоять македонской фаланге и римскому легиону» (Хазанов 2008. С. 163). Комментируя место в Arr. Tact. 16.6, он пишет: «Построенные клином катафрактары на карьере врезались во вражеский строй, разрезали его надвое и пиками опрокидывали неприятеля» (Хазанов 2008. С. 179). Е. Дарко (Darko 1935. P. 463–464) считает многочисленные упоминания варварских «клиньев» (cunei) в поздней императорской армии отражением реального тактического построения клином скифов и других «туранских» народов, известного греческим писателям (Ascl. 7.3; Ael. 18.4; Arr. 16.6). С другой стороны существует стойкое мнение, что «твердая духом, сплоченная масса пехотинцев всегда выстаивала против конной атаки, вынуждая конницу поворачивать, поскольку кони на копья и щиты не лезут» (Горелик 1993. С. 133). Одобрительно относится к этой точке зрения А.В. Ивенских, критикуя конкретно мнение Арриана о возможности клином «прорывать вражеские порядки» (Ивенских 2003. С. 40). С сомнением к этому же месту Арриана относится А.К. Нефёдкин (Нефёдкин 1998в. С. 9; 2007а. С. 55). Правда, реагируя на категорическое утверждение В.В. Тараторина (1999. С. 45–47) о том, что построенная тяжеловооруженная пехота всегда отобьет атаку конницы, он делает резонное замечание: «совершенно очевидно, что все зависит от обстоятельств боя» (Нефёдкин 2002в. С. 110). Совершенно верно, поэтому есть смысл обратить внимание на те обстоятельства, при которых возможна лобовая атака конницы на пехотный строй греческой или македонской фаланги или римского легиона, находящиеся не в расстройстве, а в полном боевом порядке. А. Спенс считает возможным прорыв фаланги кавалерийским клином при двух условиях: 1) когда кавалеристы вооружены копьями большей длины, чем фалангиты, 2) при медленном – почти шагом (little more than a walk) аллюре (Spence 1990. P. 98. Not. 50). См. комментарии Г. Дельбрюка к средневековому рыцарскому построению «острием», в которых подчеркивается принципиальное отличие рыцарского боя от кавалерийского, способствующее предотвращению фланговых атак противника. «Только придвинувшись вплотную к противнику, рыцари переходили на более оживленный аллюр, но и тогда еще он оставался настолько медленным, что у всадника всегда была возможность повернуть коня навстречу атаковавшему его с фланга противнику. [...] если каждая последующая шеренга шире предыдущей на одного человека, то последний, подвергаясь сам уже меньшей опасности, защищает фланг предыдущей ше-

ренги. [...] смысл атаки глубокой колонной заключается в том, что этим способом можно приблизить к неприятелю всю массу сплоченно и равномерно» (Дельбрюк. 1996. III. С. 175–176). При этом Г. Дельбрюк настаивает, что клинообразный строй непригоден для прорыва вражеской линии, поскольку при сближении с противником клин неминуемо превращается в линию (Дельбрюк 1994. II. С. 30–31).

Однако источники говорят о том, что клинообразное и трапецевидное построение применялось тяжелой конницей на протяжении всех средних веков (см. Шкрабо 2004). По словам А.Н. Кирпичникова «клинообразный строй – не плод фантазии древних авторов, ибо идентичное построение использовалось и в боевой практике XIII–XV вв.», к его достоинствам несомненно относятся «сплоченность, фланговая прикрытость, таранная сила первого удара, четкая управляемость». Удобный для передвижения, клин в то же время «предназначался для разрыва строя противостоящей стороны с последующей быстрой победой» (Кирпичников 1994. С. 164). Клино-(трапецевидные построения всадников-катафрактвов нашли отражение в византийских военных трактатах X века (McGeer 1995; Перевалов 2001в. С. 213). При столкновении с вражеским строем клин, конечно, теряет свою первоначальную форму, но так происходит практически с любым построением в фазе перехода к рукопашной схватке.

Что касается оценки конкретных деталей описания конного клина у Арриана и его предшественников, и его анализа у М. Макла (Markle 1977. P. 339; Перевалов 1999б. С. 300–304, см. прим. 142), то в них, конечно, содержится значительная доля абстрагирования от реальности боевой обстановки. Но такова суть военной теории – сводить многообразие ситуаций к немногим правилам, практичность которых проверяется в деле. Ход рассуждений М. Макла относительно действий бойцов в клине («первый всадник сражает пикой противника из первой шеренги, устремляется на стоящего за ним противника из второй шеренги, два всадника по бокам, отстающие на полкорпуса, атакуют двух противников в первой шеренге неприятелей, стоящих слева и справа от павшего», и т.д.) мало чем отличается от «воспетой» Л.Н. Толстым в «Воине и мире» диспозиции Вейротера: «первая колонна марширует..., вторая колонна марширует...». Теория отдельно, практика отдельно, соотношение между ними всегда колеблется, наша задача как историков, попытаться разобратся в этой связи, не смешивая разные источники информации.

¹⁴⁵ Второе достоинство клина, отмечаемое Аррианом, заключается в высокой маневренности. В бою и при передвижениях воины в клине ориентируются на переднего всадника (иларха), направляющего путь, и видимого всеми передовыми левого и правого боков клина. В отличие от первого назначения клина – прорыва боевой линии противника, его удобство для целей сближения с противником и маневрирования не оспаривается. У того же Г. Дельбрюка мы читаем следующее. «Построение конницы в виде клина или ромба упоминается и в древности уже у Элиана (гл. XVIII) и Асклепиодота (гл. VII). В числе мотивов его применения, являющихся, вероятно, отчасти теоретическими фантазиями, приводится также, что при нем вождение и повороты легче, чем при построении четырехугольником. Относительно

- вождения это, очевидно, правильно: что же касается поворота, то я понимаю это в том смысле, что именно при таком построении не нужно было делать поворотов в собственном смысле слова, а легко можно было сделать полуоборот направо или налево, причем ромб превращался в квадрат» (Дельбрюк. 1996. Т. III. С. 177).
- ¹⁴⁶ Так я перевожу выражение αὐτῆ γὰρ τῆ ἀρχῆ δι ὀλίγου ἐπιστρέφουσα. См. Devine 1993. P. 325: by wheeling with its leading point within a small arc.
- ¹⁴⁷ Примеры использования персами квадратных построений см. в статье: Нефёдкин 1999б. С. 20–32.
- ¹⁴⁸ Асклепиодот (Tact. 7.4) и Элиан (Tact. 18.5) называют «сицилийцев» без отнесения их к варварам. А.К. Нефёдкин считает, что они «ближе к первоисточнику, чем Арриан» (Нефёдкин 2004а. С. 35. Комм. 38). Я в этом не уверен, поскольку уточнение Арриана напрашивалось, так как следующими в перечислении названы эллины у всех трех авторов.
- ¹⁴⁹ Схожее объяснение пользы прямоугольных построений приводит Полибий для конницы Дария при Иссе 333 г. до н.э.: «Наичаще конница выстраивается на случай действительного сражения по восьми человек в глубину; между эскадронами необходимо оставлять свободное пространство, равное лицевой стороне отряда, которое дало бы возможность эскадрону (иле) легко оборачиваться вправо или влево и назад» (P1b. 12.18.3. Пер. Ф.Г. Мищенко).
- ¹⁵⁰ Подобная «геометризация» суждений об эффективности того или иного строя типична для греческих тактиков. С современной точки зрения глубина построения должна учитывать его назначение и вооруженность бойцов. М. Макл делает вывод (отсутствующий у Арриана) о том, что в квадратных построениях (в отличие от клиновидных) всадники используют короткие копыта, более удобные в тесном построении, но малоэффективные при лобовой атаке пехоты противника (Markle 1977. P. 339).
- ¹⁵¹ Рассуждение о пользе построения глубокой колонной в целях прорыва неприятельской линии, должно было бы относиться к пехоте, поскольку, как только что отмечал сам Арриан (Tact. 16.13), глубокое построение конницы для атаки невозможно. Глубокую колонну выстроил Эпаминонд против спартанцев при Левктрах (Agr. Tact. 11.2), из других источников мы знаем её глубину: 50 шеренг (Xen. Hell. 6.4.12).
- ¹⁵² Выше, Agr. Tact. 9.5.
- ¹⁵³ Цифра в 64 всадника для эскадрона (илы) восходит к Полибию, как указывает Элиан (Ael. Tact. 19.10; 20.2) и высчитывается по формуле $64^2 = 4096$.
- ¹⁵⁴ Связь названия тарантинархия с тарантинцами (см. ниже, Agr. Tact. 4.5—6) не обязательна. Известные из античных исторических сочинений подразделения тарантинцев имели десятичную структуру (подробнее см.: Нефёдкин 2006. С. 113–114).
- ¹⁵⁵ Т.е. алой (лат. ala = «крыло»). Алы, подразделения конных союзников, были разной численностью: тысячные (miliaria) и пятисотенные (quingenaria). Последнюю и имеет в виду Арриан, прилагая название для греческого эскадрона (ила) к конному римскому полку (ала). Это сопоставление, хотя и сделанное несколько искусственно, на основе созвучия, было весьма распро-

- странено в античности. Илой иногда называлась и римская турма из тридцати человек, и пятисотенная когорта (см.: Mason 1974. P. 56).
- ¹⁵⁶ На примере трактовки колесничного и слоновьего боя можно проиллюстрировать принципы отбора материала, используемые Аррианом (см. Таст. 1.2–3). Как практик и популяризатор военного дела, Арриан не считает нужным повествовать о «том, что уже вышло из употребления». Ср. с соответствующим местом у Элиана (пример, приводимый А. Дэном: Dain 1946. P. 36): «Что касается колесничных и слоновьих подразделений, то, хотя мы редко встречаем их в действии, но тем не менее ради цельности изложения, мы все же припомним их номенклатуру, которая использовалась нашими предшественниками» (Ael. Tact. 22.1). Арриан вместо того, чтобы перечислять вышедшие из употребления названия подразделений, приводит ряд исторических и мифологических примеров использования слонов и колесниц разными народами (Rance 2003. P. 358).
- ¹⁵⁷ Утверждение, что варвары континентальной Европы никогда не сражались с повозок – неверно. Европейские кельты (галлы) широко использовали колесницы. Диодор описывает, как «приблизившись к вражеским всадникам, они поражают противника копьями, а затем, сойдя с колесницы, продолжают сражаться мечами» (Diod. Sic. 5.29.1. Пер. О.П. Цыбенко). О серпоносных колесницах у переправившихся в 278/7 г. в Малую Азию галатов см. дискуссию: Габелко 2003. С. 74–82; Нефёдкин 2005в. С. 43–51. Эта традиция, по-видимому, не была известна Арриану.
- ¹⁵⁸ Британские колесницы (эсседы) стали известны римской публике со времени походов в Британию 55 и 54 г. до н.э. Юлия Цезаря, который сам описал их действия в бою в своих «Комментариях» (Caes. BG. 4.24, 32–34; 5.16 и др.; Strabo 4.5.2. P. 200; ср.: Dio 39.51.3). Диодор (5.21.10) отмечает сходство колесничной тактики жителей Британии и греков эпохи Троянской войны. Британские колесницы-эсседы, как и кельтские, представляли собой легкие двуконные экипажи с возничим и воином-апобатов, который часто вел бой спешившимся; основным оружием эсседариев были метательные копья. Подробнее: Нефёдкин 2001е. С. 119–126; 2001ж. С. 190–195.
- ¹⁵⁹ Арриан использует с исторической точки зрения недостоверную информацию Ксенофонта о введении Киром Великим (559–530 гг. до н.э.) серпоносных колесниц с панцирной защитой коней и колесничих (Xen. Сугор. 6.1.29–30; 6.1.50; 6.2.17; 8.8.24). На деле серпоносные колесницы были введены Ахеменидами, «скорее всего, в царствование Артаксеркса I, во второй четверти V в., для борьбы с греческими гоплитами» (Нефёдкин 2001ж. С. 327; ср. Скобелев 2002. С. 101). Обычным типом такой колесницы являлась квадрига с упряжкой, на концах оси которой и под кузовом были укреплены «серпы» (= косы) (реконструкция: Нефёдкин 2000а. С. 37. Рис. 3). В дальнейшем их довольно широко использовали армии Понта от Митридата Евпатора до Фарнака (битва при Зеле 47 г. до н.э.). Об истории серпоносных колесниц, запряженных бронированными конями, см.: Нефёдкин 2001ж. С. 268–374.
- ¹⁶⁰ Основной источник по колесницам эллинов и троянцев эпохи Троянской войны, конечно, – Гомер, и прежде всего – «Илиада»; в качестве сопостави-

тельного материала привлекаются изображения колесниц микенского и архаического времени и некоторые данные линейного письма Б. Согласно Арриану, отличительными признаками гомеровских колесниц были отсутствие у них 1) панцирной защиты у коней, и 2) серпов (см. также *Arg. Tact.* 2.5: «колесницы бывают либо без оснастки, как троянские»). О гомеровской тактике колесничного боя, ее соотношении с реальной практикой существует множество исследований (Logimer 1950. Ch. 5; van Wees 1994 и др.), обобщенные в монографии А.К. Нефёдкина (2001ж. С. 171–196).

Основная проблема в реконструкции «гомеровских» колесниц и их использования в бою состоит в выделении разновременных – от микенского (XVI–XII вв. до н.э.) до раннеархаического (VIII–VII в. до н.э.) периодов – напластований в самом эпосе. Троянская война относится к концу микенского периода. Боевые колесницы греков того времени представляли собой двуконные и двухколесные повозки с открытым тылом, центральным расположением оси, четырехспичными съёмными колесами. Экипаж состоял из двух человек: возницы и воина, вооруженного в большинстве случаев длинным копьем. Многие исследователи полагают, что колесницы использовались преимущественно как средство перевозки знатных воинов на место битвы, после чего они спешивались для поединков и обратно (Harding 1999. P. 164; ср. Drews 1993). В условиях крайне скудной информации будет правильней признать возможность разных способов боя с колесниц – копьями, луком и стрелами, тактикой апобатов (спешенных воинов), учитывая и эволюцию тактики на протяжении всего периода (Нефёдкин 2001ж. С. 167–171).

Второй пласт в изображении гомеровских колесниц – постмикенский период. Типичной тактикой героев «Илиады» являлось использование колесницы не как боевого, а как транспортного средства, своего рода «такси» для перевозки героя на место боя. При этом речь идет не о передвижениях в тылу (как, видимо, было в микенской Греции), а в самой гуще боя. Степень реальности подобной тактики оживленно обсуждается в литературе. П. Гринхэл (Greenhalgh 1973) считает, что у Гомера присутствует контаминированная картина, в которой реальная практика раннеархаического времени (VIII–VII вв. до н.э.) с использованием «конных пехотинцев» и оруженосцев при них, «героизируется» за счет замены верховых коней древними колесницами, и экстраполируется в легендарную эпоху Троянской войны. А.К. Нефёдкин (2001ж. С. 182–190) склонен видеть в гомеровской описании историческую реальность его времени. Думается, что сложная природа гомеровского эпоса, вобравшего в себя наслоения многих веков, приправленные поэтической фантазией, исключает однозначное объяснение колесничной тактики героев «Илиады».

Все вышеприведенные рассуждения касаются современных трактовок тактики гомеровских колесниц. Арриан, как сказано, обращал внимание на два момента: 1) вооруженность и 2) отсутствие брони у коней.

¹⁶¹ Граждане ферской колонии Кирена (Сев. Африка), основанной в VII в. до н.э., издавна славились искусством колесничной езды не только в боевых условиях, но и на спортивных состязаниях (Pind. *Pyth.* 4.8–9; Paus. 6.8.3, 12.7). По Геродоту (Hdt. 4.189) ферских колонистов научили пользоваться

колесницами местные ливийцы. Колесницы киренейцев запрягались четверкой коней (квадриги) или парой (биги). Не вполне понятно, по какой причине И.М. Безрученко считает безусловным, что «колесницу киреняне использовали по восточному образцу – в ней находился лучник, а не копейщик, как в греческих колесницах более раннего времени» (Безрученко 1996. С. 30). А.К. Нефёдкин также полагает, что киренцы «использовали свои квадриги не гомеровским, а типично восточным способом, т.е. колесница была площадкой для метателя» (Нефёдкин 2001ж. С. 264). Но доказательство Нефёдкина уязвимо, поскольку сделано «по методу аналогии» с другими восточными народами. Вот несколько цитат подряд. «Киренцы, вероятно (!), применяли свои колесницы аналогичным карфагенскому способом...», хотя «мы также не знаем (!), как действовали и карфагенские воины, находящиеся в колесницах. Однако весьма вероятно (!), что они использовали для [этого] лук...» (С. 264). «Жители Киренаики могли (!) сражаться со своих квадриг либо, по ближневосточной модели, луком, либо, как ливийцы, дротиками. Д. Хед считает, что киренцы со своих колесниц сражались дротиками, тогда как П. Гринхол предполагает, что ливийские греки-колесничие были лучниками» (С. 265).

Ксенофонт сближает практику киренских колесниц с практикой времен Троянской войны (Хен. Суг. 6.1.27–29), не знавшей стрельбы из лука с колесниц. Эней Тактик говорит о квадригах как транспортном средстве. «По рассказам, киренейцы, баркейцы и жители некоторых других городов делали дальние вылазки по проезжим дорогам на парных и четверных повозках. Прибыв к месту назначения и расположив повозки в ряд одну возле другой, тяжеловооруженные выходили из них, строились и сразу со свежими силами бросались на противника» (Аен. Такт. 16.14. Пер. В.Ф. Беляева). Подробнее см.: Anderson 1965. P. 352.

Если исходить из того, что Арриан использовал информацию Ксенофонта (Хен. Суг. 6.1.27–28) о троянских и киренских невооруженных колесницах (об этом: Нефёдкин 2001ж. С. 259), то скорее всего речь шла о квадригах, приспособленных для перевозки воинов, т.е. своеобразных «такси».

¹⁶² В поздней античности слоны продолжали применяться в восточных войнах (примеры см.: Rance 2003. P. 355–384). Но тактики, включая Арриана, невысоко ценили элефантерию.

¹⁶³ Арриан собирал сведения об индах в ходе работы над своей «Индикой», являвшейся своего рода дополнением к «Анабасису Александра» (Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002. С. 94). В «Индики» Арриан проводит сближение индов и эфиопов по природным условиям стран, и внешнему виду (Arr. Ind. 6.6–9), подробно рассказывает об охоте на слонов и их приручении (Arr. Ind. 13–14). По его словам, он «сам видел» танцы слонов под кимвалы (Ind. 14.5–6). В античности индов и эфиопов часто рассматривали вместе. Согласно словарю Гесихия, «инд – человек, чтобы управлять сломом (или: воспитывать слона) из Эфиопии» (Берзина 1982. С. 22). Если в Индии использование слонов в военном деле восходит к II тыс. до н.э., то в Эфиопии (Мероэ), по оценке современных исследователей, слоны были взяты на вооружение только в III в. до н.э. (История Африки. 1990. С. 150).

- «Верхние (внутренние) эфиопы» (τοῖς ἄνω Αἰθίοψιν) – эфиопы внутренней (черной) части Африки. «Внешними» Страбон (17.3.5) называет эфиопов Северо-западной Африки у берегов Внешнего моря (Атлантики). Эфиопов, начиная с Гомера (Od. 1.23; Strabo. 1.1.6. P. 3) принято делить на две группы – восточных (азиатских) и западных (ливийских), границей между ними считался Нил (Strabo 1.2.24–28. P. 31–35; 2.3.8. P. 103). В трактовке уровня развития эфиопов существуют две традиции. Одна, представленная Страбоном (17.1.53–54, 2.1–3) рассматривает эфиопов как примитивный народом, не имеющий элфантирии. Другая, идеализирующая точка зрения, получила отражение в «Эфиопике» Гелиодора, где их армия включала и слоновье войско (Heliod. Aeth. 9.16.18).
- ¹⁶⁴ Начиная с 20-й главы Арриан переходит к рассмотрению «элементарной тактике» или искусству тактических маневров (движений, эволюций). Терминология, примененная Аррианом, складывалась постепенно, и имеет варианты (см.: Lammert, Lammert 1912. Sp. 1835).
- ¹⁶⁵ Поворот, аналогичный поворотам на месте (на 1/4 круга или 90°) в современной российской армии: «Напра-ВО» (к копыю) или «Нале-ВО» (к щиту): Строевой Устав. 1991. С. 11.
- ¹⁶⁶ Поворот «кругом» (на 1/2 круга или на 180°), выполняемый посредством двойного поворота (клисиса) от фронта к тылу (см. ἡ εἰς τοῦπισθεν μεταβολή: Plb. 18.30.4).
- ¹⁶⁷ Поворот не человека, а всего отряда под прямым углом, т.е. на 90°. Разъяснение всех терминов см. далее у Арриана.
- ¹⁶⁸ Поворот отряда на 180°, выполняемый двойным поворотом эпистрофэ (см. далее, Такт. 21.4)
- ¹⁶⁹ Поворот отряда на 270°, выполняемый тройным поворотом эпистрофэ.
- ¹⁷⁰ Обратный поворот (возвращение) из однократного (направо или налево) либо двойного поворота (кругом) в первоначальную фронтальную позицию (εἰς ὀρθὸν ἀποδοῦναι = ἀποδοῖσμος Anon. Byz.).
- ¹⁷¹ Ф. Ламмерт (Lammert 1931. S. 35) называет парагогэ «линейным маршем» (Linienmarsch), а эпагогэ – «маршем в колоннах» (Marsch in Kolonnen). Терминология, принятая у Арриана, идет от Асклепидота. Линейным маршем, т.е. парагогэ, фаланга может двигаться во все стороны: по направлению к фронту (плагиа, πλαγία у Асклепидота), тылу, «косым» (локсе), т.е. полуправым или полу-левым построением, фланговым (ортиа, ὀρθία) – в направлении правого или левого фланга фаланги. Эпагогэ – последовательный марш по отдельным частям армии.
- ¹⁷² «Синтагма» – технический термин для подразделения из 256 человек (Агг. Такт. 10.3). Но в данном случае слово, скорее всего, употреблено в общем значении «отряд».
- ¹⁷² Контрмарш – маневр, состоящий в том, чтобы развернуть боевую линию лицом к неприятелю, появившемуся с тыла. Ксенофонт отмечал, что «совершает контрмарш каждый ряд, с тем, чтобы всегда обращаться к неприятелям своей сильнейшей стороной» (Хеп. Pol. Lac. 11.8). Вообще массовых маневров в фаланге мало, в основном мы видим прямолинейное столкновение до прорыва. Контрмарш – одно из немногих исключений.

Исправляю свою техническую ошибку (*lapsus calami*), сделанную в статье об Асклепидоте, где контрмарш определён как «возвращение в начальную позицию» (Перевалов 2001г. С. 151).

¹⁷⁴ Танцы являлись интегральной частью гоплитских тренировок, отсюда «плясовой (или хоровой)» контрмарш. См.: Wheeler 1982. P. 233.

¹⁷⁵ Т.е., в македонском контрмарше воины перестраиваются, сохраняя передовое положение лицевой линии, а в спартанском отступают на глубину фаланги, превращая в обоих случаях тыловую линию в лицевую. Лаконский контрмарш применен впервые в битве при Мантинее 418 г. (Thuc. 5.71). См.: Cartledge 1977. P. 16.

Схематично македонский и лаконский контрмарши можно представить следующим образом. Жирной линией выделена шеренга протостатов, обычной – урагов. В македонском контрмарше на месте остаётся (делая поворот на 180°) шеренга лохагов, в лаконском – шеренга урагов.

Македонский

1 положение

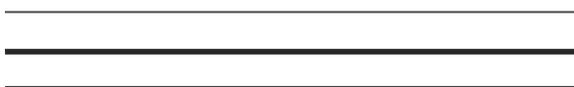

2 положение

Лаконский

1 положение

2 положение

¹⁷⁶ Вероятно, синтагма здесь, как и в *Arr. Tact.* 21.3 – не технический термин, а обозначает войско в целом.

¹⁷⁷ Примечательную ошибку, основанную на принятии технического значения слова «синтагма» (т.е. отряд из 256 чел.: *Arr. Tact.* 10.3), допустил Дж. Де-Вото в комментарии к этому месту (*DeVoto* 1993. P. 100. Not. 31): At 256 men, the *σύνταγμα* had 1/16 the phalanx's total of 4,096. Therefore in this manoeuvre the (*σύνταγμα*) probably assumed the space taken by the phalanx's front line. По-видимому, комментатор посчитал, что в этом маневре синтагма, растянувшись цепью в 256 человек по одному, занимает пространство лицевой линии «фаланги» в 4096 человек (= фалангархии: *Arr. Tact.* 10.6). У Асклепидота (*Tact.* 10.15) есть подробное описание маневра критского контрмарша, при котором воины первой (второй, третьей и т.д.) шеренги от начала меняются местами со своими визави из первой (второй, третьей и т.д.) шеренги от конца, сохраняя то же пространство.

¹⁷⁸ Словом ἀποτομή Арриан обозначал центр или место смычки двух половин большой фаланги (Агр. Такт. 8.4). Но традиция тактиков знает применение слов *апотоме* и *керас* для обозначения четвертой части «идеальной» армии в 16 384 бойца. Более ясно смысл маневра, кратко изложенного Аррианом, изложен у Асклепиодота. Большая фаланга состоит из четырех полуфлангов (фалангархий), нумерация которых – с первого по четвертый – определяется их «доблестью», то есть боевыми качествами воинов. «Фаланга в целом и ее подразделения выстраиваются «по четырем», так, что из четырех полукрыльев первое по доблести строится справа на правом фланге, второе – слева на левом фланге, третье – справа на левом, и четвертое – слева на правом. При такой расстановке произойдет уравнение сил правого фланга с левым: ведь произведение первого и четвертого, как говорят геометры, будет равно произведению второго и третьего, если <числа> четверки пропорциональны» (Ascl. Такт. 3.1). Тем же способом строятся подразделения меньшего состава: мерархии, хилярхии, синтаксиархии и т.д. Смысл изначального построения – добиться равенства сил двух флангов (половин). Т.е. левый фланг (2+3) = правую флангу (1+4). См. рис. (жирной чертой выделена лицевая линия лохогов).

Начальное положение:

2 полуфланг (керас)	3 полуфланг (апотоме)	4 полуфланг (апотоме)	1 полуфланг (керас)
------------------------	--------------------------	--------------------------	------------------------

Но если сделать перестановку полуфлангов для усиления центра, получится следующая расстановка:

3 полуфланг (апотоме)	2 полуфланг (керас)	1 полуфланг (керас)	4 полуфланг (апотоме)
--------------------------	------------------------	------------------------	--------------------------

¹⁷⁹ τάξις – отряд из 128 человек, синтагма – вдвое больше, 256 чел. (Агр. Такт. 10.2). Поэтому контрмарш по таксисам производится быстрее.

¹⁸⁰ Контрмарш «по рядам» (κατὰ στίχους) – то же, что контрмарш по лохам.

¹⁸¹ Принимаю чтение τόπω, в соответствии с рукописью F.

¹⁸² После слова лакуна, в соответствующем месте у Элиана (Такт. 28.3 K) стоит: «а остальные следуют за ним» и т.д. (οἱ δὲ λοιποὶ ἔπακολουθῶσιν etc.).

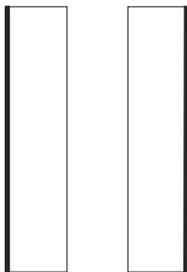
¹⁸³ Речь идёт о контрмарше «по шеренгам» (вдоль линии фронта) для размышления шеренг. Параллели этому маневру у Асклепиодота и Элиана отсутствуют.

¹⁸⁴ Дж. Де-Вото приводит следующий расчёт. Если на каждого гоплита приходится ок. 90.33 см пространства, то фронт из 1024 человек будет занимать пять стадий (стадия = 185 м), или ок. 925 м по ширине, а при удвоении фронта до 2048 человек – 1850 м (De Voto 1993. P. 100. Edn. 34).

¹⁸⁵ Полиэн (Strat. 2.10.4) приводит любопытный пример, как спартаец Калликратид в одной из битв в явной близости от неприятеля провел двойной маневр: вначале – на удвоение в глубину (как в: Агр. 25.10–11), чтобы скрыть

- свое численное превосходство, а потом – «восстановление», т.е. обратное удвоение в ширину («по пространству» в терминологии Арриана).
- ¹⁸⁶ На практике сам Арриан остерегался прибегать к такому маневру. В «Диспозиции против аланов» он предполагал ситуацию, когда при фланговом движении неприятелей собственные «фланги из легковооруженных лучников [приходится] растягивать дальше на ещё более высокие места. Я этого не одобряю, зная по опыту, что [неприятели], видя фланги ослабленными из-за растянутости [линии], тут же бросаются и рубят пехоту» (Агг. Ekt. 30).
- ¹⁸⁷ Растягивание линии для совершения или во избежание обхода – частый прием греческих и римских армий (Lammert 1931. S. 13).
- ¹⁸⁸ Дж. Де-Вото (DeVoto 1993. P.75) ошибочно понял слово *χωρίου* как «dancing», т.е. «плясовой» или «хоровой» (контрмарш).
- ¹⁸⁹ «Часть» (*μερος*) или «фланг» (*κερας*) – половина полной фаланги из двух фалангархий, 8192 человека (Агг. Tact. 10.7).
- ¹⁹⁰ Стифос равен двум эпиксенагиям легкой пехоты и состоит из 4096 человек (Агг. Tact. 14.5.).
- ¹⁹¹ При эпикампе силы пристраиваются с двух сторон к фаланге гоплитов под прямым углом спереди в таком виде: . Цель построения – охват линии противника. Гипотаксис, т.о., имеет построение зеркальное по отношению к эпикампу – .
- ¹⁹² «Видимыми значками», т.е. знамёнами (в римской армии – значки, драконы и т.д.) в широком смысле слова, *vexillum*. Об эволюции значения слова *σημείον* см.: Telegdi 1977. P. 377–382.
- ¹⁹³ Салпинкс – боевая труба, изобретение которой приписывалось этрускам. См. у Диодора Сицилийского об изобретении тирренами особой боевой трубы, называемой «тирренской» (Diod. Sic. 5.40.1). Римляне называли этот вид трубы *tuba*. По изображениям представляла собой длинную и прямую бронзовую трубу (другой тип трубы, в виде изогнутого горна – *cornu*). Под звуки салпинкса Александр атаковал персов под Граником в 334 г. до н.э. (Агг. Anab. 1.14.7).
- ¹⁹⁴ Т.е. поднимая их выше.
- ¹⁹⁵ Принцип построения маршевых колонн (см. комм. к Агг. Tact. 20.3), разъясняемый далее, состоит в том, чтобы определить положение линии лохагов (стома) – внутрь или вовне.
- ¹⁹⁶ Следовательно, походная фаланга имеет от одного до четырех «фронтов», обращенных к неприятелю. Римский походный порядок тремя параллельными колоннами (*τριφαλαγγία*), *acies triplex*, который описывает Полибий (Plb. 6.40.4–14), отличен от аналогичного построения тактиков. Судя по тому, что фронт всех трех колонн (гастатов, принципов, триариев) при нападении неприятелей поворачивался в зависимости от того, откуда ожидалась атака (т.е. производился контрмарш), линия (фронт) передовых бойцов (лохагов тактиков) на походе была развернута в одну сторону (Lammert 1931. S. 38).
- ¹⁹⁷ Колонна (фаланга) «челюстями наружу» (*αμφιστομος*), или *διφαλαγγία ἀμφίστομος* имела такой вид (Lammert 1931. S. 14). Жирной линией выде-

лены шеренги лохагов, противоположные урагов – обычной. Соответственно, в колонне «челюстями внутрь» (*антисомос*) шеренги лохагов менялись с шеренгами урагов. Этот принцип расстановки шеренг применялся во всех остальных разновидностях маршей (ниже).

- ¹⁹⁸ Практическое использование такого построения неоднократно засвидетельствовано источниками. «Двустороннюю фалангу» у галлов III в. до н.э. упоминает Полибий (Plb. 2.28.6); Красс в битве при Каррах поставил армию прямоугольником (Plut. Crass. 23.3), напоминающим διφάλαγγια ἀμφίστομος греч. тактиков, и др. (см. Lammert 1931. S. 13–17; Wheeler 1979. P. 307).
- ¹⁹⁹ Слова в угловых скобках добавлены Hercher'ом из Элиана (Ael. Tact. 37.2–3 K).
- ²⁰⁰ Таким образом фронты двух последовательных половин фаланговой колонны развернуты в разные стороны. Передовыми при таком марше являются не флигельманы (фланговые), как в *парагогэ* (Arr. Tact. 28.3), а лохаги.
- ²⁰¹ Т.е., оба фронта двух половин маршевой фаланги обращены в одну сторону.
- ²⁰² Ср. с «клином» Эпаминонда (Arr. Tact. 11.2). В отличие от конного клина (Arr. Tact. 16.6–7; 17.1–2) внутренность пешего остаётся незаполненной (Devine 1983. P. 202–203, 216).
- ²⁰³ Xen. Anab. 3.4.19. Термин «плинтион» (πλινθιον) употребляет Плутарх (Crass. 23) при описании построения Красса в походе против парфян в качестве синонима фаланги ἀμφίστομος (Lammert 1931. S. 16).
- ²⁰⁴ Вывод об опасности маневра на окружение («охват» обоих флангов) превосходящего противника (в какой-то степени подтверждается инструкциями в «Диспозиции против аланов»: Arr. Ekt. 30) основан на опыте эллинистической фаланги. В силу ограничений, накладываемых предметом и жанром, Арриан не берет известный ныне «любому школьнику» пример уничтожения римской армии Ганнибалом под Каннами в 216 г. до н.э. Впрочем, Каннское сражение, результат которого был обусловлен стечением уникальных обстоятельств, мало подходило для формулировки общих принципов тактики. Спустя столетия тезис об опасности двойного охвата меньшими силами повторяли самые крупные специалисты. «Было дано сражение на уничтожение, и – что удивительно – наперекор всем теориям победа была одержана меньшими силами. “Концентрические действия против неприятеля не

годятся для слабейшего», – говорил Клаузевиц. «Слабейший не должен совершать одновременно обход обоих флангов», – поучал Наполеон». Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал в некоторой степени концентрически и не только обходил оба фланга, но одновременно заходил и с тыла [...] одним из условий успеха является глубокое расположение противника, с узким фронтом и нагроможденными резервами, что увеличивает число бездействующих бойцов. Счастье Ганнибала заключалось в том, что против него был Терренций Варрон» (Шлиффен 2000. С. 371).

²⁰⁵ Описанием маршей и порядка движения обоза заканчиваются инструкции по тактике. У Арриана как и у других тактиков, полностью отсутствуют указания относительно организации преследования. Это общая черта классического греческого искусства войны, связанная с принципом «воевать не до разгрома, а до победы». В Псевдо-Маврикиевом «Стратегоне» (VI в. н.э.) подобная установка критикуется. «При удачном исходе сражения не надо довольствоваться только отражением врага, как поступают некоторые, не умеющие воспользоваться случаем и довольствующимся правилом: “Разбивай, но не добивай”, чем дают себе более работы, теряя время и приготавливая самим себе нерешительный исход в будущем». Напротив: надо гнать неприятеля до полнейшего разгрома» (Ps.-Maur. Strat. 7.12; Искусство войны. Кн. 1. 2000. С. 337). Следует отметить, что в «Диспозиции» – работе, меньше зависящей от традиции – Арриан предполагает активное преследование противника.

²⁰⁶ П. IV. 428–431.

²⁰⁷ П. II. 459 sq.

²⁰⁸ П. IV. 436 sq.

²⁰⁹ П. III. 8 sq.

²¹⁰ Совершенно новым приёмом является введение в «Тактическое искусство» дополнительного материала об упражнениях современной Арриану римской кавалерии, части, получившей название «Кавалерийский трактат» (Arr. Tact. 33–44). Его стиль и терминология радикально меняются в сравнении с предшествующей греко-македонской «Тактикой», написанной в подражание старым учебникам (ῥῶσπερ ἐν τέχνῃ). Ввиду утраты «Введения» и лакуны в крайне важном переходном пассаже с упоминанием какого-то трактата (см. ниже), написанного для «императора», неясно, с какой целью объединены под одним заглавием «Тактики» два по сути своей разных произведения, одно из которых характеризуется антикварной, другое – современной направленностью (подобное же объединение традиционного и нового мы находим в «Перипле» Арриана ок. 132 г., где описание мест на основе автопсии в Per. 1–11 сопровождается синтезом материала из вторичных источников в Per. 12–25). Для чего Арриан комбинировал трактат об эллинистическом военном деле и современные конные упражнения? Э. Босворт (Bosworth 1993. P. 259) обратил внимание на возможный побудительный мотив. Элиан (Ael. Tact. 21.2–3) в описании конных маневров указывал на необходимость соответствующей тренировки конников, но сами тренировки не описывал. Арриан же продолжил сюжет, включив описание современных ему конных упражнений и связав, тем самым, прошлое и современность.

Высказываемое иногда утверждение о близости *гимника гимназия* Арриана средневековым рыцарским турнирам (Носов 2002. С. 5) следует воспринимать с долей критики. Наряду с общими чертами, в *гимника гимназия* имеются ряд отличий: коллективность, связь с военно-тактическими учениями, и т.д. (Junkelmann 1996. S. 66–67).

²¹¹ Фраза Arr. Tact. 32.3 представляет немалые затруднения для интерпретации, ввиду лакуны в рукописи F: πάγη... (пропуск 7–8 букв) καὶ etc. В издании Roos–Wirth принята поправка Ф. Гааса (Haas): πεζικά для πάγη... καὶ; другая предложена К. Мюллером (Müller): παρ' Ἑλληνισιν. В первом случае (Гаас) предполагается противопоставление завершеного описания пехотных упражнений будущим конным, во втором (Мюллер) – эллинских – римским. Соответственно, «сочинением», написанным для императора (имеется в виду Адриан, упомянутый в Arr. Tact. 43.3), оказывается либо 1) пропавший трактат о «пехотных упражнениях» типа *ludi castrenses* (Kiechle 1965. S. 88) или, возможно, «Тактика» той же римской пехоты (Roos, Wirth 1968. P. XXXIV; Stadter 1978. P. 119; Stadter 1980. P. 42), либо же 2) первая часть (1–32.2) имеющейся «Тактики» Арриана (Wheeler 1978. P. 356). Э. Босворт обратил внимание на грамматические несообразности фразы, и пришел к неутешительному выводу о том, что лакуна должна быть значительно больше, чем в 7–8 букв, так что удовлетворительно заполнить ее не представляется возможным; Э. Босворт считает также, что под «сочинением» (συγγραφή), написанном для императора, никак нельзя понимать первую, эллинистическую, часть «Тактики» (Bosworth 1993. P. 254. Not. 147), скорее – скорее – выпавшее из кодекса сочинение о тренировках римской пехоты (Bosworth 1993. P. 256–259). Мнение о том, что вторая часть Арриановой «Тактики» (32.3–44) написана не для Адриана, поддерживает Ф. Стадтер (Stadter 1980. P. 43).

Обращение Арриана к жанру трактата по упражнениям (тренировкам) римской армии – пехотным в утерянной части, и кавалерийским в Tact. 33–44 – выглядит не случайным и связано с особой ролью военных упражнений в римской армии, получившей особое и в правление Адриана в частности. С точки зрения римлян военное дело являло собой не столько искусство, сколько научную дисциплину (*disciplina*). Военному делу учатся в ходе целенаправленных тренировок, и такая подготовка будет иметь решающее значение для будущей победы (Ле Бозк 2001. С. 151–174). Рационализм римлян побуждал их максимально ограничить риск. По словам Иосифа Флавия, «в сражении они ничего не предпринимают без расчета или в силу случайности, но всегда всякому действию предшествует мысль и действия всегда согласуются с принятыми решениями. Вследствие этого они редко терпят неудачи, а если это и происходит, то легко выходят из положения. Они предпочитают провал подготовленного предприятия случайному успеху, ибо победы, которые приходят сами, побуждают полагаться на случай, тогда как расчет, несмотря на случайные неудачи, учит не возвращаться к прежним ошибкам. Ведь тот, на кого обрушиваются случайные блага, не является их подлинной причиной, тогда как разрушающие расчет непредвиденные случайности хотя бы позволяют утешаться тем, что расчет сам по себе был правилен» (Jos. VJ. 3.98–101. Пер. М. Финкельберг).

- «Больше всего сведений по этой проблеме предоставляет эпоха Адриана» (Ле Бокз 2001. С. 152). Император Адриан, пришедший на смену Траяну, резко повернул курс внешней политики от завоеваний к миру. Смысл большой стратегии Адриана, шедшей на смену старой идеи «империи без границ» (*imperium sine fine*), заключался в создании искусственного барьера (лимеса), отделяющего Рим от варваров. Новая программа требовала соответствующих преобразований в армии, боеспособность которой поддерживалась частыми маневрами и учениями в мирной обстановке и личным контролем со стороны императора. М. Фронтон, известный военный деятель II в. н.э., невысоко оценивал результаты усилий императора по поддержанию боеготовности войск (Devies 1968), но современный биограф Адриана, Э. Берли, склонен считать иначе (Birley 1999. P. 211).
- ²¹² Император – безусловно Адриан (117–138), который упомянут и по имени в *Arr. Tact.* 44.3. См. Wheeler 1978. P. 353. Непонятно, почему Дж. Де-Вото (DeVoto 1993. P. 101. Not. 44) предполагает здесь Траяна (98–117).
- ²¹³ Этот пассаж о терминологии – параллель к месту *Arr. Tact.* 1.2–3, где также в качестве одной из задач ставится разъяснение неясных военных терминов: в одном случае (*Tact.* 1.2–3) – из-за временной отдаленности, во втором – вследствие языкового барьера (33.1). Заявленная Аррианом задача вряд ли может считаться выполненной: в дальнейшем он приводит только три кельтских термина для маневров: *петринос* (*Tact.* 37.4), *ксюнема* (42.4) и *толу-тегон* (43.2). См.: Lammert 1931. S. 48; Kiechle 1965. S. 115; Wheeler 1978. P. 361; Bosworth 1993. P. 255. Вероятно, прав Э. Босворт, заявляя, что Арриан использовал рассуждения о военной терминологии для восхваления электического характера римской цивилизации (Bosworth 1993. P. 255).
- ²¹⁴ Арриан был в 120-е гг. проконсулом испанской Бетики, где мог познакомиться с языком местных иберов. Кроме того, Арриан почти наверняка бывал в Галлии (Stadter 1980. P. 16) и, возможно, немного знал кельтский язык. В «Кинегетике» Арриан подробно описывает способы ведения охоты кельтами (*Arr. Суп.* 3.19–21, 34), повадки кельтских – сравнительно малоизвестных в Риме – охотничьих собак (*Суп.* 4.5.7–7; 7.25–32, 19–22).
- ²¹⁵ Иберийская (испанская) и кельтская (галлов) кавалерия были хорошо известна римлянам еще в эпоху республики: *Front. Strateg.* 2.5.31 (об эффективных действиях испанских всадников в войске Сертория); *Sall. Cat.* 19.3–5 (об испанских всадниках Гнея Пизона в 65 г. до н.э.); *Caes. B.G.* 5.26.3 (испанская конница Цезаря); *Plut. Anton.* 37 (десять тысяч испанской и кельтской кавалерии в войске Антония) и др. Римляне вербовали испанских и галльских всадников для своих «вспомогательных войск», *auxilia*, и вместе с бойцами заимствовали тактику. К началу нашей эры сложилась репутация кельтов как всадников. «Хотя все галаты по натуре воинственный народ, все же они более искусные всадники, чем пехотинцы и лучшая часть конницы у римлян состоит из этого племени» (*Strabo* 4.4.2. P. 196. Пер. Г.А. Стратановского; см. также *Strabo* 3.4.15 и др.).
- ²¹⁶ Указание на особую восприимчивость римлянам к достижениям других народов является общим местом в литературе древних (см. *Athen.* 6.273 E–F = *FGH.* 87 F 59; *Diod.* 23.2 и др.). Для эпохи республики о ней свидетель-

- ствует Полибий: «вообще римляне оказываются способнее всякого другого народа изменить свои привычки и позаимствоваться полезным» (Plb. 5.25.11. Пер. Ф.Г. Мищенко). Применительно к военным заимствованиям Полибий пишет (Plb. 6.25.4–5): «раньше римляне не имели доспехов и дрались плохими копьями, которые ломались *при взмахе* еще до удара. Теперь – как у эллинов, у которых и наконечник крепче и щит надежней». У Арриана это место выполняет особую функцию поддержки политики Адриана по заимствованию варварских военных обычаев (перечислены в Tact. 44.1–2) указанием на своего рода *exempla maiorum* (Kiechle 1965. S. 126). По словам Э. Уилера, «вся Tact. 33 в целом есть прямое отражение космополитической атмосферы правления Адриана» (Wheeler 1978. P. 362).
- ²¹⁷ В развитие темы процитирую Афиней (6.273f): «Разумные люди верны идеалам тех древних времен, когда на войне побеждали, побежденных подчиняли и у пленных перенимали то, что находили полезным и прекрасным. Именно так поступали прежние римляне. Сохраняя свое, отечественное, они усваивали всё, что было хорошего в занятиях покоренных, им оставляли только бесполезные дела, чтобы не дать им вернуть себе всё, что было утрачено. Узнав, например, от греков о машинах и осадных орудиях, они с помощью этих орудиев победили греков; а научившись у финикийцев морскому делу, они одолели их на море. У этрусков они научились сомкнутому строю, длинный щит заимствовали у самнитов, а метательное копье – у испанцев. И всё, что они взяли у разных народов, они усовершенствовали. Подражая во всем порядкам лакедемонян, они сохранили их лучше, чем те. Ныне же, отбирая для себя полезное, они перенимают от врагов и дурные наклонности» (пер. Н.Т. Голинкевич).
- ²¹⁸ О заимствовании магистратских кресел из слоновой кости (*sella curulis*) у этрусков, сообщают: Diod. Sic. 5.40.1; Liv. 1.8; Sallust. Cat. 51.38; Strabo 5.2.2; Dionys. Halic. Ant. 3.61–62; Plin. NH 8.195.
- ²¹⁹ Тога, разрисованная или расшитая пальмовыми листьями, также была заимствована римлянами у этрусков (Dion. Hal. 3.61; Sil. It. 8.484 sq.; Flor 1.1). «У нас нет оснований [...] видеть в рассказах об этруском происхождении римских знаков отличия должностных лиц басню» (Немировский 1983. С. 113).
- ²²⁰ Религия в Риме – в отличие от национальной религии греков – рассматривалась как чисто государственное дело (см. Plb. 6.56.6–11); поэтому Арриан рассматривает иноземное влияние в такой «тонкой» материи как религия в одном ряду с усвоением военных обычаев. Первые крупные акции по введению в Риме иноземных богов относятся к концу II Пунической войны, когда сенат (205 г. до н.э.) внял предсказаниям Сивиллиных книг о том, что Ганнибал покинет Италию не раньше, чем Великая Матерь (*Magna Mater*) – одна из ипостасей богини Кибелы – будет доставлена из фригийского Песинунта в Рим. Ко времени Арриана культы тех или иных божеств существовали в космополитической религиозной среде, где разные имена и образы обозначали общих для всех богов. Применительно к упомянутой ниже Реи-Кибелы есть следующее место в «Золотом осле» Апулея. «Единую владычицу, – говорит Изида, – чтит меня под многообразными видами, различ-

ными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества, зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут исконные обитатели Аттики – Минервой Кекропической, здесь киприане, морем омываемые, – Пафийской Венерой» и т.д. (Apul. Met. 11.5. Пер. М.А. Кузмина под ред. С.П. Маркиша).

²²¹ Рея – супруга Кроноса, мать Зевса и других олимпийских богов, была отождествлена с Великой Идейской матерью богов или Кибелой. В тяжелые времена II Пунической войны римляне прочли в Сивиллиных книгах предсказание, что для победы им нужно привезти из Пессинунта (город в Малой Азии на границе Фригии и Галатии) Идейскую мать. В 204 г. до н.э. Аттал I Пергамский, к которому было направлено специальное посольство, отправил в Рим ее серебряную статую и священный черный камень (Liv. 29.11.7; Strab. 12.5.3. P. 567; Ovid. Fast. 4.255–372; дополнительные подробности: Herod. 1.11.1–5; Jul. Ad mat. deorum). С тех пор ежегодно в апреле в Риме проводился Праздник Великой богини (Мегалесии). Культ Кибелы и ее умирающего и воскресающего сына Аттиса принадлежал к числу вегетационных, их миф символизировал смену времен года и плодородие. См.: Богатова 1998. О культе Кибелы и Аттиса в Риме подробнее см.: Рябенко 2001.

²²² Законом XII таблиц, принятым в 452–450 гг. до н.э. в ходе борьбы патрициев и плебеев, предшествовало посольство в Афины для знакомства с их законодательством (Cic. De leg. 2.59; Liv. 3.31.8; [Dion. Hal. 10.51–56]). Степень заимствования первого писанного кодекса римского права дебатировалась: считается, что законы XII таблиц, «хотя и под некоторым влиянием греческих идей, воспроизводили национальное римское право» (Хвостов 1919. С. 76). Во всяком случае, традиция о заимствовании появилась в период увлечения греческой культурой и Арриан воспроизводит ее. «Историчность римского посольства в Афины, упоминаемого Ливием, оспаривалась» (Ливий. I. 1989. С. 530. Прим. 63).

²²³ Римская конница в эпоху принцепата делилась на три части: 1) легионная, 2) вспомогательных войск (*auxilia*), распределенная по алам, и 3) в составе конных (на деле смешанных – пехотно-конных) когорт (*cohortes equitatus*). Каждая из составных частей римской конницы обладала особенностями – в вооружении, тактике и т.д. Адриан в своем *Adlocutio* из Ламбезиса (128 г. н.э.) отдельно обращался к всадникам легиона, а и коммагенской конной когорты (см. Lammert 1931. S. 6). Именно ауксилиарии, не всадники легионов, выполняли основную функцию кавалерии в бою.

Легионные всадники вербовались из римских граждан. Арриан рассказывает о формированиях, включающих иноземные элементы, то есть, об *auxilia*. Их аналогом в республиканское время выступали алы (*alae*) союзников (*socii*), набравшиеся из италийцев на время военных действий. После включения союзников в состав граждан (I в. до н.э.) в алы стали набирать из покоренных племен на основании их военных обязательств или по найму, а сами алы стали постоянными частями римской армии. У римлян существовали квингенарные («пятисотенные») алы, и «милиарные» («тысячные»), с номинальной численностью в 480 и 720 человек. (Lammert 1931. S. 46).

Описываемые ниже кавалерийские игры служили как потребностям военной подготовки, так и зрелищем. Относительно происхождения самих состязаний существуют разные мнения. Г. Петрикович и Ф. Кихле (Petrikovits 1952; Kiechle 1965. S. 89) возводит их традицию к «тройским» (Troia) ристалищам в древнем Риме (см. Verg. Aen. 5.548–593). П. Коннолли (Connolly 1981. P. 244–245; Коннолли 2000. С. 247) считает маловероятным римское происхождение этих игр, предполагая заимствование у кельтов или с Востока. Эклектичную точку зрения излагает А.Е. Негин (Негин 2010. С. 27–31).

Вне зависимости от истоков, конные состязания Адриановой эпохи вобрали в себя традиции многих народов: кельтов, иберийцев, сарматов, армян, парфян (Junkelmann 1996. S. 57). Таким образом, ясно, что в состязаниях участвовали кавалерийские *auxilia*, т.е. вспомогательные части, составленные из неграждан – романизированных жителей провинций (гетов, кельтов, ретийцев и т.д.), с собственными воинскими традициями. Правление Адриана ознаменовано распространением практики предоставления гражданских прав представителям «варварских» племен, отслуживших в *auxilia* (Petit 1976. P. 19 ff.). Солдаты в *auxilia* служили 25 лет, жалованье у них было ниже, чем у легионеров (см. ниже, прим. к Агг. Такт. 42.1), в битвах, как правило, занимали фланги. Вначале *auxilia* квартировались в легионных лагерях, во II веке их перемещали в кастеллы (*castella*) на границах. Командовал алами или когортами вспомогательных войск префект всаднического ранга. В мирное время офицеры проводили с солдатами интенсивные тренировки и военные соревнования. Одно из таких состязаний получило отражение в «Кавалерийском трактате» Арриана. Назначение трактата – не столько дидактическое, сколько демонстративное. Арриан с позиции зрителя ведёт живой рассказ о реально происходивших военно-спортивных играх, хотя и не лишённый обобщений и литературной обработки, сопровождаемый собственными замечаниями. Игры были приурочены, как можно полагать, к 20-летию правления (*vicennalia*) Адриана в декабре 136 г. (Wheeler 1978. P. 357).

Описываемые Аррианом конно-спортивные упражнения представляли в основном состязания в выезде и метании (*ἄκροβολισμός*), за исключением последней части (Агг. Такт. 43–44) с участием пикейщиков-контофоров и камнеметателей. Аналогом Аррианова трактата могло быть утерянное сочинение Плиния Старшего «о метании дротиков с коней» (*De iaculatione equestri*), и *allocutio Hadriani*. Согласно Светонию, Плиний «достойно отслужил всадническую военную службу» (*equestribus illius industrie functus*). Плиний Младший (Epist. 3.5.3) писал, что, будучи префектом алы, Плиний Старший написал *De iaculatione equestri* в одной книге. Источником для Арриана могли послужить установления *constitutiones Augusti* и *Hadriani*. См. Lammert 1931. S. 49–50.

²²⁴ Состязания проводились на специально выровненной и подготовленной для этого площадке с трибуной для почетных гостей и зрителей. Ее размеры Арриан не указывает, но исследователи (Hyland 1993. P. 19–23; Junkelmann 1996 S. 57 ff.) привлекают данные археологических исследований подобных сооружений. Лучше других известны площадки в Великобритании: у кастелл Гарднот – 160×90 м, Мэрипорт – 87×85, Недерхолл – 94×92 (все – в

Камберленде, графстве в северной Англии), незаконченная площадка у кастелля Тоумен-и-Мер (Сев. Уэльс) – 133×106 м. В среднем такие площадки ненамного превосходят современные футбольные поля, их небольшие размеры позволяют говорить, что число задействованных в играх всадников вряд ли превышало для одной команды численность турмы (32 человека), а преобладающим аллюром была рысь, а не галоп (Nyland 1993. P. 21 ff.; Junkelmann 1996 S. 57). По Э. Босворту, площадка у Гарднота составляла 180×100 м с трибуной до шести метров высотой (Bosworth 1993. P. 260. Not. 171), а легионные парадные площадки могли достигать до 4 га.

²²⁵ кат' ἀξιῶσι можно понять и «по рангу», и «по доблести».

²²⁶ Эти внешние знаки отличия являются показателем развитой системы поощрений в римской армии (Махлаюк 1999. С. 69).

²²⁷ Арриан начинает рассказ с эффектного выезда двух команд на поле и даёт описание всаднического вооружения в парадных шлемах с маской (Агр. Такт. 34.2–4). По многочисленным археологическим и музейным находкам можно составить достаточно полное о них представление. Наибольшее значение для изучения парадных масок имеет клад, найденный в Штраубинге (Бавария) в 1950 г. «парадного» вооружения III в. н.э. (Klumbach 1952). Семь парадных шлемов с лицевыми масками подразделяются на два типа: 1) четыре шлема с ликами «Александрова типа» (имитирующих лик Александра Македонского), и 2) три маски «восточного» типа (женокподобные с восточными шишаками). Предполагают, что игры могли воспроизводить космическую борьбу «Европы» (греков) с «Азией» (амазонками), в духе Геродотова деления (Hdt. 1.1–4). Маски имитировали человеческое лицо, иногда – и причёску. Функции масок-шлемов были многообразны, их далекие истоки восходили к культуре мертвых, драматическим маскам, военным забралам (в

Рис. 4. Парадные шлемы с масками (слева направо).

Верхний ряд Рибчестер (Англия), Герцогенбург (Германия),
нижний ряд: Пфрондорф (Германия), Ньюстед (Шотландия). По: Nyland 1993. P. 93.

греческом шлеме коринфского типа и др.). Последняя сводка по шлемам с масками: Негин 2010. С. 88–154.

Существуют четыре основные теории происхождения «парадных» шлемов в римской армии: 1) восточная (сирийская, парфянская), 2) эллинистическая, 3) фракийская, 4) италийская (этруски, греки), они рассмотрены М. Юнкельманном (Junkelmann 1996. S. 22–56; ср.: Негин 2010. С. 77–154). С эпохи Августа маски-шлемы принимают стандартизированный вид, что отражает его реформы по унификации снаряжения и вообще армейских порядков. Наиболее популярными были маски-шлемы «Александрова типа». Судя по источникам, в том числе письменным (Heliod. 9.15; Amm. Marc. 16.10.8; 25.1.12) маски-шлемы (иного типа, нежели парадные) могли использоваться и в бою; практические эксперименты, проведенные под руководством Юнкельманна, показали, что при встрече с использующим металлическое оружие «противником», всадник в маске, защищающей полностью лицо, чувствовал себя много увереннее, хотя и имел затруднения в ориентировке из-за ограничения обзора. Ариан описывает не боевые, а турнирные шлемы с масками. Но к IV в. катафрактары стали их носить и в бою. Металлические маски («личины»), к слову сказать, использовались еще в средневековые русскими дружинниками и степными кочевниками (печенегами, половцами). См.: Битва на Калке. С. 15, 19, 21, 35, 37, 41.

Несколько комплектов парадного всаднического вооружения были изготовлены по проекту «Археологический парк Карнунт» к 1991 г. (Junkelmann 1996). Доспехи были испытаны в деле, при инсценировке конских состязаний, что позволило проверить на практике некоторые теоретические предположения о назначении отдельных частей вооружения. Реконструкция парадной (турнирной) паноплии на основе находок в Штраубинге и других местах, была произведена П. Коннолли в сотрудничестве с Г.Р. Робинсоном для Римско-германского центрального музея в Майнце (см. Connolly 1981. P. 312. Nr. 17; Коннолли 2000. С. 312. Рис. 17; см. также на обложке книги: Feugère 1993). Тема имеет давнюю и богатую историографическую традицию, из последних работ стоит отметить книги М. Юнкельманна (Junkelmann 1996), и А.Е. Негина (Негин 2010).

²²⁸ Из парадных расписных щитов, предположительно использовавшихся в кавалерийских упражнениях, наиболее известны три щита сер. III в. н.э. из Дура-Европос (см. рис.: Feugère 1993. P. 114–115; дополнительно: Негин 2010. С. 169–171). Несколько более позднего периода (IV–V вв.) расписные щиты, хранящиеся в музее Трирского университета (Goethert 1996).

²²⁹ «Киммерийские» хитоны – специальная одежда для парадов и конных упражнений (в обычное время всадники *auxilia* носили, видимо, туники белого цвета: Fuentes 1987. P. 62). Вероятно, речь идет об укороченном хитоне, приспособленном для верховой езды, либо о скифо-сарматского типа льняных или кожаных рубахах. (О «киммерийском» хитоне: Kiechle 1965. S. 91, 118 ff.; Robinson 1975. P. 161; Fuentes 1987. P. 62–62; Junkelmann 1996. S. 71–73). «Киммерийский» хитон дополнялся узкими, плотно облегающими ноги штанами (анаксиридами) иного образца, чем широкие шаровары парфянского и армянского покроя (Arr. Tact. 34.7). Отдельные детали одежды,

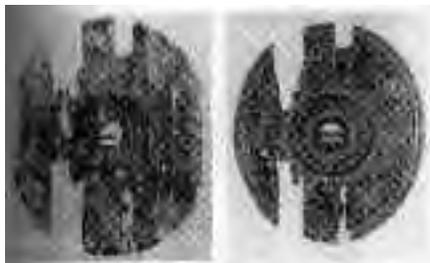

Рис. 5. Расписной щит № 2 из Дура-Европос (вид с двух сторон), сер. III в. н.э.
По: Feugère 1993. P. 115.

Рис. 6. Всадник с конём в парадном снаряжении для гимнастики.
Реконструкция П. Коннолли. По: Feugère 1993. P. 172.

включая укороченные хитоны и узкие штаны, встречались среди жителей Боспора Киммерийского в I–II вв. н.э. (Рикман 1986. С. 28–29). Видимо, именно поэтому перенявшие ее ради удобства римляне перенесли на нее название «киммерийской» (по имени территории или народа) (Kiechle 1965. S. 118). Изысканный колор одежды связан с её функциональным назначением. Впрочем, нельзя исключить и воздействие мифологической традиции. М. Юнкельманн ищет истоки «киммерийского» хитона в одеяниях амазонок и мифических конных народов с памятников искусства классического времени (Junkelmann 1996. S. 71). Имя давно исчезнувших киммерийцев часто встречается в компилятивных работах авторов первых веков н.э., причем в осовремененном контексте. В частности, современник Арриана Дионисий Периегет называет киммерийцев в перечне народов, живущих по обе стороны Киммерийского Боспора (Dion. Perieg. 168), как соседей сарматов (680 sq.). На крайнем севере Европы киммерийцев помещает Плиний (Plin. NH. 6.35) и (в порядке предположения) Плутарх (Plut. Mar. 11). Р. Брже-

зински и М. Милцарек сближают с «киммерийским» хитоном Арриана одежду боспорских пехотинцев с росписи склепа в Керчи: Brzezinski, Mielczarek 2002. P. 45.

Во времена Арриана кавалеристы, занятые в *гиппика гимнасия*, не носили панцирей, ограничиваясь «киммерийскими хитонами». Однако в дальнейшем у римлян появилась разработанная парадная панолия с панцирями, медальонами, поножами и др. деталями парадного снаряжения. В III в., как показывают находки из Штраубинга и других мест, всадники имели декорированные панцири, украшенные различными мифологическими и военными сценами (Feugere 1993. P. 195; ср. Junkelmann 1996. S. 108. Anm. 239; Негин 2010. С. 51–69).

²³⁰ О широкой одежде, как этнографическом признаке парфян см. у Тацита (Germ. 17).

²³¹ Арриан не называет среди защитной «парадной» панолии поножи, упомянутые при описании боевого снаряжения (Tact. 4.8). Это не вполне понятно, так как декоративные, из бронзы с позолоченными и посеребренными рельефными изображениями, поножи хорошо известны благодаря археологическим находкам, в том числе из Штраубинга (Klumbach 1952. S. 74; Junkelmann 1996. S. 75–77).

²³² Дротики без наконечников (*pila praepilata, hastilia*) обычно употреблялись при тренировках в гладиаторских школах: Plb. 10.20.3–4; Liv. 26.51.4; Caes. VAfr. 72; Plin. NH 8.17; Veg. 1.14).

²³³ Конские налобники, наглазники и нагрудники часто встречаются среди деталей всаднической панолии. См.: Негин 2010. С. 156–169.

²³⁴ Некоторые упражнения в описании Арриана имеют аналогии с маневрами, проведенными Адрианом в Ламбезе в 128 г. (Hadriani adloc.: CIL. 8. 2609; ILS 2487, 9233–35) В частности, в тексте надписи Адриана к войску говорится о том, что «конница выскакивает из укрытия» (Hadriani adloc. D b 5:

Рис. 7. Конский налобник с наглазниками из Штраубинга.
По: Klumbach 1952. Tafel III.

e tecto transcurrat eques). Э. Берли считает возможным присутствие Арриана на маневрах в Ламбезе (Birley 1999. P. 212).

Однако существует и очевидная разница между кавалерийскими упражнениями у Арриана в «Кавалерийском трактате» и военными маневрами Адриана в Ламбезе (которая, однако, «неясна» А.Е. Негину: Негин 2010. С. 31). Арриан описывает спортивные, показательные упражнения, относящиеся к типу *ludi castrenses* или *armatura* (ср.: Veget. 2.23: *armaturam, quae festis diebus exhibetur in circo* – «искусство владеть оружием, которое демонстрируют по праздничным дням в цирке»). Две особенности важно отметить: 1) гораздо меньшие размеры поля для состязания, 2) состязательный, не обучающий, характер упражнений (Wheeler 1978. P. 358). В обращении Адриана к армии в Ламбезе отмечено неравенство в условиях для разных категорий конников, препятствующее выяснению победителя: *Difficile est cohortales equites etiam per se placere, difficilium post alarem exercitationem nos displicere; alia spatia campi, alius iaculantium numerus* – «Ведь трудно кавалеристам когорты показать себя, еще труднее не разочаровать после упражнения кавалеристов ал: другая величина поля, другое число дротикометателей». В описании Арриана все всадники соревнуются по единым правилам.

²³⁵ Римские штандарты, как и скифские употреблены во множественном числе. Это, как будто, говорит о том, что в представлении участвовали не две команды (одна – под римскими, другими – под «скифскими» значками), а больше. Если принять мнение А. Хиланд (Hyland 1993. P. 17) о том, что каждая команда представляла собой турму (32 человека), то, возможно, все турмы (16 или 24 в зависимости от численности) кавалерийской алы выезжали на парад, но участвовали в состязании только две. В конце «Кавалерийского трактата» (Tact. 42.1) Арриан сообщает, что турм было как минимум несколько.

Стандартный римский кавалерийский значок, *signum*, см. на рельефе погребальной стелы в память Секста Валерия Гениала, всадника *Ala Thracum* из Циренчестера (Cirencester), Англия (Hyland 1993. P. 103).

²³⁶ А. Хиланд придает «римским» и «скифским» значкам функциональный характер: по ее мнению, на поле выезжали две команды, каждая под своими значками (Hyland 1993. P. 101–103). М. Юнкельманн считает, что значки различного происхождения выполняли чисто эстетическую функцию (Junkelmann 1996. S. 58).

²³⁷ Отрывок о «скифских» значках (Agr. Tact. 35.2–7) – еще один пример того, каким искажениям может подвергнуться свидетельство источника, если трактовать его вне контекста. Отечественные специалисты использовали перевод в латышевском сборнике (SC. T.I, с. 521; ВДИ. 1948. №1, с. 281), который начинается со слов: «Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины...» и т.д. Хотя перевод отрывка дан без какого-либо комментария о контексте, был сделан вывод, родившийся из поверхностного сопоставления фрагментов «Тактики» и «Диспозиции против аланов» Арриана, о том, что значки принадлежат аланам (они же – «скифы»), сражавшимся с римской армией во время

нападения на провинцию Каппадокию в 136 г. Первым, насколько мне известно, к такому выводу пришел В.Д. Блаватский (1954. С. 120), в дальнейшем его повторяли многие (Хазанов 1970. С. 61–62; Горончаровский 1993. С. 81; Каминский 1993. С. 95; Яценко 1993. С. 65; Лысенко 2002. С. 202; Уарзиати 2007. С. 280). Из неверной посылки (значки – аланские) делаются весьма ответственные умозаключения типа: «мы можем заключить, что организация войска алан была продуманной и подчинялась определенным принципам: по-видимому, основой его структуры было деление по родоплеменным (или каким-то иным) признакам» и т.д. (Кузнецов 1992. С. 257–258; поддержано: Каминский 1993. С. 95). На деле, «скифские» значки несут не аланы, а римские конники на параде. Поневоле сожалеешь, что переводчик не перевел предыдущую фразу о выезде команд на арену для состязаний. Но кто же знал, что в конце XX века русские историки не будут читать по-гречески и хрестоматия популярного назначения будет заменять им оригинал. Историографическая ошибка сбивает с толку и специалистов. В частности, А.К. Нефёдкин делает вывод о том, что у сармато-аланов «отряды комплектовались по родоплеменному принципу, во главе со своими же племенными предводителями» (Нефёдкин 2001б. С. 202), ссылаясь при этом на авторов, которые делали вывод именно на том, что «скифские» драконы (Arr. Tact. 35) использовались именно аланами. Если неверна посылка (а то, что речь у Арриана идет не об *аланских*, о *римских* значках, ясно и самому автору: Нефёдкин 2001б. С. 206), неверен и вывод.

²³⁸ Археологические находки (из Нидербибера и др.) действительно свидетельствуют, что основой штандарта являлась металлическая голова дракона. Из этого исходит С.А.Яценко, полагая, что аланские значки отражают центральноазиатскую традицию (Яценко 1993а. С. 60–61). А.К. Нефёдкин предполагает и другую возможность. «Видимо, – пишет он, – у сарматов в качестве значка выступал воздушный дракон с волчьей головой, которую римляне затем переделали в драконью» (Нефёдкин 2001б. С. 207). Образ собаки

Рис. 8. Металлическая голова дракон – навершие штандарта из Нидербибера (ок. 260 г. н.э.). По: Hyland 1993. P. 102.

или волка, предположительно, у киммерийцев и скифов был связан с богом войны, как полагает А.И. Иванчик (Иванчик 1993. С. 41–52). У древнего штандарта были две основные функции: религиозная и сигнальная: для Арриана существует только вторая. Среди поворотов, совершаемых всадниками с драконариями во главе, упоминается ἐπιστροφή (Tact. 35.6), типичный для алано-сарматской конницы (Arr. Tact. 44.1; Ekt. 28; 30).

Относительно происхождения драконообразных штандартов существует ряд гипотез: помимо «скифской» – «фракийская» (либо «дакийская»), «сарматская», «парфянская» (Об этом: Kiechle 1965. S. 120 ff.; Wheeler 1978. P. 359–360). Связать их появление с каким-то одним народом не представляется возможным: пожалуй, ясно лишь то, что драконообразные знамена были порождением культуры евразийских кочевников («И сам образ дракона, и силуэт этих штандартов неизбежно ведут нас в Центральную Азию»: Яценко 1993а. С. 65), обитателей «Скифии» в самом широком смысле слова (отсюда их название у Арриана), а к римлянам попали от сарматов или народов, подвергшихся их влиянию (Лебединский 1996. С. 224). Скифские драконы упоминает еще Валерий Флакк (Argon. 6.57) во второй половине I в. н.э., парфянские во II в. н.э. – Лукиан (Luc. De hist. conscrib. 29); змеевидные и собако- либо волчьеголовые знамена изображены у противников римлян (даков? сарматов?) на колонне Траяна (Kiechle 1965. Taf. 16, S. 92, 120; Малашов 1988; Junkelmann 1996. S. 109. Anm. 270). В поздней империи драконы получили повсеместное распространение в римской армии (Amm. Marc. 16.10.7; Veg. 1.23 и др.). Помимо описаний древних авторов, имеется ряд изображений и вещественных находок: судя по ним, такие штандарты состояли из металлической головы дракона и матерчатого тулова. Представление о них дает хорошо сохранившаяся бронзовая голова III в. н.э. из Нидербибера в Германии (См.: Feugère 1993. P. 58; Негин 2010. С. 178). Сквозь раскрытую пасть чудовища проникал воздух, надувая прикрепленное сзади полотнище («хвост») и издавая тот самый свист, о котором писал Арриан (Tact. 35.4).

Значки-драконы, возможно, появились в римской армии под влиянием дакийских войн Траяна, в которых противники римлян – дакийцы или сарматы – использовали подобные знамена. После Арриана ближайшие по времени письменные свидетельства о таких штандартах у римлян относятся ко времени Галлиена (НА. Gallienus 8.6; Aurelian 31.7). Подробнее: Kiechle 1964. S. 120–122; Junkelmann 1996. S. 78–79. Арриан был первым писателем, который засвидетельствовал применение драконов-значков в римской армии, правда, пока только при кавалерийских упражнениях и как значки чужеземных народов («скифские», т.е. сарматские).

С.М. Рубцов относит употребление драконов к дакийской традиции, отмечая наличие у даков времен царя Децебала «боевых национальных значков» с «крылатыми драконами с оскаленной волчьей мордой» (Рубцов 2003. С. 47). «В дакийской мифологии драконы олицетворяли демонов зла, бури мрака, с чем ассоциировались такие понятия, как война, битва, смерть. [...] изображение этого мифологического существа в качестве боевого штандарта использовали и другие народы, например парфяне, а с начала III в.н.э. драконари появились и в римской армии» (Рубцов 2003. С. 47–48). Следует уточнить: не с начала III в., а уже ко времени Арриана.

²³⁹ Арриан описывает способ крепления дракона на шесте-контосе (Tact. 35.3), удерживаемого в руке. У кочевых народов Евразии существовал и другой способ крепления дракона «в виде сачка за спиной» (Нефёдкин 2001б. С. 207), как это показано на Орлатской пластине (Симоненко 2002. С. 118. Рис. 6).

- ²⁴⁰ Слово экселигм (ἐξελίγμος) Г. Петрикович (Petrikovits 1952. S. 136) сопоставляет с ἐλίγμος («изгиб»), которым обозначались запутанные переходы критского Лабиринта (Hdt. 2.148; Plut. Thes. 19; JLS. s.v. ἐλίγμος).
- ²⁴¹ Возникает вопрос, в каком смысле здесь употреблено слово *эпистрофэ*. Словарь Лиддела–Скотта дает толкование как общего термина (general term) как в Agr. Tact. 16.7, и в качестве специального – как поворот под прямым углом (LSJ 1996. P. 661). В значении технического термина, эпистрофэ обозначал поворот на 90° всего отряда (Agr. Tact. 21.3). В таком случае левый или правый флигельман образует ось вращения, а строй поворачивается на 90°. А. Хиланд (Nyland 1993. P. 104). полагает, что тот же поворот производился и в Agr. Tact. 35.6. Последнее вряд ли: судя по описанию, конные партии, возглавляемые драконарями, составляли один ряд, и не могли произвести подобный маневр. Ср. Agr. Tact. 16.7, где *эпистрофэ* производит ромбовидно построение, в котором осью является головной всадник. По мнению А.К. Нефёдкина, комментирующего аналогичный пассаж у Асклепиодота (Tact. 7.2), *эпистрофэ* – «вероятно, не термин, обозначающий разворот отряда на 90°, а просто обозначение поворота» (Нефёдкин 2004а. С. 35. Прим. 34).

Рис. 9. Повороты *эпистрофэ* (Agr. Tact. 35.6).
По: Nyland 1993. P. 105.

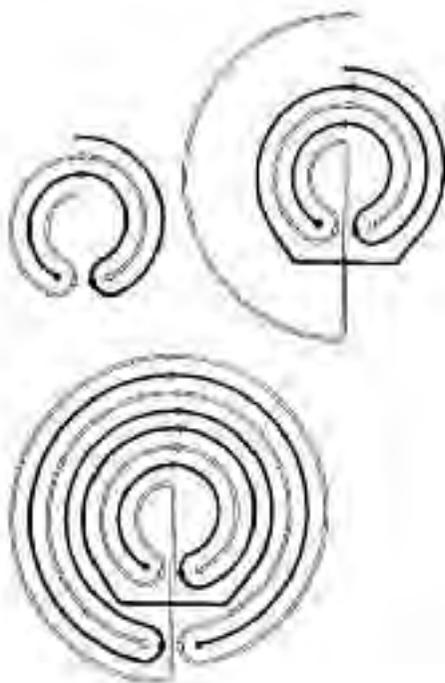

Рис. 10. Реконструкция выезда римских конников на Троянских играх. Иллюстрация к *Arg. Tact.* 35.1–6. По: Petrikovits 1952. S. 127.

²⁴² Г. Петрикович выстраивает такую последовательность маневров: 1) вращение, движение (танца), *Evolution* (ἐξελιγμοί), 2) поворот, *Kehrtwendung* (ἐπιστροφαί), 3) обратный возврат, *Zurückevolutionieren* (ἐμπαλιν ἐξελιγμοί), 4) пробежка по прямой, *Angriff* (ἐπ' εὐθυ ἐκδρομαί). Словом ἐπελάσεις, по мнению Петриковича, Арриан обозначает все фазы фигуры конного «лабиринта» (Petrikovits 1952. S. 136).

²⁴³ В версии Г. Петриковича (Petrikovits 1952. S. 136 ff.), процедура выезда на игровое поле с последующими сменами направления от круговых к линейным пробежкам, воспроизводит распространенные в эпоху республики конные состязания – «троянские игральища», *Troiaie lusus*, существовавшие в Риме как минимум с VII в. до н.э. и воспетые Вергилием (*Aen.* 5.548–593). Фигуры пробегов при этих конных маневрах воспроизводят план критского лабиринта (см. рис.). «Троянские игры» устраивались для юношей (семантика, схожая с танцем журавля – «геранос» – в честь освобожденных Тесеем из Лабиринта афинских мальчиков), но ко времени Адриана стали использоваться в качестве упражнения для кавалерийских частей в римской армии. В «троянских» скачках, как и в танце «геранос», участвовали два «полухо-

рия» игроков (танцоров). Те же две команды мы видим в выезде Арриановых всадников.

Теорию происхождения выездной процессии «конских упражнений», по мысли Г. Петриковича (Petrikovits 1952. S. 137–138), подтверждает находка клада «парадного» вооружения III в. н.э. из Штраубинга (Klumbach 1952). Семь парадных шлемов с лицевыми масками подразделяются на два типа: 1) четыре шлема с ликами «Александрова типа» (имитирующих лик Александра Македонского), и 2) три маски «восточного» типа (женоподобные с восточными шишаками). Следовательно, игры могли воспроизводить космическую борьбу «Европы» (греков) с «Азией» (амазонками), в духе Геродотова деления (Hdt. 1.1–4). Другие детали паноплии, найденные в Штраубинге, также украшены всевозможными декоративными военными мотивами: Марс, Геракл, Минерва, Виктория, Диоскуры и т.д. Версию о происхождении «гиппика гимназия» от *lusus Troiae* поддерживает А. Хиланд со ссылкой на неопубликованную работу Г. Вебстера (Hyland 1993 P. 92, 96. Not. 18). Правда, в собственной реконструкции выезда у А. Хиланд отсутствуют фигуры лабиринта (Hyland 1993 P. 105).

К теории Г. Петриковича относятся сдержанно (Junkelmann 1996 S. 58, 107. Anm. 203; ср. Негин 2010. С. 27–30, где одобрительно пересказывается теория происхождения кавалерийского турнира от Троянских игр). Арриан не упоминает «троянских игр». Заключительные слова Арриана: «Таковы обычные для римских конников упражнения, проводимые еще с древних времен» (Tact. 44.1) указывают на все перечисленные упражнения, начиная с атаки на конную черепашу (Tact. 36.1), где используются другие маневры. Вывод Петриковича основан на трактовке фигур, проводимых всадниками, как имитирующих повороты лабиринта, что необязательно и, пожалуй, является «перегрузкой источника». Выезд конников в описании Арриана в Tact. 35.6–7 являлся лишь предварительным выездом к «играм» и не может перекрывать собой те действительные игры-состязания (Tact. 36–44), в которых отработывалась военная тактика.

²⁴⁴ Перевод «одни конные» имеет целью дать понять, что есть и «другие». Из дальнейшего описания о том, как «половина конных» атакует другую половину (Agr. Tact. 36.2–3), ясно, что налево от трибуны становятся в строе «черепаша» только половина конных. В предыдущих переводах этот нюанс не был отмечен. Ф. Кихле (Kiechle 1965. S. 95, 106) убирает артикль <oi> перед ἰππῆς (в издании Roose–Wirth: <oi> addidi), предлагая перевод: Reiter dichtgedrängt halt, исправленный М. Юнкельманном на: ein Teil der Reiter etc. (Junkelmann 1996. S. 90). М. Юнкельманн (Junkelmann 1996. S. 110. Anm. 302) отмечает недостаточность формально верных других переводов этого места, способных ввести в заблуждение при отсутствии комментариев: M.P. Villard (ils se trouvent placés en rangs serrés: Feugère 1993. P. 190), F. Brudenall, F. Walbank (the riders halt in close formation: Hyland 1993. P. 73). То же можно сказать о переводе: Дж. Де-Вото: the horsemen remain next to each other (De Voto 1993 P. 86). У читателя может создаться впечатление, что у трибуны собираются *все* конные.

²⁴⁵ Т.е. хвостами к атакующему противнику (Junkelmann 1996. S. 58. Abb. 114).

²⁴⁶ Т.е. конников своей команды. Следовательно, в «черепахе» становится только часть (половина) конников (см. прим. 244).

²⁴⁷ В переводе Ф. Кихле (Speerwürfe ihrer geradelinig anstürmenden Kameraden aufzufangen: Kiechle 1965. S. 95) использовано неудачное, вводящее в заблуждение выражение, побуждающее думать, что два выдвинутых перед черепахой всадника становятся целью для метателей из *своей* команды (об этом: Junkelmann 1996. S. 110. Anm. 303).

Наиболее близка к описанию Арриана реконструкция атаки на «черепаху», предложенная М. Юнкельманном. Он же разобрал варианты, предлагаемые другими исследователями: Junkelmann 1996. S. 56–66.

Рис. 11. Атака на конную «черепаху» (Arr. Tact. 36.1–38.5).

По: Junkelmann 1996. S. 58.

²⁴⁸ Сколько же дротиков могли брать с собой всадники? Иосиф Флавий (ВJ 3.97) называет цифру от трех и более. Проблему составляет их ношение. А. Хиланд, на основании свидетельства Иосифа Флавия предполагает наличие колчана (Hyland 1993. P. 143). М. Юнкельманн считает, что дротики подавали специальные служители, *salones* (Junkelmann 1996. S. 64).

²⁴⁹ Описываются действия второй команды (Б), атакующей первую (А1), и ответные действия «дружественных» всадников команды (А2), «сражающейся» на стороне конников «черепахи». Поскольку ранее (Tact. 36.3) отмечалось, что команды поделены поровну, возникает вопрос: какая часть задействована в «черепахе», какая – в числе контратакующих. Источник не даёт на это ответа.

В трактовке ситуации возможна ошибка, допущенная, в частности, Ф. Кихле. В его переводе (Kiechle 1965. S. 97) получается, что в промежутке между «черепахой» и двумя всадниками врывается всадник из «засады» (*Versteck*), т.е. особого отряда, не принадлежащего ни к одной из двух команд (см схему: Lawson 1980. S. 178; Junkelmann 1996. S. 61). Выражение «(всадники) проскакивают вдоль [фронта] своего (*οἰκέας*) построения»

Рис. 12. Способ метания дротиков с коня.
По: Hyland 1993. P. 143.

ясно свидетельствует о том, что эти конники были из команды А, построившей «черепашу» (Junkelmann 1996. S. 110. Anm. 306), а атака начиналась, по-видимому, от их правого по отношению к «противнику» фланга, перед которым строился «заслон» из двух всадников (Junkelmann 1996. S. 58. Abb. 114).

²⁵⁰ ὁ κατὰ δεξιὰν ἐπιστροφὴν ἀκοντισμός переводчики иногда не вполне точно передают как «метание с заворотом вправо», что можно понять и как поворот всадника вправо: a javelin throw in accord with a turn rightwards (DeVoto 1993. P. 87); the horseman is obliged to throw his javelins with turning to the right (F. Brudenall: Hyland 1993. P. 74). Но команда А2 заворачивает влево (что принимает и А. Хиланд: Hyland 1993. P. 131). Как ясно из нижеследующего (Таст. 37.5), речь идет именно о повороте корпуса всадника, что и отмечено в переводе F. Kiechle (1965. S. 97): Speerwurf [...] mit Drehung (Wendung: Junkelmann 1996. S. 90) des Körpers nach recht.

²⁵¹ «Петринос» Г. Дотти (G. Dottin) объясняет из галльского *pedrain*, «сroupе» («конский круп») (Kiechle 1965. S. 96). Этот маневр сравнивают с описанием действий легионных всадников во время смотра африканского войска Адрианом (Adlocut. ILS. I. 2487. Comment. 6). «Обычно, насколько возрастают трудности, настолько же уменьшается изящество исполнения. Вы, однако, из трудного сделали труднейшее (ex difficilibus difficil[imum fecestis]), так как выполняли метание в панцирях... (loricati iaculationem perageretis...)». Первое в лакуне слово Dehner восстанавливает как *petrinam* (CIL VIII 2532 Fragn. Va: *loricati iaculationem perageretis petrinam*).

²⁵² Относительно того, чьи же «мягкие бока» утруждают «со всей силой» (ἄση δύναμις μαλακῶν τῶν πλευρῶν), единого мнения нет. В переводе F. Brudenall'a (Hyland 1993. P. 74): in his two sides, т.е. бока всадника (см. комментарий: Hyland 1993. P. 131). То же у М. Юнкельманна: Der Reiter muß sich hierbei nämlich umwenden, alle Kraft anbietend, die er in den strapazierten Sei-

- ten seines Leibes noch besitzt (Junkelmann 1996. S. 90). В принципе можно посчитать, что от сильно сжатых коленей всадника достается конским бокам, как в переводе Дж. Де-Вото: with [the horse's] two soft flanks (DeVoto 1993. P. 88).
- ²⁵³ М. Юнкельманн предостерегает против такого понимания пассажа, будто бы всадник прикрывается щитом *после* того, как метнет дротик: форма *δράσαντα*, по его мнению, предполагает одновременность действий (Junkelmann 1996. S. 110. Anm. 307).
- ²⁵⁴ То есть, при перемене ролей команды остаются на прежних местах: команда Б (атаковавшая в первом подходе) – справа от трибуны, принимая оборонительную позицию, команда А (оборонявшаяся) – налево, собираясь атаковать.
- ²⁵⁵ В переводе Ф. Кихле (*jener zwei Reiter, die vor den Flügel der Kampflinie vorgetreten waren*) получается, что речь идет об одних и тех же всадниках (Arr. Tact. 36.2; 38.1), хотя речь идет о двух всадниках из команды (Б), ранее атаковавшей живую «мишень» из двух всадников. Их позиция – «такая же» не по месту нахождения, а по отношению к своей команде.
- ²⁵⁶ Конник в этом упражнении передает дротики из левой руки в правую. Вряд ли он держит в левой, занятой рукояткой щита, пучок дротиков. В принципе возможно два наиболее вероятных объяснения, или всадник носил дротики в особом колчане (см. Nyland 1993. P. 143); или он пользовался услугами особых подавальщиков, *calones* (Junkelmann 1996. S. 64). Второй вариант находит подтверждение в рельефах римских копейщиков в сопровождении *calo* (Harl 1998. S. 610).
- ²⁵⁷ Здесь, как и в других местах, Арриан подчёркивает совместимость преодоления трудностей с эстетикой. Такие же требования предъявлялись всадникам III легиона во время инспекции Адриана в 128 г. «Военные упражнения, – обращается к всадникам легиона император, – в некотором роде имеют свои законы; если что-либо будет [к этим упражнениям] прибавлено или убавлено, то упражнение будет или недостаточным, или более трудным. Обычно, насколько возрастают трудности, настолько же уменьшается изящество исполнения (*Quantum autem difficultatis [additur, t]antum gratiae demitur*). Вы, однако, из трудного сделали труднейшее» и т.д. (Hadr. adlocut. ILS. I. 2487).
- ²⁵⁸ Выражение «дважды обменявшись» порядком построения, заслоном, ролями и поворотами, видимо, указывает на то, что каждая команда дважды атаковала и дважды контратаковала команду «противника», при этом третья и четвертая попытки происходили при перемене места: команда А переходила направо, команда Б – налево от трибуны.
- ²⁵⁹ Кантабрийский маневр (*Cantabricus densus* или *Cantabricus impetus*: Lammert 1931. S. 550) упоминается в надписи из Ламбези (CIL VIII. 18042; ILS. I. 2487. P. 498). Следовательно, это «кантабрийское» упражнение было приближено к боевым тренировкам. Та же надпись из Ламбези упоминает о применении в ходе учений всадниками I паннонской алы (*ala I Pannoniorum*) боевого оружия, как в описании Арриана (Arr. Tact. 40.4). «Кантабрийский круг» представлял тактический маневр для лучшего проведения стрельбы из лука или метания. Всадники образовывали круг, двигаясь от неприятеля

вправо, прикрывая левый бок щитом и используя правую руку для метания. Круговой маневр напоминает т.н. «парфянский выстрел» или средневековое *Saracole*. А. Хиланд следующим образом реконструирует «кантабрийскую атаку».

Рис. 13. Кантабрийская атака (Агр. Такт. 40.1–6).

По: Hyland 1993. P. 135.

²⁶⁰ В переводе Brudenall–Walbank (Hyland 1993. P. 75) ошибка: The leading body (sic!) of horsmen.

²⁶¹ Копья, употребляющиеся в «кантабрийской атаке» – не дротики, и не обычные копья (λογχή = lanceae), а «обструганные» (*ксистоны*), без боевых наконечников. Вероятно, это те копья (*hastae brues et durae*), которые бросала ala I Rannoniogum на маневрах в Ламбезе (ILS. 9134), в отличие от облегченных дротиков, метаемых всадниками III Августова легиона (CIL. VIII. 18042, Va = ILS. 2487 (Davies 1968. P. 90). Арриан подтверждает использование боевого оружия в конных упражнениях.

²⁶² Этот факт демонстрирует силу удара: даже со снятым наконечником боевое копьё пробивает щит.

²⁶³ Каков был эффект от метания в античных армиях, если лучшие конники метают по 15–20 дротиков? Автор начала III в. н.э. Юлий Африкан в своих «Узорах» (Cest. fr. 1.1.80–81), в очевидном контрасте с Аррианом, пишет, что у римлян из десяти дротиков в цель попадает лишь один (Wheeler 1997b. P. 577). Произведение Юлия Африкана не относится к строго «научным»

- даже в античном смысле слова, но позволяет ставить вопрос о самой доктрине «метательного способа боя», поднятой недавно Жмодиковым (Zhmodikov 2000; Жмодиков 2001).
- ²⁶⁴ Это установка (πολὸν ... σοφίζομενον) типична для Арриана (см. *Agg. Anab.* 3.10.2; *Syneget.* 24.4): успех в открытом состязании принесит большую пользу, нежели хитрость с целью произвести впечатление (Bosworth 1993. P. 260).
- ²⁶⁵ Для финальной фазы представления используется уже не парадная, а боевая экипировка, и легкие, лишенные наконечников дротики (ἀκόντια) или «ксистосы» (ξυστὰ δόρατα) сменяют боевые копья – lancea.
- ²⁶⁶ Спорное место. В изданиях стоит слово ἐπακτυποῦσαν; LSJ (s.v. ἐπακ-κτυπέω) дает к этому слову примечание: dub.l. in *Agg.Tact.* 41.2. В таком случае слово следует переводить примерно как «произведя шум». Но копьё не может «произвести шум» до того, как попадет в цель, и Ф. Бруденалл (Hyland 1993. P. 75–76) делает следующее резонное замечание: the word I translate «resounding» is said by Liddell and Scott to be «dubious»; and indeed how would it resound before it hit anything? Какие-либо разночтения в тексте не указаны. Я условно принимаю версию метатезы слова ἐπακτυποῦσαν («держа наконечником вверх»); ср. *Xen. Eq.* 12.13: ἐπακτύπτουσα ἢ λόγχη.
- ²⁶⁷ Под «хорошим командиром» читатель вправе подразумевать самого Арриана (Bosworth 1993. P. 260). В данном случае командир должен поощрять соперничество среди своих воинов в индивидуальном метании, выделяя лучших. Римляне издавна практиковали и награды для поощрения солдат. «Такого рода поощрения возбуждают к соревнованию в военной доблести [...] При столь внимательном и заботливом отношении к военным наградам и наказаниям, не удивительно, если военные предприятия римлян увенчиваются блестящими успехами» (Pib. 6.39.7–11. Пер. Ф.Г. Мищенко).
- ²⁶⁸ Duplicarius получал двойное жалование в сравнении с рядовым. Здесь примечательно использование термина «димойрит». Димойрией Арриан (*Tact.* 6.2) называет подразделение из двух эномотий по 4 человека, т.е. половину лоха (ряда в фаланге); димойрит, т.о., – командир димойрии. Существует единичное указание на то, что в римской армии были и получающие тройное жалование – triplicarius (Ле Боэк 2001. С. 67).
- ²⁶⁹ Т.е. sesquiplicarius, получающий полуторное жалование. Поскольку речь идет о всадниках auxilia – скорее всего, всадниках алы, их жалование колебалось в зависимости от статуса. У нас есть отдельные сведения о конкретных выплатах солдатам auxilia, но относительно их ставки существуют споры. Точкой отсчета является плата легионерам. При Августе их годовое жалование равнялось 225 денариям (*Tac. Ann.* 1.17.6), ко времени Арриана действовала увеличенная на четверть ставка в 300 денариев, установленная Домицианом – (*Suet. Domit.* 7.3; 12.1) и до Семпития Севера (193–211). В отношении ауксилиариев существует три основные теории, согласно которым, их жалование составляло 1/3 (вариант, который некоторые считают «наиболее правдоподобным»: Дельбрюк 1994. II. С. 128; Ле Боэк 2001. С. 320), 2/3 или 5/6 от жалования легионеров (Speidel 1984b; Ле Боэк 2001. С. 320). В последнем случае жалование кавалеристов алы

превосходит жалование легионера, что допустимо ввиду значительных дополнительных затрат первых на содержание коня. Соответственно, существуют следующие варианты (Dixon, Southern 1992. P. 88; ср. Ле Боэк 2001. С. 322):

Жалование:

Типы	Осцилло	Сесквиплицариус	Дуплицариус
21			
miles cohortis	100	150	200
equus cohortis	150	225	300
equus alai	200	300	400
miles legionis	300	450	600
equus legionis	—	—	—
22			
miles cohortis	700	1000	1400
equus cohortis	250	375	500
equus alai	300	450	600
miles legionis	500	750	1000
equus legionis	350	525	700
23			
miles cohortis	250	375	500
equus cohortis	300	450	600
equus alai	350	525	700
miles legionis	500	750	1000
equus legionis	400	600	800

²⁷⁰ Среди историков существует несогласие относительно того, следует под термином «декадархия» понимать буквально декурию (десяток), либо турму (32 человека). «Возможно, этим подразделением была турма или даже декурия» (Нефёдкин 2001б. С. 207). Согласно Дж. Де-Вото (DeVoto 1993. P. 95. Not. 50; то же: Devine 1993. P. 332; Bosworth 1993. P. 260) декадархия – это декурия из 10 человек. Более правильно видеть в ней турму из 32 человек (Nyland 1993. P. 17, 76, 100; Junkelmann 1996. S. 91), которую Ф. Стадтер именует «эскадром» (squadron: Stadter 1980. P. 44). На каждую турму как раз приходится по одному duplicarius и sesquiplarius (первый и второй заместители командира турмы – декуриона): Jähns 1979 [1880]. S. 256; Fiebiger 1923. Sp. 1877; Breeze 1974. P. 445; Dixon, Southern 1992. P. 25.

²⁷¹ Император Адриан (117–138). О его военных регуляциях сообщает Вегеций (Veg. 1.8, 27).

²⁷² Поворот в исполнении Анны Хиланд показан на фото: Nyland 1993. P. 156.

²⁷³ Сложен вопрос о том, насколько хорошо Арриан знал кельтский язык, чтобы в точности передавать звучание слов. Кельтский термин, видимо на-поминал звучанием ξύνημα, но употребленное Аррианом существительное, скорее всего, производно от глагола ξυνίημι - «сходить(ся)» (в бою); *bring or set together, in hostile sense* (LSJ. P. 1718).

²⁷⁴ Тем самым подтверждается мысль, что конные упражнения имели не только спортивное, но и тренировочное значение (Bosworth 1993. P. 260). Эту же цель в конных тренировках отмечал Элиан (Tact. 23.2), говоря о необходимости их «использования в действии» (ἐπί τῆς ἀληθείας χρῆσασθαι). Из дру-

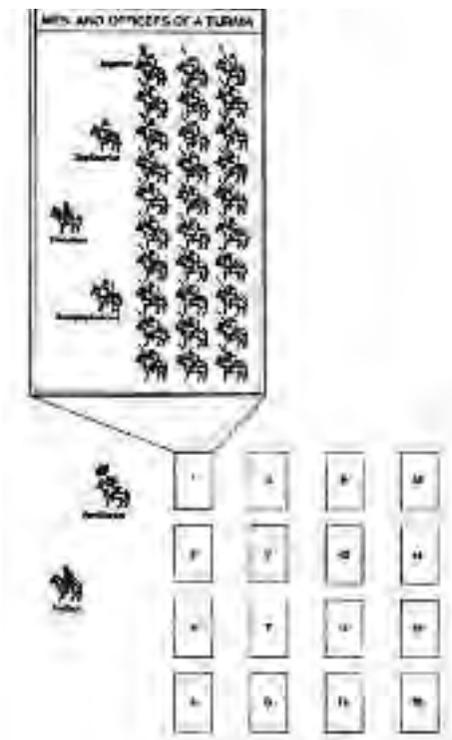

Рис. 14. Организационная структура обычной пятосотенной римской алы (ala quingenaria) из 16-ти турм по 32 (с декурионом 33) всадника в турме. Командир алы – префект. По: Nyland 1993. P. 148.

гих источников мы также знаем о том, что военные регуляции Адриана ставили цель приблизить военные тренировки к боевым условиям: *militem quas bellum immineret exercuit* (HA. Nadr. 10.2, cf. Dio 69.9.3 и комментарий самого Адриана в надписи из Ламбезиса: ILS 2487, fr. C b.2–3), где он хвалит легата Катуллина за его поощрение в состязаниях *quae verae dimicationis imaginem asserpit*.

²⁷⁵ Слово *ἐπελαύνουσιν* («атакуют») в данном случае противопоставлено слову *ἀκροβολισμός* («метанию») (Lammert 1931. S. 53).

²⁷⁶ Контосы – обычное оружие сарматских кавалеристов (Agr. Tact. 4.3; 4.7). Впервые на вооружении римских всадников упоминаются у Иосифа Флавия, первая кавалерийская часть контариев создана Траяном ок. 108 г. *Ala I Ulpia contariorum* находилась в провинции Верхняя Паннония летом 133 г. (CIL XVI.76).

²⁷⁷ Ср. атаку римской конницы в битве с британцами у Тацита (Ann. 14.37): «ринулись на неприятеля и всадники с копьями наперевес, смявшие преграждавших им путь и оказавших сопротивление» – *et eques protentis hastis perfringit quod obvium et validum erat*.

- ²⁷⁸ Буквальный перевод – «переносят контос через голову». Согласно словарю Лидделла–Скотта (LSJ s.v. ὑπερέλισσω): whirl round above one's head, κοιτοῦς Агг. Таст. 43.2. Тот же смысл в переводе Ф. Кихле: drehen die Lanzen (Spieß) über dem Kopf herum (Kiechle 1965. S. 105; Junkelmann 1996. S. 92), и Дж. Де-Вото: twirling their poles over [their] head (DeVoto 1993. P. 94). Я не представляю, каким образом всадник может крутить над головой (и зачем?) тяжелый контос. Слово ὑπερέλισσω редкое, я перевел его как «развернуть (контос)» к новому противнику, возможно, перекидывая при этом контос наконечником вверх через голову коня с одной стороны на другую. Ср. рекомендации казачьего Устава («Рубка и колония чучел») 1875 г.: «Если противник преследует всадника и угрожает уколом пики с тыла, то [...] можно повернуться в седле налево-назад, перенести копьё через голову лошади и с круговым движением пики спереди-назад отбить направленное для укола копьё» (цит. по: Медведев 1993. С. 43). Сам текст дает минимальную информацию. Но отмеченный маневр, на мой взгляд, свидетельствует о том, что контос разворачивали, держа его в обоих руках. A heavy and long pike could not be so manipulated as it needed two hands to wield it (Hyland 1993. P. 154). Отмечу, что всадник при подобных манипуляциях никак не мог держать повод в левой руке – тезис, на котором особенно настаивает А.В. Симоненко в своем упорном отрицании возможности двуручного хвата пики (Симоненко 2002. С. 111–113).
- ²⁷⁹ Этот маневр следует трактовать как поворот на 180°; таким образом щит защищал всадника от первого неприятеля, а контос разворачивался вместе с конем и всадником против неприятеля, атаковавшего с тыла (Hyland 1993. P. 155–157).
- ²⁸⁰ А. Холдер дает возможные варианты кельтского слова: οτολοῦτερον, тотоῦλερον (Holder 1962. Sp. 1883). Кельтская этимология неясна, сам термин обозначает маневр по отражению атаки неприятеля с тыла. Ранее Арриан связывал тактику конных контофоров с сарматами (Агг. Таст. 4.3; 4.7), в данном случае он приводит кельтский термин, что может означать кельтскую традицию. При *толутегоне* кавалеристы показывают новый для римлян способ атаки с контосом, взятым «наперевес для удара» (κοιτοῦς... ὀρθοῦς ὡς εἰς προβολὴν φέρουτες). По мнению Ф. Кихле (Kiechle 1965. S. 104–105), здесь воспроизводится атака по «алано-сарматскому способу» (Агг. Таст. 4.3; 4.7), о чем свидетельствует и сходство действий сарматских и кельтских контофоров, о которых Арриан говорит, перечисляя нововведения Адриана в кавалерии (Таст. 44.1). А.К. Нефёдкин считает отличительной чертой кельтских контофоров использование ими щита и одноручной пики (Нефёдкин 1999а. С. 183. Прим. 61). Я бы не стал на том основании, что маневр носит кельтское название, противопоставлять технику боя алано-сарматов и кельтов (об этом: Перевалов 2007г. С. 146–147), тем более, в «Диспозиции» (Агг. Ект. 17) упоминаются щиты (и панцири) аланских всадников, среди которых были и контофоры (Ект. 31).
- ²⁸¹ Некоторые усматривают в указании на традиционный характер предыдущих упражнений подтверждение теории происхождения «гиппика гимнасия» от Троянских игр, *lusus Troiaе*, описанных Вергилием (Аен. 5.548–593). По-

следнее спорно (Junkelmann 1993. S. 107. Anm. 203). Здесь важно другое: указание на специфическую черту римской культуры, отличающую её от греческой. Известно, что классический греческий тип войны основан на агональном (соревновательном) начале. Для греков состязания оставались в сфере спорта; римляне же сделали их частью военной подготовки. Именно воинские упражнения считались почтенным, достойным римлянина занятием, в противоположность греческому пристрастию к палестрам и гимназиям (Cic. Tusc. Disp. 4.33; см. также: Tot. Am. 14.20.4; Lucan 7.270 sq.; Plut. Quaest. Rom. 40. 274 D)» (Махлаюк 1999. С. 69).

²⁸² Военная политика Адриана предусматривала для сохранения боеспособности в условиях мирного времени систему соревнований и упражнений. При этом император сам показывал пример доблести и выносливости (НА. Nadr. 10.1, 4; ср. Dio 69.9.2–3). См. Махлаюк 1999. С. 69; Махлаюк 2000а. С. 107.

Предьдущие кавалерийские упражнения (Agr. Tact. 34–43) существовали в римской армии и до Адриана. Лишь в Tact. 44.1–2 Арриан перечисляет реформы правящего императора Адриана: внедрение новой техники стрельбы из лука по типу парфянских и армянских лучников, повороты и контратаки сарматских и кельтских контофоров, разнообразие приемы метания с коней, и предписания, направленные на придание большей зрелищности всему представлению; здесь же говорится о разрешении каждой племенной группе в *auxilia* пользоваться воинскими кличами на родном языке. Ф. Кихли (Kiechle 1965. S. 126) подчеркивает новизну предписаний Адриана, состоявшую в том, что впервые римляне решили адаптировать военную практику народов, не находящихся на римской службе (ср.: Wheeler 1978. P. 357).

О специальных военных установлениях Адриана (в увязке с такими же Августа и Траяна) сообщает Вегеций: Veg. 1.8 (*Augusti et Traiani Hadriani constitutionibus*); 1.27 (*divi Augusti atque Hadriani constitutionibus*). Согласно спорному мнению Г. Дельбрюка, в эпоху принципата «реформы, предпринимавшиеся тем или иным императором, в частности Адрианом, имели лишь регламентарный характер, ничего не меняя по существу в тактике» (Дельбрюк 1994. II. С. 132). По мнению Ф. Ламмерта, эти реформы имели целью модернизацию римской армии при переходе от тактики метания пилумов с последующим мечевым боем (*die Taktik mit Pilumwurf und Schwertkampf*) к более мобильной тактике с широким использованием метательного оружия, связанного и с облегчением защитного вооружения (Lammert 1931. S. 2).

²⁸³ «Варварские упражнения» для римских всадников по образцу парфянских и армянских гиппотоксотов, о которых говорится в Agr. Tact. 44.1, по всей видимости, представляли круговые повороты в отличие от крутых, под углом, поворотов контофоров (Bosworth 1977. P. 234). По словам Помпея Трога (в передаче Юстина), парфяне использовали старую скифскую тактику ложного отступления (Rompr. Trog. 41.2.44–9): «Оружие у парфян (такое же), как и у их предков, и у скифов... (7) Парфяне не умеют вести бой в правильном строю и брать крепости путем осады. Сражаются они на конях, то направляя их прямо на противника, то поворачивая назад; часто они даже как будто обращаются в бегство, так как при этом преследующие обычно становятся менее осторожны и их легче ранить. (8) [...] Долго сра-

жаться они не могут; поистине, они были бы неодолимы, если бы их стойкость была такой же, как сила их натиска. (9) По большей части в самом разгаре битвы парфяне покидают поле сражения, а немного спустя после битвы от бегства снова переходят к нападению, так что, когда ты вполне уверен, что ты уже победил, именно тогда приходится выдерживать решающий бой. (10) Защитой для самих воинов и их коней служат чешуйчатые кольчуги, которые покрывают все тело и всадника и коня» (Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского под ред. М.Е. Грабарь-Пассек).

Освоение римлянами новой эффективной манеры стрельбы из лука, наряду с тактикой лобовой атаки контофоров – еще одна тенденция II века, особенно проявившая себя со времени Траяна. Ныне известно не менее восьми сформированных при этом императоре новых когорт стрелков (*cohortes sagittariorum*), носящих название *Ulpia* в честь Траяна (Bosworth 1977. P. 245). В армии Арриана, выступившего против аланов, из девяти конных когорт (*cohortes equitatae*) не менее пяти имели лучников: петрейцы (Agr. Ekt. 1), итурейцы (Ekt. 1; 18), киренейцы (Ekt. 1; 3; 18), боспоранцы (Ekt. 3; 18), нумидийцы (Ekt. 3; 18). (Bosworth 1977. P. 237.).

²⁸⁴ Ср. тактику алано-сарматских контофоров в Agr. Tact. 4.3; 44.7. М.И. Ростовцев сопоставлял это Аррианово описание поворотов ἀποστροφή и ἐπιστροφή сармато-кельтских контофоров с изображениями всадников на керченских фресках (Ростовцев 1914. С. 340). Парадоксальным образом он связывает их маневры с умением «пользоваться своим метательным (sic!) оружием при всяком положении подвижного, хотя и закованного в панцирь, корпуса». Такого же рода ошибку допустил В.Ф. Гайдукевич, рассматривающий контосы на древках всадников из Стасовского склепа 1872 г. как метательные копья, снабженные метательным кожаным ремнем (*amentum*) (Гайдукевич 1949. С. 418). Арриан не приводит подробностей посадки всадника, получившей в литературе название «сарматской», но мы можем привлечь сюжеты с изображениями римских контариев на стенах II в. н.э. (Kiechle 1965. S. 104. Taf. 10,2; Перевалов 1999в. С. 74. Рис. 4). Судя по положению правой руки, ухватившей древко в задней части, всадник левой рукой – неясно видимой на фотографии – снизу удерживает контос посередине древка в той манере, которая воспроизведена на пантикапейских фресках и на фризах косикского сосуда (Перевалов 1999в. С. 72. Рис. 2). Поскольку цивилизованным народам сложно было добиться той выучки, которой достигали кочевники, адаптация тяжелой сарматской кавалерии на римской почве испытывала затруднения (Eadie 1967. P. 173). Видимо, это послужило причиной того, что, начиная с Марка Аврелия, римские императоры стали тысячами включать сарматов в свое войско (Dio Cass. 71.16.1–2). Основные моменты в дискуссии о сарматской посадке см. в прим. 55 к Agr. Tact. 4.3.

²⁸⁵ Геты – часть фракийского племени, обитали к северу от Дуная, на территории современной Румынии. Ретийцы – народ смешанного происхождения, обитавшие на территории современного северного Тироля.

²⁸⁶ 136/137 г. н.э. Праздник «двадцатилетия» (*vicennalia*) начинался 13 декабря 136 г. по календарю императорского культа. По мнению Э. Уилера, «Так-

тика» написана именно к этому юбилею (Wheeler 1978. P. 354; Rance 2007. P. 195). В этом сомневается Босворт (Bosworth 1993. P. 259–260), отмечая, что описание маневров дается Аррианом в общих выражениях, без указания на конкретное событие.

Обращаясь (ниже) мыслями к древней Спарте, Арриан, тем не менее, отдаёт предпочтение сегодняшнему дню, эпохе Адриана. Оптимизм и приверженность идее прогресса были в принципе присущи Арриану, что отражалось и в других произведениях, например, в его «Кинегетике» (Stadter 1980. P. 58–59).

²⁸⁷ Стихи Терпандра с Лесбоса (fr. 6 Bergk = fr. 4 Diehl), творившего в Спарте в начале VII в. до н.э. Важно отметить, что в качестве идеала Арриан берет не классический образ Спарты как военизированного тоталитарного государства, а ранний – до «спартанской революции VI века» – ее период, когда военная доблесть уравновешивалась духовным развитием. В XX веке такой же выбор был сделан А.И. Марру: «Конечно, я не менее любого другого ощущаю величие Спарты, но я утверждаю, что великой она была, пока была прекрасной и справедливой, в золотые дни, когда там, по словам Терпандра (fr. 35), цвели «доблесть юношей, гармоническая Муза и справедливость, идущая широкой стезей, мать прекрасных подвигов», когда гражданские добродетели и военная мощь уравновешивались улыбкой человечности, сиявшей в лукавой грации спартанских девушек и изяществе их украшений из слоновой кости. Спарта стала ожесточаться, лишь когда начался ее упадок» (Марру 1998. С. 47). Пристрастие спартанцев к Музам отмечает Лукиан («О пляске», 10): «Во всех своих делах спартанцы прибегают к Музам вплоть до того, что даже воюют под звуки флейт, выступая мерно и с музыкой в лад» (пер. Н.П. Баранова).

«ДИСПОЗИЦИЯ ПРОТИВ АЛАНОВ»

- ¹ Поскольку конные разведчики имеют своего начальника (ἡγεμόν), они составляли особую часть, *numerus exploratorum* (Ritterling 1902. S. 370). Их численность точно неизвестна. А.К. Нефёдкин считает, что разведчиков «могло быть в войске 24–30» (Нефёдкин 1999а. С. 179. Прим. 1), но аргументацию не приводит, и цифра выглядит заниженной. Такого порядка численность имели разведчики более мелких подразделений: например, в *coh. XX Palmugenorum*, расквартированной в Дуре-Европос, перечислены 15 «разведчиков», из них пять – «пеших», *pedites* (Dixon, Southern 1992. P. 32). Исходя из обычной численности *numerus* примерно в 200 человек (MacMullen 1980. P. 452, 454, ср. Luttwak 1974. P. 122: 300 men?), отряд конных разведчиков в армии Арриана мог состоять из сотни–другой всадников (см.: Reuter 2001. S. 439). Псевдо-Гигин (*Ps.-Hug. De mun. Castr.* 24.30) пишет о 200 разведчиков для военного лагеря на 2 легиона с большим количеством вспомогательных войск (Fiebiger 1909. Sp. 1691; по подсчетам К. Гилливер, в такой армии было не менее 53 000 человек: Gilliver 1999. P. 86). Все части авангарда, перечисленные в *Ekt.* 1–2, состоят из одних конников, включая солдат смешанных когорт (Петрейской, I и IV Ретийской, Киринейской). Это ясно из начальных слов *Ekt.* 3: «Пехота движется за ними», т.е. перечисленными ранее конными отрядами.
- ² Всадники III Ульпиевой Петрейской миллиарной конной когорты лучников, *coh(ors) III Ulpia Petraeorum miliaria equitata sagittariorum*. Конные когорты в римской армии были смешанными боевыми единицами. В миллиарной (тысячной) когорте по штату числилось 240 конных на 760 пеших (*Ps.-Hug. De mun. Castr.* 26–27), в квингенарной (пятисотенной) – вдвое меньше: 120 на 360 (Cichorius 1900. Sp. 235; Davies 1971. P. 752). К. Гилливер, основываясь на Псевдо-Гигине, насчитывает 800 человек пехоты и 240 конницы для миллиарной конной когорты, 480 пехоты и 120 конницы для квингенарной, но добавляет, что реальная численность, восстанавливаемая по документам, могла значительно отклоняться в ту и другую сторону (Gilliver 1999. P. 25). Ср. у А. Хиланд (Nyland 1993. P. 78): 128 всадников для квингенарной и 256 для миллиарной когорты, но здесь за основу приняты цифры греческих тактиков, полу-

Рис. 15. Походный порядок армии Арриана (Ект. 1–10).
По: Нефёдкин 1999а. С. 187. Ср.: Le Bohec 1989. Pl. XXVI. II. 2.

чаемые в результате последовательного удвоения элементарных боевых единиц. Поскольку всадниками командуют декурионы, а не префект (командир) когорты, считается, что у Арриана была вексилляция когорты (Cichorius 1900. Sp. 324). Местом дислокации coh(ors) III Ulpia Petraeorum miliaria equitata sagittariorum к началу V в. н.э. (время составления Notitia Dignitatum) была Метита (Not. Dign. Or. 38.27), к югу от места дислокации XII Громноносного легиона Милитены, близ совр. Тилло (Wheeler 1991. P. 506).

Всадники конной (смешанной) когорты иногда представляли в качестве «конных пехотинцев». Данные «Диспозиции» не подтверждают эту версию:

в маршевой колонне всадники когорты маршируют вместе с всадниками ал, не с пехотой когорт или легионов. Конники *coh. equitata*, в сравнении с всадниками ал, имели худшее вооружение и худшую подготовку, поскольку начинали службу в пехоте и лишь позднее переквалифицировались в конных. Соответственно, всадники конных когорт получали меньшее жалование (Davies 1971. P. 761).

- Арриан дает названия подразделений в сокращенной форме, опуская номер и дополнительные названия: по мнению Э. Босворта (Bosworth 1993. P. 265), в данном случае он следует стилистике Ксенофонта в «Киропедии» (5.3.34–45).
- ³ II Ульпиева Аврианова ала, *ala II Ulpia Auriana* (Ritterling 1902. S. 361). Упоминается в *Not. Dign. Or.* 38, 22, и в двух надписях: латинской (CIL. III. 6743) и греческой (AE. 1968. 1970. 528). В рукописи *Ἐπιληση την ισαυριανοι*, на основании чего название читалось как «ила исаврианов (исаврийцев)». Это чтение, вполне доказательно отвергнутое Гротефендом (Grotefend 1867. S. 22), время от времени вновь появляется на страницах печати: Wachrach 1973. P. 127; Dent 1974. P. 571. По штату обычная, квингенарная ала (кавалерийская часть) насчитывала 480 всадников и 544 лошади, милиарная – 1008 человек и 1104 лошади (Cichorius 1894. Sp. 1227). Принимается и цифры (с привлечение данных греческих тактиков) в 512 коней для квингенарной и 768 для милиарной алы (Hyland 1993. P. 78; Коннолли 2000. С. 224). По данным *Not. Dign.* (38.22) *Ala II Ulpia Auriana* располагалась в лагере Даскуза (Dascusa) к северу от Милитены, близ Евфрата (вопросы местоположения см.: Chapot 1960. P. 208; Wheeler 1991. P. 506 f.).
- ⁴ IV Ретийская конная когорта, *coh. IV Raetorum equitata* (Cichorius 1900. Sp. 327; Ritterling 1902. S. 369). Развёрнутое обозначение когорты даётся Аррианом для того, чтобы не спутать её с другой – И ретийской когортой. В начале V в. дислоцировалась в Аналибе, Малая Армения (*Not. Dign. Or.* 38.28).
- ⁵ I Августова парная ала колонов, *ala I Augusta gemina Colonorum* (Ritterling 1902. S. 361; ср.: Chapot 1960. P. 209–210). Колонисты из Шиаки в Малой Армении (Chiaca: *Not. Dign. Or.* 38.21), совр. Шермук (Chermuk). Интерпретация лат. надписи префекта алы Секста Корнелия Декстера (CIL. VIII. 8934) даёт основание полагать, что всадники алы сражались против иудеев в ходе восстания Бар-Кохбы 132–135 г. (De-Voto 1993. P. 121. *Not.* 3). Термин *κολωνία*, лат. *colonia*, употреблялся в античности наравне с другими синонимами (апойкия, катойкия, клерухия и т.д.) для обозначения поселений латинских колонистов со статусом муниципия или цивитас (городской общины) (Mason 1974. P. 108–110).
- ⁶ Точному отождествлению не поддаются. Поскольку в *Ekt.* 18 упоминаются итурейские пешие стрелки, можно предполагать наличие в армии Арриана конной когорты итурейцев, например, *coh. Ituraeorum (sagittariorum) equitata* (Cichorius 1900. Sp. 306–307), с номером I или III (Davies 1971. P. 754). Итурейцы – первоначально арабские племена, обитавшие между Ливаном и Антиливаном.
- ⁷ Всадники III Августовой Киренейской конной когорты лучников, *coh. III Augusta Cyrenaica sagittariorum equitata* (Ritterling 1902. S. 364). Пехотинцы когорты упоминаются в *Ekt.* 3; 14; 18.

- ⁸ I Ретийская конная когорта, coh. I Raetorum equitata (Ritterling 1902. S. 369). Не меньше трёх солдатских надписей из Евмении (Великая Фригия, римская провинция Азия, ныне Иштикили в северо-западной Турции) свидетельствуют о пребывании там I coh. I Raetorum equitata около времени правления Антонина Пия (138–161 гг.). Поскольку в Notitia Dignitatum (Or. 38), среди войск, подчинённых *dux Armenia*, эта когорта отсутствует, она, вполне возможно, не была частью каппадокийской армии (*exercitus Cappadocicus*), и была лишь временно привлечена Аррианом для конкретной экспедиции против аланов (Ritterling 1927. P. 31–32)
- ⁹ I Германская милиарная конная когорта, coh. I Germanorum miliaria equitata. Риттерлинг (Ritterling 1902. S. 364–365) ошибочно заключил, что кельтами греческие авторы первых веков н.э. всегда называли германцев, а самих кельтов – галатами. Ошибка исправлена Ф. Кихле, который привел примеры обозначения кельтов и германцев их собственными именами (Kiechle 1965. S. 114. Anm. 18). Вероятно, в нашем случае речь идет о кельтах (галлах) из провинции Верхняя Германия (*Germania Superior*). Базировалась в Сизиле (Not. Dign. 38.30), между Саталой и малоазийским Никоподем
- ¹⁰ Префект лагеря (*praefectus castrorum*), назначавшийся из старших центурионов, примипилов, отвечавший, между прочим, за снабжение легиона (Veg. 2.10, см. также Tac. Ann. 12.38.3; 13.36.1)). Обычный термин для принципата: *στρατοπεδάρχης* (Mason 1974. P. 13, 87). Примечательно, что Арриан использует не транслитерацию латинского *centurio* греческими буквами (*κεντουρίων* – слово, хорошо известно по другим источникам), а его греческий эквивалент – *ἐκατοῦτάρχης*. Последнее говорит о сознательной стилизации и архаизации «Диспозиции».
- ¹¹ Принцип расположения римских войск на марше таков: впереди следуют вспомогательные (до I в. до н.э. – союзнические) части правого фланга, за ними легионы, в арьергарде вспомогательные войска левого фланга. Такой порядок движения описывал еще Полибий. «Обыкновенно во главе движения римляне ставят отборных [из числа союзников – С.П.]; за ними следует правое крыло союзников в сопровождении обоза тех и других. Дальше, сопровождаемый собственным обозом, едет (sic!) первый легион римлян; за ним следует второй легион со своим обозом и с пожитками тех союзников, которые поставлены в тылу армии; движение замыкается левым крылом собзников. Что касается конницы, то частью она идет в тылу отрядов, к коим соприсчислена, частью следует по бокам вьючных животных для того, чтобы держать их в сборе и защищать от нападений» (Plb. 6.40.4–7. Пер. Ф.Г. Мищенко). Ср. схожий походный порядок Метелла в Югуртинской войне (Sall. Jug. 46.7).
- ¹² Когорта италийцев далее упоминается в Ekt. 13, италийские всадники – в Ekt. 9. Видимо, в войске Арриана была конная когорта под таким именем. Вероятнее всего, это I Итальянская милиарная конная когорта, coh. I Italica miliaria equitata (Davies 1971. P. 754; Ср. Ritterling 1902. S. 365; Bosworth 1977. P. 232. Not. 62). Карьерная надпись П. Валерия Приска (CIL. VI 3654 = AE. 1974. No. 226) упоминает должность трибуна I италийской когорты римских граждан-волонтеров в Каппадокии (*trib[un]o coh[or]is I Ital[icae] [miliariae] Volunt[ariorum] c[ivium] R[omanorum] in Cappad[ocia]*).

- ¹³ Пехота III Августовой Киренейской конной когорты лучников (см. прим. 7).
- ¹⁴ I Боспоранская милиарная конная когорта лучников, coh. I Bosporiana (Bosporanorum) miliaria sagittariorum equitata (Cichorius 1900. Sp. 255; Ritterling 1902. S. 363–364; Chapot 1960. P. 218). Пешие лучники боспорцев упоминаются в Ekt. 18, всадники подразумеваются среди «собственных всадников» вспомогательных войск (Ekt. 4). Около 69–71 гг. составляла часть гарнизона провинции Азия (Ritterling 1927. P. 30). Позднее квартировалась в Араураке (Not. Dign. Or. 38.29), к западу от Саталы.
В литературе иногда встречается недопонимание статуса когорты боспорцев, которых относят к «боспорским» солдатам, действующим совместно с армией Арриана в качестве «союзников» (Гайдукевич 1949. С. 334; Алексеева 1988. С. 81). На деле у Арриана речь идет о регулярной части римской армии. Недоразумение проистекает из неправильной трактовки названия «боспорская», являющейся прозвищем, но никак не обозначением государства.
- ¹⁵ I Нумидийская (номадов) конная когорта, coh. I Numidiarum equitata (Ritterling 1902. S. 368; вариант: coh. III Numidiarum: Cichorius 1900. Sp. 320). Пешие стрелки номадов упомянуты в Ekt. 18.
- ¹⁶ Вер (не Берос, как в переводе А.К. Нефёдкина: 1999а. С. 176), поскольку в слове угадывается латинское *verus*. См. соответствующую подборку имени *Verus-Vῆρος*: RE. II Reihe. XVI Hbb. 1958. Sp. 1690.
- ¹⁷ Т.е. всадники упомянутых выше (Ekt. 3–4) четырех конных когорт. Старое чтение Шеффера Ἀχαῖοι (вместо οἰκέοι) на основе рукописного Ἀκέτοι, отвергнутое еще Гротефендом (Grotefend 1867. S. 25) воспроизведено вновь в переводах Б. Бахраха (Bachrach 1973. P. 128) и Э. Дента (Dent 1974. P. 571).
- ¹⁸ Особое подразделение «отборных всадников», состоящее из отличившихся бойцов вспомогательных войск (*auxilia*), набранных «по одному», своего рода конная гвардия легата Каппадокии, *equites singulares consularis* (Ritterling 1902. S. 370). Численность могла составлять от сотни и выше. Ср. подсчеты К. Гиллевер для армии из двух легионов с приданными *auxilia*: 600 *equites singulares* на 53 532 чел. (Gilliver 1999. P. 86). Арриан в очередной раз применяет терминологию греческих тактических трактатов к римской армии: *legio* becomes *φάλαγξ*, *singulares* ἐπιλεκτοί (2) and so on (Mason 1974. P. 16).
- ¹⁹ Греческие авторы обычно использовали для обозначения римского легиона другие слова: *στρατόπεδον* (Plb. 1.16.2; Dio Cass. 23.2); *τάγμα* (Plut. Luc. 7); *τέλος* (Suid. s.v. ὑπό οἰ). Но слово «фаланга» считалось македонским эквивалентом лат. *legio* (Isid. Orig. 9.3.46) и вполне возможно, что Арриан употребил этот термин под впечатлением от предыдущей работы над «Анабасисом» Александра (Bosworth 1977. P. 249). Светоний (Ner. 19.2) сообщает, что Нерон, готовясь к походу на Восток, назвал вновь набранный легион «фалангой Александра Великого». В легионе насчитывалось 120 всадников (Jos. BJ. 3.6.2): при Траяне легионная конница, похоже, была упразднена, но затем восстановлена Адрианом в том же составе (Ле Бозк 2001. С. 31, 69).
- ²⁰ *Legio XV Apollinaris* (XV Аполлонов легион), размещенный в Сатале (Малая Армения). Знамя легиона – золоченый орёл (*aquila*). Историю легиона см.: Wheeler 2000; Перевалов 2007б. С. 7–9.

- ²¹ Известен по надписи из Аримина на адриатическом побережье Италии как M. Vettius M. f. An(iensis) Valens (CIL. XI. 383; см. Ritterling 1902. S. 361).
- ²² Вероятно, префект легиона (praefectus legionis: Mason 1974. P.95), которым становился обычно примипил – центурион высшего ранга (Veg. 2.9). Хорошей иллюстрацией к штабу XV легиона у Арриана является подобное же описание войск Вителлия у Тацита (Hist. 2.89.2): «Перед орлами шагали префекты лагерей, трибуны и первые центурионы первых десяти манипул» (пер. Г.С. Кнабе).
- ²³ «Тысячники», соответствуют военным трибунам (по шести в легионе). См.: Mason 1974. P. 99.
- ²⁴ Должность центурионов первой, усиленной, когорты была наиболее почетной (Veg. 2.6). В ней было пять центурионов, в остальных девяти когортах легиона – по шести.
- ²⁵ Legio XII Fulminata (XII Громоносный легион), располагавшийся в Мелитене. Историю легиона в Каппадокии см.: Перевалов 2007б. С. 5–7. Как ясно из текста, XII легион был не в полном составе, возможно, из-за задержки какой-то его части в Иудее, где только что завершилось кровавое подавление восстания Бар-Кохбы в Иудее 132–135/6 гг. (Bosworth 1977. P. 233. Not.66). Командир легиона не назван (отсутствует), численно он уступает XV легиону (Ekt. 15). Сомнительно предположение Э. Дента (Dent 1974. P. 571), что легионом командовал сам Арриан. Наличную численность XII легиона К. Гилливер определяет в 2000 (Gilliver 1999. P. 48; ср. Ле Бокэ 2001. С. 40–41). Таковыми были обычные легионные вексилляции. Но поскольку при XII легионе было знамя, можно предполагать его большую численность. А.К. Нефёдкин без всякой необходимости поправляет источник, заявляя, что значок (σημεῖον) означает тут не орла легиона, как в § 5, а знамя вексилляции, как в § 3» (Нефёдкин 1999а. С. 181. Комм. 30). Текст абсолютно ясен: «значок двенадцатой фаланги, т.е. легиона (τὸ σημεῖον τῆς δωδεκάτης φάλαγγος)», из этого и надо исходить.
- ²⁶ Перечислены союзнические контингенты (τὸ συμμαχικόν, *symmachiarii*), не относящиеся к постоянной римской армии в Каппадокии (*exercitus Cappadocicus*), а представляющие собой ополчения племен и городов, находящихся под властью Рима: жителей Малой Армении, входившей тогда в провинцию Каппадокия, города Трапезунта на южном побережье Черного моря, колхов (жителей Колхиды) и ризианов из долины реки Ризий (ср. Arr. *Peripl.* 7.2). Уже Пелхэм (Pelham 1895. P. 636) предположил, что Арриан привлек дополнительные силы населения тех территорий, которым непосредственно угрожало аланское нашествие. О вспомогательных войсках в Каппадокии (всего ок. 11 000) во времена Адриана см.: Cheesman 1914. P. 159 f. Существование формирований, не входящих в регулярные части каппадокийской армии (т.е. в легионы и *auxilia*), подтверждают и другие источники. Автор биографии Адриана (NA. *Nadr.* 13.7) сообщает о мобилизации императором «рабского контингента» (*servitia*), возможно – у местной аристократии (Magie 1950. II. P. 1483). В надписи в честь П.Элия Аммония (P. Aelius Ammonius) при Гордиане III (IGR I 623 = Dessau 8851), он назван ἡγησάμενος στρατιωτικῶν ἐν παρατάξει Ἀρμενιακῆ στρατιωτῶν

ἐπαρχείας Καππαδόκων, т.е. предводителем армянской военной милиции «каппадокийской епархии». Тот факт, что среди «союзников» Арриана имелись «лонхофоры» и гоплиты, говорит о том, что перед нами – вполне подготовленные, с профессиональной выучкой воины (ausgebildete Soldaten), представляющих часть местной политической организации – племени, полуса (Gallies 1965. S. 171).

²⁷ Малая Армения – территория в восточной Анатолии к западу от Евфрата, включённая в состав провинции Каппадокия в 72 г. н.э. О принадлежности этого контингента к иррегулярным войскам *symmachiarii* в римской армии см.: Mommsen 1910. S. 150. Anm. 1; Enßlin 1938. P. 365; Gallies 1965. S. 170. Неизвестен род оружия союзного отряда из Малой Армении (Arr. Ekt. 7; 14), входившей в провинцию Каппадокию: судя по их месторасположению в бою (на фланге, среди легковооруженных, под прикрытием гоплитов, Ekt. 14), они представляли собой легкую пехоту метателей или лучников (Bosworth 1977. P. 237). Другой армянский отряд под командой Васака и Арбела (Ekt. 12; 29) состоял из конных лучников (τοξόται), и почти наверняка – из Великой Армении (Mommsen 1910. S. 148; Gallies 1965. S. 168). Дальнебойное оружие было основным средством борьбы с противником: в армии Арриана из девяти конных когорт (*cohortes equitatae*) не менее пяти имели лучников: петрейцы (Arr. Ekt. 1), итурейцы (Ekt. 1; 18), киренейцы (Ekt. 1; 3; 18), боспоранцы (Ekt. 3; 18), нумидийцы (Ekt. 3; 18) (Bosworth 1977. P. 237.).

²⁸ Трапезунт – известный греческий город, милетская колония, на южном побережье Черного моря. Упоминается Аррианом в «Перипле Понта Евксинского»: «мы прибыли в Трапезунт, эллинский город, расположенный на море, колонию синопцев, как говорит известный Ксенофонт» (Arr. Per. 1.1).

²⁹ Ризианы – копьеносцы из маленького городка Ризия на реке с тем же названием по восточному берегу Черного моря.

³⁰ Слово «аплайицы», Ἰ Απλανοί, читается неясно и идентификация отряда аплайицев вызывает затруднения. Он марширует вместе с союзниками, состоит из тяжелой пехоты и выполняет в бою функции, аналогичные пехоте киренейской конной когорты (Ekt. 14) из вспомогательных войск (*auxilia*). Предлагались различные варианты исправления названия аплайицев (Grotefend 1867. S. 26; Ritterling 1902. S. 365). Как казус можно воспринимать сейчас чтение первого издателя «Диспозиции» И. Шеффера (Schefferus 1664. P. 121) Ἰ Αλανοί, «аланы». Т. Моммзен исправлял Απλανοί πεζοί на Ἰ Απουληανοί (Silberman 1995. P. 25. Not. 11, в критическом аппарате Roos-Wirth отсутствует). В карьерной надписи П. Валерия Приска (CIL. VI 3654) упоминается должность префекта I апаменойской когорты лучников, расквартированной в Каппадокии (*praef[ecto] coh[ortis] I Apamen[orum] sa[git]tariorum in Cappad[ocia]*). Однако предложение видеть в «аплайицах» искаженную форму апаменойцев (Ἰ Απλανοί *stux qui cache* Ἀπαμνηοί: AE. 1974. No. 226) не проходит, ввиду того, что аплайицы представляли отряд не стрелков, а гоплитов (Ekt. 14). Наиболее вероятно отождествление аплайицев с когортой, которая при Августе находилась в Трояде (Малая Азия) и именовалась *cohors Arula*, а во времена *Notitia Dignitatum* стала назы-

- ваться *cohors Apuleia* (так в рукописях), *cohors Apuleia c(ivium) R(omanorum)*, находившаяся в Гиссипорте на берегу Черного моря (Not. Dign. Or. 38.34) (Cichorius 1900. Sp. 241; Bosworth 1977. P. 233; см. также АЕ. 1974. 1978. No. 226).
- ³¹ Т.о., Секундин занимал пост префекта союзников (*praefectus symmachiariorum*).
- ³² I Ульпиева Дакская ала, *ala I Ulpia Dacorum* (Ritterling 1902. S. 362). Располагалась в Суиссе, к западу от Саталы (Not. Dign. Or. 38.23). Упомянется также в надписи: СЛ. VI. 1333 (Chapot 1960. P. 211). Геты – фракийское племя, обитавшее к северу от Дуная, на территории современной Румынии. Их смешение с даками – неточность эллинистических авторов.
- ³³ II Галльская ала, *ala II Gallorum* (Ritterling 1902. S. 362). По данным Not. Dign. Or. 38.24, находилась в Элиане (место не идентифицировано).
- ³⁴ Всадники I Итальянской конной когорты, чьи пехотинцы (Ект. 3) идут в авангарде (прим. 12).
- ³⁵ Иларх галатийской (II Gallorum) илы/алы; предположение, что подразумевается иларх и ила италиейцев (Cichorius 1894. Sp. 1258) признано ошибочным (Ritterling 1902. S. 366).
- ³⁶ Флавий Арриан, наместник провинции Каппадокии (*legatus Augusti pro praetore provinciae Cappadociae*). Арриан неоднократно подчеркивал в своих произведениях близость своему «омониму» – старшему Ксенофонту Афинскому (Arr. *Syneget.* 1.4 и др.), позже его охотно называли «младшим Ксенофонтом» (Фотий, Суда). По мнению Ф. Стадтера (Stadter 1967) Ксенофонт было действительное имя (*cognomen*) Арриана, а полная номенклатура имени должна иметь вид: (Луций) Флавий Арриан Ксенофонт. Однако в надписях с именем Арриана прозвище Ксенофонт не встречается. Вероятнее признать, что Арриан вывел себя в «Диспозиции» под литературным псевдонимом (Bosworth 1977. P. 248; Ameling 1984). Тем самым мы еще раз убеждаемся, что «Диспозиция» – не подлинный военный документ, а литературная стилизация.
- ³⁷ Подсчет численности войск Арриана производился неоднократно. Обычно называется цифра в пределах 20 тысяч человек (Nicasie 1998. P. 203), разные подсчеты дают цифру от 11 до 28 тыс. человек (см.: Перевалов 2006б. С. 333, ср.: Нефёдкин 1999а. С. 174).
- ³⁸ Аналогичным образом поступал Ксенофонт в походе «десяти тысяч» (Хеп. *Anab.* 5.8.13–25). Автор II века Полиэн пишет практически то же в своих «Стратегемах» о знаменитом ахейском военачальнике: «Филопмен не считал, что хорошему стратегу подобает идти впереди фаланги, но то среди первых, то среди последних, часто же и в середине, проезжая верхом на коне и всех воодушевляя, всегда исправляя неудачи» (Polyaen. *Strat.* 6.4.1. Пер. под ред. А.К. Нефёдкина).
- ³⁹ Д. Де-Вото (De Voto 1993. P. 122) вычисляет следующий маршрут похода: от Кесареи, главного города провинции Каппадокия, через Малую Армению к восточному побережью Черного моря вблизи Фасиса (современный Потти на реке Риони). Думается, более прав Д. Браунд, полагавший, что причерноморское побережье не входило в орбиту аланских нашествий. По его мне-

нию аланы, пробиваясь через Иберию, двигались на юг и восток; на запад же они начали продвигаться только тогда, когда достигли южных отрогов Малого Кавказского хребта. И дело было не только в том, что они избегали встреч с римскими войсками, хотя и это соображение могло иметь место. Скорее же, по соображениям чисто географическим, любое войско, сконцентрированное в Иберии, с большей легкостью и более оперативно могло предпринять наступление в южном и восточном направлениях, чем в западном. Аланы могли представлять собой опасность для Парфии, Армении и для южных подступов к Каппадокии, но для Колхиды угроза с их стороны была куда менее серьезна» (Браунд. 1991. С. 40). Подробнее об маршруте аланского набега: Перевалов 2006б. С. 328–332.

⁴⁰ О важности выбора ровного места для битвы см.: Филон Александрийский 1999. С. 257: «во время войны пехота и конница обыкновенно сражается не посреди холмов: ведь места сражения в случае их негодности могут, пожалуй, причинить ущерб больший, чем тот, что наносят друг другу противники».

⁴¹ В античной военной теории и практике рано оценили преимущества от использования высот на местности. Уже с IV в. до н.э. словом *dexios* стали обозначать «возвышенность», «превосходность» и «правый» (т.е., сильный), фланг (Wheeler 1999b. S. 534). Удобство возвышенной позиции при метании отмечал Т. Ливий: «Кроме доблести, им (римлянам – С.П.) было на пользу и возвышенное положение, при котором все их дротики и копья падали не впустую, как бывает на ровном месте, но от собственной своей тяжести все вонзались в цель» (Liv. 7.23.8. Пер. Н.В. Брагинской; подробнее: Жмодиков 2001. С. 48). Идея занятия возвышенностей в гористой местности теоретически сформулирована еще Онасандром (Кучма 2001. С. 361). Вегеций так писал об этом: «На находящихся внизу копья падают сильнее, и с большей стремительностью сторона, стоящая выше, гонит тех, кто с трудом поднимается вверх против нее. Тот, кто идет вверх по склону, ведет двойной бой – и с местом и с врагом» (Veg. 3.13. Пер. С.П. Кондратьева). Ср. действия метателей с высот в Ekt. 25.

⁴² Холмистая местность, описанная в «Диспозиции», хорошо соответствует природным условиям Армении, в частности – географии Саталы, место лагеря XV Аполлонова легиона, лежащего на перекрестке стратегических дорог северо-восточной Анатолии (Mitford 1974. P. 165; Bosworth 1976. P. 66; Bosworth 1977. P. 234).

⁴³ Этот контингент армян, отличный от союзников из Малой Армении (Ekt. 7), прибыл, скорее всего, из Великой Армении, в которой император Адриан (117–138) восстановил царскую власть и которая была захвачена аланским нашествием. См. Mommsen 1910. S. 148; Gallies 1965. S. 168. Факт участия войск из Великой Армении на стороне римлян позволяет определить личность царя Вологеса, упомянутого Кассием Дионом. «Как только закончилась Иудейская война, тотчас другая была поднята из [страны] аланов (они же массагеты) Фарасманом, сильно опустошила Албанию и Мидию, а Армению и Каппадокию только затронула. Затем, когда аланы были умиротворены дарами Вологеса с одной стороны, и испугались правителя

(ἄρχοντα) Каппадокии Флавием Аррианом – с другой, [война] прекратилась» (Dio Cass. 69.15.1 = Te.12 Roos). Армянский царь, чьи войска вместе с Аррианом сопротивлялись нашествию в возможном столкновении с аланами, вряд ли мог быть Вологесом, откупившийся от аланов дарами. Следовательно, у Диона упомянут парфянский Вологес III. Совместные действия наместника римской Каппадокии и вассального Риму царя Армении вполне логичны. По наблюдению Д. Браунда, клиентские «дружественные Риму государства представляли границы империи» (Braund 1984. P. 182), царям которых Рим обязывался оказывать помощь. Трудно представить, что армянский царь одновременно сражался и покупал мир (так у А.К. Нефёдкина: Нефёдкин 1999а. С. 174). Кроме того, вышеупомянутый Вологес обращался в Рим с жалобой на Фарасмана, пропустившего аланов (Dio Cass. 69.15.2). Но армянского царя Арриан защитил, изгнав аланов из Армении и дойдя до Каспийских ворот Дарьяла (Them. Or. 34.8), так что оснований для жалобы у него не становилось.

Поскольку Великая Армения подверглась нашествию аланов, её войска действовали вместе с римскими под общим командованием римского офицера (префекта) Пульхра (Ekt. 13). Инструкции Арриана отводят немаловажную роль армянским лучникам как при обороне, так и при преследовании противника. В целом характеристика Арриана соответствует сложившимся представлениям о военных приоритетах армян. Как лучники, армяне были известны и раньше – еще в эпоху Митридата Евпатора (121–63 гг. до н.э.) (См. Виноградов 1989. С. 254–255).

Стоит заметить, что армянский контингент не упомянут в предшествующем перечне отрядов, составляющих походный порядок (Ekt. 1–9). Не присоединился ли он непосредственно перед битвой?

⁴⁴ Т.е. не имеющие доспехов.

⁴⁵ Арриан использует технику рассказа для интересующихся тактикой непрофессиональных читателей, объясняя смысл построения (Stadter 1980. P. 49).

⁴⁶ Это место Я. Ле Боэк понимает таким образом: «Основу боевого порядка составляли легионеры, выстроенные в восемь шеренг, причем *самые тренированные стояли справа*» (Ле Боэк 2001. С. 211; курсив мой, см. также: Табл. XXX. В). Текст не дает оснований для подобной интерпретации.

⁴⁷ τὸ ἄκρον τοῦ [κέρως] τοῦ ἀριστεροῦ я перевожу как «край, оконечность» (левого холма), но не «вершина (?) левого крыла» (Нефёдкин 1999а. С. 177); ср.: the extreme left of the wing (Gilliver 1999. P. 179). См. у Э. Уилера о совмещении понятий «левый (правый)» фланг и «возвышенность» (Wheeler 1999b. S. 534).

⁴⁸ Как видим, Арриан намерен применить не расчлененный (по когортам или манипулам) боевой порядок, а сплошной в виде фаланги в плотном построении. Построение в три линии (acies triplex) с интервалами между манипулами или когортами считалось типичным построением для римлян, отличающих их от греков. Э. Уилер (Wheeler 1979) привел примеры длительного использования римлянами именно построения фалангой. Проблема фаланги у римлян имеет отношение к проблеме характера сражения в римскую эпоху. В частности, в последнее время историки склонны подчеркивать индивидуаль-

ный характер боя, более широкое (чем считалось ранее) использование метательного оружия и др. См. Sabin 2000. P. 4 ff. При оценке построения фалангой у Арриана важно отметить, что плотное построение в 8 рядов не имеет цели организовать давление задних (с 5 по 8-ю) шеренг на передние, следуя рекомендациям греческих военных писателей (Plb. 18.30.4; Ascl. 5.2). Из описания следует предполагать свободное расположение четырех задних шеренг. А вот первые четыре шеренги должны сохранять «плотный» порядок, т.е., иметь, в соответствии с рекомендациями тактиков (Plb. 18.30.6) и Вегеция (Veg. 3.72) по 3 фута на человека. В более разреженном построении римский легионер занимал, как можно понять из описания Полибия (Plb. 18.29–30), шесть футов. Общее предположение: «римляне использовали прагматичную систему расстановки линий и предпочитали усиливать или сменять уставшие подразделения свежими, а не увеличивать максимально изначально ведущую бой линию» (Sabin 2000. P. 8).

- ⁴⁹ Слово «контос» в данном месте исследователи переводят по-разному. По мнению ряда ученых (напр.: Jähns 1979 [1880]. T. I. S. 252; Parker 1958. P. 251; Vachrach 1973. P. 129), «контос» не что иное, как пилум (pilum) – тяжелый дротик с длинным наконечником, типично римское оружие, используемое для метания. Э. Уилер (Wheeler 1979. P. 312) считает, что речь идет об обычном копье (hasta) с коротким наконечником. Я принимаю перевод и объяснение Босворта (Bosworth 1977. P. 240; см. также Darkó 1935. P. 459; Dent 1974. P. 572; Stadter 1980. P. 46–47; Campbell 1987. P. 26): первые четыре шеренги легионеров состояли из пикинеров (контофоров), задние четыре – из копьеносцев с метательными копьями. Такое построение наиболее логично при отражении атаки тяжелой кавалерии. Ф. Ламмерт также считает контос вариантом длинной пики (eine der Pike ähnliche Waffe: Lammert 1931. S. 26) и приводит аргументацию: инструкции Арриана предусматривали использование контосов первыми шеренгами, которые, в отличие от задних четырех шеренг лонхофоров, не метают, а направляют только для метания, его обычный эквивалент в греческом – ὑστός (Strabo 10.1.12. P. 448). Техника метания пилума не до конца ясна, но предполагается, что легионеры перед броском делали выпад, что вряд ли было возможно при том плотном построении (ὡς ἐνι πικιότατος), который применяют первые три–четыре шеренги в Арриановой диспозиции. Онасандр (Onas. 17) рекомендует этот способ (ἐξ ἐπιδρομῆς) для легковооруженных дротикометателей (ἀκοντισταί). Вегеций (Veg. 3.14) достаточно ясно говорит, что первая и вторая шеренги в легионе должны находиться на расстоянии в 6 футов, чтобы бойцы имели возможность сделать выпад вперед и затем отскочить: «ведь при выпаде копья мечутся сильнее с разбегу» (vehementius enim cum saltu cursuque tela mittuntur). Между тем фаланга Арриана применяет «плотное» построение, которое еще уплотняется при отражении неприятельской атаки (Ekt. 26).

Аналогом пехотных контосов в их использовании является македонская сарисса, но контос, хотя и длинный, был значительно короче: только три пики, как следует из дальнейшего описания, достают врагов, тогда как в македон-

ской фаланге таких пик было минимум пять (Plb. 18.30.1–4; Arr. Tact. 12.7–10, ср. Ascl. Tact. 5; Ael. 14.3).

О делении пехотинцев каппадокийской армии на контофоров и копыеносцев (λουχοφόροι) сообщает во второй половине II в. Лукиан (Alex. 55).

⁵⁰ Это место, объясняющее особенности пик, явно свидетельствует о том, что «Диспозиция» рассчитана не столько на военных специалистов, сколько на широкого читателя (Stadter 1980. P. 46).

⁵¹ Это место имеет значение для определения того, что такое контосы римских легионеров. Аналог ли это кавалерийской пики? Как следует из дальнейшего описания, римские пехотинцы первых шеренг имели щиты (Ekt. 26), что как будто говорит за то, что контосы управлялись одной рукой. С другой стороны, если аланские конники были вооружены контосами (Ekt. 31), чья длина могла составлять 3,5–4,5 м (Скобелев 2004. № 4. С. 89; Перевалов 2007 г. С. 144), а боевая часть могла доходить до 3/4 всей длины, то инструкции римским легионерам должны были это как-то учитывать. Тот факт, что контосы первой шеренги были нацелены на груди коней, может свидетельствовать в пользу того, что 4-метровые контосы, взятые одной рукой за середину, не доставали до всадника. В общем, вопрос следует считать открытым.

⁵² В рукописи после οἱ δὲ следует лакуна приблизительно в 20 букв до слова ὑπεροστάται (см. критический аппарат в издании Roos–Wirth). В одном из изданий «Диспозиции» (Müller 1846) этот пробел был проигнорирован, в результате чего появилось слово δευτεροστάται («стоящие во второй шеренге»), искажающее смысл данного места. Босворт, изучавший в 1975 году рукопись, предложил вместо ὑπεροστάται читать ὑστεροστάται («позади стоящие»). В настоящем переводе принята эта поправка. Реконструкция Босвортом недостающего текста такова: οἱ δὲ <τῆς δευτέρας τάξεως ἐπὶ τοὺς ἰπποτάς αὐτοὺς τιθέντων τοὺς κοιτούς> ὑστεροστάται δὲ [καὶ] οἱ τῆς τρίτης καὶ τετάρτης κτλ., «те же <из второй шеренги> держат пиками в самих всадников», а стоящие дальше» и т.д. (Bosworth 1977. P. 238–239).

⁵³ Арриан использует для обозначения шеренги не термин *δζυγον*, «связка» (ζυγόν), как в первой части «Тактики», а *таксис*, «строй» (τάξις).

⁵⁴ Босворт предлагает перевод «нанесение удара в выпад» (Bosworth A.B. *Arrian and the Alani*. P. 241), полагая, что обычное значение слова ἀκόντισμος – «метание» – не подходит для ситуации боя в плотном построении с использованием тяжелых контосов. Все же ничего невероятного в этом нет. Страбон (10.1.12. P. 448) отмечал, что контос, как любой вид копья годится как для рукопашного боя, так и для метания. Διττὴ γάρ ἢ τῶν δοράτων χρήσις, ἢ μὲν ἐκ χειρός, ἢ δ' ὡς παλτοῖς· καθάπερ καὶ ὁ κοιτὸς ἀμφοτέρας τὰς χρεῖας ἀποδίδωσι καὶ γὰρ συστάδην χρώμεθα καὶ κοιτοβαλοῦντες· ὅπερ καὶ ἡ σάρισσα δύναται καὶ ὁ ὕσος. См. Lammert 1931. S. 26.

⁵⁵ Обычно словом *θυρέος* (лат. *scutum*) обозначался продолговатый щит (от *θύρα* – «дверь»), который носили пехотинцы (Albert 1887. P. 1254). Для конницы использовался круглый или овальный щит, образцы можно видеть у сарматов на арке Галерия из Салоник (Ростовцев 1914. С. 333; 1913. Атлас. Табл. XXXVI.1; 2). По мнению А.М. Хазанова (1971. С. 62), основанному на сообщении Тацита (Hist. 1.79), щиты у сарматов могли иметь лишь лег-

ковооруженные всадники, но не катафрактарии. Во фразе в одном перечне стоят рядом щиты и панцири, но сказать с полной уверенностью, что одни и те же всадники были и панцирниками, и щитоносцами, нельзя, хотя такая интерпретация вероятна.

⁵⁶ Слова катаφράκτω и θώρακι стоят в одном падеже (dat. sg) и в известном смысле дублируют друг друга, из-за чего Г. Герхер (Hercher 1885) исключил первое слово. Я оставил слово «катафракт(а)» в переводе, приняв его за уточняющее слово. Панцири (θώρακες) аланских контофоров-катафрактариев, скорее всего, были чешуйчатыми, как свидетельствуют источники того времени – Павсаний в «Описании Эллады» (1.21.5–6), и рельефы сарматских (?) всадников на колонне Траяна в Риме (См. Eadie 1967. Pl. X. 1) – сделанными из металла или рога.

⁵⁷ Это место традиционно считают (Нефёдкин 1999а. С. 182. Прим. 49) доказательством того, что пехотный контос у Арриана – не что иное, как pilum, о котором известно, что его длинный наконечник специально делался незакаленным, чтобы он загибался, воткнувшись в щит неприятелей (особ. Caes. BG 1.25.3–4). С учетом литературного характера «Диспозиции» предпочтительнее видеть в этом известный топоним μαλακότης τοῦ σιδήρου (Lammert F. 1931. S. 61). Э. Босворт сближает контос с сариссой (Bosworth 1977. P. 242; 1993. P. 270. Not. 224) и дает иное объяснение: речи нет о том, что наконечник специально делали мягким, но он не всегда может пробить броню или щит. Э. Уилер полагает, что речь идет об обычной римской hasta (Wheeler 1979. P. 311. Not. 40).

⁵⁸ Лонха (λόγχη), лат. lancea, А.В. Махлаюк переводит как «длинное метательное копьё» (Махлаюк 2000а. С. 108). Согласно «Диспозиции» Арриана, ланцеи имела половина легионной пехоты, стоявшей в задних рядах боевого порядка, с пятой по восьмую (Ekt. 18). Замена пилумов ланцеями осуществлялась с I в. н.э. (Lammert 1931. S. 22; Parker 1958. P. 251), и вызвала корректировку терминологии. Видимо, самое раннее упоминание ланцей у легионеров встречается у Тацита в описании событий 69 г. (Tac. Hist. 1.79.3). По Светонию (Domit. 10.3) Саллюстий Лукулл, легат в Британии был казнен «за то, что ланцеи нового образца он позволил называть Лукулловыми» (quod lanceas novae formae appellari Luculleas passus esset). Другие свидетельства о ланцах у Светония (Claudius 35.1, Galba 18.1), Веллея Патеркула (2.80.3), Вегеция (3.14). Замена пилумов на ланцеи, видимо, была связана с возрастанием роли метательного оружия при принципате, позволявшем поражать противника на расстоянии (Wheeler 2001). Тяжелый пилум метали на 30 м, ланцеей с метательным ремнем (amentum) – на 80 м (Lammert 1931. S. 25). У каждого воина было по несколько ланцей: для III в. н.э. мы имеем из Апамеи три надгробия с изображением солдат II Парфянского легиона – lanchiarii, двое из которых несут пять, а один – четыре копьей (lanceae). См.: Wheeler 1997b. P. 577.

Структура Арриановой фаланги, включающей два разряда легионеров (конто- и лонхофоры) ставит важный вопрос о когортной организации в легионах Ранней империи. Фаланга, предназначенная для боя с аланами, выстроена в одну линию и не имеет интервалов между своими подразделениями. В литературе существует мнение о том, что легионная когорта вообще исчезла к

этому времени (Parker 1958. P. 249, 258). Информация Арриана о глубине фаланги в восемь человек позволяет иначе трактовать вопрос. В античности проблема перехода от маршевой колонны к боевой линии находилась в соответствии с шириной колонны и глубиной фаланги, что отражено в работах тактиков (Ascl. Tact. 11; Ael. Tact. 36–37; Arr. Tact. 28–29). В I в. н.э. легионеры Веспасиана маршировали по шесть человек в ряд (Jos. BJ 3.124; 5.48); такой же должна быть и глубина построения манипулы и когорты (Kromayer 1928. S. 269, 289, 429; Wheeler 1979. P. 312). Один ряд в боевой линии (или шеренгу на марше) составлял контуберний (contubernium): поскольку со времени Полибия в манипуле было 60 человек, следовательно, контуберний и в эпоху Флавиев состоял из тех самых шести человек. В «Диспозиции против аланов» картина другая: пехота марширует по 4 человека в ряд, а строится в фалангу глубиной в 8 человек (4 пикейщика + 4 копьеносца). Принцип организации рядов и шеренг не изменился (4 человека в ряду колонны, делая четверть-оборота направо или налево, образовывали ряд в фаланге), но усложнился из-за разделения легиона на два рода пехоты равной численности (пикейщиков и копьеносцев), располагавшихся в затылок один за другим и на марше, и в боевой линии. В эпоху Марка Аврелия центурия состояла из 80 человек, а контуберний – из 8-ми (Ps.-Hygius. 1): надо думать, что эта ситуация существовала уже в 130-е гг. В таком случае ряд в восемь человек в фаланге Арриана и будет составлять контуберний, разделенный на две половины по 4 человека в каждой в соответствии с родом оружия – контофоры или лонхофоры (несколько позже о делении каппадокийской армии на контофоров и лонхофоров писал Лукиан: Luc. Alex. 55). На марше ширина колонны в четыре человека (Arr. Ekt. 4) определяется именно числом солдат в половине контуберния. Э. Уилер предполагает, что впереди шли когорты контофоров, за ними – когорты лонхофоров. При строе фалангой стоящая первой когорта контофоров из 480 человек имела фронт в 120 тяжеловооруженных, но глубина фаланги удваивалась за счет пристраивавшихся с тылу к контофорам когорт лонхофоров и достигала 8 человек. Поскольку фаланга считалась наилучшим средством борьбы с конницей восточных народов, реформа когортной организации и модернизация римской фаланги могли иметь место до Парфянской войны Траяна (114–117 гг.). Тот факт, что именно на это время падает составление трактата Элиана «Тактическая теория», знаменует рост интереса римского общества к традициям эллинистической фаланги (Wheeler 1979. P. 313). Показательно, что греческие военные писатели I–II вв., даже при обращении к греческой военной истории подчеркивали практическую значимость своих трудов (см. Перевалов 1999г).

⁵⁹ Фаланга в данном случае – плотный боевой строй тяжелой пехоты из обоих легионов. «Машинами» (μηχαναί) Арриан называет катапульты, упомянутые ранее (Ekt. 5), а, возможно, и другие механизмы, используемые для метания стрел и камней. Согласно позднему автору Вегецию, на легион по штату приходилось 55 карробаллист (катапульта) и 10 агнаров-камнемётов (Veg. 2.25). Ср. с данными Иосифа Флавия, согласно которым у Веспасиана под Иерусалимом в 67 г.н.э. на три легиона приходилось 160 метательных машин (Jos. BJ. 3.166).

- ⁶⁰ Илы – четыре алы перечисленные выше, лохи – видимо, отряды всадников из конных когорт. В походной армии Арриана имелось девять конных когорт, но когорта киренейцев не в полном составе (Ekt. 3) и их всадники могли быть включены в лох итурейцев; всего, таким образом, было восемь лохов. (Bosworth 1977. P. 249–250).
- ⁶¹ В рукописи пропуск или лакуна в две буквы.
- ⁶² Действия этой части конницы см. в Ekt. 31 (отражение обходного маневра неприятельской конницы).
- ⁶³ Телохранители – не бенефициарии (постоянная личная свита при полководце), как считал Риттерлинг (Roos; Wirth 1968. P. 183. Apparatus criticus), а временная охрана из легионариев (Speidel 1974. P. 544; Bosworth 1977. P. 250). Предполагается, что половину из них (т.е. сотню) составляли лонхофоры (Ekt. 23), другую половину – контофоры (Bosworth 1993. P. 267). Ф. Стадтер считает, что в практике выделения отряда телохранителей (bodyguard) для резерва сказалось влияние изучаемой Аррианом военной практики Александра, имевшего агему гипаспистов (Stadter 1980. P. 48; cf. Bosworth 1977. P. 251; 1993. P. 267).
- ⁶⁴ Лакуна в 9–10 букв. В принципе возможна утрата и большего числа букв, если предположить, что причиной лакуны был не стертый текст, а пропуск нечитаемого места переписчиком (Bosworth 1977. P. 251. Not. 146; Pavkovic 1988. P. 22–23), см. комментарий А. Рооса: Nonnunquam spatium litterarum nonnullarum vacuum reliquit, sive quod eis locis quid codex ab eo descriptus exhiberet dispicere non potuit, sive quod is ibi lacunulis laboravit (Roos; Wirth 1968. P. XXI). Лакуна по-разному заполняется исследователями. Поскольку за ней следует ...ας ἑκατὸν κοῦφων λοῦχοφόρων – «сотня легковооруженных лонхофоров», Э. Босворт, исходя из своей теории о разделении легионеров Арриана на контофоров и лонхофоров, предполагает, что в стертом тексте имелось указание на сотню конτοφόροι (Bosworth 1977. P. 251). М. Павкович считает, что к легионерам не может относиться слово «легковооруженных» (κοῦφων), и считает, что копыеносцы-лонхофоры представляли собой отряд отборных ауксилиариев, *pedites singulares*, а могло принадлежать слову φρουρά – «стража», *guard unit*: φρουράς ἑκατὸν etc. (Pavkovic 1988. P. 22). Д. Де-Вото (DeVoto 1993. P. 118, 122. Endn. 12) восстанавливает в лакуне имя «Ксенофонт», как наиболее вероятное (seems to make the best sense).
- ⁶⁵ Боевой порядок Арриана, по мнению Э. Босворта в целом разительно напоминает построение Александра в битве на р. Яксарт в 329 г., и может быть свидетельством не только знакомства Арриана с историей Александра, но и того, что «Анабасис» был уже написан к этому времени. Общими его чертами являются: использование пехотной фаланги, длинных пик (у Александра – сарисс), широкое использование метательных средств, включая катапульты, организация преследования и т.д. (Bosworth 1977. P. 252; Stadter 1980. P. 48).
- ⁶⁶ Буквально: «клич Эниалию», греческому богу войны (см. II. XVII.211). А.К. Нефёдкин (1999а. С. 184. Прим. 73) предлагает разные объяснения того, что собой представлял этот клич: 1) или римские легионеры грекоязычного Востока действительно призывали Эниалия; 2) или фраза навеяна образами Ксенофонта; 3) или под Эниалием подразумевается латинский Квирина. Не

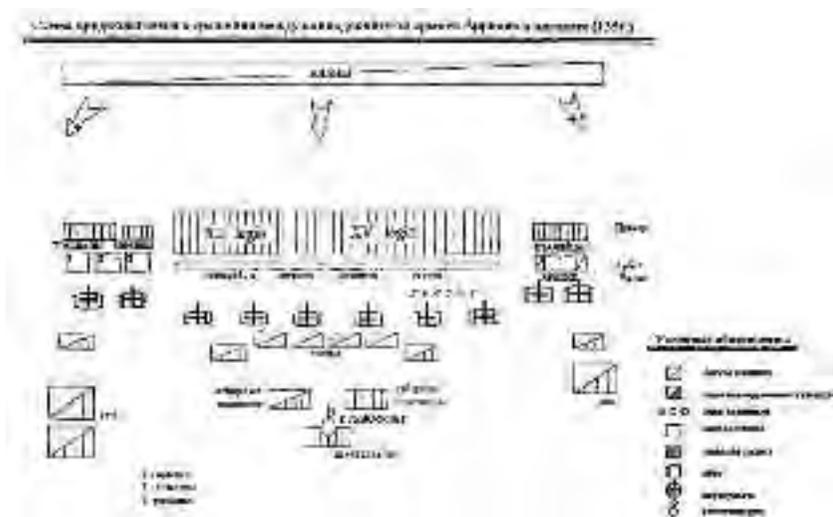

Рис. 16. Боевой порядок армии Арриана (Arr. Ekt. 12–24). По: Нефёдкин 1999а. С. 188. Уточнение: конница второго эшелона, стоящая на флангах, кроме лучников, должна быть повернута фронтом к флангам (Ekt. 21).

думаю, что римляне взывали именно к греческому богу войны, поскольку словом «эниалий» позднее обозначали боевой клич вообще: христианская армия византийцев возглашала его еще в X в. (Leo. Diac. 1.3; комментарий: Лев Диакон 1988. С. 169). Есть основания полагать, что здесь имеет место типичная для Арриана переключка греко-македонской истории (ключ Эниалию испускают войска Александра: Arr. Anab. 1.14.7) и римской действительности (об этом: Stadter 1980. P. 221. Not. 10). В одном из фрагментов Арриана есть схожее место, в котором «со стороны неприятелей был издан клич Эниалию»: Ἀρριανός· οἱ δὲ τῷ Ἐνυάλῳ ἀλαλάξαντες ἐναντίοι ἐφέροντο (Suid. s.v. Ἐνυάλος· = Roos, Wirth II. 1968. P. 288). Позднее Лукиан (Корабль или Пожелание. 36. Пер. Н.Н. Залесского) упоминал о кличе «Эниалий» среди греков: «неприятели готовятся к нападению. Так пусть кличем будет “Эниалий”, и вы по трубному знаку с криком «алала», ударив копьями в щиты, спешите сойтись с противниками, быстро пройдя на расстояние выстрелов: этим мы избежим ран, не дав неприятелям поражать нас издали».

Интерес Арриана к Эниалию отражен в сюжете о получении Ареем, богом войны, прозвища Эниалия, в «Вифиниаке» (Vith. 14 Roose): «Придя во Фракию, место обитания Эниалия, Арей пожелал, чтобы тот принял его. Но Эниалий не захотел принять его, говоря, что он не принимает никого, кто не был бы сильнее его в бою. И Аполлон ему: “самое время для тебя принять меня, ибо я утверждаю, что сильнее тебя в бою”. Когда Эниалий отверг это, они схватились и после долгого боя Эниалий был убит Аполлоном, поражен

его оружием, широким фракийским мечом. Поскольку Арей совершил свой великий подвиг еще молодым человеком, он назвался Эниалием».

Место Агг. Таст. 25 с подготовкой воинов к метанию, кличем «а-ля-ля!» в честь Эниалия, и последующим описанием действия метателей, почти повторяет Ксенофонта (Анаб. 5.2.14–15): «в то же время полетели снаряды, дротики, стрелы, камни из пращей и очень много камней, брошенных от руки» (пер. М.И. Максимовой), и т.д.

⁶⁷ В тексте † *θειασταί*. Слово испорчено, восстанавливается (*θυρεαφόροι* Müller) и переводится предположительно. У Р. Герхера (Hercher 1885) – *πελτασταί*, «пельтасты», то же чтение принимают Дж. Де-Вото (DeVoto 1993. P. 122. Not. 13) и А.К. Нефёдкин (1999а. С. 184. Прим. 74).

⁶⁸ По изобразительным источникам римские копьеносцы (ланцезарины) первых веков н.э. имели от трех до пяти ланцей (Wheeler 1997b. P. 577; Нефёдкин 2002е. С. 219). Кроме того, как указывает Ливий, метательное оружие могло многократно использоваться в бою путем подбора с земли (Liv. 10.29.6; cf. Sall. BJ 58.3), причем «безусловно, не разбирая, свое или вражеское» (Жмодиков 2001. С. 52). Подробнее: Zhmodikov 2000. P. 75 f.

⁶⁹ Ср. схожее место у Вегеция: «Метательные снаряды, пускаемые с высоты [...] падают сильнее на находящихся внизу. Стрелы, пускаемые из луков, камни, брошенные руками, ращами или фустибалами, летят тем дальше, чем выше то место, откуда они брошены» (Veg. IV. 29. Пер. С.П. Кондратьева).

⁷⁰ Обозначение аланов как «скифов» вызвано архаизирующей направленностью произведения.

⁷¹ План на битву, изложенный Аррианом, ставит вопрос о роли метательного оружия в римской армии. Судя по этому описанию, метательный бой во II в. н.э. имел большее значение. В эпоху республики, по распространенному мнению, тактика римской пехоты состояла из предварительного метания пилумов и последующей атаки легионеров с мечами (Lammert 1931. S. 1 ff.).

⁷² Место, судя по всему, испорчено. Э. Босворт предполагает лакуну, не отмеченную в издании Roos–Wirth (1968). Ранее (Ekt. 16) говорилось, что первые четыре шеренги вооружены контосами, а здесь четвертая шеренга метает копья (*λόγχας*). По Босворту (Bosworth 1977. P. 240) после слова *τὴν τετάρτην* – «четвертая (шеренга)» должно идти описание действий четвертой шеренги, пропущенное переписчиком. Метание копий поверх голов относится к действиям копьеносцев в пятой и последующих шеренгах (см. Ekt. 17). См. также Dent 1974. P. 572. Реконструкция Босворта: *τὴν τετάρτην δὲ <ὑπερέχειν τοὺς κοίτους, εἴ ποτε ἰππότας τινὰς καταβάλλοιεν, μηδὲ ὄρβους ἀνατείνειν, ὡς καὶ τοῖς λογχοφόροις ἐξείη> ὑπερακοντίζειν τὰς λόγχας*.

⁷³ Принимается поправка Босворта (Bosworth 1977. P. 240) в соответствие с текстом рукописи F («третья» шеренга вместо «первой»).

⁷⁴ Ранее я предлагал перевод «колет» (ср. Ekt. 17). Точнее «бьет и метает». Э. Босворт выступил с поправкой относительно своего предположения, будто бы слово *ἀκοντίζειν* возможно переводить иначе, чем «метать» (Bosworth 1993. P. 271).

⁷⁵ Из описания ясно, что в открытом бою с противником основным тактическим приемом у аланов была лобовая атака по центру катафрактариев, во-

оруженных пиками, с целью прорыва вражеской линии. Этот прием, как было сказано, отличал аланов и савроматов от использующих преимущественно лук и стрелы армян и парфян (Арг. Такт. 4.3; 4.7 ср. Тас. Ann. 6.35). Для эффективной борьбы с ним Арриан рекомендует строить легионы глубокой фалангой в 8 шеренг (Ekt. 15–16, ср. Такт. 11.2), фланги, состоящие из союзников и вспомогательных войск, размещать на холмах (Ekt. 12–14), конницу – в тылу и вводить в бой для организации преследования или предупреждения флангового обхода (Ekt. 27–28). Главная надежда римлян в бою – на массивированный обстрел дротиками, из луков и катапульт атакующего противника, далее – на стойкость первых шеренг фаланги, применяющих уплотненное построение (Ekt. 25–26) (О тактике легионной фаланги см. Wheeler 1979. P. 303–318.).

⁷⁶ Э. Босворт (Bosworth 1977. P. 252. Not. 154) ставит слова «если [среди врагов] начнется сильное бегство» (εἰ μὲν φυγὴ λαμπρὰ γένηται) в параллель словесной конструкции в «Анабасисе» (4.4.8: ἔνθα λαμπρὰ ἦδη φυγὴ τῶν Σκυθῶν ἦν) при описании битвы на р. Яксарт в 329 г. до н.э. Боевой порядок римлян по «Диспозиции» представлял плотную легионную фалангу без интервалов, в восемь шеренг, с вспомогательной пехотой на флангах, артиллерией из катапульт в тылу, и конницей во втором эшелоне, предназначен для отражения натиска аланских катафрактариев. Само построение и инструкции Арриана по организации стремительного преследования «скифов» (аланов) римской конницей при сохранении пехотой боевого порядка действительно напоминают действия Александра в битве против среднеазиатских скифов на р. Яксарт в 329 г. (Арг. Анаб. 4.4.4–8). Источником знания Аррианом тактики Александра мог служить материал, собранный им при написании «Анабасиса Александра», если принять предложенную Босвортом раннюю дату (115–125 гг.) для этого произведения. Но даже сторонник более поздней даты «Анабасиса» Ф. Стадтер соглашается, что Арриан познакомился с материалами о кампаниях Александра еще до написания «Диспозиции» и использовал их при создании своего трактата (Stadter 1980. P. 48–49).

⁷⁷ Речь идет о восьми лохах, поставленных в тылу фаланги из двух легионов (Ekt. 20).

⁷⁸ Ранее я давал иной перевод: «не все лохи, а половину: те, кто выстроены первыми, первые и атакуют» (Перевалов 2001а. С. 243), понимая место таким образом, что в погоню уходят четыре лоха из восьми, а остальные четыре следуют поодаль. Однако πάντας λόχους правильнее переводить как «целые лохи», как У А.К. Нефёдкина: «атакуют всадники не целыми отрядами, но половинами их» (Нефёдкин 1999а. С. 178; то же: Reid 2001. P. 193; Рид 2006. С. 266).

Следовательно, в погоню уходит первая половина шеренг каждого лоха. Аналогичный совет дает автор византийского (VI в.) «Стратегикона» Маврикия/Урбикия в описании т.н. «аланского» упражнения (Ps.-Maug. Strat. 12.A.7): «Если пехота отбросит находящегося перед ней неприятеля и обратит его в бегство, то кавалеристам следует приказать по определенному сигналу пройти через стоящие впереди кавалерии ряды пехоты до фронта

лохагов или передних шеренг и занять там свободное пространство; при этом кавалерии следует продвигаться вперед согласованно и соблюдая порядок, чтобы при прохождении не стеснить пехоту. Пройдя глубину фаланги одновременно, быстрым и согласованным движением, насколько это возможно, половина шеренг каждого подразделения кавалеристов, то есть те, которые расположены впереди, должны продвинуться вперед за отступающим неприятелем на расстояние трех или самое большее пяти полетов стрелы, но не далее, опасаясь засад врагов. Другая половина должна следовать за ними в уплотненном и выравненном строю, чтобы организованно принять их на себя, если, как это случается, устремившиеся вперед обратятся в бегство; пехотная фаланга также должна следовать за ними в строю» (Кучма 2004. С. 200). О связи этой части «Стратегикона Маврикия» с «Диспозицией» Арриана см.: Нефёдкин 2002б. С. 38–45; Rance 2004. Р. 277 ff.). Напротив, П.В. Шувалов относит знакомство с предтечей «аланского» упражнения к «событиям конца IV в.», «после Адрианополя» 378 г. (Шувалов 2006. С. 34, 36).

⁷⁹ Возможно, $\lambda\omicron\upsilon\chi\omicron\phi\omicron\rho\omicron\iota\ \omicron\iota\ \upsilon\mu\iota\eta\eta\tau\epsilon\varsigma$ – колхи и ризианы, упомянутые в Ekt. 7, 14 (Mommsen 1910. S. 148).

⁸⁰ Помимо фронтальной атаки, Арриан отмечает другой тактический прием аланов – обход и атака одного или обоих флангов; вышеупомянутый боевой порядок римлян предназначен и для отражения этой опасности. Поскольку этот прием наиболее эффективен при растянутом у противника фронте, аланы, как можно понять, применяли его после предварительной демонстративной (?) атаки по центру: в таком случае сосредоточенная в центре пехота не успевала оказать помощь угрожаяемым флангам, которые, чтобы не быть обойденными, растягивали и тем самым ослабляли боевую линию – в этот момент «заметившие ослабление флангов неприятели» врубаются в пехоту противника (Ekt. 30). Чтобы не допустить этого, стоящая в тылу римская кавалерия должна в свою очередь ударить во фланг самим неприятельским контофорам в момент, когда они огибают фланг (фланги) римлян (Ekt. 31). В свое время Б. Бахрах оценил действия аланов при охвате флангов как известный у кочевых народов маневр «ложного отступления» (Bachrach 1973. Р. 8–9; то же: Matthews 1989. Р. 336; Boss 1994. Р. 20). Если под последним понимать тактику выманивания противника с сильной позиции и последующей контратакой его растянутых в ходе преследования флангов, то источник не дает оснований для такой оценки. В «Диспозиции» рассматриваются два не связанных между собой варианта развития событий после отражения лобовой атаки «скифов», т.е., аланов. Первый – когда отбитые неприятели охвачены «повальным бегством» (Ekt. 27; 30) и в этом случае римляне организуют интенсивное их преследование; «скифы» могут попытаться организовать сопротивление, но не переходят в контратаку на флангах. Второй – когда они не обращаются в бегство, а лишь меняют направление атаки, сделав разворот по дуге в сторону флангов (Ekt. 30). Термин $\acute{\epsilon}\pi\lambda\omicron\tau\rho\omicron\phi\eta$, глагольная форма которого употреблена при описании маневра в Ekt. 30, означает не поворот кругом, на 180°, как было бы в случае резкого перехода в контратаку после «ложного отступления», а поворот на 90° – его упоминает

Арриан в «Тактике» (Таст. 36.5, ср. 44.1) при описании конных маневров, связанных с чередованием атак отдельными отрядами или всадниками (Kieshle 1965. S. 93.). Римская армия при этом боковым движением (но не отступлении) аланов остается на своих позициях, не втягивается в преследование, и лишь фланги, состоящие из легких войск, стараются подняться еще выше по склонам холмов. Таким образом, действия аланов в Ekt. 30–31 надо оценивать как перегруппировку их сил, но не применение тактики «ложного отступления». Стоит также заметить, что специалисты обычно приписывают прием «ложного отступления» легкой коннице (Хазанов 1971. С. 88), а в нашем случае обход производится тяжелой конницей (см.: Перевалов 1997. С. 132; Нефёдкин 1999а. С. 185. Прим. 77).

Вывод об использовании сарматами (включая аланов) обходного и охватного движений со ссылкой на косвенные источники делает А.М. Хазанов, который почему-то считает, что прямые сведения отсутствуют. «Умение действовать отдельными отрядами указывает на то, что сарматам были известны многие приемы, применявшиеся в это время парфянской конницей, как-то обход и охват, хотя источники об этом молчат» (Хазанов 1971. С. 89). Кроме ясных сведений «Диспозиции против аланов», можно указать на тактику языгов в битве на льду Дуная в 170 г. н.э. (Dio Cass. 71.7.1–5).

⁸¹ Э. Босворт (Bosworth 1993. P. 269) по-видимому, считает, что Арриан рекомендует при охвате противника растягивать свою линию за счет легких войск. То же в переводе А.К. Нефёдкина (Ekt. 30): «если, повернув по кругу, за крылья проскакать они (неприятели) захотят, то надо растянуть еще на большие возвышенности крылья самих легковооруженных стрелков; поскольку я не признаю, что враги, увидев, как ослабили крылья от растяжения, когда-либо прорвутся через них и прорубят пехоту» (Нефёдкин 1999а. С. 178, курсив мой). То же у Дж. Де-Вото (DeVoto 1993. P. 120) и К. Гилливер: If, however, the enemy wheels about and attempts to outflank the wing, the lightarmed archers are to extend the wings out to the hills. I do not think that the enemy, on seeing that the wings have been weakened because they have been extended, would thrust their way through them and break through the infantry (Gilliver 1999. P. 180).

Конструкцию οὐ δοκιμάζω μίποτε etc. я понимаю иначе, чем А.К. Нефёдкин и другие переводчики. Первое отрицание (οὐ) является частью главного предложения, а второе (μίποτε) — частью придаточного предложения в значении in prohibition, or warning, with aor. [...] with inf. for imperat. (LSJ. P. 1129, s.v. μίποτε). Таким образом, эти отрицания семантически принадлежат разным предложениям и не аннулируют друг друга, полностью сохраняя каждое свое значение: «я не одобряю [делать], чтобы никогда...» и т.д.

Я остановился на этом переводе, поскольку только он может объяснить дальнейший план предполагаемых действий римлян. Обойти фланги (Ekt. 31) «скифы» могут только в том случае, если эти фланги остаются на месте; а если бы не было обхода, римская конница, стоящая в тылу, не смогла бы ударить противнику во фланг. Так же понимает свидетельство Арриана Я. Ле Боэк, указывающий, что при обходе с фланга «Арриан рекомендует

в этом случае противостоять таким попыткам, не растягивая фронт. Чтобы блокировать такой маневр, полководец, говорит он, должен послать конницу против нападающих» (Ле Боэк 2001. С. 213). Аналогичным образом переводит Г. Рид: I do not want even the light troops to make even the slightest move to spread out on the wings. It has been learned by experience that this manoeuvre only exposes the infantry which will then be scattered easily and quickly destroyed (Reid 2001. P. 193).

Растяжение боевой линии за счет ее глубины, опасное для обороняющихся, иногда рассматривалось как более приемлемое при наступлении, когда окружение грозило противнику. Ср. описание битвы у Гелиодора (Aeth. 9): «Растягивая свои фланги влево, за счет глубины построения войска расширяя его в обе стороны и смыкая фланги, эфиопы загнали персов в круг и оставили противникам для бегства одну только тропинку, ведущую к реке» (Греческий роман. С. 461. Пер. А.И. Доватура)

⁸² Указанное место, как представляется, свидетельствует о двуручном хвате пики-контоса, поскольку, взята наперевес обеими руками, пика действительно не могла быть обращена к врагам, атакующим сбоку.

⁸³ Предложение обрывается и, по мнению Э. Босворта, на весьма важном и спорном для понимания месте. Вопрос состоит в том, была ли в аланском войске, с которым имел дело Арриан, легкая конница, не носящая доспехов. В конце сохранившейся части «Диспозиции» (Ekt.31) есть одно спорное для понимания место, где при описании флангового обхода упоминается, что «скифы» и их лошади «не защищены доспехами» – место, как будто входящее в противоречие с тем, что в Ekt. 17 говорится о панцирниках. М.И. Ростовцев видел этому два возможных объяснения: либо Арриан слабо знал своего противника и ошибался (что маловероятно), либо у аланов, помимо тяжелой конницы была и легкая, размещавшаяся в задних рядах за катафрактариями и используемая для охвата вражеской линии (Ростовцев 1914. С. 342). То же объяснение дает Р. Босс (Boss 1994. P. 19–20). А.К. Нефёдкин добавляет «социологическое» объяснение отмеченного «противоречия»: «впереди атаковали знатные всадники в доспехах, а позади них следовали конники, снаряженные легче» (Нефёдкин 2001б. С. 208). Но из текста «Диспозиции» скорее следует, что катафрактарии Ekt. 17 и «скифские» всадники Ekt. 31 – одни и те же воины. В самом деле, Арриан вначале дает инструкции легионерам в фаланге, находящимся в центре боевого построения, как отражать атаку конницы, имеющей панцири и щиты, т.е. катафрактариев (Ekt. 16–17 и 25–26), а затем та же конница, после провала атаки по центру, «сделав разворот по кругу», атакует фланги (Ekt. 30–31), держа наготове контосы – основное оружие катафрактариев. А.М. Хазанов ошибочно считает, что легкая конница сарматов имела на вооружение длинные мечи и «рубилась с коня», относя эту характеристику к всадникам из Ekt. 31 (Хазанов 1970. С. 61).

Самому выражению «скифы и их лошади не защищены доспехами...» (на этом текст обрывается) вполне удовлетворительное объяснение дал Э. Босворт, предположивший, что оборванная фраза могла иметь продолжение: : τοὺς ἵππους γυμνοὺς ἔχοντες οὐδαμοῦ, εἰ μὴ κατὰ τοὺς μῆρούς καὶ

γαστέραξ – «кони не защищены панцирями <только на бедрах и животах ...>» (Vosworth 1977. P. 236). Общий смысл фразы – указать на самые уязвимые места (бедра) конников (ср. Plut. Luc. 28).

Уязвимость катафрактариев сбоку отмечал также Плутарх (Plut. Luc. 28), что и было причиной того, что греческие тактики советовали поражать вражеских конников в места, незащищенные панцирями, доходящими лишь до колен (Tarn 1966. P. 75–76). Схожую тактику описывает Гелиодор (Heliod. Aeth. 9). «Блеммии, уже сошедшись с ними вплотную и чуть ли не на остриях копий, вдруг по сигналу присели и подлезли под коней [...] они поражали коней в живот, когда те проносились над ними, так что немало всадников свалилось. Кони из-за боли не повиновались узде и сбрасывали седоков, те лежали как бревна, и блеммии наносили им удары в бедра – не может двинуться персидский латник, если никто ему не поможет» (Греческий роман. С. 459–60. Пер. А. Доватура).

Таким образом, основная нагрузка в бою падала на тяжелую конницу, катафрактариев, совершавших как лобовую атаку, так и обходный маневр. Легкая конница, о которой Арриан ничего конкретного не сообщает, но которая, несомненно, должна была быть у аланов, поскольку из других источников (напр. Tac. Hist. 1.79) мы знаем, что доспехами у сарматов были обеспечены только аристократы, выполняла, видимо, второстепенные функции.

**РИМСКАЯ СТРАТЕГИЯ НА КАВКАЗЕ
В КАППАДОКИЙСКОЕ ЛЕГАТСТВО
ФЛАВИЯ АРРИАНА**

История воплощает собой связь прошлого и настоящего, даже когда речь заходит о глубокой древности. Прошлое – это наши источники о нём, настоящее – историография. 1970-е годы были периодом противоборства двух – «социалистической» и «империалистической» – систем, и временем обострённого интереса к стратегическим составляющим этой борьбы. В этой атмосфере появилась книга, оказавшая и продолжающая оказывать серьёзное воздействие на исследование вопросов стратегии государств древности. Эдвард Латтвак, ведущий сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, советник Пентагона, блестящий специалист в вопросах Большой политики XX века¹, обратился к событиям без малого двухтысячелетней давности – времени наивысшего могущества Римской державы. Приложив к античности понятийный аппарат современной военной науки, он сформулировал концепцию Большой стратегии для Римской империи, в которой стратегические и тактические аспекты проблемы были соотнесены с политическими². По его оценке, римская военная доктрина в своём развитии прошла три стадии или «системы»: 1) при Юлиях-Клавдиях основой военной системы были передвижные лагеря (*marching camps*) для наступательных действий как внутри, так и за пределами своих границ, прикрываемых цепью буферных «клиентских» царств; 2) от Флавиев до Северов – постоянные легионные лагеря по периметру границ для защиты римской территории, при плановой ликвидации «клиентских» царств, превращения их в провинции; 3) с 284 г. – глубокая оборона с мобильными полевыми войсками в резерве. Хотя книга Латтвака получила солидную порцию справедливой критики за излишний схематизм, использование преимущественно вторичных источников (т.е. научной литературы), излишнюю рационализацию и модернизацию римской внешней политики, его идеи оказали глубоко стимулирующее воздействие на исследования римской стратегии³ – не

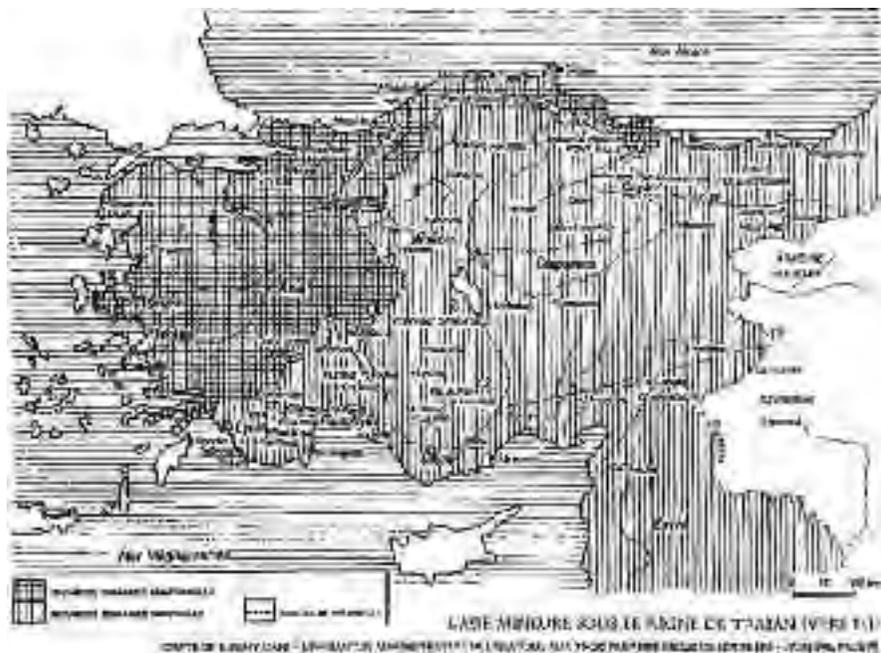

Рис. 17. Римская Малая Азия в 111 г. н.э. (указаны границы провинций).
По: Remy 1986. P. 72. Carte n° 12.

только глобальной, но и пограничной (*Limesforschung*), и почти каждая новая работа на эту тему не обходится без того, чтобы не затронуть так или иначе поднятые им проблемы. Я считаю нужным отметить в начале статьи большой вклад Латтвака в разработку вопросов римской стратегии ещё и потому, что мне в дальнейшем придётся высказать несогласие с ним по ключевым вопросам. Одним из уязвимых мест в теории Латтвака является игнорирование ситуации, сложившейся в Кавказском регионе⁴. Этот недостаток не может быть компенсирован вниманием автора к стратегической позиции Армении, рассматриваемой исключительно в контексте римско-парфянских отношений⁵.

Настоящая статья имеет целью определить характер римской стратегии на кавказском (включая территорию исторической Армении) участке восточной границы в правление Адриана (117–138), в годы каппадокийского наместничества Флавия Арриана (131–137 гг.)⁶. Время пребывания Арриана в должности *legatus Augusti pro praetore provinciae Sarradociae*⁷ имеет особое значение для изучения римской политики в этом регионе ввиду того, что сам Арриан, будучи писателем, оставил

нам свидетельства своего управления провинцией, причём наиболее интересные – в части, касающейся кавказской границы. В совокупности с другими источниками, они позволяют восстановить события с редкой для периферии античного мира полнотой и детализацией. Тем самым появляется надёжная основа для общей оценки ситуации в регионе, моделирования римской стратегии, реконструкции кавказской политики Рима, имеющей существенные особенности в сравнении с политикой на восточном направлении, в котором ведущую роль играли отношения с Парфией.

Роль личности. Арриан. Долгое время внешнюю политику Рима объясняли эффективными действиями государственных институтов – сената, исполнительной власти, императорского двора, стоящих на страже интересов римского господствующего класса, недооценивая при этом личностный фактор⁸. В современной литературе поставлен и живо обсуждается вопрос о механизме принятия (и исполнения) решений в Римском государстве – т.н. проблема decision-making⁹. Можно сколько угодно говорить об исторических предпосылках, государственных интересах, политических тенденциях, «требованиях момента», но в конечном счете всё зависит от людей. Кто принимает («делает») решения, тот делает историю. В нашем случае мы располагаем редкой возможностью познакомиться «из первых рук» с одним из таких людей, во многом определявших политику в регионе в конце правления Адриана. Это Флавий Арриан, поборник греческой культуры и римской дисциплины, крупный писатель и видный администратор, талантливый военный деятель, «человек выдающийся среди римлян» (Luc. Alex. 2). Семь лет, примерно вдвое больше обычного срока, он находился во главе Каппадокии – провинции, выдвинутой как бастион, в направлении Кавказа¹⁰. Три, переработанные из документов служебного назначения, трактата каппадокийского периода – «Перипл Понта Евксинского», «Диспозиция против аланов» и «Тактическое искусство» – позволяют составить достаточно ясное представление об их авторе. Приведу характеристику, данную биографом Арриана Ф. Стадтером. Трактаты 130-х годов, пишет он, «отражают двойное гражданство этого неординарного человека, помещают его между миром прошлого и настоящего, литературой и военным искусством, греческой любознательностью и римской компетенцией. Ксенофонт сопровождал Арриана в его обследовании черноморского побережья, эллинистический военный учебник сопутствовал в его маршевых упражнениях и проходил проверку в его лагере, тактика Александра сослужила службу в его кампании против аланов. Арриан не замыкался в славном греческом прошлом, и не бежал его; гордо и осознанно он использовал греческое наследие в своей наполненной делами жизни на службе римского императора»¹¹.

Недооценка особенностей менталитета людей римской эпохи – черта многих военных специалистов. Читая Латтвака, вступаешь в мир строгой рациональности, закономерности, которой не бывает в реальной жизни. «Стратегия» в современном смысле этого слова, как искусство планирования и проведения крупных военных операций на научных принципах появилась не ранее XVIII в.¹² Научное управление военным ведомством в современном мире предполагает систематическую работу штабных организаций разного уровня, разведывательных органов и т.д. – то, чего не было у древних стратегов. Древние понимали под *стратегией* саму полководческую деятельность (или службу): стратегическое мышление, в их понимании, определялось не законами войны, а личностью полководца¹³. Единство действий достигалось не столько включённостью в единую организацию, сколько общностью взглядов на стоящие перед ними задачи у целой плеяды людей, составляющих политическую элиту государства. Конституция Рима эпохи принципата покоилась на разделении властей, рассредоточении полномочий, общей терпимости, а принципом римской внутренней политики было: администрировать как можно меньше¹⁴. Конкретные поступки наместника провинции, командующего провинциальной армией (в ранней империи наместники обладали и военной и гражданской властью), диктовались не столько решениями вышестоящего начальства, сколько собственным мировидением.

Картина мира в понимании Арриана основывалась на убеждении в безусловном превосходстве греко-римской цивилизации. Из этого выростала идея о благодатном, умиротворяющем и цивилизующем воздействии Рима на соседние народы. Действенность такой позиции подкреплялась тем, что схожих космополитических взглядов придерживался император-филэллин Адриан, и значительная часть римского истеблишмента. Оптимизмом веет от последних строк «Тактики» Арриана, где, со ссылкой на стихи древнего поэта Терпандра, доказывается, что нынешние времена, соединившие воинский дух со справедливостью (правом), лучше древних, и Римская империя превзошла Спарту (Аг. Таст. 44.3). Выявляется и антагонист греко-римской цивилизации: варварство во всех его проявлениях. Главным фактор, определяющий отношение Арриана к людям и народам – не политический, а культурный: не Большая стратегия с постоянными интересами Рима, а расстояние, отделяющее эллина от варвара. Арриан, слушавший в молодости стойка Эпиктета, далеко ушел от этнического понимания варварства: оно сохраняло для него значение этического, культурного, социально-политического явления. Он признает наличие у варваров определенных достижений, но достижений частных. Однако и здесь римляне обладают преимуществом: «Если римляне и заслуживают похвалы за что-то еще,

помимо всего прочего, так это за то, что они предпочитают свое и родное не до такой степени, чтобы не сделать своим то хорошее, что они отбирают повсюду. Так, ты мог бы обнаружить, что стоит им перенять какое бы то ни было оружие у других – и оно уже именуется римским, потому что римляне пользуются им лучше всех: и военные упражнения они переняли у других, и курульные кресла для магистратов, и одежду с пурпурной каймой» (Arr. Tact. 33.2–3).

Арриану, как легату Каппадокии приходилось иметь дело с гетерогенным населением как внутри провинции, так и за ее пределами. Пост легата приграничной провинции требовал разнообразных качеств – военных, политических, дипломатических, с учётом близости к таким странам, как Парфия, Великая Армения, Иберия, Киммерийский Боспор (смерть правителя которого незамедлительно ставило новые вопросы, которые требовалось учитывать в своей деятельности: Arr. Per. 17.3). Интересный материал по внутренней жизни провинции и сопредельных племен доставляет «Перипл Понта Евксинского» Арриана (ок. 132 г.)¹⁵, построенный на противопоставлении эллинских и варварских нравов и обычаев. Арриан критично настроен по отношению к местному населению, в том числе – к местным грекам, и основанием для такой оценки служит отдаленность от греческих образцов¹⁶. Переход имени Апсирт в Апсар, и других названий – признак варварства (Arr. Per. 6.3), как и искажения, допущенные в греческой надписи на алтаре в Трапезунте (Per. 1.2); скульптуры императора и божеств бракуются им, как никуда не годные, и требующие замены (Per. 1.3–2.2).

Поскольку народ в Колхиде варварский и враждебен цивилизации, перед Аррианом стояла задача поиска средств его романизации (преимущественно в форме эллинизации). Укрепление правовых начал – одно из таких средств. Трактат Арриана пронизывает мысль, что стабильность и процветание связано с надежной, лояльной Риму царской властью на местах. Если главным в «Перипле» (отчасти также в «Диспозиции» и «Тактическом искусстве») является дихотомия «греки – варвары», то дополнительным «власть – безвластие». Поэтому в ходе инспекционной поездки Арриан подробно перечисляет Адриану¹⁷ племена, их правителей, не забывая уточнить, насколько легитимна власть последних (Per. 7.3; 11.1–3): царь апсиллов, Юлиан, как и царь махелоннов и гениохов Анхиал (известен Диону: Dio 68.19.2) получили царство от Траяна, остальные: царь лазов Маласс, абасгов – Ресмаг, санигов – Спадаг, – от самого Адриана, как и царь зилхов Стахемфак (Per. 18.3)¹⁸. Для Арриана опасность представляли не цари со своими амбициями (даже такой беспокойный, как ибериец Фарасман), а племена, не имеющие царей, и потому непредсказуемые. Такими были соседи трапезунтцев санны, в отношении которых Арриан недвусмысленно обещает при-

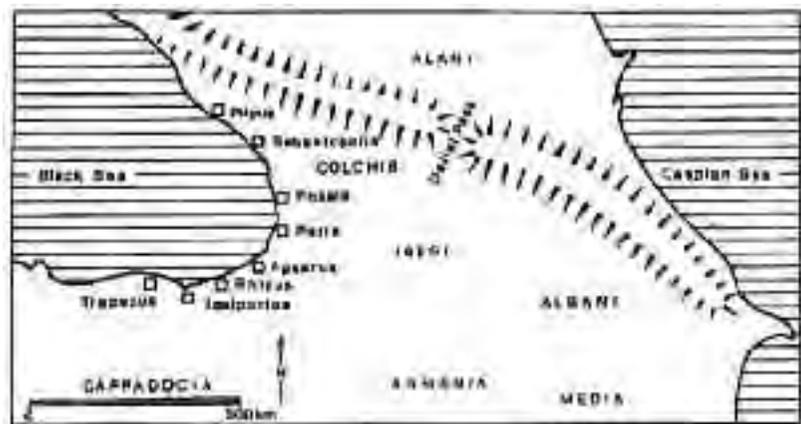

Рис. 18. Понтийский лимес. По: Speidel 1986, p. 657.

менить силу. «Народ этот (санны) не имеет царей и с давнего времени обязуется платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны» (Агг. Рег. 11.1–2)¹⁹. Последняя угроза, возможно, связана с использованием пяти когорт в Апсаре (Агг. Рег. 6.1–2) и ставит вопрос о возможностях, которыми располагал легат Каппадокии, чтобы проводить политику в интересах императора и Рима. Важнейшим инструментом этой политики была римская армия, располагавшаяся в лагерях и фортах на внешних границах Каппадокии.

Каппадокийский лимес. Цепь укреплений, составляющих каппадокийский лимес (военную границу)²⁰, тянулась с юга на север по территории Малой Азии, и далее вдоль восточного побережья Черного моря. «Диспозиция против аланов» Арриана содержит уникальные данные о задействованных для отражения аланского набега силах²¹, дополняемые сведениями его же «Перипла», и отдельными эпиграфическими памятниками. Вплоть до конца IV в. – времени составления загадочной *Notitia Dignitatum*, мы не имеем такой полной информации о расположении войск на восточной границе. Историки неоднократно обращались к воссозданию системы римской обороны на основе этих двух источников, но, по трезвой оценке Э. Уиллера, «Каппадокия из всех пограничных областей остается самой слабо изученной и бедной археологическими и эпиграфическими материалами»²².

Кавказский участок восточного римского лимеса входил в сферу забот наместника Каппадокии, *legatus Augusti pro praetore*. Каппадокия, аннексированная в 18 г. н.э., стала консульской провинцией при Веспасиане, который поставил в ней два легиона (Suet. Vesp. 8.4; Jos.

VJ 7.3.1)²³. В правление Адриана Каппадокия включала в себя Галатийский²⁴ и Полемонов Понт, Малую Армению и черноморское побережье до Диоскуриады или Себастополиса (ныне Сухум)²⁵. Пограничная провинция с двумя легионами – XV Аполлоновым в Сатале (Малая Армения), и XII Фульмината в Мелитене (Каппадокия) – занимала важное географическое положение в качестве северо-восточного форпоста Рима, обращенного к Армении и Кавказу, а частично – к Парфии. Цепь фортов с гарнизонами, протянувшаяся от Черного моря до среднего Евфрата, прикрывала стратегическую дорогу Трапезунт – Сатала – Мелитена – Самосата – Антиохия²⁶, обеспечивавшую снабжение боспорским хлебом римскую армию не только в Каппадокии, но и в Сирии. Наличных римских сил было недостаточно, чтобы создать сплошную линию обороны²⁷. Войска постоянной армии, *exercitus Cappadociae*, располагались в фортах (кастеллах) и лагерях на значительном расстоянии друг от друга²⁸. Весь каппадокийский лимес подразделялся на два участка: Понтийский, и Армянский.

1. **Понтийский участок.** Концепция понтийского лимеса наиболее полно обоснована в статье В.А. Леквинадзе²⁹ с использованием археологических и письменных источников. Главный тезис В.А. Леквинадзе – о существовании законченной системы римского лимеса, предназначенной для охраны морского побережья, был оспорен в дальнейшем Н.Ю. Ломоури, настаивающим на местном характере большинства укреплений³⁰. Представляется, что приводимые Н.Ю. Ломоури данные о наличии местных поселений с военными функциями, дополняют, но не опровергают идею «Понтийского лимеса» римлян. Недостатком отечественных исследований по Понтийскому лимесу является игнорирование данных «Диспозиции против аланов» Арриана, которые не привлекались ни В.А. Леквинадзе, ни Н.Ю. Ломоури. Понтийский лимес выполнял особые функции, но не был совершенно самостоятельным сектором, и представлял особый участок каппадокийского лимеса под командованием императорского легата.

Основным источником по по римским гарнизонам Понтийского лимеса эпохи Адриана является «Перипл» Арриана, та его часть, которая основана на личных наблюдениях, сделанных в ходе инспекционной поездки вдоль восточного берега Черного моря (Arg. Per. 1–11). Арриан отмечает наличие римских гарнизонов в пяти стратегических пунктах в направлении с юга на север.

Трапезунт, древняя колония синопцев, с которого начал свою инспекционную поездку Арриан (Per. 1.1). Судя по всему, он ещё сохранял статус свободного города, каким он представляется Плинию (Plin. NH 6.11), и не содержал римского гарнизона, как во время Not. Dign. Or. 38, когда там размещался I Понтийский легион (*legio I Pontica*)³¹.

В одной недатированной (вероятно, более поздней, чем Аррианов «Перипл») надписи из Трапезунта (CIL III.6745) упомянута вексилляция ветеранов двух (XII Громоносного и XV Аполлонова) каппадокийских легионов³². Трапезунт был важен как порт, через который пооддерживалось сообщение по морю в целях снабжения римской армии продовольствием (Tac. Ann. 13.39), в нём размещался Понтийский флот римлян (Classis Pontica)³³. Будучи центром сообщения соседних племен, имел опасное соседство со сванами (о них: Proc. De aedif. 3.6.–26). По оценке Арриана, город, хотя и греческий, подвергся значительной варваризации. Трапезунтцы выставили в 136 г. для армии Арриана против аланов отряд гоплитов (Arr. Ekt. 7) и легковооружённых (Ekt. 14), включенный в число «союзников»: судя по всему, отряд состоял из городских ополченцев.

Гисс (Гиссипорт в Not. Dig. 38.34). Локализуется предположительно на месте совр. Сюрмене в Турции³⁴. В кастелле квартировалась пехота неизвестной (но вряд ли большой) численности, и 20 всадников (Per. 3.1). Скорее всего, там находилась вспомогательная (auxilia) когорта численностью до 500 человек. В Not. Dign. Or. 38.34 в связи с Гиссипортом (Ysiporto) упоминается cohors Apuleia c(ivium) R(omanorum), которая с большой долей вероятности соотносится с «апланйцами» (Ἀπλανοὶ πεζοί) Арриановой «Диспозиции» (Ekt. 7, 14)³⁵.

Апсар, локализуется у с. Гонио (Грузия)³⁶. Крепость Абсар существовала уже во время Плиния (Plin. NH 6.12)³⁷. По Арриану, имела гарнизон из пяти когорт (Per. 6.1–2), т.е. до двух с половиной тысяч человек штатного состава. Т. Митфорд считает эти пять когорт вексилляцией XII Громоносного (Фульмината) легиона³⁸. Большинство исследователей, однако, говорят об вспомогательных (ауксилиарных) когортах³⁹. Существование апсарского гарнизона примерно этого времени подтверждено надписью, найденной в Абелах, близ Нолы, в которой упомянут Н. Марций Плеторий Целер, занимавший командирский пост praeposit(us) numero(rum) в Понтийском Апсаре (CIL X 1202=ILS 2660.7)⁴⁰. Numeri этой надписи, в принципе, могут относиться к пяти «когортам» (πέντε σπεῖραι) Аррианова «Перипла»⁴¹. Карьерная надпись М. Валента Максимиана из Египта (AR. 1956. 124) упоминает, что на ранних этапах карьеры, примерно в середине II в., он занимал в Полемоновом Понте пост начальника побережья (praepositus orae gentium Ponti Polemoniani), возможно, аналогичный посту Целера, и, возможно, в том же Апсаре⁴². Среди египетских папирусов найдено плохого состояния письмо (датируется концом II в. н.э.) некоего Марциала, служившего в Апсаре, возможно во II Клавдиевой когорте⁴³. В 1995–1998 гг. в ходе раскопок в Апсаре были сделаны находки, позволяющие (предположительно) идентифицировать часть из них: на кирпичных

клеймах распознаётся сокращение II Клавдиевой когорты (coh. II [Claudianā]) и какой-то когорты лучников (sag[ittariogum]), на фризе бронзового канделябра – Аврелиановой когорты римских граждан (coh. Avr[elia] c[ivium] R[omanogum])⁴⁴. Все данные в совокупности позволяют говорить об особой значимости Апсара в системе римской обороны восточного Понта.

Об этом свидетельствует и необычно высокая концентрация ауксильев в Апсаре – пять когорт. Ряд исследователей полагают, что эти, довольно значительные для региона силы, находящиеся в важном стратегическом пункте, перекрывающим проход из Иберии в Колхиду, и предназначались для отражения возможного нападения со стороны Иберии, царь которой, Фарасман II, упомянут в «Перипле» (Arg. Per. 11.2) в связи с распространением его власти на колхидских зидритов⁴⁵. М. Спейдел считает, что в задачу апсарского гарнизона могло входить стратегическое наблюдение не только за границей Колхиды с Иберией, но и за Дарьяльским проходом⁴⁶. Проблема, однако, в том, что данными о каких-то враждебных акциях через разделяющий Иберию и Колхиду Сурамский хребет со стороны иберийцев или аланов в римский период мы не располагаем⁴⁷. По здравому размышлению, линия обороны от вторжений со стороны Иберии должна была находиться не в приморском Апсаре, а в горах, о чем и говорит Страбон, упоминая «проход из Колхиды в Иберию, прегражденный скалами, крепостями и бурными реками» (Strabo 11.3.4)⁴⁸. Войска, квартирующие в Апсаре, могли выполнять функции резерва. Имеются и другие объяснения концентрации войск в Апсаре. Среди них – подготовка римской экспедиции против беспокойных саннов (сванов), на которую намекает и Арриан (Arg. Per. 11.1–2)⁴⁹. Легат Каппадокии должен был принимать меры для обеспечения безопасности на подведомственной ему территории. В «Перипле» Арриана достаточно последовательно проводится мысль о связи стабильности с наличием ответственной власти, а именно – власти местных царей, получивших ее от римских императоров – Траяна, либо Адриана. У саннов царя не было, а безвластие порождало хаос. Зидриты же попали под власть Фарасмана, и римляне в случае необходимости могли требовать отчета с него. Фактически так и случилось, когда на самоуправство Фарасмана пришла жалоба от парфянского царя Вологеса (Dio 69.15.2).

Вне зависимости от того, какие цели ставила предполагаемая экспедиция Арриана в 132 г., пять когорт Апсара, видимо, составляли не временный контингент, а постоянный гарнизон крепости, выполняющий разнообразные функции в деле обеспечения безопасности как на материке, так и на море.

Фасис с гарнизоном из 400 «отборных» солдат (Arg. Per. 9.3). Местонахождение точно неизвестно, предположительно локализуется в

районе совр. г. Поти⁵⁰. Прокопий передает версию, что гарнизоны в этих местах стояли со времени Траяна (Proc. BG 4.2.16–17). Организационно эти 400 солдат, скорее всего, представляли когорту. Но, может быть, и *pumegus*, отряд из отборных иноземцев, отличных от обычных ауксiliarиев⁵¹. В армии Арриана, двинутой на аланов, были «отборные солдаты» – *στρατιῶται ἑπίλεκτοι*, *milites singulares* (Ekt. 4; 22), но неясно, как они соотносятся с «отборными» солдатами Фасиса.

Наконец, *Себастополис* (бывшая Диоскуриада), локализуется на месте совр. г. Сухума⁵². В крепости находился отряд конницы, готовность которой проверял Арриан в своей инспекционной поездке (Arr. Per. 10.3). Арриан не дает более точных данных о гарнизоне: видимо, подробности были в латинском письме императору (Per. 6.2). По *Not. Dign. Or.* 38.36 в Себастополисе находилась *cohors I Claudia equitata*⁵³. Согласно исследованию К. Цукермана, имеется в виду другая, понтийский Себастополис (*Sulusaray*)⁵⁴, так что вопрос считается спорным. В Сухуми была найдена латинская строительная надпись с именем и титулом Арриана (Roos Te. 11) – возможный свидетель его пребывания в Себастополисе⁵⁵. При Арриане Себастополис был «конечным военным пунктом (*στρατόπεδον*) римского владычества» ((Per. 17.2).

Расположенный в 58 км (350 стадий) к северу от Себастополиса Питиунт (Per. 18.1) еще не контролировался римлянами: форт был выстроен там спустя некоторое время после визита Арриана⁵⁶. Кроме перчисленных кастеллей, наверняка имелись и другие укрепления, не попавшие в поле зрения нашего автора⁵⁷. Тем не менее, Арриан уже фиксирует вполне сложившийся «понтийский лимес». Расположение войск по морскому побережью, в устьях судоходных рек, ясно говорит о функциональном назначении лимеса: охранять морские пути и побережье, в том числе с помощью морских судов («триер»), на которых совершал свое плавание Арриан (Per. 4.4)⁵⁸.

Наряду с регулярными частями, для охраны территории использовались отряды местной самообороны, подчинявшиеся римским властям. Арриан в «Диспозиции» перечисляет контингенты «союзников»-ополченцев⁵⁹. Помимо трапезунтцев, это ризиане-копьеносцы (Arr. Ekt. 7) – жители маленького городка Ризия на реке с тем же названием к востоку от Трапезунта (Arr. Per. 7.2), и колхи (Arr. Ekt. 7) – соседи трапезунтцев, чей правитель не назван (Arr. Per. 11.1). Возможно, и те, и другие представляли ассимилированное местными греками население: их вооружение (лонхофоры) не варварское, а типичное для греков и римлян. Всего же из этого региона, по оценке (на мой взгляд, заниженной) К. Гиллевер, было задействовано ок. 800 человек местной милиции⁶⁰.

2. **Армянский участок.** Материковая часть каппадокийского лимеса приходилась на границу с Великой Арменией. Именно в целях ней-

Рис. 19. Каппадокийский лимес. По: Mitford 1980, p. 1212.

трализации Армении, которая с 66 г. н.э. состояла в своеобразной двойной зависимости как от Рима, так и Парфии, Веспасианом была создана в 70-е гг. милитаризованная, с двумя легионами, провинция Каппадокия⁶¹. Линия укреплений на протяжении нескольких веков оставалась довольно стабильной, как показывает сопоставление данных о дислокации войск в I–II вв. н.э. и в начале V в. Войска каппадокийского лимеса располагались с севера на юг следующим образом (указаны совпадения Ectaxis и Notitia Dignitatum, обоснования см. в примечаниях к переводу «Диспозиции против аланов», месторасположение многих частей известно только по Not. Dign., предполагается, что локализация гарнизонов была той же, что при Арриане⁶²).

Сатала. XV Аполлонов легион (legio XV Apollinaris), находившийся там, видимо, с начала правления Адриана, т.е. с 117 г.⁶³ Участвовал в полном составе в походе против аланов 136 г. (Arr. Ekt. 5; 15; 24),

оставался в Сатале до начала V в. (Not. Dig. Or. 38.13). Район Саталы считается местом предполагаемой встречи армии Арриана с аланами в ходе отражения их набега 136 г.⁶⁴

Суисса. Место размещения I Ульпиевой Дакийской алы (ala I Ulpia Dacorum: Not. Dig. Or. 38.23), отождествляемой с упомянутой Аррианом илой гетов (Arr. Ekt. 8). Суисса (Suissa) в Малой Армении располагалась несколько к западу от Саталы⁶⁵.

Араурака (Arauraca). I Боспоранская милиарная конная когорта лучников, coh. I Bosporiana (Bosporanorum) miliaria sagittariorum equitata (Not. Dig. Or. 38.29), отождествляемая с боспорцами – пехотинцами и конниками из армии Арриана (Arr. Ekt. 3, 18⁶⁶). Местоположение в Малой Армении, к западу от Саталы и Суиссы⁶⁷.

Аналиба (Analiba). IV Ретийская конная когорта, coh. IV Raetorum equitata (Not. Dig. Or. 38.28)⁶⁸, четвертая ретийская когорта армии Арриана под командованием Дафна Коринфянина (Arr. Ekt. 1). Аналиба локализуется в Малой Армении, к юго-западу от Саталы⁶⁹.

Сизила (Sisila), в I Армении, согласно делению Юстиниана I, к западу от Саталы, близ малоазийского Никополя⁷⁰. Cohors miliaria Germanorum (Not. Dign. Or. 38.30), предположительно появляющаяся у Арриана как «кельтские всадники» (Ekt. 2).

Даскуза (Dascusa). II Ульпиева Аврианова ала, ala II Ulpia Auriana (Not. Dig. Or. 38.22), распознаётся в «авриановой иле» у Арриана. (Arr. Ekt. 1)⁷¹. Упоминается в двух надписях: латинской (CIL. III. 6743) и греческой (AE 1968. 1970. 528). Месторасположение – между Саталой и Мелитеной⁷².

Шиака (Chiaca), совр. Шермук (Chermuk) в Турции, между Саталой и Мелитеной. Местопребывание I Августова парная ала колонов (колонистов), Ala I Augusta Colonorum (Not. Dign. Or. 38.21), представленной в «Диспозиции» Арриана как «ила под именем колонны» (Ekt. 1).

Элиана (Aeliana). Предполагаемое местоположение – между Саталой и Мелитеной «около Достала на Евфрате, у нынешнего г. Камах, т. е. в Первой Армении»⁷³. В Элиане размещалась II Галльская ала, Ala II Gallorum (Not. Dign. Or. 38.24), предположительно – «галатийская ила» Арриана (Ekt. 9).

Мелитена (Melitena). XII Громоносный легион (leg. XII Fulminata), находившийся здесь с 70 г. Участвовал в неполном составе в походе Арриана против аланов (Arr. Ekt. 6, 15, 24). Находился в Мелитене до V в. н.э. (Not. Dig. 38.14).

Метита (Metita). К югу от Мелитены, в районе совр. Телло⁷⁴. III Ульпиева милиарная когорта петрейцев, coh. III Ulpia miliaria Petraeorum (Not. Dig. 38.27), всадники которой указаны у Арриана как «петрейские конные лучники» (Arr. Ekt. 1).

Не все части каппадокийской армии времени легатства Арриана могут быть идентифицированы и локализованы, хотя бы приблизительно, на карте. Из тех контингентов, что перечислены в «Диспозиции против аланов», не удаётся установить дислокацию III Августовой Киренейской конной когорты лучников, I Ретийской конной когорты, Итальянской (I или III) когорты, I Нумидийской конной когорты. Но общие принципы организации лимеса и расположения гарнизонов могут быть выявлены.

Сухопутная граница римлян на армянском участке не имела такого четкого природного разделителя, каким являлся Евфрат в среднем течении, а гористая местность Малой и Великой Армении препятствовала строительству масштабных фортификационных сооружений. В этих условиях римляне не могли создать сплошную линию обороны, аналогичную дунайской, рейнской или британской⁷⁵. Кавказская военная граница (*limes*) была «открытой» и состояла из цепи отдельно стоящих лагерей, фортов и укреплений. Стоящие в них войска занимали ключевые позиции на коммуникациях, связывающих Малую Азию с Северной Месопотамией и Кавказом. Припонтийские форты располагались в устьях рек на побережье, контролируя водные пути. Оплотом обороны были две легионные стоянки: Мелитена – XII Громоносного легиона, и Сатала – XV Аполлонова. Численность легиона в эпоху принципата составляла примерно 6 000 человек. Остальные укрепления (кастеллы) содержали гарнизоны из конных ал, пеших и смешанных когорт числом в 500–1000 человек, либо легионные вексилляций. Как правило, в одном пункте располагалась одна часть, случай Аспара с его пятью когортами, видимо, указывает на его особое значение в системе обороны черноморского побережья.

В силу своих особенностей северо-восточный (кавказский) лимес не становился непроходимым барьером в деле установления контактов между римскими подданными и населением соседних государств. Показательно, что армянские раннесредневековые источники (Фавст Бузанд, Мовсес Хоренаци) не знают о разделении Армении на Малую (ставшую частью римской провинции) и Великую и о наличии укрепленной линии между ними⁷⁶. Переход через римско-армянскую границу в обоих направлениях не представлял каких-либо трудностей. По словам Прокопия Кесарийского (пер. С.П. Кондратьева), «живущие тут, были ли они подданными римлян или персов, не имели никакого страха друг к другу и не вызывали взаимных подозрений в злокозненных намерениях, но роднились между собою, заключая взаимные браки, сходились, торгуя предметами первой необходимости, и объединялись между собой в сельскохозяйственных работах. И если по приказу своего государя вожди одних шли походом войском на других, они всегда нахо-

дили пограничные места неохраемыми. У тех и у других селения были многолюдными и близко расположенными между собой, укреплений же ни у тех, ни у других не было с древних времен» (Proc. De Aedif. 3.3.10–12). Эта характеристика эпохи Юстиниана I вполне применима и к более раннему времени (ср. Philostr. Vita Apoll. 1.20). Можно сказать, что в отличие от других участков римской границы, например, рейнского (ср. Tac. Hist. 4.64, 65.3), кавказский лимес выполнял функции не столько преграды, сколько контактной зоны между двумя цивилизациями – античной и восточной.

Последнее не отменяет задач по обороне границ. Как действовала эта система при возникновении угрозы? Мы можем проследить это на примере отражении нападения аланов на подвластную Риму территорию в конце правления Адриана. Этот эпизод – редкий случай для столь отдалённой периферии античного мира – может быть восстановлен в отдельных деталях (хотя и не всесторонне) благодаря наличию достаточно надёжных и разноплановых источников, причем у нас есть основания полагать, что их происхождение так или иначе восходит к Арриану, писателю и администратору, располагавшему информацией из первых рук. Ранее я уже обращался к этому сюжету⁷⁷, повторяю его с тем, чтобы обосновать выводы, касающиеся особенностей римской стратегии на Кавказе.

Война с аланами 136 г. Краткую, но ёмкую информацию об аланской «войне» приводит Дион Кассий (Dio Cass. 69.15.1). Оригинал 69 книги утерян, фрагмент сохранился в трех версиях: 1) извлечениях Константина Порфирородного (имп. 908–959) «О посольствах» (Excerpta de legationibus), 2) «Эпитоме римской истории Диона Никейского» Иоанна Ксифилина, составленной в 1071–1078 гг., 3) всемирной «Эпитоме истории» Иоанна Зонары (первая половина XII в.). Фрагмент Dio 69.15.1 был детально исследован и восстановлен более ста лет назад У.Ф. Буассевэном на основе Ксифилина и Excerpta⁷⁸. Контаминированный его текст выглядит так:

ὁ μὲν οὖν τῶν Ἰουδαίων πόλεμος ἐς τοῦτο ἐτελεύτησεν, ἕτερος δὲ ἐξ Ἀλανῶν (εἰσὶ δὲ Μασσαγέται) ἐκινήθη ὑπὸ Φαρασμάνου, καὶ τὴν μὲν Ἀλβανίδα καὶ τὴν Μηδίαν ἰσχυρῶς ἐλύπησε, τῆς δ' Ἀρμενίας τῆς τε Καππαδοκίας ἀψάμενος, ἔπειτα τῶν Ἀλανῶν τὰ μὲν δώροις ὑπὸ τοῦ Οὐλολογαίου πεισθέντων, τὰ δὲ καὶ Φλάγιον Ἀρριανὸν τὸν τῆς Καππαδοκίας ἄρχοντα φοβηθέντων, ἐπαύσατο.

Xiph. 251, 27-252, 1 R. St., Exc. U^R 17 (p. 414).

=Zon. 11, 23. 24 p. 519, 1–5 B. (p. 75, 5–10 D.)

«Как только закончилась Иудейская война, тотчас другая была поднята от аланов (они же массагеты) Фарасманом, сильно опустошила Албанию и Мидию, захватив Армению и Каппадокию. Прекратилась после того как, с одной стороны, аланы были умиротворены дарами Вологеса, а с другой – устрашились Флавия Арриана, правителя Каппадокии».

В имеющихся русских переводах содержатся две существенные неточности. Во-первых, на место «аланов» ставят «албанов», следуя устаревшему чтению у Зонары 11.24 (M. Pinder 1846), перекочевавшего в текст Диона 69.15.1 (L. Dindorf 1866), и использованного В.В. Латышевым (SC. I. С. 495), который механически воспроизводился вместе с устаревшим комментарием «о происхождении албанов от массагетов» вплоть до недавнего времени⁷⁹. Но древнейшая рукопись Зонары, Parisiensis Regius 1715 (1289 г.), содержит именно Ἰαλανῶν (см. выше, apparatus criticus), поэтому даже для Зонары, не говоря о Дионе, исправление *албанов* на *аланов* ныне принято всеми⁸⁰, и не требует отдельных рассуждений о якобы имевшем место «смешении» Дионом албанов с аланами⁸¹, или «неточностях перевода»⁸². Во-вторых, в тексте Л. Диндорфа, и основанных на нем русских переводах (К. Гана⁸³ и В.В. Латышева), из списка захваченных нападением аланов стран исключена Албания (перевод соответствующего места у В.В. Латышева: «война [...] сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии»). При переиздании SC в конце 1940-х гг. составители снабдили текст Диона указанием на последнее критическое издание У. Буассевэна (ВДИ. 1948. № 2. С. 268/495). Но почти никто из специалистов им не воспользовался, и Албания надолго выпала из поля зрения историков и археологов⁸⁴.

О дате аланского нашествия. У Диона его начало увязано с окончанием II Иудейской войны (восстание Бар-Кохбы). Современная её датировка – 132–135/6 гг.⁸⁵, совпадающая с хорошо документированным каппадокийским наместничеством Арриана в 131–137 гг.⁸⁶ Нас интересует последний год восстания. Г. Алон, специально занимавшийся вопросом, пришел к выводу, что восстание «скорее всего» завершилось «между апрелем и декабрем 135 г.»⁸⁷. 135 год – наше ante qua non для аланского набега. С другой стороны, «Тактика» Арриана, написанная в 20-м году правления Адриана (Tact. 44.3), т.е. в 136/137 г., уже содержит аллюзии на кампанию против аланов (Agr. Tact. 4.3; 4.7)⁸⁸ – дата post qua non. Выбор невелик: 135 или 136 год, последний предпочтительней. Сравнительно недавно В. Эк опубликовал интерпретацию надписи, согласно которой Адриан получил свой второй императорский титул за победу в Иудейской войне не в 134 г.⁸⁹, и не во второй половине 135 г.⁹⁰, а в 136 г.⁹¹ Хотя Э. Уилер не считает это достаточной причиной

для передатировки аланской кампании Арриана со 135 на 136 г.⁹², я склонен принять именно вторую дату. Набег состоялся в 136 г., в летние и осенние месяцы, а возвращение аланов на северокавказскую родину Дарьяльским путем (о чем ниже), скорее всего, состоялось до наступления зимнего снегопада.

Теперь, роль Фарасмана. Дион ясно пишет, что набег аланов был инициирован Фарасманом II, царем закавказской Иберии (Картли, Восточная Грузия) в 30–50-е гг. II в.⁹³ С учётом свидетельств Фемистия (Or. 34.8), и Иоанна Лида (De magistr. 3.53.1) о пребывании Арриана у Каспийских ворот Дарьяла, становится понятно, что аланы прошли в страны Южного Кавказа именно через этот проход, как и сто лет назад (Jos. AJ. 18.97; Tac. Ann. 6.33–35). Тот факт, что аланы в итоге добрались до римской Каппадокии и там имели дело с армией Арриана, побуждает некоторых исследователей думать, что набег был антиримской акцией Фарасмана. Версия конфликта с Римом, казалось бы, опирается на свидетельства источников: о том, как Фарасман «высокомерно» (*superbe*) отказался от приглашения Адриана прибыть на торжественный приём местных династов во время восточной поездки императора⁹⁴ (НА. Nadr. 13.9; 21.13, ср.: НА. Ant. Pius 9.6): последний в отместку одел в подаренные Фарасманом золотые хламиды преступников (НА. Nadr. 17.10–12). Среди конкретных причин трений называлась территориальная экспансия Иберии, ущемляющая римские интересы⁹⁵. Речь идет о землях Колхиды (нынешняя Западная Грузия), одно из племен которой, зидриты, подпали к началу 130-х гг. под власть Фарасмана (Agr. Per. 11.2 Roos: *Φαρασμάνου οὔτοι ὑπήκοοι*)⁹⁶. «Непокорность» Иберийского царства, стремление Фарасмана вести независимую от Рима политику, отмечали многие историки⁹⁷. В этом контексте набег 136 г. трактовался как открытое «враждебное выступление против Рима»⁹⁸.

Думается всё же, что здесь имеет место очевидная перегрузка источников. В *Historia Augusta* нет и намёка на то, что «обмен любезностями» Адриана и Фарасмана перерос в войну. Каковы бы не были причины трений между Адрианом и Фарасманом, демарш последнего не изменил характера римско-иберийских отношений: «В албанах и иберах он (Адриан – С.П.) имел самых верных друзей (*Albanos et Hiberos amicissimos habuit*), так как их царей он щедро одарил, хотя они и отказались прибыть к нему» (НА. Nadr. 21.13). Щедрые, богаче чем другим царям (*nulla maiora quam Hiberorum*), дары Фарасману, в их числе слон («царское» животное, по воззрениям древних) и «полусотенная когорта» (*quingagenaria cohors*) (НА. Nadr. 17.11), говорят сами за себя, как и факт дружественного визита Фарасмана к преемнику Адриана Антонину Пию в 141 г. (НА. Pius 9.6; Dio 69.15.3). Д. Браунд с полным основанием считает, что никакого серьёзного конфликта между Адриа-

ном и Фарасманом не было, а расхождения имели временный характер. «Несносный Фарасман» (словами Р. Сайма) в действительности оказывается в отношениях с Римом более чем сносным⁹⁹.

Так какова причина «аланской войны»? Как совершенно справедливо замечает Э. Босворт, из сообщения Диона об аланском набеге (Dio 69.15.1) никоим образом нельзя вывести заключение, будто Фарасман призвал аланов против Рима¹⁰⁰. Первыми жертвами нападения стали Албания и Мидия, находящиеся в стороне от римской Каппадокии. Общую границу Иберия имела только с Албанией. Её враждебные отношения с Иберией отмечают как античные, так и закавказские источники, а потому иберийско-албанские противоречия признают причиной конфликта многие исследователи¹⁰¹. Скепсис проявляет Э. Уиллер, полагая вопрос о планах Фарасмана открытым, а тезис о длительной иберо-албанской вражде – не доказанным¹⁰². Как бы то ни было, у нас есть два точных указания на Албанию: неоспоримое Диона, и Фемистия (Them. Or. 34.8) – о разрешении Аррианом иберо-албанского пограничного спора, что придает «албанской» гипотезе статус наиболее достоверной, хотя в литературе высказывались и версии о конфликте Фарасмана с Мидией (Атропатена)¹⁰³, Парфией¹⁰⁴, Арменией¹⁰⁵. Д. Браунд считает, что Фарасман действовал с одобрения Рима¹⁰⁶: предположение, которое столь же трудно доказать, как и опровергнуть. Придерживаясь источника (Диона прежде всего), можно сделать вывод, что война началась по инициативе Фарасмана как междуусобная между двумя римскими клиентами – Иберией и Албанией, и переросла в международный конфликт между Римом и Парфией вследствие действий второго участника первоначальной коалиции – аланов.

Откуда появились аланы, союзники Фарасмана? В отечественной литературе существует версия, будто бы аланский набег 136 г. был вызван появлением в северокавказских степях новой волны переселенцев из Средней Азии – массагетов, известных еще Геродоту (Hdt. 1.204–216). Коренным пороком гипотезы остается использование её сторонниками старых переводов К. Гана и В.В. Латышева, где игнорируется Албания и набег начинается с Мидии¹⁰⁷. Правда, повод для рассуждений о «новом этносе» реален: это сообщение Диона (69.15.1) об «аланах, которые суть массагеты»; позже об аланах как «древних массагетах» пишет и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. 31.2.12; ср. 23.5.16). Ни тот, ни другой не говорят, однако, о передвижении массагетов из мест первоначального расселения, а смещение этнонимов – слишком частая практика древних и средневековых писателей, чтобы придавать ей значение непрерываемого свидетельства. Сообщение Аммиана полностью зависит от Диона¹⁰⁸, а Дион далеко не первым заговорил о массагетах на Западе. Лукан (Phars. 2.50; ср. 3.282–3) в 60-е гг. помещал

их на Дунае¹⁰⁹, Валерий Флакк (Argon. 5.125) – на Кавказе близ тех же «Каспийских теснин». Использование Дионом слова «массагеты» – факт чисто литературный. Историческое существование народа массагетов закончилось их растворением среди дахов к III в. до н.э., тогда же «закончилась трехвековая история деградации их названия»¹¹⁰. Отождествление аланов 136 г. с массагетами могло быть следствием знакомства Диона, биографа Арриана, с материалами по племенам Средней Азии, собранными Аррианом при создании «Анабасиса Александра»¹¹¹. В любом случае, «массагеты» Кавказа – это псевдо-историческая ученая конструкция, связавшая древнее наименование с новым племенем, а не показатель реальной наследственной связи двух разных по судьбам народов¹¹².

Очевидно, что Фарасман имел дело не с новопришлыми массагетами, а с аланами, издавна обитавшими к северу от Дарьяльского прохода. Аланы как союзники иберов упомянуты еще в описании иберо-парфянской войны 35 г. Иосифом Флавием (Jos. AJ 18.97; ср. Tac. Ann. 6.33–35, где они названы сарматами). Но само использование иберами, и их соседями албанами в военных целях сарматских племен имеет более давнюю традицию: об этом, как о постоянной практике, пишет Страбон (Strabo 11.4.5, ср.: Tac. Ann. 6.33). Горную часть Иберии населяли «соседи и сородичи» (ἄμωροι καὶ συγγενεῖς) северокавказских скифов и сарматов; «в случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много мириадов воинов как из своих, так и из этих (т.е. сарматов. – С.П.)» (Strabo 11.3.3). Информация Страбона, свободная от стереотипов восприятия варварских племен, пользуется доверием у историков¹¹². Отмечу, что ни Страбон, ни Тацит (в описании событий 35 г.: Ann. 6.33–35), не уточняют имени сарматов, северных соседей иберийцев: ни тот, ни другой не говорит, что ими были аорсы, сираки, или какие-то другие племена, хорошо им известные (Strabo 11.2.1; 5.7–8; Tac. Ann. 12.15–19). Надо полагать, что в последние века до н.э. и в I–II вв. н.э. к северу от входа в Дарьяльское ущелье¹¹⁴ обитала особая, не относящаяся к аорсам или сиракам, группа сарматских племен. То, что этими сарматами были аланы (для времени Страбона – их предшественники), мы узнаем от Иосифа Флавия, работавшего в другой, нежели Страбон и Тацит, традиции¹¹⁵. Перемена имени может объясняться историческими событиями начала I в. н.э: сменой правящей племенной верхушки в смешанной сарматской конфедерации – аорсов на аланов. «Совсем не является невероятным, что аорсы, направляясь на север Арала и Каспия, передвигались от Хорезма до кавказского региона и принесли с собой название *алань*»¹¹⁶.

Если Фарасман, затеявая достаточно опасное предприятие, имел политические цели – ослабление своих противников, прежде всего – Ал-

банию, то целью аланов был захват добычи¹¹⁷. Их войско целиком состояло из всадников (только их учитывает Аррианова «Диспозиция против аланов»), так что события разворачивались быстро. Использование аланами иберийской территории обеспечило, как можно понять, эффект внезапности. Албания, словами Диона, была «опустошена», после чего аланы обрушились на граничащую с Албанией Мидию (наверняка Мидия Атропатена)¹¹⁸, вторую по значимости (после собственно Парфии) область Парфянского государства, также подвергнув ее разгрому. Могли пострадать и близлежащие территории. По данным «Арбельской хроники» клирика Мешихазехи, составленной на арамейском языке в VI в.¹¹⁹, правитель области Адиабены (Северная Месопотамия) христианин Ракбакт, «при Вологеше втором, царе партавов», т.е. парфянском царе Вологесе II/III (129–148)¹²⁰, погиб в бою с какими-то восставшими варварами во главе с неким Кизо, разорявшими Карду (Гордиену, нынешний Курдистан). Неназванный противник прекратил военные действия, чтобы отразить нападение на их собственную страну «другого варварского народа», который и отступил после двухмесячных боев. Распространено мнение, что в варварах Кизо следует видеть аланов 136 г.¹²¹ Требуется дополнительное изучение памятника с целью выяснения надежности ее источников: в случае с нашим эпизодом намечается армянский след¹²², и возникает вопрос, можем ли мы ожидать точности о событиях, происходивших за три века до изобретения армянского алфавита¹²³.

Осторожность необходима, но следует признать, что свидетельство Мешихазехи, если не во всем, то в главном не противоречит другим источникам. Аланы, действительно, ненадолго задержались в парфянской Мидии (а, возможно, и в соседних областях), и круто повернули на запад, где их набег захлебнулся. Дион краток: война завершилась, «коснувшись» (ἀψάμενος) Армении и Каппадокии, после откупа, полученного аланами от «Вологеса», и страха, внушенного приготовлениями Арриана. Из двух исторических фигур первым назван Вологес.

Кого имеет в виду Дион? Самая известная личность с этим именем – «великий царь» Парфии Вологес II/III (129–148). Однако еще А. Гутшмид высказал идею, что здесь подразумевается не парфянский, а не названный по имени армянский царь, поставленный Адрианом (NA. *Not.* 21.11)¹²⁴. Гутшмид опирался на армянские источники (*Mos. Chor.* 2.65) о царе Валарше I (*Valarš*), правившем в 117–140 гг. К тому же выводу, но на основе Кассия Диона, пришел У. Буассевэн¹²⁵. По его мнению, Вологес (I) Армянский – сын царя Санатрука из Осроены в южной Армении (смещенного, и казненного Траяном), упомянутого в энциклопедии Диона (*Ursinus Nr.* 77), который ранее относили к эпохе Северов и идентифицировали как фрагмент *Dio* 75.9.5, а сейчас – 68.9.6¹²⁶.

То, что в 136 г. на Ближнем Востоке правили два царя с одинаковым именем, из одной династии – Аршакидов, послужило причиной раскола среди историков, одни из которых принимают версию о парфянском¹²⁷, другие – об армянском царе¹²⁸ во фрагменте Dio 69.15.1. На мой взгляд, предпочтительнее «парфянская» версия. Дион (69.15.1) так пишет о прекращении войны: ἔπειτα τῶν Ἀλανῶν τὰ μὲν δώροις ὑπὸ τοῦ Οὐλογαίου πεισθέντων, τὰ δὲ καὶ Φλάβιον Ἀρριανὸν τὸν τῆς Καππαδοκίας ἄρχοντα φοβηθέντων, ἐπαύσατο. Здесь два оборота *genetivus absolutus* в значении причинного придаточного предложения: из-за того, что аланы «были умиротворены дарами Вологеса», и «испугались Флавия Арриана», война завершилась. Буассевэн придает конструкции следующий смысл: аланы жестоко опустошили Албанию и Мидию в начале похода, но лишь «коснулись» (ἀψάμενος) Армении – из-за своевременных даров царя Вологеса, и Каппадокии – из-за страха перед Аррианом¹²⁹. Однако можно прочесть фразу и иначе. Дион подводит итоги не только заключительного этапа (когда она «коснулась» Армении с Каппадокией), а *всей* войны, которая велась по двум направлениям: через Албанию и Мидию – на Парфию, и через Армению и Каппадокию – в сторону римских владений. Соответственно, война завершилась: на парфянском фронте – дарами парфянского царя¹³⁰, на римском – отпором со стороны Арриана¹³¹.

Кроме того, необходимо взять в расчет следующее обстоятельство. Великая Армения, царь которой был посажен на престол Адрианом (НА. Надг. 21.11), была зависимым от Рима (или «клиентским») государством и частью *Imperium Romanum*, за чью безопасность в конечном счете отвечал легат провинции Каппадокия, Флавий Арриан¹³². Среди частей его армии, помимо «союзников» из Малой Армении (провинция Каппадокия), находился отряд армян Васака и Арбела (Агг. Ект. 12; 13), по убедительному предположению Т. Моммзена – из Великой Армении¹³³, из чего следует, что Вологес Армянский до конца вел с аланами борьбу, а не подкупал их. Фемистий (Ог. 38.4) тоже говорит о том, что аланы были выдворены из Армении силой, а не подарками.

Имя Вологеса встречается еще в одном фрагменте Диона (Excerpta Ursiniana no. 55), одно время относимого ко времени Антонина Пия (138–161)¹³⁴, а сейчас – Адриана. «Послов, прибывших от Вологеса, по причине злокозненности Фарасмана, а также от языгов, просивших мира, он (Адриан) ввел в сенат, и, от своего имени подготовив, написал и зачитал им соответствующие ответы» (Dio 69.15.2). Контекст отсутствует, из-за чего эпизод иногда относят ко времени до аланского набега¹³⁵, а в Вологесе видят армянского царя¹³⁶. Но если, что очень вероятно, жалоба на Фарасмана (сам этот факт – свидетельство вассального статуса иберийского царя) вызвана его призванием аланов¹³⁷, логичнее

предполагать парфянского «царя царей», Вологеса II/III, занятого в ту пору борьбой со своим соперником за трон Митридатом, и не способного (в отличие от армянского царя) отразить неприятеля. Аналогичный случай, кстати, был в 72 г. (или 75), когда к Веспасиану за помощью против аланов обращался другой парфянский Вологес (I), но получил отказ (Suet. Dom. 2.2).

После выкупа от Вологеса аланы повернули от парфянских границ на запад – в сторону Армении и Каппадокии. Вряд ли этот поход на земли, подвластные Риму, входил в замыслы римского клиента Фарасмана: скорее инициатива принадлежала вошедшим во вкус аланам¹³⁸. Они шли уже знакомым по набегу 72 г. маршрутом: Мидия–Армения¹³⁹. Однако положение с тех пор изменилось: Армения стала из парфянского римским вассалом, а Каппадокия – консульской провинцией с двумя легионами. Поэтому в дело вступил римский наместник края, легат Каппадокии Флавий Арриан.

Римский Восток в 136 г. был в трудном положении из-за последствий Иудейской войны 132–135/6 гг., оттянувшей большие силы из разных провинций, в том числе из Каппадокии. Все же Арриан сумел быстро собрать значительные силы: два легиона – XV Аполлонов в полном составе, и XII Фульмината – вексиллярцией, с соответствующим числом вспомогательных войск (до 10 когорт и 4 алы), к которым присоединились милицейские формирования территорий, прилегавших к черноморскому побережью (трапезунтцы, ризианы, колхи), а также союзные отряды из Малой и Великой Армении. Общая численность войск, по разным подсчетам, составляла от 11 000 до 28 000¹⁴⁰, но скорее всего, была близка к цифре в 20 000¹⁴¹. В отражении аланской угрозы приняли участие в основном, части, размещенные на армянском участке границы. По словам М. Спейдела, «ныне известно пять или шесть когорт, которые входили во II в.н.э. в каппадокийскую армию, однако они не были включены в Арриановы отряды особого назначения. Возможно, это и было большинство или все пять когорт, размещенных в Апсаре. Они были там на своем месте, предотвращая продвижение алан к Трапезунту и обеспечивая спокойствие со стороны иберов»¹⁴². Последнее утверждение сомнительно: географически «любое войско, сконцентрированное в Иберии, с большей легкостью и более оперативно могло предпринять наступление в южном и восточном направлениях, чем в западном»¹⁴³. Думается, Арриан просто собрал силы именно тех областей, которым непосредственно угрожало аланское нашествие, а эти области располагались южнее территории Понтийского лимеса.

Армия выступила под командой самого Арриана, имея целью преградить аланам дальнейший путь вглубь Малой Азии. По-видимому, Арриан встретил противника в угрожаемой области, где-то в северной

Армении¹⁴⁴. По мнению Э. Босворта, долина в несколько километров, с холмами по краям, выбранная для диспозиции (Агг. Ект. 11), соответствует рельефу местности в районе дислокации XV Аполлонова легиона в Сатале (Малая Армения), недалеко от современного Эрзурума¹⁴⁵. План операции был таков: войска на марше идут походной колонной (длина до 5 км), с усиленным конным охранением, при встрече с противником занимают боевую позицию между двумя холмами, выстроив пехотную фалангу из обоих легионов в восемь шеренг, четыре первые с пиками, остальные четыре с метательными копьями, имея на флангах вспомогательные отряды, а в тылу конницу и артиллерию. Диспозиция на битву выбрана оборонительная: пехота отражает атаку аланских панцирников по центру, а в случае попытки охвата одного или обоих флангов, конница, поставленная в тылу, атакует во фланг самих аланских конников¹⁴⁶.

В литературе нет согласия по вопросу о том, произошла или нет битва, согласно сценарию, задуманному Аррианом¹⁴⁷. «Диспозиция против аланов» еще не сама битва, тем более, что она несет явные следы литературной доработки. По Диону, аланы не были разбиты, но отступили, «испугавшись» приготовлений Арриана. Скорее всего, крупных боевых действий на территории Каппадокии и Малой Армении не велось, поскольку аланы, обремененные добычей, не захотели ввязываться в серьезную борьбу, и двинулись в обратном направлении через Великую Армению¹⁴⁸. Но нет оснований отрицать вообще боевые действия: Дион называл борьбу с аланами «войной», и поздний энкомий Фемистия (Ог. 34.8) представляет Арриана как стратега, человека «слова и дела» именно за эту кампанию¹⁴⁹.

Распространено мнение, что кампания Арриана против аланов ограничилась своего рода «демонстрацией силы» на восточных границах Каппадокии¹⁵⁰, где-то в верховьях Евфрата. Однако в нашем распоряжении есть два источника, свидетельствующие о том, что война с аланами продолжалась, и завершилась походом Арриана к кавказским «Каспийским воротам» (тогдашнее обозначение Дарьяльского прохода). Первое сообщение принадлежит известному ритору и администратору второй половины IV в. Фемистию, который в своей речи «Против обвинителей по поводу принятия должности» (384 г. н.э.) назвал Арриана (Ἀρειανός) в числе тех римских полководцев, которые «пересекали (διέβαινον) Каспийские ворота, изгоняли аланов из Армении, учреждали (ἔταττον) границы иберам и албанам, при этом добивались должностей эпонимных консулов» (Them. Ог. 34.8). «Пересечь Каспийские ворота» с юга означает оказаться на северокавказской территории. Второе свидетельство оставил византийский чиновник и писатель VI в. Иоанн Лид в работе «О должностях государства римского».

Завершив характеристику стратегического положения тех же Каспийских ворот, он добавляет: «Самое точное их (Каспийских ворот. – С.П.) описание дал Арриан в “Аланской истории”, и особенно – в восьмой книге “Парфики”, когда побывал в этих местах в должности управляющего всем регионом» (Ioan. Lyd. De magistr. 3.53.1). Тот факт, что изображение Арриана считалось лучшим еще четыре столетия спустя, говорит о том, что обследование Каспийского (Дарьяльского) прохода было проведено им со всей тщательностью и на всем протяжении «Каспийской дороги», не исключая северного входа.

Сомнения некоторых историков в верности сообщений Фемистия и Иоанна Лида¹⁵¹ выглядят преувеличенными. Проблемы с их интерпретацией, хотя и существуют, не так уж велики. Фемистий ошибочно причисляет к полководцам, «пересекавшим Каспийские ворота», кроме Арриана, еще и Квинта Рустика (ординарный консул 162 г.), и датирует ординарное («эпонимное») консульство Арриана годом войны с аланами, хотя в действительности Арриан был не ординарным консулом, а суффектом, и не в 136 г., а в 129 или 130 г. Лид датирует осмотр Аррианом Каспийских ворот временем «Траяна» (император 98–117 гг.), что может быть просто следствием сокращения полного имени Элия Траяна Адриана, императора 117–138 г. В целом же исторический контекст передан верно, и сообщения обоих авторов заслуживают того, чтобы, после проведения необходимых критических процедур, относиться к ним как к полноценным источникам. Фемистий правильно увязал прохождение войск Арриана через Армению к Дарьялу с преследованием аланов. Как наместник Каппадокии, Арриан должен был принять меры по урегулированию иберо-албанских пограничных споров¹⁵¹. Иоанн Лид привел точные названия двух сочинений Арриана, в которых содержится описание Каспийских ворот, – «Аланика» и «Парфика», причем для второй работы указал и книгу (восьмую). С учетом всех деталей, факт пребывания Арриана не только в Иберии, но и по ту сторону Большого Кавказского хребта, на территории Центрального Предкавказья, нынешней Северной Осетии, у выхода из Дарьяльского ущелья, представляется более чем вероятным¹⁵³.

Успех военный полагалось закрепить политически, что и было сделано. Из достаточно туманных намёков наших источников следует, что Арриан активно вмешался в пограничный спор двух римских клиентов – Иберии и Албании¹⁵⁴. Сообщение Фемистия об установлении (ἑταττων) иберо-албанской границы можно понять в том смысле, что он провёл размежевание спорной территории, возможно, в пользу Фарасмана, которому новый, наследовавший Адриану, император Антонин Пий «расширил царство» (Dio 69.15.3; NA. Pius 9.6)¹⁵⁵. Кроме того, пребывание Арриана в Иберии способствовало усилению влияния Рима на

достаточно амбициозного её правителя: по крайней мере в пользу этого говорит изменившееся поведение Фарасмана, в частности, его поездка в Рим при Антонине Пие¹⁵⁶.

Контроль за клиентскими царями осуществлялся разными способами, включая воспитание наследников, предоставление им римского гражданства и римских имен¹⁵⁷. Интересный, в чем-то даже загадочный материал дает армазская билингва (на греческом и арамейском языках), найденная в 1940 г. в Мцхете (Mtskheta), древней столице Грузии, и относящаяся к середине II в.¹⁵⁸. В надписи оплакивается смерть молодой знатной женщины, Серапиты, явно принадлежавшей к кругу высшей знати, жены Иодмангана, сына Публикия Агриппы (так в греческой версии), *питиахша* двух царей – Фарасмана и Ксефарнуга. Ксефарнуг иначе неизвестен, а его предшественник, Фарасман, может быть только Фарасманом II, современником Адриана и Арриана¹⁵⁹. Своё имя Публикий Агриппа мог получить от *nomen'a* легата Сирии, современника Арриана, Публикия Марцелла¹⁶⁰. Согласно версии Э. Босворта, *питиахш* (высший сановник в Иберии) с латинским именем Публий Агриппа был инкорпорирован в состав высшей иберийской знати усилиями Арриана во время пребывания в Иберии, с целью установить дополнительный надзор за строптивым Фарасманом.¹⁶¹ В этой интерпретации много спорного и неясного, так как сын римского гражданина Агриппы, муж Серапиты и зять Зеваха, выглядит вполне интегрированным в иберийское общество: Д. Браунд считает версию Э. Босворта невероятной (*improbable*) и предполагает какой-то другой способ получения Агриппой римского гражданства¹⁶². Версия Э. Босворта необязательна, но интересна. Такой приём – поместить римского офицера, знающего греческий язык, в варварскую среду – вполне соответствует идее Арриана воздействовать на варваров через культурную экспансию. Конечно, Публикий интегрирован в иберийское общество. Но иберийцы элиты в свою очередь интегрированы в греческую культуру. Хотя имя Иодманган – местное, эпитафия его жены написана на греческом. В любом случае, армазская билингва является еще одним подтверждением распространения римских ценностей в кругу высшей иберийской знати¹⁶³.

Региональная стратегия и региональная политика в кавказском регионе. Некоторые выводы. В задачу историков, изучающих римскую стратегию эпохи принципата, традиционно входит определение её целей: была ли она направлена на оборону от внешних врагов, или на экспансию, служила ли консолидации имперской власти, или представляла собой комбинацию этих трёх целей¹⁶⁴. Эти цели трудно разграничить, когда речь идёт о государстве римлян, обычно говорят о доминирующей тенденции.

В категориях Большой стратегии можно сказать, что в рассматриваемый период на Кавказе римляне преследовали прежде всего цели обороны, сохранения существующего status quo. Это, в общем, соответствовало устремлениям Адриана, который со вступлением на престол перешёл от политики завоеваний, присущей Траяну, к восстановлению мира и стабильности¹⁶⁵. Гарнизоны каппадокийского лимеса размещались в лагерях и кастеллях на постоянной основе и совершали экспедиции только в случае нападения (аланский набег 136 г.), или открытого неповиновения со стороны зависимых племён (санны в 132 г.).

Согласно теории Э. Латтвака, военные сухопутные границы империи ко времени Адриана (117–138 гг.) «были демаркированы очень чётко, так, что все могли знать, что является “римским”, а что нет»¹⁶⁶. Кавказский материал не подтверждает этот вывод. Реально контроль империи простирался за пределы римских административных (провинциальных) границ, которые единственно и могли быть маркированы. Также не подтверждается тезис Латтвака относительно плановой замены буферных государств провинциями на 2-м этапе (от Флавиев до Северов, 69–235 гг.) развития «Большой стратегии». Северный сектор восточных границ Римской империи включал не только территории, непосредственно находящиеся под властью римской администрации, но и ряд «клиентских» государств (Иберия, Албания, Армения) или племенных образований (в Колхиде), юридически – «друзей и союзников» Рима, чей статус был закреплён личным вассалитетом правителей по отношению к правящему императору, часто с принятием римского гражданства¹⁶⁷. Посредником в контактах между императорским двором в Риме и местными династиями являлся каппадокийский легат, значение которого в реализации кавказской политики не следует недооценивать¹⁶⁸. Мы видим, что у Арриана были немалые полномочия: контроль за вассальными царями, командование над войсками союзников (армян), право регулировать границы между вассальными государствами (как между Иберией и Албанией). Конечно, важную роль играли отношения с правящим императором, и с этой точки зрения дружеские (как можно полагать) связи с Адрианом немало помогали Арриану¹⁶⁹.

В общем, римляне продолжали придерживаться принципа прямого правления, перекладывая на плечи местных правителей заботы по сохранению мира и стабильности¹⁷⁰. Первый пояс обороны против внешних опасностей составляли государства римских «клиентов»: иберийцы, армяне, племена Колхиды. Войска каппадокийского лимеса, по сути, составляли второй эшелон обороны от внешних вторжений, который вступал в дело в особых ситуациях. Римская армия встречала врага не на границах, а на своей территории, как это было в случае с аланским нападением. В период принципата на вооружение была взята

«концепция устрашения» внешних и внутренних врагов, и ответного удара в случае их нападения (пример: поход Арриана против аланов 136 г.). Основной функцией провинциальной армии был контроль над населением. Особенно важен был контроль за ключевой страной региона – Арменией. Относительно меньшее значение (по крайней мере до середины III в. н.э., времени готских походов) имела борьба с понтийским пиратством. Опасность сарматских и аланских набегов через Дарьял преувеличена в литературе: с ними, как правило, успешно справлялись местные правители Иберии, и набег 136 г. получился только при пособничестве Фарасмана. Выходя за рамки темы, отмечу, что лишь с появлением гуннов (конец IV в.) потребовались специальные защитные меры против набегов с севера, с каковой целью римляне (византийцы) стали сотрудничать с Сасанидским Ираном.

В историографии принято делить северо-восточный римский лимес по функциональному признаку на морской Понтийский, и континентальный Каппадокийский. Однако, с учётом единого командования со стороны наместника провинции, и тесного взаимодействия частей и соединений из обоих секторов при выполнении общих задач, удобнее использовать один термин – «Каппадокийский лимес» (для всего римского периода – Кавказский лимес) с двумя участками – Понтийским и Армянским.

А.В. Колобов относит т.н. «Понтийский лимес» к числу тех, что «существовали за пределами Римского государства»¹⁷¹. Однако, с точки зрения самих римлян, зависимые земли являлись частью империи. Ещё Август при разделе государства на сенатскую и императорскую части оставил себе те провинции, которые требовали военной защиты. При этом зависимые территории отошли также к императору. «В части Цезаря есть и всегда были цари, правители и декархии», – сообщает Страбон (Strabo 17.3.25. P. 840). Положение дел в вассальных царствах было и оставалось предметом рассмотрения в высших органах власти Рима (Tac. Ann. 1.11)¹⁷². Из этого исходили в своей практической деятельности наместники императорских провинций.

Внимание Арриана концентрировалось на областях, занимающих важное стратегическое положение. Иберия контролировала проходы Центрального Кавказа, и прежде всего – Дарьял; ближайшей северной соседкой Каппадокии была Колхида, раздробленная на несколько мелких «царств»; относительно менее важна для римлян была Албания ввиду своей удалённости, и меньшей доступности Дербентского прохода. Рим стал прочной ногой в Кавказском регионе со времени Флавиев (69–96 гг.), когда Каппадокии был придан статус «вооружённой» провинции с двумя легионами. С тех пор основной задачей римской политики было сохранение стабильности, основным инструментом – поддержка местных правителей. Траян (96–117) назначал царей албанам,

иберам и колхам (Eutrop. 8.2.2; Ruf. Fest. Brev. 20.2), то же делал Адриан (117–138): подробный перечень царей Колхиды, получивших власть от императора, приводит Арриан в своем «Перипле». Римская дипломатия использовала, и вполне успешно, опору на местные силы¹⁷³. Та же политика – ставить лояльных Риму правителей, проводилась в отношении Иберии, и, вероятно – Албании, цари которых были «верными друзьями» Адриана (НА. Надр. 21.13). Официальная церемония коронации проводилась, как правило, лично императором: Траяном – в Элегии (114 г.), Адрианом – в ходе восточных поездок, в обычное время контроль осуществлялся легатом Каппадокии.

Сравнивая ситуацию на каппадокийской границе с той, что существовала в Европе – на британском, рейнском или дунайском лимесе, мы можем отметить в качестве отличительной черты значительно большую роль дипломатии, что не случайно¹⁷⁴. На Кавказе ситуация была в принципе иной, чем в европейской «Барбарии». Во-первых, природные условия не позволяли, используя природные преграды, отгородиться китайской стеной от соседей, во-вторых, кавказские народы, с которыми соприкасались римляне, уже не были в чистом виде «варварами». Несколько веков тесного (через торговлю, колонизацию и т.д.) общения с греческой цивилизацией вызвали к жизни феномен эллинизированных (по крайней мере, в высших слоях) обществ с местной спецификой. Армения, Иберия, Колхида относились именно к таким, прошедшим определенный путь к цивилизации античного типа, государствам, что позволяло римлянам надеяться на их дальнейший прогресс через приобщение к римской культуре. Ввиду особой роли греков в восточной части Римской империи, романизация в основном проходила в форме эллинизации (и наоборот). При этом Кавказский регион не включался полностью в греко-римский мир, но считался пограничной территорией, ареной борьбы эллинского (эллино-римского) начала с варварским, – борьбы не столько в сфере войны или политики, сколько культуры. У образованных людей той эпохи было достаточно ясное понимание того, что ослабление эллинского компонента усиливало варварский (Агг. Рег. 1), и могло привести к деградации греков, превращению их в варваров, что, согласно легендам, и случилось некогда с причерноморскими ахейцами (Амм. Марс. 22.8.25).

В заключение остановлюсь на общей оценке римской политики в Кавказском регионе. В советской (а частично, как бы по инерции, и в постсоветской) идеологизированной историографии, кавказо-римские отношения обычно сводились к формуле «национально-освободительной», справедливой борьбы за независимость против «римской агрессии», в ходе которой ковалась «нерушимая дружба народов Кавказа»¹⁷⁵. С помощью словесной эквилибристики под эту модернизаторскую концепцию

без труда подводили и историософскую базу, например, в такой форме: «В то время как господство эллинизма было сочетанием эллинского и восточного начал, господство Рима, наоборот, утвердило в качестве универсальной формы социального бытия собственные национальные нормы, чуждые странам Востока. Понятно, что владычество Рима на Востоке – явление реакционное, а национально-освободительные войны народов Востока, направленные против Рима, – явление несомненно прогрессивное»¹⁷⁶.

Альтернативную точку зрения проиллюстрирую цитатой из Д. Браунда. «В целом эти отношения характеризовались долговременным дружеским сотрудничеством, осуществлявшимся ко взаимной выгоде Рима и местных народов. [...] Не следует представлять дело так, будто Рим стремился установить свой контроль над местными народами и даже присоединить их к империи помимо воли (хотя это иногда и случалось), скорее можно сказать, что Рим и местное население считали выгодным для себя именно взаимодействие»¹⁷⁷. Взгляд этот выглядит более сбалансированным и соответствующим нашим источникам. Верное наблюдение относительно эллинизированных царей-клиентов Рима делает Р. Якобсон: они видели свою задачу не в борьбе за независимость, а в интеграции в обширное пространство Римской империи с её космополитической греко-римской культурой, а «клиентеллу» понимали как средство осуществления интеграции¹⁷⁸.

Хорошо известно суждение по этому поводу автора II века н.э. Аппиана Александрийского (Rom. Проет. 7). «И кое-кого в дополнение к бывшим прежде под их управлением народам императоры подчинили своей власти, а некоторые *народы*, пытавшиеся отпасть, они вновь покорили. Вообще же, владея лучшей частью земли и моря, они по мудрому решению предпочитали сохранять (σώζειν) уже приобретенное, чем распространять свою власть до бесконечности на варварские бедные народы, которые не могли бы принести им никакой выгоды, из которых некоторых я видел в Риме прибывавших в качестве послов и отдававших себя в подданство, причем император не принимал их, так как видел, что ни в чем ему они не будут полезны. И другим народам, а таких было много, они сами давали царей, нисколько не нуждаясь в них для своей власти; даже на некоторых из своих подданных они тратили свои средства, считая постыдным для себя отказаться от них, хотя для римлян эти народы были убыточными. По границам своей империи они расположили войска в больших лагерях и охраняют такое огромное пространство земли и моря подобно крепости» (пер. С.П. Кондратьева). Можно и нужно критически разбирать этот и другие пассажи о цивилизаторской миссии римлян. Но аргументы contra нужно находить в документах прошлого, а не в модернизаторских теориях, обслуживающих современную политику.

- ¹ Ему, в частности, принадлежат такие книги, как «The US – USSR Nuclear Weapons Balance» (Beverly Hills, 1974), «The Grand Strategy of the Soviet Union» (London, 1983), «The Pentagon and the Art of War» (New York, 1984), и др.
- ² Luttwak 1974.
- ³ Ferrill 1991. P. 71–85. Notes: P. 196–199; Wheeler 1993; Ле Боэк 2001. С. 223–225; Kagan 2006.
- ⁴ Кавказу вообще не везёт в общих трудах по римской армии. Например, в обзоре стратегических секторов по регионам, проведенным Я. Ле Боэком (Ле Боэк 2001. С. 247–270), кавказское направление даже не намечено. Больше внимания уделяется конкретным, в т.ч. археологическим исследованиям т.н. «Понтийского» лимеса, о чём ниже.
- ⁵ Luttwak 1974. P. 116.
- ⁶ См. раздел «Жизнь и творчество» Арриана во Введении к этому тому (С. 11–31).
- ⁷ О статусе *legatus Aug. pr. pr. consulares* см.: Markwart 1957 [1881]. S. 361 sqq.; Berger 1953. P. 539.
- ⁸ Из недавних работ в этом ключе написана книга А.П. Беликова «Рим и эллинизм» (Беликов 2003а). Приведу несколько высказываний автора из «Заключения», обращая внимание на стилистику. «Рим вынужден был маскировать свои агрессивные цели на востоке», «ситуация и личные (sic!) усилия Рима позволили ему стать гегемоном Востока», «сенат чутко улавливал требования политического момента» (С. 381–382), «Рим верно понял эту общую тенденцию эллинизма» (С. 384–385), «Рим стремился не к захватам, а гегемонии» (С. 385), и т.д. Субъектами истории здесь выступают даже не классы, а политические институты, и прежде всего, сам Рим, который уже и персонафицирован: он (вместе с сенатом) «маскирует», производит «личные усилия», «понимает», «стремится», только что не ест и не спит. Рискну предположить, что этим занимались всё-таки люди.
- ⁹ Isaac 1990. P. 377ff.: Decision-Making and War Aims; Mattern 1999. Ch. 1. Introduction: The decision-Making Elite.
- ¹⁰ Практику длительного пребывания наместников в должности ввёл Адриан, которому следовал Антонин Пий (138–161 гг.). «Став императором, он не сменил никого из тех, кого выдвинул Адриан, и этого правила он так твердо держался, что задерживал в провинциях по семи и по девяти лет хороших наместников» (SHA. Pius. 5.3. Пер. С.Н. Кондратьева).
- ¹¹ Stadter 1980. P. 49.
- ¹² Wheeler 1993. P. 21–22. Ср.: Жомини 1939. С. 13–14.
- ¹³ Многие античные военные трактаты, посвященные полководческому искусству (напр., «Стратегикос» Онасандра, I в. н.э.), посвящены не обучению войск, их тактике, ведению кампаний, а личности стратега. См.: Campbell 1987. P. 13–29; Перевалов 1999г. С. 145–153.
- ¹⁴ Syme 1988b. P. 305.
- ¹⁵ Пользуюсь изданием: Silberman 1995. О датировке 132 г. морской поездки Арриана и составлении «Перипла»: Braund 1994. P. 178; Silberman 1995. P. IX–X. Иногда встречается более поздняя дата, например, 137 год, (Воронов 1980. С. 79, 85), ни на чём не основанная.
- ¹⁶ Braund 1994. P. 179 ff.
- ¹⁷ Помимо грекоязычного, предназначенного для широкой публики, «Перипла», Арриан составил официальный отчет о поездке для императора на латинском языке (Arr. Per. 6.2), который до нас не дошел.
- ¹⁸ Подробный комментарий к перечню местных правителей см.: Silberman 1995. P. 33–37 (Notes).

- ¹⁹ Об этом: Спейдел 1985. С. 178.
- ²⁰ В литературе ведётся дискуссия о содержании термина лимес (limes), см.: Isaac 1988; Whittaker 1994; Wheeler 1998; Mattern 1999. P. 109–122.
- ²¹ Практически это единственный источник по провинциальной армии в эпоху принципата.
- ²² Wheeler 1999a. P. 222.
- ²³ Sherk 1974. P. 996; Bosworth 1976c, и др.
- ²⁴ У Панова (Панов 2008. С. 198) вместо Галатийского Понта – ошибочно Галатия (разделённая с Каппадокией при Траяне).
- ²⁵ Remy 1986. P. 72. Carte n°12. Состав Каппадокии после преобразований Траяна: Markwart 1957. S. 368.
- ²⁶ Pelham 1895. P. 631: Охраняемая дорога от Самосаты до Трапезунта, по которой путешествовал Адриан в 124 г. и осмотрел границу (Dio Cass. 69.9).
- ²⁷ Wheeler 1993. P. 30–38.
- ²⁸ При расчёте воинских сил для II века н.э. принимаются следующие показатели численности, определённые Р. Макмалленом (MacMullen 1980): ок. 6000 для легиона (P. 452), от 500 до 1000 для когорт и ок. 200 человек для numeri (P. 454). Numeri, набиравшиеся из варварских провинций, были официально введены в состав римской армии Адрианом (Webster 1969. P. 89).
- ²⁹ Леквинадзе 1969. С. 75–93. О понтийском лимесе см. также: Mitford 1980. P. 1192; Speidel 1986. P. 657; Колобов 2007. С. 200–202.
- ³⁰ Ломоури 1986. С. 59–74.
- ³¹ Пребывание I Понтийского легиона в Трапезунте засвидетельствовано с 288 г.: ILS. 639; AE. 1972. 636; Zuckerman 1991. P. 528.
- ³² Mitford 1974. P. 163–164; Silberman 1995. P. XIV.
- ³³ Remy 1986. P. 61. О Понтийской эскадре в императорский период: Starr 1941. P. 125–129. Трапезунтская гавань была перестроена уже в 130-е гг., при Арриане. До того флот мог базироваться в Синопе (Максимова 1956. С. 318).
- ³⁴ Качарава, Квирквелия 1991. С. 78.
- ³⁵ Mommsen 1910. S. 148; Zuckerman 1991. P. 530; Silberman. 1995. P. 25. Not. 11.
- ³⁶ Качарава, Квирквелия 1991. С. 31; Silberman. 1995. P. 27. Not. 29; Воронов 1998. С. 42. Ср.: Wheeler 1999a. P. 217.
- ³⁷ Plin. NH 6.12: flumen Absarrum cum castello. Сохранившийся в полуразрушенном состоянии форт был довольно большим, ок. 4.7 га площадью: Леквинадзе 1969. С. 77; Braund 1994. P. 183. Map. 7.
- ³⁸ Mitford 1980. P. 1202.
- ³⁹ Bosworth 1977. P. 228, см. комментарий А. Зильбермана: Silberman 1995. P. 27. n. 30.
- ⁴⁰ Ельницкий 1938. С. 310–311; Спейдел 1985. С. 177; Мамуладзе, Халваши, Асланишвили 2002. С. 33–34.
- ⁴¹ Спейдел 1985. С. 177–178. Нумеры и когорты в официальном языке рассматривались как разные формирования, в этом В.А. Леквинадзе прав (Леквинадзе 1969. С. 77). σπεῖρα было обычным обозначением в у греческих авторов для лат. cohortes (Mason 1974. P. 163). Но словоупотребление Арриана в «Перипле», предназначенном для широкой аудитории, могло отличаться (и отличалось) от обычной терминологии. В частности, он не даёт точного обозначения гарнизона Себастополиса (Arg. Per. 10.3), где квартировалась I Клавдиева конная когорта.
- ⁴² Braund 1991. P. 217; 1994. P. 201.
- ⁴³ Спейдел 1985.
- ⁴⁴ Мамуладзе, Халваши, Асланишвили 2002. По мнению авторов, пять когорт Арриана имели уменьшенный состав и их общая численность не превышала 1200–1400 человек (С. 37).

- ⁴⁵ Pelham 1895. P. 633; Bosworth 1977. P. 228, см. также: Инадзе 1968. С. 246.
- ⁴⁶ Спейдел 1985. С. 178; Speidel 1986. P. 657–658.
- ⁴⁷ Wheeler 1999a. P. 217. Кроме того, современник Адриана и Арриана Фарасман II Иберский, вопреки распространённому мнению, в общем, был настроен скорее лояльно по отношению к Риму (Braund 1991; Перевалов 2006б. С. 322–325). В иберах, как и в албанах, Адриан «имел самых верных друзей» (*Hiberos amicissimos habuit*), – пишет биограф римского императора (SHA. Hadr. 21.13).
- ⁴⁸ Тоуда 1988. С. 140–141.
- ⁴⁹ Спейдел 1985. С. 178; Braund 1994. P. 186.
- ⁵⁰ Качарава, Квирквелия 1991. С. 290–293.
- ⁵¹ Pelham 1895. P. 633.
- ⁵² Качарава, Квирквелия 1991. С. 86–89.
- ⁵³ Pelham 1895. P. 635; Леквинадзе 1969. С. 81/
- ⁵⁴ Zuckerman 1991. P. 531–532.
- ⁵⁵ Ростовцев 1907. С. 4–6; Ельницкий 1938. С. 319; 1964. С. 138–140; Stadter 1980. P. 197. Not. 76; ср.: Braund 1994. P. 195 (с критикой обычного чтения).
- ⁵⁶ Лордкипанидзе 1991. С. 175–176.
- ⁵⁷ Леквинадзе 1969. С. 84, 88–90; Speidel 1986. P. 657.
- ⁵⁸ «Триерами» Арриан называл либурны: Silberman. 1995. P. 26. Not. 24.
- ⁵⁹ По оценке Т. Моммзена, эти «союзники» (τὸ συμμαχικόν) существовали еще во времена прокураторской провинции Каппадокия (51 г. Н.э.): Tac. Ann. 12.49: *Cappadociae procurator Iulius Paelignus [...] auxiliis provincialium contractis tamquam recuperaturus Armeniam*. См.: Mommsen 1910. S. 148; Magie 1950. P. 1410. Not. 42.
- ⁶⁰ Gilliver 1999. P. 48.
- ⁶¹ Bosworth 1976с.
- ⁶² Pelham 1895. P. 637. Исследователи отмечают редкую стабильность (*unusual stability*) римской армии восточного лимеса, сравнивая гарнизоны Каппадокии II века времени Арриана с армией *dux'a Armeniae* из *Notitia Dignitatum* (Mitford 1980. P. 1188).
- ⁶³ Сменил в Сатале XVI Флавиев легион – *legio XVI Flavia Firma*, находившийся там с 70-х гг. Подробнее: Wheeler 2000. P. 260, 283ff.; Перевалов 2007б. С. 7–9.
- ⁶⁴ Mitford 1974. P. 165; Bosworth 1977. P. 234.
- ⁶⁵ Zuckerman 1991. P. 539.
- ⁶⁶ Ritterling 1902. S. 363–364.
- ⁶⁷ Zuckerman 1991. P. 539.
- ⁶⁸ Ritterling 1902. S. 369.
- ⁶⁹ Zuckerman 1991. P. 539.
- ⁷⁰ Ломоури 1986. С. 65.
- ⁷¹ Ritterling 1902. S. 361.
- ⁷² Вопросы местоположения см.: Wheeler 1991. P. 506 f.
- ⁷³ Ломоури 1986. С. 65.
- ⁷⁴ Wheeler 1991. P. 506.
- ⁷⁵ В других областях римской державы – Европе, Африке, Британии – античный мир был отгорожен от мира варваров четкой границей, которая при необходимости дополнялась искусственно созданными барьерами. Именно такую политику проводил император Адриан (117–138 гг.): «в очень многих местах, где варвары отделены от римских владений не реками, а обыкновенными границами [*non fluminibus sed limitibus*], он отмежевал варваров от римлян столбами, глубоко врыгтыми в землю наподобие деревенских изгородей и связанными между собой» (НА. Hadr. 12.6; пер. С.Н. Кондратьева).

- ⁷⁶ Wheeler 1991. P. 509.
- ⁷⁷ Перевалов 2006б. С. 318-335.
- ⁷⁸ Boissevain 1890. S. 329–339; Cassius Dio 1955. P. 235; Roos, Wirth 1968. Те. 12. Предполагается, что Ксифилин и составитель *Excerpta* использовали Диона напрямую, а Зонара, для книг с 68-й по 80-ю, – через Ксифилина (Millar 1964. P. 2–3. Not. 3; Wheeler 1997а. P. 67). Ср.: Bosworth 1977. P. 218. Not. 4: The text [...] must derived from Dio.
- ⁷⁹ Напр.: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 351.
- ⁸⁰ Wheeler 1997а. P. 76. Not. 59.
- ⁸¹ Кузнецов 1992. С. 49.
- ⁸² Гутнов 2001. С. 142.
- ⁸³ Ган 1884. С. 173.
- ⁸⁴ Среди них авторы обобщающих работ: Гаглойти 1966. С. 82; Ковалевская 1984. С. 87; Кузнецов 1992. С. 48–49; Габуев 1999. С. 37; Гутнов 2001. С. 107, 142 (где вариант перевода с «Албанией» дан на равных с другими). К.В. Тревер утверждает, что «у Кассия Диона Албания не упоминается», но «предположение» Т. Моммзена об этом «правдоподобно» (Тревер 1959. С. 131).
- ⁸⁵ Морев 1998. С. 6.
- ⁸⁶ Halfmann 1979. S. 146: 131/32–137/38; Remy 1986. P. 74: 131/132–136/137.
- ⁸⁷ Alon 1989. P. 577. Ср.: Braund 1991. P. 217. Not. 50, где автор полагает возможным отнести пассаж Dio 69.15.1 ко времени Антонина Пия (138–161), что противоречит всей совокупности данных о событии.
- ⁸⁸ Stadter 1978. P. 124; Wheeler 1978. P. 361.
- ⁸⁹ Bosworth 1977. P. 218. Not. 5.
- ⁹⁰ Birley 1999. P. 275.
- ⁹¹ Eck 1999. P. 87–88; Birley 1999. P. 359. Addendum 2.
- ⁹² Wheeler 2004. P. 309. Not. 1.
- ⁹³ Меликишвили 1985. С. 165–166, 168. Прим. 28.
- ⁹⁴ Время и место приема дебатировалось: 131 г., Сатала (Magie 1950. P. 621; Bosworth. 1950. P. 228); 129 г., Самосата (Braund 1991. P. 211); 129 г., Мелитена либо Самосата, менее вероятно – Сатала (Birley 1999. P. 225). Совсем неприемлема версия, будто Фарасман отказался приехать в Рим (Гиоргадзе, Шифман 1988. С. 178).
- ⁹⁵ Ломоури 1981. С. 202.
- ⁹⁶ Очерки истории Грузии. С. 321.
- ⁹⁷ Амиранишвили 1938. С. 173; Гиоргадзе, Шифман 1988. С. 178; Bosworth. 1977 P. 228; Stadter 1980. P. 47–48.
- ⁹⁸ Ломоури 1981. С. 194.
- ⁹⁹ Braund 1991. P. 218–219.
- ¹⁰⁰ Bosworth 1977. P. 219, 228; Braund 1991. P. 218.
- ¹⁰¹ Bosworth 1977. P. 229–230; Braund 1991. P. 217–218; Нефёдкин 1999а. С. 174.
- ¹⁰² Wheeler 1997а. P. 67–69.
- ¹⁰³ Bosworth 1977. P. 219; Stadter 1980. P. 47; Isaac 1990. P. 48.
- ¹⁰⁴ Кулаковский 2000. С. 64; Magie. 1950. II. Notes. P. 1659.
- ¹⁰⁵ Тревер 1959. С. 130–131; Габриелян 1989. С. 69; Wheeler 2000. P. 296.
- ¹⁰⁶ Braund 1991. P. 218.
- ¹⁰⁷ Ложная посылка приводит авторов к неверным, порой фантастическим, выводам. По Н.Е. Берлизову аланы-массагеты шли с юго-востока, из Средней Азии, прорываясь через земли Закавказья на Северный Кавказ (Берлизов 1997. С. 42–45). С.А. Яценко выводит аланов из той же Средней Азии, но северным путем вдоль берегов Каспийского моря, через Дербентский проход, минуя Иберию и аккуратно обходя

- основную территорию Албании (Яценко 1998. С. 87–88). О.М. Давудов на том основании, что «аланы названы массагетами», посчитал, что «речь идет о племенах, создавших в южном Дагестане и Северном Азербайджане средневековое “царство маскутов”. Этим фактом и объясняется то, что Албания не упомянута при описании похода 135 г.» (Давудов 1996 С. 244). См. также: Перевалов 1998. С. 98–99; 2002а. С. 213; 2002б. С. 6–7; 2006б. С. 325–328.
- ¹⁰⁸ Alemany 2000. P. 34, 85; рус. пер: Алемань 2003. С. 70, 131.
- ¹⁰⁹ Б. Бахрах предполагал заимствование Дионом аланов-массагетов у Лукана (Phars. 8.222). Он же возражал против «прямого отнесения аланов к массагетам»: Wachrach 1973. P. 18. Not. 38; Бахрах 1993. С. 168. Прим. 38.
- ¹¹⁰ Кляшторный., Султанов 2004. С. 45. См. также: Нертманн 1930. Sp. 2123–2129.
- ¹¹¹ Bosworth 1977. P. 252. Ср.: Stadter 1980. P. 48–49.
- ¹¹² Позднее массагетов стали отождествлять с прикавказскими *маскутами*: Тревер 1959. С. 188–197; Toumanoff 1963. P. 459–460; Kouznetsov, Lebedynsky 2005. P. 63–64.
- ¹¹³ Браунд 1994. С. 170.
- ¹¹⁴ Дарьяльский проход издавна служил мостом между Иберией и Сарматией. Страбон из всех горных путей через Кавказ описывает только его, хотя и оставляет безымянным (Strabo 11.3.4); этим же проходом, под названием Каспийских ворот, пользовались сармато-аланы 35 г. (τὰς θύρας τὰς Κασπίας: AJ 18.97; via Caspiae: Tac. Ann. 6.33). Плиний отстаивал название «Кавказские» ворота (Plin. NH 6.40), которое так и не привилось. Поскольку Фарасман II пропустил аланов через свою страну, он должен был открыть им те же «Каспийские» ворота Дарьяла, что и его тезка, Фарасман I, столетием раньше: они не упомянуты у Диона (69.15.1), но встречаются в более позднем источнике, у Фемистия, где говорится о походе Арриана к «Каспийским воротам» (Them. Or. 34.8). О «Каспийских воротах» на Кавказе см.: Hollis 1994. P. 209–210; Перевалов 2001б. С. 282–283.
- ¹¹⁵ Перевалов 2000б. С. 203–210. Последующая дискуссия: Скрипкин 2001. С. 15–40; Симоненко 2002. С. 107–109.
- ¹¹⁶ Ньюли 2002. С. 38.
- ¹¹⁷ О практике набегов за добычей у сарматов и аланов см.: Нефёдкин 2004в, особ. С. 132–136.
- ¹¹⁸ Bosworth 1977. P. 219.
- ¹¹⁹ В немецком переводе: Sachau 1915, особ. S. 34, 47–48. Хроника концентрирует внимание на церковных делах, и весьма путано излагает внешние события. Считалась сомнительным источником (Chaumont 1976. P. 145. Not. 408), однако ее аутентичность была подтверждена точной датой решительной победы Ардашира над Артабаном V Аршакидом 28 апреля 224 г. (Bivar 1972. P. 275). К сторонникам аутентичности хроники Мешихазехи присоединился А. Алемань (Alemany 2000. P. 389–390 = Алемань 2003. С. 500–502).
- ¹²⁰ По хронологии издателя: 77/78–146/147 гг. (Sachau 1915. S. 34). О проблеме нумерации царей с именем Вологес см.: Колледж 2004. С. 46–47, и генеалогическая таблица Аршакидов на стр. 177, где «Вологезу III» отводится 105–147 гг. Я следую хронологии, принятой Р. Шмиттом: EI. III.6. 1988. P. 576; Vologases=Balāš III (129–146/8).
- ¹²¹ Rostovtseff 1936. P. 120; Debevoise 1938. P. 243; Carrata Thomes 1958. P. 22; Altheim 1959. S. 12; Stark 1966. P. 261; Пигулевская 1956. С. 85.
- ¹²² Alemany 2000. P. 389–390 = Алемань 2003. С. 501.
- ¹²³ Из других предполагаемых следов пребывания аланов 136 г. в северных областях Парфии называлось пряслице с парфянской надписью из района п-ва Мангышлак

- (Харматта 1965. С. 127–147; Кузнецов 1992. С. 49; Гутнов 2001. С. 131). Примечательно и появление в историко-фантастическом романе «Вавилониака» сирийца Ямвлиха (вторая половина II в. н.э.) наемного «аланского войска» (Ἰαμβλῖων στρατῶς: Iambl. 21 Habrich) на службе у вавилонского царя Гарма (Altheim 1959. S. 15; Kouznetsov, Lebedynsky 2005. P. 53).
- ¹²⁴ Gutschmid 1888. S. 146–147. То же: Magie 1950. II. P. 1528.
- ¹²⁵ Boissevain 1890. 25. S. 329–339.
- ¹²⁶ Boissevain 1890. S. 332 ff.; Dio's Roman History. III. 1925. P. 418–419.
- ¹²⁷ Кулаковский 2000. С. 64; Очерки истории Грузии. С. 321.
- ¹²⁸ Габриелян 1989. С. 70 ; Garsoïan 1997. P. 70; Гутнов 2001. С. 142–143.
- ¹²⁹ Boissevain 1890. S. 337.
- ¹³⁰ Парфяне откупались от аланов еще в 72 г., когда Пакор, правитель Мидии, отдал сто талантов за свой гарем (Jos. BJ 7.4.4; Heges. 5.50). Армяне и тогда сопротивлялись, хотя неудачно.
- ¹³¹ Так понимают Диона: Pelham 1895. P. 635–636; Mitford 1980. P. 1202.
- ¹³² О миссии Империи по защите клиентских государств: Braund 1984. P. 182.
- ¹³³ Mommsen 1910. S. 148; Gallies 1965. S. 168.
- ¹³⁴ Henderson 1923. P. 138; Очерки истории Грузии. С. 323.
- ¹³⁵ Датировка 132–133 гг.: Carrata Thomes 1958. P. 21.
- ¹³⁶ Chaumont 1976. P. 145; Габриелян 1989. С. 70; Wheeler 1997а. P. 70.
- ¹³⁷ Э. Берли датирует эпизод летом 136 г.: Birley 1999. P. 287.
- ¹³⁸ Alemany 2000. P. 84–85; Алемань 2003. С. 131.
- ¹³⁹ Поход 72 г. был совершен, согласно Иосифу Флавию (BJ 7.244–251), не северокавказскими, а донскими аланами в обход Каспийского моря, с вероятной помощью среднеазиатских соплеменников. Но общность (культурная, этническая) внутри аланской конфедерации, о которой говорит Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. 31.2.17) предполагает налаженный обмен информацией между разными группами аланов.
- ¹⁴⁰ Wheeler 1997а. P. 69.
- ¹⁴¹ Последний, мне известный, подсчет сил Арриана произвела К. Гиллевер (Gilliver 1999. P. 48), которая вывела цифру в 12 836 человек. Из ее внимания, однако, выпали: всадники coh. I Vosporanorum (Ekt. 4), всадники coh. I Palica (Ekt. 9, ср. 3; 13), ala II Gallorum (Ekt. 9), coh. I Raetorum (Ekt. 1), «союзники» из Малой Армении (Ekt. 7; 14), армяне Васака и Арбела (Ekt. 12; 13). Заниженной представляется численность провинциальной милиции (800), и возможно – XII легиона (2 000). Полный перечень частей, задействованных в походе на аланов – в моих комментариях к «Диспозиции» в этом томе. См. также: Перевалов 2001а. С. 236–243.
- ¹⁴² Спейдел 1985. С. 178–179.
- ¹⁴³ Браунд 1991. С. 40. То же у В. Исаака: the Pontic coast was not the target of the Alani: Pharasmanes, the Iberian king, had invited them to attack his enemies, Albania to the east and Media to the south-east (Isaac 1990. P. 48).
- ¹⁴⁴ Pelham 1895. P. 636.
- ¹⁴⁵ Bosworth 1977. P. 234. Против: Speidel 1986. P. 658.
- ¹⁴⁶ Разбор тактики Арриана проводился многократно: Lammert 1931. S. 26 ff.; Dent 1974. P. 570–574; Bosworth 1977. P. 233–255; Stadter 1980. P. 46–47; Перевалов 1997. С. 123–128; Нефёдкин 1999а; Gilliver 1999. P. 53–55; Wheeler 2004. С ошибками воспроизведена диспозиция Арриана в книге: Горончаровский 2003. С. 103–105 (см. рец. А.К. Нефёдкина: РВ. 2004. № 1. С. 100).
- ¹⁴⁷ Alemany 2000. P. 85=Алемань 2003. С. 131.
- ¹⁴⁸ Stadter 1980. P. 47.

- ¹⁴⁹ Перевалов 2001б. С. 282–289.
- ¹⁵⁰ Нефёдкин 1999а. С. 174.
- ¹⁵¹ Syme 1982. P. 200.
- ¹⁵² Wheeler 1997а. P. 69.
- ¹⁵³ Bosworth 1977. P. 229–232; Перевалов 2001б. С. 282–289; Алемань 2003. С. 160.
- ¹⁵⁴ В отношении статуса Албании много неопределённого, связанного с дефицитом источников. К.В. Тревер, писавшая в эпоху, когда было принято подчёркивать прогрессивный характер национально-освободительной борьбы народов Закавказья с Римом, утверждала, что даже при Траяне, который «дал албанам царя» (*Albanis regem dedit: Fest. Brev. 22.2*), Албания оставалась независимой от Рима (Тревер 1959. С. 129). Следует, однако, сказать, что факт утверждения царя свидетельствует именно о вассальной зависимости от Рима (Bosworth 1977. P. 227).
- ¹⁵⁵ Bosworth 1977. P. 232; Stadter 1980. P. 47. Были попытки связать с деятельностью Арриана в Албании греческую эпитафию с именем Элия Ясона около сел. Беюг-Дегне в Азербайджане (Каухчишвили 1958. С. 129–133), но они малооправданы (Тревер 1959. С. 340–342), а сама надпись относится к более позднему времени (Braund 1994. P. 233).
- ¹⁵⁶ Braund 1991. P. 218–219.
- ¹⁵⁷ Braund 1984. P. 43.
- ¹⁵⁸ Церетели 1941; Церетели 1948. С. 49–57. Каухчишвили 1951. № 675. С. 250 слл.
- ¹⁵⁹ Bosworth 1977. P. 231. Not. 58. Ср.: Carrata Thomes 1958. P. 25–33.
- ¹⁶⁰ Был легатом в 131–135 гг.: Eck 1970. S. 249.
- ¹⁶¹ Bosworth 1977. P. 230–232; ср.: Braund 1991. P. 210.
- ¹⁶² Braund 1984. P. 43.
- ¹⁶³ О проникновении римской культуры в Иберию см.: Plontke-Lüning 1995.
- ¹⁶⁴ Kagan 2006. P. 338.
- ¹⁶⁵ НА. Надг. 5: «1. Достигнув власти, Адриан немедленно стал следовать древнему образу действия и направил свои усилия к тому, чтобы установить мир по всему кругу земель. [...] 3. Поэтому все земли за Евфратом и Тигром он тотчас же покинул по примеру, как он говорил, Катона, который провозгласил македонцев свободными, так как не мог удерживать их» (пер. С.Н. Кондратьева).
- ¹⁶⁶ Luttwak 1974. P. 60. Противоположная точка зрения: Isaac 1990. P. 387 ff.
- ¹⁶⁷ О правовом статусе «клиентских» государств см.: Адонц 1971. С. 104; Braund 1984. P. 5, 30, 39, 41, 43, 181 ff.
- ¹⁶⁸ Некоторый перекос в этом отношении допускает А.Р. Панов, приписывая все успехи в стабилизации на северо-восточных границах империи лично Адриану (Панов 2008. С. 200).
- ¹⁶⁹ По оценке Пелхэма, Адриану в своей внутренней политике приходилось бороться со сторонниками прежней точки зрения на империю, как федерацию разнородных общин при лидерстве Рима. Сам же Адриан руководствовался космополитической (или лучше – имперской) идеей общего гражданства для всех подданных. Личность Арриана, воплощавшего собой идеал греко-римского синтеза, как нельзя лучше подходила для реализации этих идей в Каппадокии – крупной и разнородной провинции с гетерогенным населением, примыкавшей к варварскому окружению: Pelham 1895. P. 628–629.
- ¹⁷⁰ Приведу характеристику римлян, данную специалистом в этом вопросе: The Romans, like the British, were individualists and had no love of rigid uniformity. They recognized and respected the differing traditions of the different parts of their empire. In the eastern provinces Rome allowed Greek to remain the official language and interfered little with the Hellenistic civilisation (Stevenson 1949. P. 1–2).

- ¹⁷¹ Колобов 2007. С. 199–202.
- ¹⁷² О статусе «клиентских» царей: Braund 1984.
- ¹⁷³ Braund 1994. Р. 180.
- ¹⁷⁴ Ferrill 1991. Р. 79.
- ¹⁷⁵ Еремян 1980. С. 5–14; Тогошвили 1990. С. 5–6, и др. Тревер 1953. С. 4: «Рим, стремясь к мировому господству, пытался подчинить себе и страны Востока, в том числе Армению, Иберию, Атропатену и Кавказскую Албанию. Народы Кавказа героически боролись за свою независимость. [...] Адриану пришлось вернуть независимость армянам, сохранившим свой политический и общественный строй, а также свою культуру и религию». О «римской экспансии, направленной против Парфии, Армении и Закавказья» пишет О.В. Кудрявцев (Кудрявцев 1955. С. 49).
- ¹⁷⁶ Чалоян 1979. С. 48.
- ¹⁷⁷ Браунд 1991. С. 34.
- ¹⁷⁸ Jacobson 2001. Р. 29–30. Ещё одно верное замечание автора касается истинных взаимоотношений Рима с царями-клиентами, из политкорректности называемых «союзниками народа римского»: Because the Romans referred to the kings as *reges socii et amici* and never as *clientes*, some scholars have suggested that the relationship between the central power and „allied“ monarchy was more symmetrical in character than one denoted by clienship (Р. 35. Not. 11).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Aelianus – *Tactica sive de instruendis aciebus / Claudii Aeliani et Leonis imperatoris*; Mit einer Einleitung von W. Hahlweg. Osnabrück, 1981.
- Blancard 1683 – Arrianus 1683 – *Arrianus*. Arrianou Taktika, Periploi etc. Ex recensione & museo N. Blancardi. Amsterdam, 1683.
- Arrianus 1750 – *Arrianus*. Arriani Ars tactica. Acies contra Alanos etc. Cum interpretibus latinis & notis. Ex recensione & museo N. Blancardi. Amsterdam, Le Coux, 1750.
- Abicht 1871 – *Arrianus*. Anabasis. Erklärt. von Dr. K. Abicht. Leipzig, 1871. 1 Heft.
- Arrianus 1946–1949 – *Arrian*. Works. With an Engl. transl. by E.I. Robson. In 2 vols. Cambridge (Mass.); London, 1946–1949.
- Brunt 1976–1983 – Arrian 1976–1983 – *Arrian*. History of Alexander and Indica in two volumes. With an Engl. transl. by P.A. Brunt. Cambridge; L., 1976–1983.
- Arrianus 1985a – *Arrianus*. Der Alexanderzug. Indische Geschichte. Griechisch und deutsch. Herausg. und übersetzt von Gerhard Wirth und Oskar von Hinüber. München; Zürich, 1985 (Sammlung Tusculum).
- Arrianus 1985b – *Arrianus*. Der Alexanderzug. Indische Geschichte. Griechisch und deutsch. Herausg. und übersetzt von Gerhard Wirth und Oskar von Hinüber. T. 2. Berlin, 1985.
- Müller 1860 – *Müller C.* (ed.) Arriani Nicomediensis Fragmenta / Ed. C. Müller // FHG. Paris, 1860. Vol. III. P. 586–601.
- Schefferus 1664 – *Schefferus J.* (ed.) Arriani Tactica et Mauricii Artis Militaris. Hrsg. von Joh. Scheffer. Faksimiledruck der Ausgabe 1664 mit einer Einleitung von W. Hahlweg. Osnabrück, 1967. [repr.: Upsaliae, 1664].
- Hercher 1854 – *Hercher R.* (ed.) Arriani Nicomediensis scripta minora. Rec. R. Hercher. Leipzig: Teubner, 1854.
- Hercher 1885 – *Hercher R.* (ed.) Arriani Nicomediensis scripta minora. 2nd Rec. R. Hercher. Ed. A. Eberhard. Leipzig, 1885.
- Dörner 1829 — Arrian's von Nicomedien 1829–1832 – *Arrian's von Nicomedien*. Werke / Übers. von Ch.H. Dörner. Stuttgart, 1829–1832. Bd. 1–5.
- Silberman 1995 – Arrien 1995 – *Arrien*. Périphe du Pont–Euxin. Texte établi et traduit par A. Silberman. Paris, 1995.
- Asclepiodotus 1923 – *Asclepiodotus* / Ed. by C.H. and W.A. Oldfather // Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. [Works]. London; Cambridge; New York, 1923. P. 227–340.
- Asclépiodote 1992 – *Asclépiodote*. Traité de Tactique. Texte établi et traduit par L. Poznanski. Paris, 1992.
- Poetae lyrici graeci / Ed. Th. Bergk. Lipsiae, 1900.

- De Voto 1993 – *De Voto J.G.* (Ed., tr.) Flavius Arrianus TEXNH TAKTIKA (Tactical Handbook) and ΕΚΤΑΞΙΣ ΚΑΤΑ ΑΛΑΝΩΝ (The Expedition against the Alans). Chicago, 1993.
- Antologia lyrica graeca / E. Diehl. Lipsiae, 1942.
- Flavii Arriani quae extant omnia / Ed. A.G. Roos et G. Wirth. Vol. I–II. Lipsiae, 1967–1968.
- Flavii Iosephi opera edidit et apparatus critico instruxit B. Niese. T. IV. Berlin, 1890; repr. 1955.
- Flavii Iosephi Opera omnia post Immanuelem Bekkerum recognovit S.A. Naber. Vol. I–VI. Leipzig. 1888–1896.
- Dio's Roman History. With an Engl. transl. by E. Cary. In 9 vols. London; N.Y., 1914–1927.
- Cassius Dio 1955 – Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum Quae Supersunt, ed. U.P. Boissevain. Vol. III. B., 1955 (repr.).
- Diodrus Siculus. Library of History. With an Engl. transl. by R.M. Geer. In 12 vol. Vol. 9. Books XVIII–XIX.65. Camb., L., 1984.
- Diodorus Siculus. Works. With an Engl. transl. by C.H. Oldfather. In 10 vols. London; N.Y., 1933–1954. Vol. 10. Books XIX–XX. 1954.
- Epictetus. The Discourses as reported by Arrian, the Manual, and Fragments. With an Engl. transl. by W.A. Oldfather. In 2 vol. Cambridge; L., 1976. Vol. I.
- Joannis Lydi de magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wünsch. Lipsiae, 1903.
- Köchly, Rüstow 1853–1855 – *Köchly H., Rüstow W.* Griechische Kriegsschriftsteller, griechisch und deutsch mit Kritischen und erklärenden Anmerkungen. II Theil. I Abteilung. Leipzig, 1853; II Theil. II Abteilung. Des byzantiner Anonyms Kriegswissenschaft. Leipzig. 1855.
- Leonis Imperatoris Tactica // PG. 107. 1863. I.
- Maurice's Strategikon: Handbook of Byzantine military strategy / Transl. by G.T. Dennis. Philadelphia, 1984.
- Das Strategikon des Maurikios / Einf., ed. und ind. von G.T. Dennis. Vbers. von E. Gamillscheg. Wien, 1981.
- Müller 1853 – *Müller C.* Reliqua Arriani. Paris, 1853.
- Photius. Bibliothèque / Texte établi et trad. par R. Henry. Paris, 1959–1991. T. 1. 1959; T. 2. 1960.
- Plutarch's Lives. With an Engl. transl. by B. Perrin. In 10 vols. Cambridge (Mass.); London, 1967.
- Themistii orationes quae supersunt. Rec. H. Schenkle. Vol. II. Leipzig. 1971.
- Three byzantine Military Treatises. Text, translation and Notes by Georg T. Dennis. Washington, 1985. (Dumbarton Oaks 9; CFHB 25).

Переводные источники

- Античные риторика / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978.
- Античные теории – Античные теории языка и стиля: антология текстов. СПб., 1996.
- Аппиан. Сирийские дела / Пер. О.И. Севастьяновой // ВДИ. 1946. № 4. С. 289–317.
- Аппиан Александрийский. Римская история: Пер. с греч. М., 2002.
- Арриан 1998 – *Арриан*. Диспозиция против аланов. Перевод А.К. Нефёдкина // РВ. № 3. 1998. С. 4–11.
- Асклепиодот 2004 – *Нефёдкин А.К.* Асклепиодот. Тактическое искусство // РВ. 2004. № 2 (22). С. 5–36.
- Арриан Флавий 2001 – *Флавий Арриан*. Диспозиция против аланов. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии С.М. Первалова // ВДИ. 2001. № 1. С. 236–243.

- Арриан Флавий 2002 – *Арриан Флавий*. Индика / пер. и коммент. М.Д. Бухарина // Индия и античный мир / Г.М. Бонгард-Левин, М.Д. Бухарин, А.А. Вигасин. М., 2002. С. 261–291.
- Арриан 1994 – *Арриан*. Поход Александра / Пер. М.Е. Сергеевко. Спб., 1994.
- Афиней 2004 – *Афиней*. Пир мудрецов в пятнадцати книгах. Книги I–VIII / Изд. подготов. Н.Т. Голинкевич, М.Г. Витковская, А.А. Григорьева, О.Л. Левинская, Б.М. Никольский. М., 2004.
- Беседы Эпиктета / Пер. с древнегреч. и прим. Г.А. Тарояна. Предисл. Г.А. Кошеленко и Л.П. Маринович. М., 1997.
- Военная мысль античности. Сочинения древнегреческих и византийских авторов / Сост. К. Королева; Приложение Г. Кантора. М., 2002.
- Греческие полиоркеттики. Флавий Вегеций Ренат. Спб., 1996.
- Греческий роман: Пер. с древнегреч. / Составл., вступ. ст., примеч. М. Томашевской; Ил. А. Ляшенко. М., 1988.
- Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подготовил В.В. Кучма. Спб., 2002.
- Демосфен 1994 – *Демосфен*. Речи. В 3-х т. / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. Т. 1. М., 1994.
- Доватур, Каллистов, Шишова 1982 – *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
- Евнапий 1997 – *Евнапий*. Жизни философов и софистов // Римские историки IV в. М., 1997. С. 225–294.
- Искусство войны. Антология военной мысли. В 2 кн. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова. СПб., 2000. Кн. 1. Древний мир. Кн. 2. Новое время.
- История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. 2–е изд., исправ. и доп. М., 1990.
- Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 1990.
- Корнелий Непот 1992 – *Корнелий Непот*. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. с лат. и коммент. Н.Н. Трухиной. М., 1992.
- Ксенофонт 1994 – *Ксенофонт*. Анабасис / Пер., ст. и примеч. М.И. Максимовой. М., 1994.
- Ксенофонт 1977 – *Ксенофонт*. Киропедия / Издание подготов. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов. М., 1977.
- Ксенофонт 1993а – *Ксенофонт*. Греческая история. Спб., 1993.
- Ксенофонт 1993б – *Ксенофонт*. Сократические сочинения. Спб., 1993.
- Лев Диакон 1988 – *Лев Диакон*. История / Пер. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М., 1988.
- Маврикий 1903 – *Маврикий*. Тактика и стратегия. Первоисточник сочинений о военном искусстве имп. Льва Философа и Н. Маккиавелли. С лат. пер. кап. Цыбышев. Спб., 1903.
- Маврикий 2004 – *Стратегикон Маврикия* / Изд. подг. В.В. Кучма. Спб., 2004.
- Макиавелли 1996 – *Макиавелли Николо*. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Предисл., коммент. Е.И. Темнова. М., 1996.
- Мемнон 1951 – *Мемнон*. О Геракле / Пер. и комм. В.П. Дзагуровой // ВДИ. 1951. № 1. С. 283–316.
- Онисандр 1828 – *Онисандр*. Наставление военачальникам / Перев. барон Федор Стюарт. Спб., 1828.
- Павсаний 1994 – *Павсаний*. Описание Греции / Пер. и вступ. ст. С.П. Кондратьева. Т. I–II. М., 1994.

- Подосинов 1985 – *Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М., 1985.
- Полибий 1994–1995 – *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. Т I–III. СПб., 1994–1995.
- Полиэн 1842 – *Полиэн.* Стратегемы. СПб., 1842.
- Полиэн 2002 – *Полиэн.* Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А.К. Нефёдкина. СПб., 2002.
- Плутарх 1994 – *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в 2-х тт. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1994.
- Псевдо-Гигин 2002 – *Псевдо-Гигин.* Об устройстве военных лагерей / Пер. и комм. А.В. Колобова // Древность и Средневековье Европы. Пермь, 2002. С. 108–130.
- Римские стоики 1995 – *Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий* / Вступ. ст., сост., подгот. текста В.В. Сапова. М., 1995.
- Секст Эмпирик 1975–1976 – *Секст Эмпирик.* Сочинения в двух томах. Т. 1–2. М., 1975–1976.
- Соломоник 1983 – *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. Тексты, перевод, комментарий. М., 1983.
- Страбон 1994 – *Страбон.* География в 17 книгах / Пер., ст., и комм. Г.А. Стратановского. М., 1994.
- Теофраст 1951 – *Теофраст.* Исследования о растениях / Пер. с древнегреч. и примеч. М.Е. Сергеенко. М., 1951.
- Филон Александрийский. О том, что худшее склонно нападать на лучшее / Пер. И.А. Макарова // ВДИ. 1999. № 2. С. 256–267.
- Флавий Арриан. Диспозиция против аланов. Вступит. ст., пер. с древнегреч. и коммент. С.М. Перевалова // ВДИ. 2001. № 1. С. 236–243.
- Флавий Филострат 1985 – *Флавий Филострат.* Жизнь Аполлония Тианского / Изд. подготовила Е.Г. Рабинович. М., 1985.
- Фронтин 1996 – *Фронтин Секст Юлий.* Военные хитрости (стратегемы). СПб., 1996.
- Эней Тактик 1965 – *Эней Тактик.* О перенесении осады / Пер. и вступ. ст. В.Ф. Беляева // ВДИ. 1965. № 1. С. 258–268; № 2. С. 217–243.

Литература

- А что, если бы?...: Альтернативная история / Сост. Р. Коули; пер. с англ. В. Волковского. М., 2002.
- Абаев 1949 – *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949.
- Абрамзон, Фролова, Горлов 2000 – *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клад золотых боспорских статеров II в. н.э. с Краснобатареиного городища // ВДИ. 2000. № 4. С. 60–68.
- Абрамова 1993 – *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э.–IV в. н.э.). М., 1993.
- Агбунов 1987 – *Агбунов М.В.* Античная логия Черного моря. М., 1987.
- Адо 2002 – *Адо И.* Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002.
- Адонц 1971 – *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.
- Алексеева 1988 – *Алексеева Е.М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2. С. 66–85.
- Алексинский 2005 – *Алексинский Д.П.* Всадники войны. Кавалерия Европы. М., 2005.
- Алемань 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Амброз 1973 – *Амброз А.К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С.

- Амиранишвили 1938 – *Амиранишвили А.И.* Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии) // ВДИ. 1938. № 4. С. 161–173.
- Анохин 1986 – *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Андреев 1993 – *Андреев Ю.В.* Кто изобрел греческую фалангу? // ПАВ. № 7. 1993. С. 36–42.
- Андреев 2003 – *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. Вступ. ст. Ю.А. Виноградова. СПб., 2003
- Андреев 2004 – *Андреев Ю.В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб., 2004
- Античные писатели 1940 – Античные писатели о древней Индии // ВДИ. 1940. № 2. С. 221–229.
- Банников 2006 – *Банников А.В.* О причинах прекращения использования боевых слонов в армиях античного Средиземноморья // РВ. № 26. 2006. С. 53–66.
- Бартошек 1989 – *Бартошек М.* Римское право (Понятия, термины, определения). Пер. с чешск. М., 1989.
- Бахрах 1993 – *Бахрах Бернард С.* Аланы на Западе / Пер. с англ. И.Б. Санакоева. М., 1993.
- Бахрах 1994 – *Бахрах Бернард С.* История алан на Западе / Пер. с англ. М. Черчесовой // Дарьял. 1993. № 3. С. 144–191; № 4. С. 175–205; 1994. № 1. С. 178–189.
- Безрученко 1996 – *Безрученко И.М.* Организация сухопутных войск древнегреческих полисов Киренаики (VII–IV века до н.э.) // ПИФК. Вып. 3. Ч. 1. История. 1996. С. 26–32.
- Беликов 2003 – *Беликов А.П.* Полибий между греками и римлянами: оценка политической деятельности историка // ВДИ. 2003. № 3. С. 150–161.
- Беликов 2003а – *Беликов А.П.* Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.
- Беляев 1965 – *Беляев В.Ф.* Эней Тактик – первый военный теоретик античности // ВДИ. 1965. № 1. С. 239–257.
- Беляев 1966 – *Беляев В.Ф.* Эней Тактик и его место в истории греческой литературы и становлении общегреческого языка. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1966.
- Беннет, Брэдбери и др. 2006 – *Беннет М., Брэдбери Дж.* и др. Войны и сражения Средневековья 500–1500 г. М., 2006.
- Берзина 1982 – *Берзина С.Я.* Древняя Индия и Африка // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 17–41.
- Берлизов 1994 – *Берлизов Н.Е.* Хронология и хронография азиатской Сарматии // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. Волгоград, 1994. С. 67–70.
- Берлизов 1997 – *Берлизов Н.Е.* Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М., 1997. С. 41–54.
- Берлизов, Каминский 1993 – *Берлизов Н.Е., Каминский В.Н.* Аланы, Кангюй и Давань // ПАВ. № 7. 1993. С. 94–112.
- Бибиков 1998 – *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998.
- Бикерман 1985 – *Бикерман Э.* Государство Селевкидов / Пер. с франц. Л.М. Глускиной. М., 1985.
- Бикман, Келлоу 1994 – *Бикман Д., Келлоу Д.* «Не искажая слова Божия...». Принципы перевода и семантического анализа Библии. СПб., 1994.
- Битва на Калке 31 мая 1223 г. Автор текста И. Гольженков. М., 1994 (Великие сражения русской истории).
- Блаватский 1946 – *Блаватский В.Д.* Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н.э. // ВДИ. 1946. № 1. С. 101–106.

- Блаватский 1949 – *Блаватский В.Д.* О боспорской коннице // КСИИМК. Вып. XXIX. М. 1949. С. 96–99.
- Блаватский 1950 – *Блаватский В.Д.* О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950. С. 19–29.
- Блаватский 1954 – *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Блаватский 1965 – *Блаватский В.Д.* Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 225–229.
- Блаватский 1968 – *Блаватский В.Д.* О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 44–45.
- Блок 1986 – *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
- Богатова 1998 – *Богатова О.В.* Культ Великой Матери богов Кибелы в Греко-римской древности (проблема религиозного синкретизма в античности). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Бокщанин 1966 – *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966.
- Болдырев, Боровский 1948 – *Болдырев А.В., Боровский Я.М.* Техника военного дела и мореходства // Эллинистическая техника. Сб. ст. под ред. И.И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 267–337.
- Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002 – *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А.* Индия и восточный мир. М., 2002.
- Браунд 1991 – *Браунд Д.* Римское присутствие в Иберии и Колхиде // ВДИ. 1991. № 4. С. 34–52.
- Браунд 1994 – *Браунд Д.* «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологий // ВДИ. 1994. № 4. С. 168–173.
- Брашинский 1973 – *Брашинский И.Б.* Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3. С. 124–133
- Булкин 2005 – *Булкин И.Ю.* К вопросу о численности римских гарнизонов в северо-Западном Причерноморье и Таврике в первые века нашей эры // *Studia historica*. V. К 70-летию Ю.Б. Циркина. М., 2005. С. 94–112.
- Буркхардт 1996 – *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996.
- Буров 1996 – *Буров А.С.* Вооруженные силы и военная политика Македонии (70–20–е гг. III в. до н.э.). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 1996.
- Буюклиев 1995 – *Буюклиев Х.* К вопросу о фракийско–сарматских отношениях в I–начале II века н.э. // РА. 1995. № 1. С.37–46
- Вайнберг, Ставиский 1994 – *Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я.* История и культура Средней Азии в древности. Учеб. пос. для высшей школы. М., 1994.
- Вайнштейн 1991 – *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
- Ван Берхем 2005 – *Ван Берхем Д.* Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.
- Видаль-Накэ 2001 – *Видаль-Накэ П.* Эпаминонд-пифагорец, или Проблема правого и левого флангов (в соавторстве с П. Левеком). Дополнение 1980 г. // Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 91–112; *он же.* Традиция афинской гоплитии // Там же. С. 115–134.
- Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
- Виноградов 1963 – *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

- Виноградов 1989 – *Виноградов Ю.Г.* Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Виноградов 1994 – *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
- Владзимирский 2000 – *Владзимирский А.* Скифы – конные стрелки из лука // РВ. 2000. № 9. С. 13–32.
- Военная археология 1998 – Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998.
- Война и античное общество 2004 – Война и античное общество: Современная зарубежная историография. Реф. сб. РАН. ИНИОН. М., 2004.
- Война и политика 2007 – Война и политика в архаической и классической Греции (*от редколлегий*) // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 5–8.
- Воронов 1980 – *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М., 1980.
- Воронов 1998 – *Воронов Ю.Н.* Древняя Аписилия. Источники, историография, археология. Сухум, 1998.
- Вэрри 2004 – *Вэрри Дж.* Войны античности от греко-персидских войн до падения Рима: Иллюстративная история. М., 2004.
- Габелко 2001 – *Габелко О.Л.* Датировка и историческая интерпретация надгробного памятника вифинца Менаса // *Studia historica*. I. М., 2001. С. 45–61.
- Габелко 2003 – *Габелко О.Л.* О злокозности Лукиана, или несколько реплик о колесницах азиатских кельтов // *Studia historica*. М., 2003. 3. С. 74–82.
- Габриелян 1989 – *Габриелян Р.А.* Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван, 1989.
- Габриелян 2002 – *Габриелян Р.А.* Армения и Атропатена. Ереван, 2002.
- Габуев 1997 – *Габуев Т.А.* Алано-грузинские отношения в свете аланских вторжений в Закавказье в I–V вв. н.э. // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М., 1997. С. 123–128.
- Габуев 1999 – *Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.
- Гаглойти 1966 – *Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
- Гаглойти 1995 – *Гаглойти Ю.С.* К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе. Ч. II // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 44–58.
- Гаглойти, Абаев 1987 – *Гаглойти Ю.С., Абаев В.И.* Аланы в Предкавказье (I–IV вв.) // История СО АССР. Т. I. Орджоникидзе, 1987. С. 52–68.
- Гагуа 1984 – *Гагуа И. П.* Овидий Назон и древняя Колхида. Тб.: Издательство Тб. унта. 1984.
- Гайдукевич 1949 – *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Ган 1884 – *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1.
- Гафуров, Цибукидис 1980 – *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Гиббон 1997 – *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. В 7-ми томах. Т. I. СПб., 1997.
- Гиоргадзе, Шифман 1988 – *Гиоргадзе Г.Г., Шифман И.Ш.* К интерпретации Армазской билингвы (строки 7–8 арамейскографичного текста) // ВДИ. 1988. № 4. С. 168–181.
- Горелик 1971 – *Горелик М.В.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства – золотой пластинки из Гермесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–245.
- Горелик 1993 – *Горелик М.В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие–IV в. до н.э.). М., 1993.

- Горончаровский 1993 – *Горончаровский В.А.* Катафрактарии в истории военного дела Боспора // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. ПАВ. № 6. 1993. С. 79–82.
- Горончаровский 2001 – *Горончаровский В.А.* Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. н.э. // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. II. СПб., 2001. С. 217–222.
- Горончаровский 2003 – *Горончаровский В.А.* Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003.
- Горончаровский 2007 – *Горончаровский В.А.* К вопросу о конструкции боспорских седел I–III вв. н.э. // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 324–334.
- Горончаровский, Никоноров 1987 – *Горончаровский В.А., Никоноров В.П.* Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213.
- Грачев 2006 – *Грачев Ю.Г.* Рыцарство в средневековой Европе. Киев, 2006.
- Гутнов 2001 – *Гутнов Ф.Х.* Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001/
- Давудов 1996 – *Давудов О.М.* Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала, 1996.
- Даль I–IV – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1989–1991 [1955].
- Дворецкий 1958 – Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий под ред. С.И.Соболевского. Т. I–II. М., 1958.
- Дворниченко, Федоров–Давыдов 1989 – *Дворниченко В.В., Федоров–Давыдов Г.А.* Памятники сарматской аристократии в нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 5–13.
- Дельбрюк 1936–1996 – *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. Античный мир. М., 1936. Т. II. Германцы. СПб., 1994. Т. III. Средневековье. СПб., 1996.
- Денике 1916 – *Денике Ю.П.* Ксенофонт и начало теории военного искусства // ЖМНП. 1916, июль. Отд. V. С. 233–264.
- Денисон 1872 – *Денисон Г.* Организация, вооружение и употребление кавалерии на войне / Пер. с нем. (Военная библиотека Т. VIII) СПб., 1872.
- Десятчиков 1972 – *Десятчиков Ю.М.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. С. 68–77.
- Десятчиков 1977 – *Десятчиков Ю.М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–48.
- Джонс, Эрейра 2007 – *Джонс Т., Эрейра А.* Варвары. М., 2007. (227: о боевых машинах)
- Rüstow Джоунз 1997 – *Джоунз К.* Язык и империя // ВДИ. 1997. № 4. С. 93–99.
- Доманина 2007 – *Доманина С.А.* Кельтские гезаты – кто они? // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 113–118.
- Дюкре 1997 – *Дюкре П.* Война в общественной жизни Древней Греции // Античное общество: Проблемы политической истории. Межвуз. сб. СПб., 1997. С. 231–237.
- Дюпюи, Дюпюи 1997 – *Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н.* Всемирная история войн: в 4 т. СПб.; М., 1997. Т. I.
- Дюрант 1997 – *Дюрант В.* Жизнь Греции. М., 1997.
- Егунов 1997 – *Егунов А.Н.* Атрибуция и атетеза в классической филологии // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. СПб., 1997. С. 83–138.
- Ельницкий 1938 – *Ельницкий Л.А.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1938. № 2. С. 307–320.

- Ельницкий 1964 – Ельницкий Л.А. О малоизученных или утраченных греческих надписях Закавказья // ВДИ. 1964. № 2. С. 134–148.
- Ельницкий 1961 – *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах, М., 1961.
- Еремян 1980 – *Еремян С.Т.* Великий пример братского сотрудничества народов // Кавказ и Византия. Вып. 2. Ереван, 1980. С. 5–14.
- Жебелев 1923 – *Жебелев С.А.* Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Пг., 1923.
- Жмодиков 1998 – *Жмодиков А.Л.* Этапы развития фаланги // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Мат. Междунар. конф. 2–5 сент. 1998. СПб., 1998. С. 89–92.
- Жмодиков 2001 – *Жмодиков А.Л.* Тактика римской пехоты IV–II веков до н.э. // РВ Дайджест. СПб., 2001. С. 43–60.
- Жомини 1939 – *Жомини А.* Очерки военного искусства. Т. I. Пер. с франц. М., 1939.
- Журенко 1991 – *Журенко Н.Б.* Риторика и классическая проза (О семантике однокоренных слов у Ксенофонта) // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С. 106–134.
- Жюльен 2001 – *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. Пер. с фр. В. Лысенко. М., 2001.
- Зайцев 1985 – *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985.
- Зельин 1951 – *Зельин К.К.* Рец. на: J. de Romilly. Thucide et l'impérialisme athénien // ВДИ. 1951. № 1. С. 195–203.
- Зиновина, Литвиненко 1993 – *Зиновина М.А., Литвиненко Ю.М.* Идеи войны и мира в древнегреческой истории // Проблемы войны и мира в древнегреческой истории. Межвуз. сб. науч. тр. Ставрополь, 1993. С. 16–27.
- Золотовский 2007 – *Золотовский В.А.* Владимир Васильевич Кучма как исследователь военной истории Византии // СТРАТНГОΣ. С. 5–18.
- Зубарев 1999 – *Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции //ДБ. Вып. 2. С. 123–146.
- Иванчик 1993 – *Иванчик А.И.* К истолкованию сообщения Полиэна о киммерийцах (Ролуен, VII, 2, 1) // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Сб. науч. тр. Владикавказ, 1993. С. 41–52.
- Иванчик 2001 – *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно–исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Москва, 2001.
- Иванчик 2002 – *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55. № 4. С. 23–42.
- Ивенских 2003 – *Ивенских А.В.* Катафрактарии на Боспоре // РВ. 2003. № 2 (18). С. 31–42.
- Инадзе 1953 – *Инадзе М.П.* К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии). Автореф. ... канд. ист. наук. Тб., 1953.
- Инадзе 1968 – *Инадзе М.П.* Причерноморские города древней колхиды. Тбилиси, 1968.
- История Дагестана – История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004.
- История народов Северного Кавказа – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- Источниковедение древней Греции – Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под. ред. В.И. Кузищина. М., 1982.
- Казаров 2002а – *Казаров С.С.* Слоны Пирра (к вопросу о развитии военного искусства в эллинистический период) // РВ. 2002. № 14. С. 37–46.
- Казаров 2002б – *Казаров С.С.* Первое сражение греков с римлянами (битва при Гераклее) // РВ. 2002. № 15. С. 19–28.

- Каминский 1993 – *Каминский В.Н.* Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. I. Понтийско-Кавказские исследования. Краснодар, 1993. С. 90–114.
- Кардини 1987 – *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Кассирер 2002 – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб., 2002.
- Каухчишвили 1951 – *Каухчишвили Т.С.* Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
- Каухчишвили 1958 – *Каухчишвили Т.С.* Эпиграфические новости из Грузии // ВДИ. 1958. № 4. С. 129–133.
- Качарава, Квирквелия 1991 – *Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.
- Кащеев 1993а – *Кащеев В.И.* Война и понятие справедливости у греков в эпоху эллинизма // Античный мир и археология. Проблемы истории и археологии древней ойкумены. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Саратов, 1993. С. 23–50.
- Кин 2000 – *Кин М.* Рыцарство / Пер. И.А. Тогоевой. М., 2000
- Кипнис 1998 – *Кипнис Б.Г.* Влияние античного опыта на развитие военного искусства и военного дела в новое время // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Мат. Междунар. конф. 2–5 сент. 1998. СПб., 1998. С. 100–102.
- Кирпичников 1994 – *Кирпичников А.Н.* Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление) // ВИ. 1994. № 5. С. 162–166.
- Клаузевиц [1994] – *Клаузевиц К.* О войне. М., б.г.
- Кляшторный., Султанов 2004 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Ковалевская 1984 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. М., 1984.
- Колледж 2004 – *Колледж М.* Парфяне. Последователи пророка Заратустры / Пер. с англ. М., 2004.
- Коллингвуд 1980 – *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Колобов 1998 – *Колобов А.В.* Римские сенаторы эпохи принципата в провинциях: любители или профессионалы? // Исследования по консерватизму. Вып. 5. Политика и культура в контексте истории: Мат. междунар. науч. конф., посвящ. памяти Л.Е. Кертмана. Пермь, 24–25 сент. 1997 г. Пермь, 1998. С. 67–69.
- Колобов 1999 – *Колобов А.В.* Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи). Учебн. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999.
- Колобов 2000 – *Колобов А.В.* «Военная территория» эпохи принципата: историографический миф или реальность? // Древнее право. Ivs antiqvvm. М., 2000, № 1 (6). С. 43–50.
- Колобов 2001 – *Колобов А.В.* Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК. Вып. 10. 2001. С. 38–44.
- Колобов 2007 – *Колобов А.В.* Всегда ли лимес являлся границей Римской империи? // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 194–202.
- Кондратьев 1991 – *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991.
- Коннолли 2000 – *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Контамин 2001 – *Контамин Ф.* Война в Средние века / Пер. с фр. СПб., 2001.
- Кореньков 1911 – *Кореньков Н.* Жизнь и труды Арриана // Средняя Азия. 1911. Кн. VI. С. 85–89.
- Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В.В. Струве и др. М.; Л., 1965.

- Котляревский 1994 – *Котляревский С.* Вступительный очерк // Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск, 1994. С. IX–LXXXIX.
- Крюгер 1993 – *Крюгер О.О.* Арриан и его труд «Поход Александра» // Арриан. Поход Александра. М., 1993. С. 5–46.
- Ксенофонт 2002 – Ксенофонт А.Б. Полиэн и его «стратегемы» // Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А.К. Нефёдкина. СПб., 2002. С. 7–38.
- Кудрявцев 1955 – *Кудрявцев О.В.* Провинция Каппадокия в системе римской восточной политики (17–72 гг.) // ВДИ. 1955. № 2. С. 48–72.
- Кузнецов 1992 – *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ, 1992.
- Кузьмин 2006 – *Кузьмин Ю.Н.* После Филиппа и Александра: македонская военная организация в правление Антигонидов (Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001) // Studia historica. VI. М., 2006. С. 274–280.
- Кузьмин 2006 – *Кузьмин Ю.Н.* Вооружение и организация македонской конницы в правление династии Антигонидов // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 68–95.
- Кулаковский 1899 – *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- Кулаковский 1909 – *Кулаковский Ю.А.* Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. Публичная лекция. СПб., 1909.
- Кулаковский 2000 – *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. ст., комм. С.М. Первалова. СПб., 2000.
- Кучма 1979 – *Кучма В.В.* Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. Т. 40. 1979. С. 49–75.
- Кучма 1981 – *Кучма В.В.* Античные традиции в развитии политической мысли ранней Византии (по данным трактатов IV–VII вв.). Автореф... д-ра ист. наук. М., 1981.
- Кучма 1984 – *Кучма В.В.* О некоторых спорных проблемах трактата Секста Юлия Фронтиня «Стратегемы» // ВДИ. 1984. № 4. С. 45–55 = *Кучма В.В.* Военная организация византийской империи. СПб., 2001. С. 103–117.
- Кучма 2000 – *Кучма В.В.* Два трактата – один автор? // ВВ. Т. 59 (84). М., 2000. С. 129–144 = *Кучма В.В.* Военная организация византийской империи. СПб., 2001. С. 286–310.
- Кучма 2001 – *Кучма В.В.* Военная организация византийской империи. СПб., 2001.
- Кучма 2002 – *Кучма В.В.* Два византийских военных трактата конца X века. СПб., 2002.
- Кучма 2004 – Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2004.
- Кызласов 1973 – *Кызласов И.Л.* О происхождении стремян // СА. 1973. № 3. С. 24–36.
- Ланцов 1999 – *Ланцов С.Б.* Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афионе (?). Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1. С. 121–136.
- Лаптенков 1995 – *Лаптенков В.В.* Как сражалась древнегреческая фаланга // ВИ. 1995. № 9. С. 159–163.
- Ле Боэк 2001 – *Ле Боэк Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001.
- Лебединский 1996 – *Лебединский Я.* Драконообразные штандарты Востока и Запада // Дарьял. 1996. № 2. С. 221–229.
- Левек 1989 – *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
- Леквинадзе 1969 – *Леквинадзе В.А.* Понтийский лимес // ВДИ. 1969. № 2. С. 75–93.
- Леер 1865 – *Леер Г.* О боевых порядках. СПб., 1865.
- Лиддель Гарт 1923 – *Лиддель Гарт.* Основы тактики пехоты. М., 1923.
- Лиддел Гарт 1999 – *Лиддел Гарт Б.Г.* Стратегия не прямых действий (Энциклопедия военного искусства) / Сост. С. Перселегин, Р. Исмаилов. М.; СПб., 1999.
- Литвинский, Пьянков 1966 – *Литвинский Б.А., Пьянков И.В.* Военное дело у народов Средней Азии VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1966. № 3. С.

- Ломоури 1973 – *Ломоури Н.Ю.* Рим и Иберия (историческая картина II в.) // ВИ. 1973. № 1. С. 213–217.
- Ломоури 1981 – *Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. 1. Политические взаимоотношения. Тбилиси, 1981.
- Ломоури 1986 – *Ломоури Н.Ю.* К выяснению некоторых сведений “Notitia Dignitatum” и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. 1986. 46. С. 59–74.
- Лордкипанидзе 1989 – *Лордкипанидзе О.Д.* Наследие древней Грузии. Тб., 1989.
- Лордкипанидзе 1991 – *Лордкипанидзе Г.А.* Пишундское городище. Питиунт в системе «Кавказского лимеса» (на груз.яз). Тб., 1991.
- Лосев 1978 – *Лосев А.Ф.* Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости // Античные риторика / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 5–12.
- Лысенко 2002 – *Лысенко Н.Н.* Асы-аланы в Восточной Скифии. (Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-политических событий IV в. до н.э.–I в. н.э. по материалам археологии и сведениям письменных источников). СПб., 2002.
- Лысенко 2005 – *Лысенко Н.Н.* Аланские походы 132–135 гг. в Закавказье и парфию (к геополитическому положению сармато-аланов Волго-Донского междуречья во II в. н.э.) // Историко-филологический архив. 4. Владикавказ, 2005. С. 54–63.
- Маккей 1951 – *Маккей Э.* Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Максимова 1956 – *Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.; Л., 1956.
- Малашов 1988 – *Малашов В.* Сарматы на колонне Траяна // Материальная культура Востока. Ч. I. М., 1988. С. 69–88.
- Мамонтов 2000 – *Мамонтов В.И.* Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у поселка Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов; Энгельс, 2000.
- Мамуладзе, Халваши, Асланишвили 2002 – *Мамуладзе Ш.Х., Халваши М.С., Асланишвили Л.Г.* Римские гарнизоны Апсара // ВДИ. 2002. № 1. С. 33–39.
- Манасерян 1985 – *Манасерян Р.Л.* Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93–91 гг. до н.э. // ВДИ. 1985. № 3. С. 118
- Манасерян 1992 – *Манасерян Р.Л.* Международные отношения на Переднем Востоке в 80-е–70-е годах до н.э. (Тигран II и войска с берегов Аракса) // ВДИ. 1992. № 1. С. 152–159.
- Маринович 1962 – *Маринович Л.П.* Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика // ВДИ. 1962. № 3. С.
- Маринович 1973 – *Маринович Л.П.* Рец. на кн.: R. Lonis. Les usage de la guerre entre Grecs et Barbares. P. 1969 // ВДИ. 1973. № 4. С. 159–172.
- Маринович 1975 – *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975.
- Маринович 1982 – *Л.П. Маринович.* Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 22–65.
- Маринович 1993 – *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993.
- Маринович, Кошеленко 1997 – *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Эпиктет // Беседы Эпиктета. М., 1997. С. 5–36.
- Маркиш 1999 – *Маркиш Ш.* Сумерки в полдень. Очерк греческой культуры в эпоху Пелопоннесской войны. СПб., 1999.
- Марру 1998 – *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
- Мартынов 1900 – *Мартынов Е.И.* Исторический очерк развития древнегреческой тактики (по древним авторам). СПб., 1900.

- Матющенко 1996 – *Матющенко В.И.* Катафрактари на Иртыше // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и в исторической перспективе. Гуннский феномен. Междунар. конф. Тез. докл. Улан-Удэ, 1996. Ч. I. С. 127–129.
- Махлаюк 1999 – *Махлаюк А.В.* «Состязание в доблести» в контексте римских военных традиций // Из истории античного общества. Межвуз. сб. Вып. 6 / Под ред. С.А. Молева. Н. Новгород, 1999. С. 64–81.
- Махлаюк 2000а – *Махлаюк А.В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000.
- Махлаюк 2000б – *Махлаюк А.В.* Изучение римской армии в современной историографии: итоги, проблемы и тенденции // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). Тез. докл. конф. 29–30 июня 2000 г. М., 2000. С. 69–71.
- Махлаюк 2001 – *Махлаюк А.В.* Рец. на: Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи). Учебн. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999 // ВДИ. 2001. № 3. С. 198–207.
- Махлаюк 2002 – *Махлаюк А.В.* Scientia rei militaris (к вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегородского ун-та. Н. Новгород, 2002. Вып. 1. С. 13–31.
- Махлаюк 2003 – *Махлаюк А.В.* Рец. на: J. Nelis-Clément. Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s.a. C.–VIe s.p. C.). Bordeaux, 2000 // ВДИ. 2003. № 2. С. 232–241.
- Махлаюк, Негин 2009 – *Махлаюк А.В., Негин А.Е.* Римские легионы в бою. М., 2009.
- Медведев 1993 – *Медведев А.Н.* Казаки и рукопашный бой. М., 1993.
- Меликишвили 1985 – *Меликишвили Г.А.* Список царей древней Картли (Иберии) // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 164–168.
- Мельникова 2008 – *Мельникова Е.А.* “Исторический источник неисчерпаем”: к 40-летию школы В.Т. Пашуто // СВ. 2008. Вып. 69 (3). С. 9–45.
- Мельникова 2010 – *Мельникова Е.А.* Современные исследования по источниковедению и истории древней и средневековой Восточной Европы // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2010. Вып. II (№ 2). http://mes.igh.ru/magazine/annonce/sovremennii_issledovaniya_po_istochnikovedeniyu_i_istorii_Vostochnoy_Evropi.html
- Мелюкова 1950 – *Мелюкова А.И.* Войско и военное искусство скифов // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950.
- Михневич 1896 – *Михневич Н.П.* История военного искусства. СПб., 1896.
- Михневич 1913 – *Михневич Н.П.* Основы стратегии. СПб., 1913.
- Можайский 2005 – *Можайский А.Ю.* К вопросу о «македонской» фаланге // Актуальные проблемы истории Древнего мира и Средних веков. М., 2005. С. 19–24.
- Молев 2003 – *Молев Е.А.* Эллыны и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.
- Моммзен 1949 – *Моммзен Т.* История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. М., 1949.
- Монтень 1991 – *Монтень М.* Опыты в 3-х кн. Кн. I. М., 1991.
- Морев 1998 – *Морев М.П.* Восстание Бар-Кохбы: последний акт национально-освободительной борьбы иудейского народа в античности. Саратов, 1998. Деп. в ИНИОН № 53418.
- Мошкова 1989 – *Мошкова М.Г.* Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 153–158.

- Наполеон 1994 – Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., б.г. [1994].
- Надэль 1948 – *Надэль Б.* Боспорская надпись IOSPE, II, 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212–214.
- Негин 2010 – *Негин А.Е.* Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб., 2010.
- Немировский 1983 – *Немировский А.И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
- Нефёдкин 1995 – *Нефёдкин А.К.* Флавий Арриан и его «Аланская история» // Интеллектуальная элита античного мира. Тез. докл. науч. конференции 8–9 ноября 1995 г. СПб., 1995. С. 64–67.
- Нефёдкин 1997а – *Нефёдкин А.К.* Боевые колесницы в Древней Греции (XVI–I вв. до н.э.). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997.
- Нефёдкин 1997б – *Нефёдкин А.К.* Серпоносные колесницы: проблема происхождения // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 1997. Вып. 2. С. 22–26.
- Нефёдкин 1998а – *Нефёдкин А.К.* (перевод). Арриан. Диспозиция против аланов // РВ. № 3. 1998. С. 3–11.
- Нефёдкин 1998б – *Нефёдкин А.К.* Развитие древнегреческого лоха // РВ. № 5. 1998. С. 24–31.
- Нефёдкин 1998в – *Нефёдкин А.К.* Сочинение Михаила Пселла «О военном строе» // РВ. № 6. 1998. С. 4–11.
- Нефёдкин 1998г – *Нефёдкин А.К.* О развитии тактики персидской конницы в Ахеменидский период // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Мат. междунар. конф. 2–5 сент. 1998. СПб., 1998. С. 104–108.
- Нефёдкин 1999а – *Нефёдкин А.К.* Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 173–188.
- Нефёдкин 1999б – *Нефёдкин А.К.* Развитие тактики персидской конницы Ахеменидов // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Сб. науч. ст. Ставрополь, 1999. С. 20–32.
- Нефёдкин 1999в – *Нефёдкин А.К.* Стратегия сарматов в I–IV вв. н.э. по свидетельствам античных источников // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Мат. науч. конф. СПб., 2001. С. 266–273.
- Нефёдкин 2000а – *Нефёдкин А.К.* Об истории серпоносных колесниц // РВ. 2000. № 9. С. 33–48.
- Нефёдкин 2000б – *Нефёдкин А.К.* Научил ли Аристотель военному делу Александра? // РВ. 2000. № 10. С. 11–22.
- Нефёдкин 2000в – *Нефёдкин А.К.* Rec. ad: Worley L.J. Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). Boulder–San Francisco–Oxford, 1994. // ВДИ. 2000. № 3. С. 175–179.
- Нефёдкин 2001а – *Нефёдкин А.К.* Научная жизнь – новые явления // Война и военное дело в античности. РВ. № 12. 2001. С. 83–90.
- Нефёдкин 2001б – *Нефёдкин А.К.* Комплектование и состав войска сарматов и аланов в I–IV вв. по данным античных источников // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. II. СПб., 2001. С. 201–212.
- Нефёдкин 2001в – *Нефёдкин А.К.* Очерки развития древнегреческого военного дела: от Микен к эллинизму // РВ Дайджест. СПб., 2001. С. 135–146.
- Нефёдкин 2001г – *Нефёдкин А.К.* Происхождение боевой колесницы с серпами // РВ Дайджест. СПб., 2001. С. 115–118.
- Нефёдкин 2001д – *Нефёдкин А.К.* Развитие древнегреческого лоха // РВ Дайджест. СПб., 2001. С. 61–70.

- Нефёдкин 2001е – *Нефёдкин А.К.* Тактика эссед – кельтских боевых колесниц // РВ Дайджест. СПб., 2001. С. 119–126.
- Нефёдкин 2001ж – *Нефёдкин А.К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб., 2001.
- Нефёдкин 2002а – *Нефёдкин А.К.* Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87–96.
- Нефёдкин 2002б – *Нефёдкин А.К.* Маврикий и Арриан: к проблеме источников «Стратегикона» // ВВ. Т. 61 (86). М., 2002. С. 38–48.
- Нефёдкин 2002в – *Нефёдкин А.К.* Новая история конницы? // РВ. № 14. С. 107–116.
- Нефёдкин 2002г – *Нефёдкин А.К.* Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А.К. Нефёдкина. СПб., 2002. С. 39–56.
- Нефёдкин 2002д – *Нефёдкин А.К.* Длинные копыя варваров (к вопросу об элементарной тактике херусков в начале I в. н.э.) // РВ. № 15 (Битва в античности). С. 79–92.
- Нефёдкин 2002е – *Нефёдкин А.К.* Рец. на: M. Mielczarek. The Army of the Bosporan Kingdom. Lodz, 1999 // ВДИ. 2002. № 3. С. 217–219.
- Нефёдкин 2003а – *Нефёдкин А.К.* Нагота греческого воина: героика или реальность? // Проблемы античной истории. Сб. науч.ст. к 70-летию проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 151–170.
- Нефёдкин 2003б – *Нефёдкин А.К.* Рец. на: Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians, 600 BC – AD 450 // РВ. 2003. № 2 (18). С. 101–106.
- Нефёдкин 2003в – *Нефёдкин А.К.* Изучение античного военного искусства в России: историографический обзор // Studia historica. М., 2003. 3. С. 134–148.
- Нефёдкин 2004а – *Нефёдкин А.К.* Асклепидот. Тактическое искусство // РВ. 2004. № 2 (22). С. 5–36.
- Нефёдкин 2004б – *Нефёдкин А.К.* Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 453–464.
- Нефёдкин 2004в – *Нефёдкин А.К.* Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. СПб., 2004.
- Нефёдкин 2005а – *Нефёдкин А.К.* Метатели и сариссофоры: взаимодействие пехотинцев в эллинистических армиях // ВДИ. 2005. № 2. С. 165–174.
- Нефёдкин 2005б – *Нефёдкин А.К.* Международная конференция «Древняя “Тактика”»: древние военные сочинения и их наследие» (Торунь, 7–11 апреля 2005 г.) // РВ. № 25. 2005. С. 105–110.
- Нефёдкин 2005в – *Нефёдкин А.К.* Продолжая дискуссию о галатских серпоносных колесницах // Studia historica. V. К 70-летию Ю.Б. Циркина. М., 2005. С. 43–51.
- Нефёдкин 2006 – *Нефёдкин А.К.* Всадники-тарентинцы в эллинистических армиях // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 109–117.
- Нефёдкин 2007а – *Нефёдкин А.К.* Фессалийская кавалерия в середине IV–II вв. до н.э. // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 40–57.
- Нефёдкин 2007б – *Нефёдкин А.К.* Военный глоссарий. Glossarium militare // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 411–423.
- Нефёдкин 2007в – *Нефёдкин А.К.* Конница эпохи эллинизма (военный и социальный аспект). Автореф. дисс. . . д-ра ист. наук. Ставрополь, 2007.
- Нечитайлов 2000 – *Нечитайлов М.* Кавалерия Александра Македонского // РВ. 2000. № 10. С. 35–52.
- Никонов 1985 – *Никонов В.П.* Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИИМК. Вып. 184. 1985. С. 30–35.

- Никонов 1995 – *Никонов В.П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 53–61.
- Никонов 2005 – *Никонов В.П.* К вопросу о парфянском наследии в Сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Мат. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.М. Беленицкого. СПб., 2005. С. 141–179.
- Никонов 2007 – *Никонов В.П.* «Катафракты» или «катафрактари»? Еще раз по поводу двух обозначений античной панцирной конницы // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. С. 66–72.
- Никонов 2008 – *Никонов В.П.* Вступительное слово // А.М. Хазанов. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов / Под ред. В.П. Никонорова и А.В. Симоненко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. С. 5–12.
- Новиков 1982 – *Новиков С.В.* Парфянское царство и Греко-бактрийское царство // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 140–156.
- Носов 2002 – *Носов К.С.* Рыцарские турниры. СПб., 2002.
- Ньоли 2002 – *Ньоли Г.* Название алан в Сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего / Пер. с ит. Владикавказ, 2002.
- Ожегов, Шведова 1992 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Онианс 1999 – *Онианс Р.* На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, мире и судьбе. М., 1999.
- Откупщиков 1988 – *Откупщиков Ю.В.* Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988.
- Очерки истории Грузии. Т. I. Грузия с древнейших времен до IV в. н.э. / Ред. Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе. Тб.: Мецниереба, 1989.
- Панов 2008 – *Панов А.Р.* Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II в. е.э. Арзамса, 2008.
- Перевалов 1996 – *Перевалов С.М.* Биография Флавия Арриана в новом освещении // Античный мир и его судьбы в последующие века. Докл. конф. 31 мая–2 июня 1995. М., 1996. С. 71–78.
- Перевалов 1997 – *Перевалов С.М.* Военное дело у аланов II в. н.э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // Историко-археологический альманах (ИАА). Вып. 3. Армавир; М., 1997. С. 123–128.
- Перевалов 1998 – *Перевалов С.М.* Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. Вып. 4. Армавир; М., 1998. С. 96–101.
- Перевалов 1999а – *Перевалов С.М.* Рец. на кн.: Junkelmann M. Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz am Rhein, 1996 // РА. 1999. № 2. С. 211–215.
- Перевалов 1999б – *Перевалов С.М.* «Тактика» Арриана: военный опыт народов Кавказа и Восточной Европы глазами греческого философа и римского офицера // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопр. источниковедения. М., 1999. С. 283–315.
- Перевалов 1999в – *Перевалов С.М.* Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–77.
- Перевалов 1999г – *Перевалов С.М.* Стать римским полководцем, читая греков // ПИФК. Вып. 8. 1999. С. 145–153.
- Перевалов 2000а – *Перевалов С.М.* По следам «Аланики» Арриана // ВЕДС. XII. 2000. С. 123–126.

- Перевалов 2000б – *Перевалов С.М.* О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г.: три довода в пользу аланов // ВДИ. 2000. № 1. С. 203–210.
- Перевалов 2001а – *Флавий Арриан.* Диспозиция против аланов. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии С.М. Перевалова // ВДИ. 2001. № 1. С. 236–243.
- Перевалов 2001б – *Перевалов С.М.* Арриан у ворот Кавказа // ПИФК. Вып. 10. 2001. С. 282–289.
- Перевалов 2001в – *Перевалов С.М.* Рец. на кн.: McGeer E. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century.* Washington, 1995 // ВВ. Т. 60. М., 2001. С. 210–213.
- Перевалов 2001г – *Перевалов С.М.* Греческий тактик Асклепиодот // ВИ. 2001. № 8. С. 147–153.
- Перевалов 2002а – *Перевалов С.М.* Современное состояние аланских исследований в России (по поводу кн.: *Габуев Т.А.* Ранняя история алан по данным письменных источников. Владикавказ, 1999) // ВДИ. 2002. № 2. 207–215.
- Перевалов 2002б – *Перевалов С.М.* Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков // Вестник ВНИЦ. 2002. № 4. С. 2–18.
- Перевалов 2003 – *Перевалов С.М.* Способы и средства выражения авторского начала в древнегреческих «Тактиках» // ВЕДС. XV. 2003. С. 183–189.
- Перевалов 2004 – *Перевалов С.М.* Проблемы датировки «Анабасиса» Арриана // ВЕДС. 2004. С. 143–147.
- Перевалов 2005 – *Перевалов С.М.* На кавказском рубеже римской державы: сарматская угроза? // ВЕДС. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина. М., 2005. Ч. I. С. 26–29.
- Перевалов 2006а – *Перевалов С.М.* Ex fonte bibere. Актуальная проблема отечественного алановедения // Гуманитарная мысль юга России. 2006б. № 1 (2). С. 19–30.
- Перевалов 2006б – *Перевалов С.М.* Аланский набег 136 г. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 318–335.
- Перевалов 2006в – *Перевалов С.М.* Два этюда о позднеантичной кавалерии // Para bellum (РВ). Военно-исторический журнал. № 26. 2006. С. 41–52.
- Перевалов 2007а – *Перевалов С.М.* Большой Кавказ в геополитических интересах Римской империи // Большой Кавказ – узел геополитических интересов. Мат. региональной межведомственной науч.-практич. конф. Владикавказ, 2007. С. 222–230.
- Перевалов 2007б – *Перевалов С.М.* Легионы кавказского лимеса // Вестник ВНИЦ. № 4. С. 2–12.
- Перевалов 2007в – *Перевалов С.М.* Перечитывая Ю.В. Андреева // *Studia historica.* Вып. VII. М., 2007. С. 178–193.
- Перевалов 2007г – *Перевалов С.М.* Сарматоведение между историей и археологией // ВДИ. 2007. № 3. С. 139–162.
- Перевалов 2010 – *Перевалов С.М.* Междисциплинарные споры в современном сарматоведении // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 26–30 апреля 2010 г. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Магас, 2010. С. 281–284.
- Петерс 1984 – *Петерс Б.Г.* Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 187–198.
- Пигулевская 1956 – *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956.
- Пинк 2001 – *Пинк И.Б.* Катафрактарии Древнего мира // РВ Дайджест. СПб., 2001. С. 5–12.

- Подосинов 1985 – *Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья (тексты, перевод, комментарий). М., 1985.
- Подосинов 2002 – *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Полякова, Феленковская 1956 – *Полякова С.В., Феленковская И.В.* Анонимный географический трактат «Полное описание Вселенной и народов» // ВВ. Т. VIII. 1956.
- Про 2000 – *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М., 2000.
- Пьянков 1972 – *Пьянков И.В.* Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972.
- Рид 2006 – *Рид Г.* Артур – король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. М., 2006.
- Разин 1994 – *Разин Е.А.* История военного искусства. [Т. I.] М., 1994 [1955].
- Рикман 1986 – *Рикман Э.А.* Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 7–29.
- Ростовцев 1907 – *Ростовцев М.И.* Надпись из Сухума // ЗООИД. 1907. XXVII. Протоколы. С. 4–6.
- Ростовцев 1913 – *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913.
- Ростовцев 1914 – *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Текст. Т. I. СПб., 1914.
- Ростовцев 1925 – *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
- Ростовцев 1993а – *Ростовцев М.И.* Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. ПАВ. № 5. СПб., 1993. С. 25–38.
- Ростовцев 1993б – *Ростовцев М.И.* Сарматы // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы акад. М.И. Ростовцева. ПАВ. № 5. СПб., 1993. С. 91–97.
- Ростовцев 1993в – *Ростовцев М.И.* Парфянский выстрел // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. ПАВ. № 5. 1993. С. 98–105.
- Ростовцев 2000 – *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйствa в Римской империи. В 2 тт. Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб., 2000–2001. Т. I–II.
- Ростовцев 2002 – *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России / Вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Арсентьева. М., 2002 [1918].
- Рубцов 2003 – *Рубцов С.М.* Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I–начало II века нашей эры). СПб.; М., 2003.
- Русяева 2004 – *Русяева А.С.* О храме Ахилла на острове Левка в Понте Эвксинском // ВДИ. 2004. № 1. С. 177–190.
- Рыбакин 1986 – *Рыбакин А.И.* Словарь английских фамилий. М., 1986.
- Рюпке 2007 – *Рюпке Й.* Религия и война: Размышления о религиозной конструкции войны в обществе // АА. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 288–304.
- Рябенко 2001 – *Рябенко В.И.* Культ великой матери богов и Аттиса в Риме // ПИФК. Вып. X. 2001. С. 45–54.
- Сабин 2007 – *Сабин Ф.* Лик римской битвы // Studia historica. VI. М., 2007. С. 184–212.
- Савицкий 1941 – *Савицкий Г.И.* Фл. Арриан как источник по истории Средней Азии. I. Биография Арриана и его литературные труды. Самарканд, 1941.
- Самохина 1995 – *Самохина Г.С.* Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995.
- Самохина 2007а – *Самохина Г.С.* «Тактика» Полибия и греко-римская литература по военному искусству // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 2007. С. 305–323.

- Самохина 2007б – *Самохина Г.С.* «Тактика» Полибия: ее характер и место в греко-римской науке о войне // Мнемон. СПб., 2007. Вып. 6. С. 441–464.
- Сапрыкин 1996 – *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Сапрыкин 2005 – *Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в.н.э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.
- Светлов 2006 – *Светлов Р.В.* Пирр и военная история его времени. СПб., 2006.
- Секунда 2003 – *Секунда Н.* Сарисса // РВ. 2003. № 4 (20). С. 7–36.
- Сильнов 2002 – *Сильнов А.В.* Конюшня в римском военном лагере // РВ. № 16. 2002. С. 41–46.
- Симоненко 1986 – *Симоненко А.В.* Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Киев, 1986.
- Симоненко 1992 – *Симоненко А.В.* Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 148–162.
- Симоненко 2001 – *Симоненко А.В.* «Сарматская посадка» – историческая реальность или исторический миф? // Третья кубанская археологическая конференция. Тез. докл. междунар. археол. конференции. Краснодар–Анапа, 2001. С. 161–166.
- Симоненко 2002 – *Симоненко А.В.* Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–122.
- Симоненко 2008 – *Симоненко А.М.* Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // А.М. Хазанов. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов / Под ред. В.П. Никонорова и А.В. Симоненко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. С. 238–286.
- Симоненко 2008а – *Симоненко А.М.* Сарматоведение между наукой и фантазией // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Владикавказ, 2008. С. 337–341.
- Скобелев 2002 – *Скобелев Д.А.* «Танки» древности // РВ. № 16. 2002. С. 91–106.
- Скобелев 2004 – *Скобелев Д.А.* Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий // РВ. 2004. № 3. С. 87–106; № 4. С. 77–102.
- Скрипкин 1996 – *Скрипкин А.С.* К вопросу об этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 160–169.
- Скрипкин 1997 – *Скрипкин А.С.* Этюды по истории и культуре сарматов: Учебное пособие. Волгоград, 1997.
- Скрипкин 2001 – *Скрипкин А.С.* О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // ИАА. Вып. 7. 2001. С. 15–40.
- Соболевский 1960 – *Соболевский А.И.* Флавий Арриан // История древнегреческой литературы. Т. III. М., 1960. С. 189–194.
- Спейдел 1985 – *Спейдел М.П.* Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар // ВДИ. 1985. № 4. С. 176–179.
- Старинное оружие 2007 – Старинное оружие и доспехи: новый век / авт.-сост. Т.М. Ткачук. М.; Донецк, 2007.
- Степанов 2002 – *Степанов А.* Использование принципов классической китайской стратегии в современном бизнесе. СПб., 2002.
- Столяров 1995 – *Столяров А.А.* Стоя и стоицизм. М., 1995.
- Сторч 2004 – *Сторч Р.Х.* Архаическая греческая «фаланга» // РВ. № 3 (23). 2004. С. 5–18.
- ΣΤΡΑΤΗΓΟΣ – ΣΤΡΑΤΗΓΟΣ. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / Отв. ред. С.Н. Малахов; сост. Н.Д. Барабанов, С.Н. Малахов. Армавир, 2008.

- Строевой устав Вооруженных сил СССР. М., 1991.
- Струве 1968 – *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Сулимирский 2008 – *Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России. М., 2008.
- Тараторин 1999 – *Тараторин В.В.* Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999 (Библиотека военной истории).
- Тарн 1949 – *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Тер-Саркисянц 2005 – *Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. – М., 2005.
- Тогошвили 1990 – *Тогошвили Г.Д.* Сослан-Давид. Владикавказ, 1990.
- Тодуа 1988 – *Тодуа Т.Т.* Крепости Митридата VI Евпатора в Колхиде // ВДИ. 1988. № 1. С. 139–146.
- Токмаков 1998 – *Токмаков В.Н.* Военная организация Рима Ранней Республики (VI–IV вв. до н.э.). М., 1998.
- Тревер 1953 – *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – М.; Л., 1953.
- Тревер 1959 – *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. – М.; Л., 1959.
- Трейстер 1994 – *Трейстер М.Ю.* Сарматская школа художественной торевтики // ВДИ. 1994. № 1. С. 180–181
- Трохачев 1993 – *Трохачев С.Ю.* Арриан и его герой // Арриан. Поход Александра. М., 1993. С. 7–13.
- Трухина 1986 – *Трухина Н.Н.* Политика и политики «Золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М., 1986.
- Трухина 1992 – *Трухина Н.Н.* Исторические очерки к группам биографий // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. с лат. и коммент. Н.Н. Трухиной. М., 1992. С. 116–194.
- Туманс 1997 – *Туманс Х.* Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII–VI вв. до н.э.) // Античное общество: Проблемы политической истории. Межвуз. сб. СПб., 1997. С. 6–19.
- Тыжов 1994 – *Тыжов А.Я.* Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. Т. I. СПб., 1994. С. 5–33.
- Тыжов 1997 – *Тыжов А.Я.* Был ли Полибий приверженцем определенной философской школы? // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору А.И. Зайцеву ко дню 70-летия. Сб. ст. СПб., 1997. С. 155–164.
- Уарзиати 2007 – *Уарзиати В.С.* Аланский триколон // В.С. Уарзиати. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. В.А. Цагараев, Е.М. Кочиева. Владикавказ, 2007. С. 278–301.
- Фасмер 1986–1987 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986–1987.
- Флори 1999 – *Флори Ж.* Идеология меча. СПб., 1999.
- Фон Галль 1997 – *Фон Галль Х.* Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2. С. 174–198.
- Фор 2001 – *Фор П.* Александр Македонский. М., 2001.
- Фрейденберг 1998 – *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. 2–е изд., испр. и доп. М., 1998.
- Фролова 1972 – *Фролова Н.А.* Из истории Боспора в середине II в. н.э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 187–194.
- Хазанов 1968 – *Хазанов А.М.* Катафрактары и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 180–191.

- Хазанов 1970 – *Хазанов А.М.* Характерные черты сарматского военного искусства // СА. 1970. № 2. С. 52–63.
- Хазанов 1971 – *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хазанов 2008 – *Хазанов А.М.* Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов / Под ред. В.П. Никонорова и А.В. Симоненко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008.
- Харматта 1965 – *Харматта Я.* Из истории алано-парфянских отношений // АААН. 1965. Т. XIII. Fasc. 1–2. С.
- Хвостов 1919 – *Хвостов В.М.* История римского права. 7-е изд. М., б.г. [1919]
- Хейзинга 1992 – *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Хрушкова 2002 – *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002.
- Церетели 1941 – *Церетели Г.В.* Армазская билингва. Тбилиси, 1941;
- Церетели 1948 – *Церетели Г.В.* Эпиграфические находки в Мцхета – древней столице Грузии // ВДИ. 1948. № 2. С. 49–57.
- Цибукидис 1981 – *Цибукидис Д.И.* Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии. М., 1981.
- Чалоян 1979 – *Чалоян В.К.* Восток–Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. М., 1979.
- Черненко 1971 – *Черненко Е.В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 35–38.
- Черненко 1981 – *Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко 1984 – *Черненко Е.В.* Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 231–235.
- Честертон 1991 – *Честертон Г.К.* Вечный человек: Пер. с англ. М., 1991.
- Чуев 1999 – *Чуев Н.И.* Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. М., 1999.
- Шабан 2003 – *Шабан В.А.* Термин «легковооруженный»: в вопросу о видах войск (по материалам античных источников) // РВ. 2003. № 3 (19). С. 39–46.
- Шауб 2010 – *Шауб И.Ю.* Македонцы в бою. М., 2010.
- Шичалин 1999 – *Шичалин Ю.А.* Античность – Европа – история. М., 1999.
- Шкрабо 2004 – *Шкрабо Д.М.* «Свинья» и немецкие конные клинья XIII–XV веков // РВ. 2004. № 1 (21). С. 61–80.
- Шлиффен 2000 – *Шлиффен А. фон.* Канны // Искусство войны: Антология. Кн. 2. Новое время. СПб., 2000. С. 367–413.
- Шофман 1972 – *Шофман А.С.* Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. 1972. № 1. С. 171–186.
- Шофман 1977 – *Шофман А.С.* Античные «танки» // ВИ. 1977. № 6. С. 213–216.
- Шофман 1987 – *Шофман А.С.* К вопросу о генезисе эллинистических армий (анти-тагма) // ВДИ. 1987. № 3. С. 143–153.
- Штаерман 1975 – *Штаерман Е.М.* Эпиктет и его место в римском стоицизме // ВДИ. 1975. № 2. С. 197–210.
- Штаерман 1994 – *Штаерман Е.М.* Эллинизм в Риме // ВДИ. 1994. № 3. С. 3–13.
- Шувалов 2002 – *Шувалов П.В.* Урбикий и «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (Часть I) // ВВ. Т. 61 (86). М., 2002. С. 71–87.
- Шувалов 2006 – *Шувалов П.В.* Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. СПб., 2006.
- Шукин 1994 – *Шукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Эко 2001 – *Эко У.* Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки / Пер. с ит. Е. Костюкович. М., 2001.
- Эллинистическая техника. Сб. ст. под ред. акад. И.И. Толстого. М.; Л., 1948.

- Энгельс 1957 – *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М., 1957.
- Энглим 2007 – *Энглим С. и др.* Войны и сражения Древнего мира 3000 год до н.э. – 500 год н.э. М., 2007.
- Янгулов 2003 – *Янгулов С.Ю.* Длинные копыта скифов // РВ. 2003. № 2 (18). С. 21–24.
- Ярославский 2002 – *Ярославский В.* Военные методы в бизнесе. Тактика. СПб., 2002.
- Ярхо 1986 – *Ярхо В.Н.* Возможно ли единообразие в транслитерации древнегреческих имен? // ВДИ. 1986. № 3. С. 221–223.
- Яценко 1993а – *Яценко С.А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. № 3. 1993. С. 60–72.
- Яценко 1993б – *Яценко С.А.* Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э.–III в. н.э. Происхождение стиля «клаузонне» // ПАВ. 1993. № 4. С. 97–104.
- Яценко 1993в – *Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе в середине I–середины IV вв. н.э. (локализация и политическая история) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. ПАВ. 1993. № 6. С. 83–95.
- Яценко 1998 – *Яценко С.А.* «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II–IV вв. н.э.) // ИИА. Вып. 4. 1998. С. 86–95.
- Абаев 1985 – *Абаев В.И.* Alans. // EI. 1985. Vol. I. Fasc. 8. P. 801–803.
- Adcock 1962 – *Adcock F.E.* The Greek and Macedonian Art of War. Berkeley; Los Angeles, 1962.
- Albert 1887 – *Albert M(aurice).* Clipeus // Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines. D'après les textes et les Monuments. Ch. Daremberg et Edm. Saglio. T. I. P. 2 (C). P., 1887. P. 1248–1260.
- Alföldy 1977 – *Alföldy G.* Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Bonn, 1977.
- Alemaný 2000 – *Alemaný A.* Sources on the Alans: A Critical Compilation. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Alon 1989 – *Alon G.* The Jews in their land in the Talmudic Age (70–640 C.E.). L., 1989.
- Altheim 1959 – *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. I. B. 1959.
- Ameling 1984 – *Ameling W.L.* Arrianus Neos Xenophon // EA. 1984. 4. S. 119–122; *Idem.* Cassius Dio und Bithynien // EA. 1984. 4. S. 123–138.
- Anderson 1961 – *Anderson J.K.* Ancient Greek Horsemanship. Berkeley; Los Angeles, 1961.
- Anderson 1965 – *Anderson J.K.* Homeric, British and Cyrenaic Chariots // AJA. 1965. 69. Nr. 4. P. 349–352.
- Anderson 1970 – *Anderson J.K.* Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley, 1970.
- Anderson 1975 – *Anderson J.K.* Greek Chariot–Borne and Mounted Infantry // AJA. 1975. 79. P. 175–187.
- Anderson 1984 – *Anderson J.K.* Hoplites and Heresies: a note // JHS. 1984. 104. P. P. 152.
- Andronicos 1970 – *Andronicos M.* Sarissa // BCH. 1970. 94. P. 91–107.
- Armées et fiscalité dans de monde Antique. Paris, 14–16 oct. 1976. Paris, 1977.
- Bachrach 1973 – *Bachrach B.S.* A History of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.
- Bachrach 1993 – *Bachrach B.S.* Armies and Politics in the Early Medieval West. Aldershot, 1993.
- Bekker-Nielsen 2001 – *Bekker-Nielsen T.* Academic Science and Warfare in the Classical World // War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity / Ed. By T. Bekker-Nielsen, L. Hannestad. Copenhagen, 2001. P. 120–129.
- Berger 1953 – *Berger A.* Encyclopedic dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953.
- Best 1969 – *Best J.G.P.* Thracian Peltasts and their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969.

- Bingham 1968 – *Bingham J.* The Art of Embattailing an Army or the Second Part of Aelians Tactics. Facsimile reprint of the edition London 1631. With introduction (in German) by Werner Hahlweg. Osnabrück, 1968.
- Birley 1999 – *Birley A.R.* Hadrian: The Restless Emperor. L.; N.Y., 1999.
- Birley 1953a – *Birley E.* The Equestrian officers of the Roman Army // Roman Britain and the Roman Army. Collected Papers. Kendal, 1953. P. 133–153.
- Birley 1953b – *Birley E.* The Origins of Equestrian officers: prosopographical method // Roman Britain and the Roman Army. Collected Papers. Kendal, 1953. P. 154–171.
- Birley 1956 – *Birley E.* Hadrianic frontier policy // Carnuntina. Vorträge beim internationale Kongress der Altertumsforscher Carnuntun 1955. Herausg. von E. Swoboda. Graz–Köln, 1956. P. 25–33.
- Bishop 1988 – *Bishop M.C.* Cavalry equipment of the Roman army in the 1st century A.D. // J.C. Coulston (dir.) Military equipment and the Identity of Roman Soldiers. Proceedings of the Forth Military Equipment Conference (BAR S–394). Oxford, 1988. P. 67–196.
- Bishop, Coulston 1993 – *Bishop M.C., Coulston J.C.N.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. L., 1993.
- Bivar 1972 – *Bivar A.D.H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // DOP. 1972. 26. P. 271–291.
- Boissevain 1890 – *Boissevain U.Ph.* Ein verschobenes Fragment des Cassius Dio (75,9,6) // Hermes. 1890. 25. S. 329–339.
- Bosi 1994 – *Bosi F.* The Nomads of Eurasia in Strabo // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Napoli 9–12 November 1992. Napoli, 1994. P. 109–122.
- Boss 1993 – *Boss R.* Justinian's Wars: Belisarius, Narses and the Reconquest of the West. Stockport, 1993.
- Boss 1994 – *Boss R.* The Sarmatians and the Development of Early German Mounted Warfare // Ancient Warrior. Vol 1. 1994. P. 18–25.
- Bosworth 1972 – *Bosworth A.B.* Arrian's Literary Development // CQ. 1972. 22. P. 163–185.
- Bosworth 1976a – *Bosworth A.B.* Arrian in Baetica // GRBS. 1976. Vol. 17. № 1. P. 55–64.
- Bosworth 1976b – *Bosworth A.B.* Errors in Arrian // CQ. 1976. 26. № 1. P. 117–139.
- Bosworth 1976c – *Bosworth A.B.* Vespasian's Reorganisation of the North-East Frontier // Antichthon. 10. 1976. P. 63–78.
- Bosworth 1977 – *Bosworth A.B.* Arrian and the Alani // HSCP. 1977. 81. P. 217–255.
- Bosworth 1980 – *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford, 1980.
- Bosworth 1983 – *Bosworth A.B.* Arrian at the Caspian Gate: A Study in Methodology // CQ. 1983. 33. № 1. P. 265–276.
- Bosworth 1988 – *Bosworth A.B.* From Arrian to Alexander. Studies in Historical Interpretation. Oxford, 1988.
- Bosworth 1993 – *Bosworth A.B.* Arrian and Rome: the Minor Works // ANRW. II. 34. 1993. P. 226–275.
- Bosworth 1995 – *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Commentary on books IV–V. Oxford, 1995.
- Bowersock 1967 – *Bowersock G.W.* A New Inscription of Arrian // GRBS. 1967. 8. № 4. P. 279–280.
- Bowie 1970 – *Bowie E.L.* Greeks and Their Past in Second Sophistic // PP. 1970. 46. P. 3–41.
- Braund 1984 – *Braund D.* Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. L.; N.Y., 1984.

- Braund 1991 – *Braund D.* Hadrian and Pharasmanes // *Klio*. 1991. 73. H. 1. P. 208–219.
- Braund 1993 – *Braund D.* King Flavius Dades // *ZPE*. 1993. 96. P. 44–50.
- Braund 1994 – *Braund D.* Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. – A.D. 562. Oxford, 1994.
- Breeze 1974 – *Breeze D.J.* The Career Structure below the Centurionate during the Principate // *ANRW*. II. 1. 1974. P. 435–451.
- Brink 1944 – *Brink K.O.* A forgotten Figure of Style in Tacitus // *CR*. 1944. 58. P. 43–45.
- Browning 1969 – *Browning R.* Medieval and modern Greek. L., 1969.
- Brunt 1963 – *Brunt P.A.* Alexander's Macedonian Cavalry // *JHS*. 1963. 83. P. 27–46.
- Brunt 1976 – *Arrian*. Works. Anabasis. Indica. With Engl. transl. by P.A. Brunt. V. I. Anabasis Alexandri. Books I–IV. Cambr.; London, 1976. P. IX–LXXXII.
- Brunt 1980 – *Brunt P.A.* On historical Fragments and Epitomes // *CQ*. 1980. 30. № 2. P. 477–494.
- Brunt 1983 – *Arrian*. History of Alexander and Indica. With Engl. transl. P.A. Brunt. Cambr., London. Vol. II. 1983. P.
- Brzezinski, Mielczarek 2002 – *Brzezinski R., Mielczarek M.* The Sarmatians 600 B.C.–A.D. 450. Oxford, 2002.
- Buckler 1985 – *Buckler J.* Epameinondas and the Embolon // *Phoenix*. 1985. 39. Nr. 2. P. 134–143.
- Cagnat 1887 – *Cagnat R.* Contus (κοντός) // *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*. D'après les textes et les Monuments. Ch. Daremberg et Edm. Saglio. T. I. P. 2 (C). Paris, 1887. P. 1495–1496.
- Campbell 1975 – *Campbell B.* Who were the «Viri Militares» // *JRS*. 1975. 65. P. 11–31.
- Campbell 1987 – *Campbell B.* Teach Yourself how to be a General // *JRS*. 1987. 77. P. 13–29.
- Carrata Thomes 1958 – *Carrata Thomes F.* Gli Alani nella politica orientale di Antonino Pio // *Universita di Torino*. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia. Vol. X. Fasc. 2. 1958.
- Cardini 1981 – *Cardini F.* Alle radici della cavalleria medievale. Firenze, 1981.
- Cartledge 1977 – *Cartledge P.* Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // *JHS*. 1977. 97. P. 11–27.
- Chapot 1960 – *Chapot V.* La frontier de l'Euphrate de Pompee a la conquete arabe, bersetzt von P.J. Dasian. Wien, 1960.
- Chaumont 1976 – *Chaumont M.–L.* L'Arménie entre Rome et l'Iran // *ANRW*. II. 9. 1. 1976. P. 71–194.
- Chaumont 1986 – *Chaumont M.L.* Armenia and Iran // *EI*. II. 4. 1986. P. 417–438; *Idem*. Arrian // *EI*. Vol. II. Fasc. 5. 1986. P. 523–524.
- Cheesman 1971 – *Cheesman G.L.* The Auxilia of the Roman Imperial Army [1914]. N.Y., 1971 (repr).
- Chilver 1979 – *Chilver G.E.F.* A Historical Commentary on Tacitus' Histories I and II. Oxford, 1979.
- Christ-Schmid 1924 – *Christ-Schmid W.* Geschichte der griechischen Literatur. Bd. II. 2. München, 1924.
- Cichorius 1894 – *Cichorius C.* Ala // *RE*. 1894. I. Sp. 1223–1270.
- Cichorius 1900 – *Cichorius C.* Cohors // *RE*. 1900. IV. 1. Sp. 231–356.
- Connolly 1977 – *Connolly P.* The Greek armies. L., 1977.
- Connolly 1981 – *Connolly P.* Greece and Rome at War. L., 1981.

- Connolly 1991 – *Connolly P.* The Roman Fighting technique deduced from armour and weaponry // V.A. Maxfield, M.J. Dobson (dir.) Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XV-th International Congress of Roman Studies. Exeter, 1991. P. 358–363.
- Connolly 2000 – *Connolly P.* Experiments with the sarissa – the Macedonian pike and cavalry lance – a functional view // JRMES. 2000. 11. P. 103–112.
- Corvisier 2002 – Corvisier J.-N. Philippe II de Macédoine. Paris, 2002.
- Coulston 1985 – *Coulston J.C.* Roman archery equipment // M.C. Bishop (dir.) The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Military Equipment Research Seminar (BAR S. 275). Oxford, 1985. P. 220–366.
- Crow 1986 – *Crow J.G.* The Function of Hadrian's Wall and the Comparative Evidence of Late Roman Long Walls // Studien zu den Militärgrenzen Roms III. 13. Internationaler Limeskongress. Aalen 1983. Vorträge. Stuttgart, 1986. P. 724–729.
- Dabrowa 1980 – *Dabrowa E.* Le limes anatolien et la frontière caucasienne au temps des Flaviens // Klio. 1980. 62. Hft. 2. P. 379–388.
- Dain 1934 – *Dain A.* Les Manuscrits d'Énée le Tacticien, d'Asclépiodote le Philosophe, des Traités tactiques d'Arrien. Paris, 1934 (non vidi).
- Dain 1946 – *Dain A.* Histoire du texte d'Élien le Tacticien. Paris, 1946.
- Dain 1967 – *Dain A.* Les stratégestes byzantins // TM. 2. Paris, 1967. P. 317–392.
- Darkó 1935 – *Darkó E.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins // Byzantion. 1935. Tome X. Fascicule 2. P. 443–469.
- Davies 1968 – *Davies R.W.* Fronto, Hadrian and the Roman Army // Latomus. 1968. T. XXVII. F. 1. P. 75–95.
- Davies 1971 – *Davies R.W.* «Cohortes equitatae» // Historia. 1971. Bd. XX. Heft 5/6. P. 751–763.
- Davies 1974 – *Davies R.W.* The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate // ANRW. II. 1. 1974. P. 299–338.
- Debevoise 1938 – *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938.
- Degrassi 1952 – *Degrassi A.* I fasti consolari dell' impero romano. Dal 30 avanti cristo al 613 dopo cristo. Roma, 1952.
- Dent 1974 – *Dent A.* Arrian's Array // HT. 1974. 24. Nr. 8. P. 570–574.
- Detienne 1968 – *Detienne M.* La phalange: problèmes et controverses // Problèmes de la Guerre en Grèce ancienne / Sous la direction de J.-P. Vernant. Paris, 1968 [repr. 1985]. P. 119–142.
- Devies 1968 – *Devies R.W.* Fronto, Hadrian and the Roman Army // Latomus. 1968. 27. P. 75–95.
- Devine 1983 – *Devine A.M.* ΕΜΒΟΛΟΝ: A Study in Tactical Terminology // Phoenix. 1983. 37. Nr. 3. P. 201–217.
- Devine 1989 – *Devine A.M.* Aelian's Manual of Hellenistic Military Tactics: A New Translation from the Greek with an Introduction // The Ancient World. 1989. 19. Nr. 1–2. P. 31–64.
- Devine 1993 – *Devine A.M.* Arrian's «Tactica» // ANRW. 1993. II. 34. 1. P. 312–337.
- Devine 1995 – *Devine A.M.* Polybius' Lost Tactica: The Ultimate Source for the Tactical Manuals of Asclepiodotus, Aelianus, and Arrian? // Ancient History Bulletin. Journal of Greek and Roman History. 9. 1995. P. 40–44.
- Dixon, Southern 1992 – *Dixon K.R., Southern P.* The Roman Cavalry: From the First to the Third century A.D. L., 1992.
- Dobson 1974 – *Dobson B.* The Significance of the Centurion and «Primipilaris» in the Roman Army and Administration // ANRW. II. 1. 1974. P. 392–434.
- Dörner 1829–1863 – *Dörner C.H.* Arrian's von Nikomedien Werke / Übers. von Ch.H. Dörner. Bd. I–V. Stuttgart, 1829–1863.

- Doulcet 1882 – *Doulcet H.* Quid Xenophonti debuerit Fl. Arrianus. Paris, 1882.
- Drews 1993 – *Drews A.* The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B.C. Princeton, 1993.
- Dundua 2004 – *Dundua G.* Hoards of foreign Coins of the Classical Period from Colchis (4th century B.C.–4th century A.D.) // Journal of Georgian Archaeology. 2004. 1. P. 160–169.
- Dupuy, Dupuy 1986 – *Dupuy R.E., Dupuy T.N.* The Encyclopedia of Military History. From 3500 B.C. to the Present. 2nd rev. ed. L., 1986.
- Eadie 1967 – *Eadie J.W.* The Development of Roman Mailed Cavalry // JRS. 1967. 57. P. 161–173.
- Eck 1970 – *Eck W.* Senatoren von Vespasian bis Hadrian. Prosopographische Untersuchungen mit Einschluß der Jares- und Provinzialfasten der Statthalter. München, 1970.
- Eck 1972 – *Eck W.* Bemerkungen zum Militärkommando in den Senatsprovinzen der Kaiserzeit // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 429–436.
- Eck 1974a – *Eck W.* Arrianus // RE. 1974. Suppl. XIV. Sp. 120.
- Eck 1974b – *Eck W.* Beförderungskriterien innerhalb der senatorischen Laufbahn dargestellt an der Zeit von 69 bis 138 n. Chr. // ANRW. II. 1. 1974. S. 158–228.
- Eck 1999 – *Eck W.* The Bar Kokhba Revolt. The Roman Point of View // JRS. 1999. 89. P. 76–89.
- Enßlin 1938 – *Enßlin W.* Zu dem symmachiarii // Klio. 1938. N.F. XIII. Hft. 1–4. S. 365–370.
- Engels 1980 – *Engels D.W.* Alexander's Intelligence System // CQ. 1980. 30. 2. P. 327–340.
- Engels 1980 – *Engels D.W.* Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley, 1980.
- Feldman 1984 – *Feldman L.H.* Flavius Josephus and Modern Scholarship (1937–1980). Berlin; N.Y., 1984.
- Ferrill 1986 – *Ferrill A.* The Fall of the Roman Empire. The military explanation. L., 1986.
- Ferrill 1991 – *Ferrill A.* The Grand Strategy of the Roman Empire // Grand Strategies in War and Peace. Ch. 5. / Ed. by P. Kennedy. New Haven; L., 1991. P. 71–85. Notes: P. 196–199.
- Feugère 1993 – *Feugère M.* Les Armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris, 1993.
- Feyel 1935 – *Feyel M.* Un nouveau fragment du règlement militaire trouvé à Amphipolis // RA. Sixième série. Tome VI. 1935. VII–XII (Juillet–Septembre). [RA. 6–e ser. 1935. VI. 7–12.] P. 29–68. RA. 1935. 6. P. 29–65.
- Fiebiger 1904 – *Fiebiger O.* Contus // RE. 1904. IV. Sp. 1170.
- Fiebiger 1905 – *Fiebiger O.* Duplicarius // RE. 1905. V. Sp. 1842–1843.
- Fiebiger 1909 – *Fiebiger O.* Exploratores // RE. 1909. VI. 2. Sp. 1690–1693.
- Fiebiger 1923 – *Fiebiger O.* Sesquiplicarius // RE. 1923. II. A 2. Sp. 1876–1877.
- Finley 1985 – *Finley M.I.* War and Empire // M.I. Finley. Ancient History. Evidence and Models. L., 1985. P. 67–87.
- Follet 1976 – *Follet S.* Athenes au II-e et au III-e siècle. Études chronologiques et prosopographiques. P., 1976.
- Förster 1877 – *Förster R.* Studien zu den Griechischen Taktikern // Hermes. 1877. XII. S. 426–471.
- French 1980 – *French D.H.* The Roman Road-system of the Asia Minor // ANRW. II. 7. 2. 1980. P. 698–729.
- French 1988 – *French D.* Roman roads and milestones of Asia Minor. Oxford, 1988. Fasc. 2.
- Frost 1984 – *Frost F.J.* The Athenian Military before Cleisthenes // Historia. 1984. Bd. XXXIII. Hft. 3. P. 283–294.

- Fuentes 1987 – *Fuentes N.* The Roman Military Tunic // Roman Military Equipment. The Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Research Seminar. Ed. by M. Dawson (BAR S. 336). Oxford, 1987. P. 41–71.
- Fuhrmann 1960 – *Fuhrmann M.* Das systematische Lehrbuch. Göttingen, 1960.
- Fuller 1945 – *Fuller J.F.C.* Armament and History. N.Y., 1945.
- Gaibov, Košelenko 2008 – *Gaibov V.A., Košelenko G.A.* A Horseman Charging a Foot Soldier: A New Subject in Parthian Glyptic Art // Parthica. 10. 2008. P. 99–107.
- Gallies 1965 – *Gallies H.* Die fremden Truppen im römischen Heer des Prinzipats und die sogenannten nationalen Numeri. Beiträge zur Geschichte des römischen Heeres // 45. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1964. Berlin, 1965. S. 130–228.
- Garbsch 1978 – *Garbsch J. et al.* Römische Paraderüstungen. München, 1978.
- Garlan 1972 – *Garlan Y.* La Guerre dans l'Antiquité. Paris, 1972.
- Garsoïan 1997 – *Garsoïan N.* The Aršakuni Dynasty (A.D. 12–[180 ?]–428) // The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. The Dynastic Periods: From Antiquity to the 14th cent. L., 1997. P. 63–94.
- Gavaghham 1990 – *Gavaghham P.F.* The Cutting Edge. Military of Antiquity and Early Feudal Times. N.Y., 1990.
- Gilliver 1999 – *Gilliver C.M.* The Roman Army at War. Stroud, 1999.
- Gli stati territoriali nel mondo antico / A cura di Bearzot C. et al. Milano, 2003.
- Glover 1943 – *Glover R.* The Elephant in Ancient War // The Classical Journal. 39. Nr. 5. 1943. P. 257–269.
- Glover 1948 – *Glover R.* The Tactical Handling of the Elephants // GR. 17. 1948. P. 1–11.
- Goessler 1931 – *Goessler P.* Neue römische Funde aus Cannstatt. Ein Beitrag zu den Alamannenkämpfen des dritten Jahrhunderts n. Chr. // Germania. 1931. 15. S. 6–15.
- Goethert 1996 – *Goethert K.-P.* Neue Römische Prunkschilde // *Junkelmann M.* Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz am Rhein, 1996. S. 115–128.
- Grant 1974 – *Grant M.* The Army of the Caesars. L., 1974.
- Greenhalgh 1973 – *Greenhalgh P.A.* Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.
- Griffith 1977 – *Griffith J.* The Epic Cycle and the Uniqueness of Homer // JHS. 1977. 97. P. 39–53.
- Griffith 1979 – *Griffith G.T.* A History of Macedonia. T. 2. Oxford, 1979.
- Groningen 1965 – *Groningen B. A. van.* General Literary Tendencies in the Second Century A.D. // Mnemosyne. Ser. IV. Vol. XVIII. Fasc. 1. 1965. P. 41–56.
- Grotefend 1867 – *Grotefend C.L.* Die Truppen in Arrians Marschordnung gegen die Alanen // Philologus. 1867. № 26. S. 18–28.
- Grosse 1924 – *Grosse R.* Lancea // RE. XII.1. 1924. Sp. 618–619.
- Gutschmid 1888 – *Gutschmid A. von.* Geschichte Irans und Seiner Nachbarländer. Tübingen, 1888.
- Hahlweg 1987 – *Hahlweg W.* Die Heeresreform der Oranier und die Antike. Osnabrück, 1987.
- Halfmann 1979 – *Halfmann H.* Die Senatoren aus dem östlichen Teil des Imperium Romanum bis zum Ende des 2. Jh. n. Chr. Göttingen, 1979.
- Halfmann 1986 – *Halfmann H.* Die Alanen und die Römische Ostpolitik unter Vespasian // EA. 8. 1986. S. 39–50.
- Hamilton 1956 – *Hamilton J.R.* The Cavalry Battle at the Hydaspes // JHS. 1956. 76. P. 26–31.
- Hammond 1972 – *Hammond N.G.L.* A History of Macedonia. Oxford, 1972.
- Hammond 1978 – *Hammond N.G.L.* A Cavalry Unit in the Army of Antigonos Monophthalmus: Asthippoi // CQ. 1978. 28. Nr. 1. P. 128–135/

- Hammond 1980 – *Hammond N.G.L.* Some Passages in Arrian Concerning Alexander // CQ. 1980. 30. Nr. 2. P. 455–476.
- Hammond 1980 – *Hammond N.G.L.* Training in the use of Sarissa and its effect in battle, 359–333 B.C. // *Antichthon*. 14. 1980. P. 53–63.
- Hammond 1981 – *Hammond N.G.L.* Alexander the Great: King, Commander and Statesman. L., 1981.
- Hammond 1984 – *Hammond N.G.L.* The Battle of Pydna // JHS. 1984. 104. P. 31–47.
- Hammond, Griffith 1979 – *Hammond N.G.L., Griffith G.T.* A History of Macedonia. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 1979.
- Hannestad 2001 – *Hannestad N.* Rome and her Enemies: Warfare in Imperial art // War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity / Ed. By T. Bekker-Nielsen, L. Hannestad. Copenhagen, 2001. P. 146–154.
- Hanson 1983 – *Hanson V.D.* Warfare and Agriculture in Classical Greece. Pisa, 1983.
- Hanson 1989 – *Hanson V.D.* The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. N.Y.; Oxford, 1989.
- Hanson 1999 – *Hanson V.D.* Hoplite obliteration: the case of the town of Thespieae // Ancient Warfare: Archaeological Perspectives / Ed. by J. Carman, A. Harding. Stroud, 1999. P. 203–217.
- Harding 1999 – *Harding A.* Warfare: a defining characteristic of Bronze Age Europe? // Ancient Warfare: Archaeological Perspectives / Ed. by J. Carman, A. Harding. Stroud, 1999. P. 157–173.
- Harl 1997 – *Harl K.W.* Alexander's Cavalry Battle at the Granicus // Polis and Polemos. Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan / Ed. by Ch.D. Hamilton and P. Krentz. Claremont, 1997. P. 303–326.
- Harl 1998 – *Harl O.* Kataphraktarier im römischen Heer – Panegirik und Realität // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Forschungsinst. für Vor- und Frühgeschichte. Mainz, 1996. Jg. 43, T. 2. S. 601–627.
- Harrer 1916 – *Harrer G.A.* Was Arrian Governor of Syria? // CPh. 1916. Vol. XI. № 3. P. 338–339.
- Hartmann 1895 – *Hartmann K.* Über die Taktik des Arrian. Bamberg, 1895 (non vidi).
- Hartmann 1910 – *Hartmann K.* Mitteilungen. Zu den Schriften und Fragmenten des Flavius Arrianus // Berliner Philologische Wochenschrift. 1910. 30 Jahrgang. №. 19. S. 603–608.
- Heckel 1986 – *Heckel W.* Somatophylakia: a Macedonian cursus honorum // Phoenix. 40. 1986. P. 279–94.
- Henderson 1923 – *Henderson B.W.* The Life and Principate of the Emperor Hadrian. A.D. 76–138. L., [1923].
- Herrmann 1930 – *Herrmann A.* Massagetai // RE. Bd. 14.2. 1930. Sp. 2123–2129.
- Heuberger 1938 – *Heuberger R.* Die Gaesaten // Klio. 1938. N.F. XIII. Hft. 1–4. S. 60–80.
- Holder 1896 – *Holder A.* Alt-Celtischer Sprachschatz. Bd. I. A–H. Leipzig, 1896.
- Holder 1962 – *Holder A.* Alt-Celtischer Sprachschatz. Bd. III. Graz, 1962.
- Holder 1980 – *Holder P.A.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxford, 1980 (BAR International Series 70).
- Holladay 1982 – *Holladay A.J.* Hoplites and Heresies // JHS. 1982. 102. P. 94–103.
- Hollis 1994 – *Hollis A.S.* Statius' Young Parthian King (Thebaid 8.286–93) // GR. 1994. 41. No. 2. P. 205–212.
- Hurwit 2002 – *Hurwit J.M.* Reading the Chigi Vase // Hesperia. 2002. 71. Nr. 1. P. 1–22.
- Hyland 1993 – *Hyland A.* Training the Roman Cavalry: From Arrian's Ars Tactica. Stroud, 1993.
- Isaac 1988 – *Isaac B.* The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // JRS. 1988. 78. P. 125–147.

- Isaac 1990 – *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford, 1990.
- Isaac 1998a – *Isaac B.* Hierarchy and Command–Structure in the Roman Army // *B. Isaac. The Near East under Roman Rule. Selected Papers.* Leiden, 1998. P. 388–402.
- Isaac 1998b – *Isaac B.* The Near East under Roman Rule. Selected Papers. Leiden, 1998.
- Jacobson 2001 – *Jacobson D.M.* Three Roman client kings: Herod of Judeae, Archelaus of Cappadocia and Juba of Mauretania // *Palestine Exploration Quarterly.* Vol. 133. 2001. P. 22–33.
- Jähns 1979 – *Jähns M.* Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens. Von der Urzeit bis zur Renaissance. Neudruck der Ausgabe Leipzig 1880. Mit einer Einführung von U. von Gersdorff. T. I. Ösnabrück, 1979; T. 2 (Atlas). 1979.
- Junge 1939 – *Junge J.* Saka–Studien // *Klio.* Beiheft. Leipzig, 1939.
- Junkelmann 1992 – *Junkelmann M.* Die Reiter Roms. Teil III. Mainz am Rhein, 1992.
- Junkelmann 1996 – *Junkelmann M.* Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz am Rhein, 1996.
- Kagan 2006 – *Kagan K.* Redefining Roman Grand Strategy // *JMH.* 2006. Vol. 70. P. 333–362.
- Kaimio 1979 – *Kaimio J.* The Romans and the Greek Language. Helsinki, 1979.
- Kapetanopoulos 1970 – *Kapetanopoulos E.* Some observations on «Roman Athens» // *Historia.* 1970. Bd. XIX. H. 5. P. 561–564.
- Keegan 1983 – *Keegan J.* The Face of Battle: A Study of Agincourt, Waterloo and the Somme. Harmondsworth, 1983. [Bungay, 1984]
- Keppie 1984 – *Keppie L.* The Making of the Roman Army. From Republic to Empire. Towata, 1984.
- Kiechle 1965 – *Kiechle F.* Die «Taktik» des Flavius Arrianus // 45. Bericht der Römisch–Germanischen Kommission. 1964. Berlin, 1965. S. 87–129.
- Klumbach 1952 – *Klumbach H.* Zum Straubinger Römerfund. Mit Übersetzungen aus Arrians *Tactica* von Bömer // *Gymnasium.* 1952. 59. S. 71–76.
- Koenen 1977 – *Koenen L.* Cordoba and no End // *ZPE.* 1977. XXIV. P. 35–40.
- Kolias 1988 – *Kolias T.G.* Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur Byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung. Wien, 1988.
- Kouznetsov, Lebedynsky 2005 – *Kouznetsov V., Lebedynsky I.* Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier–XVe siècles apr. J.–C. Paris, 2005.
- Krentz 1985a – *Krentz P.* Casualties in the Hoplite Battles // *GRBS.* 1985. 26. Nr. 1. P. 13–20.
- Krentz 1985b – *Krentz P.* The Nature of Hoplite Battle // *Classical Antiquity.* 1985. 4. Nr. 1. P. 50–62.
- Krentz 1997 – *Krentz P.* The Strategic Culture of Periclean Athens // *Polis and Polemos. Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan / Ed. by Ch.D. Hamilton and P. Krentz.* Claremont, 1997. P. 55–72.
- Krentz 2002 – *Krentz P.* Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite *Agôn* // *Hesperia.* 2002. 71. 1. P. 23–39.
- Kromayer, Veith 1928 – *Kromayer J., Veith G.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928.
- Lammert, Lammert 1912 – *Lammert E., Lammert F.* Kriegskunst // *RE.* 1912. XII. 1. Sp. 1828–18
- Lacy R. The Hellenistic Armies: The State of Their Research // *Военная археология.* СПб., 1998. С. 127–130.
- Lammert 1931 – *Lammert F.* Die Römische Taktik zu Beginn der Kaeserzeit und die Geschichtsschreibung // *Philologus.* Supplementband 23. Heft 2. Leipzig, 1931.
- Lammert 1932 – *Lammert F.* Römische Reitertaktik und die deutschen Pistolenreiter der Humanist enzeit // *Philologische Wochenschrift.* 52. Leipzig, 1932. S. 95–96.

- Lammert 1951 – *Lammert F.* Julius Africanus und die Byzantinische Taktik // BZ. 1951. H. 1/2. S. 362–369
- Latte 1950 – *Latte K.* Ein neues Arrianfragment. Göttingen, 1950.
- Launey 1949 – *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1–2. Paris, 1949–1950.
- Lazenby, Whitehead 1996 – *Lazenby J.F., Whitehead D.* The Myth of Hoplite's Hoplon // CQ. 1996. 46. № 1. P. 27–33.
- Lebedynsky 2002 – *Lebedynsky I.* Les Sarmates. Amazones et lanciers cuirassés entre Oural et Danube VIIe siècle av. J.–C. – VIe siècle apr. J.–C. Paris, 2002.
- Le Bohec 1989 – *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. Paris, 1989.
- Lehmann 1980 – *Lehmann P.W.* The so-called Tomb of Philip II: A Different Interpretation // AJA. 1980. 84. Nr. 4. P. 527–531.
- Lepper 1948 – *Lepper F.A.* Trajan's Parthian War. Oxford, 1948.
- Levéque 1985 – *Levéque P.* La Guerre à l'époque hellénistique // Problèmes de la Guerre en Grèce ancienne / Sous la direction de J.-P. Vernant. Paris, 1985. P. 261–287.
- Levéque, Vidal-Naquet 1960 – *Levéque P., Vidal-Naquet P.* Epaminondas Pythagoricien ou le problème tactique de la droite et de la gauche // Historia. 1960. Bd. IX. Hft. 1. P. 294–308.
- Littauer 1972 – *Littauer M.A.* The Military Use of the Chariots in the Aegean in the Late Bronze Age // AJA. 1972. 76. Nr. 2. P. 145–157.
- Lawson 1980 – *Lawson A.K.* Zu den römischen Reiterspielen // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1980. 10. S. 173–184.
- Lorimer 1950 – *Lorimer H.L.* Homer and the Monuments. London, 1950.
- Luginbill 1994 – *Luginbill R.D.* Othismos: The Importance of the Mass-shove in Hoplite Warfare // Phoenix. 1994. 48. No. 1. P. 51–61.
- Luttwak 1974 – *Luttwak E.N.* The Grand Strategy of the Roman Empire. Baltimore; L., 1974.
- Macdowall 1995 – *Macdowall S.* Late Roman Cavalryman 236–565 A.D. L., 1995.
- MacMullen 1980 – *MacMullen R.* How big was the Roman Imperial Army? // Klio. 1980. Bd. 62. H. 2. P. 451–460.
- Magie 1950 – *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. I–II. Princeton, 1950.
- Manicas 1982 – *Manicas P.T.* War, Stasis and Greek Political Thought // CSSH. 1982. 24. Nr. 4. P. 673–688.
- Mann 1954 – *Mann J.C.* A Note on the Numeri // Hermes. 1954. Bd. 82. Hft. 4. P. 501–506.
- Mann 1974 – *Mann J.C.* The Frontiers of Principate // ANRW. 1974. II. 1. P. 508–533.
- Manti 1983 – *Manti P.A.* The Cavalry Sarissa // The Ancient World. 8. 1983. P. 73–80.
- Markle 1977 – *Markle M.M.* The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour // AJA. 1977. 81. Nr. 3. P. 323–339.
- Markle 1978 – *Markle M.M.* III. Use of the Sarissa by Philip and Alexander of Macedon // AJA. 1978. 82. Nr. 4. P. 483–497.
- Markle 1982 – *Markle M.M.* III. Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great // Studies in the History of Art. 1982. Vol. 10. (Symposium Series I. Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times.)
- Markle 1999 – *Markle M.M.* III. A Shield Monument from Veria and the Chronology of Macedonian Shield Types // Hesperia. 1999. 68. Nr. 2. P. 219–254.
- Markwart 1931 – *Markwart J.* Iberer und Hyrkanier // Caucasica. 1931. 8. S. 78–113.
- Markwart 1957 – *Markwart J.* Römische Staatsverwaltung. Bnd. I. 3. Auflage, besorgt von H. Dessau und A. v. Domaszewski. Darmstadt, 1957 [1881].
- Marsden 1969 – *Marsden E.W.* Greek and Roman artillery. Historical Development. Oxford, 1969.

- Marsden 1971 – *Marsden E.W.* Greek and Roman artillery. Technical Treatises. Oxford, 1971.
- Mattern 1999 – *Mattern S.P.* Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate. Berkeley, 1999.
- Mathews 1989 – *Mathews J.* The Roman Empire of Ammianus. L. 1989.
- Mason 1974 – *Mason H.J.* Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974.
- M'Elderry R.K. The Legions of the Euphrates Frontier // CQ. 1909. Vol. III. No. 1. P. 44–53.
- McFayden 1921 – *McFayden D.* The Princes and the Senatorial Provinces // CPh. 1921. XVI. Nr. 1. P. 34–50.
- McGeer 1995 – *McGeer E.* Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, 1995.
- McLeod 1965 – *McLeod W.* The Range of the Ancient Bow // Phoenix. 1965. 19. Nr. 1. P. 1–14.
- McLeod 1972 – *McLeod W.* The Range of the Ancient Bow: Addenda // Phoenix. 1972. 26. P. 78–82.
- Millar 1964 – *Millar F.* A Study of Cassius Dio. Oxford, 1964.
- Millar 1965 – *Millar F.* Epictetus and the Imperial Court // JRS. 1965. 55. P. 141–148.
- Miller 2001 – *Miller S.G.* Rec. ad: Der Makedonische Schield / By K. Liampi. Bonn, 1998 // AJA. 2001. Nr. 1. P. 128–129.
- Milns 1971 – *Milns R.D.* The Hypaspists of Alexander III – Some Problems // Historia. 1971. XX. Hft. 2–3. P. 186–195.
- Milns 1976 – *Milns R.D.* The Army of Alexander the Great. Geneva, 1976.
- Minakaran-Hiesgen 1970 – *Minakaran-Hiesgen E.* Untersuchungen zu den Porträts des Xenophon und Isokrates // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1970. Bd. 85. S. 112–157.
- Mitford 1974 – *Mitford T.B.* Some Inscriptions from the Cappadocian limes // JRS. 1974. 64. P. 160–175.
- Mitford 1980 – *Mitford T.B.* Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes // ANRW. II. 7. 2. 1980. P. 1169–1228.
- Mommsen 1910 – *Mommsen Th.* Die römischen Provinzialmilizen // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd. VI. Berlin, 1910. S. 145–155.
- Müller 1896 – *Müller K.K.* Asklepiodotos (10) // RE. 1896. II. Sp. 1637–1641.
- Nadel 1982 – *Nadel B.* Aspects of Emperor Hadrian's policy in the northern Black Sea area // RSDA. 12. 1982. P. 175–215.
- Neil 1998 – *Neil D.A.* Ancestral Voices: The Influence of the Ancients on the Military Thought of the Seventeenth and Eighteenth Centuries // JMH. 62. 1998. Nr. 3. P. 487–520.
- Neuberger 1930 – *Neuberger A.* The Technical Arts and Sciences of the Ancients. N.Y., 1930.
- Nikonorov 1998 – *Nikonorov V.P.* Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identification // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. P. 131–138.
- Oakley 1985 – *Oakley S.P.* Single Combat in the Roman Republic // CQ. 1985. Vol. 35. Fasc. 2. P. 392–410.
- Ober 1994 – *Ober J.* The Rules of War in Classical Greece // The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World. New Haven, 1994. P. 12–26. <http://courses.temple.edu/pericles/ober.htm>

- Olbrycht 1998 – *Olbrycht M.* Parthian Military Strategy at War against Rome // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. P. 138–141.
- Oldfather 1920 – *Oldfather W.A.* Notes on the text of Asclepiodotos // *AJP*. 1920. 41. Nr. 162. P. 127–146.
- Oldfather 1923 – *Oldfather W.A.* Introduction // *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*. L.; Cambridge, 1923.
- Oldfather, Titchener 1921 – *Oldfather W.A., Titchener J.B.* A Note on the Lexicon Militare // *CP*. 1921. 16. Nr. 1. P. 74–76.
- Oliver 1970 – *Oliver J.H.* Arrian and the Gellii of Corinth // *GRBS*. 1970. 11. Nr. 4. P. 335–337; *Idem.* Appendix. Arrian as Archont at Athens // *GRBS*. 1970. 11. № 4. P. 337–338. *Idem.* Appendix. Arrian's Praenomen // *GRBS*. 1970. 11. № 4. P. 338.
- Oliver 1972 – *Oliver J.H.* Herm at Athens with Portraits of Xenophon and Arrian // *AJA*. 1972. 76. № 3. P. 327–328.
- Parker 1958 – *Parker H.M.D.* The Roman Legions. N. Y., 1958.
- Pavkovic 1988 – *Pavkovic M.* A note on Arrian's *Ektaxis kata Alanoon* // *The Ancient History Bulletin*. 1988. 2/1. P. 21–23.
- Pelham 1895 – *Pelham H.F.* Arrian as a Legate of Cappadocia // *EHR*. 1895. 44. P. 625–640.
- Peppas-Delmouzon 1970 – *Peppas-Delmouzon D.* Βάσις ἀνδριάντος τοῦ Ἀρριανοῦ // *AAA*. 1970. 3. P. 377–380 (non vidi).
- Perevalov 2003 – *Perevalov S.M.* The Sarmatian Lance and the Sarmatian Horse-Riding Posture // *Anthropology and Archaeology of Eurasia*. Vol. 40. Nr. 4. 2002 Spring. [Armonk, N.Y.] 2003. P. 7–21.
- Petit 1976 – *Petit P.* Pax Romana. Berkeley; Los Angeles, 1976.
- Petrikovits 1952 – *Petrikovits H. von.* Trojaritt und Geranostanz // *Festschrift für Rudolf Egger*. Bd. I. Klagenfurt, 1952. S. 126–143.
- Plassart 1970 – *Plassart A.* Fouillies des Delphes. T. III. Fasc. IV. Paris, 1970.
- Plontke-Lüning 1995 – *Plontke-Lüning A.* Römische Wohnkultur in Georgien // *Prinzipat und Kultur im 1. und 2. Jahrhundert*. Bonn, 1995. S. 317–324.
- Polis and Polemos. *Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan* / Ed. by Ch.D. Hamilton and P. Krentz. Claremont, 1997.
- Popowicz 1995 – *Popowicz E.* La guerra total en la Grecia clásica (431–338) // *Polis*. 1995. 7. P. 219–245.
- Pritchett 1974–1991. I–V – *Pritchett W.K.* The Greek State at War. Berkeley; Los Angeles, 1974–1991. Part I–V.
- Problèmes de la Guerre en Grèce ancienne / Sous la direction de J.-P. Vernant. Paris, 1968. [reprint 1985].
- Ramsay 1941 – *Ramsay W.M.* The Social Basis of Roman Power in Asia Minor. Aberden, 1941.
- Rance 2003 – *Rance Ph.* Elephants in Warfare in Late Antiquity // *AAASH*. T. XLIII. Fasc. 2–4. Budapest, 2003. P. 355–384.
- Rance 2004 – *Rance Ph.* The *Fulcum*, the Late Roman and Byzantine *Testudo*: the Germanization of Roman Infantry Tactics? // *GRBS*. 2004. 44. P. 265–326.
- Rance 2007 – *Rance Ph.* The *Etymologicum Magnum* and the “Fragment of Urbicius” // *GRBS*. 2007. 47. P. 193–224.
- Rattenbury 1942 – *Rattenbury P.M.* An Ancient Armoured Force // *CR*. 1942. LVI. P. 113–116.
- Rattenbury 1943 – *Rattenbury P.M.* Tacitus, Hist. I. 79 // *CR*. 1943. LVII. P. 67–69.

- Reid 2001 – *Reid H.* Arthur the Dragon King. The Barbaric Roots of Britain's Greatest Legend. L., 2001.
- Remy 1986 – *Remy R.* L'évolution administrative de l'Anatolie aux trois premiers siècles de notre ère. Lyon, 1986.
- Reuter 2001 – *Reuter M.* Studien zu den numeri des Römischen Heeres in der Mittleren Kaiserzeit // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 80. 1999. Mainz am Rhein, 2001. S. 357–569.
- Richardot 1998 – *Richardot Ph.* La fin de l'armée romaine (284–476). Paris, 1998.
- Richmond 1945 – *Richmond I.A.* The Sarmatae Bremetennacum veteranorum and the Regio Bremetennacensis // JRS. 1945. 35. P. 14–29.
- Ritterling 1902 – *Ritterling E.* Zur Erklärung von Arrian's Ἐκταξις κατ' Ἀλανῶν // Wiener Studien. 1902. № 34. S. 359–372.
- Ritterling 1927 – *Ritterling E.* Military Forces in the Senatorial Provinces // JRS. 1927. 17. P. 28–32.
- Robinson 1975 – *Robinson H.R.* The Armour of Imperial Rome. L., 1975.
- Roman Military Equipment. The Accountments of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Research Seminar. Edited by M. Dawson. BAR International Series 336. Oxford, 1987.
- Romilly 1968 – *Romilly J. de.* Guerre et paix entre cités // Problèmes de la Guerre en Grèce ancienne / Sous la direction de J.-P. Vernant. Paris, 1968. P.
- Roos 1926 – *Roos A.G.* Ad Ursulum Philippum Boissevain septuagenarium epistula de Arriani Periplo Ponti Euxini // Mnemosyne. 54. 1926. P. 101–117.
- Rostovtzeff 1936 – *Rostovtzeff M.* The Sarmatae and Parthians // CAH. XI. The Imperial Peace. A.D. 70–192. 1936. P. 91–130.
- Rostovtzeff 1943 – *Rostovtzeff M.I.* The Parthian Shot // AJA. 1943. 47. № 2. P. 174–187.
- Roth 1999 – *Roth J.P.* The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235). Leiden; Köln, 1999.
- Rowell 1937 – *Rowell H.T.* Numerus // RE. 1937. XVII. Sp. 1327–1342.
- Rubin 1955 – *Rubin B.* Die Entstehung der kataphraktenreiterei im Lichte der Choresmischen Ausgrabungen // Historia. 1955. Bd. IV. Heft 2/3. S. 264–283.
- Sabin 2000 – *Sabin P.* The Face of Roman Battle // JRS. 2000. 90. P. 1–17.
- Sachau 1915 – *Sachau E.* Die Chronik von Arbela // Abhandlungen der königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1915. Philosophisch-hist. Klasse. Nr. 6. B., 1915. S.
- Saglio 1887 – *Saglio E.* Cataphracti, Cataphractarii // Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines. D'après les textes et les Monuments. Ch. Daremberg et Edm. Saglio. T. I. P. 2 (C). P., 1887. P. 966–967.
- Salin 1959 – *Salin É.* La civilisation mérovingienne. D'après les sépultures, les textes et le laboratoire. P. 1–4. Paris, 1949–1959. P. 4. Les croyances. Conclusions. Index général. 1959.
- Salmon 1977 – *Salmon J.* Political Hoplitae? // JHS. 1977. 97. P. 84–101.
- Salway 1994 – *Salway B.* What's in a Name? A Survey of Roman Onomastic Practice from c. 700 B.C. to A.D. 700 // JRS. 1994. 84. P. 124–145.
- Sander 1963 – *Sander E.* Die Kleidung des römischen Soldaten // Historia. 1963. Bd. 12. P. 144–166.
- Schwartz 1896 – *Schwartz E.* Arrianus (9) // RE. 1896. II. Sp. 1230–1247.
- Sekunda 1994 – *Sekunda N.V.* Rec. ad: L. Poznanski (ed., tr.). Asclépiodote. Traité de Tactique. Paris, 1992 // CR. 1994. 44. 1. P. 36–37.
- Sekunda 1995 – *Sekunda N.V.* Rec. ad: De Voto James G. (ed., tr.) Flavius Arrianus ΤΕΧΝΗ ΤΑΚΤΙΚΑ (Tactical Handbook) and ΕΚΤΑΞΙΣ ΚΑΤΑ ΑΛΑΝΩΝ (The Ex-

- pedition against the Alans). Chicago: Ares Publishers, Inc. 1993 // CR. 1995. 45. 2. P. 156–157.
- Sekunda, Warry 1999 – *Sekunda N., Warry J.* Alexander the Great. His Armies and Campaigns 334–323 B.C. Oxford, 1999.
- Sherk 1974 – *Sherk R.* Roman Geographical Exploration and Military Maps // ANRW. II. 1. 1974. P. 534–562.
- Sidebottom 1994 – *Sidebottom H.* Rec.: Hyland A. Training the Roman Cavalry: From Arrian's *Ars Tactica*. Stroud: Sutton, 1993. // JRS. 1994. 84. P. 238–239.
- Snodgrass 1964a – *Snodgrass A.M.* Early Greek Armour and Weapons: From the End of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh, 1964.
- Snodgrass 1964b – *Snodgrass A.M.* Carian Armourers – the Growth of a tradition // JHS. 1964. 84. P. 107–118.
- Snodgrass 1965 – *Snodgrass A.M.* The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. 85. P. 110–122.
- Snodgrass 1967 – *Snodgrass A.M.* Arms and Armour of the Greeks. L., 1967.
- Snodgrass 1980 – *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980.
- Sophocles 1957 – *Sophocles E.A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. From B.C. 146 to A.D. 1100. Vol. I–II. New York, 1957.
- Speidel 1965 – *Speidel M.* Die Equites Singulares Augusti. Bonn, 1965.
- Speidel 1974 – *Speidel M.L.* Stablesiani. The raising of new cavalry units during the crisis of the Roman Empire // Chiron. 4. 1974. P. 541–546.
- Speidel 1975 – *Speidel M.P.* The Rise of the Ethnic Units in the Roman Imperial Army // ANRW. II. 3. 1975. P. 202–231.
- Speidel 1984a – *Speidel M.P.* Catafractarii clibanarii and the Rise of the Later Roman Mailed Cavalry. A Gravestone from Claudiopolis in Bythynia // EA. 1984. 4. P. 151–156.
- Speidel 1984b – *Speidel M.P.* The Pay of the Auxilia // M.P. Speidel. Roman Army Studies. Vol. 1. Amsterdam, 1984. P. 83–89.
- Speidel 1986 – *Speidel M.P.* The Caucasus Frontier. Second Century Garrisons at Apsarus, Petra and Phasis // Studien zu den Militärgrenzen Roms III. 13. Internationaler Limeskongreß. Aalen 1983. Vorträge. Stuttgart, 1986. S. 657–660.
- Spence 1990 – *Spence I.G.* Pericles and the defence of Attika during the Peloponnesian War // JHS. 1990. 110. P. 91–109.
- Stadter 1967 – *Stadter Ph.A.* Flavius Arrianus. The New Xenophon // GRBS. 1967. 1. Nr. 2. P. 155–161.
- Stadter 1978 – *Stadter Ph.A.* The *Ars Tactica* of Arrian: Tradition and Originality // CPh. 1978. 73. № 2. P. 117–128.
- Stadter 1980 – *Stadter Ph.A.* Arrian of Nicomedia. Chapel Hill, 1980.
- Stark 1966 – *Stark F.* Rome on the Euphrates. The Story of the Frontier. L., 1966.
- Starr 1941 – Starr Ch.G. The Roman Imperial Navy 31 B.C.–A.D. 324. N.Y., 1941.
- Stein 1927 – *Stein A.* Der Römische Ritterstand. München, 1927.
- Stevenson 1949 – *Stevenson C.H.* Roman provincial administration till the Age of the Antonines. N.Y., 1949.
- Sulimirski 1952 – *Sulimirski T.* Les archers à cheval, cavalerie légère des Anciens // Revue Internationale d'Histoire militaire. T. 3. 1952. P. 447–461.
- Sulimirski 1970 – *Sulimirski T.* The Sarmatians. London, 1970.
- Sumner 1970 – *Sumner G.V.* The Legion and the Centuriate Organization // JRS. 1970. 60. P. 67–77.
- Swain 1998 – *Swain S.* Hellenism and Empire. Language, Classicism, and Power in the Greek World A.D. 50–250. Oxford, 1998.

- Syme 1929 – *Syme R.* The Argonautica of Valerius Flaccus // CQ. 1929. XXIII. № 3/4. P. 129–137.
- Syme 1971 – *Syme R.* Danubian Papers. Bucharest, 1971.
- Syme 1981 – *Syme R.* Hadrian and the Vassal Princes // Athenaeum. Studi Periodici di Di
Literatura e storia dell' Antichità. Pavia. 1981. n. s. Vol. 59. Fasc. III–IV. P. 273–283.
- Syme 1982 – *Syme R.* The Career of Arrian // HSCP. 1982. 86. P. 181–211 (=RP. V. P. 21–
49)
- Syme 1988a – *Syme R.* Greek Invading the Roman Government // R. Syme Roman Papers. IV. Ed. by A.R. Birley. Oxford, 1988. P. 1–20.
- Syme 1988b – *Syme R.* Hadrian and the Senate // R. Syme Roman Papers. IV. Ed. by
A.R. Birley. Oxford, 1988. P. 295–324.
- Syme 1988c – *Syme R.* Hadrian as Philhellene. Neglected Aspects // Syme R. Roman Papers. IV. Oxford, 1988. P. 546–562.
- Tarn 1949 – *Tarn W.W.* Arrian // The Oxford Classical Dictionary / Ed. by M.Cary. Oxford, 1949. P. 101.
- Tarn 1966 – *Tarn W.W.* Hellenistic Military and Naval Developments. N.Y., 1966.
- Täubler 1909 – *Täubler E.* Zur Geschichte der Alanen // Klio. 1909. Bd. 9. Hft. 1. S. 14–28.
- Teja 1980 – *Teja R.* Die römische Provinz Kappadokien in der Prinzipatzeit // ANRW. II. 7. 2. 1980. S. 1083–1124.
- Tejada 2004 – *Tejada J.V.* Warfare, History and Literature in the Achaic and Classical Period: the Development of Greek Military Treatises // Historia. 2004. Bd. 53. Hft. 2. P. 129–146.
- Telegdi 1977 – *Telegdi Z.* Zur Bedeutungsentwicklung von σῆμα, σημείον und σημαίνειν // AAASH. T. XXV. Fasc. 1–4. 1977. P. 377–382.
- Tonnet 1988 – *Tonnet H.* Recherches sur Arrien: Sa personnalité et ses écrits atticistes (these dactylographiée, Paris–Sorbonne, 1979, 2 t.); éd. Amsterdam, 1988. 2 vols. (non vidi).
- Tonnet 1993 – *Tonnet H.* Histoire du grecque moderne. La formation d'une langue. Paris, 1993.
- Toumanoff 1963 – *Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963.
- Trümpner 1964 – *Trümpner H.* Alexander der Grosse und Arrian der Stoiker // Der altsprachliche Unterricht. 7. 1964. S. 26–38.
- Tuplin 1987 – *Tuplin Ch.J.* The Leuctra Campaign: Some Outstanding Problems // Klio. 1987. Bd. 69. Hft. 1. P. 72–107.
- Vári 1906 – *Vári R.* Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker // BZ. 1906. 15. S. 47–87.
- Vernant 1980 – *Vernant J.-P.* City–State Warfare // J.-P. Vernant. Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980. P.
- Vigeneron 1968 – *Vigeneron P.* Le Cheval dans l'Antiquité gréco-romaine. T. 1–2. Nancy, 1968. T. 2.
- Wachtel 1971 – *Wachtel K.* Ein unbekannter Senator Trajanisch–Hadrianischer Zeit (zu Corinth VIII, 3, 125) // Historia. 1971. XX. Heft 2/3. S. 326–333.
- Walbank 1957 – *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1. Commentary on books 1–6. Oxford, 1957.
- Walbank 1997 – *Walbank F.W.* Rec. ad: Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Commentary on books IV–V. Oxford: UP, 1995 // JHS. 1997. 117. P. 233–234.
- War and Society in the Greek World. L.; N.Y., 1993.
- Warry 1980 – *Warry J.* Warfare in the Classical World. An Illustrated Encyclopaedia of Weapons, Warriors, and Warfare in the Ancient Civilizations of Greece and Rome. L., 1980.

- Webster 1969 – *Webster G.* The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. L., 1969.
- Wees 1994 – *Wees H. van.* The Homeric Way of war: The Iliad and the Hoplite Phalanx (I and II) // GR. 1994. 41. Nr. 1. P. 1–18; Nr. 2. P. 132–155.
- Wheeler 1977 – *Wheeler E.L.* Flavius Arrianus: A Political and Military Biography. Duke University (diss.), 1977. (non vidi)
- Wheeler 1978 – *Wheeler E.L.* The Occasion of Arrian's *Tactica* // GRBS. 1978. 19. Nr. 4. P. 351–365.
- Wheeler 1979 – *Wheeler E.L.* The Legion as Phalanx // *Chiron*. 1979. Bd. 9. P. 303–318.
- Wheeler 1981 – *Wheeler E.L.* The Origins of Military Theory in Ancient Greece and China // International Commission of Military History, Acta 5, Bucures 1980. Bucharest, 1981. P. 74–79.
- Wheeler 1982 – *Wheeler E.L.* Hoplomachia and Greek Dances in Arms // GRBS. 1982. Vol. 23. Nr. 3. P. 223–234.
- Wheeler 1988 – *Wheeler E.L.* Stratagem and the Vocabulary of Military Trickery. Leiden, 1988.
- Wheeler 1991 – *Wheeler E.L.* Rethinking the Upper Euphrates Frontier: Where was the Westwtn Border of Armenia? // Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. by V.A. Maxfield, M.J. Dobson. Exeter, 1991. P. 505–511.
- Wheeler 1993 – *Wheeler E.L.* Methodological Limits and the Mirage of Roman Strategy // Journal of Military History. 1993. 57. P. 7–41; 215–240.
- Wheeler 1997a – *Wheeler E.L.* A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 6–7. 1994–96. 1997. P. 51–78.
- Wheeler 1997b – *Wheeler E.L.* Why the Romans can't defeat the Parthians: Julius Africanus and the Strategy of Magic // Roman Frontier Studies 1995: Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies. Oxford, 1997. P. 575–579.
- Wheeler 1998 – *Wheeler E.L.* Battles and Frontiers // Journal of Roman Archaeology. 1998. 11. P. 644–651.
- Wheeler 1999a – *Wheeler E.L.* From Pityus to Zeugma: The northern sector of the eastern frontier 1983–1996 // Roman Frontier Studies. Proceedings of the XVIIth International Congress of Roman Frontier Studies. Žalau, 1999. P. 215–229.
- Wheeler 1999b – *Wheeler E.L.* Strategie // Mensch und Landschaft in der Antike. Lexikon der Historischen Geographie / Hrsg. von H. Sonnabend. Stuttgart, 1999. S. 524–533.
- Wheeler 1999c – *Wheeler E.L.* Taktik // Mensch und Landschaft in der Antike. Lexikon der Historischen Geographie / Hrsg. von H. Sonnabend. Stuttgart, 1999. S. 533–539.
- Wheeler 2000 – *Wheeler E.L.* Legio XV Apollinaris: From Carnuntum to Satala – and beyond // Les légions de Rome sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon 17–19 septembre 1998. Lyon, 2000. P. 259–308.
- Wheeler 2001 – *Wheeler E.L.* Firepower: Missile Weapons and the «Face of Battle» // *Electrum*. 2001. 5. P. 169–184.
- Wheeler 2004 – *Wheeler E.* The Legion as Phalanx in the Late Empire (I) // L'armée Romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002) / Rass. et éd. par Y. Le Bohec et C. Wolff. Lyon, 2004. P. 309–358.
- White 1962 – *White L.* Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
- White 1973 – *White H.V.* The Greco-Roman Tradition. N.Y., 1973.
- Whittacker 1994 – *Whittacker C.R.* Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore, 1994.
- Williams 2004 – *Williams M.F.* Philopoemen's Special Forces: Peltasts and a New Kind of Greek Light-Armed Warfare // *Historia*. 2004. Bd. 53.3. P. 257–277.

- Wirth 1963a – *Wirth G.* Ἀρριανὸς ὁ φιλοσοφοῦν // *Klio*. 1963. Bd. 41. S. 221–233.
- Wirth 1963b – *Wirth G.* Zur Tigrisfahrt des Kaisers Traian. Vier Fragmente der Suda // *Philologus*. 1963. Bd. 1. Hft. 3/4. S. 288–300.
- Wirth 1964 – *Wirth G.* Anmerkungen zur Arrianbiographie. Appian–Arrian–Lukian // *Historia*. 1964. Bd. XIII. Hft. 2. S. 209–245.
- Wirth 1974 – *Wirth G.* Arrian und Traian – Versuch einer Gegenwartsdeutung // *Studii Classice*. Bucuresti. 1974. XVI. S. 169–209.
- Zhmodikov 2000 – *Zhmodikov A.* Roman Republican Heavy Infantrymen in Battle (IV–II centuries BC) // *Historia*. 2000. Bd. 49. Hf. 1. P. 67–78.
- Zuckerman 1991 – *Zuckerman C.* The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // *TM*. 11. Paris, 1991. P. 527–553.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AA – *Antiqitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Саратов
АДЖ – Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Текст.
Т. I. Описание и исследование памятников. Санкт-Петербург, 1914; Атлас.
Санкт-Петербург, 1913
БСЭ – Большая советская энциклопедия. Москва
ВВ – Византийский временник. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр.
АН СССР В.Т. Пашуто: Материалы конференции. М.
ВИ – Вопросы истории. Москва
ВНЦ – Владикавказский научный центр
ДГ – Древнейшие государства на территории СССР (с 1994 г. – Древнейшие
государства Восточной Европы). Материалы и исследования. Москва
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир; Москва
КБН – Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград, 1965
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва;
Ленинград
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
ОВ – Одесский вестник
ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва
РА – Российская археология. Москва
СА – Советская археология. Москва
AAA – *Athens Annals of Archaeology*
AAASH – *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest
AE – *L'Année Epigraphique*. Paris
AJA – *American Journal of Archaeology*. New York
AJPh – *American Journal of Philology*. Baltimore
ANRW – *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms
im Spiegel der neueren Forschung*. Berlin; New York
BAR – *British Archaeological Report*. London
BCH – *Bulletin de Correspondance Hellénique*. Paris
BE – *Bulletin Épigraphique*. Paris

- BZ – Byzantinische Zeitschrift. Leipzig
 CAH – Cambridge Ancient History. Cambridge
 CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae
 CIG – Corpus Inscriptionum Graecarum. Berolini
 CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini
 CPh – Classical Philology. Chicago
 CQ – Classical Quarterly. Oxford
 CR – The Classical Review. Oxford
 DHA – Dialogue d’Histoire Ancienne. Besançon; Paris
 DOP – Dumbarton Oaks Papers. Cambridge, Mass.
 EA – Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographic Anatoliens. Bonn.
 EHR – English Historical Review. London
 EI – Encyclopaedia Iranica / Ed. F. Yarshater
 EW – East and West. Quarterly Journal of the Instituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Roma
 FGH – Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Bd. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958.
 FHG – Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Muellerus. T. I–V. Paris, 1841–1870
 GGM – Geographi Graeci minores / Ed. C. Müllerus. Parisiis, 1855–1861. Vol. I–II
 GR – Greece and Rome. Oxford
 GRBS – Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham, N.C.
 HA – Historia Augusta
 HSCP – Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, Mass.
 Hercher – Arriani Nicomediensis scripta minora. Rec. R. Hercher. Leipzig: Teubner. 1854. 2nd Rec. R. Hercher. Ed. A. Eberhard. Leipzig: Teubner, 1885.
 Hermes – Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. Wiesbaden
 HT – History Today.
 IG – Inscriptiones Graecae. Berolini
 IGR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris, 1906–1928
 ILS – Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berlin, 1892–1914
 IOSPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Vol. I–II. IV. Petropoli, 1885–1901
 JHS – Journal of Hellenic Studies. London
 JMS – Journal of Military History.
 JRMES – Journal of Roman Military Equipment Studies
 JRS – Journal of Roman Studies. London
 Köchly; Rüstow – Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, griechisch und deutsch mit Kritischen und erklärenden Anmerkungen. II Theil. II Abteilung. Des byzantiner Anonyms Kriegswissenschaft. Leipzig. 1855.
 LSJ – A Greek–English Lexicon / By H.G. Liddel and R. Scott R. Rev. by H.S. Jones et al. With a revised Supplement. Oxford, 1996
 MGH. AA – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin; Hannover
 PB – Para Bellum. Военно-исторический журнал. Санкт-Петербург
 PG – Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.P. Migne. Paris
 PIR – Prosopographia Imperii Romani / H. Dessau. Saec. I–III. Pars III. Berlin, 1943
 PL – Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.P. Migne. Paris

- PLRE – The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. A.D. 260–395 / Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. Cambridge, 1975; Vol. II / Martindale J.R. Cambridge, 1980
- PP – Past and Present
- RA – Revue archéologique. Paris
- RE – Paulys Real-Encyclopädie des Klassischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung, beg. von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1894–
- Roos; – Flavii Arriani quae extant omnia / Ed. A.G. Roos et G. Wirth. Vol. I–II. Lipsiae, 1967–1968
- RGZM – Römisch-Germanischen Zentralmuseums zu Mainz
- RSDA – Rivista Storica dell' Antichita. Bologna
- SC – Лагъшев В.В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I–II. СПб., 1893–1906
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum
- TM – Travaux et Mémoires. Centre de Recherches d'Histoire et Civilisation byzantines. Paris
- WS – Wiener Studien. Wien
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

УКАЗАТЕЛИ

(к греческому тексту и переводу)

Indices

A – Acies contra Alanos

T – Tactica

Именной указатель

Index auctorum

- Агамемнон, Ἀγαμέμνων: Т 19.5.
Адриан (император), Ἀδριανός: Т 44.3.
Александр, сын Пирра, Ἀλέξανδρος ὁ Πύρρου: Т 1.1.
Арбел, Ἀρβηλος: А 12; 13.
Аттис, Ἀττις: Т 33.4.
Валент, Οὐάλης: А 5; 24.
Васак, Οὐασάκης: А 12; 13.
Вер, Βῆρος: А 3.
Гомер, Ὅμηρος: Т 31.5; 31.6.
Грилл (отец Ксенофонта Афинского), Γρύλλος: Т 29.8.
Дафн Коринфянин, Δάφνης Κορίνθιος : А 1.
Деметрий, Δημήτριος: А 1.
Евангел Тактик, Εὐάγγελος: Т 1.1.
Евполем Тактик, Εὐπόλεμος: Т 1.1.
император (Адриан), βασιλεύς: Т 32.3; 42.2; 44.1.
Ификрат Тактик, Ἴφικράτης: Т 1.1.
Кир (Великий), Κύρος: Т 19.4.
Клеарх (командир «десяти тысяч»), Κλέαρχος: Т 1.1.
Клеарх (Тактик), Κλέαρχος: Т 1.1.
Ксенофонт (Афинский, сын Грилла), Ξενοφῶν: Т 6.3; 29.8.
Ксенофонт (псевдоним Арриана), Ξενοφῶν: А 10; 22.
Лампрокл, Λαμπροκλῆς: А 3.
Муза, Μῶσα: Т 44.3.
Павсаний Тактик, Παυσανίας: Т 1.1.
Пирр (Эпирот), Πύρρος: Т 1.1.
Полибий Аркадец, Πολύβιος ὁ Ἀρκάς: Т 1.1.

Посидоний Родосский, Ποσειδώνιος ὁ Ῥόδιος: Т 1.1.
 Приам, Πρίαμος: Т 19.5.
 Пульхр, Πούλχερ: А 3; 13.
 Рея (фригийская), Ῥέα: Т 33.4.
 Секундин, Σεκουνδίνος: А 7.
 Сципион-римлянин (Африканский Младший), Σκιπίων ὁ Ῥωμαῖος: Т 1.1.
 Филипп II Македонский, Φίλιππος ὁ Μακεδών: Т 16.6.
 царь (персидский Артаксеркс II), βασιλεύς: Т 1.1.
 Эниалий, Ενώλιος: А 25.
 Эпаминонд, Επαμεινώνδας: Т 11.2.
 Ясон Фессалиец, Ίάσων ὁ Θεσσαλός: Т 16.3.

Этногеографический и предметный указатель
Index nominum et rerum

аврианы, Ἀύριανοί: А 1.
 азиаты (варвары), Ἀσιανοί: Т 19.4.
 аланский способ (атаки), Ἀλανικὸς τρόπος: Т 4.7.
 аланы, Ἀλανοί: Т 4.3.
 апланийцы, Ἀπλανοί: А 7; 14.
 аркадские шапки, Ἀρκαδικὸὶ πῖλοι: Т 3.5.
 армении (армяне), Ἀρμένιοι: Т 4.3; 34.7; 44.1; А 12; 29.
 Армения Малая, Ἀρμενία ἡ μικρά: А 7; 14.
 афиняне, Ἀθηναῖοι: Т 33.5.
 ахейские (обычай), Ἀχαιοί: Т 33.4.
 беотийцы, Βοιωτοί: Т 11.2.
 боспораны, Βοσπορανοί: А 3; 18.
 Бриттанские острова, Βρεττανικαὶ νῆσοι: Т 19.2.
 варварские (приемы), Βαρβαρικά: Т 44.1.
 варвары (европейские), βαρβαροί: Т 19.2.
 галатийская ила, Γαλατικὴ εἶλη: А 9.
 геты (конники), Γέται: Т 44.1; Д 8.
 гетский (клич), Γετικὸὶ ἀλαλαγμοί: Т 44.1.
 XII таблиц (законы), δώδεκα δέλτοι: Т 33.5.
 европейские (варвары), Εὐρωπαϊοί: Т 19.2.
 иберийское племя, Ἰβηρικὸς γένος: Т 40.1.
 иберы, Ἰβηρες: Т 33.1.
 инды, индийцы, Ἰνδοί: Т 2.2.
 италийская (когорта), Ἰταλικὴ σπεῖρα: А 3; 9; 13.
 итурейцы, Ἰτυραῖοι: А 1; 18.
 кантабрийская (атака), Κανταβρικὴ ἐπέλασις: Т 40.1.
 кантабрийский (круг), Κανταβρικη: Т 40.6.
 кантабры, иберийское племя, Κάνταβροι: Т 40.1.
 Карфаген (Ливийский), Καρχηδὼν ἡ ἐν Λιβύῃ: Т 1.1.
 карфагеняне, Καρχηδόμοι: Т 2.2.
 кельтская (конница), Κέλτοι ἵππεῖς: Т 33.1.
 кельтские (контофоры), Κέλτοι κοντοφόροι: Т 44.1.
 кельтские (приемы), Κελτικὸς πράγματα: Т 33.1.
 кельтский (язык), Κελτικός: Т 37.4; 42.4; 43.2.
 кельтский (клич), Κελτικός: Т 44.1.
 кельты, Κέλτοι: Т 33.1; 44.1; А 2.

- киммерийские (хитоны), Κιμμερικὰ χιτώνια: Т 34.6.
 киренейцы, Κυρηναῖοι: Т 19.5; А 1; 3; 14; 18.
 колоны, Κολωνοί: А 1.
 колхи, Κόλχοι: А 7.
 коринфянин, Κορίνθιος (Дафн): А 1.
 критский (контрмарш): Κρητικός ἐξελιγμός Т 23.1; Т 23.4.
 Лакедемон, Λακεδαίμων: Т 44.3.
 лаконские (о шапках), Λακωνικοὶ πῖλοι: Т 3.5.
 лаконский (контрмарш), Λάκων ἐξελιγμός: Т 23.1; 23.3; 24.2; 31.4.
 Левктры, Λεῦκτρα: Т 11.2.
 Ливия, Λιβύη: Т 1.1.
 македонская (фаланга), Μακεδονικός φάλαγξ: Т 12.6.
 македонские (построения), Μακεδονικός τάξεις: Т 32.2.
 македонский (контрмарш), Μακεδών ἐξελιγμός: Т 23.1; 23.2; 24.1; 31.4.
 македоняне, Μακεδόνες: Т 2.2; 3.2; 16.6.
 Мантинейя, Μαντινεία: Т 11.2.
 нумидийцы (=номады), Νομάδες: А 3; 18.
 парфяне, Παρθαῖαι: Т 4.3; Т 34.7; 44.1.
 персидские (о колесницах), Περσικός ἄρματα: Т 2.5.
 персидский (контрмарш), Περσικός ἐξελιγμός: Т 23.1; Т 23.4.
 персы, Πέρσαι: Т 16.9; Т 19.4.
 петрейцы, Πετραῖοι: А 1.
 Пессинунт (город во Фригии), Πεσσινοῦς: Т 33.4.
 ретийцы, Ραιτοί: Т 44.1; Д 1.
 ретийская (когорта), Ραιτικός σπέῖρα: А 1.
 ретийский (клич), Ραιτικός ἀλαλαγμοί: Т 44.1.
 Ретия, Ραιτ: Т 44.1.
 ризианы, Ριζιανὸι λοχχοφόροι: А 7; 14.
 Рим, Ρώμη: Т 33.4.
 римляне, Ρωμαῖοι: Т 2.2; 3.5; 4.7; 19.2; 32.3; 33.1; 33.2; 33.3; 40.1; 44.1; 44.2.
 римские (значки), Ρωμαϊκός σημεῖα: Т 35.2.
 римское (оружие), Ρωμαϊκός: Т 33.3.
 родосец (Посидоний), Ρόδιος: Т 1.1.
 савроматские (контофоры), Σαυρομάται: Т 44.1.
 савроматы (сарматы), Σαυρομάται: Т 4.3; 4.7; 11.2.
 скифы, Σκύθαι: Т 11.2; 16.6; А 26; 31.
 скифские (значки), Σκυθικός σημεῖα: Т 35.2-3.
 Сицилия, Σικελία: Т 16.9.
 трапезунтцы, Τραπεζούντιοι: А 7; 14.
 троянские (о колесницах), Τρωϊκὰ ἄρματα: Т 2.5.
 троянцы, Τρώες: Т 19.5.
 фессалийцы, Θεσσαλοί: Т 16.3.
 фиванцы, Θηβαῖοι: Т 11.2.
 фракийцы, Θράκες: Т 16.6.
 фригийская (Рея), Φρύγες: Т 33.4.
 фригийский (обряд; плач; обычай), Φρύγιος δρώμενα: Т 33.4.
 эллинские (построения), Ἕλληνες τάξεις: Т 32.2.
 эллины, Ἕλληνες: Т 1.1; 3.2; 3.5; 16.9; 33.4.
 эфиопская (армия), Αἰθιοπικά: Т 2.2.
 эфиопы (верхние), Αἰθιοπῆες: Т 19.6.

Тактические термины
Index verborum

- аконтисты, ἀκοντισταί: дротикометатели Т 15.1.
 амфиппы, ἄμφιπποι: «обоеконные» Т 2.3.
 амфистомос, ἀμφίστομος: «двучелюстная» (фаланга) Т 29.2, 5.
 анаксириды, ἀναξιρίδες: шаровары Т 34.7.
 анастрофэ, ἀναστροφή: «назад», возвращение отряда в положение, существовавшее до выполнения приема эпистрофэ, поворотом на 1/4 круга назад, Т 21.4.
 аподунай эс ортон, ἀποδοῦναι ἐς ὀρθόν: «восстановить фронт», отмена предыдущего приказа «направо» или «налево» Т 20.2; 22.3
 апотомэ, ἀποτομή: то же, что фалангархия (φαλαγγαρχία), подразделение фаланги в 4096 человек Т 10.6
 арарос, ἀραρός: «смычка», место стыковки двух половин фаланги Т 8.4.
 афракты, ἄφρακτος ἱππική: бездоспешная кавалерия, Т 4.1.
 гегемон, ἡγεμών: возглавляющий ряд, Т 5.6.
 гекатонтарх, ἑκατοντάρχης: сотник (центурион): Т 10.3; А 2; 5; 6; 22.
 гекатонтархия, ἑκατονταρχίαιа: подразделение псиллов, Т 14.3
 гимнеты, γυμνήτες: А 29
 гиппика гимнасия, ἱππικὰ γυμνάσια: конные упражнения в римской армии, Т 33.3.
 голова (фаланги), κεφαλή: передняя половина походной колонны, Т 8.3
 гомойостомос (фаланга), ὁμοίοστομος: «с односторонними челюстями», Т 29.4.
 гиперет, ὑπέρητης: Т 10.4; 14.4.
 гиперкерасис, ὑπερκέρασις: обход фланга, Т 29.9-10.
 гиперфалангэсис, ὑπερφάλαγγησις: обход обоих флангов, Т 29.8-9.
 гипотаксис, ὑπόταξις: тыловая позиция, резерв, Т 20.3; 26.7.
 гиппархия, ἵππαρχία: конный полк из 512 всадников или ила (ала), Т 18.3.
 гиппотоксоты, ἵπποτοξόται: конные лучники, Т 4.5; 44.1; А 1; 21.
 декадарх (декурион), δεκαδάρχης, δεκάρχης: десятник, Т 42.1; А 1, 22.
 декадархия, δεκαδαρχία: турма, отряд из 32 всадников, Т 42.1–5.
 декания, δεκανία: лох в десять человек, Т 6.1.
 дзюгейн, ζυγεῖν: «строить шеренги», Т 22.1; 2.
 дзюгон, ζυγόν: шеренга Т 8.1; А
 дилохия, διλοχία: двойной лох, из 32 человек, Т 10.1.
 дилохит, διλοχίτης: командир дилохии, Т 10.1.
 димойрия, διμοιρία: двойная эномотия, 8 человек, Т 6.2.
 димойрит, διμοιριτής: командир димойрии, Т 6.2
 дипласиасм, διπλασιάζειν: вздваивать (ряды или шеренги), Т 20.2; 25.1-12.
 дифалангия, διφαλαγγία: половина полной фаланги из 8 192 воинов, Т 10.7; 28.6-29.2.
 доратофоры, δоратоφόροι: (конные) копьеносцы, Т 4.3.
 доратофоры, δоратоφόροι: копьеносцы, как общий термин, Т 4.2–4.
 ила, εἶλη: эскадрон из 64 конных, Т 18.2; А 1; 8; 9; 20.
 ила, εἶλη: римская ала, конный полк в 512 всадников, Т 18.3.
 иларх, εἰλάρχης: командир илы (алы), Т 18.2
 каталохисай, каталоχίσαι: распределять по лохам, Т 5.4.
 катапульты, катаπέλται: метательные машины, А 5.
 катафракт, κατάφρακτος: панцирное (вооружение), Т 4.1.
 керас, κέραс: 1) фланг армии; 2) крыло фаланги (или дифалангархия, διφαλαγγαρχία), Т 10.7.
 кефалэ, κεφαλή: голова, авангард, Т 8.3.
 кинесис, κίνησις: (пере)движение, Т 20.1–26.7.
 клисис, κλίσις: поворот одного человека (направо или налево), Т 20.1-2; 21.1.

- конные разведчики, *κατάσκοπο ἵππεῖς*: А 1; 11.
 контос, *κонтός*: длинная пика, А 16; 17; 26.
 контофоры, *κонтοφόροι*: пикейщики, Т 4.2-4; А 21 (конные); А 16 (пехота).
 локсэ, *λοξή*: косая (фаланга), Т 26.3.
 ксенагия, *ξεναγία*: она же синтаγμα псилов из 256 человек, Т 10.3; 14.4.
 ксистон, *ξυστόν*: копьё для конницы, Т 40.4.
 ксистофоры, *ξυστοφόροι*: конники, вооруженные ксистами, Т 4.4.
 «ксюнема» (кельт.), *ξύνημα*: конное упражнение Т 42.1-2.
 лонха, *λόγχη* (*lanx*): метательное копьё: Т 4.7; 4.9; А 26.
 лонхофоры, *λογχοφόροι*: копьеносцы, А 18.
 л. гимнеты, А 29.
 л. конные, Т 4.2-4; А 21.
 л. легкие, А 23.
 л. ризианы, А 7; 14.
 лох, *λόχος*: ряд в фаланге, Т 5.4-6;
 л. псилов: Т 14.2.
 лохаг, *λοχαγός*: командир лоха Т 5.6; 12.1; 12.2.
 мерарх, *μεράρχης*: командир мерархии в 2048 человек, Т 10.5.
 мерос, *μέρος*: он же «керас» (фланг) 8192 человек, Т 10.7.
 метаболе, *μεταβολή*: поворот, в техническом смысле – поворот «кругом», Т 21.2.
 метопон, *μέτωπον*: «лицо», фронт фаланги, Т 8.1.
 омфал (пуп), *ὀμφαλός*: центр фаланги, Т 8.4.
 ортиос, *ὄρθιος*: перпендикулярное (прямое) построение, Т 20.3; 26.1-2.
 парагогэ, *παραγωγή*: фланговый марш в линию (направо или налево), Т 20.3; 28.3.
 парастат, *παραστάτης*: рядом стоящий, Т 7.2.
 паремболэ, *παραμβολή*: включение дополнительного числа воинов в ряды гоплитов, Т 26.4.
 пентакосиарх, *πεντακοσίάρχης*: командир синтагмы в 512 человек, Т 10.5.
 пентакосиархия (полусотня), *πεντηκοιταρχία*: подразделение фаланги из 64 человек, Т 14.3.
 периспασм, *περισπασμός*: поворот отряда кругом, Т 20.2; 21.4.
 «петринос» (кельт.), *πέτρινος*: конное упражнение с метанием, Т 37.4.
 пикносис, *πίκνωσις*: уплотненное построение фаланги, Т 11.3.
 плагиа, *πλαγία*: поперечная или вытянутая (фаланга), Т 26.1.
 плагиофилаки, *πλαγιοφύλακες*: фланговые, Т 16.5.
 плайсион, *πλαίσιον*: прямоугольник, Т 29.7.
 плинтион («кирпичик»), *πλινθίων*: карэ, Т 29.8.
 простаксис, *πρόσταξις*: боковое построение, расположение дополнительных сил на флангах фаланги, Т 20.3. 26.5
 просопон, *πρόσωπον*: «лицо», фронт фаланги, Т 8.1.
 простаксис, *πρόσταξις*: фланговый пристрой, Т 26.5.
 протолахия, *πρωτολαχία*: первая шеренга фаланги, Т 8.1.
 протостат, *πρωτοστάτης*: впередистоящий, Т 5.6; 6.4; А 16.
 псилагия, *ψιλαγία*: подразделение из 256 псилов, Т 14.4.
 силы, *ψιλοί*: Т 3.1, 3; 9.1-2; 13.1-2.
 силлохисм, *συλλοχισμός*: строй из параллельно расположенных рядов (лохов), Т 7.1-2.
 синасписм, *συνασπισμός*: смыкание щитов, защитный боевой порядок, Т 11.4; 36.1.
 синтаγμα, *σύνταγμα*: подразделение из 256 человек, Т 10.3.
 систасис, *σύστασις*: подразделение псилов в 32 человека, Т 14.3.
 систрема, *σύστρεμμα*: подразделение псилов в 1024 псилов, Т 14.5.
 стифос, *στίφος*: подразделение псилов в 4092 чел., Т 14.5.
 стихос, *στίχον*: ряд в фаланге, Т 6.1.

- стойхейн, στοιχεῖν: построение в ряд, Т 8.2; 22.1.
стома («челюсти»), στόμα: место смыкания двух половин фаланги, центр, Т 8.4.
стратегия (отратηγία): или фалангархия из 4092 чел., Т 10.7.
сюзюгейн, συζυγεῖν: построение в шеренгу, Т 8.2.
таксис, τάξις: отряд в 128 человек, Т 10.2.
таксиарх, ταξιάρχης: командир таксиса в 128 человек, Т 10.2.
тарантинархия, ταραντιναρχία: отряд в 256 конных, Т 18.3.
тарантинцы, Ταραντινοί: конные метатели, Т 4.5-6.
телос, τέλος: или пехотная мерархия в 2048 человек, Т 10.5.
телос, τέλος: соединение из двух эфиппархий в 2048 конных, Т 18.4.
тетрарх, τετράρχης:: командир тетрархии из 64 гоплитов, Т 10.1.
тетрафалангия, τετραφαλαγγία: соединение двух дифалангий, полная фаланга («четверофалангия») из 16 384 гоплитов, Т 10.8; 28.6.
тиреи, θυρεοί: продолговатые щиты, Т 4.4; 4.8.
тиреофоры, θυρεαφόροι: щитоносцы, Т 4.4.
«толутегон» (кельт.), τολούτεγον: конное упражнение с контосом, Т 43.2.
ура, οὐρά: «хвост», арьергард, Т 8.3
ураг, οὐραγος: замыкающий, Т 6.5; 10.4; 12.11.
фалангарх, φαλαγγάρχης: командир фалангархии из 4192 человек, Т 10.6.
фаланга, φάλαγξ: боевой строй пехоты, Т 8.1; 8.3; 11.1; 26.1; 26.3; 26.5; 26.7; 29.1; 29.8; 29.10.
ф. македонская: Т 12.6; 12.10.
ф. двенадцатая: XII легион Фульмината, А 6; 15; 24.
ф. пятнадцатая: XV легион Аполлонов, А 5; 15; 24.
ф. (легион): А 4.
ф. пехоты: А 22.
хилиарх, χιλιάρχης: тысячник, Т 10.5; А 5; 6; 24.
хилиархия, χιλιарχία: соединение из 1024 человек пехоты, Т 10.5.
«хорион», χόριος: форма контрмарша: Т 24.3; 24.4.
черепаха, χελώνη: защитное построение конницы, Т 36.1.
экпериспασм, ἐκπερισπασμός: поворот отряда в 3/4 оборота, Т 21.5.
экселигм, ἐξελιγμός: «контрмарш», разворот фронта к тылу, Т 9.4; 20.2; 23.1-24.4.
э. лаконский: Т 23.3; 24.2.
э. македонский: Т 23.3; 24.1; 31.4.
элафры, ἐλαφοί: «быстрые» – разновидность всадников-тарантинцев, атакующих врукопашную, Т 4.6.
эномотарх, ἐνωμοτάρης: командир эномотии, Т 6.2
эномотия, ἐνωμοτία: лох или 1/4 часть лоха (т.е. 4 человека), Т 6.2; 6.3.
энтаксис, ἔνταξις: «вставка», размещение легковооруженных бойцов среди рядов гоплитов Т 26.6.
эпагогэ, ἐπαγωγή: марш в колонну, противоположный парагогэ, Т 20.3; 28.2.
эпиамп, ἐπιάμπος: углообразный боевой порядок (типа П), Т 26.7.
эпиксенагия, ἐπίξεναγία: четвертая часть фаланги псиллов в 2048 человек, Т 14.5-6.
эпилархия, ἐπιλαρχία: двойная ила, 128 всадников, Т 18.2.
эпистаты (лохагов), ἐπιστάται: позади стоящий в четном ряду, Т 12.3-4.
эпистрофэ, ἐπιστροφή: 1) с общим значением: поворот; 2) как специальный термин: поворот строя в четверть оборота (90°): Т 16.7; 21.3
эпитагма, ἐπίταγμα: соединение в 4096 конных, Т 18.4.
э. псиллов: соединение из 8 192 воинов, Т 14.5
эфиппархия, ἐφίππαρχία: отряд из 1024 конных, Т 18.4.

Содержание

Предисловие	5
Введение	
а) Флавий Арриан: жизнь и творчество	11
Имя и происхождение	12
Жизнь и карьера	15
Сочинения Арриана. Дискуссия о творческом пути	26
б) Тактические трактаты Флавия Арриана	32
Греческие военные трактаты по тактике	33
«Тактическое искусство» Арриана	39
«Диспозиция против аланов» Арриана	50
Судьба тактических трактатов Арриана в европейской научной литературе	54
Археографические прелиминарии	79
Текст	87
Перевод	147
Комментарий	181
Римская стратегия на Кавказе в каппадокийское легатство Флавия Арриана	301
Приложение	
Библиография	341
Список сокращений	378
Указатели	381

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии
и
Учёным советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Сергей Михайлович **Первалов**

ТАКТИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ ФЛАВИЯ АРРИАНА

Тактическое искусство
Диспозиция против аланов

Текст, перевод, комментарий

Издательство
“Памятники исторической мысли”
115597, Россия, Москва, Воронежская, 38-334
Подписано в печать 14.12.10. Формат 60×90 ¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 24,1. Усл. печ. л. 24,5
Тираж 800 экз.

Древнейшие источники по истории Восточной Европы

(до 1993 г. – «Древнейшие источники по истории народов СССР»)

- Мельникова Е.А.** Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарий. М., 1977.
- Матузова В.И.** Английские средневековые источники IX-XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
- Чичуров И.С.** Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
- Соломоник Э.И.** Латинские надписи Херсонеса: Тексты, перевод, комментарий. М., 1983.
- Подосинов А.В.** Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий. М., 1985.
- Мельникова Е.А.** Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
- Калинина Т.М.** Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.
- Константин Багрянородный.** Об управлении империей: Тексты, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. М., 1989; 2 изд. М., 1991.
- Щавелева Н.И.** Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
- Джаксон Т.Н.** Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Назаренко А.В.** Немецкие латиноязычные источники IX-XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Джаксон Т.Н.** Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.
- Глазырина Г.В.** Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.
- Бибиков М.В.** Византийские исторические сочинения: Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997.
- Чекин Л.С.** Картография христианского средневековья VIII-XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.
- Джаксон Т.Н.** Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 2000.
- Мельникова Е.А.** Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Подосинов А.В.** Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Глазырина Г.В.** Сага об Ингваре Путешественнике: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Матузова В.И., Назарова Е.Л.** Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Щавелева Н.И.** Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): Тексты, перевод, комментарий. М., 2004.
- Коновалова И.Г.** Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.
- Коновалова И.Г.** Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII – XIV вв. Текст, перевод, комментарий. М., 2009.

С. М. ПЕРЕВАЛОВ

ТАКТИЧЕСКИЕ
ТРАКТАТЫ
ФЛАВИЯ АРРИАНА

ТАКТИЧЕСКОЕ
ИСКУССТВО

ДИСПОЗИЦИЯ
ПРОТИВ АЛАНОВ

